

Первая международная научная конференция молодых русистов состоялась 19–20 мая 2014 г. в будапештском Центре русистики. В работе пяти секций конференции «Альтернативы, переломные пункты смены режима в истории России» приняли участие 63 молодых русиста из десяти стран. В настоящем сборнике читатель найдет текст 58 докладов в том порядке, в каком они прозвучали в течение двух дней конференции. Искусшенный читатель, несомненно, заметит в материалах книги некоторую неоднородность, ведь их авторами являются и магистранты, и докторанты, а также молодые ученые, уже обладающие научной степенью, но прежде всего для опубликованных работ характерны профессиональная углубленность и смирение, креативность и стремление к новшествам, проявленные нашими молодыми коллегами. Конечно, печатные страницы ни в коем случае не могут передать, пожалуй, самого важного: юношеского задора, веселого настроения, всепоглощающего дискуссионного настроения.

The First International Conference for Young Scholars of Russian Studies took place on 19–20 May 2014 at the Centre for Russian Studies in Budapest. Sixty-three young scholars of Russian studies from ten countries attended the conference “*Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture*”, which was composed of five sections. The conference volume contains 58 presentations, in the order in which they were presented during the two days of the conference. A degree of disparity may be observed among them by a proficient reader—as participants range from Masters through doctoral students, to young scholars who have completed their studies—however a depth of scholarship and sense of humility, along with creativity and innovative spirit are characteristic of the approach shown by our young colleagues. There is of course an aspect, perhaps most important, that will certainly not come through on the printed page, and this is the youthful enthusiasm, the perky spirits, and all-pervasive readiness for debate.

www.russtudies.hu

КНИГИ ПО РУСИСТИКЕ XLI.
RUSSICA PANNONICANA

XLI.

RUSZISZTIKAI KÖNYVEK XLI.
RUSSICA PANNONICANA

Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России
Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture

Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России

Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture

Альтернативы, переломные пункты
и смены режима в истории России

Alternatives, Turning Points and Regime Changes
in Russian History and Culture

Книги по русистике XLI.

Rusisztikai Könyvek XLI.

Альтернативы, переломные
пункты и смены режима
в истории России

Alternatives, Turning Points
and Regime Changes
in Russian History and Culture

Материалы Первой международной научной
конференции молодых русистов будапештского
Центра Русистики от 19–20 мая 2014 г.

Materials of the First International Conference
for Young Scholars of Russian Studies at the Centre
for Russian Studies in Budapest, 19–20 May, 2014.

Редакция · Edited by:
GYULA SZVÁK (главный редактор · chief editor)
SZERGEJ FILIPPOV, ZSUZSANNA GYIMESI

СОДЕРЖАНИЕ/CONTENTS

Предисловие (<i>Дюла Свак</i>)	9
Preface (<i>Gyula Szvák</i>)	11
История России от XII по XVIII вв. •	
THE HISTORY OF RUSSIA FROM THE 12TH TO THE 18TH CENTURY	
Warfare in Medieval Novgorod (<i>Tamás Péderi</i>)	15
Запрос на государство «снизу»: становление судебной системы в России XV – первой половины XVI вв. (<i>Калашникова А. А.</i>)	26
Первая военная кампания Ливонской войны в свете источников из Тайного государственного архива прусского культурного наследия (<i>Бессуднов Д. А.</i>)	38
События Смутного времени начала XVII столетия в исторической памяти населения Нижнего Поволжья XVIII – начала XX вв. (<i>Клейтман А. Л.</i>)	45
К проблеме взимания налога на содержание шведского войска в Новгороде в 1611–1615 гг. (<i>Болдырев Р. В.</i>)	55
Административное устройство Великого Новгорода в период шведского присутствия (<i>Кончакова Е. М.</i>)	62
Самоидентификация сибирских дворян и детей боярских во второй половине XVII в.: опыт отечественной историографии (<i>Шмелева Е. В.</i>)	70
Судебная реформа Петра Великого (1717–1727 гг.): от Московской Руси к имперской России (<i>Бородина Е. В.</i>)	84
Междуцарствие 1730 г. в России: проблема формы и содержания политического кризиса (<i>Киселев М. А.</i>)	93
Какая форма правления подходит для России? Интерпретация исторического опыта в российской историографии XVIII в. (<i>Соколов С. В.</i>)	103

На переломе эпох: Манифесты и указы о монетах в России в XVIII веке (<i>Богданов А. А.</i>)	114
Russian Noblewomen's Family Obligations in the Light of Two Memoirs (<i>Orsolya Szaniszló</i>)	127
Роль старообрядческих скитов в религиозной жизни казаков Уральского казачьего войска в XVIII – 60-х гг. XIX в. (<i>Романюк Т. С.</i>)	137
ИСТОРИЯ РОССИИ XIX И НАЧАЛА XX ВВ. •	
THE HISTORY OF RUSSIA IN THE 19TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY	
Наполеоновские войны и российско-английская торговля: взгляд русских купцов (<i>Смирнова М. А.</i>)	149
The Question of the Anglo-Russian Cooperation at the Negotiations in Seaford. Count K. A. Lieven's Intermediary Role in the Solution of the Eastern Crisis in 1825–1826 (<i>Katalin Schrek</i>)	159
Образ России в Венгрии после польского восстания 1830–1831 гг. (<i>Шухайда С.</i>)	168
Каналы европеизации? Проблема межкультурного взаимо- действия и социальной адаптации европейцев в российской провинции, Урал, первая половина XIX в. (<i>Ермакова О. К.</i>) ...	179
The Judgment of Russian Diplomacy's Success Published in Contemporary Satirical Journals. International Events Related to the 1863 Polish Revolt in Üstökös and Kladderadatsch (<i>Katalin Váradi</i>)	190
German and Russian Philosophical Nihilism's Common Points and Differences (<i>Zsófia Mészáros</i>)	203
Процесс Веры Засулич и его последствия в свете воспоминаний и сообщений прессы того времени (<i>Надь С.</i>)	213
Профессиональная идентичность российской адвокатуры (1866–1917) (<i>Благодетелева Е. Д.</i>)	221
Ideas of <i>Progress</i> at Turn of the Century Russia: S. N. Bulgakov (<i>Alexandra Medzibrodzsky</i>)	231
Ученые и государственная власть в Российской империи в конце XIX – начале XX века на примере гуманитарных наук (<i>Тихонов В. В.</i>)	241
Индивидуалистические ценности и коллективистские установки в российской социалистической идеологии в ранние 1910 гг. (<i>Гельвих А. В.</i>)	252

Preparing the Great War the Russian Diplomatic Shift After the Balkan Wars (<i>Cosmin Ioniță</i>)	264
The Imperial Gendarmerie in the Home Front: The Eastern Siberia Experience (1914–1917) (<i>Dmitrii Baksht</i>)	274

ИСТОРИЯ СССР • THE HISTORY OF THE SOVIET UNION

Партийное историописание и поле науки: опыт журнала «Красная летопись» в 1922–23 годах (<i>Гильминтинов Р. Р.</i>)	287
Современная историография об основных моментах истории Терского казачества в Гражданской войне (<i>Пыльцын Ю. С.</i>)	298
Socialist Culture: Continuity or Discontinuity (<i>Vladislava Gaiduk</i>) ...	306
The Bolshevik Alternative to Stalinism (<i>Giovanni Cadioli</i>)	313
Сёстры чугунных богов: женщина и женский мир Урала в период первых пятилеток (<i>Кочнева А. В., Рабинович Е. И.</i>) ...	326
The Soviet Invasion of Poland, Based on Materials of the Soviet Press (<i>Anton Reshetov</i>)	336
The Holocaust and the Hungarian Occupation Forces in the West-Ukrainian Territories (<i>Ákos Fóris</i>)	343
Репрессии против этнических немцев на территории областей Украины в 1943–1945 гг. (<i>Мартыненко В. А.</i>)	351
Family Law of 1944 and the Condition of Women During World War II (<i>Eszter Jóni</i>)	361
От войны к миру: Урал в системе государственной политики позднесталинского СССР (<i>Мухеев М. В.</i>)	369
Административно-территориальное устройство РСФСР и РФ: подходы, действия, результаты (1917 г.– начало XXI в.) (<i>Круглов В. Н.</i>)	380

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД • POST-SOVIET PERIOD

A Stalled Transition: Partial Reform Equilibrium and Regime Change in Post-Soviet Russia (<i>Rabekah N. Everett</i>)	393
Постимперская адаптация современной России: проблемы и тенденции (<i>Шишков В. В.</i>)	405
СМИ между правом и политикой: неформальная цензура в постсоветский период на примере России (<i>Бондарик Е. В.</i>) ...	414
Язык вражды в российских медиа 2000-х годов (<i>Мороз О. В.</i>)	421
Changes in Russian Regions' Electoral Systems, 2003–2013 (<i>Mikhail Turchenko</i>)	432

Участие России в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве: количественный и качественный анализ внешнеторговых эффектов (2010–2013) (<i>Гафаровски Д. О.</i>)	439
Казус «Одиссея»: рецепция западных идей и методологии в альманахе «Одиссей» (1989–2002 гг.) (<i>Лихацкий А. А.</i>)	449
Формирование исторической памяти граждан России на современном этапе (<i>Смирнов Е. Н.</i>)	459
«Империя должна быть разрушена»: историографические механизмы конструирования «безальтернативного» национального прошлого на примере русско-украинских отношений первой четверти XVIII в. (<i>Лазарев Я. А.</i>)	471
Образ Романовых в современной России (<i>Гашипар Р.</i>)	480

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ • CULTURAL HISTORY

Интерпретации понятий «чудо» и «чудесное» в советском искусстве 1920-х–1930-х годов на примере сказочных сюжетов (<i>Буткова О. В.</i>)	493
Тема музыки в повести Льва Толстого «Крейцерова соната» (<i>Ур М.</i>)	503
Слово Поэта в переломную эпоху (<i>Охотников Д. И.</i>)	512
A Question of ORIENTation: Russia, Greece and Asia in Fedor Sologub's Oeuvre (<i>Martina Morabito</i>)	520
Альтернатива сентиментализма в русской литературе XX века Марина Цветаева: Повесть о Сонечке (<i>Цегельник Н.</i>)	530
Стиль модерн в России – вестник Европы и свидетель гибели Империи: рецепция в настоящем (<i>Охотникова Е. В.</i>)	540
Exhibition Paris–Moscow, 1900–1930 (<i>Mathilde Poupée</i>)	550
Постмодернистская природа карнавала (<i>Куш О.</i>)	560
Национальные стереотипы в коммуникативном поведении молодых россиян (<i>Ланских А. В.</i>)	568
АВТОРЫ/AUTHORS	578
RUSZISZTIKAI KÖNYVEK	584

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году Центру русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша исполняется 20 лет, а его предшественник, Венгерский институт русистики, отпразднует свой 25-летний юбилей. С 1998 года мы проводим свои биеннальные международные конференции, а в прошлом году приняли смелое решение уступить 9-ю конференцию молодежи. Таким образом, текущий год стал для нас годом тройного праздника, ведь нам удалось опубликовать сборник докладов, сделанных на I Международной научной конференции молодых русистов, которая состоялась 19-20 мая 2014 г.

В работы пяти секций конференции «Альтернативы, переломные пункты смены режима в истории России» приняли участие 63 молодых русиста из десяти стран. В настоящем сборнике читатель найдет текст 58 докладов в том порядке, в каком они прозвучали в течение двух дней конференции. Искушенный читатель, несомненно, заметит в материалах книги некоторую неоднородность, ведь их авторами являются и магистранты, и докторанты, а также молодые ученые, уже обладающие научной степенью, но прежде всего для опубликованных работ характерны профессиональная углубленность и смирение, креативность и стремление к новшествам, проявленные нашими молодыми коллегами. Конечно, печатные страницы ни в коем случае не могут передать, пожалуй, самого важного: юношеского задора, веселого настроения, всепоглощающего дискуссионного настроения. В дни конференции приятно было быть молодым и быть среди молодых. Работники Центра русистики и докторантуры по русистике Будапештского университета считают для себя большой честью выпавшую им возможность организовать эту конференцию и реализовать инициативу, которая, как мы надеемся, найдет последователей, так что у молодых русистов еще

будет и вторая и третья, одним словом, много подобных конференций.

Этот крупный эксперимент не состоялся бы, если бы мы с момента зарождения идеи конференции не получили поддержки руководства нашего университета и факультета, в том числе лично от ректора, д-ра Барны Мезеи, и декана д-ра Тамаша Деже. Кроме этого, нас поддержали Российский центр науки и культуры в Будапеште и фонд «Русский мир».

Несомненно, наибольшая благодарность должны быть выражена Организационной комиссии, состоявшей из студенток, Аннамари Кишш, Сильвии Надь, Оршойи Пошфай и Оршойи Санисло, а также многочисленным добровольным помощникам, которые не только отдали делу проведения конференции свой труд, но и стали ее лицами. Благодаря этому наша конференция стала аутентичной встречей молодых ученых, дающей повод для надежды и оптимизма.

Это был самый большой подарок для старшего поколения русистов, лично для меня и для моих коллег, руководивших заседаниями отдельных секций.

Профессор Дюла Свак,
руководитель Центра русистики и докторантуры по русистике

PREFACE

The Eötvös Loránd University Center for Russian Studies celebrates its twentieth anniversary this year, and its precursor, the Hungarian Institute of Russian Studies is at the same time in its quarter-century jubilee. The Center's Biennial International Conference has been regularly held since 1998, though in a marked leap of faith last year, it was handed on to the young generation of scholars who convened the 9th Conference. This current year is therefore a triple occasion to celebrate, as the volume containing the lectures of the First international Conference for Young Scholars of Russian Studies (19–20 May 2014) has also just come out, hot off the press.

Sixty-three young scholars of Russian studies from ten countries attended the conference *“Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture”*, which was composed of five sections. The conference volume contains 58 presentations, in the order in which they were presented during the two days of the conference. A degree of disparity may be observed among them by a proficient reader—as participants range from Masters through doctoral students, to young scholars who have completed their studies—however a depth of scholarship and sense of humility, along with creativity and innovative spirit are characteristic of the approach shown by our young colleagues. There is of course an aspect, perhaps most important, that will certainly not come through on the printed page, and this is the youthful enthusiasm, the perky spirits, and all-pervasive readiness for debate. It was good to be young, and have the chance to be among the young during these days. The ELTE Center for Russian Studies and its Doctoral Program were honored to have the opportunity to organize the conference, and host an initiative that it is hoped will find a following to help make a 2nd, 3rd, and more conferences for young scholars of Russian studies possible in the future.

This grand initiative could not have been realized without the partnership of the University and the heads of the Faculty, namely Dr. Barna Mezey, Rector, and Dr. Dezső Tamás, as Dean. We were also supported by the Russian Cultural Center of Budapest and the Russkiy Mir Foundation.

The biggest thanks however go to the Organizing Committee of students—Annamária Kiss, Szilvia Nagy, Orsolya Pósfai and Orsolya Szaniszló—as well as the multitude of volunteer helpers, who gave not only their efforts, but also their face to the cause. Thus made the event the credible grand gathering, source of hope and optimism, which it is.

As a representative of the older generation of scholars of Russian, this was the greatest gift I, or my distinguished colleagues also chairing sessions in each of the sections of the conference, could have personally received

*Gyula Szvák, University Professor,
Head of the Center for Russian Studies and its Doctoral Program*

ИСТОРИЯ РОССИИ
ОТ XII ПО XVIII ВВ.

THE HISTORY OF RUSSIA
FROM THE 12TH
TO THE 18TH CENTURY

WARFARE IN MEDIEVAL NOVGOROD

TAMÁS PÉDERI

MA Student

University of Pécs, Hungary

st.toma.st@gmail.com

ABSTRACT: The essay focuses on the warfare of the North-western Russian city-state during the 12-15th centuries. My main aim is to answer the question how medieval Russians, especially Novgorodians fought. What their equipment and their tactics were like, how they were able to conquer vast tribal territories in the North-eastern periphery of Europe and how they were able to resist persistent invasions of the neighbouring countries for more than 300 years.

KEYWORDS: Novgorod, wars, warfare, military history, Middle Ages

I. Brief introduction to the military conflicts of Novgorod in the 12th-15th centuries

The history of Novgorod the Great, a successor state of Kievan Rus' is special in many ways in the history of the medieval Rus'. It is a well-known and popular topic among the scholars as Novgorod had a unique political system (a sort of "republican" one) and strong connections with Western Europe and was also a centre of medieval Russian historiography. The city at the banks of river Volkhov has also been a subject of deep-going archeological excavations in the past century.

On the other hand most of the primary sources have only a few connections with military history and reference to Novgorodian warfare and one must collect the parts of the puzzle from many different types of sources. This is the reason why the military history of the largest successor state of the Kievan Rus' was not developed and written before in its details – only some parts of it were subjects of essays, for example the events under prince Aleksandr Nevskiy.¹

¹ Despite of these difficulties, my aim was to give a comprehensive view on the military history of independent Novgorod in my MA thesis, including the wars and warfare of the North-western Russian city-state in the 12–15th centuries. For this topic is very complex and huge, this paper is basically a short abstract of the second chapter of the thesis.

My main aim in this paper is to answer the question how medieval Novgorodians fought. What their equipment and their tactics were like, how they were able to conquer vast tribal territories in the North-eastern periphery of Europe and how they were able to resist persistent invasions from the neighbouring countries for more than 300 years. To answer these questions I used primary sources of the era like chronicles (especially the Novgorod Chronicles),² diplomas and other documents and also secondary sources built upon archaeological excavations and finds (*Kirpichnikov, Yanin*) and other essays.

The military history of Novgorod the Great can be divided in three main periods which slightly differ from Birnbaum's periodization based on the common history of the city.³ The first era dates back a few decades before the "official" date of independence, 1136. At the beginning of the 12th century, the inhabitants of Novgorod, a "semi-autonomous" part of Kievan Rus' started expeditions against Estonians (*Chuds*) in the West and against Finno-Ugric tribes in the East beyond the river Northern Dvina (*Zavoloch'ye, Perm', Pechora, Yugra*). Their aim was to collect tax and tribute from the local tribes to gain products like leather, fur and honey for the Baltic trade which was an essential part of the city's economy.⁴ There were only a few big campaigns in the eastern region against rebelling local tribes (e.g. in 1187–1193)⁵ and against the

² I used three different editions of the Novgorod Chronicles (Новгородские Летописи; hereafter, NL) so I cite them this way: "NL [year given in the chronicles], ([year in the Common Era])". The editions I used:

- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (Издательство Академии Наук СССР: Москва–Ленинград, 1950) (*Online*: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Novgorod/contents.htm – last visited: May 11th, 2014)
- Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. // Полное собрание русских летописей. Том XLIII. Языки Славянской Культуры: Москва, 2004) (*Online*: <http://www.lrc-lib.ru/?id=6> – last visited: May 11th, 2014)
- The Chronicle of Novgorod, 1016–1471. London, 1914.

³ Henrik Birnbaum, *Lord Novgorod The Great: Part One: The Historical Background*. (Slavica Publishers: Los Angeles, 1981), 44–45. (hereafter, BIRNBAUM 1981)

⁴ Валентин Лаврентьевич Янин, *Очерки истории средневекового Новгорода*. (Москва, 2008) 44–45. (hereafter, YANIN 2008)
(*Online*: http://www.e-reading.bz/bookreader.php/137788/Yanin_-_Ocherki_istorii_srednevekovogo_Novgoroda.html – last visited: May 11th, 2014)

⁵ NL 6695., 6701. (1187., 1193.); David Nicolle, *Armies of Medieval Russia 750-1250*. (Osprey Publishing: Oxford, 1999) 8., 41. (hereafter, NICOLLE 1999)

Principality of Vladimir-Suzdal (e.g. in 1147–1149 and in 1169–1170) a Russian state which was also interested in conquering those lands.⁶ Novgorod's strategy was to build taxing centres (*pogosti*) with small forces in naturally defensible locations (e.g. on hills surrounded by rivers etc.) and from the 1300s colonization begun and the Novgorodians started founding settlements and real fortifications, too.⁷ This policy guaranteed the hegemony of Novgorod in the region until the 15th century when Moscow's rising power gradually won away these lands.⁸

Novgorod had similar intentions in the Western region, in Estonia, Karelia and Finland but the local tribes were stronger, more organized and more populous than the Eastern ones.⁹ After constant wars with Chuds and Tavastian Finns (*Yems* in Old Russian sources) and facing the raids of Lithuanians and sometimes of the Swedes, Novgorod gained only small loosely depending lands there. The first, expansive era of Novgorod's military history ended in the 1220s when new enemies appeared in the neighbouring regions: German and Scandinavian Crusaders in the West and Mongol-Tatar hordes in the East.¹⁰

This events marked the beginning of the new, longest period in Novgorod's military history. The leaders of the city followed a balanced defensive strategy and successfully protected Novgorod's political and economical interests in the next one and a half century. After aggressive attacks of the Lithuanian tribes and the crusading Germans and also some inner struggles in the 1220s–1230s, Novgorod had to face a new and even more dangerous threat, the Mongols. Following a fortunate avoidance of the direct attack on the capital and the complete devastation, Novgorod chose to compromise with the Eastern

⁶ NL 6677. (1169.), 6655-6657. (1147-1149.); BIRNBAUM 1981. 137.; YANIN 2008. 51., 55.; NICOLLE 1999. 8.

⁷ Font Márta, *Oroszország, Ukrajna, Rusz. Fejezetek a keleti szlávok korai történetéből.* (Balassi Kiadó: Budapest, 1998) 127-128., 132-134. (hereafter, FONT 1998); NICOLLE 1999. 16-17.

⁸ BIRNBAUM 1981. 53-54.; YANIN 2008. 55., 297-304.

⁹ Ian Heath, *Armies of Feudal Europe 1066-1300.* (Wargames Research Group: Lancing, 1989) 47-49., 51-53., 97-99., 115-117. (hereafter, HEATH 1989)

¹⁰ NL 6732. (1224.); Maureen Perrie, *The Cambridge History of Russia. Volume I. From Early Rus' to 1689.* (Cambridge University Press: Cambridge, 2006) 200-202. (hereafter, CHR 2006)

conquerors becoming a vassal of the khan.¹¹ This made the city able to face the “Latin” threat and successfully ensure her power by victories at the battles of Neva against the Swedes and at Lake Peipus and Rakovor against the German Military Orders.¹²

After these events the Western threat had remained constant in the next centuries but its intensity significantly declined (except for two strong but unsuccessful Swedish attempts in the 1300s)¹³ and the Western borders of the Novgorodian Land stayed stable.¹⁴ However the fight for hegemony over the Rus’ between Moscow and Tver made Novgorod, the prosperous merchant state a target of the rising North-eastern Russian principalities. In these struggles Novgorod lost the balance in her defensive strategy and in the last period of its military history, from the 1380s she gradually became vulnerable and dependent on Muscovy and eventually lost her independence in 1478.¹⁵ This last period can be called the age of the slow decline however its length shows that even the weakening city-state was able to maintain her realm for one more century against such powerful, aggressive and ambitious foe as Muscovy.

In the following chapter I am going to briefly expound the military background of Novgorod which ensured her early expansion and effective resistance later and also making her a regional power in the North-western Rus’ for almost four centuries.

II. Organization and logistics in the wars of Novgorod

After pithily overviewing the wars of Novgorod we can state that the short period of expansion was followed by a long defensive stance.

¹¹ NL 6746. (1238.); BIRNBAUM 1981. 47.; CHR 2006. 198.; YANIN 2008. 104-115.

¹² NL 6748. (1240.), 6750. (1242.), 6776-6777. (1268-1269.); YANIN 2008. 119-121.; HEATH 1989. 67.; CHR 2006. 199.; Евгений Андреевич Разин, История военного искусства. Том II. VI-XVI вв. (Военная литература: Москва, 1999) 156-164. (hereafter, RAZIN 1999)

(Online: http://militera.lib.ru/science/razin_ea/index.html – last visited: May 11th, 2014)

¹³ NL 6825-6831. (1317-1323.) and NL 6856-6858. (1348-1350.)

¹⁴ CHR 2006. 201.; BIRNBAUM 1981. 48-53.

¹⁵ YANIN 2008. 297-304.; CHR 2006. 201-206.; FONT 1998. 128-129.; BIRNBAUM 1981. 53-54.

But without a multitude of armed men, an effective army, she would not have even managed to protect her possessions. One of the most important questions about this army is the socio-economic background of its soldiers and the organization of the troops and units.

In the earliest times the main striking force was the *druzhina*, the princely retinue in Novgorod as well as in other parts of the Rus'. It consisted of professional, well-trained warriors whose only duty was to serve the prince.¹⁶ As the society had become more differentiated by time, *druzhina* were divided into more subgroups – as Novgorod had gained independence, not only the princes had retinues but also the *de facto* leaders of the city, the *vladyka* (bishop, later archbishop) and the *posadnik* (governor). From the mid-13th century this small but professional cavalry unit was called *dvor* (“courtyard”).¹⁷ The prince’s own troops were equipped and recruited by the prince while – according to the sources – the local elite troops were armed and paid by the Novgorodian boyars in proportion to their wealth.¹⁸

The infantry was recruited from rural and especially from urban population in the lands of Novgorod.¹⁹ Either the quarters (“ends”) of the biggest cities, Novgorod and Pskov and the smaller settlements had to raise their own regiments (*polk*) after their streets so *polk* was a sort of militia unit. Recruitment worked in the following way: every two inhabitants had to equip the third one (except for the clerics).²⁰ There are no data about the training of these militiamen but because of the successful military expeditions and the way of recruitment I assume that they got some kind of regular training.

The head of the Novgorodian army was the prince who was only a military leader, not a ruler in Novgorod. The *posadnik* was an important

¹⁶ CHR 2006. 81-82.; HEATH 1989. 46.; NICOLLE 1999. 19.; Сердюков Анатолий Эдуардович, Военный энциклопедический словарь. (Министерство обороны Российской Федерации: Москва, 2007) – *дружина*. (hereafter, VES 2007) (Online: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm> – last visited: May 11th, 2014)

¹⁷ RAZIN 1999. 142.; HEATH 1989. 46-47.; NICOLLE 1999. 18-19.

¹⁸ RAZIN 1999. 148-149.

¹⁹ NICOLLE 1999. 16., 20.; HEATH 1989. 46.

²⁰ RAZIN 1999. 142., 148-149.; FONT 1998. 126-127.; HEATH 1989. 46.; NICOLLE 1999. 20.; VES 2007. – *полк*.

advisor of the prince and in the prince's absence he led all the troops. The prince directly led only his retinue while the elite urban units were under the leadership of the *posadnik*. The militia was organized decimally (tens, hundreds, thousands), led by another important Novgorodian official, the *tysyatskiy* ("thousandman").²¹ Besides the two regular parts of the army, Novgorod also recruited allied troops: tribal levies from her Finno-Ugric subjects and warriors from other Russian principalities. Mercenaries were also hired from the steppes and from Lithuania especially in the 14th-15th centuries.²²

The social background and training of the members of this army was obviously diverse. It is a more important question that how many warriors were and could be in service of the Republic of Novgorod. According to the sources, especially to the Chronicles of Novgorod in most expeditions only a few hundred soldiers took part on both sides.²³ Although these numbers seem not to be exaggerated, there are only a few numbers so we have to turn to analogies and estimations. *Heath* estimates that in the 12th century the settlements could muster a militia of 3000-5000 men and this was the half of the entire Novgorodian army. *Nicolle* calculates with similar amounts and argues that it was almost the same strength as of the contemporary Livonian German and Scandinavian armies. For example in the battle at Lake Peipus (1242) around 6000 Novgorodian warriors faced 4000 soldiers of the Livonian branch of the Teutonic Order.²⁴

It is a bit easier to estimate the strength of Novgorod in the later centuries because there is a Muscovite tax survey extant from the early 16th century. According to *Razin's* estimation Moscow was able to raise an army of 30.000 soldiers in the 14th-15th centuries as were the other Russian polities together. If we accept *Razin's* calculation, it means that the second largest state, Novgorod could call at most 20.000 warriors and 1000-2000 mercenaries to arms at once.²⁵

²¹ RAZIN 1999. 148-149.; FONT 1998. 126-127.; HEATH 1989. 46.

²² HEATH 1989. 46-47., 117.; NICOLLE 1999. 21-22.

²³ NL 6650., 6677., 6745., 6849., 6906., 6909., 6927., 6953. (1142., 1169., 1236., 1341., 1398., 1401., 1419., 1445.)

²⁴ HEATH 1989. 46.

²⁵ RAZIN 1999. 272-274.

However the entire army was convened only for large-scale campaigns but some of the warriors still had to remain in the core area to defend the cities and fortifications. But – as mustering the whole army was difficult due to the undeveloped communication and bad travelling conditions – only small units took part in most military expeditions.²⁶ Due to the geographical conditions of the region (dense river network, deep forests and wide marshlands) the logistics stood in need of extended use of sleds and boats. The infantry, the siege engines and the baggage were transported by boats (*lad'yas* and *usbkuys*) on rivers.²⁷ Other important “instrument” of military logistics was horse. In the Northern Rus' horses were rare and valuable so even the cavalymen fought on foot sometimes to spare their mounts and used them only to travel to the battlefield and to chase the fleeing enemy.²⁸

III. Equipment and tactics of the Novgorodian armies

After the overview of the units, organization and logistics of the Novgorodian armies, the next issue is the arms and armours and the battlefield tactics. Fortunately many sources are available to study the equipment of the medieval Russian soldiers – the most important group is the archeological findings but even written sources and contemporary pictures (miniatures, frescoes, etc.) can help us in this case.

Like everywhere else, swords were the most prestigious weapons. They were expensive and rare because the lands of Novgorod had only low quality iron ore. As a result they had to import those weapons: most of them were two-edged arming swords and longswords from Scandinavia and Western Europe but oriental sabres were also popular, especially

²⁶ RAZIN 1999. 148-149.

²⁷ NICOLLE 1999. 34-36.; FONT 1998. 132.; VES 2007 – *ладья*.

²⁸ HEATH 1989. 55.; RAZIN 1999. 148.; Анатолий Николаевич Кирпичников, *Древнерусское оружие: Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв.* (Издательство «Наука» Ленинградское Отделение: Ленинград, 1971) 55-62. (hereafter, KIRPICHNIKOV 1971)

in the 12th and the 15th centuries.²⁹ According to the archeological evidences the poorer common soldiers generally used different types of pole-arms: short spears, light javelins, lances and even hooked spears against cavalry.³⁰ In hand-to-hand combat axes, maces (clubs) and flails were the most important instruments of war but in the 14th-15th centuries, war hammers and pole-axes also appeared in Novgorod – apparently imported from Western Europe. The flails (*kisten'*) and the so-called flanged maces became widespread after the Mongol invasion because they were highly effective against the armours of the Livonian and Scandinavian knights.³¹

Among the Novgorodian weaponry, missile weapons played a very significant role. According to written sources and finds, archery was so widespread and important in Novgorod that there were no separate archer troops but every foot soldier and many cavalrymen possessed bows and arrows besides their close combat arms. Russians adopted composite reflex bows of the Nomads which were much stronger but also more sensitive than the so-called self-bows. Due to the contemporary depictions scholars suppose that both bow types were in use in Novgorod – the composite ones by professional warriors and the simple self-bows by the levies.³² The crossbow was the second most important missile weapon, appearing in Novgorod by the 13th century due to Western European crusaders and merchants. This weapon was very useful in sieges (on both attacker and defender sides) and against metal armours. By the 14th century crossbow had been spread in the entire Rus', but it reached a real popularity only in the Western principalities (including Novgorod) as they often faced well-armoured knights on the battlefields.³³

In sieges catapults (*porok*) played important role, too. Just like the

²⁹ NICOLLE 1999. 33.; HEATH 1989. 125-127.; Анатолий Николаевич Кирпичников, *Военное дело на Руси в XIII-XV вв.* (Издательство «Наука» Ленинградское Отделение: Ленинград, 1966) 21-24. (hereafter, KIRPICHNIKOV 1966)

³⁰ KIRPICHNIKOV 1966. 17-19.; RAZIN 1999. 148., 307.; HEATH 1989. 125-127.; NICOLLE 1999. 34.

³¹ KIRPICHNIKOV 1966. 20-21., 25-26.; RAZIN 1999. 148., 307.; NICOLLE 1999. 34.; HEATH 1989. 125-127.

³² RAZIN 1999. 147-148.; HEATH 1989. 127.; NICOLLE 1999. 34-36., 45.

³³ KIRPICHNIKOV 1966. 56-59.; RAZIN 1999. 312.; HEATH 1989. 117.

crossbow, catapults came from West in the 13th century.³⁴ In the last period of Novgorod's military history fire-arms appeared in the Rus' from the Ottoman Empire via the Tatars and from Western Europe via German merchants according to the etymology of different guns and cannons. While Novgorod's neighbours and occasional enemies, the Teutonic Order and the Grand Principalities of Lithuania and Moscow used hand-guns and siege cannons in relatively high quantity, Novgorod does not really invested in this technological innovation for some reason. It seems that in the last century of independence Novgorod rather relied on the armies of her allies than on her own. As it became clear in the last Muscovite-Novgorodian war, this was a mistake because in the battle of Shelon the decisive Muscovite victory was mostly provided by the grand prince's hand-gunners.³⁵

Good and effective protection was as important as strong weapons in the Middle Ages. In the Rus' most warriors protected themselves with round and teardrop-shaped wooden shields and different types of leather and metal helmets. Many of them also wore leather armours and the wealthier ones even used iron chain mails, scale mails and different other metal armours. The Novgorodian boyars could afford to import both oriental plated mails (*behterets*) and European plate armours but the latter one was more common in the Republic.³⁶

On the battlefield musical instruments and banners helped the communication between troops.³⁷ Medieval Russian armies were divided in five units: a scouting-skirmishing front guard with mostly light troops, a centre with heavy infantry, right and left wings with mostly cavalry and a rear guard with the auxiliary.³⁸ Like in their strategy Novgorod had been using defensive tactics in war; or at least in the two battles we have detailed descriptions about: at Lake Peipus (1242) and at Rakovor (1268). In both battles the Novgorodian infantry in the centre

³⁴ KIRPICHNIKOV 1966. 59-62.; RAZIN 1999. 143., 261., 309-312.; NICOLLE 1999. 39.; VES 2007. – *нопок*.

³⁵ KIRPICHNIKOV 1966. 62-65.; RAZIN 1999. 261., 310-313.

³⁶ KIRPICHNIKOV 1966. 26-41.; KIRPICHNIKOV 1971. 7-40.; NICOLLE 1999. 20., 47.; HEATH 1989. 126.

³⁷ RAZIN 1999. 149-150.

³⁸ KIRPICHNIKOV 1971. 62-69.; RAZIN 1999. 148-149., 201-202., 259-260.; HEATH 1989. 46.; NICOLLE 1999. 37.

stopped the cavalry assault of the Crusaders with their bows and spears while the Novgorodian cavalry beat the Teutonic wings and attacked the enemy centre on its flanks. This tactic was a successful adaptation against the Western European chivalric warfare.³⁹

The warring period lasted from late autumn to early spring because of the climatic conditions (the marshes were frozen) and open battles were rare in this region. Raiding, plundering, ambushes and surprise attacks on settlements were common among such conditions but unnecessary bloodshed was not. Novgorod was not interested in total victories; she attempted to weaken her enemies only temporarily because they were trading partners in peace.⁴⁰

Against enemy attacks, during the centuries of her independence Novgorod had established a serious defensive system including fortified outposts, towns, castles and buffer zones on the borderlands. In the early period only palisades, wooden towers and entrenchments defended the pogosts and the more important settlements like Pskov, Russa, Luki or Ladoga and only the citadel of Novgorod had stone walls.⁴¹ Due to the intensive enemy attacks, in the 1200s and 1300s Novgorodians built many new stone forts, especially in the West and also raised new stone fortifications around the old settlements.⁴²

But not only forts defended the core area of Novgorod. The city-state had had many unusual contracts to secure her possessions. The system of inviting foreign princes and relying on their retinue was always a part of this defensive policy. From the 14th century some parts of the frontier territories were placed under the dual control of Novgorod and Moscow (Torzhok, Volok) and Lithuania (Luki) and the Karelian frontier was placed under the control of Lithuanian princes and their

³⁹ NL 6776. (1268.); BIRNBAUM 1981. 141.; NICOLLE 1997. 61-79.; RAZIN 1999. 158-164.

⁴⁰ KIRPICHNIKOV 1966. 43.; RAZIN 1999. 143., 149.; HEATH 1989. 55.; NICOLLE 1999. 22-23. E.g.: NL 6790., 6792., 6880. (1282., 1284., 1372.).

⁴¹ FONT 1998. 132-134.; NICOLLE 1999. 16-17.; KIRPICHNIKOV 1966. 46-47.; RAZIN 1999. 147.

⁴² NL 6732., 6747., 6787-6788., 6842., 6843. 6850., 6860., 6891-6892., 6895., 6900. (1224., 1239., 1279-1280., 1334., 1335., 1342., 1352., 1383-1384., 1387., 1392.); YANIN 2008. 215-217.; NICOLLE 1999. 39.; BIRNBAUM 1981. 140.; RAZIN 1999. 309.; KIRPICHNIKOV 1966. 53-54.

mercenaries like some kind of fiefdom.⁴³ This system had worked well for a century but it made Novgorod dependent on her allies. This dependency weakened the “self-defence” of the Republic and made her unable to resist the aggressive Muscovite policy by the second half of the 15th century.

IV. Conclusion

We can state that Novgorod was a bridge between the Rus' and Western Europe – her armies were not big in number but well-equipped with good weapons and armours and her defensive system was more advanced than in any other part of the Rus'. Both Novgorod's entire strategy and her battle tactics were defensive which enabled her to resist invasions without serious sacrifices but also made her unable to conquer new territories after new powers rose in the early 13th century. This policy had been working well until Moscow became strong enough to start “collecting” the lands of the former Rus'. Eventually Novgorod's own strategy was the main reason of her decline since this sort of passivity made the rich city-state a suitable target in the eyes of the grand princes of Moscow.

⁴³ CHR 2006. 201-202.

ЗАПРОС НА ГОСУДАРСТВО «СНИЗУ»: СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI вв.

КАЛАШНИКОВА А. А.

аспирант

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия
aastafieva@eu.spb.ru

ABSTRACT: The paper examines the issue of the Muscovite judicial system formation in the 15th and the first half of the 16th centuries in a broad context of the state formation. Who were the participants and the interested parties of legal controversies and what they wanted to gain from the trials? All the litigants can 'be divided into three groups: clerical landowners, secular landowners and peasants of the Grand Duke. The behavior strategies of litigants in the court and their manner of argumentation will be studied, in the proposed paper .

KEYWORDS: земельный суд, правая грамота, право собственности

Проблема зарождения в России на рубеже XV–XVI вв. современного государства породила обширную историографию, которая традиционно воспринимает это зарождение как процесс направленный «сверху вниз». «Единое русское централизованное государство» появляется благодаря волевому акту правителя – собирателя земель, собирание же это происходит преимущественно через завоевание. Создается впечатление, что московские князья и, прежде всего, Иван III. не только осознанно строят государство, но и в деталях представляют, что это такое, будто бы имея перед собой некий образец. Эта «вертикальная» концепция чрезвычайно устойчива в отечественной историографии: ее истоки восходят еще к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; в советское время она также существовала, хотя и декорировалась классовый борьбой и по-прежнему имеет широкое распространение в современной литературе.¹ Однако государство не может возникнуть «сверху»,

¹ Наиболее ярким примером являются работы Ю. Г. Алексеева - Судебник Ивана III.: *традиция и реформа*. (СПб.: Дмитрий Буланин, 2001); У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. (СПб.: Издательство СПбГУ, 1998).

усилиями одного, пусть даже очень талантливого, правителя, для его возникновения необходим также запрос «снизу».

Становление государственности можно проследить на становлении его важнейших институтов, например, института суда. Фокус данной работы направлен на изучение земельного суда, для чего были сформулированы следующие вопросы: кто формировал запрос на земельный суд и каковы были интересы различных групп в суде.

Источниковой базой данного исследования являются судебные акты – правые грамоты и судные списки. Древнейшие дошедшие до нас судебные акты относятся к первой четверти XV в. Можно предположить, что судебные споры существовали и до этого времени, однако, они, видимо, не фиксировались на бумаге. Протоколирование судебного разбирательства, его бюрократизация тесно связаны с формированием современного государства, которое начинает вмешиваться в локальные споры. С другой стороны, сами локальные сообщества по каким-то причинам не могут более разрешать споры самостоятельно, они апеллируют к авторитету великого князя.

Правые грамоты и судные списки можно охарактеризовать как судебные протоколы, которые включали в себя информацию о судьбе, тяжущихся сторонах, показания сторон и свидетелей, копии документов, представленных в качестве доказательства, приговор по делу. Все сохранившиеся судебные документы и упоминания о них были собраны в единую базу данных. На основании этой базы из приблизительно 300 грамот и строятся любые подсчеты и выводы.

Важной особенностью судебных актов как исторического источника является то, что до нас дошли преимущественно земельные дела, неземельных дел сохранилось всего 18 – о поджогах, кражах, холопах, разбое. Такую диспропорцию в степени сохранности судебных актов можно объяснить отсутствием заинтересованной в хранении неземельных грамот стороны. В делах, касавшихся имущественных вопросов, наличие грамоты, фиксировавшей право собственности, было чрезвычайно важно. Очевидно, что особенно важным было сохранение документов на земли, по крайней мере, это так для XV в. Хранение же судебных протоколов дел, например, об убийствах не имело смысла. Преступник уже наказан – кому и зачем нужно было бы предъявлять документ об этом?

Другой особенностью сохранности данного вида источника

является то, что до нас дошли преимущественно судебные дела с участием монастырей, митрополичьей и епископских кафедр. Из диаграммы №1 видно, что мы рассматриваем судебную документацию почти исключительно через призму монастырских судебных актов. Но такой перекося в степени сохранности судебных дел в сторону дел с участием духовных землевладельцев может сформировать у исследователя впечатление, что суды выигрывали исключительно монастыри. Поскольку правая грамота писалась в единственном экземпляре и выдавалась победившей в споре стороне, то вполне естественно, что в монастырских архивах сохранились почти исключительно грамоты, свидетельствующие об их победе. Кроме того, из-за упомянутого перекося в степени сохранности источников может показаться, что светские землевладельцы реже принимали участие в земельных судах.

До нас действительно дошло немного документов светских землевладельцев. На руках у служилых людей должны были находиться десятки тысяч различных документов, связанных с их земельными владениями, служебными назначениями, сословными привилегиями и пр. Первоначально эти документы были необходимы для подтверждения тех или иных прав, но со временем сиюминутная утилитарная надобность в них отпала, что и обусловило их плохую

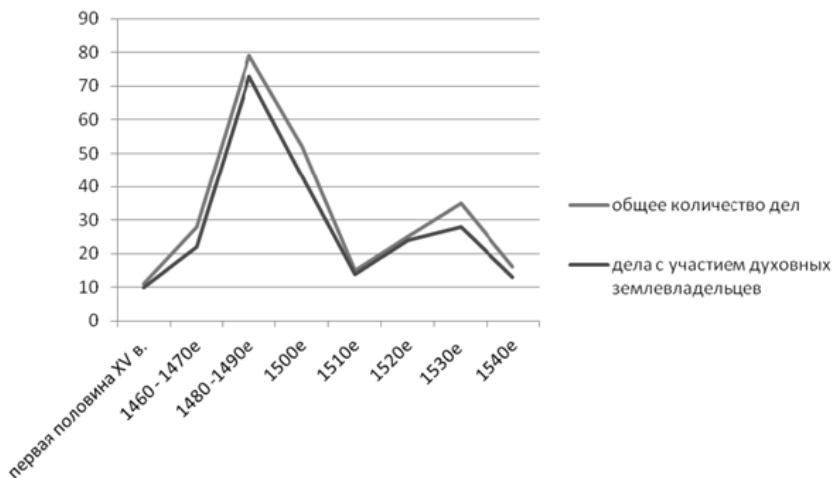

Диаграмма №1. Соотношение общего числа судебных разбирательств с количеством дел с участием духовных землевладельцев.

сохранность. Например, для обоснования владельческих прав уже в XVII веке стало довольно записи в писцовой книге, никакие другие документы уже не требовались. То есть, если раньше служилые люди подтверждали свои права на что-либо двухсот – трехсотлетними грамотами, хранящимися в их архивах, то постепенно для такого подтверждения стало достаточно наличия какой-либо записи в одной из государственных структур.

Участники земельных споров

Весьма условно всех участников земельных споров можно разделить на три категории: духовные землевладельцы, светские землевладельцы и черные крестьяне. Такое разделение кажется мне приемлемым, поскольку в рассмотренных мною делах в качестве спорящих сторон фигурируют:

1. монастыри в лице их настоятелей, келарей, старцев, слуг (посельских, приказчиков и пр.) или крестьян, митрополичья и епископские кафедры в лице их слуг (приказчиков, посельских) и крестьян – этих участников я отношу к категории духовных землевладельцев;
2. волости, представляемые волостной администрацией (старостами) или группами крестьян; отдельные крестьяне, которые в источниках часто определяются как «христиане великого князя» – этих участников я отношу к категории черных крестьян; в эту же категорию попадают несколько дел, участниками которых были посадские люди и великокняжеские бортники;
3. князья, бояре, дети боярские и их слуги, помещики, а также люди, статус которых не уточняется источниками, но которые характеризуют спорные земли как свои вотчины и/или купли – эти участники земельных споров мной к категории светских землевладельцев.

Такое разделение оправдывается стратегией поведения этих групп в суде. Так, помещики, несмотря на то, что их земли, как и черные земли, принадлежали великому князю и обладали привилегией вдвое большего, по сравнению с владельческими землями, срока

исковой давности,² ведут себя в суде иначе, чем черные крестьяне – они чаще предоставляют письменные документы в качестве доказательства, по-другому выстраивают модель аргументации. Поэтому помещики были отнесены к категории светских землевладельцев.

Инициаторы земельных споров

Кто формировал запрос на земельный суд? Можно предположить, что тот, кто был более всего заинтересован в земельном суде, должен был подавать большее количество исков. Попробуем разобраться кто, когда и с кем судился.

На первый взгляд складывается впечатление, что именно монастыри, и шире – духовные землевладельцы, были особенно заинтересованы в земельном суде. Монастыри часто получали от великих князей черные земли, причем крестьян обычно никто не ставил в известность, что земли, на которых они живут, стали монастырскими. В судебных документах часто встречаются ситуации, когда крестьяне осознают, что их земли «отбирает» монастырь через 20 и более лет после фактической их передачи. Приобретая земли через пожалование, покупку, залог и пр. монастырь не имел на них права по старине. Для обоснования права владения, для его легитимизации монастырю нужен был суд. Монастыри сталкивались с крестьянами и светскими землевладельцами из-за спорных территорий, но в результате этих столкновений получали высшую санкцию на владение землей – суд великого князя мог закрепить за ними землю при помощи правой грамоты в присутствии и при непосредственном участии оппонентов. В этом принципиальное отличие правой грамоты от данной, жалованной или купчей. Правая грамота подтверждала ценность прочих бумаг на землю (данных, жалованных, купчих, духовных и пр. грамот), но кроме того, она доводила до сведения всех заинтересованных сторон статус спорных земель. Пожалование земли касалось только монастыря и князя, также

² Ст. 63 Судебника 1497 года в Судебники XV–XVI веков (Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1952), 28.

как покупка земли была делом продавца и монастыря-покупателя, но суд касался уже всех возможных претендентов на владение землей.

В диаграмме №2 наглядно представлено сколько исков в какие периоды подавали в суд те или иные группы. Как видим, духовные землевладельцы традиционно подавали больше исков, чем остальные участники споров. Это не удивительно при уже упоминавшейся степени сохранности судебных актов. Удивительно другое – количество монастырских исков сопоставимо с количеством исков, подаваемых черными крестьянами. Получается, что гипотеза о преимущественной заинтересованности монастырей в земельном суде не подтвердилась на материале источников.

К сожалению, на материале древних актов вообще и судебных актов в частности нельзя строить статистические выкладки – источников для этого слишком мало. Так если от одного десятилетия сохранилось 5 грамот, а от другого – 7, едва ли корректным будет утверждение, что число грамот данного типа увеличилось на 40 %. Однако количественная обработка актов позволяет сделать определенные наблюдения и проследить некоторые тенденции.

На представленных диаграммах отчетливо виден «пик» 80–90-х гг. XV в. Количество судебных актов в это время резко увеличивается. Исследователи неоднократно пытались объяснить это явление. Впервые данным вопросом занялся Л. В. Черепнин. С его точки

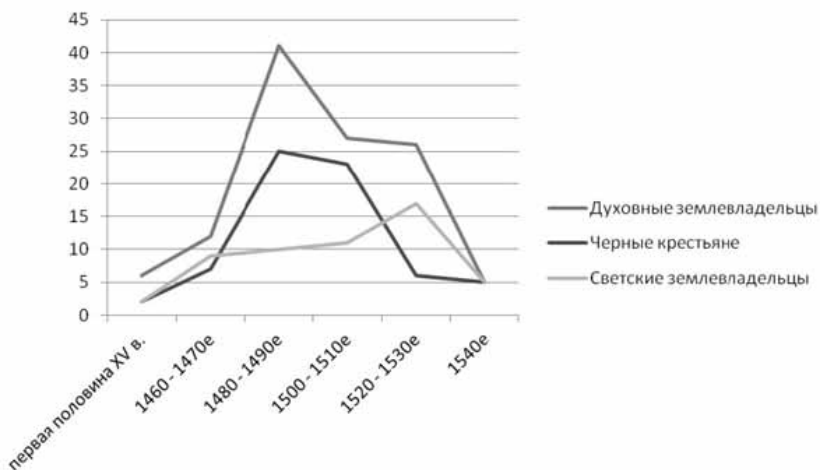

Диаграмма № 2. Инициаторы земельных споров.

зрения, земельные конфликты второй половины XV в. были прямым следствием захватов периода феодальной войны (вторая четверть XV в.). Алчные феодалы отбирали у черных крестьян земли, а те, измученные тяготами войны, неурожаем и эпидемиями, почти не сопротивлялись захватам, которые облегчались также отсутствием точных границ. Во второй половине XV в. возникает множество судебных споров, в результате которых спорные земли юридически закрепляются за «захватчиками», оформляя систему феодально-крепостнических отношений. Феодальный суд защищал интересы господствующего класса.³

Гипотеза Л. В. Черепнина раскрывается на конкретном актовом материале в статье Л. И. Ивиной. По ее мнению, после феодальной войны возродилось феодальное хозяйство, возросла ценность земли и усилилась борьба за нее. Кроме того, ко второй половине XV в. основная масса земли была освоена, но четких границ по-прежнему не было, что также приводило к земельным конфликтам.⁴

Гипотеза Л. В. Черепнина оказалась очень устойчивой – в том или ином виде она встречается в работах всех исследователей, использующих судебную документацию.⁵ Одним из немногих историков, подвергающих ее сомнению, является В. Б. Кобрин. Резкое увеличение судебных актов во второй половине XV в. он объясняет тем, что в это время судебное разбирательство окончательно стало фиксироваться на бумаге, тогда как ранее оно было преимущественно устным.⁶ Но почему тогда в XVI в. число судебных актов уменьшается?

Результаты подсчетов, приведенные в диаграмме № 2, свидетельствуют не в пользу гипотезы Л. В. Черепнина. В том случае, если

³ Черепнин Л. В., Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. (Москва: Издательство Академии наук СССР, 1951), 232 – 238..

⁴ Ивина Л. И., “Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве во второй половине XV – начале XVI в.,” Исторические записки, т. 86 (1970): 326 – 354

⁵ Покровский Н. Н., Актовые источники по истории черносошного землевладения в России в XIV – начала XVI в. (Новосибирск: Наука, 1973); Горский А. Д., Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI века. (Москва: Издательство Московского университета, 1974); Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. (Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1998

⁶ Кобрин В. В. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). (Москва: Мысль, 1985), 161–198..

земельные тяжбы 80 – 90х гг. XV в. были следствием захватов черных земель периода феодальной войны и внутриклассовой борьбы феодалов за землю, в это время должны были бы преобладать иски крестьян, но как видно из диаграммы, источники не дают оснований для таких выводов. Следовательно, нельзя говорить о том, что в последней четверти XV в. крестьяне как-то особенно интенсивно боролись за земли, утраченные 40–50 лет назад.

Обоснование владельческих прав на землю: письменные источники и устные свидетельства

Крестьяне, подавая в суд, первоначально не имели никаких аргументов, кроме осознания собственной правоты. В ранних судебных разбирательствах, инициированных крестьянами, не упоминаются ни грамоты на владение спорной землей, ни показания старожильцев – свидетелей, уважаемых людей, которые давно жили в данной местности. Письменные документы в качестве обоснования владельческих прав на землю крестьяне начинают систематически предоставлять только начиная с первого десятилетия XVI в. Крестьяне владели землей по праву старины, чаще всего у них не было бумаг на землю, они ссылались на непрерывность «извечность» своего владения и на то, что их предки работали на этой земле: «а то, господине, пожня наша черная, на которой стоите, розчисть, господине, отца нашего; а отец наш, господине, косил лет 70, а опосле господине, отца своего косим ее мы... 12 лет»⁷ или «косили, господине, тое пожню отци наши, а мы, господине, тое пожню косим после отцов своих и до сех мест»⁸ или «те, господине, пожни наши, а розчисть, господине, деда моего Кузмина и отца моего Яковли и мой».⁹

⁷ *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.* (далее, АСЭИ), 3 тома (Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952–1964), 3: XVI. в. (далее, АСЭИ), 3 тома (Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952 – 1964), 3:

⁸ АСЭИ, 2: 459.

⁹ АСЭИ, 1: 573.

В основном в качестве доказательства справедливости своих притязаний на спорную землю крестьяне предоставляли показания старожильцев. Последние называли количество лет, за которое они помнили, рассказывали, что им известно о спорной земле – кому она принадлежит, кто ее обрабатывает – и показывали границы спорных территорий. Количество старожильцев от крестьян первоначально тоже очень невелико, в среднем 2–3 человека. Постепенно оно увеличивается и составляет в среднем 5–6 человек.

Крестьянская аргументация в суде строилась следующим образом: мы всегда владели этими землями, это так, поэтому это всем известно, в частности, это известно таким-то старожильцам («...а из старины, господине, тот луг земля великого князя... Ведомо, господине, то добрым людям старожильцем трех волостей...»¹⁰). Крестьяне апеллировали к памяти, к мнению общины.

Монастыри, напротив, почти всегда приводят в качестве доказательства своей правоты те или иные документы на владение землей. Чаще всего сразу после вопроса судьбы, почему они владеют спорными землями, духовные землевладельцы ссылаются на грамоты, а иногда делают это, не дожидаясь вопроса, уже в ответе на обвинение. Модель обоснования владельческих прав на землю выстраивалась представителями духовных корпораций через объяснение, каким образом спорная земля попала в монастырь (через покупку, вклад, обмен и пр.). Чаще всего такое объяснение подкрепляется документами, фиксирующими переход земли. Монастырские старожильцы же лишь подтверждали грамоты, констатируя, что земли находятся во владении монастыря N лет.

Ответ на вопрос, что было весомее как доказательство на суде – грамота или показания старожильцев, не так очевиден, как кажется. Конечно, вряд ли при предоставлении письменных документов, достоверно подтверждающих владельческие права, один из участников судебного разбирательства мог проиграть спор другому, который ссылался только на показания старожильцев. Однако сама по себе грамота не была самоценна.

¹⁰ *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.* (далее АФЗХ), 3 тома (Москва: Издательство Академии наук СССР, 1951–1961), 1: 260.

Во-первых, ее подлинность часто проверялась при помощи людей, в ней перечисленных. Они вызывались в суд и должны были подтвердить, что сделка действительно имела место, что подпись на грамоте, если таковая имелась, принадлежит им. Иногда в суд вызывались контрагенты сделки, а не ее свидетели, которые должны были подтвердить, что они действительно продавали/покупали/вкладывали спорные земли. Иными словами, письменный документ нуждался в верификации устными показаниями.

Во-вторых, грамота должна была подтверждаться показаниями старожильцев. Это видно из вопросов, которые судьи задавали сторонам. Общий вопрос о праве владения спорной землей мог выглядеть следующим образом: «почему вы называете те луги ... землею великого князя ..., и что у вас на ту землю крепости, и кому то у вас ведомо ...?».¹¹ Уточняющий вопрос мог быть таким: «а сверх тое грамоты, кому то у вас ведомо, что та земля, на которой стоим, изстари ваша монастырская...?».¹² И наоборот после предоставления показаний старожильцев судья мог потребовать грамоты на землю: «а опрично старожилцов, что у вас на ту землю крепость?».¹³ Равнозначность и взаимозаменяемость грамот и показаний старожильцев на суде подчеркивается также следующим примером: на вопрос судьи: «есть ли у тебя на ту землю крепость?» истец отвечает – «ведомо людем добрым старожилцом».¹⁴ Показания старожильцев и данные грамоты дополняли друг друга, они были одинаково важны на суде.

Крестьянская логика часто противоречит логике судебного разбирательства, согласно которой свое притязание на владение землей нужно обосновывать чем-то материальным – грамотами или старожильцами. Крестьяне могут отвергать общепринятые

¹¹ *Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России* (далее, АГР), 2 тома. (Киев: 1860–1863), 1: 70.

¹² *АГР*, 1: 58.

¹³ *Русская историческая библиотека*, 38 томов (Санкт-Петербург-Москва-Петроград-Ленинград: 1872–1926), 32: 193.

¹⁴ *АГР*, 1: 25.

доказательства, такие как писцовые книги, считая их недостаточно вескими – «нам, господине, что слатись на Васильево письмо, то, господине, деревни великого князя».¹⁵

Зачастую отношение крестьян к земельному суду напоминает отношение к божьему суд – даже если тебе 80 лет и у тебя нет одной ноги, Бог все равно поможет тебе победить противника в полном боевом вооружении, потому что ты прав, а он нет.

Стратегия поведения на суде духовных и светских землевладельцев была более адекватна судебному разбирательству. Они, в отличие от крестьян, редко подавали иски, с целью вернуть земли, потерянные столетия назад, представляли грамоты и старожильцев. У них было другое отношение к письменному документу. Может быть, поэтому они чаще выигрывали судебные дела.

Для духовных и отчасти для светских, особенно, если речь идет о помещиках, землевладельцев характерно обоснование права владения через пользование. Именно поэтому монастыри всегда подают в суд сразу же после нарушения их владельческих прав. С их точки зрения, земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает. С точки зрения крестьян, видимо, дело обстоит иначе. Земля принадлежит тому, кто имеет на нее право по старине. Даже если 50 лет назад ее кто-то отобрал и все это время обрабатывает, земля все равно принадлежит им, а обосновывается это при помощи апелляции к памяти. Община помнит, что многие годы назад это была ее земля, в силу какой-то несправедливости она была потеряна и теперь необходимо восстановить справедливость, вернуть землю. За восстановлением этой справедливости крестьяне и обращались в суд.

И крестьяне, и духовные и светские землевладельцы, руководствуясь разными мотивами обращались в великокняжеский суд. Одни – стремились закрепить за собой пожалованные и купленные земли, другие – вернуть некогда потерянные земли и восстановить высшую справедливость, третьи – обеспечить безопасность своего имущества. Земельный суд был нужен и тем и другим.

Я уверена, что становление судебной системы было двунаправленным процессом. Земельный суд был не только результатом

¹⁵ АФЗХ, 1: 266.

законотворческой деятельности власти, результатом ее усилий. Участники земельных споров были не меньше заинтересованы в равноудаленном от их местных интересов судье. То, что в Москве разбирались дела о пожне в 10 копен сена, свидетельствовало о признании значимости каждого участника спора, это объединяло, в этом, на мой взгляд, и выразалось рождение государства.

ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ В СВЕТЕ ИСТОЧНИКОВ ИЗ ТАЙНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Бессуднов Д. А.

студент V курса

Липецкий государственный педагогический университет, Россия

krokobes@mail.ru

АБСТРАКТ: В статье рассмотрен вопрос русско-ливонских внешнеполитических связей накануне и в начальный период Ливонской войны, ставшей переломным моментом в истории Российского государства. В работе будут использованы материалы Тайного Государственного архива прусского наследия в Берлине. Рассматриваемые документы содержат в себе ценную информацию о ходе, характере и основополагающих моментах дипломатических связей России и Ливонского ордена.

KEYWORDS: Ливонская война, русско-ливонские внешнеполитические связи, Тайный Государственный архив прусского наследия в Берлине, дипломатические связи

В событиях первой кампания Ливонской войны 1558–1583 гг., которая была связана с нападением русских войск на дерптскую (тартускую) епархию в январе-феврале 1558 г., остается много неясного. В российской историографии сложилось мнение, подкрепленное в основном ссылками на свидетельства ливонских хронистов второй половины XVI–начала XVII в., что ливонские государи (ландсгерры), несмотря на ультиматум о «юрьевой дани», не верили в возможность военного столкновения с Россией, не предпринимали никаких мер по подготовке обороны, а потому не смогли отразить врага¹. В хронике Б. Рюссова говорится, напри-

¹ Филюшкин А.И., «Дискурсы Ливонской войны», *Ab imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. Казань, 2001. № 4, 43-80; Попов В.Е., Филюшкин А.И., «Русско-ливонские договоры 1554 г.», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. №1. (СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного университета, 2010), 118-129.

мер, что в ответ на нападение русского войска ливонские ландскерры не предприняли никаких ответных действий, ограничившись лишь обороной отдельных замков².

Между тем ливонские хроники обладают рядом свойств, которые снижают достоверность ее свидетельств. В первую очередь, надо принять во внимание, что в большинстве случаев их авторами были протестанты (Т. Бракель, Б. Рюссов и др.), которые не питали симпатии к католическим епископам и Ливонскому ордену. В силу этого они стремились отразить их деятельность только в негативном ключе³. Исключение составляет лишь «История Ливонии» Иоганна Реннера⁴ (1525–1583), который состоял на службе Ливонского ордена и поэтому не имел намерения принизить его заслуги в деле обороны страны⁵. Кроме того, Реннер, как служащий ордена, имел доступ к орденскому архиву и при написании своей хроники использовал имеющиеся там документы. Во всяком случае, эта хроника не обнаруживает явных противоречий с ливонскими документальными источниками – например, представленными в публикациях К. Ширрена⁶ и Ф. Бинеманна⁷. К сожалению, хроника Реннера не переведена на русский язык и ее содержание при реконструкции событий Ливонской войны российскими историками используется не в полном объеме.

Мы не ставим здесь задачи описать весь ход зимней кампании, которая началась 24 января 1558 г. вторжением в Ливонию русского войска под командованием татарского хана Шигалея⁸, однако хотим обратить внимание на некоторые моменты, касающиеся дей-

² Рюссов Б., «Ливонская хроника», в Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 1-4. Том 2. (Рига, 1879), 359.

³ Арбузов Л. А., Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (СПб, 1912), 152.

⁴ Renner J., *Livländische Historien*. (Lübeck: Schmidt-Römhild, 1953).

⁵ Зутис Я., Очерки по историографии Латвии. Прибалтийско-немецкая историография. (Рига: Латгосиздат, 1949), 85-92.

⁶ Schirren C., *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Bd. 1-8. Bd. 2. (Reval, 1861–1862), 98-167.

⁷ Bienemann F., *Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562*. Bd. 1-3. Bd. 2. (Riga, 1865–1868), 29-104.

⁸ Зимин А. А., Хорошкевич А. А., Россия времени Ивана Грозного. (М.: Наука, 1982), 89–93.

ствий ливонских властей по организации обороны. При решении этой задачи мы использовали документальный материал из фондов Тайного Государственного архива прусского культурного наследия в Берлине (GStA PK), которые позволяют дополнить существующий дискурс, сделав его более многоплановым. Речь идет о корреспонденции прусского герцога Альбрехта Бранденбурга-Ансбахского (1490–1568), приходившегося братом рижскому архиепископу Вильгельму Бранденбургскому (1498–1563) и состоявшего с ним в активной переписке. По этой причине комплекс Архива герцогских посланий (Herzog-Briefenarchiv, НВА) содержит богатый материал, касающийся внутривосточной обстановки в Ливонии накануне и в начальный период Ливонской войны. Важно также отметить, что речь идет о деловой документации, не предназначенной для посторонних глаз, а потому более объективной, нежели нарративные источники. Кроме того, стоит отметить, что до этого момента эти документы не переводились на русский язык и поэтому малоизвестны российской науке.

К сожалению, в комплексе НВА мало свидетельств развития русско-ливонских отношений в 1557 г., в период, когда истекал срок ультиматума, объявленного Иваном IV Дертскому епископству в связи с выплатой задолженности по «юрьевой дани»⁹. Этот факт может быть свидетельством отсутствия в Ливонии особой обеспокоенности по этому поводу. К такому же выводу приводит роспуск ливонцами войсковых подразделений, на вербованных в связи с «войной коадьюторов»¹⁰. Справедливо будет отметить, что заключенный в 1557 г. Позвольский договор, кроме прочего предусматривал создание оборонительного союза между Польско-Литовским государством и Ливонией на случай нападения России. Однако, он вступал в силу только после истечения сроков соглашений с русской стороной – соответственно через 5 лет для Польско-Литовского государства и через 12 лет для Ливонии,

⁹ Подробнее см.: Шаскольский И.П., «Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани», в *Международные связи России до XVII в.* (М.: Издательство Академии наук СССР, 1961).

¹⁰ Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz (GStA PK), XX, HA НВА, (далее - GStA PK, XX, HA НВА) № 2110.

- поскольку, как сказано в договоре, «в настоящее время существующие договоренности с Московским государством не допускают против них никаких враждебных действий»¹¹. Если бы нападение русских ожидалось в ближайшее время, оговорка насчет вступления в силу соглашения о военном союзе была бы включена. Вместе с тем, из других документальных собраний известно, что ливонский магистр Вильгельм фон Фюрстенберг (1500–1568) вербовал солдат в Германии и сам находился близ русско-ливонской границы¹², что может быть связано с укреплением обороны ливонских земель от возможного нападения извне. Однако в то же время он надеялся на мирное урегулирование вопроса о «юрьевой дани», поскольку практически в то же самое время (25 октября 1557 г.) в Москву было отправлено посольство с целью уладить возникшие противоречия¹³. События, связанные с этим посольством, лучше всего освещает дневник его секретаря Томаса Хорнера¹⁴, сведения которого, в том числе и о грубом обращении с ливонскими послами в Москве, полностью подтверждается рядом документов НВА¹⁵. Это посольство не справилось со своей миссией и потерпело фиаско. Видимо, именно этим следует объяснять тот факт, что в документах НВА конца 1557 – начала 1558 г. тема «русской угрозы», нависшей над Ливонией, стала занимать одно из главных мест.

Во всяком случае, активность ливонских государей в этот период резко возросла. Среди материалов архива находится письмо Иоганна фон Хёте, посланника ландмаршала Ливонского ордена Яспера фон Мюнстера, в Пруссию, датируемое январем 1558 г, в котором говорится о том, что архиепископ Вильгельм Бранден-

¹¹ GSTA PK, XX, HA NVA, № 2084–2070.

¹² RA, Livonica I, vol. 24, Livo-Moscovitica.

¹³ Бессуднов Д.А., «Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г.», в Одиссос. Актуальные проблемы истории, археологии и этнологии. (Одесса: ТОВ Удача, 2012), 540-543.

¹⁴ Хёрнер Т., «Дневник ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу», в Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. (М., 1886), 6-19; Бессуднова М. Б., «К предыстории Ливонской войны: Продолжение дневника ливонского посольства 1557 г. в Москву в Шведском государственном архиве», // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. (СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного университета, 2012).

¹⁵ GSTA PK, XX, HA NVA, № 2185.

бургский покинул свою резиденцию в Кокенгаузене (Кокнесе), чтобы лично провести смотр ополчения своих вассалов, после чего расположился в Мариенгаузене (Алуксне), находящемся неподалеку от русской границы¹⁶. В другом документе, от 25 января 1558 г., речь идет о действиях жителей города Риги, которые самостоятельно вербовали кнехтов, вероятнее всего – для защиты города¹⁷. При этом в документе говорится, что делали они это уже не в первый раз, из чего следует, что ливонцев все же беспокоила перспектива войны, и они активно готовились к военным действиям. Следует также обратить внимание на письмо от 25 января 1558 г., в котором рижский архиепископ, ссылаясь на собственную слабость, просит своего политического противника, магистра Фюрстенберга организовать оборону орденских замков Дюнабург (Даугавпилс), Зельбург (Селипель) и Розитен (Резекне), которые прикрывали подступы к его собственным владениям¹⁸. Действия самого магистра, направленные на ускоренную подготовку Ливонии к войне, описаны также в письме архиепископа Вильгельма к капитану замка Тапиау Агасферу фон Брандту¹⁹.

Кроме того, в материалах НВА находится письмо магистра Ливонского ордена, в котором говорится о необходимости осуществления в Ливонии срочной мобилизации в связи с угрозой нападения «москвитов»²⁰. Опасность войны с русскими и необходимость сбора сил и средств для обороны страны, что отчетливо понимали в Риге, Ревеле и Дерпте²¹. Протоколы ландтага, который был создан после окончания военных действий, также содержат информацию о распоряжениях ливонского магистра по организации обороны²², которые, однако, трудно было выполнить в зимних условиях – из-за невозможности доставить наемников из Европы и глубокого снега, который мешал переброске войск в самой Ли-

¹⁶ GSTA PK, XX, HA HBA, № 2146.

¹⁷ GSTA PK, XX, HA HBA, № 2147.

¹⁸ GSTA PK, XX, HA HBA, № 2148.

¹⁹ GSTA PK, XX, HA HBA, № 2167.

²⁰ GSTA PK, XX, HA HBA, № 2191.

²¹ GSTA PK, XX, HA HBA, № 2192.

²² GSTA PK, XX, HA HBA, № 2181.

вонии²³. Между тем приказы об общей мобилизации исполнялись. Так, например, из ряда источников известны усилия орденских фогтов из Везенберга (рус.: Раковор, совр.: Пайде) и Нарвы. Из Везенберга, например, навстречу силам Шигалея на помощь дерптской епархии был выслан конный отряд, который, однако, был вскоре разбит²⁴. Очень интересным представляются сообщения об отрядах самообороны, созданных ливонским дворянством – чисто дворянских или с привлечением крестьян, – и даже крестьянами²⁵. Это была ответная реакция на разорение местности, которую осуществляли русские войска²⁶. Эти отряды применяли партизанскую тактику – нападали на небольшие группы противника, увлекшегося грабежом, и уничтожали их.

Таким образом, говорить о бездействии должностных лиц ордена и ливонского дворянства не представляется возможным. Скорее всего имело место отсутствие возможности объединить разрозненные силы и предпринять серьезные действия, в силу чего их усилия и оказались малоэффективными. Последнее можно объяснить, в первую очередь, отсутствием резерва времени (кампания длилась меньше месяца), широким фронтом наступления противника, его мобильностью и погодными условиями. Разобщенность действий ливонцев была также обусловлена сложной системой мобилизации, которая в обязательном порядке требовала созыва ландтага и принятия общего решения²⁷.

Однако даже если бы Ливония могла успешно подготовиться к боевым действиям, то могла бы эта маленькая страна дать отпор левиафану? Как известно, после проведения военной реформы вооруженные силы России значительно окрепли, что дало о себе

²³ Johannes Renner, *Livländische Historien*. (Lübeck: Schmidt-Römhild, 1953)

²⁴ Ниенштедт Ф., “Ливонская летопись” в *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края*. Т. 4. (Рига, 1883), 13; 2, S. 165.

²⁵ Johannes Renner, *Livländische Historien*, 165–167.

²⁶ В ливонских хрониках говорится, что русские не пытались штурмовать крепости и занимались разорением местности, а также угоном и истреблением местного населения (Рюссов Б., “Ливонская хроника” в *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края*. Т. 1-4. (Рига: Издательство Типография А. И. Липинского, 1879), 360; Renner J., *Livländische Historien*, 165–167.

²⁷ Sennig A., *Beiträge zur Heeresverfassung und Kriegsführung Altliivlands zur Zeit seines Untergangs* (Jena, 1932).

знать при завоевании Иваном IV Казани и Астрахани. Численность войска, направленного в Ливонию во время январского похода 1558 г., насчитывала, по разным оценкам, от 40 до 200 тыс. человек²⁸, что даже при минимальных оценках представляло собой огромный человеческий ресурс, противостоять которому Орден едва смог бы и в лучшие времена. Руководство Ливонского ордена хорошо представляло себе возможные последствия вторжения русского войска, что заставляло его постоянно стремиться к мирному разрешению всех сложившихся русско-ливонских противоречий²⁹. Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вполне определенный вывод: Ливония в январе 1558 г. встретила царское войско разобщенной, но не беззащитной. В течение зимнего похода армия Ивана Грозного разрушительным смерчем прошла по ее восточным землям, однако в этой ситуации нельзя упрекнуть ливонские власти в полном бездействии и равнодушии, как это хотели бы изобразить протестантские хронисты.

²⁸ “Лицевой извод” в *Полное собрание русских летописей* (далее ПСРЛ), том 13. (М.: Издательство ЯРК, 2000), 288-289; Соловьев С. М., *История России*. Т. 5-6 (М.: Соцэкгиз, 1961), 486-487; Rasmussen K.: *Die Livländische Krise 1554-1561*. (Kopenhagen: Universitetsforlaget, 1973), 97-98.

²⁹ Бессуднов Д.А., “Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г.,” 540-543.

События Смутного времени начала XVII столетия в исторической памяти населения Нижнего Поволжья XVIII – начала XX вв.

КЛЕЙТМАН А. Л.

кандидат исторических наук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Волгоградский филиал, Россия
alexander.kleitman@gmail.com

ABSTRACT: The article analyzes the features of perception and interpretation of Time of Troubles' events in the historical memory of the population of the Low Volga Region in the 18th–the beginning of the 20th centuries.

KEYWORDS: the Time of Troubles in Russia, the Low Volga Region, historical memory, Astrakhan, historical legends

События периода Смутного времени в России начала XVII столетия уже с XVII–XVIII вв. и до настоящего времени изучаются и осмысливаются на нескольких идейных уровнях: на уровне профессионального исторического знания, основанного на изучении исторических источников и критическом подходе к интерпретации фактов, на уровне официальной государственной идеологии, тесно связанном с православным церковно-историческим дискурсом, наконец, на уровне народного сознания, исторических преданий и легенд.

На наш взгляд, изучение того, как события Смуты интерпретировались, осмысливались, а часто и трансформировались в общественном сознании на каждом из этих уровней, может представлять значительный интерес, поскольку именно представления о ключевых событиях прошлого того или иного сообщества формируют его историческую идентичность, то есть во многом определяют картину мира, мировоззрение, мотивы поступков его членов.

В связи с этим, в рамках настоящей статьи будет предпринята попытка проанализировать особенности восприятия и осмысления событий Смутного времени в исторической памяти населения одного из российских регионов, Нижнего Поволжья, в XVIII – начале XX вв.

Данный период был выбран, поскольку именно за XVIII – начало XX столетия сохранились источники, которые позволяют достаточно детально исследовать данный сюжет, а кроме того, этот период был хронологически удален от Смутного времени настолько, чтобы события Смуты не просто описывались на основе рассказов очевидцев, а картина прошлого так или иначе конструировалась и интерпретировалась.

В качестве источников, на основе которых проводился анализ представлений населения региона о событиях Смуты, были выбраны жития православных святых, проповеди священников, читавшиеся в церквях в юбилей событий, связанных со Смутным временем, краеведческие сочинения, посвященные истории региона, основывавшиеся на устной традиции и местных письменных источниках, предания и легенды, связанные с персонажами периода Смутного времени, распространенные в Саратовском и Астраханском Поволжье в XVIII–XIX вв.

Нижнее Поволжье вошло в состав российского государства достаточно поздно, только в середине XVI столетия, и к началу Смутного времени эти земли были относительно слабо заселены. Административно Волжское Понизовье относилось к Казанскому дворцу, центром региона в военном и экономическом отношении была Астрахань. В конце 1580-х – начале 1590-х гг. в Нижнем Поволжье были построены несколько крепостей – Царицын, Саратов и выше по течению Волги – Самара, для того, чтобы обезопасить Волжский транспортный путь от грабежей кочевников и воровских казаков.

Хотя в период Смутного времени основные события разворачивались в Центральной России, на западных и северных границах государства, роль данного региона в истории первой гражданской войны в России нельзя недооценивать. Впервые, именно в Нижнем Поволжье сформировались социальные силы, появились самозванцы и другие персонажи, сыгравшие ключевые роли в истории Смуты, во-вторых, в самом Нижневолжском регионе на отдельных этапах Смутного времени разворачивались события, от того или иного поворота которых могла зависеть дальнейшая судьба Русского государства в целом.

Первый сюжет, связанный с историей Смутного времени, который

занял важное место в исторической памяти населения региона, был связан с событиями 1605–1606 гг., первой самозванческой интригой и правлением Лжедмитрия I на московском престоле. Главным действующим лицом этого сюжета был астраханский архиепископ Феодосий. Канва событий, связанных с его пребыванием на астраханской епископской кафедре и участием в событиях начала XVII столетия, на основе критического анализа источников была исследована В. И. Ульяновским. По его аргументированному мнению, вопреки зафиксированным в житии епископа Феодосия преданиям, определяющим взгляды в общественном сознании на его роль в событиях Смуты вплоть до настоящего времени, он не был «героем», противостоявшим самозванцу Гришке Отрепьеву и, несмотря на гонения, не признававшему в нём царя. Как доказал исследователь, епископ Феодосий анафематствовал самозванца, но только тогда, когда он еще не взшел на московский престол, а патриарх Иов издал соответствующий приказ всем епископам. Однако спустя несколько месяцев после воцарения Лжедмитрия на московском престоле, Феодосий упоминался в документах как один из членов его «Сената», что, как очевидно, свидетельствует о его лояльности и даже приближенности к новому царю. 8 мая 1606 г. он вместе с архиепископом Арсением Элассонским подносил корону Марине Мнишек на венчании с самозванцем. Участие епископа Феодосия вместе с Филаретом (Романовым) в переносе мощей царевича Дмитрия из Углича, по мнению В. И. Ульяновского, также следует рассматривать как «миссию искупления» за бывшую ранее поддержку Лжедмитрию¹.

Таким образом, согласно концепции В.И. Ульяновского, епископ Астраханский и Терский Феодосий был одним из лояльных первому самозванцу иерархов православной церкви, а никак не его активным противником.

Прямо противоположный портрет епископа Феодосия был предложен в его житии, несколько наиболее ранних списков которого датируются серединой XVII столетия, и которое и в XVIII–XIX вв., и в наше время определяет общепринятый, и при этом практически

¹ В.И. Ульяновский, «Реалии и миф в житийной легенде об архиепископе Феодосии», в *Мир православия. Вып. 2.* (Волгоград, 1998), 35–43.

не подкрепленный источниками, взгляд на его церковную и политическую деятельность в период Смуты². Согласно житийной версии, в 1604–1605 гг. епископ Феодосий яростно обличал Лжедмитрия I, за что был схвачен восставшими против законной светской и церковной власти астраханцами и заключен под стражу. Спустя некоторое время, поскольку восставшие, опасаясь волнений в народе, не могли ни казнить, ни выпустить епископа, он был направлен в Москву, на суд к самозванцу, к этому времени уже занявшему царский престол, чтобы тот сам решил, что с ним делать. Представ перед Лжедмитрием, московским царем, Феодосий якобы в лицо сказал ему, что не признает в нем законного правителя России. Несмотря на то, что астраханский епископ оставался непреклонным, он не был никак наказан самозванцем. Находясь в Москве, Феодосий ходил по храмам и везде говорил, что Дмитрий – не истинный царь, а антихрист, посланный поляками, чтобы обратить Русь в латинство. После воцарения Василия Шуйского, согласно житийной версии, епископ Феодосий за особые духовные подвиги был возведён в сан архиепископа, и попросился отправить его в Астрахань для того, чтобы противостоять воеводе И.Д. Хворостинину, поддержавшему второго самозванца. Добраться до Астрахани из-за болезни ему, впрочем, не удалось, и он скончался в Царицыне в 1607 г. В 1608 г. его нетленные мощи были забраны из города воеводой Ф.И. Шереметьевым, отвезены в Казань. Согласно житию, после смерти Феодосий стал совершать чудеса, исцелять больных, обратившихся к нему за помощью, и по прошению астраханцев, впоследствии его мощи были перевезены в Астрахань.

Как видим, в исторической памяти жителей Астраханского Поволжья епископ Феодосий предстал как один из активных противников самозванчества, борец за правильного православного царя и против антихриста, пытавшегося погубить Святую Русь. В качестве решающих подтверждений его благочестивости и святости выступали рассказы о чудесах, совершаемых им после смерти.

² См., например: Астрахань православная. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uspenskiysobor.narod.ru/html/11_1_2.html; Святой Феодосий (Харитонов), архиепископ Астраханский и Терский (1602–1607). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_2930.

В исторической памяти жителей Астраханского Поволжья важное место занял ещё один сюжет, связанный с историей Смутного времени – о попытке атамана Ивана Заруцкого с Мариной Мнишек, считавших что русским царем должен стать малолетний царевич Иван Дмитриевич (в источниках получивший имя «воренок»), установить свою власть в Волжском Понизовье.

Данный сюжет критически, на основе источников, был детально изучен И.С. Шепелевым. По его мнению, план ухода на юг России был намечен атаманом Заруцким еще в первом Земском ополчении в то время, когда там сторонники Ляпунова 23 июня 1611 г. высказались за возможность избрания на русский престол шведского принца Карла Филиппа. И.М. Заруцкий и Марина Мнишек, верные своей авантюре, надеясь на поддержку донского, волжского и яицкого казачества и, по-видимому, ногайских татар, думали удержаться за собой территорию Подонья и Нижнего Поволжья, которая в 1613–1614 гг. казалась мало уязвимой со стороны правительства Романовых. Самым надежным центром этой территории могла быть только Астрахань, по утверждению русских и иностранных источников, – крупный, укрепленный город, первоклассная крепость с толстыми и высокими каменными стенами, значительным количеством пушек и гарнизоном стрельцов, бывший также крупным промышленным и торговым центром юга России. По аргументированному мнению исследователя, Заруцкий появился в Астрахани в конце лета – начале осени 1613 г. Закрепившись в городе, он стал предпринимать попытки усилить свою политическую позицию, как военными, так и дипломатическими методами: обратился за помощью к персидскому шаху, привлек на свою сторону ногайцев, пытался заручиться поддержкой донских казаков, впрочем без особого успеха. В Казани с осени 1613 г. собиралось царское войско, правительство пыталось противостоять усилению Заруцкого политическими методами, например, направляли грамоты донским казакам, призывая их отказаться от поддержки его авантюры. Весной 1614 г. правительственное войско двинулось вниз по Волге к Астрахани. Атаман Заруцкий пытался противостоять их продвижению, но безуспешно. Ногайцы и калмыки, составлявшие ядро его войска, оказались крайне плохими союзниками. В марте 1614 г. большое войско ногайцев было направлено Заруцким, чтобы занять Самару, но эта задача не была

выполнена, так как ногайское войско по пути разбежалось. В такой ситуации в апреле – мае 1614 г. в Астрахани вспыхнуло восстание против «воренка», которое поддержали терские служилые люди. Заруцкий с небольшим уже войском бежал из Астрахани в Заволжье, пытался укрыться на Яике, но в результате был предан своими казаками, схвачен и выдан царским войскам. Впоследствии он вместе с Мариной Мнишек был отвезен в Москву и там казнен³.

Сюжет о пребывании Заруцкого был менее популярен в Нижнем Поволжье в XVIII – начале XX вв., чем предание о благочестивом епископе Феодосии, бывшем своеобразной «гордостью» местного населения.

В ряде краеведческих работ, в которых шла речь о событиях Смутного времени в Астраханском крае, данный сюжет опускался. Обходили его молчанием и священники, выступавшие с проповедями в церквях в день Казанской иконы Божьей матери – в праздник, символизирувавший окончание периода Смуты в Русском государстве⁴.

Сюжет, связанный с пребыванием Заруцкого и Марины Мнишек в Астраханском крае, вошел в Ключаревскую летопись, достаточно позднюю и основанную в основном на устных исторических преданиях, распространенных среди местного населения в XVIII–XIX вв.⁵

Автор Ключаревской летописи полагал, что после убийства Лжедмитрия, «по укрощении бунтовщиков», когда на российский престол был возведен Михаил Федорович Романов, атаман Заруцкий, пытавшийся «удержать за Мариною» Московское царство, с частью единомышленников под предводительством князя из татар

³ И.С. Шепелев, «Место и характер движения И.М. Заруцкого в период Крестьянской войны и польско-шведской интервенции 1605–1613 годы», в: И.С. Шепелев, *Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. Национально-освободительная и классовая борьба в Русском государстве начала XVII столетия. Статьи* (Волгоград: Перемена, 2011).

⁴ См., например: А. Зорин, «Слово в день Казанския иконы Богоматери» in: *Астраханские епархиальные ведомости. 1881*, по 46, (15 ноября): 723–27..

⁵ *Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, о случившихся ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах* (Астрахань, 1887).

Махмет Мамбеева, направился к Астрахани. Здесь он попытался войти в город, но воевода Иоанн Андреевич Голицын, попросил Заруцкого, чтобы «московская царица» отправила в город сначала трехсот человек, чтобы они распорядились о квартирах для нее, которые и были перебиты по приказу воеводы. После этого Заруцкий повторно послал к И.А. Голицыну своих послов, которым воевода теперь открыто заявил, что Астрахани он не сдаст, и тогда войско Заруцкого окопалось на острове в 12 верстах от Астрахани вниз по течению Волги.

По данным Ключаревской летописи, в январе 1614 г. татары под предводительством Мамбеева направились к Красному Яру (выше Астрахани по течению Волги), где возвели земляную крепость. По приказу воеводы Голицына эта крепость была атакована и разрушена, «произошло ужасное кровопролитие», после чего Маришка и Заруцкий «с малостию татар и изменников казаков» были вынуждены бежать к яицким степям, где были пойманы в первое лето царствования Михаила Федоровича⁶.

В Ключаревской летописи события Смутного времени были вплетены в существовавшие предания о топонимике, памятниках древности, располагавшихся в окрестностях Астрахани. Очевидно, рассказ о возведении крепости в Красном Яру, подобно мифическим преданиям, преследовал цель объяснить происхождение развалин, а не пролить свет на историю Смутного времени. Еще более мифический характер носит сюжет Ключаревской летописи о высылке монахов из города, когда к нему приблизилось войско атамана Заруцкого. Согласно летописным преданиям, предполагая, что все смуты происходят от монахов, воевода Голицын приказал всех живших в то время при Троицком монастыре монахов отправить вместе с великаном Феодоритом на бугор, располагавшийся на расстоянии 60 верст от Астрахани, через многие протоки и непроходимые места... «Поэтому бугор этот и поныне называется Феодоритов», - отмечал автор летописи.

Как видим, факты истории Смутного времени, описываемые в Ключаревской летописи, не имели практически ничего общего с реальными событиями, происходившими в это время в Нижнем

⁶ *Ibid*, 13

Поволжье. В действительности воевода И.Д. Хворостинин погиб, защищая Астрахань от войск атамана Заруцкого, город был сдан, и еще почти год после воцарения Михаила Романова в Волжском Понизовье продолжалась Смута.

Если в южной части Нижневолжского региона, центром которой была Астрахань, события Смутного времени, хоть и в искаженном виде, но заняли прочное место в местных исторических преданиях, житиях святых, то в северной части региона, в Саратовском Поволжье данный период практически полностью «выпал» из местной краеведческой литературы и исторических преданий. В ранней краеведческой историографии Саратова и Царицына (начало XIX в.), основанной на устной исторической традиции – трудах А.Ф. Леопольдова, летописи Петра Лугарева, Камышинской летописи – фактически нет упоминаний о событиях периода Смутного времени⁷. В местном фольклоре персонажи начала XVII столетия также были гораздо менее популярны, чем Петр I, свои оригинальные предания о посещении края которым были практически во всех крупных населенных пунктах этого региона, татарский хан Мамай и ряд других.

Практически единственную легенду, в которой действующим лицом выступает Марина Мнишек, записал во второй половине XIX века саратовский учёный А.Н. Минх. Недалеко от Саратова, как отмечал исследователь, находился на Волге большой бугор, на котором, по преданию, раньше находилось жилье этого атамана-колдуна – обитая бархотом комната и яма, в которой содержались пленные. На бугре стояло кресло из слоновой кости, с которого сам Стенька рассматривал проходящие по Волге суда. Согласно легенде, очень давно двое бурлаков с проходившего судна взобрались на этот бугор и увидели отверстие вроде погреба с дверью. Открыв её, они вошли в хорошо убранное подземелье: в углу висел образ Спасителя в золотом окладе, осыпанном драгоценными камнями, перед образом теплилась лампада. Посреди комнаты стоял гроб, окованный тремя железными обручами; возле лежал огромный железный молот и железные прутья, а кругом вдоль стен стояло

⁷ См.: М.М. Загорюлько, И.О. Тюменцев, *«Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928)»* (Волгоград: Издатель, 2010)..

множество бочек с золотом, серебром и драгоценными камнями. Бурлаки помолились иконе, один из них схватил молот и разбил обручи на гробе. Оттуда поднялась красавица *безбожная Маришка*, бурлак стал стегать ее железными прутьями, и когда другой бурлак сказал товарищу, что он с ума сошел, что бьет ее, то невидимая сила выкинула его за дверь, которая тотчас же захлопнулась, и послышался голос: «восемь-девятого». Все исчезло, и бурлак вернулся на судно один, товарищ его пропал⁸.

Как видим, в Саратовском Поволжье практически единственный персонаж, связанный с эпохой Смуты, Марина Мнишек, приобрел ярко выраженные черты сказочных, мифических героев, не имевших никакого отношения к действительности.

Подводя итог анализу представлений о Смутном времени, сформировавшимся в культуре населения Нижнего Поволжья, можно сделать следующие выводы.

В северной части региона, в Саратовском Поволжье, практически не было преданий и легенд о событиях Смутного времени. Причина этого, на наш взгляд, заключалась в том, что располагавшиеся здесь населенные пункты, города Саратов и Царицын, в эпоху Смуты были уничтожены, а вместе с ними погибли или разбежались жители, были утрачены и все документы, хранившиеся в городских архивах. В связи с этим, отдельные местные исторические предания, действующими лицами которых выступали персонажи, связанные с эпохой Смуты, приобрели характер мифов и сказок, не имевших связи с реально происходившими событиями.

В Астрахани, где события Смуты были зафиксированы в местных письменных источниках, например в кафедральном соборе в Синодике были указаны имена монахов, погибших в событиях Смуты, где было местное летописание, события Смуты в исторической памяти населения региона нашли более точное отражение, но также приобрели отчасти полулегендарный, полумифический характер.

В местных исторических преданиях Смутное время оценивалось как страшная беда для русского государства и русского народа. Причина всех бедствий заключалась в отсутствии законного «царя-рас-

⁸ Минх А.Н., «Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия» (Волгоград, 2010).

порядителя», безначалии, и, как следствие, бушевании человеческих страстей и беззаконии.

В целом события Смуты в исторической памяти населения региона оценивались с «персонифицированной» точки зрения. Смутное время осмысливалось как борьба добрых и злых действующих лиц. Василий Шуйский, епископ Феодосий, воевода Голицын были ярко выраженными положительными образами, Маринка, Гришка Отрепьев, Заруцкий – отрицательными персонажами.

Окончание периода Смуты также осмысливалось с «персонифицированной» точки зрения. После восшествия на престол Михаила Федоровича Романова, благочестивого православного монарха, до этого жившего в Костромском Ипатьевском монастыре, положило конец всем распрям. «Тут же все бури утихли, все стали входить в пределы безусловного повиновения власти царской, все враждебное стало преклоняться перед именем Самодержца» - как отмечал астраханский священник А. Зорин в день Казанской иконы Божией Матери⁹.

Таким образом, события Смуты, имевшие огромное значение в истории России и составлявшие ядро государственной идеологии правящей династии Романовых, в исторической памяти населения Нижнего Поволжья отразились довольно слабо и в очень искаженном виде. Сюжеты, связанные с этим периодом, эмоционально «переживались», следуя достаточно примитивным схемам популярных житийных мотивов, преданий, сказок, но не осмысливались критически. Зарождавшаяся российская общенациональная историография, основанная на критике источников, попытках логического объяснения процессов и фактов, до конца XIX – начала XX века практически никак не повлияла на образ Смуты начала XVII столетия, сформировавшийся в исторической памяти населения региона.

⁹ А. Зорин, «Слово в день Казанския иконы Богоматери», *Астраханские епархиальные ведомости*. 1881, по 46, (15 ноября): 726.

К проблеме взимания налога на содержание шведского войска в Новгороде в 1611–1615 гг.

БОЛДЫРЕВ Р. В.

студент V курса

Липецкий Государственный педагогический университет, Россия
skull-ucoz@yandex.ru

ABSTRACT: The article reveals one of the most important problems of the Novgorod land beginning of XVII century - the problem of taxation. We are talking about the extraordinary tax, introduced by the Swedish governor of Jacob de la Gardie, to ensure troops are concentrated in the Novgorod region. The objective of the study is to trace how De la Gardie's new fiscal policy was and how it was perceived in Novgorod.

KEYWORDS: Великий Новгород, Якоб Делагарди, чрезвычайный налог, шведское войско, Густав Адольф

Проблема налогообложения Новгорода в период шведского присутствия (1611–1617) является одной из малоизученных в российской и зарубежной историографии. На данный момент не существует полного и исчерпывающего исследования, которое бы отразило фискальную политику шведов в Новгородских землях¹. В основном работы историков носят общий характер или же разработку проблем иного рода².

Важнейшим комплексом сохранившихся документов, которые отражают несение тягла населением Новгородской земли, является Новгородских оккупационный архив³. Данное собрание представляет собой огромный пласт административного материала, который отражает все стороны жизни новгородцев указанного периода.

¹ На данный момент над этой темой работает псковский исследователь Аракчеев В.А., который, по итогам исследования, опубликовал статью: Аракчеев В.А., «К изучению тяглых обязанностей посадского населения Новгорода в 1611–1616 гг.», *Stockholm slavic papers*, no. 19 (2012): 86–93.

² Кобзарева Е. И., *Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в.* (Москва: Институт Российской истории РАН, 2005).

³ Riksarkivet Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA. NOA), fond 2403.

В последнее время комплекс документов активно исследуется как российскими, так и зарубежными учеными⁴.

В данной статье будет рассмотрен лишь один вид налога, который был особенно популярным у шведского наместника в Новгороде Якоба Деллагарди (1611–1615) – содержание шведского войска. На данном этапе исследования не удалось точно выяснить, заменяли ли «солдатские деньги» другие налоги, или же они вводились в дополнение к уже существовавшим. Можно лишь предположить, что это, все-таки, новая статья дохода. Так как все известные виды налогов и сборов, которые были распространены в России еще с XVI в., продолжают фигурировать в рамках налоговой системы Якоба Деллагарди⁵. К тому же, как уже отмечалось, Деллагарди нуждался в материальных средствах, и исключать уже имеющиеся в новгородских землях налоги не имело смысла.

Информация о данном виде налога и сборах мы находим в примочной книге⁶. Источник датируется 4 декабря 1614 – 9 февраля 1615. Однако нас интересует лишь отрывок, когда наместником в Новгороде оставался Якоб Деллагарди. В книге хорошо прослеживается структура и процедура сбора немецких денег в Тесово - Водская пятина.

Известно, что в данный период «корм сбирати хлебъ и деньги с погостов, которыя преписаны к Тесовскому острошку»⁷ велено князю Гаврилу Ивановичу Нарымову. К тому же происходит расширение полномочий сборщика, так как «в прибавку к погостам велено взяти государева Тесовская волосту»⁸. Из документов видим, что Нарымову дается инструкция, по которой после сбора немецких кормов, их необходимо было передать ротмистру Гансу Гёдерту и Гансу Терму (шведский военачальник – Р.В.). Уже на данном этапе прослеживается некоторого рода западный порядок, когда каждый служащий или какое-либо учреждение выполняет только подконтрольные ему

⁴ Селин А. А., Новгородское общество в эпоху Смуты. (Санкт-Петербург: Блиц, 2008); Sundberg H., «The Novgorod taverns during the Swedish occupation», Stockholm Slavic Studies, no. 24 (1995): 139-56

⁵ Подробнее о налогах Московского государства см.: Веселовский С. Сошное письмо. (Москва, 1915), 1-5.

⁶ RA, NOA, fond 2403, Series I:87.

⁷ RA, NOA, fond 2403, Series I:87, fol. 2v.

⁸ RA, NOA, fond 2403, Series I:87, fol. 2v.

функции, не вмешиваясь в дела других. Последние же, в свою очередь, должны были предоставить росписи о количестве необходимого шведскому войску провианта и распределить его по вытям⁹. Важно заметить, что в данном источнике понятие обжа и понятие выть совпадают. Это является довольно интересным моментом, так как подобного рода совпадение характерно для всего Московского государства, но в разное время¹⁰. Здесь же, мы видим употребление этих терминов в одном документе как синонимов.

Так же можно установить, что для содержания наемного шведского войска взимались такие виды продуктов, как рожь и овес. Наряду с этим, собирали определенное количество денег. Наиболее ясно это можно представить в виде небольшой таблицы, которая включает в себя основные территории, прилегающие к Тесово, и размеры немецких кормов и денег, собиравшиеся там.

Таким образом, по данным таблицы, мы видим, что от количества единиц налогообложения (т.е. обож) не зависит размер налога и сбора. Вероятно, упор в росписях делался на то, какое состояние имело хозяйство, облагаемое налогом, и в какой части пятины оно находилось.

Стоит заметить, что подобного рода «нововведение», а именно сбор налога на содержание шведского войска, давно уже существовал в московской практике и считался чрезвычайным налогом. В к. XVI – н. XVII вв. этот тип был чрезвычайно популярен на территории всего Московского государства¹¹. Использовался он как средство покрытия военных и других чрезвычайных нужд. Особенно тяжелыми были налоги в первые годы царствования Михаила Федоровича¹², которые, как известно, совпадают по времени с пребыванием шведов в Новгородских землях. Такая популярность именно этого вида сбора не случайна. Как считает Веселовский В. «самодержавие московских государей не встречало при назначении и взимании налогов тех социальных и политических препятствий, с которыми постоянно

⁹ RA, NOA, fond 2403, Series I:87, fol. 1.

¹⁰ Веселовский, *Сошное письмо*, 88.

¹¹ Веселовский, *Сошное письмо*, 23.

¹² Веселовский В., *Семь сборов пятинных и запросных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича*. (Москва, 1908).

Таблица 1

Погост	Размер обжи	Рожь	Овес	Деньги
С. Тесово	полутреть	36 четей с пол-осьминой и четвериком	6 четей с осьминой и с третником	25 руб., 10 алтын, 3 деньги
Бутковский	полтора	22 чети без четверика	4 чети	15 руб., 6 алтын, 2 деньги
Хрепещкий	половина	7 четей с пол-осьминой и пол-пол четвериком	Четверть с пол-осьминой и с полутретником	5 руб., 2 алтына, деньга
Климецкой	обжа	14 четей с осьминой и пол четвериком	2 чети с осьминой и третником	10 руб., 4 алтына, деньга
Спасский	Пол-пол-пол чети обжи ¹³	4 чети с пол-осьминой и полутретником	3 пол-осьмины	пол четверика и пол-пол четверика
.....				
Итого хлеба и денег (с 6 по 26 декабря 1614 г.)		84 чети с пол-осьминой и с четвериком и с пол-четвериком	15 четей с осьминой и с пол-четвериком	59 руб., 2 алтына, деньга

приходилось сталкиваться западноевропейским государствам»¹⁴. Данный налог помогал восстанавливать экономику за счет собственного населения, не прибегая к внешним займам. А так как Якобу Делагарди на помощь из Швеции рассчитывать не приходилось, то он активно проводил в жизнь данную статью доходов.

Для данного исследования, важным является тот факт, что подобного рода сборы не были характерны для налоговой системы Швеции. Конец XVI – н. XVII вв. характеризуется как кризисный период. Цены на землю в Швеции упали, как и доходы от повин-

¹³ Примерно 0,03 обжи.

¹⁴ Веселовский, *Сошное письмо*, 24.

ностей¹⁵. К тому же, еще со Средневековья у короля сохранялось обязательство не прибегать к самовольному налогообложению. Чтобы ввести новую статью дохода, королю необходимо было согласие областей, а также согласие государственного совета по налоговым вопросам¹⁶. Нельзя забывать и про менталитет шведских крестьян, большинство из которых были крепкими хозяевами и владели приличными участками земли. Повышение старых или введение новых налогов, безусловно, вызвало бы протест среди коренного населения¹⁷. Однако совсем другую ситуацию мы видим во время правления Густава Адольфа (1611–1632). Его вступление на престол совпало по времени с установлением в Новгороде шведской власти. Известно, что Густав Адольф вел активную переписку с Делагарди и с Горном, которые докладывали ему о всех военных и экономических мерах в русских землях. И, что не удивительно, уже в первые годы его правления, мы видим в Швеции стремительный рост объемов налогообложения крестьян, и, что наиболее важно, появление большого количества чрезвычайных налогов¹⁸. Но здесь стоит учитывать менталитет шведских крестьян, которые не готовы были мириться с такими поборами. Время правления Густава Адольфа характеризуется большим количеством волнений, которые были отмечены еще в 1614 году¹⁹.

В свете вышесказанного, четко прослеживается тот факт, что Делагарди не привнес данный вид налог извне, т.е. из Швеции. Он заимствовал его внутри самого Российского государства и лишь придал ему оттенок упорядоченности и организованности в сборе. Можно предположить, что Густав Адольф в чем-то перенял практику налогообложения Московского государства и внедрил ее в Швеции. Однако этот вопрос требует более детальной и обстоятельной проработки.

Наиболее важным вопросом является реакция населения Нов-

¹⁵ Мелин Ян, Юханссон Альф В., Хеденборг Сюзанна, *История Швеции* (Москва: Весь Мир, 202), 64.

¹⁶ Мелин, Юханссон и Хеденборг, *История Швеции*, 65.

¹⁷ Веселовский, *Сошное письмо*, 18.

¹⁸ Кан А.С., *История Швеции* (Москва: Наука, 1974), 193.

¹⁹ Кан, *История Швеции*, 195.

городских земель на данный вид налоговых сборов. Неудивительно, что население часто протестовало против такого большого количества поборов и наказаний за их неуплату, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы и челобитные, написанные, что примечательно, на имя шведского королевича Карла Филиппа. Особо показательна петиция крестьян Будсковского, Хрепецкого и Клемецкого погостов Водской пятины, которые выразили недовольство постоянным разорением собственных хозяйств «ратными немецкими людьми», путем неимоверно высоких для данных краев поборов на содержание и прокорм лошадей, а также хлебов, для содержания шведского войска. Они просили Карла Филиппа контролировать этот вид налога особенно тщательно и недопустить полного разорения их сел и деревень²⁰.

Как правило, такие челобитные носят коллективный характер, хотя довольно часто встречаются иного рода прошения отдельных жителей Новгородской земли, которые ходатайствуют о пересмотре налогообложения одного конкретного хозяйства в связи с разного рода обстоятельствами. Так, например, челобитная игуменьи и сестер одного из монастырей новгородской земли содержит просьбу прекратить взимать с него налог с доходов от земли, расположенной вблизи монастыря, но больше не находящегося в его собственности²¹. Рудейка Семенов, который вследствие разорения попал в кабалу и стал неплатежеспособным, просит в своей челобитной уменьшить размер налога, полагавшегося с его хозяйства, и тем самым поддержать его, иначе ждет его голодная смерть²². Стоит заметить, что в большинстве случаев шведская администрация, на службе которой находилось немало русских дьяков, шла навстречу просителям, что явствует из ответов на челобитные, которые тоже содержатся в фонде НОА.

Особо хочется подчеркнуть степень участия в том самого Якоба Делагарди, действовавшего вместе с воеводой Иваном Никитичем Большим Одоевским, в контроле за фискальной политикой в Новгороде и Новгородской земле. Особенно это касается пункта взимания немецких кормов. Об этом свидетельствуют периодически

²⁰ RA, NOA, fond 2403, Series II: 43

²¹ RA, NOA, fond 2403, Series II: 294.

²² RA, NOA, fond 2403, Series II: 43, fol. 2

появляющиеся инструкции за их подписями по сборам ржи, ячменя, овса и пр., в которых даются конкретные указания на способ, количество и условия взимания налогов в виде натуральной продукции или денежных средств. В инструкциях и обращениях к новгородцам встречаются, что интересно, призывы к отказу от протестов против обложения новыми налогами. Главным мотивом к отказу должна была послужить покорность большинства жителей новгородской земли и регулярное выполнение ими своих обязанностей²³.

Стоит заметить, что с 1615 года, когда Якоба Деллагарди сменил Эвэрт Горн, налог на содержание немецких ратных людей стал особенно невыносим жителям новгородской земли. На мой взгляд, это связано не с его высокой ставкой, потому что это не совсем так, а с тем, что взимали его иностранцы. Нельзя забывать о том, что в Москве в это время уже несколько лет существовала легальная власть, которая казалось новгородцам теперь более удачным вариантом, чем союз со шведами. Об этом свидетельствуют и письма Эверта Горна к Густаву Адольфу²⁴.

Таким образом, проанализировав основной документ по интересующей проблеме, можно с уверенностью сказать, что Якоб Деллагарди старался проводить налоговую политику в Новгороде осторожно, но, в то же время, решительно. Острая потребность в финансах и невозможность получать широкую экономическую помощь из Швеции заставили Деллагарди подстроиться под русскую действительность и найти в ней подходящие для сложившейся ситуации пути решения экономических проблем. Такими решениями стало введение чрезвычайных налогов, которые сохранялись в Новгороде в течение шести лет шведского присутствия. Именно из-за подобного рода действий шведской администрации, возникали проблемы и конфликты с населением Новгородской земли. Однако личное внимание Деллагарди к данному вопросу и возможность разрешения такого рода проблем, долгое время помогало избегать антишведских выступлений и сохранять спокойствие и относительную стабильность на территории новгородских пятин.

²³ RA, NOA, fond 2403, Series II: 339.

²⁴ Данные письма и мемориалы опубликованы в Сборнике Новгородского общества любителей древности (Новгород, 1914): 36–37, 38–39, 49, 54, 57.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В ПЕРИОД ШВЕДСКОГО ПРИСУТСТВИЯ

Кончакова Е. М.

студент V курса

Липецкий государственный педагогический университет, Россия

kowkaforever@yandex.ru

ABSTRACT: Time of Troubles in Russia is one of the least studied aspects of national history. Especially poorly disclosed problem of Swedish occupation of Novgorod the Great. This article covers the administrative structure of Novgorod the Great and Sweden in the early XVII century, allowing the approach to solving the problem about the nature of the Swedish presence in Novgorod.

KEYWORDS: Якоб Делагарди, Густав II Адольф, Новгород Великий, Швеция, административная система, Смутное время

В начале XVII века Россия оказалась на пороге Смуты. Смута характеризуется крайне нестабильным политическим, экономическим и духовным состоянием государства и общества. Происходит надлом в жизни и сознании людей, т.к. наступил династический кризис – явление неведомое доселе. Российский престол все больше напоминает красивую игрушку, за которую готовы были сразиться не только противоборствующие группировки русской знати, но и Самозванцы, явные ставленники Польши. В подобной ситуации Василий Шуйский (1606–1610), стремящийся удержать власть в своих руках и очистить страну от поляков, обращается за помощью к явному политическому и династическому врагу Польши – Швеции, которая к этому моменту уже неоднократно предлагала свою помощь российскому царю¹. Безусловно, со стороны Швеции это была не бескорыстная подача: по Выборгскому договору от 28 февраля 1609 года, за присутствие в России шведского экспедиционного корпуса под командованием Якоба Понтуса Делагарди (1583–1652) Шуйский гарантировал отказаться от всех прав на Ливонию,

¹ Кобзарева Е.И., *Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века* (Москва: Издательство Институт российской истории РАН, 2005), 39–40.

передать Корелу с уездом и выплачивать войскам жалование². Однако военные неудачи³, невыполнение условий договора царем⁴ и его последующее свержение, позволило шведам в 1611 году занять Великий Новгород. В этих условиях был образован так называемый шведско-новгородский политический альянс⁵, в рамках которого сложилась особая административная система.

Отсюда вытекает желание выяснить, что из себя представляла шведская администрация в Новгороде, являла ли она собой элементы шведской административной системы как таковой, каков был национальный состав бюрократического аппарата, на чем основывалась административная практика. Проводя исследование в данном ключе, можно будет предположить, насколько ситуация в Новгороде в 1611–1617 гг. соответствовала понятию «оккупация», крепко поселившемуся в российской историографии еще в дореволюционный период.

Данный вопрос уже поднимался и отечественными, и зарубежными историками, такими как А.А. Селин⁶ и Х. Сьундберг⁷ в рамках отдельных статей или косвенно в более фундаментальных трудах, однако емкого и многогранного исследования до сих пор нет, следовательно, нет и обобщающего вывода по этой проблеме.

Проследить ситуацию в Новгороде в период Смуты позволяют документы, так называемого Новгородского Оккупационного архива (НОА), представляющего собой делопроизводство Новгородской Приказной избы. Недавно группа шведских славистов, возглавляемых Э. Лёфстранд, при содействии российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода, подготовили и опублико-

² Абрамович Г.В., *Князья Шуйские и Российский трон* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1991), 154–55.

³ Абрамович, *Князья Шуйские и Российский трон*, 169–70.

⁴ Абрамович, *Князья Шуйские и Российский трон*, 158.

⁵ Термин был введен А.А. Селиным. Подробнее см.: Селин А.А., *Новгородское общество в эпоху Смуты* (Санкт-Петербург: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2008), 10.

⁶ Селин, *Новгородское общество в эпоху Смуты*.

⁷ Сьундберг Х., «Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611–1617 гг.», *Новгородский исторический сборник*, 6(16) (1997): 273–78.

вали полную опись сохранившихся документов НОА в двух томах⁸, что сделало его более доступным и удобным в научной работе. Первая серия включает в себя таможенные, кабацкие, дозорные, кабальные, дворовые, лавочные, приходно-расходные книги; книги, связанные со сбором налогов, книги сбора судной пошлины и т.д.

Материалы второй серии состоят из купчих записей, служилых кабал, отпускных, судебных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей, т.е. из отдельных дел, записанных на отдельных листах и склеенных в свитки. Уже по широкому перечню источников, образующих базу исследования, можно установить, что, несмотря на тяжелое положение в стране, голод, экономические трудности, система управления Новгородом продолжала работать в интенсивном режиме.

Однако прежде чем приступить к рассмотрению Новгородской системы, коснемся административного порядка самой Швеции. Лишь в начале XVII века в Швеции завершился процесс складывания централизованного национального государства⁹ с наследственной монархией, во главе с королем Густавом II Адольфом (1611–1632). До этого в Швеции предпринимались попытки централизации и реформирования административного аппарата, однако они были непостоянными, неустойчивыми, говорить о налаженной системе государственного управления к началу XVII века не приходится¹⁰. При Густаве II Адольфе высшим органом власти вновь становится Риксрод (государственный совет), который заседал почти непрерывно и заменял собой короля во время его отсутствия. Вести королю дела помогала королевская канцелярия во главе с канцлером. Также король периодически собирал Риксдаг (общенациональное четырехсословное представительство) для решения важных государственных проблем. Таким образом, к 1611 году

⁸ Löfstrand Elisabeth and Nordquist Laila, *Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617*. Series I. (Stockholm: Riksarkivet, 2005); Series II. (Stockholm: Riksarkivet, 2009).

⁹ Кан А.С., Некрасов Г.А., Роздорожный И.П. и др., *История Швеции* (Москва: Издательство «Наука», 1974), 180.

¹⁰ Кан, Некрасов, Роздорожный, *История Швеции*, 159–64.

в Швеции установилась смешанная монархия, разделявшая власть между королем, Риксдагом и Риксродом¹¹. На местах представители власти – уездные фогты были поставлены под контроль 11 заместителей губернаторов по одному на лен. Управление стало феодально-бюрократическим¹². Право занимать высшие государственные должности являлось преимущественным для знатных дворянских фамилий¹³.

Таким образом, Швеция к началу XVII века находилась на волне административных реформ, новые порядки вводились постепенно благодаря канцлеру Акселю Оксеншерну¹⁴. Страна находилась на гребне постоянных преобразований, в процессе отмирания старых систем и внедрения новых. Такую административную систему вряд ли можно было использовать как модель, ведь именно параллельно русским событиям она и создавалась. Единственное, что можно отметить безусловно, касаясь шведской административной системы – ее бюрократизм, основателем которого можно считать Густава Вазу (1523–1560)¹⁵ и документальность, т.к. все распоряжения и приказы стремились записывать и хранить в письменном виде.

Обратимся непосредственно к новгородской системе во время шведского наместничества. Если коснуться поставленной проблемы, то документы НОА помогают установить, что формальным правителем Новгорода считался шведский принц Карл Филипп, который, ввиду своего малолетства, так и не удостоил своим присутствием новгородцев. Фактически же исполнительная власть находилась в руках генерала Якоба Делагарди и русского воеводы князя Ивана Никитича Большого – Одоевского, что уже является показательным, т.к. на самую вершину административной системы был допущен русский аристократ.

Гражданская администрация города была подчинена шведским властям, возглавляемым шведским секретарем М. М. Пальмом,

¹¹ Кан, Некрасов, Роздорожный, *История Швеции*, 196.

¹² Кан, Некрасов, Роздорожный, *История Швеции*, 181.

¹³ Мелин Ян, Юханссон Альф В., Хеденборг Сюзанна, *История Швеции* (Москва: Издательство «Весь мир», 2002), 103.

¹⁴ Мелин, Юханссон, Хеденборг, *История Швеции*, 108.

¹⁵ Мелин, Юханссон, Хеденборг, *История Швеции*, 110.

которого именовали скромно и по-русски дьяком. Однако подчиненные этому шведскому приказу прежние русские органы управления (приказные избы), возглавляемые дьяками и их помощниками подьячими, продолжали действовать на протяжении всего срока оккупации¹⁶. Однако были ли русские органы насильно подчинены шведской администрации, давали ли шведы должности по своему усмотрению, независимо от желания новгородцев?

Стоит сразу отметить, что в это время служба в приказах становится более престижной и доходной, нежели воинская служба служилого человека. Данный вывод вытекает из того обстоятельства, что новгородцы, в том числе огромное число дворян, просили сами зачислить их в число должностных лиц, даже в самые низы бюрократии (в рассылочные подьячие)¹⁷. Подавались челобитные, которые вскоре удовлетворялись, что свидетельствует о добровольном участии новгородцев в административной жизни города, об их стремлении начать карьерный рост при шведах.

Кто же занимал должности дьяков, по сути, истинных вершителей всей административной волокиты в период шведского присутствия в Новгороде? Примечательно, что примерно до 1603 года все новгородские дьяки назначались непосредственно из Москвы¹⁸. С началом Смуты мы замечаем, что не только не появляются шведские фамилии в административной системе, но и исчезают московские. Среди дьяков Новгорода все больше местных уроженцев (Григорий Трусов, Корнил Иевлев, Семен Лутохин, Андрей Лысцов и т.д.). Стоит предположить, что, вероятно, новгородцы относились благосклонно к данной политике шведских властей, ведь именно им теперь открывалась перспектива карьерного роста.

Новгородские подьячие представляли собой достаточно открытую социальную группу, однако обнаруживается тенденция к возникновению подьяческих кланов (например, известны случаи одновременного служения близких родственников или даже целых семей)¹⁹.

Самой низшей бюрократической ступенью были рассыльщики и

¹⁶ Сюндберг, «Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации», 273.

¹⁷ Селин, *Новгородское общество в эпоху Смуты*, 554.

¹⁸ Селин, *Новгородское общество в эпоху Смуты*, 556.

¹⁹ Селин, *Новгородское общество в эпоху Смуты*, 558.

посылочные подьячие, которые кормились от дел. Как отмечает А. А. Селин, денежное жалование для рассыльщиков не предполагалось, что дает право сделать вывод о том, что кормиться «от дел» было весьма выгодным способом поправить свое положение. Более того, служба в рассыльщиках давала возможности дальнейшего карьерного продвижения, а с 1612 года подьячие получают поместные оклады наравне с дворянами и детьми боярскими²⁰. О национальном составе данного слоя не стоит даже рассуждать, безусловно, это были представители русского населения.

Что касается принципов делопроизводства, стоит заметить, что они остаются московскими, нисколько не меняясь на протяжении всего периода шведского присутствия в Новгороде.

Примечателен тот факт, что в течение шведского присутствия в Новгороде, осуществлялись попытки проконтролировать деятельность новгородских приказов, а проводить ревизию был назначен дьяк Иван Тимофеев с подьячим Никифором Коптевым²¹, т.е. проверка была поручена русскому персоналу, а не шведской прослойке.

Каковы основные проблемы, которые приходилось решать новой администрации? Безусловно, в рамках одной статьи невозможно представить всю широту проблем новгородского общества эпохи Смуты, поэтому я намечу лишь основные моменты. В первую очередь это круг вопросов, связанных с конфискацией и передачей земельных владений должностным лицам и т.д. О первостепенности данных проблем свидетельствует широкий круг источников. Важной, безусловно, оставалась налоговая проблема, т.к. множество челобитных от местного населения представляют собой жалобы на существующий налоговый гнет, связанный с кормлением шведских и наемных войск. Примечательно, что администрация города, по возможности, старалась удовлетворить требования челобитчиков, например, выплачивала некоторые суммы тем, кто находился на краю бедности. При этом не стоит думать, что налоговый гнет при шведах существовал только в России. Население Швеции также страдало от гнета увеличившихся налогов, и это неудивительно, т.к. Густав II Адольф вел несколько войн одновременно, пополнял

²⁰ Селин, *Новгородское общество в эпоху Смуты*, 559.

²¹ Селин, *Новгородское общество в эпоху Смуты*, 570.

обнищавшую казну и коренным образом реформировал страну²². Таким образом, вряд ли можно судить о намеренной выкачке финансов из «оккупированной» страны во благо своего королевства. Серьезные уголовные (политические преступления, побег знатных людей)²³ и бытовые дела²⁴ решались в судебном порядке. Среди судей встречаются исключительно русские фамилии, что свидетельствует о договорном и скорее, компромиссном, характере русско-шведских взаимоотношений. Все дела решались постепенно, с допросами, выявлениями обстоятельств, слушанием свидетелей и т.д. В случае сложностей при решении судебных прений, наилучшим выходом из ситуации считалось обращение к наиболее уважаемым новгородцам за советом (князь Мещерский, Муравьевы, Ногин). Судебные дела решались, в основном, в пользу правой стороны, однако, если доказуемость ставилась под сомнение, обвиняемый не получал наказания, что, на мой взгляд, является справедливым. Стоит заметить, что в 1614 году в Швеции была проведена судебная реформа²⁵, каких-либо отголосков данного явления в документах НОА замечено не было.

Подводя итог, стоит отметить, что национальный состав новгородской администрации наглядно показывает нам, что большинство должностей в аппарате управления при шведах было занято русскими людьми. И это касалось не только низших должностных лиц, но и тех, кто определял характер всей административной практики. Шведская верхушка, на мой взгляд, обладала лишь номинальным положением, фактически же все дела решались русскими. Более того одним из представителей высшей исполнительной власти являлся русский князь, соправитель шведского наместника Якоба Делагарди, И. Н. Большой – Одоевский. Административная система в Новгороде при шведах велась на русский манер, т.к. объективно

²² Кан, Некрасов, *Роздорожный, История Швеции*, 193.

²³ Например: Riksarkivet (далее - RA), NOA. Serie II: 20. Л. 1 – 70. Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и порховского уезда дворцовых сел с псковичами. 1613. 13. 01. – 1615, январь.

²⁴ Например: RA, NOA. Serie II: 47. Л. 52. Дело о краже денег у палача Олешки (отрывок).

²⁵ Кан, Некрасов, *Роздорожный, История Швеции*, 236.

шведская система и не могла быть предметом для подражания, ввиду того, что сама находилась в процессе разработки. Каких-либо моментов с проведением эксперимента в Новгородской системе, для последующего внедрения в Швеции не наблюдалось. Более того, в административных системах существовало существенное различие: в Швеции должности были в руках знати, в Новгороде посты становились доступны для среднего класса, существовал карьерный рост. Возможно, стоит отметить, что Новгороду передался некоторый западный бюрократизм и документальность, но это единственный «шведский дух» в рамках Новгородской административной системы. Все дела, которые решались администрацией, в основном не выходили за рамки общественных и бытовых. Более того, проблем, связанных с недовольством шведской администрацией или притеснением русского народа (не считая проблем с наемными войсками), обнаружить, не удалось. Из этого следует сделать предположение, что русское общество не подвергалось дискриминации как таковой в административной системе, представители русского населения получали должности, более того, именно они занимались решением большей части вопросов, насаждения шведского административного аппарата не наблюдалось, что несколько противоречит термину «оккупация», на мой взгляд, относительно шведского присутствия в Новгороде.

Самоидентификация сибирских дворян и детей боярских во второй половине XVII в.: ОПЫТ отечественной историографии

Шмелева Е. В.

аспирант

Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
evgeniia_shmeleva@mail.ru

ABSTRACT: The experience of modern historical science let us spread the scopes of historical investigations. Today there are many popular studies on the social nature of power, its symbolic hand, elite behavior, consciousness and identity of individual groups of the society. Present study concentrates on the society of Western Siberia in the latter half of the XVIIth century, especially on the self-consciousness of service class people. The article reviews Russian historiography concerning the problems of corporate values, identity, point of honor, perception of state service, stereotyped behavior of two groups of service class people – *dvoryane* and *deti boyarskie*. Based on this analysis, we will try to build an image of the service man in Russia.

KEYWORDS: Западная Сибирь в XVII в., дворяне, дети боярские, служба, служилые люди, самоидентификация, самосознание, честь, долг, ценности

I.

В XX в. в историческом знании наметилась тенденция к размыванию границ между дисциплинами и переход к проблемному принципу организации исследований. «Пророчество» французского историка Фернана Броделя сбылось: с середины XX в. историческая наука подверглась специализации и дифференциации, вследствие чего возникли популярные сейчас историческая антропология, историческая социология, психология. Если говорить преимущественно о российских исследованиях, то историко-психологическая проблематика сегодня остается «за кадром» исторических изысканий.¹

¹ Шмидт С.О., *Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX в.* (Ин-т славяноведения, М.: Наука, 2002.), 102.

Это подчеркивает актуальность историко-антропологического исследования самосознания сибирских дворян и детей боярских, которые представляют региональную элиту, ставшую олицетворением или особой альтернативой центральной власти в Западной Сибири во второй половине XVII в. Изучение самосознания вдвойне оправдано, поскольку именно в этот период зрелости приказной системы идеология, сформировавшаяся при царском дворе, находит отклик у местных служилых корпораций, которые оказываются в перманентном состоянии «вызов – ответ». Представления указанных групп служилого населения о власти, своем месте в системе государственного управления, службе, государе, долге в конечном итоге принципиально важны для определения их как «социальной общности» и понимания специфики службы в России XVII в. как таковой.² Конструирование образа служилого человека сложно без учета предшествующей историографической традиции. Узкоспециальных исследований, посвященных самосознанию служилых людей Западной Сибири, практически нет, и анализ литературы для исследователя стал одной из насущных задач, позволяющих ответить на вопрос, каким был служилый человек в XVII в.

II.

Научное «освоение» истории Сибири началось достаточно рано. Дворянская историография середины XVIII в. отличилась фундаментальным трудом Г.Ф. Миллера.³ К одной из базовых составляющих самоидентификации относится понятие, которое использовалось для описания сибирских дворян и детей боярских: чины, служилые люди, группы, сословия, социальная общность. Миллер говорит о них, как о категории «самого низкого шляхетства», хотя упоминает

² Путилин С.В., «И я, холоп твой, тебе, государю, служил...»: самосознание служилого человека Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII вв., *Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики. Доклады и сообщения Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования Сибирской губернии* (Тюмень: Издательство «ИПЦ Экспресс», 2009): 301.

³ Миллер Ф.Г., *Описание Сибирского царства* (Санкт-Петербург, 1750).

о том, что их потомки считали себя равными прочим дворянам.⁴ Он повествует о разнообразных функциях детей боярских (передача информации, посольства, сбор ясака, начальство над казаками). Но, говоря об их деятельности, употребляет чаще всего слово «разсылки», но не «служба». Эквивалента термину «дворянство» XVIII в. в допетровской России не существовало. Историк пользуется терминологией «чин» или «степень». Говоря о воинской службе детей боярских Миллер упоминает некий «кодекс чести», существовавший для них еще с конца XVI в.: «служить верно, великому государю не изменить и за границу не сбежать».⁵ Сравнивая городовые и московские дворянские чины, Миллер говорит о бесспорном преимуществе последних, утверждая, что московского дворянина могли записать городовым за провинность «для унижения». Поэтому отличительной чертой городских дворян было стремление быть записанными по Москве, где служба была «честнее».

Пользуясь категорией «чин», другой историк этой эпохи, М.М. Щербатов полагает, что дети боярские были потомками боярских родов, настаивает на их знатном происхождении.⁶ Историк упоминает, что со временем чин детей боярских стал «упадать», так как в него верстали и людей более низкого сословия. Представитель сентиментализма в историографии Н.М. Карамзин считает, что дети боярские были изначально свободными слугами бояр. Описывая дворянство, он отмечает, что наличие грамотных дьяков, служащих в приказах «для письма и для совета», доставляло служилому «воинскому» дворянству «зависть и неудовольствие».⁷

Общим для историков XVIII в. было представление о том, что в московском государстве существовала категория служилых людей, состоящая из нескольких групп, служебные возможности и социаль-

⁴ Миллер Ф.Г., *История Сибири. Том 1. Глава 2* (Изд-во Академии наук СССР, М., Ленинград: 1937), 203.

⁵ Миллер Г.Ф., *Сочинения по истории России. Избранное* (М., Наука: 1996), 189.

⁶ Щербатов М.М., *Примечания на ответ господина генерал майора Болтина, на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, Содержащая в себе любопытныя и полезныя сведения для любителей российской истории, також истинныя оправдания и прямыя доказательства против его возражений, критики и охулений* (М., 1792), 385.

⁷ Карамзин Н.М., «История государства Российского» в *Полное собрание сочинений русских авторов. Том IX и X.* (Санкт-Петербург, 1852), 444.

ные привилегии которых зависели от происхождения, знатности рода. Особенностью исторических исследований этого периода было отсутствие использования термина «служилые люди» или «служилое сословие».

Кризисные явления в дворянской историографии 30-х – середины 90-х гг XIX в. нашли свое выражение в появлении новых научных теорий. Проводник «теории официальной народности» Н.Г. Устрялов использует иное понятие для описания групп служилых людей: «народные сословия», куда включает дворян и детей боярских. Историк пишет о детях боярских как о потомках бояр, но упоминает, что этот класс «благородных происхождения» пополнялся и теми, кто не являлся потомками бояр, а был просто помещиком-землевладельцем.⁸ Характеризуя их отношение к службе, он делает вывод, что эта обязанность была определена и неизбежна: русский дворянин обязан был служить государю и отечеству в таком звании, которое соответствовало старинному понятию о княжеской дружине. Автор полагает, что в России были «только степени, обозначающие личный сан, с определенным кругом обязанностей и соразмерными преимуществами».⁹

В историографии середины 90-х гг. XIX в. для обозначения служилых людей появляется термин «служилое сословие», «служилый класс». И.Д. Беляев озвучил новую теорию происхождения дворянства: слуги вольные и дворяне были в XIII-XV в. одним и тем же, занимая на службе второстепенные должности, в отличие от бояр.¹⁰ Но этих дворян нельзя сравнивать с дворянами после 1566 г., когда так стали называть высшее служебное сословие. Дворяне XIII – первой половины XVI в. составляли именно то самое сословие, которое после 1556 г. получило название боярских детей. Анализируя деятельность дворян и детей боярских, Беляев утверждает, что их службой была служба военная, но не имеющая высшего значения, а потому они стали «нести собственно городовую службу...посыла-

⁸ Устрялов Н.Г., *Русская история до 1855 г.* (Петрозаводск, Корпорация Фолиум: 1997), 390.

⁹ Устрялов, *Русская история до 1855 г.*, 394.

¹⁰ Беляев И.Д., «Служилые люди в Московском государстве. Слуги или дворяне, а в последствии дети боярские» *Московский сборник, Том I.* (М., 1852): 359.

лись в Сибирь и другие отдаленные края».¹¹ Исследователь отмечает возможность детей боярских перейти в «высший» служилый класс, благодаря службе и материальному достатку.

Представитель «государственной школы» С.М. Соловьев использовал для описания дворян и детей боярских понятие «служилые люди», противопоставляя их западной «аристократии». Характеризуя состояние общества в XVII в. он пишет, что «наследственной аристократии, высшего сословия не было, были чины: бояре, окольные, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские».¹²

По мнению В.О. Ключевского, дети боярские по происхождению принадлежали к боярству, но отделялись от него по службе.¹³ Согласно его точке зрения, наименование «сын боярский» к XVII в. становится синонимом провинциального служилого человека.

В 60-70 гг. XIX в. историки начинают оценивать «должностное поведение» служилых людей. Н.П. Загоскин упоминает о существовании «кодекса служебного поведения» окладчиков при верстании «новиков» в XVII в.: «не дружить и не мстить никому исполнением своей обязанности, не брать взяток за неправильное верстание, говорить по правде, кто из новиков уже служил и кто из них еще не находится в службе».¹⁴

К 90-м годам XIX в. появляются специальные исторические труды, посвященные сибирским служилым людям. В исследовании В.А. Кулешова о деятельности сибирских администраторов дается попытка составить психологический портрет служилого человека, внешне обязанного следовать царским указам, общественным правилам, но на деле не всегда соблюдающего эти устои. Анализируя указы воеводам, он приводит следующую формулу, которой руководствовались служилые люди: «делати по сему государеву наказу, и смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, как будет пригоже и Бог вразумит».¹⁵ Таким образом, возможность для «самовольст-

¹¹ Беляев, «Служилые люди в Московском государстве», 382.

¹² Соловьев С.М., *Сочинения. История России с древнейших времен* (М.: Голос, 1993).

¹³ Ключевский В.О., *История сословий в России* (Минск, Харвест: 2004), 208.

¹⁴ Загоскин Н.П., *Очерки организации и происхождения служилого сословия в донетровской Руси* (Казань, 1875), 165.

¹⁵ Кулешов В.А., *Наказы Сибирским воеводам в XVII в.* (Болград, 1894), 5.

ва» была практически легитимной, что на практике выражалось в бесчисленном количестве злоупотреблений.

Работа К.Б. Газенвинкеля стала откликом на существующую в то время источниковую проблему: игнорирование при изучении истории Сибири Разрядных книг.¹⁶ На основании их, автор делает вывод, что воеводские места весьма часто занимали лица из самых «честнейших» фамилий (Трубевские, Волконские, Куракины), к которым относились с особой степенью уважения. По мнению автора, это доказывает тот факт, что служба в Сибири считалась до известной степени почетной, выгодной: временное отсутствие из России вознаграждалось материальными выгодами воеводского кормления в Сибири. Автор дает психологический портрет сибирских служилых людей: «отряды смелых добровольцев, которым терять было нечего, ... вдали от правительственного надзора... были полными хозяевами...».¹⁷ Историк говорит, что они без стеснения прикрывали свои злоупотребления высоким царским именем: каждый из них видел перед собой пример Ермака.

Одним из самых плодотворных историков рубежа XIX–XX в., был Н.Н. Оглоблин. Особое внимание он уделил «живому» материалу по истории сибирских служилых людей – челобитным, которые были «составлены населением вполне самостоятельно, свободно и независимо от административных влияний и вожделений».¹⁸ Документы фиксируют случаи нарушения служебного долга (побеги, «непослушания», оскорбления); восстановления личной и родовой «чести»; многочисленные просьбы о поверстании вместо отца «за службу и за кровь его».¹⁹ Любопытны челобитья боярских детей отпустить их из Сибири по болезни, за «раны и за службу», об особых личных нуждах («помолиться новгородским чудотворцам»)²⁰ Историк характеризует служилых людей как лиц самостоятельных и властных, энергичных и предприимчивых. По мнению Н.Н.

¹⁶ Газенвинкель К.Б., *Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири XVII в.* (Казань, 1892), 79.

¹⁷ Газенвинкель К.Б., *Книги разрядные*, 55..

¹⁸ Оглоблин Н.Н., *Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа* (М., 1900), 87.

¹⁹ Оглоблин Н.Н., *Обозрение*, 101.

²⁰ Оглоблин Н.Н., *Обозрение*, 103.

Оглоблина, дворяне появляются в Сибири очень поздно, с 1684 г. Поверстанным в этот чин открывалась дорога в «жилецкий» или «Московский» списки. Высокий статус собственно службы в Московском государстве в XVII в. автор подтверждает отказом служилых людей «литовского списка» быть писаными пашенными крестьянами и их просьбами в челобитных перевести их в службу, так как «они были в Литве служилые». ²¹ Автор указывает, что большинство людей ссылалось в Сибирь «в службу», случаи ссылки «в тюрьму» были очень редки. Оглоблин затрагивает проблему ассимиляции иноземцев в регионе, приписывая им функцию трансляции европейских культур. ²²

П.Н. Буцинский, говоря о быте сибирских служилых людей, утверждает, что дети боярские до и после реформ Ю.Я. Сулешова жили достаточно состоятельно: служба давала им возможность «наживы». ²³ Служилый человек меньше страдал от воеводских злоупотреблений и имел возможность пожаловаться государю. Автор выдвигает тезис о существовании корпоративной «этики»: «служилые были защищены, будучи рядом со своими товарищами по чину». Говоря о нравственности служилого населения Сибири, автор ссылается на грамоту патриарха Филарета, который отмечает падение религиозного чувства служилых людей, что историк объясняет столкновением разных культур в Сибири.

Общественно-политическое течение середины 1850-х – начала XX в., получившее название «сибирского областничества», позволило с новой стороны взглянуть на историю Сибири. Особую ценность имеют работы сибирского историка А.П. Шапова. Он указывал на своеобразие социального статуса служилых людей Сибири, заключавшееся в том, что «часть их потомков состояла в подушном окладе и попала в податные сословия». ²⁴ В менталитете русских сибиряков при слабом утверждении «идеи общности» он отмечал преобладание эгоизма, своекорыстия, грубости нравов.

²¹ Оглоблин Н.Н., *Обозрение*, 104.

²² Оглоблин Н.Н., *Обозрение*, 60.

²³ Буцинский П.Н., *Заселение Сибири и быт ее первых насельников* (Харьков, 1889), 248.

²⁴ Шапов А.П., *Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении* (Санкт-Петербург, 1872), 34.

Историк конца XIX в. Н. П. Павлов-Сильванский полагает, что наследственная обособленность класса дворян и детей боярских поддерживалась правительством в XVII в.²⁵ Он ссылается, что при верстании новиков предписывалось верстать лишь природных детей боярских («от отцов детей»). Но эта обособленность на практике нарушалась верстанием в указанные чины прочих служилых людей и началом выслуги. Рассуждая о корпоративных «возможностях» двух изучаемых классов и их представлениях о чести, историк отмечает, что землевладельческое и податное преимущества дворянского класса обуславливались лежавшей на нем обязанностью службы. Дворяне и дети боярские пользовались этим преимуществом не в качестве самостоятельного, привилегированного сословия, а в качестве всецело зависящего от правительства служилого класса. Служба государству представляла всю организацию служилого класса, что не позволяло развиваться в его среде корпоративным стремлениям и понятию сословной дворянской чести. Развиты же были понятия родословной отеческой чести и чести чиновничьей.

Заслугой дореволюционной историографии стало накопление большого фактического материала о служилом населении Сибири, подробное описание их происхождения и функций, включая отдельные указания на их экономическую деятельность. На основании источников были подтверждены случаи социальной мобильности внутри служилой общности, показаны специфические отношения между группами служилых людей. Осуществлялись первые попытки представить психологический портрет служилого человека, обозначить его ценностные и мировоззренческие установки.

III.

Советская историография принесла новый взгляд на историю «колонизации» Сибири: от правительственной к народной. Объектом изучения становятся торговые и промышленные люди. Однако исследование служилого населения все же продолжались. С.В. Бахрушин использовал разные виды источников (челобитные, нака-

²⁵ Павлов-Сильванский Н.П., *Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства* (Санкт-Петербург, 1898), 93.

зы, отписки, сметные списки), обозначив представления людей о службе, воеводской власти.²⁶ Им было проведено биографическое исследование деятельности двух тобольских воевод: Ю.Я. Сулешева (1623–1625) и П.И. Годунова (1667–1670), что позволило сравнить консерватизм первого и новаторство второго. Преимущественно, историк ведет речь о представлениях служилых людей о власти, вероятно потому, что служба государству была, по сути, единственным их занятием. О таких же составляющих самосознания как религиозные, социальные ценности мы можем встретить у него лишь отдельные высказывания. Исследователь утверждает, что именно из среды ссыльных служилых людей и иноземцев в XVII в. выходили умные и энергичные администраторы. В числе политических ссыльных в Сибирь попадали представители наиболее образованной части московского общества, которые отчасти формировали самосознание служилых. Однако, жизнь на новом месте, условия колонизации в некоторой степени сглаживали различия, «уравнивая» людей. Бахрушин характеризует служилых людей как упорных в достижении целей, неразборчивых в средствах, предприимчивых и смелых, беспощадных к инородцам, заботящихся не столько о государевом деле, сколько о собственной выгоде и наживе. Историк делает вывод, что жизнь в Сибири не давала ни возможности, ни времени развивать духовные потребности, поскольку все силы ума шли на удовлетворение практических нужд.

С середины 40-х гг. XX в. ввиду укрепления тезиса о крестьянской колонизации региона, служилому сословию отводится второстепенное место в истории Сибири. В.И. Шунков полагал даже, что деятельность служилых людей, которые вели грабительскую торговлю, была вредна. Он отмечал, что система воеводского управления в Сибири в XVII в. предоставляла широкие возможности для злоупотреблений и сохраняла многие черты кормления.²⁷

В конце 1950-х – конце 1980-х гг. исследователи подчеркивали роль служилых людей в земледельческом и торгово-промышленном освоении городов, основании слобод и деревень. Интересные

²⁶ Бахрушин С.В., «Воеводы Тобольского разряда в XVII в.» в *Научные труды* (М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955), 170.

²⁷ Шунков В.И., *История Сибири. Том 2.* (Ленинград: Изд-во Наука, 1968), 30.

наблюдения делают В.А. Александров и Н.Н. Покровский относительно коллективной памяти сибирских дворян и детей боярских. Добиваясь повышения по службе и перечисляя свои заслуги, они часто ссылались на службу «с Ермаком».²⁸ Челобитья о верстании в службу подросших детей, даже при их самом далеком родстве с участниками походов Ермака, не встречали возражений со стороны Сибирского приказа. Потомственная связь с участниками событий 1580–1590-х гг. получала официальное подтверждение. Авторы акцентируют внимание на особенностях комплектования местной администрации в Сибири по двум принципам назначения на должность – по решению центральных учреждений и по собственному челобитью. Характерной чертой служилых людей историки называли немалый кругозор, жизненный опыт, решительность и самостоятельность. Большинство из них благодаря своему происхождению, службе, участию в политических событиях сохраняло чувство органической связи с европейской частью страны.

В историографической традиции появляется интерес к сравнению служилых людей Сибири и Европейской России. А.А. Преображенский, сравнивая чин сына боярского в Сибири и Европейской России, отмечает, что сибирский сын боярский имел гораздо более скромные права. Поэтому среди амбиций сибирских дворян была задача добиться зачисления в московский список. А.Т. Шашков утверждал, что дети боярские представляли в Сибири своеобразную служилую «аристократию», тогда как в Европейской России мало чем отличались от приборного населения.²⁹ Г.А. Леонтьева полагает, что в глазах современников сибирское дворянство имело «захудалое происхождение», личный характер их привилегий не распространялся на потомков. Порядок верстания на «убылые места» родственников приводил к тому, что в гарнизонах несли службу порой целые семьи. Так как многие из сибирских дворян происходили из рядовых служилых людей, их тесная связь с детьми боярскими и ря-

²⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н., *«Власть и общество. Сибирь в XVII в.»* (Новосибирск: Изд-во Наука, 1991 г.), 80.

²⁹ Шашков А.Т. «Воеводское управление на Урале в XVII в.» (Верхотурский «розыск» о служилых людях 1678–1679 годов и судьба Я.Б. Лепихина), *Уральский исторический вестник. Екатеринбург, №3* (1996): 51–60.

довыми казаками создавали известную пестроту даже внутри одной семьи. Это приводило к тому, что на звание сибирского дворянина смотрели как на должность.³⁰

В целом в советской историографии отмечался вклад служилых людей в хозяйственно-экономическое освоение Сибири, хотя их социально-экономические функции были несколько абсолютизированы. Акцентировалось внимание на источниках комплектования отдельных групп служилого населения, их взаимоотношениях внутри служилой общности, а также с другими группами населения (мирскими организациями).

IV.

В современной науке акцент исследований смещается в сторону специального изучения самосознания, ценностей, поведения служилого человека в Сибири. Повседневная жизнь, аспекты мировоззрения отражены в биографических исследованиях служилых людей Д.Я. Резуна и А.А. Люцидарской. Биографии людей ярко отражают социальный выбор, субъективный опыт, семейные ценности. Особое внимание А.А. Люцидарская акцентирует на образах служилых иноземцев. Хотя иноземцы зачастую не желали принимать существующие правила игры в обществе, подавляющее их большинство удачно приспособлялось к сибирским условиям жизни. Главным фактором являлась индивидуальная способность к адаптации и знакомство с основополагающими устоями русской культуры, которые обеспечивали успешное и благополучное функционирование индивида в условиях Сибири XVII в. Продвижение по служебной лестнице зависело от личной инициативы человека. В дальнейшем же в игру вступали обстоятельства иного рода – коррупция, лихоимство, «кумовство». Иноземцы являлись законодателями «моды» в формировании миропонимания служилых людей, иногда бросая вызов традиционным ценностям. Иностранцы во главу угла ставили саму личность, а не её вещное окружение или атрибутику. Такие мировоззренческие установки, попадая на благоприятную сибирскую почву,

³⁰ Леонтьева Г.А. *Служилые люди в Восточной Сибири XVII – первой четверти XVIII в.* (Москва: Типография МГУ, 2012), 64.

способствовали складыванию критериев в оценке человека, отличных от церковных идеалов. Происходило обмирщение культуры, характерной чертой которого было повышение интереса к нравственному долгу, личным обязанностям в рамках семьи и общества.³¹

Под используемым термином «самоидентификация» в XVII в. подразумевалось гораздо менее широкое понятие. Пожалуй, можно поставить знак равенства между понятием «самоидентификация» сегодня и категорией «служба» в XVII в. Концепция И. Л. Андреева заключается в том, что в XVII в. сложилась своеобразная идеология и психология службы, важная и для власти, и для дворянства. Власть приспособлявала «философию службы» к потребностям формирующегося абсолютизма, дворянство успешно использовало её для предъявления своих сословных требований. Однако полного тождества между пониманием ими службы не было. Официально нормированная модель поведения служилых предполагала демонстрацию служебного рвения, которое постоянно декларировалось служилыми людьми в челобитных, но редко подтверждалось на практике.³² И.Л. Андреев делает вывод о корпоративно-чиновном взгляде на службу. Для XVII в. даже характерно было восприятие «своей», личной службы как службы «в ряд». Такое восприятие службы не оставалось неизменным на всем протяжении XVII в. Модель службы развивалась в общесословном контексте требований городского дворянства, которое настаивало на уравнивании в правах с московскими чинами. Равенство виделось в личных заслугах как единственном основании для поощрения и награждения. При постепенном переходе к полкам «нового строя» проблема уравнивания приняла иной масштаб – люди боялись преуменьшения своих заслуг, боялись быть уравнены между собой.

С.В. Путилин подверг анализу челобитные служилых людей Западной Сибири с точки зрения использования в них местоимений, как единиц проявления самосознания. На первом месте были лич-

³¹ Березиков Н.А., Люцидарская А.А., «Человек и социум: жизнеописания служилых людей сибирских гарнизонов XVII – начала XVIII в.», *Уральский исторический вестник*, №4 (29) (2010): 39–46.

³² Андреев И.Л., «Дворянство и служба в XVII в.», *Отечественная история*, №2 (1998): 164–175.

ные местоимения, более 70 %, среди которых личные местоимения 2-го лица единственного числа (те, тебе, твой, твоего, тебя). Историк четко разграничивает, что разные служилые общности отвечали на разные «вызовы» (дети боярские, казаки – на военные, воеводы – на все остальные). Военные «вызовы», «раздражавшие» сильнее, чем какие-либо, побуждали к тому, что нужно было максимально прилагать собственные усилия для достижения поставленной цели. Поэтому в челобитных и встречается огромное количество просьб наградить за «свою» личную службу. «Полифункциональность» же воеводы приводила к развитию в нем двух типов личности: социальной и материальной, сознание их было как бы раздвоено. Путилин полагает, что дети боярские персонифицируют себя со служилым человеком исключительно в военной деятельности: служба для воевод значила преимущественно интеллектуальное приказание, а для рядового служилого человека – преимущественно физическое поручение.³³

Представленная историографическая традиция изучения самоидентификации сибирских дворян и детей боярских, безусловно, не вполне исчерпывающая, при отсутствии большого количества узкоспециальных исследований. Но она позволяет выделить основные составляющие самоидентификации служилого человека. Сибирские «аристократы» по сути, дворяне и дети боярские занимали двойственное положение в обществе, будучи «захудалыми» в глазах таких же чинов Европейской России. Однако у них были основания гордиться своим положением и отстаивать привилегии: заслуги отцов, служба «с Ермаком», личная выслуга были основаниями для повышения статуса провинциальных служилых. Служба была для них основным занятием, жизнью, долгом перед государством. Однако не всегда служебное рвение, описываемое в челобитных, находило отражение на практике: служилым людям тоже были свойственны «слабости», часто приводившие к злоупотреблениям. Принадлежность к той или иной категории служилых людей определяла двойственность самосознания, где коррелировались личностные и

³³ Путилин С.В., *Государь в представлениях служилого населения Западной Сибири в конце XVI-начале XVIII в.*, http://www.moscowia.su/images/konkurs_raboti/2006/konkurs2006.htm.

корпоративные начала. Они отождествляли себя, прежде всего, как члена служилой «социальной общности». В мировоззрении служилых людей были развиты представления о родословной отеческой и чиновной чести. Это были люди, чутко реагирующие на внешние вызовы, в том числе со стороны «чужих» – иноземцев. Осознавая свою обособленность, сибирские дворяне и дети боярские пытались не допускать верстания в свои чины чужих. Перманентное удовлетворение насущных нужд в условиях Сибири не давало возможности развивать духовные способности, способствовало позднему переходу к личностному сознанию в среде сибирских служилых людей.

Судебная реформа Петра Великого (1717–1727 гг.): от Московской Руси к имперской России

БОРОДИНА Е. В.

кандидат исторических наук,

Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук, Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия
Sosnovi-bor@yandex.ru

ABSTRACT: The article aims to explore the problems connected with the transformation of the Russian administrative system during the reign of Peter the Great. The paper focuses on the judicial reform of the 1st quarter of the 18th century, which clearly illustrates the 1st Russian Emperor's idea about the essence of governance. The reforms were meant to create new administrative structures based on the 'cameralism' concept. The analyses of this process brought us to the conclusion that the new governmental machine was far from life, because of the difficulties in changing the bureaucracy's mental patterns and behavior models.

KEYWORDS: reforms of Peter the Great, the 1st quarter of the XVIII century, judicial system, judges, civil service

Время правления Петра Великого довольно прочно ассоциируется в мировой историографии с переломным этапом в истории России. Реформы Петра были направлены на серьезные изменения всех сфер жизни общества, стали прологом к тому, что Россия к концу XVIII – началу XIX. в. превратилась в великую державу, закрепила за собой статус империи.

В свое время преобразования первой четверти XVIII в. вызывали жаркие дискуссии в среде мыслящих людей России. В середине – второй половине XIX в. эти споры, например, вылились в полемику между западниками и славянофилами о роли и месте Петровского времени в истории страны. Славянофилы, например, были убеждены в том, что преобразования первого российского императора вылились в отступление от самобытного, эволюционного пути развития России, коренным образом изменили направление становления государственности. Некоторые исследователи до сих

пор настаивают на том, что последствия реформ первой четверти XVIII в. должны рассматриваться как коренные трансформации жизни российского общества.

По обилию реформ, их многозначности и всеохватности конец XVII – первая треть XVIII в. заслужили пристальное и неослабевающее внимание исследователей. В связи с этим обращает на себя внимание большое количество исторических трудов, которые посвящены отдельным сторонам/сферам/областям петровских реформ. Последняя тенденция представляется особенно ценной, так как овладение новой, более подробной и полной информацией о реформах, задуманных первым российским императором, позволит провести сравнительно-исторические исследования как на базе материалов по российской истории, так и в сопоставлении с данными других стран и регионов Европы.

В годы правления первого российского императора продолжается формирование бюрократического аппарата управления, который базировался на строгом документировании всех управленческих процедур, формировании такой системы управления, которая могла бы периодически проверяться и перепроверяться. Принцип внимательного отношения к документу и соблюдения строгих правил его оформления был заложен еще нормами Соборного Уложения 1649 г. Впоследствии он развивался в указах Петра I (указ о форме суда 1723 г.)¹ и утвердился в управленческой практике органов власти всех уровней.

Нововведением для страны становится заимствование и попытка внедрения такого европейского принципа организации управления, как камерализм². Именно на его основе (функциональном разделении различных областей управления) и происходит создание центральных органов власти – коллегий, а также ряда подчиненных им региональных структур.

¹ *Соборное Уложение 1649 г.* (М., Издательство Московского университета, 1961), 90–102, *Полное собрание законов Российской империи* (далее, ПСЗРИ) (СПб., 1830), т. 7, 147–151.

² Серов Д.О. *Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование* (М.: Норма, 2009), 145; Анисимов Е.В. *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века* (СПб., Дмитрий Буланин, 1997), 99–107.

Это хорошо можно увидеть на примере судебной реформы 1717–1727 гг., которая, по мнению ряда историков, стала первой судебной реформой в истории нашей страны³. Среди создающихся органов власти можно назвать «нижние» и надворные суды в уездах, провинциях и губерниях. Данная статья посвящена организации судебной системы России в первой трети XVIII столетия. Её цель – показать, насколько оказались соотнесены уже существовавшие и «новые» принципы управления на примере работы судебных структур и деятельности представителей судейского корпуса на Урале и в Западной Сибири.

На сегодняшний день в историографии сложилось несколько точек зрения по вопросу о начале проведения судебной реформы Петра Великого. Такие исследователи, как М.М. Богословский, например, начинали судебные преобразования на местах 1719 г. В то же время Д.О. Серов и некоторые другие историки, занимавшиеся этим вопросом, относят начало реформы к декабрю 1717 г. – дате основания коллегий⁴. Среди последних можно встретить упоминание и о Юстиц-коллегии, ставшей центральным судебным учреждением в России и возглавившей деятельность по разработке проекта системы региональных судов в России.

По наблюдениям Л.М. Балакиревой, сам процесс организации работы коллегии Юстиции происходил в экстремальных условиях, которые имели как экзогенную, так и эндогенную природу.

По замыслу Петра I, стремившегося порвать как можно скорее с традиционно московскими структурами и методами управления, всем коллегиям нужно было начать функционировать уже в новой столице государства – Санкт-Петербурге. Строящийся по европейским стандартам и образцам город на тот момент был еще невелик. Процессы переселения государственных служащих разных чинов, представителей торгово-предпринимательских сословий, крестьянства и посадских были далеко не завершены, количество жилых площадей ничтожно мало, а сам город представлял собой одну большую

³ Серов Д.О. *Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование* (М.: Норма, 2009), 11–20.

⁴ Богословский М.М. *Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719-1727 гг.* (М., 1902), Серов Д.О. *Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование* (М.: Норма, 2009), 178–180.

стройку, на которой постоянно наблюдался дефицит как строительных материалов, так и дров и продовольствия для проживавшего здесь населения.

Подобно другим коллегиям, Юстиц-коллегия оказалась расквартирована в небольшом мазанковом здании Сената на Троицкой площади, строительство и перестройка которого велись с 1714 г. на Городовом острове. Только в 1722 г. недостаток площадей для размещения канцелярии и судебного присутствия центрального учреждения Юстиции был преодолен за счет его перевода в здание двенадцати коллегий на Васильевском острове.

Жизнь канцелярии и присутствия в условиях постоянного ремонта и переезда осложнялась также проблемой набора штатов коллежских служащих. В 1717 г. в коллегии было произведено лишь назначение президента (А.А. Матвеева) и вице-президента (Г. Бревверна). Именно они долгое время представляли все присутствие коллегии Юстиции. Набор в канцелярию и присутственные структуры длился более года и в целом был завершен лишь весной 1719 г. Количество иностранных служащих среди советников и ассессоров коллегии составляло восемь человек, трое из которых (38%) имели иноземное происхождение и, по предположениям Л.М. Балакиревой, обладали юридическим образованием. В канцелярии к началу 1719 г. числилось три переводчика⁵.

Формирование большей части штатов присутствия и канцелярии коллегии велось в первую очередь за счет кадровых ресурсов бывших судебных приказов, базировавшихся в Москве. Таким образом, среди членов коллегии преобладали люди, знакомые с опытом ведения судебного процесса на основе приказных традиций XVII столетия и норм Соборного Уложения 1649 г., а коллектив коллежских служащих являл собой сплав из представителей традиционных судебно-управленческих структур и знатоков «новых» принципов управления и судопроизводства.

Правда, как можно предположить, старая модель организации и осуществления правосудия господствовала. Большинство назначенных чиновников не имело собственных квартир в новостроящемся

⁵ Балакирева Л.М. *Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия: Учебное пособие* (Новосибирск, НГАЭиУ, 2003), 123–128, 132–192.

Санкт-Петербурге. Столичные условия проживания вынуждали тратить деньги не только на наём жилых помещений, продовольствие, дрова, но и на соответствующий костюм, сшитый по европейскому образцу⁶. Значительные расходы не могли быть восполнены, так как жизненная ситуация практически любого коллежского бюрократа из «русской части» присутствия осложнялись почти полным отсутствием жалования, которое не было назначено даже президенту Юстиц-коллегии А.А. Матвееву. Несмотря на утверждение Петром Великим штатов с четко установленным жалованием для канцеляристов, указы начала 1720-х гг. неоднократно предписывали им «кормиться от дел», так как государственная казна не могла изыскать средства для выплат по должностным окладам. Какова была ситуация с организацией органов суда на уровне губерний, провинций и дистриктов?⁷

Окончательный план создания судебной системы сложился к концу 1718 г. На региональном уровне она была представлена надворными судами в губерниях (в некоторых случаях – один гофгерихт на две губернии) и «нижними» судами в провинциях и городах. Реформаторы предполагали, что к концу 1719 г. система будет работать повсеместно. Уже в 1719 г. надворные суды начали действовать в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Курске и Риге. Были назначены городские судьи в Новгород и ряд других городов Северо-Западной России. Тем не менее, во многих губернских и провинциальных центрах, а также уездных городах новая судебная организация не была налажена и к 1720 г.

В частности, Тобольский надворный суд Сибирской губернии был формально открыт только в последние дни декабря 1720 г., когда в Тобольск прибыли назначенные судьи – князя Семен Михайлович Козловский и Михаил Иванович Вадбольский. Первый состав Тобольского надворного суда – главного судебного ведомства в огромной Сибирской губернии – был очень скромен. Лишь весной 1721 г. туда был определен еще один судья – Иван Яковлев. Несмотря на то, что первые судейские назначения в западные уезды и провинции

⁶ Кошелева О.Е. *Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени* (М., ОГИ, 2004), 123–142.

⁷ *ПСЗРИ*, т. 7, 656, 805.

Сибирской губернии были произведены указами Сената, на плечи первых сибирских судей была возложена задача формирования сети подчиненных им городских и провинциальных судов.

По всей видимости, традиционная схема назначений на должности Сенатом через дворянские смотры оказалась практически невозможной для Урало-Сибирского региона. Большинство дворян Центральной России стремились найти себе должность поближе к своим поместьям и не имели желания «вписываться» в новую для них сеть служилых связей, которая когда-то была сформирована из ссыльных и опальных и из не слишком родовитых представителей служилого сословия – казаков и сибирских детей боярских. Еще одним отпугивающим фактором была удаленность региона от столичного центра. В связи с этим центральные власти приняли решение о сохранении бытовавшей с XVII в. схемы назначений на административные должности в Сибири местных служилых людей.

Кроме того, назначения на должности городских судей Сибири отличались от назначений в Центральной России, где городские судьи определялись строго по городам. Урало-Сибирский регион представил вариант определения «надворного судьи» не в города – редкие для этого региона административные центры, а в горнозаводские поселения и слободы.

Так, например, по инициативе В.Н. Татищева, возглавлявшего Уральское горное правление, в марте 1721 г. был назначен на должность судьи сын боярский Венедикт Томилов, который осуществлял правосудие на территории двух горнозаводских дистриктов – Уктусского и Алапаевского, в состав которых входили как казенные, так и частные заводы. Судьей Каменского дистрикта – еще одного горнозаводского центра, долгое время находившегося в ведении губернских властей, – стал сибирский сын боярский Гаврила Черкасов⁸.

Назначения судей и формирование их канцелярий проходили в течение всего 1721 г. Примечательно, что в условиях увеличения числа канцелярий и ведомств на региональном уровне наблюдается отсутствие возможности расширить штат канцелярских служащих и количество присутственных мест для них. Формирование штата

⁸ Бородина Е.В. «Екатеринбургская канцелярия судных дел», в *Проблемы истории России. Вып. 7*, (Екатеринбург, НРМП «Волот», 2008), 154.

судебных канцелярий и определение их местоположения полностью зависело от воли воеводы, который был вынужден предоставить вновь создаваемым структурам штат подьячих и место для размещения органа суда. Как можно увидеть на примере образования судебной канцелярии в Тюмени, этот процесс происходил за счет выделения судебного повытья воеводской канцелярии в самостоятельное учреждение и определения ему отдельного помещения в приказной избе, в которой исполнял свои обязанности сам воевода⁹.

Как можно заметить, проведение реформы суда происходило с отступлениями от задуманной схемы. В ее основу был положен принцип выделения судебной функции из канцелярии губернатора/воеводы. Данная тенденция определила процесс создания правоохранительных органов, но не являлась определяющей. В ряде местностей продолжал господствовать взгляд на суд как неотъемлемую сферу управления главы местной администрации. Назначенные судьи были вынуждены вступать в конфликты, вызванные борьбой за свои полномочия с другими чиновниками, либо чувствовали себя фактическими владельцами подсудных им территорий.

Данную ситуацию хорошо иллюстрируют примеры деятельности судей Вятки и Соликамска. По доносам вятского провинциального фискала Ф. Кикина, судья Вятской провинции Иван Данилович Телепнев без зазрения совести пользовался сенными покосами местных крестьян, полагая их своей собственностью. Городовой судья Соликамска Петр Быков никак не мог получить дела от земского камерира Соликамской провинции П.Н. Захарова, который фактически руководил административно-территориальной единицей в отсутствие провинциального воеводы. Оба судьи не смогли справиться с поставленной перед ними задачей по организации судебных учреждений, которые бы не рассматривались ими как способ заполучить в собственность подчиненную им территорию¹⁰.

Таким образом, уже первые годы реформы показали невозмож-

⁹ Бородина Е.В. «Проведение судебной реформы 1717-1727 гг. в Западной Сибири (на примере Тюменского уезда)», в *Актуальные вопросы истории Сибири XVIII – XXI вв.: тематический сборник научных трудов. Вып. 3*, (Новосибирск, НГТУ, 2008), 84–85.

¹⁰ Бородина Е.В. *Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири* (Екатеринбург, Банк культурной информации, 2012), 72–76.

ность ее осуществления. Во-первых, в некоторых регионах Российской империи оказалось очень сложно полностью реализовать задуманный проект судеустройства. Во-вторых, было трудно изжить в один момент представление о суде как о неотъемлемой части функционала любого администратора. Последний до начала проведения судебных преобразований время от времени использовал свои судебные полномочия для обогащения, воспринимал их как привилегию, которой можно было воспользоваться в любой момент с целью решения своих личных проблем.

Причиной такой ситуации, безусловно, являлось назначение на судейские должности людей, которые уже имели опыт управления, занимая «традиционные» для XVII в. административные посты. Процент государственных служащих, имевших иноземное происхождение, в регионах был очень незначителен¹¹. В основном это были пленные шведской армии, которые, не имея альтернатив для выживания в Сибири, шли на русскую службу с тем, чтобы хоть как-то поправить свое материальное положение. Сомнительно, что бывшие рядовые и низшие офицерские чины шведских вооруженных сил обладали хотя бы каким-то опытом осуществления гражданского правосудия в родном королевстве. Кроме того, положение усугублялось регулярными указами Петра Великого о невозможности выплат государственным чинам жалования с указанием «кормиться от дел».

Несмотря на это, нововведения проникали в жизнь и быт судебно-управленческих структур. Новые требования к ведению правосудия и оформлению документов постоянно давали о себе знать. Требование первого российского императора о необходимости внедрения в административную практику принципа приоритета общественного блага, красной нитью проходившее через все указы, постепенно утверждалось в головах подданных и закреплялось показательными процессами по делам злоупотребляющих чиновников (взяточников и казнокрадов). Большую роль также играло создание специальных контрольно-розыскных институтов в лице прокуроров и фискалов.

Как уже было отмечено выше, время правления Петра Великого

¹¹ Бородина Е.В. *Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири* (Екатеринбург, Банк культурной информации, 2012), 220–223.

стало одним из переломных периодов в истории России. Это – один из этапов трансформации Российского государства от Московской Руси к имперской державе. Эпоха Петровских преобразований была насыщена внедрением европейских институтов в разных сферах жизни общества. Несмотря на большую работу Петра, направленную на создание нового типа государства и нового типа отношений между властью и обществом, Россия, тем не менее, с большим трудом проходила процесс перестройки социально-управленческих структур, что можно хорошо увидеть на примере деятельности органов суда в 1720-е гг.

Междоусобица 1730 г. в России: проблема формы и содержания политического кризиса

Киселев М. А.

кандидат исторических наук

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
strateg-mk@rambler.ru

ABSTRACT: The paper shows that the political crisis of the interregnum in 1730 in its form was a struggle between supporters of republican and those of monarchist forms of government. Such a conflict was possible due to the transformation of the political views of the Russian elite in the second half of the XVII–first quarter of the XVIII century. At the same time, the conflict was not simply a conflict of ideas between supporters of the republic and the monarchy. By its nature, it was a conflict among the representatives of the ruling class for alternative variants of its stratification.

KEYWORDS: кризис 1730 г., Верховный тайный совет, представления о формах правления, дворянство.

Кризисы, связанные с междоусобицей или малолетством/недееспособностью монарха, неоднократно происходили в истории России XVI–XVII вв. Однако только именно в 1730 г. был поставлен вопрос о ликвидации самодержавия, т.е. о радикальном изменении государственного строя. Историки уже с XVIII в. пытаются объяснить произошедшие тогда события. В новейшей российской историографии в 2010-е гг. также предложено несколько трактовок событий 1730 г. По мнению И.В. Курукина и А.Б. Плотникова, высказанном в монографии 2010 г., «идея ограничения самодержавия родилась непосредственно внутри самодержавного аппарата власти, который был также использован как в качестве модели на

* Работа подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

будущее, так и в качестве средства для ее осуществления. Кроме того, смена государственного строя вовсе не предусматривала каких-либо изменений в строе общественном, который должен был ... остаться дворянско-крепостническим»¹. Таким образом, попытка ограничения самодержавия в 1730 г. стала одним из результатов развития аппарата управления. Как полагают данные авторы, «бюрократический аппарат самодержавия ... начинал постепенно приобретать черты самоуправляющегося механизма, возглавляемого советом, которому абсолютный монарх как основная приводящая в действие сила в перспективе становился уже не нужен. Поэтому достаточно было возникнуть династическому кризису, чтобы люди, обладающие реальной властью и соответствующей политической волей, отменили самодержавие буквально в одну ночь»².

При анализе таких выводов, прежде всего, стоит обратить внимание на факт, что идея ограничить самодержавие все же зародилась не в некоем «бюрократическом аппарате», а только в одном высшем органе – Верховном тайном совете. Как показывает история Верховного тайного совета (далее – ВТС), он менее чем за 5 лет своего существования пережил два потрясения, произошедших в 1727 г. Во-первых, из-за т.н. заговора А. М. Девиера против кн. А. Д. Меншикова, когда из ВТС был выведен гр. П. А. Толстой, во-вторых, из-за опалы уже самого кн. А. Д. Меншикова, одного из создателей ВТС. Более того, сразу после смерти Петра II представители семейства кн. Долгоруких не поспешили оформить автономный статус ВТС, а попытались с помощью подделки завещания возвести на престол невесту Петра II кн. Е. А. Долгорукую. Только после того, как действия по провозглашению кн. Е. А. Долгорукой не удалось, семейство кн. Долгоруких поддержало идею ограничения самодержавия. В таких действиях едва ли можно видеть действия бюрократов, служащих безликому государству. Скорее, это были действия представителей знати, беспокоившихся за свое положение при новом монархе. Далее, из шести персон, подписавших 19 января 1730 г. от имени ВТС кондиции, двое принадлежали к семейству кн.

¹ И. В. Курукин и А. Б. Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы* (М.: Квадрига; Объединенная ред. МВД России, 2010), 113.

² Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 114.

Долгоруких и двое – к семейству кн. Голицыных³, т.е. были представителями знатных боярских родов. После подписания кондиций 19 января было также принято решение и о включении в состав ВТС еще по одному представителю семейств кн. Долгоруких и кн. Голицыных⁴. Фактически, в отсутствие фигуры дееспособного монарха ВТС оказывался скорее нестабильным полем борьбы представителей элиты, которые опирались в т.ч. на семейные связи, нежели просто бюрократическим органом. Данное положение вещей в ВТС оказывается вполне сопоставимым с борьбой, которая происходила между представителями элиты в периоды малолетства монарха еще с XVI в. При этом уже в XVI в. существовавший аппарат управления Московского государства вполне мог успешно функционировать без фигуры самодержавного монарха⁵, в т.ч. и в годы Смуты⁶. Как отмечает М.М. Кром, характеризуя Московское государство XVI в., «повседневное управление страной вполне могло осуществляться и без прямого участия великого князя или царя. Опыт XVII столетия подтверждает это наблюдение: дела шли своим чередом и при юном, и при взрослом государе, даже если последний по каким-то причинам самоустранялся от управленческих забот»⁷. Однако это не отменяло того факта, что «государь оставался единственным источником легитимной власти, и от его способности контролировать придворную элиту зависела стабильность этой политической системы. Попытка кого-либо из его окружения хотя бы временно присвоить себе указанную прерогативу монарха в случае его малолетства или недееспособности зачастую приводили к вспышкам насилия и другим кризисным явлениям»⁸. Соответственно, борьба в ВТС в 1727 г.,

³ «Протокол заседания Верховного тайного совета, содержащий решение об избрании на российский престол царевны Анны Иоанновны и утвержденный верховниками текст предъявляемых ей «кондиций». 19 января 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 120.

⁴ «Журнал заседания Верховного тайного совета. 19 января 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 152.

⁵ См.: М.М. Кром, *«Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века* (М.: Новое литературное обозрение; 2010).

⁶ См.: Д.В. Лисейцев, *Приказная система Московского государства в эпоху Смуты* (Тула: Гриф и К, 2009).

⁷ Кром, *«Вдовствующее царство»*, 610.

⁸ Кром, *«Вдовствующее царство»*, 614.

попытка возвести на престол кн. Е.А. Долгорукую в 1730 г. и затем попытка ВТС ограничить самодержавие оказываются связанными не с некоей возникшей автономностью бюрократического аппарата, а с противоборством между представителями элиты в период отсутствия фигуры дееспособного монарха.

Однако, все же необходимо признать, что кондиции ВТС от 19 января 1730 г. содержали беспрецедентную для XVI–XVII вв. формулировку, которую должна была признать Анна Иоанновна при вступлении на престол: «А буде чего по своему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны росической»⁹. Если появление такой формулировки становится невозможно вывести только из институциональной сферы, то логичным становится обращение к трансформациям представлений о власти, которые происходили в первой четверти XVIII в.

Именно к вопросу о роли идей и представлений в событиях 1730 г. обратился С.В. Польской в статье 2011 г. По его мнению, члены ВТС пошли по пути ограничения самодержавия по той причине, что «замыслы деятелей 1730 года восходили к европейскому республиканизму XVI–XVII вв.: от Макиавелли до Локка»¹⁰. При этом он рассматривает кондиции 1730 г. как отправную точку для «дворянского конституционализма», который начал «свое формирование с неудавшейся “республиканской” попытки верховников»¹¹ и который затем противостоял «правительственному конституционализму»¹². Если в таких рассуждениях можно согласиться с ролью новых идей в событиях 1730 г., то едва ли возможно согласиться, что кондиции были проявлением «дворянского конституционализма». В начале 1730 г. именно ВТС был российским правительством, а не собранием дворянских депутатов, и именно конфликт с представителями «шляхетства» привел ВТС к падению как правительства. Соответст-

⁹ «Протокол заседания Верховного тайного совета, содержащий решение об избрании на российский престол царевны Анны Иоанновны и утвержденный верховниками текс предъявляемых ей «кондиций». 19 января 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 120.

¹⁰ С.В. Польской, «Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX в.», *Вопросы истории*, no 6 (2011): 30.

¹¹ Польской, «Дворянский конституционализм», 39.

¹² Польской, «Дворянский конституционализм», 32.

венно, социальная сущность идейной стороны событий 1730 г. нуждается в дополнительном анализе. По нашему мнению, при анализе событий междоусобицы 1730 г. необходимо учитывать как трансформацию представлений о власти, задававших границы и форму возможных действий, так и специфику борьбы между представителями элиты, задававшей социальное содержание событиям.

Если обратиться к проблеме трансформаций представлений о власти у представителей элиты, то, прежде всего, следует констатировать, что в Московском государстве XVI–XVII вв. *государство*, обозначавшее политическую общность, управляемую *государем*, рассматривалось как универсальная и должная форма организации власти. Соответственно, *царство* во главе с *царем* было одним из частных вариантов такой универсальной формы организации власти. Однако во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. представители элит усваивают новые представления о власти, связанные, прежде всего, с концепцией существования *разных форм правления* (классический вариант – монархия, аристократия, демократия). Важный индикатор распространения таких новых представлений – это проникновение понятий монарх и монархия в официальные документы Московского государства уже в царствование Федора Алексеевича. К концу правления Петра I такие понятия как *монарх* и *монархия* становятся неотъемлемой частью политического языка, включая и его официальное измерение¹³.

Важно отметить, что понятия *монарх* и *монархия* использовались отнюдь не изолированно, но во взаимосвязи с понятиями, описывавшими другие формы правления. В качестве примера можно привести самого Петра I. При работе над «Историей Свейской войны», комментируя события 1714 г., Петр собственноручно написал, что «правительство швецкое, не чая возвращения короля своего ис Турок, намерены были без оного мир учинить и республику»¹⁴.

¹³ См. более подробно: М.А. Киселев, «Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века», Исторический вестник, по 6 (2013).

¹⁴ *История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*, вып. 1 (М.: Кругъ, 2004), 415. *История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*, вып. 2 (М.: Кругъ, 2004), 211.

Таким образом, сам Петр вполне осознанно и уверенно использовал понятия, характеризовавшие разные формы правления. Также и представители российской политической элиты первой четверти XVIII в. (А. А. Матвеев, П. А. Толстой, Б. И. Куракин, П. П. Шафиров и др.) использовали новые политические понятия в своей деятельности. При этом появление новых политических понятий и представлений потребовало дополнительного обоснования существовавшего порядка. Если текстов восточной христианской традиции было вполне достаточно для утверждения власти *государя* и *царя*, то для обоснования власти *монарха* их было недостаточно. Как следствие, при Петре I развивается официальная апология *монархии* как формы правления. Наиболее ярко это получило выражение в сочинениях Феофана Прокоповича. Прежде всего, следует указать на «Слово похвальное в день рождения благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича», произнесенное в 1716 г. В нем Прокопович обещал своим слушателям показать, «коликое щастие есть от царскаго чадородия государствам чина монаршескаго»¹⁵.

К моменту смерти Петра I российский *государь* для официального политического языка и для элиты окончательно стал *монархом*. Понятие *монарх* было связано с *монархией*, являвшейся только одной из форм правления, а не единственно возможным способом организации власти. Теперь отсутствие *государя* могло стать не *безгосударьем*, а другой формой правления. Именно этой новой возможностью воспользовались верховники в 1730 г., когда, после смерти Петра II, возникла опасность потерять власть из-за возможной неблагоклонности нового монарха. После провала попытки кн. Долгоруких вести *борьбу за своего монарха* – кн. Е. А. Долгорукую, представители знатных семейств кн. Голицыных и кн. Долгоруких смогли выбрать борьбу за другую форму правления, т.е. за республику/смешанную монархию. Однако данный выбор едва ли возможно обосновать тем, что кн. Долгорукие и кн. Голицыны были страстными республиканцами, за исключением, возможно, кн. Д.М. Голицына. Как показывает упоминавшаяся попытка провозгласить

¹⁵ Феофан Прокопович, Сочинения (М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961), 39.

государыней кн. Е.А. Долгорукую, установление республики для них не было самоцелью. Скорее, основания такой попытки следует искать в трансформациях элиты в первой четверти XVIII в., когда двухчастное деление правящей наследственной землевладельческой элиты Российского государства было формально ликвидировано, а на его место официально пришло единое дворянство¹⁶. У такой трансформации статуса правящего класса были как многочисленные сторонники из бывшего служилого дворянства, так и гораздо менее многочисленные противники из знатных семейств.

Ситуация междуцарствия 1730 г. создала крайне благоприятные условия для представителей двух знатных семейств попытаться взять реванш за статусные потери первой четверти XVIII в. и закрепить свое особое положение. При этом наиболее подходящим инструментом для фиксации своего особого положения была выбрана республиканская форма правления. Конечно, в кондиции Анне Иоанновне от 19 января 1730 г. не были включены нормы об особом статусе знатных семейств. Однако в последующих документах, разрабатываемых в ВТС в феврале 1730 г., представления верховников о своем положении были выражены более четко. В «Пунктах присяги» («Форме правления») для Анны Иоанновны в п. 1 указывалось, что выбор на «упалые места» в ВТС следовало производить «Верховному тайному совету обще с Сенатом и для опробации представляют[ь] ее императорскому величеству ис первых фамилий, из генералитета и из шляхетства». При этом следовало «смотрит[ь] того, дабы в таком персон собрании одной фамилии болше двух персон умножено не было». Также в п. 4 отмечалось, что «в Сенат, в коллегии, и в канцелярии, и в протчия управления выбираны да будут из фамильных людей, из генералитета и из знатного шляхетства». При этом указывалось, что «все шляхетство содержано быть имеет ... в надлежащем почтении и в ея императорского величествам[и]л[о]сти и консидерации, а особливо старые и знатные фамилии да будут иметь преимущества и снабдены быт[ь] имеют рангами и к делам

¹⁶ См. подробнее: М.А. Киселев, «Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междуцарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство?» в *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750)* (М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013).

определены по их достоинству»¹⁷. После 7 февраля к «Форме правления» в ВТС подготовили дополнение, касавшееся порядка формирования Сената. Согласно этому дополнению, «Сенат имеет состоять в числе персон, в котором быть такожде одной половине из фамильных, а другой из шляхетства». При этом Сенат следовало выбирать «таким же образом, как в Верховное собрание, чтоб одна половина была из фамильных, а другая из шляхетства»¹⁸. В «Верховное правление», т.е. ВТС, по измененному верховниками п. 1 «Формы правления» не позднее 25 февраля 1730 г., следовало «к н[ы]не присудствующим 7 особам» добавить еще 5, которых полагалось «выбрать из шляхетства, из Сената и из генералитета». Порядок формирования ВТС также несколько изменялся: теперь «на упалые места» полагалось «выбират[ь] таким образом: ежели убылое место случитца из фамильных особ, на то место из фамильных же и выбирать, а когда убылое место будет из шляхетства и из генералитета, на то из шляхетства и выбирать». В ВТС, как и в Сенате, одна половина должна была быть «из фамильных, а другая из шляхетства». Правда, по-прежнему указывалось, что в ВТС «одной фамилии болше двух персон не было»¹⁹.

Верховники в своих проектах будущего государственного устройства вводили разделение на «фамильных» и «шляхетство». За «фамильными» закреплялась квота в размере $\frac{1}{2}$ от состава в «Верховном правлении» (ВТС) и Сенате. Этим, фактически, перечеркивались кадровая политика и законодательство Петра I. Вместо единого «шляхетства»/«дворянства» происходил в некотором отношении возврат к допетровскому двойственному разделению наследственной землевладельческой правящей элиты.

В то же время, если обратиться к проектам, созданными собравшимся в Москве в январе-феврале 1730 г. «шляхетством», то придется констатировать, что в них разделение на «фамильных» и «шляхетство» не нашло существенного отражения. Наиболее

¹⁷ «Составленные Верховным тайным советом «Пункты присяги» императрице Анне Иоанновне («Форма правления») (третья редакция). 4 февраля 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 205, 207.

¹⁸ «Пункт 3 «Формы правления» (четвертая редакция). После 7 февраля 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 225.

¹⁹ «Пункт 1 «Формы правления» (четвертая редакция, второй вариант). Не позднее 25 февраля 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 227.

близким к ВТС оказалось мнение гр. И.А. Мусина-Пушкина, который предлагал выбирать «к правлению государственному» «общим советом ис фамильных и генералитета и из знатного шляхетства»²⁰. Также можно отметить «Проект тринадцати», где предлагалось «различать старое и новое дворянство, как и в прочих вольных государствах заведено»²¹. Такое предложение вполне объяснимо, учитывая тот факт, что из 13 подписавших 7 имели княжеский титул. Однако в остальных проектах не упоминалось о каком-либо особом статусе «фамильных». Более того, в них отсутствовало само понятие «фамильные», а основным являлось понятие «шляхетство». Понятие «фамилия» использовалось только для одного: установить ограничение по количеству «персон» от каждой «фамилии» при выборах в ВТС, Сенат и коллегии²².

Следует еще указать на критические замечания представителей «шляхетства» в адрес ВТС. В записке, связанной с событиями 1730 г., восклицалось: «Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий; и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать»²³. Предложения верховников о разделении законодательно закрепленного при Петре I единого «дворянства» на «фамильных» и «шляхетство» не получило поддержки у основной массы «шляхетства». От петровского наследства оно явно не собиралось отказываться. В связи с этим уместно отметить, что в «челобитной» о восстановлении самодержавия, поданной Анне Иоанновне 25 февраля 1730 г., предлагалось ликвидировать ВТС, заменив его Сенатом «как при его величестве ... Петре Первом, было и исполнить ево доволным

²⁰ «Экстракт «мнений» из дворянских проектов, признанных Верховным тайным советом. Не ранее 7 февраля 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 224.

²¹ «Проект тринадцати». 7 февраля 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 220.

²² См.: «Проект «общества»». 1-2 февраля 1730 г.; «Проект 364-х». 5 февраля 1730 г.; «Проект двадцати пяти». 6 февраля 1730 г.; «Проект пятнадцати». 6 февраля 1730 г.» в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 203–204, 209–212, 218–219, 221–223.

²³ «Записка с поправками рукою Волинского», в *Памятники новой русской истории*, II том (СПб., 1872), 209–210.

числом двадцати одною персоною». При этом «на упалые места во оный Правительствующий Сенат и в губернаторы и в президенты повелено б было шляхетству выбирать балатированием, как то при дяде вашего величества ... Петре Первом, установлено было»²⁴. Таким образом, в данной челобитной восстанавливалось не только «самодержавие», но и отстаивалось единое «шляхетство». Именно «самодержавие» при Петре I завершило формирование единого «шляхетства»/«дворянства». Его ликвидация по проектам ВТС грозила одновременно разрушить такое единое сословие. Вполне логично, что представители «шляхетства» выступили за самодержавную монархию, которая должна была продолжать оставаться гарантом существования единого «шляхетства».

Таким образом, политический кризис междуцарствия 1730 г. по своей форме оказался борьбой между сторонниками республиканской и монархической формами правления. Эта форма борьбы оказалась возможной только благодаря трансформациям политических представлений российской элиты во второй половине XVII – первой четверти XVIII в., во время которых были усвоены концепции о существовании нескольких форм правления. Именно благодаря этому фактору конфликт междуцарствия 1730 г. не превратился в борьбу представителей элиты за разных кандидатов в монархи, а превратился в борьбу за альтернативную самодержавной монархии форму правления. При этом не стоит забывать, что такой конфликт не был чистым конфликтом идей между сторонниками республиканизма и монархизма, он имел конкретное социальное содержание – это вопрос о стратификации правящего класса. Представители нескольких знатных семейств (прежде всего, кн. Долгорукие и кн. Голицыны) через ограничение самодержавия попытались закрепить за собой важные наследственные властные привилегии, которые возвысили бы «фамильных» над «шляхетством». В то же время их противники, отстаивавшие единое дворянство, в итоге встали на сторону сохранения монархии, что и обеспечило сохранение самодержавия в России.

²⁴ «Дворянское прошение императрице Анне Иоанновне о восстановлении самодержавия и упразднении Верховного тайного совета. 25 февраля 1730 г.», в Курукин и Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 года*, 142.

КАКАЯ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ ПОДХОДИТ
ДЛЯ РОССИИ?
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII в.

Соколов С. В.

кандидат исторических наук

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

srg.sokolov@gmail.com

ABSTRACT: The article deals with the issue of the best form of government for Russia from the point of view 18th century Russian historians. Within the article positions by V. Tatishchev, M. Lomonosov, I. Boltin, M. Shcherbatov and some others Russian scholars are analyzed. It finally comes to the conclusion that the discourse about form of government influenced, on the representation of the Russian history and changed the vision of the historical facts.

KEYWORDS: историография, формы правления, античный дискурс, Россия в XVIII в.

В XVIII в. российские интеллектуалы начали активно оперировать аристотелевскими категориями форм правления: монархия, аристократия, демократия, полития, причем эти категории стали применяться к историческому процессу в России, что во многом означало переосмысление российской политической истории. Если прежде, политические вопросы осмыслялись с религиозной точки зрения, то теперь интеллектуальной базой и образцом для российских историков служили сочинения античных авторов и работы европейских философов XVII–XVIII вв. Одним из аспектов новой интеллектуальной работы историков стали рассуждения относительно наилучшей формы правления для России. Вопрос

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдичионной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

о том, какая форма правления подходит для России – отнюдь не тождественен проблеме идеальной формы правления вообще, тем более, что далеко не все мыслители XVIII в. считали универсальный идеал возможным. Напротив того, идеальная форма правления для каждого государства могла быть своя, что обуславливалось многими факторами: климатом, географическими условиями, нравами народа, состоянием соседей и, конечно же, историей. Именно исторические коллизии приводились чаще всего в качестве аргументов в пользу удобства той или иной формы правления для России.

К началу XVIII в. российское историописание находилось в русле еще средневековой традиции, точнее в том ее варианте, который оформился во второй половине XV в. Важнейшим аспектом данной традиции было подчеркивание изначально самодержавного характера власти Рюриковичей. Наиболее последовательно и акцентировано эта схема проводилась в «Книге степенной царского родословия», довольно популярном произведении 60-х гг. XVI в., которым пользовались практически все писавшие по российской истории авторы XVIII в. В Степенной книге «самодержцами» названы все князья, которые являются предками царя Иоанна IV Грозного, начиная с Рюрика. Понятие «самодержец» в Степенной книге употребляется гораздо чаще понятия «государь» (соотношение примерно 4 к 1). Также и в «Новом летописце», сочинении первой трети XVII в. «самодержцами» именуются российские государи, начиная с первых Рюриковичей. В «Синописе» «самодержцами» названы князья, начиная с Ольги.¹

В XVIII в. концепция изначального самодержавства в значительной степени размывается (хотя и встречается в ряде сочинений). Само понятие «самодержавство» часто заменяется понятием «монархия». Отличные от монархии формы правления – это, прежде всего, демократия и аристократия.

В.Н. Татищев считал идеальной формой правления для России монархию (самодержавство). Философское обоснование этому он черпал из воззрений немецкого философа Х. Вольфа. Согласно Татищеву – Вольфу «образ правления» находится в тесной связи с

¹ *Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича* (Москва, 1853), 11, 12; *Мечта о русском единстве: Киевский синопис* (1674 г.) (Москва, 2006), 76.

географическими условиями: «демократия [подходит] более для городов или малых государств», а аристократия для «надежно защищенных горами или морями».²

Для обширных государств, каковым и является Россия, наилучшая форма правления – это монархия. Монархия, согласно Татищеву, обычно вела к процветанию России. Причем, дополнительным аргументом в пользу монархии служила ее древность: монархия существовала уже у предков русских, которые якобы упоминались античными историками и географами. «Предки наши, писал Татищев, всегда имели самовластных государей, как Геродот и Страбон вспоминают» для общей пользы и безопасности это «весьма им было нужное и лучшее правительство, которое чрез много сот лет ненарушимо содержали». «Рюрик, полагал Татищев, самовластие утвердил, которое до Мстислава ненарушимо содержалось», после же его смерти (1132 г.) «через междоусобие наследников разорилось», «и так учинилась аристократия, но беспорядочная».³

Чтобы показать губительность для России аристократического правления Татищев приводит в качестве примера ограничение власти царя Василия Шуйского в пользу бояр. «От сего безуспешного правительства вскоре государство в такое крайнее разорение и упадок пришло, что едва на части не разделилось, а поляки всем не овладели». Следуя античному дискурсу, Татищев даже называет Боярскую думу «Сенатом». Показательно также, что именно с фактом ограничения власти Шуйского (а не с богопротивной деятельностью Годунова, например) Татищев связывает последующие беды государства. Конечно, приводит Татищев и пример из новейшей истории – учреждение Верховного тайного совета. Причем, дело преподносится так, что фактически с его учреждением (1726 г.) стали проявляться все пороки аристократии, а «затейка» верховников (1730 г.) стала как бы венцом этого нового, но краткого аристократического периода в российской истории.⁴ Итак, монархия оказывается лучшей формой правления, причем Татищева нельзя обвинять

² Татищев В.Н., *История российская с самых древнейших времен* (Санкт-Петербург, 1769), Кн. 1, Ч. 2, 533.

³ Татищев, *История российская*, 542

⁴ Татищев, *История российская*, 545-546

в официозе: его теоретические и философские аргументы действительно были результатом историко-философских рассуждений.

Трудно увидеть официоз и в работах М.М. Щербатова, который являлся сторонником монархического правления, но с важными оговорками. Представления Щербатова об идеальной форме правления известны и не раз обсуждались в литературе. Они выражены, например, в его «Разных рассуждениях о правлении» и в утопическом произведении «Путешествие в землю Офирскую». ⁵ Идеалом для Щербатова была монархия, но такая, где монарх, уподобляемый отцу семейства, «спрашивает совета у старейших или мудрейших своих детей», то есть аристократов. ⁶

В качестве исторического примера такой формы правления в России Щербатов неожиданно приводит Новгород. Призвав Рюрика, Синеуса и Трувора новгородцы «не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали». ⁷ Позднее, по мнению Щербатова, именно в Новгороде сложился, говоря современным языком, симбиоз аристократии и монарха: лучшие люди государства разумными советами представляли князю «то, что может служить к счастью» и отсоветовали «в вещах предосудительных государству и клонящихся к самовластию». ⁸ Впрочем, князья нередко нарушали баланс. Уже Рюрик, подавив восстание Вадима Храброго, «приобрел» большую власть, чем вручили ему новгородцы (любопытно, что Щербатов называет правление Рюрика «царствованием»). ⁹ Александр Невский, «одержав знатную победу, восхотел сим случаем воспользоваться, чтобы приучить новгородцов к самовластнейшему правлению, нежели они от своих князей терпеть могли». ¹⁰ В конце концов, неумные старания князей в деле подведения Новгорода

⁵ Бугров Д.В., «Надежда» в Антарктиде: загадки офирской утопии князя М. М. Щербатова, *Известия Уральского государственного университета*, по 47 (2006): 275–291.

⁶ Артемьева Т.В., *Михаил Щербатов* (Санкт-Петербург, издательство Санкт-Петербургского университета, 1994), 22.

⁷ Щербатов М.М., *История Российская от древнейших времен*, (Санкт-Петербург, 1770), Т.1, 192

⁸ Артемьева, *Михаил Щербатов*, 22

⁹ Щербатов, *История Российская*, Т.1, 193, 198.

¹⁰ Щербатов, *История Российская*, Т.3, 25

под самовластное правление подтолкнули жителей к решительному сопротивлению: в городе была создана подлинная республика, уже без князя.

Монархию, в которой правитель не советуется с аристократией, Щербатов считал близкой к тиранству (т.е. деспотии). Негативный смысл этой формы правления подчеркивается у Щербатова и различием в понятиях: плохая монархия чаще всего именуется «самовластием». «На тиранстве и на самовластии основанная власть не может долго держаться»,¹¹ писал Щербатов. В соответствии с этим положением осмыслялся и исторический опыт. Великолепным примером, соответствовавшим взглядам Щербатова, был случай Ивана Грозного, монарха безусловного «гордого и пышного», но самовластного. «Самовластие, соединенное с робостью и низостью духа» (сочетание обычное для деспотов еще по мнению Монтескье) низвергли Грозного в ничтожество.¹² Для контраста: у Н.М. Карамзина неудачи «позднего» Грозного объясняются исключительно психологическими причинами,¹³ Щербатов же гораздо больше зависим от политической теории (хотя и не списывает со счетов особенность личности Грозного).

Те неудачи, «бесславные периоды» в нашей истории или разорение отдельных княжеств, которые нельзя было объяснить господством аристократии, Щербатов относил на счет демократического правления. К примеру, Новгород, по его мнению, «по обыкновенным беспорядкам, бывающим в республиках, подпал под власть варягам».¹⁴ Сходным образом Щербатов рассматривал и конфликт Новгорода и Москвы в XV в. Противостояние между республикой и монархией разрешилось в пользу последней, благодаря более системной и четкой организации, заложенной в монархии.¹⁵ Показательно, что у Татищева содержится сходное представление о причине упадка Новгорода. Дело в том, что

¹¹ Щербатов, *История Российская*, Т. 5, Ч. 2, 359.

¹² Щербатов, *История Российская*, Т. 5, Ч. 3, 221–222.

¹³ Карамзин Н.М., *История государства российского* (Санкт-Петербург, 1818), Т. 9, 438–440.

¹⁴ Щербатов, *История Российская*, Т. 1, 191.

¹⁵ Щербатов, *История Российская*, Т. 4, Ч. 2, 106–159.

новгородцы «...дерзнули, отвергнувшись власти великих князей, общенародное правительство или демократию ввести, что с великим их *разорением* опровергнуто, и под власть государям покорены». ¹⁶

Ученый оппонент М.М. Щербатова – И.Н. Болтин и в вопросе об идеальной форме правления, видимо, придерживался несколько другого взгляда. Пространно Болтин на эту тему не высказывался, однако из сделанных им замечаний можно понять, что для него идеальной формой правления виделось самодержавие, не ограниченное влиянием аристократии. Под эту мысль подведена была и теоретическая база, основанная на идеях Монтескье: «монархия в обширном государстве предпочтительнее аристократии», утверждал Болтин, поскольку последняя «обыкновенно теряет время на спорах и не может иметь видов смелых». ¹⁷ Нетрудно заметить, что аргументация Болтина повторяет аргументы Татищева, почитателем которого Болтин и являлся.

Более того, для того, чтобы показать беды, происходившие в России от аристократического правления, Болтин ссылается на описанный Татищевым казус, касающийся ограничения власти царя Василия Шуйского, а также «затейку» Верховного тайного совета. «Дворянство русское, заключает Болтин, не захотело управляемо быть несколькими членами совета, опытом познав, что власть единого несравненно есть лучшая, выгоднейшая и полезнейшая как для общества, так и для каждого особенно, нежели власть многих». ¹⁸

Отсюда там, где Щербатов видит самовластие, Болтин превозносит единодержавие и порядок. В частности, он весьма сочувственно отзывался о времени Ивана Грозного, который уничтожил остатки аристократического правления, существовавшего в удельный период. Вообще, утверждение о том, что в период раздробленности Русь была аристократией, стало общим местом для тех мыслителей, которые видели в самодержавии свой идеал. Болтин писал, что «самосудная власть вельмож начало свое возымела от уделов князьих, их примеру следуя, бояра и прочие владельцы равномерную власть

¹⁶ Татищев, *История российская*, 515

¹⁷ Болтин И.Н., *Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка* (Санкт-Петербург, 1788), Т.2, 474–475.

¹⁸ Болтин, *Примечания на историю*, Т.2, 474–475.

во владениях своих себе присвоили. Каждый давал суд и расправу подданным своим по своему благоизобретению, не уважая или не зная государственных законов».¹⁹ Таким образом, Болтин под аристократией в удельный период понимал не раздробленность на княжества, а именно особую власть боярства, которую оно якобы тогда приобрело.

М.В. Ломоносов, проявивший себя в том числе как автор исторического сочинения – «Древней российской истории», так же как и В.Н. Татищев придерживался взгляда, что наиболее подходящей формой правления для России является самодержавство. Любопытно, что в 1940–1950-е гг. Ломоносов рассматривался советской исторической наукой как предшественник демократической историографии, вследствие чего ему пытались приписать критику самодержавия. Например, М.Н. Тихомиров писал, что Ломоносовым «утверждался примат народного начала над княжеской властью, «самодержавством».²⁰ Однако это заключение противоречит взглядам, высказанным самим М.В. Ломоносовым в «Древней Российской истории»: «разномысленною вольностию, - писал он, - Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как с начала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась прославилась». Более того, Ломоносов, ссылаясь на «многие исторические примеры», утверждает, что в «единоначальном владении [заключается] залог нашего блаженства». И это является, по его мнению, даже «правилом», которое «полезно к сохранению целости государства».²¹ Следует отметить, что против трактовки взглядов Ломоносова в духе М.Н. Тихомирова выступил уже Л.В. Черепнин, указывавший на «противоречивость и непоследовательность мировоззрения Ломоносова», писал, что «Ломоносов в деятельности своего любимого героя – Петра подчеркивает как положительные и мероприятия чисто крепостнической политики».²²

Ломоносов больше и яснее других авторов сопоставлял россий-

¹⁹ Болтин, *Примечания на историю*, Т.1, 318–319..

²⁰ Тихомиров М.Н., «Исторические труды М.В. Ломоносова», *Вопросы истории*, по 5 (1962): 69.

²¹ М.В. Ломоносов, *Древняя Российская история* (Санкт-Петербург, 1766), 3.

²² Черепнин Л.В., *Русская историография до XIX в.* (Москва, 1957), 209.

скую и античную историю. Сам стиль его повествования, который можно было бы назвать «одическим», отсылал к римским образцам. Собственно, Ломоносов и видел свою задачу в том, чтобы написать для России такую историю, которая не уступит в искусстве «греческим и латинским писателям».²³ Ломоносов примечал «некоторое общее подобие в порядке деяний российских с римскими», где находил «владение первых королей соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских». «Гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на вольные города, продолжал Ломоносов, потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских». Несходство заключается только в том, что Рим возвысился в республиканский период, в то время как Русское государство в период единой державы.²⁴

Опираясь на это представление Ломоносов делает ряд любопытных и весьма показательных интерпретаций. Согласно исторической концепции Ломоносова предками русских был античный народ роксоланы. Эти роксоланы совершили длинный путь миграции из Северного Причерноморья на побережье Балтики, в будущую Пруссию. Оттуда роксоланские князья были призваны новгородцами. Накануне призвания, по мнению М.В. Ломоносова, среди роксолан (т.е. славян, носивших имя русь), переселившихся в Прибалтику, «произошли великие споры», от того, что их «народ... весьма размножился». Тогда, по объявлению Ломоносова, к согражданам обратился знатный муж Вейдевут, имя которого и слова речи Ломоносов позаимствовал из сочинения прусского историописателя XVII в. М. Претория. Вейдевут будто бы сказал, что в народе должен быть один владетель, «прочие внимают послушно». «Назначьте себе государя, - призывал Вейдевут, - пусть он судит наши распри, отвращает обиды и убийства, защищает правду и печется о всеобщей безопасности..., дайте ему полную власть живота и смерти над всеми». После этих слов, народ выбрал Вейдевута королем «для знатности и разума его». «Вейдевут принял на себя притом чин верховного жреца, положил в народе порядок,

²³ Ломоносов, *Древняя Российская история*, 3.

²⁴ Ломоносов, *Древняя Российская история*, 3.

и в будущия времена узаконил, что бы после смерти его наследник был в летах престарелых, сановит благочестием, и знающий дела священные». ²⁵ Таким образом, варяго-россы отличались от прочих славян монархической формой правления. Им надлежало сыграть важную роль в славянской истории, поскольку для приведения прочих славян «под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобыкшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами россами». ²⁶

Совершенно по-иному М.В. Ломоносов описывал политические отношения других славянских племен. «Славяне жили обыкновенно семьями рассеяно, общих государей и города редко имели», даже Кий, Щек и Хорив, хоть и «были по случаю особливою знатности или храбрости над оными главные повелители», не оставили потомства. ²⁷ Следовательно, у других славян было общенародное или демократическое правление. В этом-то и заключается причина их подчинения варягам-россам, причина объединения славянских племен в Древнерусское государство, говоря современным языком. Другой стороной этой концепции было то, что форма правления в России рассматривалась как изначально самодержавная, происходившие политические изменения считались опасными девиациями, которые нужно пресекать. Так, в похвале князю Ярославу Мудрому Ломоносов оговаривает, что тот был бы еще более «велик», «когда б новгородцам не оставил необузданной вольности». ²⁸

Примечательно, что другие формы правления у Ломоносова практически не упоминаются применительно к России. Нет у него ни слова про аристократию и лишь однажды названа тирания, да и то в отношении к Святополку Окаянному, что можно расценивать лишь как продолжение летописной традиции в оценке деяний этого князя. ²⁹

Близкие к Ломоносову взгляды высказывал Ф.А. Эмин в своей «Российской истории». Следует отметить, что его «История»

²⁵ Ломоносов, *Древняя Российская история*, 49.

²⁶ Ломоносов, *Древняя Российская история*, 54.

²⁷ Ломоносов, *Древняя Российская история*, 53–54.

²⁸ Ломоносов, *Древняя Российская история*, 140.

²⁹ Ломоносов, *Древняя Российская история*, 130.

является эпигонской по сути, пересказывая, либо прямо заимствуя некоторые часть текста Ломоносова. Эмин представлял себе «гражданское правление» скорее как анархию. Он так и назвал его: «правление анархическое», замечая следующее «что ж касается до анархического правления, многими пристрастными писателями прославляемого, то можно бы несколько томов наполнить важными доводами, онаго бесполезность доказать могущими; но довольно сказать, что естества порядок доказывает нам, что власть самодержавная полезнее общественного правления».³⁰

Любопытна интерпретация Эмином событий непосредственно перед призывом варягов, когда, согласно летописи, у славянских и угро-финских племен севера Восточной Европы «воста род на род, и не беша в них правды и воевать почаша сами на ся». Эмин в отличие от многих других историков XVIII в. объяснял эти события не издержками демократии, а, напротив, стремлением к самодержавству каждого рода.³¹ Дальнейший рассказ про Вадима Новгородского и оппозицию новгородских бояр по отношению к Рюрику также продолжает эту линию: Вадим, составляя заговор против Рюрика, стремился не к защите республиканских принципов, но «желал сам владения». Впрочем, опирался он все-таки на новгородских людей, противившихся утрате вольности.³²

В целом в изображении самодержавства на Руси Эмин следует за традицией XVI–XVII вв., что подчеркивается, например, употреблением титула «самодержец Всероссийский» по отношению к первым киевским князьям.³³ С самодержавием Эмин связывает все успехи государства.

Таким образом, как Ломоносов, так и Татищев, Щербатов и прочие видели связь между возвышением русского государства и укреплением самодержавной власти: успехи рубежа X–XI вв. были связаны с фигурой сильного князя Владимира Святославича, расцвет Руси в первой четверти XII в. с Владимиром Мономахом, освобождение от татарского ига было сопряжено с усилением власти московских

³⁰ Эмин Ф.А., *Российская история* (Санкт-Петербург, 1767), Т.1, X.

³¹ Эмин, *Российская история*, Т.1, 58.

³² Эмин, *Российская история*, Т.1, 80–81.

³³ Эмин, *Российская история*, Т.1, 273, 313.

князей. Периоды отсутствия единоначалия в России были периодами раздробленности и татарского ига, которые ассоциировались с упадком и ослаблением. Сложнее был вопрос с развитием Новгорода, который преуспевал и без самодержавия. Однако значение Новгородского опыта дезавуировалось, во-первых, его историческим поражением (подчинением самодержавной Москве), во-вторых, теми нелицеприятными для новгородской вольницы альянсами, на которые она пошла в борьбе с Москвой (попытка отдаться под власть Литвы, исповедовавшей латинскую веру).

Предпочтение в пользу монархии среди российских историков не может быть объяснено лишь с точки зрения конъюнктуры (иначе нельзя было писать в монархической стране). В историографии господствовал дискурс величия национальной истории. Историки XVIII в. находили примеры великих побед и свершений только под монархическим правлением, то есть теоретически постулируемое превосходство монархии совмещалась с реальным историческим опытом.

Представления о формах правления, в свою очередь, оказывали влияние на интерпретацию фактов истории. Призвание варягов обосновывалось необходимостью установления единовластия. Поражение Новгорода объяснялось слабостью народного правления по сравнению с самодержавным. Иногда историки становились заложниками своих схем: период раздробленности рассматривался как период аристократического правления. Использование дискурса о формах правления модернизировало историописание, секуляризовало философию истории.

НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: МАНИФЕСТЫ И УКАЗЫ О МОНЕТАХ В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

БОГДАНОВ А. А.

кандидат исторических наук

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия
abogdanov2111@rambler.ru

АБСТРАКТ: В сообщении кратко охарактеризованы законодательные акты, посвященные выпуску монет, издававшиеся в России на протяжении всего XVIII столетия. Как известно, это время характеризуется с одной стороны глубокой модернизацией российского общества и государства, а с другой – постоянной сменой власти, частыми дворцовыми переворотами. Выпуск новой монеты является одним из маркеров этих смен. Также дана характеристика манифестов и указов, выпускаемых вступившими на престол правителями России, связанных со сменой монеты. Наконец, дана характеристика изображениям монет, приложенным к редчайшим ныне «летучим» изданиям указов и манифестов на основе материала, находящегося в собрании П. А. Картавова, хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, только недавно введенном в научный оборот автором настоящего сообщения.

KEYWORDS: XVIII столетие, выпуск монет, характеристика изображениям монет, собрание П. А. Картавова

XVIII век – переломное время для России.¹ Глубокие сдвиги в российской истории и культуре, начавшиеся с реформами Петра Великого, затронули едва ли не все сферы жизни страны. Монетная система не была исключением. Первая четверть XVIII в. ознаменовалась ее небывалой модернизацией, чередой мероприятий, известной в историографии как «денежная реформа Петра I». Не вдаваясь в подробности (хронология и ход реформы хорошо описаны в историографии)², отметим ее результаты, поскольку

¹ Доклад и статья подготовлены при поддержке Гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук МК-3375.2014.6

² Подробнее см. И. Г. Спасский, *Русская монетная система* (Ленинград: Аврора, 1970); А. И. Юхт, *Русские деньги от Петра Великого до Александра I* (Москва: Финансы и статистика, 1994).

именно она заложила основы монетной системы России XVIII–XIX вв.

Появилась новая монетная система, базирующаяся на трех металлах, – меди, серебре и золоте, – каждый из которых выполнял свою функцию и занимал свое место. Появились новые монеты, отчеканенные по европейской технологии и в большом наборе номиналов – от медной полушки (1/4 копейки) до серебряного рубля (талера) и золотого червонца (дуката).

Наряду с несомненными плюсами и выгодами были и неизбежные недочеты. Новая система была, бесспорно, порождением нового петровского «регулярного» государства. Поэтому она была создана не только и не столько для населения, сколько для государства, которое ей и пользовалось: в ее структуру был заложен механизм, который давал возможность казне получать прибыли от эксплуатации монетной регалии не только нормальным путем, но и путем порчи монеты. Следствием этого было вытеснение из обращения доброкачественной монеты, рост цен на товары, падение курса рубля по отношению к талеру, разгул фальшивомонетничества. Однако в оправдание этой порчи при Петре можно отметить, что она имела экономическое основание: необходимость изыскания денежных средств на ведение войны и на модернизацию государства и общества была очень велика. Было бы ошибкой это не учитывать³.

Реформа породила техническое перевооружение российского монетного производства. Появилось сложное оборудование, на котором можно было чеканить круглые монеты больших размеров, по качеству не уступавшие лучшим европейским образцам. Следствием этого явилось зарождение и последующие развитие российского медальерного искусства. Функция монеты как средства пропаганды в петровское время была использована в полной мере, и это выразилось не только в пропаганде государственной власти, но и в пропаганде гражданского шрифта, нового летоисчисления и арабских цифр.

В-третьих, реформа дала новый мощный толчок разработке отечественных месторождений металлов. Кроме серебра были

³ П. Н. Милюков, *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого* (Санкт-Петербург, 1905), 150; Л. Б. Шейнин, *Петербург и российский меркантилизм: Эпоха Петра I* (Москва: Наука, 1997), 29–32.

необходимы также медь и золото. Не случайно именно Урал стал в XVIII – XIX вв. основным центром производства медной монеты. Монетное дело всегда находилось в тесной связи с горнорудной промышленностью, что ярко отразилось в структуре государственных учреждений, ведавших монетным делом.

При наследниках Петра Великого новая монетная система испытывала и взлеты и падения. На это время пришлось ее закрепление и развитие. По сравнению с предшествующими столетиями, она стала намного сложнее и разветвленнее, поскольку надо было с одной стороны обеспечить максимальную прибыльность эксплуатации монетной регалии для государства, а с другой – насытить внутренний рынок необходимым количеством монет, удобных для разных расчетов. Это предопределило усложнение организации монетного дела в целом и монетного производства в частности и жесткую государственную регламентацию монетного дела.

Необходимость регулирования работы всего огромного денежного хозяйства страны породила огромное количество манифестов и указов. Прежде, чем перейти, собственно, к их характеристике, отметим несколько моментов.

Главный законодательный акт того времени, принятый еще в середине XVII в., – Соборное уложение царя Алексея Михайловича – в следующем столетии не утратил юридической силы. Известно, что при обвинении А. Н. Радищева (1790 г.) также ссылались на Уложение⁴. Между тем, за годы, прошедшие после принятия этого документа, накопилось огромное количество вопросов, которые в нем никак не затрагивались. Это и породило огромное количество указов, регламентов, табелей, принятых в XVIII в. Только в фундаментальном «Полном собрании законов Российской империи» за период с 1700 по середину 1810 г. (т. е. от денежной реформы Петра I до реформы, знаменовавшей новый этап развития русской денежной системы) помещено более 22500 самых разнообразных по форме и содержанию документов, разносторонне отражающих жизнь Российской империи.

⁴ Л. И. Вдовина, «Право и суд», в *Очерки русской культуры XVIII века*. Ч. 2. (Москва: Наука, 1987), 153.

Что касается принципов выявления и отбора документов, то необходимо отметить, что многие указы и манифесты по истории монетного дела в России в рассматриваемый период опубликованы в Полном собрании законов и в издании великого князя Георгия Михайловича, известного под названием «Корпус русских монет». Очевидно, что среди них есть если не все, то большинство из них, связанных с крупными изменениями в монетарной политике страны. Издание великого князя Георгия Михайловича существенно дополнило публикацию, предпринятую в Полном собрании законов. В результате этих публикаций в научный оборот было введено несколько сотен законодательных актов по теме. Однако многие из них все еще остаются неизданными. Речь идет о как документах, отложившихся в ведомственных архивах, и работа по их выявлению весьма трудоемка.

С сожалением можно отметить, что многие акты просто не дошли до наших дней, хотя в других документах они упоминаются. Реконструкция их текстов, как правило, практически невозможна, поскольку в упоминаниях указывается, как правило, только дата принятия акта и какое-то из положений, в нем прописанных. Т. е. сам текст документа остается недоступным. Однако большое количество сохранившихся указателей указов ставит вопрос о необходимости введения их в научный оборот в качестве источников сведений о тех актах, которые в ПСЗ и в издание великого князя Георгия Михайловича не вошли. Что же касается текстов этих документов, то для их выявления необходима кропотливая работа в архивах. Изучение специфики монетного дела, как отрасли с жестким государственным контролем, позволяет предположить, что большинство законодательных актов отложилось в архивах государственных учреждений, ведавших монетным делом, что существенно облегчает эту работу. Но выявление всех указов и манифестов по теме невозможно. Однако, к настоящему моменту большинство законодательных актов по истории монетного дела в России в рассматриваемый период опубликовано и представляет собой цельный комплекс документов, требующий источниковедческой характеристики, разработки методики работы с ним и последующего анализа заключенной в них информации. Кроме того, указы и манифесты о монете – наиболее часто используемый в

историографии письменный источник по истории монетного дела в этот период – без ссылок на них не обходится практически ни одна работа.

Попробуем проанализировать комплекс указов и манифестов о монете в рассматриваемый период. Автор сознательно уходит от термина «закон» и «законодательные источники», поскольку для XVIII века их выделить трудно. Кроме того, на практике руководствовались и именными, и сенатскими указами, и указами кабинет-министров (в 1735 – 1740 гг. приравненным к императорским), тем более что касались они одних и тех же вопросов, принимались на высшем государственном уровне и были обязательны к исполнению. При этом Сенат формально законодательным органом не являлся, однако в отношении монетного дела был едва ли не высшей инстанцией на протяжении почти всего столетия.

Итак, каким же вопросам были посвящены рассматриваемые документы? Автор данной статьи попытался обобщить выявленные акты (за 1700 – 1810 гг., главным образом, с помощью Полного собрания законов и изданий великого князя Георгия Михайловича). Картина выглядит следующим образом (было проанализировано 710 документов, в случае, если один документ был посвящен несколькими темам, он включался во все группы):

19,69 % актов затрагивают проблему обеспечения монетных дворов сырьем. При этом наибольшее их количество относится к 1700–1762 гг., а в затем оно резко уменьшается.

Это можно объяснить двумя причинами. Первая – хроническая зависимость монетного дела России от привозного сырья, главным образом, серебра, добыча которого в России началась в больших масштабах как раз не ранее середины XVIII в. В данном случае речь идет именно об использовании привозного металла и монет как сырья – прежде всего об их поставках к местам монетного передела. К этой группе примыкают указы и манифесты, связанные с ввозом и вывозом монеты за границу/из-за границы (**10,14 %**).

Вторая причина – это необходимость выкупа в казну старых серебряных монет. Речь идет о старых проволочных серебряных монетах XVI – начала XVIII в., огромное количество которых осталось на руках у населения. Их изъятие для перечеканки в новую русскую монету было делом огромной важности для казны, – таким

образом, всю эту массу серебряной монеты можно было заменить в обращении медной или неполноценной билонной монетой.

Большое количество указов и манифестов, посвященных этому, показывает не только сам интерес государства к выкупу копеек, но и то, что процесс выкупа был очень труден и долог. Начиная с середины XVIII в. сырьевой голод перестал угрожать российскому монетному производству, и количество актов, связанных с сырьем, резко пошло на спад. Кроме того, вторая половина XVIII – начало XIX в. – это время усиленного чекана медной монеты. Крупная серебряная монета постепенно превратилась в средство накопления, а в повседневном обращении находилась медная и мелкая серебряная монета. Таким образом, можно подтвердить вывод: наиболее актуальной проблемой российского монетного дела в рассматриваемый период в целом, и в первой половине XVIII в особенности была сырьевая.

19,28 % актов касаются вопросов регулирования внутреннего монетного обращения. Обращение монет внутри империи постоянно регулировалось, поскольку во-первых, ситуация постоянно менялась из-за присоединения новых территорий со своей спецификой монетного обращения, а во-вторых, оно являлось отражением поиска казной дополнительных доходов. Правила и особенности хождения монет постоянно меняются: казна (законодатель) постоянно пытаются найти компромисс между соблюдением своих фискальными интересами с одной стороны и необходимостью оздоровления ситуации с другой. Некоторым монетам по нескольку раз придается новый номинал и новый статус. Это, например, пятикопеечники 1723–1730 гг. (в 1740-х гг. их нарицательная цена постепенно была понижена до 2 копеек, в документах этого времени их так и называли – «грошевиками»), гривны 1726–1727 гг., монеты Ивана Антоновича.

Так, в конце 1720-х гг. на руках у населения было несколько типов медных монет с разными весовыми нормами: петровские 1704–1718 и 1724 гг., легковесные полushки 1718–1722 гг. и пятикопеечники 1723–1730 гг. и, наконец, квадратные «платы» 1725–1727 гг. Монетная система еще не устоялась до конца. Поэтому требовались указы, направленные на регулирование внутреннего обращения. При этом законность хождения некоторых монет подтвержда-

лась, а некоторые были «окликаны» - то есть их хождение запретили⁵.

Большое количество законодательных актов касаются новопробретенных окраин страны, прежде всего Прибалтики. Обращение монет в этих регионах было очень запутанным, имело свою специфику.

В петровское время новая монетная система еще только набирала обороты и не требовала постоянного регулирования: достаточно было осторожного эпизодического издания законодательных актов. А с екатерининского времени наступила относительная стабильность: монетная чеканка стала более постоянной. Так, с 1758 по 1810 г. стопа медных монет составляла 16 рублей из пуда меди (правда, с короткими перерывами), а серебряный рубль содержал 18 граммов чистого серебра вообще полтора века (также с небольшим перерывом, – при Павле I) – с 1764 по 1915 гг.

Некоторое увеличение количества актов наблюдается в конце XVIII – начале XIX в., прежде всего за счет экспериментов Павла I с попыткой вывода российской монеты на мировой рынок без ущерба для внутреннего обращения. В условиях появления новых монет, соотношение их со старыми необходимо было регулировать.

В 17,3 % указов и манифестов затрагивается выпуск новых монет, – либо новых монетных типов и номиналов внутри монетного типа, либо монет с измененным оформлением, стопой, пробой, либо новых партий уже чеканившихся до того монет. Значение этой группы документов для изучения монет трудно переоценить, т. к. это основные вехи, позволяющие ориентироваться во всем комплексе дошедшего до нас монетного материала как массовой, так и пробной чеканки. Чаще всего документы этой группы либо разрешают чеканку новой партии монет, либо объявляют о чеканке монет нового типа. Последние интересны тем, что они являлись источником информации для населения о новых монетах. Именно к документам этой группы относятся указы и манифесты с изображениями монет, наличие которых является характерной особенностью указов и манифестов о монете в рассматриваемое время.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 8. (Санкт-Петербург, 1830). № 5261.

14,41 % рассмотренных документов регулируют работу многочисленных государственных учреждений, так или иначе связанных с монетным делом. Здесь же – указы о передаче сумм денег из определенных ведомств на монетные дворы, утверждение системы отчетности монетных дворов и других профильных учреждений; изменения в государственных структурах, непосредственно ведавших монетным делом. Преобразования Петра I породили новый аппарат государственного управления в целом и управления монетным делом в частности. На протяжении XVIII – начала XIX в. этот аппарат неоднократно видоизменялся, что повлекло за собой необходимость упорядочить отношения между учреждениями. Это хорошо прослеживается по текстам законодательных актов. Бюрократизация, зарождение и укрепление которой характерно для XVIII века, обусловило многообразие актов, затрагивающих эти вопросы.

Это можно объяснить также тем, что государство придавало большое значение вопросам монетного дела в общем и функционированию учреждений, связанных с ним в частности, а во-вторых, вообще особенностями функционирования органов власти XVIII в., когда любой, даже самый ничтожный случай мог повлечь за собой специальное распоряжение высших инстанций, выраженное в форме указа.

10,33 % рассмотренных актов, так или иначе, затрагивают деятельность монетных дворов. Большая производственная база, столь необходимая российскому монетному делу в тот период, предопределила сложность и, вместе с тем, важность организации бесперебойного изготовления монет.

Не следует также забывать, что XVIII столетие – это время крупных кампаний по перечеканке монеты, главным образом, медной⁶. Перечеканка требовала организации новых центров производства. Все это также нашло свое отражение в документах. В преддверии очередной кампании обращали внимание, прежде всего, на состояние производственной базы, как правило, существенно ее расширяя.

⁶ См. В. В. Уздеников, «Перечеканка монет в XVIII в.» в *Монеты России XVIII – начала XX вв.: Очерки по нумизматике* (Москва: Мир отечества, 1994), 95–124.

На протяжении екатерининского царствования открывались все новые центры производства медных монет. Это Сузунский (Кольванский), Аннинский, Таврический монетные дворы. Их строительство и функционирование требовали законодательной регламентации.

Кроме этого, некоторое количество указов и манифестов породила и перестройка монетного производства, конца XVIII – начала XIX в., когда компетенция Ассигнационного банка была существенно расширена, и ему позволено было чеканить монету.

Важную роль играют указы и манифесты, направленные против фальшивомонетчиков и их продукции, хотя количество их невелико (всего 4,37 %). «Денежные воры» явились настоящим бичом монетного обращения в России в первой половине XVIII в. Искушение подделать легковесную медную монету было очень велико, а степени защиты ее от подделки часто практически отсутствовали. Во время чеканки легковесных медных монет в конце 1710-х–1720-х гг. «воровские» деньги начали наводнять страну, принося казне огромные убытки, а фальшивомонетчикам – огромную прибыль (около 600–700 %). Государство было вынуждено постоянно принимать меры для искоренения этого зла. О том, что указы не работали, говорит как периодическое повторение запрещения чеканить «воровские» деньги, так и сами фальшивки, дошедшие до нас в большом количестве. Никакими карами нельзя было остановить желающих получить такую огромную прибыль.

Характерно стремление любой ценой избавиться от «воров». Яркой и интересной иллюстрацией этого явился именной указ от 8 июня 1727 г., объявленный из Верховного Тайного совета «О наказании делателей фальшивой монеты, о награждении доносителей по сему предмету и о прощении тех, которые добровольно сознаются в винах своих». Фальшивомонетчикам предлагалось явиться с повинной – «дабы они явились бы безо всякой опасности и те инструменты, которыми делали, объявили, за что грех и вина им отпустится безо всякого наказания». В этом же указе в конце – приписка: «При сем указе належит тайное определение учинить: 1. Которые воры по сему указу являться будут, тем, по явлении их, по силе сего указа вины отпускать, но свободы им не чинить; но, ради пропитания, посылать

их в Сибирь в дальние города вечно, бесповоротно»⁷. Другой характерный пример – сенатский указ от 25 августа 1738 г. «Об отобрании в казну пятикопеечников с надписью «пять копеек» и о признании действительными только те, на которых написано «пять копеек, или пять копейка»⁸. Обнародовалось, что в 1723–1730 гг. при чеканке пятаков употреблялось две формы обозначения номинала «ПЯТЬ КОПЕЕКЪ» и «ПЯТЬ КОПЕЯКЪ», (это служило дополнительным знаком монетного двора. Также к этой группе примыкают указы о запрещении вывоза русских медных монет за рубеж и ввоза оттуда – боялись притока фальшивок.

После 1730 г. медную монету, – основной объект подделки, – стали чеканить по монетной стопе в 10 рублей из пуда меди, и за всю вторую половину XVIII – начало XIX в. выше отметки в 16 рублей она не поднималась (не считая кратковременных эпизодов 1762 и 1796 гг.). Начиная с екатерининского времени указы о фальшивомонетчиках появляются гораздо реже, чем раньше. Однако объяснять это только стабилизацией монетного дела и изменением стопы медной монеты нельзя. Здесь сыграла свою роль сама специфика фальшивомонетничества. Во все времена оно являлось и является серьезным уголовным преступлением, и наказание за него всегда очень сурово. Таким образом, оно не нуждается в постоянном регулировании, – достаточно один раз подробно прописать меру наказания за него, и впоследствии время от времени пересматривать. Наконец, третий момент: фальшивомонетничество – единственная статья, связанная с монетным делом, которая упоминается в трех основополагающих документах русского законодательства, сохранявших силу в XVIII в.: Соборном уложении 1649 г., Артикуле воинском 1715 г. и, наконец, Уставе морском 1720 г. Во всех трех случаях основным наказанием за изготовление фальшивок является смертная казнь.

Остальные акты – о запрещении самовольных сплавов металлов,

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 8. (Санкт-Петербург, 1830). № 5089.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 10. (Санкт-Петербург, 1830). № 7640.

о качестве чеканки выпускаемых монет, о собирании древних монет и пр. составляют в сумме не более 5 % от их общего количества.

Таким образом, можно очертить круг вопросов, связанных с монетным делом в период с 1700 по 1810 гг., наиболее сильно отраженных в указах и манифестах высших государственных органов. Это сырьевая проблема; урегулирование внутреннего обращения; выпуск новых монет; деятельность учреждений, связанных с монетным делом и обращением; деятельность монетных дворов как предприятий.

Этот список хорошо отражает всю историю российского монетного дела рассматриваемого периода и подтверждает вывод об исключительном тематическом разнообразии и информационной насыщенности указов и манифестов о монете.

Объемы статьи не позволяют рассмотреть все вопросы, связанные с указами и манифестами о монете. Поэтому, показав закономерности в их содержании и проблематики, следует обозначить круг вопросов, которые необходимо решить в работе с ними.

Во-первых, при рассмотрении этих документов необходимо найти хотя бы общие закономерности, связанные с жизнью документа – от его разработки и принятия до обнародования и бытования. Особенности разработки напрямую зависели от двух факторов – от разновидности документа и от особенностей текста. Среди исследуемых документов есть как короткие указы, не требовавшие долгой выработки текста, так и объемные программные документы, явившиеся следствием долгих обсуждений и разработки проектов. Изучение документов позволяет установить, что в большинстве своем законодательные акты готовились на двух уровнях: учреждения, непосредственно курировавшего монетное дело и Сената. Несколько особняком здесь стоит первое десятилетие XVIII в., когда Сенат еще не был основан, и начало XIX в., когда документы готовились в недрах министерства финансов. Необходимо учитывать и то, что учреждения, курировавшие монетное дело, зачастую фактически сами испрашивали у власти разрешения поступать согласно подаваемым документам (докладам, «доношениям» и т. п.).

Непосредственным следствием принятия акта в большинстве случаев являлась его текущая публикация, основной формой которой были печатные листы, главным образом, Сенатский типо-

рафии. Изготовление перепечаток на местах, рукописных копий, помещение текстов в «Санкт-Петербургских ведомостях», чтение текстов в церквях и в учреждениях являются вторичными по отношению к изготовлению печатных листов при Сенате. Несомненно необходимость источниковедческого изучения материалов, связанных с бытованием документа непосредственно после его публикации печатным листом – указателей законов, местных перепечаток, списков, сборников законов.

Наиболее трудной является проблема выявления особенностей реализации законодательных актов, поскольку она требует с одной стороны индивидуального подхода в изучении каждого вопроса, а с другой привлечения большого количества других источников. Однако проследить «путь» законодательного акта от проектирования до реализации вполне реально. Слова историка А. Г. Брикнера о том, что при помощи архивных материалов (он подразумевает под ними прежде всего документы, помещенные в Полном собрании законов) «мы обзрваем и миллионы в государственной казне, и скромный денежный запас в кармане купца и крестьянина»⁹ справедливы лишь отчасти, поскольку «обзрваем» мы все это, как правило, только с точки зрения государственной казны. Отсюда следует вывод о необходимости применения комплексного подхода в изучении темы. В частности, желательно широкое привлечение нумизматических источников. Необходимо рассматривать монеты этого периода как вещественные источники, информативность которых обусловлена прежде всего обстоятельствами их происхождения, особенностями бытования. Становится очевидным, что изучить состав, особенности, проблемы денежного обращения на местах мы можем только с помощью монетных кладов, постоянно соотнося их данные с указами. Необходимо активное привлечение других источников. Если речь идет об изучении денежного обращения на местах (или в частности – законодательства по этим вопросам), то необходимо скорейшая фиксация и описание монетных кладов XVIII – начала XIX в. К сожалению, они – исчезающий источник, который может быть в обозримом будущем потерян для науки.

⁹ Брикнер А. Г., *Материалы для истории финансов в России: Пятикопеечники 1723–1756 гг.* (Санкт-Петербург., 1867), 2.

Своеобразным «мостом» между денежным обращением на местах и законодательством могут служить делопроизводственные материалы, которые отложились как в архивах местных учреждений, так и в архивах учреждений, курировавших монетное дело. Они требуют введения в научный оборот и изучения. Специфика монетного дела как отрасли с жестким государственным контролем, позволяет предполагать высокий источниковедческий потенциал этих документов. Наконец, важным источником по истории монетного законодательства служат разные свидетельства истории бытования законодательных актов – разного рода указатели, сборники рукописных копий документов и пр.

В любом случае, давно назрела необходимость дать максимально полную картину источниковой базы для изучения монетного дела в России XVIII–XIX вв. Только тогда можно будет говорить об укоренении в изучении монетного дела России XVIII–XIX вв. принципов современного источниковедения.

RUSSIAN NOBLEWOMEN'S FAMILY OBLIGATIONS IN THE LIGHT OF TWO MEMOIRS

ORSOLYA SZANISZLÓ

PhD Student

University of ELTE, Doctoral School of History,
Russian Studies Doctoral Program, Budapest, Hungary
szorsi@hotmail.com

ABSTRACT: The process of Westernization initiated by Peter the Great required some essential changes in people's everyday life. The article presents some of these reforms and their effects on women, based on memoirs by Ekaterina Romanovna Dashkova and Anna Evdokimovna Labzina. The examination focuses on their obligations for their families such as promoting the ambitions of their families with their marriage, or to promote their positions through their network of relationships.

KEYWORDS: Reforms of Peter the Great, E. R. Dashkova, A. E. Labzina, 18th century, memoirs, marriage, family obligations

The reforms of the eighteenth century set Russia on a new path. The process of Westernization initiated by Peter the Great (1696–1725) brought Russia closer to Western Europe. As a result of his decrees, the social transformation of the Empire had an effect on Russian people's everyday life. These changes contributed to the development of the social and political status of women. Many historians deal with the reign of Peter the Great and his reforms, but just a few examine their effects on women. There are only one or two studies in the field that appeared in Hungarian, as well. One of them is Semenova's work, *Očerki istorii byta i kul'turnoi zhizni Rossii. Pervaia polovina XVIII v.*¹ The first section of this book is devoted to presenting the family's life in the first half of the eighteenth century. N. L. Pushkareva's monography² surveys the history of Russian

¹ L. Ny. Szemjonova, *Erkölcök és szokások Nagy Péter birodalmában* (Budapest: Gondolat, 1989)

² N. L. Pushkareva, *Women in Russian History. From the Tenth to the Twentieth Century* (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1997)

women between the tenth and twentieth century. The two-volume work of V. V. Ponomareva and L. B. Khoroshilova,³ focuses among others on women's place in the family, their education and professions. These books draw upon a great variety of sources including travelers' accounts, memoirs, law codes, legal documents etc. Their quoted sources mostly contain information by men. In spite of the fact that there exist writings by women from the eighteenth century already. The improvement of Russian noblewomen's social life, the changes in their traditional roles can be studied from many different aspects. Special sources, such as women's autobiographies, reflect the above mentioned changes through women's own eyes.

In Russia, the earliest autobiographies date back to the seventeenth century. From the second half of the nineteenth century, the number of such writings started to increase dramatically, when they were to appear in print. During the reign of Peter the Great, with the spread of education and literacy among the upper classes of society, a few women began to compose memoirs, diaries, letters and travel notes. These are private documents, therefore the authors' individual views, mood, perceptions dominate the interpretation of the events, thus we have to use them with caution. The memoirs were written for pleasure, in order to bring back memories in old age, to educate children and grandchildren, to record family history.⁴ The first known autobiography written by a Russian woman was Princess Natalia Borisovna Dolgorukova's Note (1767), which was followed by several others, such as the memoirs by Catherine the Great (1762–1796),⁵ Ekaterina Romanovna Dashkova (1743–1810),⁶ Anna

³ В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова, *Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба XVIII–начало XX века* (Москва: Русское слово, 2006)

В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова, *Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад XVIII–начало XX века* (Москва: Новый хронограф, 2009)

⁴ Toby W. Clyman, Judith Vowles, eds., *Russia Through Women's Eyes.: Autobiographies from Tsarist Russia* (New Haven, CT: Yale University Press, 1996), 12–14.

⁵ Екатерина II, *Записки* (Санкт-Петербург: Издательский Дом «Азбука-классика», 2009)

⁶ Kyril Fitzlyon trans. and ed., *The Memoirs of Princess Dashkova* (Durham, NC: Duke University Press, 2003)

Evdokimovna Labzina (1758–1828),⁷ and Varvara Nikolaevna Golovina (1766–1821).⁸

For the present study, the memoirs of Dashkova and Labzina were chosen as sources, because these two authors represent two completely different life careers. The time frame of the examination is the period of their marriage – in Labzina's case it means only her first marriage. Who were they and what needs to be known about their autobiographical writings?

Princess Ekaterina Romanovna Vorontsova-Dashkova was the third daughter of the notable Vorontsov family. They had a tight connection with the royal family and held high state offices. In 1759, when Ekaterina Romanovna was sixteen, she married Prince Mikhail Ivanovich Dashkov (1736–1764). Their marriage was happy, but they spent together just a little time, because of the Prince's military service, and his early death. They had three children, but their oldest son died as an infant. In the marriage Dashkova had great freedom. She participated in palace intrigues and helped Catherine II seize the throne in 1762. Her network of relationships was excellent. She was a major figure of the Russian Enlightenment, a close friend to Catherine the Great, the first woman director of the Imperial Academy of Arts and Sciences and president of the Russian Academy.⁹

She composed her memoirs in French and completed them in 1805, at the inspiration of Martha Wilmot, who was the princess's Irish friend and spent a few years (1803–1808) in Russia. The memoirs were firstly published in English in 1840, and they came out in Russian only in 1859. Princess Dashkova described every memorable moment and presented a final assessment of her career and family life.¹⁰

⁷ Gary Marker, Rachel May trans. and ed., *Days of a Russian Noblewoman: The Memories of Anna Labzina, 1758–1821* (DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2001)

⁸ Grace Muriel Fox-Davies trans., *Memoirs of Countess Golovine: a Lady at the Court of Catherine II* (London: David Nutt, 57 to 59 long acre, 1910)

⁹ Alexander Woronzoff-Dashkoff, *Dashkova: A Life of Influence and Exile* (Philadelphia, PA: American Philosophical Society, 2008), 3–88.
Fitzlyon, *The Memoirs of Princess Dashkova*, 3.

¹⁰ Clyman, Vowles, *Russia Through Women's Eyes*, 17–18.
Fitzlyon, *The Memoirs of Princess Dashkova*, 15–16.

The other noblewoman, Anna Evdokimovna Yakovleva-Labzina's life was not as lucky and memorable as Dashkova's. But it was just as fascinating. Labzina was born as a middling hereditary provincial nobleman's daughter. She spent her childhood on a family estate outside the mining town of Ekaterinburg. She lost her father early. Later in 1772, her gravely ill mother arranged a marriage for her with the son of a close friend, Alexander Matveevich Karamyshev (1744–1791). He was a nobleman, well educated, with a promising career in the College of Mines. He was famous for his liberating ideals of the Enlightenment in society, but in his marriage he was cruel. Labzina lived her life subordinated to him. They lived together almost 20 years, childless. During the time of their marriage the couple traveled widely within the Russian Empire. Labzina held no office. Her network of relationships was limited to her husband's colleagues, superiors and their families. Her husband, however, had close relations to important officials. He was acquainted with Mikhail Matveevich Kheraskov (1733–1807), the famous epic poet, Prince Grigorii Aleksandrovich Potemkin (1739–1791), one of Russia's most notable statesmen and Catherine the Great herself. After Karamyshev's death (1791), Labzina remarried in 1794.¹¹

She left behind an unfinished memoir and a diary. In the eighteenth century she is the only one who composed both a memoir and a diary. The two documents talk about two different periods of her life. The memoirs were written in 1810 in Russian. It is about her childhood and her first marriage. The diary was being composed over several months in 1818 and 1819. Labzina never wanted to publish these documents, but they ended up being published in 1903. These are the only sources about Labzina's life. In the introduction to the first edition, Modzalevsky suggests that Labzina's motive to write down her memoirs was "*only a desire to recall her difficult past and... compare with her happy present.*"¹²

The family was the smallest unit of society, and just as society, the family, too, was structured by a strict hierarchy. According to the feudal ideology, God rules the world, the tsar has command of the empire and the man of the family.¹³ Duties and life careers of the females were

¹¹ Her second husband was Alexander Fyodorovich Labzin (1766–1825)

¹² Marker, May, *Days of a Russian Noblewoman*, VII–IX; XVIII.

¹³ Szemjonova, *Erkölcök és szokások Nagy Péter birodalmában*, 7.

prescribed by the head of the family. In memoirs there are several examples describing obligations that women owned to their families. One of the most important obligations was to support the family's ambitions. I am going to highlight those changes that helped to complete this obligation.

Marriage customs gradually changed due to the reforms, instituted by Peter the Great. Nevertheless, marriage remained a trump in the parents' hand, and they did not shrink back from a forced marriage. The Emperor put national interest above everything, and believed that a forced marriage meant an unhappy marriage, whereof only unhealthy children could be born. That is why he began to regulate family life. The church protested against this process, because they thought that the Tsar's decrees violated the sacrament of marriage.¹⁴ As a result of Peter's decree in 1714, the average marriageable age increased, the brides had to be at least 17 years old.¹⁵ Beside this, the Tsar issued decrees in 1700, 1702, and 1724 against forced marriages. By the new regulation betrothal should take place no less than six weeks before the marriage. During this period the youths had the right to dissolve the betrothal, in case they had not taken a liking to each other.¹⁶ Thanks to this, a love marriage became possible. To stress his decrees on marriage, Peter introduced a new ceremony: parents had to swear that they were not forcing their daughter into marriage against her will. The latter was rescinded in 1775. In spite of all efforts, parents maintained a great influence on their daughter's choice of husband. And without the parental blessing, a marriage could not be respectable.¹⁷

In Dashkova's case, we cannot talk about a forced marriage. She met with her future husband by chance in the street, where Madame Samarina, Dashkova's friend, introduced them to each other. From the beginnings, there was attraction between the young people, but in Vorontsov's house a disturbing rumour was circulating about an intrigue between Prince Dashkov and a very near relative of Ekaterina Romanovna's, which had

¹⁴ Pushkareva, *Women in Russian History*, 159.

¹⁵ Пономарева, Хорошилова, *Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад*, 123.

¹⁶ Szemjonova, *Erkölcök és szokások Nagy Péter birodalmában*, 19.

¹⁷ Pushkareva, *Women in Russian History*, 157–158.

Пономарева, Хорошилова, *Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад*, 124–125.

almost disconcerted the wedding. But finally everything went well and Ekaterina Romanovna wrote this in her memoirs:

*My family made no objection, and the Princess, his mother who ardently wished to see him settle down as a family man, and was for ever imploring him to do so, was delighted when she knew that he was about to marry, even though he had rejected her choice of a wife. She heartily approved of his own choice and was pleased with the connection he was forming with our family.*¹⁸

Later Empress Elizabeth (1741–1762) paid a visit to their place. And Dashkova wrote the following:

*The Prince was with me. When the Empress arrived she treated us both with great kindness, and like a true godmother she called us into another room... wished us all possible happiness...*¹⁹

Labzina's situation was not so fortunate as Dashkova's. She was forced to get married to a man who was fifteen years older than her. Their mothers were friends, and Karamyshev's mother had always wished to have Labzina marry her son. First Labzina's mother refused the proposal, but she got seriously ill and it seemed to be a good solution to assure her daughter's future. After the wedding, Labzina lost her connection with her relatives. Several times in her memoirs she rebels against the process of giving a young girl away in marriage and separating her from her own family. She writes this:

*What kind of law is this – get married and lose everything that you hold dear? And how can it be that I must not share my love with my family!*²⁰

And another time:

¹⁸ Fitzlyon, *The Memoirs of Princess Dashkova*, 37.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Marker, May, *Days of a Russian Noblewoman*, XXI.

*He (Mikhail Fedorovich Soimonov (1730–1804), who was President of the College of Mines and the superior of Karamyshev) had a niece about my age, a dear girl, gentle and wise, and we became friends. One day I came to their home and I saw her very despondent. I asked her why. She answered that a wealthy suitor had asked for her hand, and her mother was forcing her to tell her uncle that she would accept him. My heart sank, recalling my life and marriage... I advised her to be honest with her uncle.*²¹

The girl did not want to anger her mother and kept silent. So finally Labzina talked to Soimonov about his niece's situation. He thanked Labzina for her honesty and rejected the marriage.

Labzina's examples show that forced marriages were not unusual in the second half of the eighteenth century. In spite of the official prohibition, far from the tsar and the court, heads of families were to decide about their children's future. Marriage was a valuable alliance between families, in which two families got together and shared titles, properties, estates, networks of relationships, interests etc. In Dashkova's case, the wedding was approved and supported by their parents, but not because of romantic ideas. Simply it was useful for both families. Prince Dashkov's mother had her own candidate for being her future daughter-in-law, but his son also made a good match with Ekaterina Romanovna, so she did not have any objection. In contrast with this, Labzina's widowed mother decided about her daughter's fate. She was an obedient child so she did not rebel against her situation at that time, only later, because of her bad experiences. Her mother was not led by ambition, she only wanted to guarantee her daughter's future.

With the marriage women's obligations for their families did not end. Wives had traditional „duties”, such as giving birth to the successors and looking after them, helping to arrange marriages, keeping the house, and being a good and obedient wife. Beside these duties, they were to take part in furthering their families' fortunes and expected to help their husbands' or other relatives' careers. What kind of social changes helped women to promote their families' position? First of all, at the beginning of the eighteenth century, Peter the Great abolished noblewomen's

²¹ Marker, May, *Days of a Russian Noblewoman*, 68.

seclusion and integrated them into social life.²² In 1764, Catherine the Great opened the first boarding-school, the Smolnyi Institute and thus, she established the state educational system for girls.²³ As a result of these reformswomen got more opportunities. Noblewomen mostly worked behind the scenes to advance the careers of their relatives. What about Dashkova and Labzina?

We know that Dashkova participated in the conspiracy which helped Catherine seize the throne. However, other members of the Vorontsov family supported Peter III. This was an intense period in the second half of the century. The Princess wrote about it as follows:

...I never doubted that the Emperor would be dethroned, and being firmly resolved to take part in the action, I was eager for my husband to be in foreign country, so that if any catastrophe should befall me he should not have to share it. As envoys had not yet been appointed to all the foreign mission to announce His Majesty's accession to the throne, I implored my husband to accept such an appointment, and when agreed I entreated the Grand Chancellor to obtain a mission for him. My uncle promised me this, and the following day the Prince was informed that he was to be sent to the only mission still vacant, which was Constantinople.²⁴

She made a good choice. After the coup d'état the now Empress rewarded her supporters, among them Dashkova. First, she got 24,000 roubles, from which she could pay off her husband's debts. Then, thanks to her participation in the event, the Vorontsovs could keep their offices. And, finally, when Prince Dashkov got back from Constantinople, Catherine II appointed him a commanding officer of the Life Guard Regiment.²⁵

Labzina also tried to support her youngest brother. One day, when they still lived in Petersburg, Andrei Andreevich Nartov (1737–1813),

²² Nancy Shields Kollmann, "The Seclusion of Elite Muscovite Women", in *Reinterpreting Russian History: Readings, 860-1860's*, edited by Daniel H. Kaiser, Gary Maker (New York, NY: Oxford University Press, 1994), 187–192.

²³ В. М. Бокова, А. Г. Сахарова, сост., подг. текста и коммент, *Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц* (Москва: Новое литературное обозрение, 2008), 5–32.

²⁴ Fitzlyon, *The Memoirs of Princess Dashkova*, 58–59.

²⁵ Fitzlyon, *The Memoirs of Princess Dashkova*, 88; 94.

who was one of Karamyshev's superiors, paid them a visit. Without knocking, he rushed into the room. Labzina got very angry with him because of his impoliteness. She demanded an explanation from Nartov. They started to argue and Nartov furiously said,

Now I will not release your brother, and I will not certify him to become an officer! You do not know with whom you are speaking, and who is in a position to do you good or harm!

Labzina answered:

*You are mistaken if you think that I am frightened by your treats. My brother will be an officer even without you.*²⁶

A day after the incident, with the help of two acquaintances, Labzina asked for Prince Grigorii Potemkin's help. Three days later the prince himself awarded Labzina's brother the rank of lieutenant and assigned him to the infantry armaments regiment.²⁷

What important differences can we depict between the two cases? Dashkova was an ambitious woman. By her participation in the coup d'état she took on a huge risk. If Catherine's attempt to take over the power had failed, Dashkova and her husband could have lost everything and would have become out of favour. But she was careful and she arranged a mission for her husband in Peter III's service. For this, she made use of her family connections to the Grand Chancellor, who was her uncle. Labzina used her husband's network of relationship to support her brother's career. From her memoirs it turns out that all her benefactors were her husband's acquaintances or superiors. How to explain this? She always had to follow her husband to the new places of work. And with every transfer, she had to integrate herself in a new environment. So we could say that, socially, she lived in isolation. Her surroundings, whom she got to know through her husband, felt sympathy to her and sorry for her, because Karamyshev was famous for his scandalous behavior.

²⁶ Marker, May, *Days of a Russian Noblewoman*, 75–76.

²⁷ Marker, May, *Days of a Russian Noblewoman*, 76–77.

What conclusions can be made? The Petrine Westernization brought significant changes into the Russian nobility's social life and thus, into noblewomen's everyday life. The study outlined only a few of the many reforms that had been implemented in the eighteenth century. Their implementation was very difficult also because, in most cases, they trespassed on the nobility's rights and interests. So nobles often disregarded the reforms, especially in places far from the tsar and the court. The Emperor needed to repeatedly edit and emphasise his decrees. Peter the Great's aim was to modernize Russia, but since the reforms drastically transformed the traditional customs, he also had to reform people's mentality, which lasted for a longer time than he wanted to.

Роль старообрядческих скитов в религиозной жизни казаков Уральского казачьего войска в XVIII–60-х гг. XIX в.

Романюк Т. С.

магистрант

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
tatiana.s.romaniuk@gmail.com

АБСТРАКТ: Old Believer sketes on the territory of Yaik (Ural) Cossack troops played an important role in the first half of the XVIII century. They visited the elders and the priests in the surroundings of Kerzhenets, Vetka, Don etc. In the XVIII century, sketes lost their importance as major spiritual centers in the South Ural. Their places were taken by the Orthodox Church, among them the Old Believers Chapel of the Assumption. Nevertheless, the Old Believers' monasteries continue to exist as centers of Old Believers and enjoy great prestige among the local population.

KEYWORDS: Староверие, старообрядчество, единоверие, скит, казаки, религия, Яицкое (Уральское) казачье войско, Яик

Распространение староверия по территории России, сопровождалось появлением скитских поселений, формировавшихся как центры того или иного согласия и толка. Так, например, Керженские¹ и Дубовские² были беглопоповскими, в то время как Выго-Лексинское общежитие³ – поморским. Сложный процесс формирования согласий и толков отражал разногласия в отношении к правящей династии, православной иерархии, обрядовые и культовые споры.

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

¹ Находились они в Нижегородской губернии по р. Керженцу, притоку р. Волги.

² Находились они на правом берегу Волги, в Поволжье.

³ Располагались на северо-востоке от Онежского озера.

Беспоповцев отличало более радикальное отношение к духовным и светским властям, обусловленное уверенностью в наступлении последних времен и скором пришествии антихриста. Следствием этого был отказ от священства⁴. Беглопоповцы же наоборот принимали попов из числа православных, предварительно «исправляя» их⁵.

Само слово скит имеет несколько вариантов толкования. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова определяет его как «небольшой отдаленный, чаще старообрядческий, монастырь в глухой местности»⁶. По «Атеистическому словарю» это «старообрядческий монастырь. Скиты, как правило, располагались в глухой местности»⁷. Более полное определение, хотя и содержащее в себе некоторую негативную окраску, было дано В. И. Далем. «Раскольничьи монастыри зовутся скитами; строились втихомолку... и состоят из хороших, отдельных изб, о многих покоях, с переходами, выходами во все стороны, с тайниками... также нередко между собой связанными под землею; это вертепы разврата и притоны бродяг»⁸. В своей статье мы понимаем под скитом старообрядческое уединенное поселение, расположенное, чаще всего, в дали от населенных пунктов.

Предположения челябинского исследователя Федорова Н.С. о существовании в конце XVII в. скита на оз. Тургояк, а также о появлении первого скита на Южном Урале в Табынской крепости в 30-м гг. XVIII в.⁹ носят умозрительный характер и противоречат историческим фактам. Первые уединенные поселения появляются на территории Яицкого войска не позднее начала 20-х гг. XVIII в. В 1738 г. на р. Сылве были пойманы старообрядцы¹⁰. Один из них –

⁴ Подробнее смотри о разделениях о толках среди беспоповцев: Смирнов П.С., *История русского раскола старообрядчества* (Рязань, 1893), 93–125.

⁵ Подробнее смотри о беглопоповцах: Смирнов, *История русского раскола старообрядчества*, 126–167.

⁶ Ожегов С. И., *Словарь русского языка: 70 000 слов.* (Москва, Русский язык, 1989), 720.

⁷ Атеистический словарь (Москва, Политиздат, 1986), 410.

⁸ Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах.* Том 4. (Москва, Русский язык), 197.

⁹ Федоров Н. С., *Старообрядческие скиты на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX веков.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (Челябинск, 2010.), 40, 42.

¹⁰ Корепанов Н. С., «О тыне заречном», Вестник музея «Невьянская икона», Вып. IV. (2013), 142.

Мокей Шубин в ходе следствия заявил, что его отец (также пойманный на р. Сылве) – Иван Шубин перешел в старообрядчество двадцать лет назад... «по увещанию [беспоповского] старца Никифора... [Иванова – Т.Р.] Завьялова который жил на Яик-реке... по кельям, в лесах и в жилых местах»¹¹. В это же время на Яике находился постриженник о. Софрония беглопоповский старец о. Никифор. Будучи выходцем из Керженских скитов он ездил на Демидовские заводы и в Сибирь, и умер в 1747 г.¹². Помимо уединенных поселений, в самом Яицком городке находился Шацкий старообрядческий монастырь. Сведений о его существовании почти не сохранилось. Известно, что в 1741 г. в результате следственной экспедиции майора Дурасова он был закрыт, кельи проданы, а старцы и бельцы арестованы¹³.

В 1747 г. по приглашению старцев Авраамия, Иоакима, Ионы и казачьей старшинской верхушки яицкие скиты уже не в первый раз посетил видный деятель софонтиевского согласия о. Симеон (Ключарев)¹⁴. Через три года он был пойман. При нем обнаружили письма. Фигурировавшие в них имена дают нам возможность проследить контакты между Яиком, о. Симеоном и горнозаводским Уралом.

В начале 50-х гг. XVIII в. на Дону был схвачен старец Варфолмей, находившийся до этого в Дубовских скитах и на Яике¹⁵. В ходе допроса стало известно, что на территории Яицкого войска проживало более двухсот старцев и стариц. Стали известны имена многих видных старообрядческих деятелей: Авраамия, Тихона (с Дона, упо-

¹¹ Корепанов, “О тыне заречном”, 145.

¹² Байдин В. И., Гурьянова Н.С., Зольникова Н.Д., Мальцев А.И., Панич Т.В., Полетаев А. В., Титова Л.В., Шашков А.Т., комментарии, в *Духовная литература староверов Востока России XVIII-XX вв. История Сибири. Первоисточники*. Вып. 9. Покровский Н. Н. ред. (Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999), 626.

¹³ Витевский В. Н., *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в половине XVIII в.* (Казань, 1877), 19.

¹⁴ Покровский Н. Н., “Допрос в 1750 году в Тобольской консистории старообрядческого священника отца Симеона (Ключарева) о найденных у него письмах”, в *Исторические и литературные памятники “высокой” и “низовой” культуры в России XVI – XX вв.* (Новосибирск: СО РАН, 2003), 277–278.

¹⁵ Витевский В. Н. *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и в XIX в.* (Казань, 1878), 10.

мянutoго в «Истории о бегствующем священстве» и посещавшего Ветковский центр, а позже пойманного и замученного при пытках в Вержнежской духовной консистории¹⁶), Иакова, уже упомянутых Ионы, Иоакима, который по видимому был Иваном Харчевниковым, ранее «организовавшим «детский» филиал Армянского старообрядческого скита»¹⁷, участвовавший в Тарском бунте, бежавший в Енисейск, после чего был пойман на Яике в 1753 г.¹⁸ и др. В результате начавшегося сыска было поймано 144 старообрядца, в число которых вошли и старцы. Стараниями казачьих старшин на одном из островов р. Яик удалось скрыть Тихона¹⁹. Данное следствие было самым масштабным розыском, связанным со староверием на территории Яицкого (Уральского) войска на протяжении конца XVII – первой половины XIX в.

Помимо скитских центров в Яицком казачьем войске на территории Оренбургской губернии также возникают скиты. Наиболее ранние сведения о скитских поселениях здесь относятся к середине XVIII в. 14 января 1750 г. в 12 верстах от Увельской деревни (Исетской провинции) протопопом Петром Фроловским был обнаружен пещерный скит и пойманы пятеро мужчин и две женщины. Оказалось, что по деревням и селам разъезжали беглый крестьянин Степан Папулов, Рашонин “непомнящий родства”, бывший казак Никита Журавлев. Все они пропагандировали самосожжения²⁰.

К концу XVIII – началу XIX в. на территории Уральского войска известны Сергиевский, Садовский, Гниловский, Бударинский, Бородинский и Митрясовский скиты. Все они были беглопоповскими за исключением последнего, основанного поморцами, а впоследствии населенного беспоповцами различных толков²¹.

¹⁶ Байдин, Гурьянова, Зольникова, Мальцев, Панич, Полетаев, Титова, Шашков, комментарий., *Духовная литература*, 642.

¹⁷ Находился он в 30 верстах от г. Тобольска

¹⁸ *Духовная литература староверов востока России*, 628 – 629.

¹⁹ Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в половине XVIII в.*, 34–35, 38.

²⁰ Государственный архив Свердловской области (Далее ГАСО). Фонд 24. Опись 1. Дело 1322. Листы 209–214..

²¹ Витевский В. Н. *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 21–22.

Женский Садовский скит, находился примерно в 7 верстах от г. Уральска, первой его настоятельницей была Феофания (Фекла Беляева, дочь уральского казака Дмитрия Подгорлова)²². В ските имелась часовня внутри которой над иконостасом располагался большой серебряный крест. Металл на него пожертвовал есаул Уральского войска Осип Савич, который он будто бы получил во время войны с Наполеоном, переправляясь через Березину. Неподалеку находилась женская обитель – Выселки – и скит, основанный Филаретом Таликовым. Последний опустел после холеры в 1830 г.²³. Женскими были и Гниловский с Бородинским (Кошевским) скиты. Находились они неподалеку от Гниловского умета²⁴ и Бородинского форпоста соответственно. Основательницей первого считалась скитница Софья, кто второго – не известно.

Неподалеку от Бударинской станицы находился одноименный мужской скит²⁵. Одним из наиболее известных и авторитетных скитов был Сергиевский, находившийся в 110–120 верстах от г. Уральска²⁶. Основателем его считается инок иргизского Верхнеуральского монастыря Сергей. В обители имелись подземные ходы, предназначенные для выхода за пределы скита²⁷, службы проходили в церкви, когда и кем она была построена нам не известно²⁸.

Рост социального напряжения в войске, обусловленный недовольством рядовых казаков злоупотреблениями старшинской верхушки во второй половине XVIII в. приводит к частым отправка

²² Государственный архив Свердловской области (Далее ГАСО). Фонд.24. Опись.1. Дело.1322. Листы. 209–214.

²³ Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 34.

²⁴ Умет – хутор, находившийся в степи.

²⁵ Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 21–22.

²⁶ Чернавский Н. *Оренбургская епархия в прошлом и настоящем* (Оренбург, 1900), 64.; Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 23.

²⁷ Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 27.

²⁸ ГАОО. Ф., 173. Оп. 3. Д. 3998. Л.31.; также она упоминается как часовня: ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4021. Л. 5.

в Петербург станиц²⁹ с челобитными, а также к восстанию 1772 г. и активному участию части казачьего населения в Крестьянской войне 1773 – 1775 гг. Опасность новых волнений заставляла правительство закрывать глаза на религиозную ситуацию в войске. Не было учинено следствия над старообрядцами, имевшими связи с Е. Пугачевым, в существовавших на Урале «православных» церквях службы продолжали вести по старым книгам и обрядам³⁰, а в 1780 г. в г. Уральске была даже открыта Успенская старообрядческая часовня³¹.

Во второй половине 20-х гг. XIX в. при Николае I впервые за длительное время на территории Уральского войска предпринимаются меры против скитов, когда оренбургский военный губернатор генерал П.К. Эссен приказал передать благочинному церкви войска Уральского И. Корчагину колокола из Сергиевского скита, а также зарыть имеющиеся там подземные ходы³².

Действия по поиску и уничтожению старообрядческих скитов предпринимаются первоначально на территории Оренбургской губернии. В 1841 г. около Бузулука было велено уничтожить обнаруженный скит девицы Марфы Алемовой, в котором проживало 10 человек обоего пола³³. В феврале – марте 1853 г. правительственный отряд не смог добраться до скита, расположенного у подножья горы Яман-тау недалеко от Белорецкого завода. Известно, что в нем находилось 9 жилых строений³⁴.

В связи с образованием в 1846 г. австрийской иерархии, на территории Оренбургской губернии появляются белокриницкие священники. В 1854 г. было начато расследование о находящемся на

²⁹ Станицами, в данном случае, называли группы казаков, представлявших интересы всего казачьего общества. Отправляли их чаще всего в столицу для подачи сведений о состоянии войска, за получением жалования и для подачи челобитных.

³⁰ Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 19.

³¹ Витевский В. Н. *Сведения о православных и единоверческих церквях Уральского войска* (Б.м., б. г.), 2.

³² Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 27.

³³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 169. Лл. 1 – 3 об.

³⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 243. Лл. 1 – 4.

горе Юрме в 50 верстах от Златоустовского завода белокриницком ските. В нем имелась походная церковь, а также были обнаружены 2 часовни и могилы иноков. Во время следствия экспедиция встретила богомольцев, идущих в Москву из Тесовского скита Пермской губернии, располагавшегося в 150 верстах от Екатеринбурга, а также инока, возвращавшегося из женского скита, какого – нам не известно. В 1857 г. той же экспедицией были пойманы иноки Климент и Филарет, а позже Серафим, Павел и Трофим. Основной центр их находился на горе Большой Таганай, где жил игумен Зиновий, священник Павел, инок Паисий, диакон Коментарий. У них имелись походная церковь, церковная утварь, книги. Были обнаружены и другие поселения около Миасских заводов, озер Ильменского, Чебаркульского и Тургояк. Их жители имели тесные связи с Челябинским, Екатеринбургским, Шадринским и Троицким уездами. Известно, что с октября 1858 г. по апрель 1859 г. в скит на горе Таганай приезжал из Москвы епископ Геннадий (Беляев)³⁵. Посещали скитников и казаки, перешедшие в белокриницкое согласие. На территории Уральского войска пристанищем австрийской иерархии стал Садовский скит. Его настоятельница Порфирия поддерживала контакты с епископом Софронием и центром в Москве³⁶.

Что касается территории Уральского войска, то здесь политика правительства в отношении скитских центров была намного осторожнее. Во время составления водомостей на 1844–1845 гг. в войске находилось 8 скитов. Беглопоповскими из них были мужской Сергиевский, женские Гниловский и Садовский. Непринимавшими священство были скит на р. Кому, на Роковом острове³⁷, Митрясовский, в излучине («луке») Ивушкиной около Конделинского форпоста. Два молитвенных дома было в Садовском скиту, в Сергиевском, Гниловском, Бударинском и на луке Ивушкиной – по одному. В общей сложности в 1844 г. в скитах проживало 46 мужчин и 104 женщины, а в 1845 г. – 43 мужчин и 101 женщина³⁸.

³⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 360. Лл. 2, 19, 20, 22, 30, 35 об, 49 об – 50, 51.

³⁶ Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 168, 173.

³⁷ Где он находился, неизвестно.

³⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 649. Лл. 187 об-188, 205 об-206, 206 об-207, 208 об- 209, 224 об-225, 225 об-226, 226 об- 227, 228 об-229, 229 об-230.

В конце 50-х гг. XIX в. впервые с середины XVIII в. были предприняты активные действия против скитских центров на территории Уральского войска. В 1858 г. по поручению наказного атамана Уральского казачьего войска А.Д. Столыпина подполковником К.Ф. Бизяновым был совершен объезд четырех скитов. По его докладу населены они были 22 мужчинами и 30 женщинами. Из их числа в Бородинском женском скиту проживало 14 инокинь, в Сергиевском 10 иноков и 10 отставных казаков разных званий (К. Ф. Бизянов подчеркивал, что трое из них принадлежали к единоверию), в Гниловском скиту – 13 стариц, инокиня, две послушницы и несколько казачек. В поморском скиту, около Бородинского форпоста 2 мужчин, 2 две женщины, одна девка³⁹. После поездки К.Ф. Бизанова было принято решение о постепенной ликвидации скитов.

В том же 1858 г., как пишет Н.С. Федоров, был закрыт поморский скит около Бородинского форпоста⁴⁰. В 1859 г. – Гниловский, обительницы которого были отправлены в станицы, из которых были родом⁴¹. С закрытием Митрясовского скита жившие в нем Гавриил и Зосима (оба до этого бежали из Иргизских монастырей) были переведены к сергиевским, а бывший казак Березовский отправлен в Мухрановский форпост, где до этого проживал⁴².

В 1861 г. на основе Сергиевского скита было решено основать единоверческий монастырь. К этому моменту его братия состояла из 18 человек: 15 монахов и 3 бельцов⁴³. Находившаяся там часовня была преобразована в единоверческую церковь⁴⁴. В ней находилось 39 икон, часть из которых была в серебряных окладах и вышита жемчугом, напрестольное Евангелие, кресты и сосуды⁴⁵. Кроме этого, в

³⁹ Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 121-122.

⁴⁰ Федоров, *Старообрядческие скиты на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX веков*, 93.

⁴¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13709/1. Лл. 1 – 1 об.

⁴² Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 22.

⁴³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4021. Л. 2.

⁴⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4021. Л. 5.

⁴⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4021. Лл. 20–21.

скиту было обнаружено 19 старопечатных книг, которые впоследствии были проданы, а на вырученные деньги куплены новые единовременной печати⁴⁶.

После 1861 г. была предпринята попытка перевести в Сергиевский монастырь монахов из Бударинского скита, просивших по старости переселить их ближе к г. Уральску на Сулягин остров. Желание скитников было удовлетворено из-за опасений волнений среди монахов⁴⁷. Поиски компромисса с бударинскими обитателями закончились появлением «благословенной»⁴⁸ церкви во имя Святого и Чудотворца Николая в 1869 г. Священником ее стал Александр Паленов. Находилась она на тех же правах, что и Никольская в г. Уральске и Ильинская в г. Илеке⁴⁹.

Единственным скитом, продолжившим свое существование был Садовский, ставший центром белокрыницкой иерархии во второй половине XIX в.

Расположенные на территории Уральского войска скиты в первой половине XVIII в. заложили основу прочных связей со старообрядческими центрами на Дону, Ветке (позже Иргизе), в Сибири и на горнозаводском Урале. После ряда розыскных операций в середине XVIII в. скиты постепенно теряют свое значение, уступая свое место «православным» церквям, служба в которых велась по старым обрядам и с 80-х гг. Успенской старообрядческой часовне в г. Уральске. Вторую половину XVIII – первую половину XIX в. можно охарактеризовать как период невмешательства. Правительство предпочитало закрывать глаза на действия старообрядцев, опасаясь волнений на территории Уральского войска. Впервые с середины XVIII в. меры по ликвидации скитов предпринимаются лишь в конце 50-х гг. XIX в. При этом власти стремились избежать любых конфликтных ситуаций, что вынуждало их идти на уступки

⁴⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4021. Л. 1 об.

⁴⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 3998. Лл. 1, 15, 22 об.

⁴⁸ Прихожане благословенных церквей могли сами выбирать себе священников из числа православных (вероятно, что они получали исправу). Также эти церкви напрямую не подчинялись епархиальному начальству, а находились в ведении наказного атамана.

⁴⁹ Витевский, *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в конце XVIII и в XIX в.*, 22–23.

старообрядцам, как это было, например, с бударинскими старцами. Более чем полуторавековая история скитских центров на территории Уральского войска демонстрирует нам, насколько сильно было староверие в регионе, с существованием которого приходилось мириться местным и центральным властям.

ИСТОРИЯ РОССИИ XIX
И НАЧАЛА XX ВВ.

THE HISTORY OF RUSSIA
IN THE 19TH CENTURY
AND THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ И РОССИЙСКО-АНГЛИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ: ВЗГЛЯД РУССКИХ КУПЦОВ

Смирнова М. А.

кандидат исторических наук

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия

smirnmar@gmail.com

АБСТРАКТ: В литературе вопрос о значении русско-английских торговых связей поднимается обычно в связи с влиянием континентальной блокады на развитие российской экономики. Ее отрицательными последствиями явилось сильное расстройство финансов и падение курса ассигнационного рубля, вывоз сырья из России приостановился и товары обесценились, а вексельный курс продолжал неуклонно падать. В отечественной историографии господствует мнение о невыгодности и разорительных последствиях тильзитской системы для России. Личные впечатления купцов отразились в немногочисленных произведениях купеческой мемуаристики.

KEYWORDS: Наполеоновские войны, российско-английская торговля, русские купцы

Эпоха Наполеоновских войн стала переломной не только для Европы, но и для России: закончилось царствование «просвещенной» монархини Екатерины II, государственным переворотом и цареубийством завершилось недолгое и противоречивое правление Павла I, началась эпоха Александра I, сочетавшего либеральные устремления с абсолютистской практикой.

В сложном положении оказалась экономика России. Вследствие длительных войн последней четверти XVIII в. казна опустела, вексельный курс неуклонно снижался, и правительство искало способы удержать его от дальнейшего падения и колебания¹. Это послужило

* Статья выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.101.2012.

¹ Фирсов Н. Н., *Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики* (Казань, 1902), 85, 121-123.

одной из причин изменения курса внешнеторговой политики Екатерины II от принципов свободной торговли к протекционизму: вводилось регулирование ввоза и вывоза товаров, началась разработка нового таможенного тарифа. Внешнеторговая политика Павла являлась примером последовательного применения и развития запретительной системы и исходила из интересов торговли и индустрии России².

Главным торговым партнером России в XVIII – первой половине XIX вв. была Великобритания. Из России вывозился хлеб и сырье для судостроительной промышленности: пенька, лен, сало, смола, железо, мачтовые сосны. Из Британии экспортировались промышленные товары, каменный уголь, пряжа. В такой торговле в наибольшей степени было заинтересовано русское дворянство, которое богатели за счет продажи сырья и имело возможность приобретать предметы роскоши. Не в меньшей степени огромный британский экспорт российских товаров обеспечивал доходы и русским купцам. В первой половине XIX века в отдельные годы доля Англии во внешнеторговом обороте России достигала 50%³.

Для Великобритании существовали таможенные льготы – по договору 1734 г. и англо-русской торговой конвенции 1793 г.⁴ Зачастую английские купцы в экспортных операциях обходились без русских посредников, большая часть русской внешней торговли производилась на британских судах – согласно статистическим данным на 1802-1804 гг., английские суда перевезли 42% всех торговых грузов, прибывших или выбывших из российских портов⁵. Время от времени в русском обществе высказывались мнения о необхо-

² Покровский С. А., *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России* (Москва: Международная книга, 1947), 153.

³ Калинин А. В., “Внешняя торговля России в первой половине XIX в.”, в *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 6 (Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006), 15.

⁴ Неболсин Г., *Статистическое обозрение внешней торговли России*. Ч. 2 (Санкт-Петербург, 1850), 5–6.

⁵ Посчитано по: Семенов, А. В., *Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год*. Ч. 3 (Санкт-Петербург, 1859), 232–233.

димости положить конец «безраздельному господству англичан в русской торговле»⁶.

Экономическая зависимость обеих стран от взаимных поставок во многом определила политический курс государств в переломную эпоху Наполеоновских войн. Причем именно круги, связанные с торговлей, как в Великобритании, так и в России, оказывались наиболее ревностными сторонниками русско-английского сближения. Взаимные торговые интересы толкали Россию на военные предприятия, обслуживающие интересы Великобритании. Наиболее ярким примером такой кампании является Голландская экспедиция 1799 г.⁷ После ее неудачного окончания отношения двух держав обострились. В 1800 г. в России было объявлено эмбарго на английские суда, обе страны озвучили взаимные экономические претензии, позже были отменены таможенные льготы для англичан. Только после смерти Павла I Россия пересматривает принципы нейтралитета и начинает переговоры с Англией о мире и экономическом взаимодействии.

В литературе вопрос о значении русско-английских торговых связей поднимается обычно в связи с влиянием континентальной блокады на развитие российской экономики. Ее отрицательными последствиями явилось сильное расстройство финансов и падение курса ассигнационного рубля, вывоз сырья из России приостановился и товары обесценились, а вексельный курс продолжал неуклонно падать⁸. В отечественной историографии господствует мнение о невыгодности и разорительных последствиях тильзитской системы для России.

Рубеж веков стал временем испытаний и для русского купечества: в это период произошла смена его верхушки – многие богатые династии XVIII в. разорились, а их место заняли быстро разбогатевшие выходцы из крестьян. Представители купечества бурно реагируют

⁶ Фирсов, *Правительство и общество*, 332.

⁷ Назаренко К.Б., «Взгляд на русско-английскую военную экспедицию в Голландию в 1799 г. с точки зрения русского и британского патриотизма», в *Патриотизм – феномен российской истории: Материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург: СПбГАСУ, 2013), 200–205.

⁸ Витчевский В., *Торговля, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней* (Санкт-Петербург, 1909), 35.

ли на происходящие изменения во внешнеторговом курсе страны. Введение новых таможенных тарифов и изменение пошлин на ввозимые и вывозимые товары, введение привилегий и ограничений английским купцам для торговли с Россией, экономический разрыв с Англией 1800 г., введение и отмена континентальной блокады, наконец, разорения во время Отечественной войны 1812 г., - все это живо обсуждалось российским купечеством и нашло отражение в различных источниках.

Различается восприятие и оценка событий Наполеоновской эпохи купцами Петербурга и Москвы. Ориентированные на заграничные торговые операции петербургские коммерсанты остро реагировали на события континентальной блокады и изменения в таможенной политике 1810-х гг., война 1812 г. была оценена ими скорее положительно, поскольку стала способом обогащения. Московские купцы, связанные с внутренним рынком, напротив, мало зависели от экспортных операций. Поэтому отзывов об изменении внешнеторгового курса в их проектах и мемуарах практически нет, а основное внимание уделено Отечественной войне 1812 г., которая имела для них катастрофические последствия.

От имени купеческих обществ отдельных городов и отдельных его представителей царю или высокопоставленным чиновникам подавались разнообразные «мнения», «рассуждения» и проекты. Они, как правило, содержали в себе советы и рекомендации к тому, как улучшить экономическую ситуацию в стране.

Еще с конца XVIII века появляются записки и «мнения» русско-го купечества о необходимости развития российского торгового мореплавания и прекращении доминирования иностранных купцов в российской экспортной торговле⁹. В 1810-е гг. в купцы в таких сочинениях отстаивали принципы протекционистского тарифа 1810 г. и указывали на негативные последствия континентальной блокады¹⁰.

⁹ См.: Мнение коммерц-коллегии общего собрания на положение купечества о распространении кораблестроения и мореплавания, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ), Основное собрание рукописной книги, фонд 550, Ф. XVIII. 61, л. 95–102 об.

¹⁰ Куценков Д.Г., *Промышленность и торговля России в годы континентальной блокады: Тезисы к диссертации* (Ленинград: ЛГУ, 1939), 3.

Личные впечатления купцов отразились в немногочисленных произведениях купеческой мемуаристики. Отечественная война 1812 г. – ключевое для России событие Наполеоновских войн – занимает наиважнейшее место в исторической памяти торгового сословия как никакая другая военная кампания. Непосредственные впечатления купцов от пребывания французов в Москве запечатлены в уникальных мемуарах, написанных в 1812–1815 гг. Самое раннее купеческое мемуарное произведение об эпохе 1812 г. – «Записки о военных действиях 1812 года» Н.Ф. Котова¹¹. Котов бежал из города 1 сентября и вернулся в конце года, его записи отразили то, что он видел сам, а также рассказы москвичей, не покидавших город при французах, слухи и толки. Этим и ценны его мемуары – в них зафиксирована устная традиция, бытовавшая в Москве в 1812 г., запечатлена народная точка зрения на войну.

Мемуары московского купца 3-й гильдии П.П. Жданова о его «приключениях» в 1812 г. были опубликованы год спустя без указания имени автора¹².

В 1879 г. в журнале «Русский архив» была опубликована заметка московского книгопродавца, гофмаклера в Коммерческом банке Г.Н. Кольчугина о событиях 1812 г.¹³ Записка, адресованная неустановленному лицу, была составлена купцом вскоре после окончания Отечественной войны, в 1815 г., и содержит описание его пребывания в Москве при французах.

К.А. Полевой посвятил «Записки» биографии своего брата, писателя и историка Н.А. Полевого¹⁴. Братья были представителями сибирского купеческого семейства и приехали из Иркутска в июле 1812 г. в Москву, где их застало наполеоновское нашествие. Семья

¹¹ Котов Н.Ф., Из «Записок о военных действиях 1812-го года», в *1812 год в воспоминаниях современников* (Москва: Наука, 1995), 33–45. Рукопись: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ), Вишняков Н. П., фонд 54, картон 8, дело 31.

¹² Ж[данов] П., *Памятник французам, или Приключения московского жителя П... Ж...* (Санкт-Петербург, 1813).

¹³ [Кольчугин Г.Н.], «Записка о 1812 годе московского гофмаклера Г.Н. Кольчугина», в *Русский архив*, № 9 (1879): 45–62.

¹⁴ Полевой К.А., *Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого*. Ч. 1. (Санкт-Петербург, 1860).

мемуариста в последний момент успела покинуть город перед вступлением в него французской армии.

Перу Е.А. Харузина принадлежат «Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы»¹⁵. Воспоминания были написаны спустя 60 лет после Отечественной войны, в 1872 г., по просьбе историка М.П. Погодина и обращены к нему¹⁶. В этом мемуарном произведении запечатлены детские впечатления автора, которому в 1812 г. было 10 лет, он не смог вовремя с семьей уехать и оставался в Москве до 29 сентября, хлебнув горя со всеми москвичами.

Во всех этих мемуарах Отечественная война представлена как страшная катастрофа, стихийное бедствие, внезапно обрушившееся на Россию. Вся Москва подверглась разорению, не уцелели купеческие лавки и склады. Имуущества лишились купцы, бежавшие из Москвы и вернувшиеся после на пожарище, не менее тягостными были впечатления тех, кто остался и воочию наблюдал пожары и грабежи. Безусловно, центральное внимание в мемуарах купцов обращено на пожар Москвы, в особенности на пожар Гостиного двора и торговых рядов. Е.А. Харузин эмоционально описал москвичей, ночевавших на улицах из-за пожаров, взрывы пороха, спирта, запасов дегтя: «страшная картина ада!»¹⁷

Но вместе с горестными слухами мемуары изобилуют анекдотами о хитрых русских, которые даже в таких условиях умудрялись обмануть французские власти и извлечь выгоду. Все эти слухи и отклики записаны мемуаристами сквозь призму купеческого восприятия.

Память о «грозе 1812 года» не изгладилась из памяти купечества и спустя столетие. В семейных хрониках московских купеческих фамилий, написанных на рубеже XIX–XX вв. представителями мо-

¹⁵ Харузин Е. А., «Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы», в *1812 год в воспоминаниях современников*, 163–170.

¹⁶ Рукопись: ОР РГБ, Погодин Н.П., фонд Разд. III, картон 11, дело 62. См. также его автобиографическую заметку: ОР РГБ, фонд Разд. III, картон 11, дело 61.

¹⁷ Харузин, «Мелкие эпизоды», 166.

лодого поколения торговой или промышленной династии, описано разорение предков при нашествии Наполеона¹⁸.

Отечественная война больно ударила по московским коммерсантам – значительное число предприятий и фабрик разорилось и никогда не возродилось вновь, а их хозяева не в состоянии были платить гильдейский ценз и выбыли из купечества. А.И. Аксенов, детально изучив состав московского купечества по данным 6-й и 7-й ревизий 1811 и 1815 г., заключил, что во втором десятилетии XIX в. наблюдается значительное выбывание купцов из сословия. В первую очередь пострадали коммерсанты, имевшие фабрики на территории Москвы и Московской губернии¹⁹.

Для петербуржцев события 1812 г. были не столь роковыми. Скорее, больший урон последние понесли в результате войн за континентальную систему 1805-1812 гг. Современник отмечал, что «Торговля в Петербурге с 1805 по 1812 г. значительно упала, что послужило к разорению многих купцов»²⁰. Еще больший урон петербургским купеческим капиталам принесло принятие невыгодных для них таможенных тарифов 1816 и 1819 гг. Именно эти события вызвали волну недовольства, выразившуюся как в мемуарах, так и в публицистических произведениях и даже экономических трактатах. События 1812 г. многими современниками и их потомками было оценены положительно, как героический, торжественный эпизод в истории страны, а также как некий экономический толчок, обогативший многие столичные торговые дома. Эта точка зрения впоследствии утвердилась и в историографии: П. А. Берлин в начале XX в. отмечал, что купечество рассматривало Отечественную войну 1812 г. как источник экономического обогащения²¹.

¹⁸ Семейная хроника Крестовниковых. Кн. 1 (Москва, 1903), 25–27; М. А. Рыбникова, Горбовская хроника: По архиву семьи Щукиных (Москва: Тип. Н. Желудковой, 1919), 11–15; Сведения о купеческом роде Вишняковых. Ч. 2 (Москва, 1905), 40.

¹⁹ Аксенов А. И., Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии (Москва: Наука, 1988), 89.

²⁰ Северцев (Полилов) Г.Т., “С.-Петербург в начале XIX века”, в *Исторический вестник*, № 5 (1903): 633.

²¹ Берлин П. А., “Русское купечество и война 1812 г.”, в *Отечественная война и русское общество*. Т. 5 (Москва, 1912), 114. См. также: Тарле Е.В., *Нашествие Наполеона на Россию* (Москва: Госполитиздат, 1943), 187–190.

Г.Т. Полилов-Северцев, потомок крупного купеческого рода Полиловых, писал в своих воспоминаниях о падении торговли пенькой накануне Отечественной войны. Действительно, в начале XIX в. доля пеньки в общем объеме внешней торговли России с Англией составляла 7%²². «1812-й год <...> оживил снова торговлю и поставка пеньки для нужд казенного завода и за границу <...> снова приняла прежние размеры»²³.

Это было связано с государственными заказами на пеньку для русского судостроения, а также для англичан, с которыми с 1812 г. вновь была восстановлена торговля. Именно повышенный спрос на пеньку позволил Полиловым продавать ее по высокой цене и тем самым составить капитал, расширить свое дело и перенести его в Петербург. В начале 1813 г. дед мемуариста отправился в Польшу вместе с русской армией для заготовки провианта для русских войск, преследующих Наполеона²⁴.

Библиофил Я.Ф. Березин-Ширяев в своих «Семейных записках» отмечал, что компаньоны его предков купцы Брилины сильно обогатились в 1812 г. на торговле сукном. «В это время был большой недостаток в сукнах, и цены на них были чрезвычайно высоки. Ларион Степанович, находясь в это время в Москве, доставлял в Петербург требуемые товары с большой выгодой. Он находился в Москве до самого вступления в нее французов. По окончании войны он также продолжал ездить в Москву и закупать там товар для Брилина. Требования на сукна были весьма значительны и по окончании войны, что весьма много способствовало обогащению Брилина. Так продолжалось несколько лет, в продолжение которых Брилин приобрел себе большое состояние и имя известного петербургского купца»²⁵.

Купцы обогащались разными способами, в том числе играли на патриотических чувствах русских. Мемуаристы отмечают, что если ранее было выгодно выдавать свой товар за иностранный, особенно

²² Калинин, «Внешняя торговля России в первой половине XIX в.», 16.

²³ Полилов (Северцев) Г. Т., «Быт петербургского купечества в 1820-х – 1840-х годах», в *Петербургское купечество в XIX веке* (Санкт-Петербург: Гиперион, 2003), 51.

²⁴ Рукописное отделение Института русской литературы, Венгеров С. А., *фонд 377, опись 7, дело 2903, л. 2.*

²⁵ ОР РГБ, Березины-Ширяевы, *фонд 431, картон 1, дело 12, л. 5 об.*

французский, то в 1812 г. в цене оказалось все русское. Историк П.А. Берлин приводит памфлет, имевший хождение в Петербурге в годы континентальной блокады:

«Лишь с Англией разрыв коммерции открылся,
То внутренний наш враг на прибыль и пустился.
Враги же есть все те бесстыдные глупцы,
Грабители людей, бесчестные купцы.
На сахар цену вновь сейчас и наложили:
Полтину стоил фунт, рублем уж обложили»²⁶.

Впрочем, не для всех резкое обогащение закончилось благополучно. Служащий купеческой конторы И.Д. Ертов записал в своем «Житии» о хозяине конторы, нажившемся на казенных поставках: «Хозяин мой, будучи главным поставщиком для действующей армии провианта, и еще два другие подрядчика, купец Очкин и крестьянин графа Орлова Маринин первые подверглись ответственности пред высочайшею комиссией»²⁷.

Таким образом, события 1812 г. двояко отразилась в памяти купечества. Отечественная война 1812 г. стала мощным импульсом для появления купеческой мемуаристики.

Наконец, англо-русская торговля в эпоху Наполеоновских войн отражена в литературных и публицистических произведениях купцов первой половины XIX в. Наиболее ярко о разорении русских купцов описано в сочинении коммерции советника В.А. Попова «Разговор в Царстве мертвых»²⁸. Это иносказательная сценка, посвященная критике современной таможенной политики России. Архангельские купцы в Царстве мертвых беседуют о переменах в экономике, связанных с континентальной блокадой, событиями 1812

²⁶ Берлин, «Русское купечество и война 1812 г.», 117.

²⁷ [Ертов И.Д.], «Житие раба божияго Ивана Давидова сына Ертова самим им писанное: Переписано с рукописи и дополнено в 1837 году», в *Философский век: История идей в России: Исследования и материалы: Альманах*. Вып. 26 (Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2004), 77.

²⁸ Частично опубл.: Смирнова М.А., «Страсти по курсу на том свете: Рассуждения купца о заграничной торговле России», в *Родина*, № 7 (2011): 62-64. Рукопись: ОР РНБ, Основное собрание рукописной книги, фонд 550, Ф. XVII. 27, л. 5-37.

года, в том числе о кардинальном изменении таможенного курса. В Отечественную войну 1812 г., – резюмирует Попов устами своих персонажей, – «многие имели немалые пользы, а некоторые дома в течение трех лет миллионами составили свое состояние»²⁹.

«Разговор между гг. Ш<...> и П<...> о курсе» - произведение уже второй четверти XIX в. – свидетельствует о неутихающих спорах относительно проблем и бед российской экономики Наполеоновской эпохи³⁰.

В проектах, записках и мемуарах русские купцы, как правило, выступали единодушно. Эти произведения отражают противоречие между осознанием русским купечеством себя как сравнительно богатой и значимой общественной группы и фактической его несамостоятельности в англо-русской торговле на рубеже XVIII–XIX вв.

²⁹ Смирнова, «Страсти по курсу на том свете», 63.

³⁰ ОР РНБ, Михайловский Н. М., фонд 487, Ф. 252.

THE QUESTION OF THE ANGLO-RUSSIAN
COOPERATION AT THE NEGOTIATIONS IN SEAFORD.
COUNT K. A. LIEVEN'S INTERMEDIARY ROLE IN THE
SOLUTION OF THE EASTERN CRISIS IN 1825–1826

KATALIN SCHREK

PhD Student

University of Debrecen, Doctoral School of History and Ethnography,

Hungary

schrekkata@hotmail.com

ABSTRACT: The examination of the foreign policy apparatus of the two states represents an important element in studying Anglo-Russian diplomatic relations. The revealing of an ambassador's or consul's activity can provide interesting information and data concerning the interpretation of both Russian and British policies. The Russian ambassador to London, K. A. Lieven's work can be an example for that as he directly participated in preparing the way for the Anglo-Russian cooperation agreement of 1826 and in organizing the negotiations towards that. In my study I aim for presenting an overview of the role of the Count in the establishment of the coalition of the Great Powers concerning the Greek Cause.

KEYWORDS: Great Britain, Russia, K. A. Lieven, George Canning, Anglo-Russian negotiations, Greek Cause, contactology, diplomatic history of the 19th century

Regarding history research along with traditional political history investigations new conceptions are increasingly gaining ground which deal with the different subjects from a new point of view. This tendency may also be observed in the themes concerning world history. My research in the field of international relations is based on the study of the diplomatic connections between Great Britain and the Russian Empire. The essential sub problem concerning these relations is the exploration of the formal and informal liaison of the two states from the point of view of contactology. The observation of the diplomats' activities may serve as an excellent starting point regarding gaining and transmitting information both in official and unofficial ways. According to the above facts I set in

the centre of my study the role of Count K. A. Lieven (1774–1839), a Russian ambassador to London.

The most determining stage in the career of the Baltic German born diplomat was the English mission, which lasted more than two decades (1812–1834) and covered a very exciting period of the formation of the British-Russian relations. The Greek Cause appeared as an organic part of the European diplomacy in the 1820's. It was especially true regarding Great Britain and Russia. The similarity and conflict of interests existing between the two states resulted in a unique way of cooperation and rivalry. Concerning the development of the relationships of Great Britain and Russia, one of the most important diplomatic acts in this period was the Anglo-Russian protocol signed in St Petersburg on 4th April, 1826. However, the bilateral convention was preceded by a long negotiation process, in which Count Lieven's intermediary function played an important role.

In this study I would like to make an attempt to create a unique but complex picture of the events in the background which had an effect on Great Britain and Russia's diplomacy and the method of the negotiations in the period of 1825–1826 by examining the work of the diplomat. In elaborating the subject the materials of The National Archives/Public Record Office and the published sources of the *Внешняя политика России 19 и начало 20 века, (ВТП) Документы Российского Министерства Иностранных дел [Foreign Policy of Russia in the 19th – beginning of the 20th century (FPR)], Documents of the Ministry of Foreign Affairs* were at my disposal to which the collection of Dorothea Lieven's personal correspondence was added.

The changes in Anglo-Russian relations in the 1820's can be divided into different stages. In the period of 1821–1824 the relation of the particular states was determined by a kind of standoffishness which can be connected with the change in the policy of the Foreign Office.¹ The cooperative policy with the continental Great Powers was again replaced by an isolation guideline which was present in dealing with both the European Causes and the Eastern Question. The distancing

¹ Alexander Bitis, *Russia and the Eastern Question. Army, Government, Society 1815–1833* (Oxford: Oxford University Press, 2006), 167–172.; Paul Schreoder, *Transformation European Policy* (Oxford: Clarendon Press, 1994), 637–640.

policy though did not imply Great Britain's passivity. The attitude of the British Cabinet from 1823–1824 presented categorically a British need for an active involvement in handling the Greek Cause.² In parallel with this Russia strived for solving the crisis concerning the Ottoman Empire in the long term within the framework provided by the Congress System, in a mutual understanding with all members of the Concert of Europe. Though in this phase of the Anglo-Russian relations the aims of London and St Petersburg were the same, there was a great difference in the principles and methods they put into practice.

In the next period between 1825 and 1826 the previously outlined tendency changed and Great Britain and Russian became allies again. When investigating the process of change, it had great importance on both sides to study the delegated diplomats' work of both parties which was remarkably active at the time of preparing the way for the Anglo-Russian agreement.³ A part of this context is represented by the analysis of K. A. Lieven, Russian ambassador to London's mediatory and contacting role. Though it is important to emphasize that the picture of Lieven's diplomatic service cannot be complete without taking his wife, Dorothea Lieven's work into account. These two factors were completely interlinked with each other in this period of the Greek Cause.

The negotiations leading to the conclusion of the Anglo-Russian alliance started in the autumn of 1825. The first phase of arranging the consultations was represented by the period of expressing opinions by the ambassadors. The aim of the early period of rapprochement was to start concrete negotiations, though the latter proved to be an especially difficult task. The lack of success of the Conference of St Petersburg (1824), which aim was to establish agreement between the Great Powers and was urged by the Russian Cabinet, played an important role in the emerging situation between London and St Petersburg.⁴ However, Alexander I found no support to the need for the collective solution of the Greek Cause. The basically negative attitude of the governments

² Harold Temperley, *The Foreign Policy of Canning 1822–1827* (London: G. Bell and Sons Ltd., 1925), 326, 331–336.

³ For example Stratford Canning, Lord Strangford and Pozzo di Borgo.

⁴ Bodnár Erzsébet, „Oroszország keleti törekvései 1792–1830, in Bodnár E. szerk., *A keleti kérdés és a Balkán az orosz külpolitikában a 19. század első felében* (Budapest: Hungarovox Kiadó, 2008), 125.

in Vienna and London was accompanied by the fact that France and Prussia was disinterested in the case and the Russian Tsar proved to be helpless concerning the settlement by all the Great Powers.⁵ The ruler said the following during his consultation with Nesselrode: "The Turkish power is crumbling; the agony is more or less long, but it is stricken with death. I am still here, armed with all my power, but strong in my known principles of moderation and disinterestedness. [...] So long as I follow them (any principles), they (Metternich) try to profit by it. I cannot remain in this position for long."⁶ The change seemed to be evident and at the same time necessary in the circles of St Petersburg.

The British diplomacy had similar views on the topic as they thought it was time to get in touch with Russia in a more active way since the continental Great Powers were no longer involved in the Greek Cause. The change in the policy of the British Cabinet was indicated by several smaller acts. Count Lieven gave evidence of these in his report for Nesselrode, which was forwarded to Alexander I in the letter of the Russian Secretary for Foreign Affairs on 20 November 1825.⁷ In this letter Lieven reported George Canning on his instructions to Lord Strangford. Based on the tone of the instructions meant for the new ambassador to St Petersburg, the Russian ambassador to London regarded the new direction of the change of the British diplomacy quite explicit.

Lord Strangford's delegation was obvious indeed. He got an authorization to inform Nesselrode that: "[...] the Emperor of Russia has since the opening of the conferences of St Petersburg, last winter, declared His determination to hold no further communication with His Majesty's Government [...]. It is not for the British Government to break in upon a resolution prescribed by His Imperial Majesty for His own

⁵ О. В. Орлик, История внешней политики России. Т. 1. (Москва: Международные отношения, 1999), 208.

⁶ Quoted by Harold Temperley, Princess Lieven and the Protocol of 4 April 1826, *The English Historical Review* 39, №153 (January, 1924): 60.

⁷ Внешняя политика России 19 и начало 20 века, (ВПП) Документы Российского Министерства Иностранных дел. (Henceforth abbreviated ВПР) Сер. II. Т. 6 (14). (Москва: Наука, 1985). Управляющий министерством иностранных дел К. В. Нессельроде Александру, 8 (20) ноября 1825 г. 296. The full text of the document can be found: In Theodor Schiemann, *Geschichte Russland unter Kaiser Nicolaus I.* Bd. I. (Berlin, 1904), 614–617.

conduct [...]” However “[...] whenever His Imperial Majesty shall think fit to relax that resolution, His Majesty will disposed to meet confidence with confidence, and again to discuss with the most sincere desire of coming to a common and friendly understanding [...]”.⁸ With full knowledge of the content of the document Lieven could have confirmed the British intentions towards his government. But it is important to emphasize that Canning’s disposals were essentially general principles which did not contain any facts. As he himself said: “[...] the instructions which I have to give to your Excellency are entirely of a general nature.”⁹

There had been some signs for St Petersburg’s inclination for arrangement as well. However, the Tsar thought that an open rapprochement towards Great Britain would not go well with his dignity “[...] after what passed [...]”.¹⁰ “If they grasp hands [with us] we are sure of controlling events and of establishing in the East an order of things conformable to the interest of Europe and to the laws of religion and humanity [...]. The sending of Lord Strangford will serve as a pretext; his arrival here will form a new epoch in this question.”¹¹ The new British ambassador to St Petersburg was appointed in October 1825.¹² The informal negotiations started in the same month between Lieven and George Canning which had an important antecedent: Dorothea Lieven’s visit in Russia in the summer of 1825.

After the Tsar consulted with his Secretary for Foreign Affairs, he asked Nesselrode to outline Russia’s current political situation to Madame Lieven as well and commission her to establish an informal contact with the British Government.¹³ During the conversation between the Countess

⁸ George Canning to Viscount Strangford, Foreign Office, October 14, 1825. In TNA/PRO. FO 181/65. Foreign Office and Foreign and Commonwealth Office: Embassy and Consulates, Union of Soviet Socialist Republics (formerly Russian Empire): General Correspondence. To Lord Strangford.

⁹ *Ib.*

¹⁰ Temperley, *Princess Lieven and the Protocol of 4 April 1826*, 61.

¹¹ *Ib.* 60–61.

¹² George Canning to Viscount Strangford, Foreign Office, October 12, 1825. In TNA/PRO. FO 181/65.

¹³ Temperley, *Princess Lieven and the Protocol of 4 April 1826*, 61.; J. L. Cromwell, *A Russian Princess in London and Paris, 1785–1857* (London: McFarland and Company, 2007), 96–97.; Наталия Таньшина, Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия (Москва: КМК, 2009), 68–73.

and Nesselrode Madame Lieven was worried about the embassy after all she accepted the mediatory role.¹⁴ The Countess left St Petersburg at the end of August. Not long after she left, she addressed a letter to Metternich with whom she had been on familiar terms for long years. In this she reflected not only on the circumstances of her journey but the Russian events as well. Although she referred slightly to the change of the Tsar's foreign policy conception, it is important to highlight that she did not inform the chancellor on the mission to London or the instructions Alexander I gave at all. In her letter of 2 September Madame Lieven indicated to Metternich that "[...] there is a certain coldness [...]" towards him.¹⁵ It was also supported by the Countess' writing, "*Political recollection on the alliance with England*"¹⁶ and the report on Metternich's visit to Paris in 1825. In the latter one the Countess wrote the following: the chancellor "[...] committed the most astonishing indiscretions. (He showed himself?) sufficiently contemptuous of the Emperor Alexander. He boasted of his influence over him, he confessed to all the artifices he had employed to force the Emperor to leave the Eastern question in his hands. All these gasconnades spread abroad without discernment and beyond measure were carefully collected by Pozzo (di Borgo) and sent to Petersburg."¹⁷

These events obviously played a role in that the Russian diplomacy had temporarily a kind of reserved attitude concerning the Eastern Question which affected gradually all of its allies, especially Austria.¹⁸ First of all,

¹⁴ At this point some kind of contradiction can be observed in the specialized literature. On contrary with the above mentioned facts Janet M. Hartley thinks that the purpose of Madame Lieven's visit to Russia was to establish an informal contact between Canning and Nesselrode. On this topic see Janet M. Hartley, *Alexander I.* (New York: Longman, 1994), 159.

¹⁵ Princess Lieven to Metternich, Reval, September 2, 1825. In Peter Quennell, ed., *The Private Letters of Princess Lieven to Prince Metternich* (New York: E. P. Dutton & CO., INC., 1938.), 353.

¹⁶ Таньшина, Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия, 67.

¹⁷ Harold Temperley, *Princess Lieven. Unpublished Diary, Political Sketches and Some Letters* (London: Johnathan Cape Ltd., 1925), 85. It is also supported by George Canning's document of February 1826. See: Instructions Given to the Duke of Wellington, on Proceeding to St. Petersburg, Foreign Office, February 10, 1826. In TNA/PRO. FO 881/165. Foreign Office, Confidential Print. Greece and Russia. Instructions.

¹⁸ О. В. Орлик, История внешней политики России, 208.

in the case of England its effect could be felt strongly in Count Lieven's attitude. As George Canning referred to that in his letter to Henry Wellesley, British ambassador to Vienna: "[...] *as to the conferences of the allies [...] the only certain and valuable information which we have on this subject comes from your Excellency. The Count Lieven has not been directed to make any communication to me upon it [...]*."¹⁹ This gesture also made the Russian cabinet's standoffish policy evident which was expressed by the Russian ambassador to London. Count Lieven definitely followed the instructions of the Minister for Foreign Affairs which he probably got in the autumn of 1824 when the British Government refused to participate in the Conference of St Petersburg.²⁰ The circumstances although had changed by the autumn of 1825. Dorothea Lieven in accordance with the instructions forwarded the ruler's will to his husband, K. A. Lieven who based on the preliminary information started to arrange negotiations with the head of the Foreign Office.

At this point it is important to note that besides establishing contact with Russia, reconciliation with the Porte was also an important part of Canning's policy. However, before taking the substantive steps the Duke of Wellington suggested the British Secretary for Foreign Affairs to make gestures first in any case towards Constantinople. More considerations played a great part in his train of thoughts. In regard to St Petersburg he thought that in spite of the fact that the new Tsar – Nicholas I. (1825–1855) – would probably want to take a stand on declaring a war, the Russian army would surely not be mobilized until the end of March. Therefore this period assured London of a perfect chance to have a preliminary consultation with the Porte. With full knowledge of the Turkish attitude the British Government can have more prepared talks during the reconciliation with Russia. On the other hand Wellington firmly believed if Canning cooperated with Count Lieven, the news of the Anglo-Russian negotiations would soon become known to the French Government through Pozzo di Borgo, Russian ambassador to Paris (1814–1835).²¹

¹⁹ George Canning to Henry Wellesley, Foreign Office, September 27, 1825. In TNA/PRO. FO 181/65.

²⁰ Temperley, *Princess Lieven. Unpublished Diary, Political Sketches and Some Letters*, 85.

²¹ The Duke of Wellington to Mr. Canning, Teddesley, December 9, 1825. In Edward J. Stapleton, ed., *Some Official Correspondence of George Canning*. Vol. I. (London, 1887), 346–347.

In spite of the warning Canning brought the establishment of a contact with St Petersburg to the fore. In the background of his decision Nesselrode's initiation to create a cooperation between the two states might have played an important role.

The first documents that put down in writing the fact of the Anglo-Russian consultations were dated on 25 October 1825. Among these a memorandum by the British Secretary for Foreign Affairs and a report by Canning to the British Prime Minister can be found. Concerning its content the first document contained the main points of a detailed report on St Petersburg's Eastern policy by the Russian ambassador which at some points stated some confidential information as well.²² The report – sent to the Prime Minister, Lord Liverpool (1812–1827) – is essentially nothing else but the Russian Cabinet's expression and reassurance of a great deal of confidence.²³

The British Cabinet considered the keeping of discretion as a main viewpoint regarding the type of the negotiations. As Lieven said: "(Canning) attaches great importance to the fact that the nature of our relations should be kept in secret, his precautionary steps prove it as well [...]".²⁴ At this point it is important to emphasize that the personal meetings of the British Secretary for Foreign Affairs and the Russian ambassador were usually held in the country. George Canning often visited the city of Seaford, near Brighton where sometimes Count Lieven also showed up. The aim of the seemingly private visits was to clear the conditions of the negotiations between the two states. Though the Russian ambassador consequently followed the instructions and fulfilled the requirements of the Russian Ministry of Foreign Affairs during the meetings of the Count and Canning, the own political viewpoint of the Count is worth mentioning which was outlined in his letter to Nesselrode on 30 October 1825. Based on that Lieven practically supported the planned campaign in the spring of 1826, apart from the negotiations between St Petersburg

²² Memorandum of Mr. Canning, Seaford, October 25, 1825. In: Edward J. Stapleton, *Some Official Correspondence of George Canning*. Vol. I., 313–315.

²³ Mr. Canning to the Earl of Liverpool, October 25, 1825. In: Edward J. Stapleton, ed., *Some Official Correspondence of George Canning*. Vol. I., 317.

²⁴ ВПР. Сер. II. т. 6 (14). Москва, 1985. Док. 103. Личное письмо посла в Лондоне Х. А. Ливена управляющему Министерством Иностранных дел К. В. Нессельроде 4 (16) декабря 1825 г. 304.

and London. In this case he thought that the Russian Empire should not be afraid of the opposition of the European Great Powers.²⁵

The preliminary Anglo-Russian negotiations ended by the beginning of December. Count Lieven gave a detailed review on the standpoint of the English cabinet in the Greek Cause and the acceptance of the possible cooperation with Russia in his letter of 16 December. In his report the Russian ambassador mentioned the question of participation of the Continental Powers as well. As Count Lieven stated: "Prussia is not directly affected in this question, its situation does not require to have an influence on that. [...] Austria openly declared to be an opponent of the states taking part in the fight. [...] To involve this state in the negotiations would be unjust and impractical. Concerning France, the inconsistency and maliciousness of its government absolutely preclude the possibility of a cooperation with us."²⁶ Based on all these factors the necessity of an Anglo-Russian cooperation was not in question.

When evaluating the work of K. A. Lieven on the turn of 1825–1826 it can be said that the ambassador fulfilled all the requirements of the Russian Government and he was flexible in adapting to the changing tendencies of the current Russian and English foreign policy. Nevertheless it is important to emphasize the fact that he was able to create the conditions necessary for the alliance between the Russian and the English Cabinet because of his competence of he gave proof during the negotiations. He contributed to the success of starting the official Anglo-Russian negotiations which lasted from February to April, 1826 and which resulted in the creation of protocol which laid down the cooperation of the two states.

²⁵ ВПР. Сер. II. т. 6 (14). Москва, 1985. Посол в Лондоне Х. А. Ливен управляющему министерством иностранных дел К. В. Нессельроде, 18 (30) октября 1825 г. 284.

²⁶ ВПР. Сер. II. т. 6 (14). Москва, 1985. Док. 103. Личное письмо посла в Лондоне Х. А. Ливена управляющему Министерством Иностранных дел К. В. Нессельроде 4 (16) декабря 1825 г. 304.

ОБРАЗ РОССИИ В ВЕНГРИИ ПОСЛЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830–1831 гг.

САБОЛЧ ШУХАЙДА

докторант

Будапештский университет им. Лорадна Этвеша,
докторская программа по исторической русистике, Венгрия
suhajda1234@gmail.com

ABSTRACT: Probably, the suppress of the Polish uprising of 1830–31 by the Russian troops was the first such historical event which - with regard to the Russian Empire - triggered a wider interest in the Hungarian society. During the uprising, the Hungarian press kept public opinion informed about events, although due to censorship Hungarian newspapers could not publish articles which seriously criticized Russia. According to memories, diaries and letters the majority of nobility sympathized with Polish rebels, tried to support them, still very few of these records contained judgements about Russia. In 1831–35, affairs of the rebels were on the agenda in Hungarian politics, where sentences about Russian Empire much more often appeared then earlier. Actually, these criticisms were much less relevant to the occurrences in the Polish Congress and were more focused on the Russian historical evolution and political system of Russian Empire instead.

KEYWORDS: общественное мнение, польская эмиграция, крестьянское восстание, государственное собрание, польский вопрос

1. Вступление

В первой половине XIX века отношения между Венгрией и Российской империей не были интенсивными. Многие примеры показывают, что в эту эпоху эти две страны были не слишком важны друг для друга. Венгры очень редко вступали в контакт с Российской империей и русскими. До подавления польского восстания русскими войсками венгерское общество редко обращало внимание на Российскую империю и на русских.

Наполеоновские войны не оказали значительного влияния на мнение венгерского общества о России. Несмотря на то, что очень

во время этих войн много венгерских солдат служило в габсбургской армии,¹ в венгерских журналах, различных публикациях редко писали о смерти Александра I и о восстании декабристов.² До польского восстания в статьях и различных работах, касавшихся России, она оценивалась объективно или изображалась далёкой и экзотической страной. Редко появлялись статьи с отрицательными отзывами о Российской империи.

После подавления польского восстания (ноябрьской революции) образ России значительно изменился. В Венгрии этому событию уделялось намного больше внимания, чем другим подобным событиям в Европе, Греческой революции или Июльской революции во Франции. После Ноябрьской революции в мнениях венгров о России стали намного чаще появляться предрассудки и стереотипы. Вероятно, царская интервенция в Царстве Польском в 1831 году была первым событием, которое действительно вызвало интерес к России среди венгров и впоследствии существенно повлияло на мнение венгров о Российской империи.

Только в современной венгерской специальной литературе имеется информация, касающаяся венгерско-русских отношений этого периода. До настоящего момента появилось лишь несколько научных статей по этой теме, поэтому для настоящего доклада мне прежде всего надо было обратиться к современным событиям источникам.

2. Сообщения о польском восстании

Во время польского восстания Габсбургской империи издавались три газеты на венгерском языке, в которые постоянно сообщались сведения о событиях, происходящих на территории Царства Польского: «Magyar Kurir» в Вене, «Hazai s' külföldi tudósítások» в Пеште и «Erdélyi híradó» в Трансильвании. В них публиковались статьи о начале восстания, о манифесте российского императора, детрони-

¹ Mérei Gyula, főszerk., *Magyarország története tíz kötetben* [История Венгрии в десяти томах] (1790-1848), V/1. (Budapest: Akadémia, 1980), 448–449.

² Dolmányos István, “A dekabrlista felkelés magyarországi emlékei” [Память о восстании декабристов в Венгрии], *Századok* 89, no. 3. (Март 1955): 425–450.

зации династии Романовых в Царстве Польском, а также о сражениях между поляками и российской армией.³

Венгерские журналисты опосредственно получали информацию о событиях, так как у них не было собственных корреспондентов на территории Царства Польского. Они обычно публиковали статьи, которые раньше появились в немецких или петербургских газетах на французском языке. Поэтому в этих газетах часто размещались такие же статьи о польских событиях.

В принципе корреспонденты нейтрально и умеренно относились к России. Они не придавали большого значения причинам восстания, но осуждали польских повстанцев. Журналисты часто писали о них как о бунтовщиках, выступающих против своего легитимного императора,⁴ и редко сообщали о том, каким репрессиям подвергались поляки после подавления восстания. При этом они не критиковали Российскую империю за интервенцию и подавление восстания. Эти статьи всегда совпадали с официальным взглядом габсбургской власти об интервенции русских войск и подавлении Ноябрьской революции. Вероятно, указанные газеты действительно не выражали венгерского общественного мнения, потому что цензура очень сильно ограничивала свободу печати.⁵

С начала 1832 года, после подавления восстания, появилась новая газета «*Jelenkor*», в которой более свободно писали о Царстве Польском. Здесь не только размещались статьи, которые раньше уже появлялись в пророссийских иностранных газетах, но и публиковались личные письма бывших повстанцев о репрессиях в Царстве Польском. Они подробно сообщали о закрытии Варшавского университета, о ликвидации автономии Царства Польского и о ссылке поляков в Сибирь.⁶ Помимо этих сообщений, в этой газете также

³ Например: *Magyar Kurír* 1830. II. 47.; 1831. I. 2.; 1831. I. 11.; *Hazai s' Külföldi Tudósítások* 1830. II. 48.; 1831. I. 3.; 1831. I. 13.; *Erdélyi Híradó* 1830. 49.; 1830. 50.

⁴ Например: *Hazai s' Külföldi Tudósítások* 1830. II. 50.

⁵ Málýuszné Császár Edit, szerk., *Megbíráltak és bírálók: a cenzúrahivatal aktáiból, 1780-1867* [Обвиняемые и обвинители. Из документов цензуры, 1780-1867] (Budapest: Gondolat, 1985.), 5-7.

⁶ *Jelenkor*, 1832. márc. 24., 19.; 1832. ápr. 7., 28.; 1832. ápr. 11., 29.; 1832. ápr. 14., 30.; 1832. ápr. 18., 31.

подчёркивалось, что после подавления восстания порядок в западной части Российской империи был восстановлен.⁷

3. Общественное мнение о восстании

Кроме этих статей венгерское дворянство обычно получало информацию из других источников, например, из зарубежных газет (*Augsburger Allgemeine Zeitung*), которые более свободно писали о событиях восстания и о репрессиях против поляков после него подавления. Наряду с журналами, венгры часто получали новости лично. В Северной Венгрии часто случалось, что вести передавались купцами.⁸ Много информации о событиях восстания поступало от польских родственников венгров.

Воспоминания, дневники и личные письма показывают, что Ноябрьская революция вызывала общественный интерес, и многие симпатизировали восставшим на всей территории страны, причем наибольшей поддержкой поляки пользовались в северо-восточной Венгрии. Эта часть страны была намного ближе к польским территориям, к Галиции и Царству Польскому. Кроме того, у многих венгров были семейные или экономические, торговые связи с поляками.⁹

Конечно, критика Российской империи за интервенцию в Царстве Польском появилась и стала характернее после восстания. Во время Ноябрьской революции симпатии к полякам играли более важную роль среди венгров, чем осуждение России. Венгерское дворянство часто не только симпатизировало повстанцам, но и конкретно поддерживало их. Так, в Трансильвании и Северной Венгрии для них собирались деньги.¹⁰ Несколько венгерских солдат дезертировало из австрийской армии, чтобы помочь повстанцам воевать против русских войск. Однако чешские и польские солда-

⁷ *Jelenkor* 1832. ápr. 7., 28.

⁸ Pulszky Ferenc, *Életem és korom* [Моя жизнь и моя эпоха], I. (Budapest, Szépirodalmi, 1958), 63.

⁹ Kovács Endre, *A lengyel kérdés a reformkori Magyarországon* [Польский вопрос в Венгрии в эпоху реформ] (Budapest: Akadémia, 1959), 135–136.

¹⁰ Kovács, *Lengyel kérdés*, 77–78., 81.

ты намного чаще участвовали в освободительной борьбе. Во время Ноябрьской революции Габсбургская империя поддерживала Российскую империю в подавлении восстания, потому что у нее также были польские территории. После русской интервенции в Царстве Польском Австрия усилила проверку на границах, в связи с чем поддерживать поляков стало намного труднее, чем раньше.¹¹

Венгры также часто стремились прятать польских раненых и солдат, бежавших в страну из Царства Польского. Это была самая характерная помощь полякам в Венгрии. Если органы габсбургской власти узнавали, куда прятались поляки, то их выдавали России.¹² Из-за поведения габсбургских властей повстанцы вскоре покинули Венгрию, поэтому в Венгрии не смог сформироваться такой же центр эмиграции, как, например, во Франции или Великобритании.

Вероятно, польские беженцы отрицательно влияли на мнения венгров о Российской империи. После восстания польская эмиграция попробовала отправить венграм несколько публицистических произведений и манифестов, в которых очень сильно критиковала Россию.

4. Польская эмиграция и венгерское общественное мнение

Польские повстанцы уже в начале Ноябрьской революции пробовали объяснить народам Европы причины и цели восстания. В манифестах и других работах они определили свое отношение к России. Согласно этим текстам, повстанцы не всегда относились к России отрицательно. До интервенции российских войск они чаще всего жаловались на то, что после наполеоновских войн российский император не объединил Царство Польское с другими польскими территориями, которые также принадлежали Российской империи. Они подчёркивали, что они хотят стать независимыми от России.¹³

¹¹ Kovács, *Lengyel kérdés*, 34-35.; Andics Erzsébet, *A Habsburgok és a Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete*. [Союз Габсбургов и Романовых. Дипломатический пролог царской интервенции в Венгрии в 1849 году] (Budapest: Akadémia, 1961), 16.

¹² Например: Kovács Samu: *Visszaemlékezések, 1830–1850* [Воспоминания, 1830–1850] (Deés: Demeter-Kiss Ny. 1887), 9-10.

¹³ Barta János, s.a.r., *Kossuth Lajos összes művei* [Полное собрание сочинений Лайоша Кошшута], VI. , (Budapest: Akadémia, 1966), 232., 233.

После восстания польская эмиграция намного чаще осуждала Россию за репрессии на территории Царства Польского. Мнение польской эмиграции также повлияло на образ России в Венгрии, потому что поляки отправили венгерским дворянам несколько манифестов, публицистических произведений, в которых писали об общей исторической судьбе поляков и венгров.¹⁴ По мнению польских эмигрантов, в прошлом венгры и поляки одинаково защищали христианскую Европу от азиатского варварства, от татар и турок. В этих текстах они противопоставляли историческое развитие Европы и России.¹⁵ В манифестах польской эмиграции венгры предупреждались о том, что после подавления польского восстания русская военная экспансия грозит и Венгрии. Подобные утверждения венгерские политики делали и на Государственном собрании в 1833–34 гг.¹⁶

5. Славянские, православные народы и русская интервенция

Славянские, православные народы, живущие в Венгрии, относились к России и полякам совсем по-другому. В июле 1831 года вспыхнуло крестьянское восстание в северо-восточной Венгрии. Эта территория современной Венгрии считалась одной из самых бедных, где большинство крестьянского населения составляли русины или словаки. Каждое лето им надо было искать сезонную работу в южной части страны, чтобы прокормить себя и своих близких.¹⁷ Однако, в июне 1831 года органы власти объявили карантинное запрещение на перемещение из-за эпидемии холеры. После этого крестьянам нельзя было покинуть свою территорию, чтобы работать в другой части Венгрии. Из-за этих ограничений и вспыхнуло крестьянское восстание.¹⁸

¹⁴ Divéky Adorján, *Magyarok és a lengyelek a XIX. században* [Венгры и поляки в XIX веке] (Budapest: Eggenberger, 1919), 111–115.

¹⁵ Divéky, *Magyarok és a lengyelek*, 111–115.

¹⁶ Kossuth Lajos: *Országgyűlési Tudósítások* [Сообщения о заседаниях Государственного собрания], I-V. (Budapest: Akadémia, 1948–1961).

¹⁷ Tilkovszky Lóránt, *Az 1831. évi parasztfelkelés* [Крестьянское восстание в 1831 году] (Budapest: Athenaeum, 1955), 7–15

¹⁸ Mérei, *Magyarország története*, V/2., 674.

Оно началось по социальным причинам, но в ходе восстания проявились и национальные конфликты между славянскими крестьянами и венгерским дворянством. После установления карантина среди крестьян начали распространяться различные слухи. Они считали, что органы власти установили карантин, чтобы воспрепятствовать русским войскам в освобождении славян от угнетения венгерским дворянством.¹⁹ Такие слухи крайне отрицательно влияли на отношение венгров к славянским народам в том числе русским, потому что это усугубило боязнь панславизма. Венгерские дворяне часто предполагали, что Российская империя подерживала славянские народы в начале восстания. На самом деле они не только боялись экспансии Российской империи на территорию Венгрии с помощью других славянских народов, но и попытались переложить на Россию свою ответственность за крестьянское восстание.²⁰ Ведь дворяне в Венгрии хорошо знали, что они несли серьезную ответственность за плохое социальное положение крестьян в стране.

6. «Польский вопрос» в венгерской политике

6.1 Местные собрания

Польским вопросом занимались и венгерские политики. В первый раз депутаты обсуждали польское восстание на местных комитатских собраниях в 1831 году. Эти обсуждения и постановления о России и повстанцах имели место и в Государственном собрании.

Однако комитатские совещания отличались от обсуждения в парламенте по своим целям. Во время комитатских совещаний польское восстание ещё не прекратилось, поэтому на этих собраниях поддержка поляков была важнее, чем осуждение Российской империи за интервенцию интервенции. Большинство венгерских комитатов послали прошения императору. В этих прошениях они требовали у императора отправки оружия и продуктов повстанцам.²¹

¹⁹ Mérei, *Magyarország története*, V/2., 675–676.

²⁰ Tilkovszky, *Az 1831. évi parasztfelkelés*, 40–41.

²¹ Horváth Mihály, *Huszonöt év Magyarország történetéből, 1823-tól 1848-ig*. [25 лет из истории Венгрии, с 1823 по 1848 г.], I. Pest, 1868. 256.

Эти комитаты трудно сгруппировать по территории, по национальности или по политическому подходу. Среди комитатов, поддерживавших поляков, были западные и восточные, а также консервативные и либеральные. Удивительно, что несколько хорватских областей также поддерживало поляков.²² Этот факт показывает, что славянские народы не всегда симпатизировали России в связи с польским восстанием.

Авторы этих прошений не только положительно относились к полякам, но и часто остро критиковали Россию. Они писали о том, что Россия отсталая страна, где русский император царит как деспот.²³ Они подчёркивали, что историческое развитие России отличается от исторического развития европейских стран. По поводу польского восстания депутаты писали о том, что в случае поражения поляков экспансия российской армии угрожает Венгрии.²⁴

Такая критика России сложилась уже раньше. Подобное осуждение России часто выражали польские эмигранты в указанных манифестах, появлялось оно и в венгерских личных письмах и воспоминаниях. На самом деле депутаты комитатов не сформулировали ни одного нового критического замечания в адрес России. Критика депутатов имела большое значение в венгерской внутренней политике, так как была первым публичным обвинением России.

6.2 Государственное собрание

Государственное собрание открылось 19 декабря 1832 года, но только в ноябре 1833 года началось обсуждение польского вопроса. После подавления польского восстания венгерские депутаты попытались достигнуть того чтобы габсбургские власти оказали дипломатическую помощь Царству Польскому.²⁵

Однако в рамках венгерского парламента было мало возможностей помочь полякам. На самом деле у парламента не было права принимать решения по вопросам внешней политике Габсбургской

²² Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, II., 410.

²³ Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, II., 401.

²⁴ Horváth, *Huszónöt év*, 256.; Tilkovszky, *Az 1831. évi parasztfelkelés*, 185.

²⁵ Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, I., 41.

империи. Перед открытием Государственного собрания венгерские депутаты в личных письмах и воспоминаниях писали о том, что полякам помочь невозможно.²⁶ Они не хотели предавать огласке указанные польские манифесты и думали, что эти манифесты отвлекут внимание от других дел, например, от вопросов крестьянской реформы и распространения венгерского языка.²⁷ Данные дела были намного важнее для депутатов, чем польский вопрос. На состоявшемся голосовании по польскому вопросу 20 ноября 1833 года большинство депутатов выступило против дипломатической помощи полякам.²⁸ После голосования стало очевидным, что нельзя поддержать поляков в рамках парламента.

Следует отметить, что к польскому вопросу депутаты снова и снова возвращались на заседаниях в 1834 году, а также в 1835 году. В ходе дебатов о подавлении польского восстания обвинение России в интервенции и репрессиях постепенно становилось намного важнее, чем дипломатическая помощь полякам. Заседания Государственного собрания были открыты и публичны. Депутаты могли выражать свои мнения о России свободно. Поэтому выступления на Государственном собрании были способны влиять на венгерское общественное мнение о России.²⁹

На заседаниях парламента либеральные, а также консервативные политики очень отрицательно относились к Российской империи и считали её жандармом Европы и душителем польской свободы, а польских повстанцев представляли как защитников от азиатского варварства. Они боялись того, что экспансия деспотической России уже угрожает и Венгрии.³⁰ Удивительно, что критика депутатов часто отдалялась от конкретных событий польского восстания. Они представляли историческое развитие России и стран Европы, считая

²⁶ Например: “Deák Ferenc levele Oszterhuber Józsefnek” [Письмо Ференца Деака Йозефу Остерхуберу] Pozsony, 1833. december 4–6., in: Sándor Pál, s. a. r., *Deák Ferenc országgyűlési levelei, 1833-1834.* (Budapest: Zala Megyei Levéltár, 1997), 69–74.

²⁷ Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, II., 447-449.; Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, III., 702–703.

²⁸ Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, II., 410.

²⁹ Mérei, *Magyarország története*, V/2., 717.

³⁰ Например: Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, II., 402., 404.

Российскую империю отсталой страной, которая стала огромной только благодаря своей большой армии.³¹

Поскольку у политиков не было возможности поддерживать поляков в рамках Государственного собрания, они пытались использовать польский вопрос и обвинения в адрес Российской империи для достижения своих либеральных и национальных целей во внутренней политике. Они указывали на то, что в ходе восстания польские повстанцы не освободили крестьян от крепостной зависимости и таким образом пришли к выводу о том, что в Венгрии дворянам следует принять меры к освобождению крестьян, чтобы Венгрия не повторила судьбу Царства Польского.³² А для того чтобы славянские народы не оказывали помощь Российской империи в случае оккупации Венгрии, надо ассимилировать славянские народы и распространить венгерский язык по стране.³³

7. Заключение

В конечном итоге следует отметить, что отрицательные мнения о России редко появлялись в Венгрии до польского восстания. В принципе она считалась далекой и экзотической страной. Во время восстания в газетах не писали отрицательно о России. Личные письма и воспоминания венгров показывают, что в ходе восстания венграм было важнее поддерживать поляков, чем обвинить Россию в вооружённом вмешательстве в дела Царства Польского.

Манифесты польских эмигрантов и события крестьянского восстания в Северной Венгрии усугубили предрассудки и страхи венгерского дворянства в отношении России. Эти страхи, стереотипы появились и во внутренней политике. Для венгерских политиков дипломатическая помощь полякам стала менее важной, чем обвинение России в интервенции и репрессиях. В связи с подавлением восстания депутаты прежде всего говорили о том, что российская

³¹ Например: Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, II., 404., 406., 434.

³² Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, III., 702-703.

³³ Kossuth, *Országgyűlési Tudósítások*, II., 448-449.

военная экспансия уже угрожает Венгрии. Поскольку у политиков не было возможности поддержать поляков, они пытались использовать польский вопрос и обвинения в адрес Российской империи для достижения своих либеральных и национальных целей во внутренней политике.

КАНАЛЫ ЕВРОПЕИЗАЦИИ?
ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
ЕВРОПЕЙЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ,
УРАЛ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

ЕРМАКОВА О. К.

кандидат исторических наук

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской
академии наук, Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия
ermakovaok@mail.ru

ABSTRACT: The article studies the problem of the European identity in Russia on the basis of the historical-anthropological approach. The author analyzes the contacts between Europeans and the local population of the Russian province in the 1st half of the 19th century and the problem of social adaptation of foreigners. The paper shows how in the everyday practice the stereotypes of intercultural mutual perception were formed and how much the foreign diasporas had Europeanizing influence on the local society.

KEYWORDS: Europeanization of Russia, adaptation, intercultural interaction, foreigners.

Вопрос «Европа ли Россия?» во многом носит дискурсивный характер; иными словами, всегда было и остается важным, как на этот вопрос отвечали в Европе, и как в России; каким образом менялись эти ответы в зависимости от времени их постановки и от социокультурного статуса тех, кто вольно или невольно оказывался втянут в эту дилемму с обеих сторон. Первая половина XIX в. – период, когда в России очевидно давали свои плоды модернизационные процессы, активно проводившиеся верховной властью все предшествующее столетие. Определяющая роль государства в проведении модернизации/европеизации оставалась актуальной и в последующем. При этом власть руководствовалась, главным

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 14-18-01873

образом, более прагматическими, нежели имиджевыми соображениями, что особенно очевидно в стратегии привлечения технических специалистов. Своего рода «побочным эффектом» технологического трансфера европейских инноваций стали те межкультурные контакты, которые неизбежно возникали при непосредственном сосуществовании выходцев из стран Западной Европы и российских подданных. В этом отношении крайне ценным материалом, имеющим высокий эвристический потенциал, раскрывающий антропологические нюансы адаптационных процессов, являются документы, проливающие свет на условия проживания и профессиональной деятельности относительно крупных диаспор европейских специалистов в русской провинции.

Выбор той или иной адаптивной практики предопределялся, в первую очередь, наличием или отсутствием в месте пребывания иностранной диаспоры. В случае переселения большой группы европейских специалистов происходило формирование сильной, замкнутой по отношению к внешнему окружению и в то же время влиятельной привилегированной общины. Такая общность адаптировалась, т.е. приспосабливалась к существованию в окружающей среде не через ассимиляцию, а через разграничение, сохранение структурной, системной целостности и самодостаточности. В зависимости от социального, профессионального статуса, культурно-образовательного уровня иностранцев выстраивались их отношения с русскими контактерами, среди которых тоже существовала подобная иерархия. Европейцы, приезжавшие в Россию группами, легче адаптировались к новым условиям, т.к. они изначально ощущали мощную поддержку своей диаспоры, у них формировались корпоративные стереотипы поведения по отношению к окружающей социальной среде.

Среди иностранцев выделялась элита (горные администраторы, ученые, чиновники) и существовал многочисленный контингент рядовых специалистов. Контакттировать в ходе профессиональной деятельности им приходилось как с русскими инженерами и администраторами, так и с мастеровыми и работными людьми. Для иностранцев, работавших на Урале, была характерна корпоративность. Вместе с тем, если в целом рассматривать сообщество европейских специалистов, можно наблюдать, что они прибегали к разным стра-

тегиям самореализации в новой социальной среде. Одни стремились к карьерному продвижению, укреплению своего положения в обществе и повышению статуса за счет принятия российского подданства, получения дворянских титулов, что способствовало их интеграции в локальный социум. Другие предпочитали вести обособленную от местного населения жизнь внутри собственной диаспоры.

Крупная немецкая община располагалась в Златоусте. Редактор «Отечественных записок» П. П. Свиньин, побывавший в Златоусте в 1825 г., был поражен удивительным колоритом и атмосферой заводского поселения, где переплетались исконно русские и новые европейские черты. Так он описывал свои впечатления: «...часто приходила мне странная мысль – какую-нибудь волшебною силою перенести сюда из Парижа или Лондона самого просвещенного человека и спросить его, где он? – Я повел бы его на здешнюю прекрасную площадь: дом величественной архитектуры с великолепною решеткою и садом, ряд огромных зданий, перспектива широкой, длинной улицы, сзади застава, охраняемая военною стражею, - заставили бы его подумать, что он в одном из значительнейших европейских городов. Он видит странные для него лица Башкирцев, замечает наряд русский, слышит непонятные для него звуки русского языка, отличает глазами колокольню Православного Греческого храма и заключает, что он в России. Наблюдатель доволен своею отгадкою; – но в то же время проходят мимо его смиренные женщины и девушки в соломенных шляпках, с молитвенниками в руках: точно так в Германии собираются в церковь, думает он, и сомневается уже в первом своем предположении, увидя в кирхе немецкого пастора. После сего вводят его в Католическую церковь, где французский аббат говорит проповедь. <...> Гром молотов и густой дым из труб возбуждают его любопытство, – и он входит в чугуноплавильный завод, где русские мужики, в рубахах с расстегнутыми воротами, с засученными по локоть рукавами, с закоптелыми бородами, кажутся ему совершенными циклопами. Шаг далее, и он в оружейной фабрике, воображая, что находится в Золингене или Клингентале: те же лица, тот же язык, та же одежда»¹. Кстати сказать, для немецких

¹ Свиньин П. П., «Златоустовский завод», *Отечественные записки*, № 60 (1825): 7–10.

мастеров специально были приглашены иностранные портные, сапожники, суконщики и кожевенных дел мастера².

Существование в уральской провинции крупной и влиятельной немецкой общины определяло социокультурный облик Златоуста, делало его, по свидетельствам современников, похожим на столичные предместья. Продолжая свои рассуждения, П. П. Свинын отмечал: «За обедом у гостеприимного Начальника слышит он употребительнейшие европейские языки, находит европейскую образованность: литература, политика знакомы сему обществу столько же, как и в самой столице! – Звуки веселых песен и громких рожков вызывают всю компанию на берег чистого пруда, где хороводы красивых девушек в шелковых повязках, женщин в кисейных фатах, а мужчин в синих суконных армяках с бархатными воротниками – вновь удостоверяют его, что он в России, но только не в горном каком заводе, а тем менее в сибирском, где, думает он, люди живя полвека в земле, дики как звери, а что он в богатом приволжском селе. С сею мыслию садится он в лодку и катится по широкому гладкому пруду на другую сторону оною в Фрейденталь. Чрез длинную колоннаду подходит он к играющим в кегли, встречает гуляющих попарно молодых женщин с мужчинами; видит стариков, сидящих с трубками во рту, или за кружкой пива, везде слышит немецкий язык! Это похоже на окрестности Петербурга»³. Немецкий клуб «Фрейденталь» был создан по просьбе иностранных мастеров для избежания постоянно вспыхивавших конфликтов, ссор и драк в русских питейных домах. Немецкие мастера Златоуста стремились обособиться от местного населения, в том числе, в культурном плане. Кроме того, для иностранцев Златоуста был создан специальный Немецкий суд, действовали «Общество иностранных мастеров» и «Общество молодых иностранных мастеров», отстаивавшие права иностранцев⁴.

Привлечение иностранцев в Златоуст началось с 1810-х гг. Владевший тогда заводами немец А. А. Кнауф предпочитал и в качест-

² Архив Златоустовского городского округа (далее, Архив ЗГО), Златоустовская Управа благочиния, фонд И-28, опись 11, дело 7, листы 15–18.

³ Свинын, «Златоустовский завод», 10–11.

⁴ Государственный архив Свердловской области (далее, ГАСО), Канцелярия Главного начальника уральских горных заводов, фонд 43, опись 1, дело 8, лист 26.

ве администраторов видеть своих соотечественников. В 1810 г. он заключил контракт с бывшим немецким фабрикантом из Данцига Давидом Гильгером и 59 иностранными мастерами⁵, а в 1811 г. на место Д. Гильгера А. А. Кнауф пригласил другого иностранца – бывшего прусского подданного Александра Эверсмана.

Круг общения иностранцев зависел от их статуса и культурно-образовательного уровня. Те, кто претендовал на руководящие позиции и высокие посты, стремились выстроить благоприятные отношения с русскими контактерами, в число которых входили высшие чиновники и представители провинциальных элит. Например, Александр Эверсман в переписке с начальством в лице директора Департамента горных и соляных дел неоднократно подчеркивал свое желание быть полезным России и высказывал надежду, что «вступление его в российскую службу может иметь значущие последствия»⁶. А. Эверсман руководил Златоустовской оружейной фабрикой, когда штат ее мастеров составляли иностранцы, половину из которых он сам нанял на службу. Таким образом, это был микромир, созданный по образцу немецких фабрик. Однако низшую ступень в профессиональной иерархии предприятия составляли русские ученики – мастерские и работные люди (низшую – на первом этапе, а впоследствии все больше становилось русских мастеров и управленцев). Взаимодействие с ними осуществлялось иностранцами в ходе практической работы, т. к. их задача состояла в обучении русских учеников. Однако процесс обучения временами складывался нелегко для русских мастеровых. Например, ученики иностранного мастера Абрама Алтена, работавшего на Златоустовском заводе в 1809 г., устав от своевольства и дерзости иностранца, просили определить их в другую мастерскую. Они заявляли, что А. Алтен «сделанное ими в точность приказания его, приходя разламывает все до основания, но каким образом сделать надлежит по неуказанию они поправить на вкус его не могут»⁷.

⁵ Боков В., «Немецкие оружейники на Златоустовском заводе», *Журнал императорского русского военно-исторического общества*, № 5–12 (Санкт-Петербург, 1913): 200.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее, РГИА), Горный департамент, фонд 37, опись 11, дело 61, лист 8.

⁷ Архив ЗГО, Главная контора Златоустовских заводов Златоустовского горного округа, фонд И-19, опись 1, дело 4, листы 5–6.

Иное отношение к ученикам демонстрировали немецкие мастера по украшению холодного оружия Людвиг и Вильгельм Шафы. Они заботились о том, чтобы их ученики «по сравнению с другими мастеровыми были поставлены в лучшие условия, в частности, были избавлены от телесных наказаний, носили добротное европейское платье, получали бесплатно дрова, свечи и сено для домашнего скота. Жалованье их превосходило жалованье других мастеровых»⁸. Пример Шафов, однако, говорит о том, что такое отношение было редкостью. При этом надо отметить, что Шафы долгое время обучали своих подопечных только внешней стороне работы, но не открывали главной тайны своего искусства – способа приготовления смеси для золочения и серебрения оружия.

Немецкие оружейники не раз были замечены в конфликтах с русскими мастерами, подмастерьями и крестьянами. Так, в 1838 г. произошла ссора иностранца Данилы Оберкотте с русским мастером Яковом Саламатиним. Абрам Алтен в 1809 г. во время следования на Урал, находясь в пьяном виде, чуть не застрелил заводского служащего Крутицкого и всячески оскорблял его. Готлиб Янсен «за удары по щекам надзирателя Емельяна Миронова и мастерового Филиппа Мелькова был выдержан на хлебе и воде дважды по одним суткам». Францу Лорху было сделано словесное замечание за «битье им водовоза Дементья Улатова и ругательство надзирателя Григория Шадрина»⁹.

В среде инженеров и механиков по-разному подходили к вопросу обучения. Английский корабельный архитектор Джеймс Карр и его помощники И. Дженнингс, В. Ли и Р. Джаксон, не особенно приветствовали практику присутствия при их работе русских специалистов. Российский горный инженер капитан Якоби указал на то, что, находясь на уральских заводах, хотя и должен был учиться мастерству у команды Дж. Карра, встречал в этом затруднения. Причина состояла в том, что визиты его на производство судов на

⁸ Ляпин В. А., «Уголок Германии, перенесенный в Уральские горы», *Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Мат-лы Всерос. науч. конф.* (Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, Банк культурной информации, 2009): 264.

⁹ Архив ЗГО, Златоустовская оружейная контора, фонд И-24, опись 1, дело 809, листы 24–27; фонд И-19, оп. 1, д. 4, л. 3–4об., 267–267 об.

Воткинском заводе были эпизодичны, так как он старался избежать «неприятностей со стороны судостроителей происходивших иногда по причине слишком частых, по их мнениям, моих [Якоби – Е.О.] посещений». Поэтому Якоби сумел освоить только те нюансы, которые отличались от технологии строительства деревянных судов. Но благодаря обучению в Англии, капитан Якоби подтвердил, что считает себя способным к «удовлетворительному строительству железных пароходов»¹⁰.

Французский ученый и горный инженер Фредерик Лепле, посетивший в 1853 г. Нижнетагильские заводы в качестве консультанта, признавал своих русских коллег (горных инженеров и администраторов) равными, способными самостоятельно воплотить в жизнь его разработки: «Как в Корпусе горных инженеров, так и в управлениях частных заводов, есть люди, составившие себе собственные идеи по вопросам, мною возбужденным, и они впоследствии приложат возможные старания для приведения их в исполнение»¹¹. В то же время, сопровождавший француза в ходе его путешествия по Уралу и проведения опытов русский инженер капитан Котляревский критически отнесся к идеям иностранца. Он считал, что хоть проект ученого и хороший, его реализация будет слишком дорогостоящей, а также подчеркивал, что некоторые идеи Лепле не новы, они были известны на Урале и ранее, но в более упрощенном виде. Котляревский ходатайствовал о размещении его соображений в «Горном журнале» и был готов к полемике¹².

Другой ученый – австриец И. Ф. Герман, Екатеринбургский горный начальник в звании академика, олицетворял европейский тип руководителя на Урале. Считал ли он своих российских коллег и подчиненных хоть в чем-то «европейскими»? По крайней мере, он был уверен в богатом кадровом потенциале вверенного ему горнозаводского комплекса. И. Ф. Герман учредил сеть школ, основал минеральный кабинет, организовывал научные экспедиции. В общении

¹⁰ Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее, ЦГА УР), Камско-Воткинский железоделательный и сталеплавильный заводы, фонд 212, опись 1, дело 6610, листы 10–13, 16.

¹¹ ГАСО, фонд 43, оп. 1, д. 162, л. 28–29.

¹² ГАСО, фонд 43, оп. 1, д. 162, л. 8, 13.

как с равными по статусу, так и с подчиненными, Иван Филиппович был вежлив и деликатен. Н. С. Корепанов точно характеризует Германа, отмечая, что он «резко отличался от заводских командиров старого закала – русских и немцев. Заводские администраторы относились к нему иногда с иронией, мастеровые и работные люди его попросту не воспринимали и расходились со строительства чуть только надоест»¹³.

Отношения между иностранцами и представителями заводских начальств иногда были и враждебными. Так, например, у французского профессора Клода Иосифа Ферри не сложились отношения с директором Нижнетагильских заводов М. Даниловым, а все его пребывание на Урале стало тяжелым испытанием. Ферри работал на уральских заводах с 1806 г. по 1809 г. Контракт с французом был расторгнут преждевременно. Перед отъездом из России французский профессор писал в контору Н. Н. Демидова: «Я намереваюсь спросить у господина Демидова, чтобы он приказал освидетельствовать, сколько будет можно предпринятые мною в Его заводах работы; и если я сего не получу, то признаю себя в праве располагать, как думаю должен сделать, моими мыслями и примечаниями, и не буду колебаться оные публиковать, представляю их моим соотечественникам и Российскому Правительству: мне не мудрено будет, после столь жестокого испытания, что я приобрел такую высокою ценою, занять публику, артистов и тех, кто их употребляет некоторыми предметами заслуживающими внимания»¹⁴. Однако неудачи некоторых иностранных специалистов, в том числе, и профессора Ферри, объяснялись недостатком времени, отведенного по контракту, и неподготовленностью местных заводских условий к техническим новшествам. Об этом в середине XIX в. писал Ф. Лепле: «иностранец, пользующийся возможным благорасположением, всегда будет находиться в менее выгодном положении, чем туземец, для достижения результатов, требующих непрерывных усилий и значительного числа лиц»¹⁵.

¹³ Корепанов Н. С., *Первый век Екатеринбурга* (Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005), 146.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее, РГАДА), Демидовы, фонд 1267, опись 7, дело 887, лист 22об.

¹⁵ ГАСО, фонд 43, оп. 1, д. 162, л. 29.

Бывали и другие случаи, когда иностранные инженеры жаловались на неуважение к ним со стороны представителей заводских администраций. Немец обергиттенфервальтер Клейнер в письме А. Эверсману в августе 1813 г. сетовал на грубое обхождение с ним заводской конторы. Александр Эверсман в своем донесении директору Департамента горных и соляных дел писал по этому поводу: «Я усмотрел [...] из сего единственного в своем роде Конторского повеления, что Контора, обращая речь свою к сему способному чиновнику, позволяет себе выражение ты, на каковое обхождение он жалуется мне в письме своем. Г-н Клейнер совершенно прав, приводя сие обстоятельство яко новое доказательство обид, каковыя немцы там сносить должны»¹⁶. Далее А. Эверсман выражает негодование по поводу грубостей, проявленных по отношению к Клейнеру в конторском повелении, отмечая, что «столь унижительная для иностранца речь» и «упущение вежливости сообразны со всем остальным обхождением» с немцами¹⁷.

Е. Ф. Шумилов приводит цитату из докладной главного оружейного мастера Фридриха Поппе, написанную в июле 1812 г., где иностранец отмечал ненависть, с которой относился к нему и другим иностранным мастерам смотритель оружейного завода Михайлов. Ф. Поппе также призывал заводское начальство не увольнять иностранных мастеров, т. к. они еще очень нужны заводу, хотя и обучили уже достаточное количество русских работников. «Надо их еще более к тому поощрить и содействовать, чтобы они забыли оставленное ими отечество, от чего завод, который еще только начинает образовываться и который еще весьма далек от совершенства, мог поиметь ощутительные выгоды»¹⁸, – писал он. Скорее всего, это обращение за поддержкой к начальству было обусловлено беспокойством за собственную судьбу и судьбы соотечественников. Ведь увольнение означало бы необходимость искать новые источники средств к существованию, никто не мог дать гарантию устройства

¹⁶ РГИА, фонд 37, оп. 11, д. 64, л. 5.

¹⁷ Там же, л. 5об.

¹⁸ Цит. по: Шумилов Е. Ф., *Два века «Ижмаша»: Истоки. Лидеры. Технологии. Конструкции. Династии. Культура. Быт. Т. 1. Город оружейников. 1807–1917* (Ижевск: Удмуртский университет, 2002), 103

мастеров на другие заводы, а возвращение немецких оружейников на родину было затруднительно в условиях наполеоновских войн. Сохранение же собственной диаспоры на Ижевском заводе было в интересах иностранцев. Все же вскоре число иностранцев на Ижевском заводе сильно сократилось (в 1807–1808 гг. их было 134 человека). В 1816 г. здесь работало уже всего 18 иностранных мастеров, в 1820 г. – 13, в 1830 г. – 2, в 1841 г. – 1, 1855 – 6»¹⁹. В эти цифры не вошли иностранцы, принявшие российское подданство – наиболее квалифицированные оружейники, сумевшие избежать увольнения. Такие иностранцы, как Бейне, Боде, Поппе, Дорнбуши, Николаи, интегрировались в местное общество: занимали должности по части оружейного производства, в чиновничьей среде и в науке. Представители семейств Бейне и Николаи получили дворянские титулы²⁰.

К середине XIX в. все больше становится специалистов, главным образом, британцев, которые приезжали на Урал только на срок контракта, а по окончании работ возвращались на родину. Нельзя не согласиться с точкой зрения Н. А. Ерофеева, о том, что англичане, как и другие иностранцы, искали в России легкого заработка и обогащения²¹. Для них изначально пребывание в России представлялось временным, а потому и к активному установлению контактов они не стремились. Представляется, что помимо материальных выгод возможности для повышения статуса европейцев в России были велики. В Англии они могли быть рядовыми специалистами или рабочими, а на уральских заводах становились уникальными кадрами, т. к. являлись носителями новейшего европейского технологического опыта.

Таким образом, адаптация западноевропейцев к жизни в российской провинции проходила сложно, сопровождалась конфликтами приезжих специалистов с местным населением. Европейцы стремились к обособлению и закрытости своих диаспор. Они нередко не

¹⁹ Васина Т. А., *Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.)* (Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2006), 85.

²⁰ ЦГА УР, Ижевский оружейный и сталелитейный заводы, фонд 4, опись 1, дело 812, листы 216, 218–219 об.; фонд 4, оп. 1, д. 443, л. 30 об.–32; д. 476, л. 40 об.–43.

²¹ Ерофеев Н. А., *Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг.* (Москва: Наука, 1982), 64.

только не желали признавать своих новых соотечественников хоть в чем-то «своими», но даже не считали нужным брать на себя какие-то «культуртрегерские» функции: пересидеть среди «туземцев», заработать деньги или статус, желательно – скорее уехать. Им иногда это удавалось, иногда – нет, кто-то из них скоро сживался с новой средой, кто-то – нет; кто-то был готов часть российских подданных признать равными (из числа чиновников и инженеров), кто-то и им отказывал в «европейскости». Наиболее «своими» иностранцы признавали людей из числа чиновников, администраторов, инженеров высшего разряда. Корпоративные коды поведения были характерны для крупных диаспор европейцев. Маркерами их социальной самоидентификации являлось сохранение собственной культурной и конфессиональной идентичности, ассоциирование себя с сообществом. Европейцы, уже осевшие на Урале, обращаясь с просьбами или инициативами, выступали от имени всех «иностраных мастеров». Но по роду своей профессиональной деятельности они вынуждены были постоянно контактировать с русскими мастерами, представителями заводских администраций, что обеспечивало межкультурное взаимодействие и делало закрытость европейских диаспор относительной.

THE JUDGMENT OF RUSSIAN DIPLOMACY'S
SUCCESS PUBLISHED
IN CONTEMPORARY SATIRICAL JOURNALS.
INTERNATIONAL EVENTS RELATED TO THE
1863 POLISH REVOLT IN ÜSTÖKÖS AND
KLADDERADATSCH

KATALIN VÁRADI

PhD Student

University of Debrecen, Doctoral School of History and Ethnography,

Hungary

varadikatalin89@gmail.com

ABSTRACT: In my essay I shall examine the way in which Russian diplomacy was judged on the basis of contemporary satirical journals like *Üstökös* and *Kladderadatsch*, specifically the way in which these dealt with the success that the Russians achieved in the 1863 Polish revolt. Although the Polish revolt failed, its diplomatic impact cannot be ignored. Seven years after the Crimean War (1853–1856) Russia returned to the arena of international life without losing her powers.

I will examine the Polish revolt from the aspect of satirical journals, emphasizing the crucial points and events they paid great attention to in their “reports”. These are the following: Poland as a victim of Russian politics, the Russian attitude, the judgment of the Great Powers, the Russian–Prussian friendship and the recognition of Russian diplomatic success.

KEYWORDS: Austria, Bismarck, France, Gorchakov, Great Britain, Great Powers, *Kladderadatsch*, mocking journals, Polish revolt, Prussia, Russia, *Üstökös*

Introduction

In this essay, I will discuss the judgment of Russian diplomacy's success published in the contemporary satirical journals *Üstökös* and *Kladderadatsch*, specifically in relation to international events connected to the 1863 Polish revolt. Although the Polish revolt failed, its diplomatic impact cannot be ignored. On the one hand, it was one of the first successes of Russian diplomacy since this country had been defeated in the Crimean War (1853–1856). On the other hand, due to this fact, the in-

ternational situation changed a lot: Russian–French relations worsened, while Russia and Prussia drew closer together.

The Polish revolt is a marginal topic in Western historical literature; we can hardly read about it in any great detail. The only exception is *Zoltán Téfnér's* monograph, in which he thoroughly examines the international events related to the 1863 Polish revolt.

In turn the Polish revolt was considered of great importance at that time, as reflected in the contemporary press. In addition to the daily papers, satirical journals also paid great (and special) attention to the events, pointing out the mistakes and weaknesses in the field of European diplomacy. I find the analysis of the satirical journals important because they can show us what was the focus of contemporary public interest. They had an even wider and richer set of tools to illustrate the events, often by writing allegorically about the developments.

The publication of *Üstökös* was launched in the summer of 1858 under the editorship of Mór Jókai, as another liberal newspaper.

Firstly, the readers could find news about foreign policy mainly in the column called “Ama bizonyos csizmadia és felesége kérdései és feleletei” [*Questions and answers of a certain cobbler and his wife*], in which the politically knowledgeable cobbler gave explanations about the latest events.

Secondly, Hungarian public opinion was highly influenced by *Márton Kakas's* poems, which as a leading article had a great influence on the paper's basic tone.¹ *Üstökös* also expressed its opinion through pictures, drawn by *János Jankó*, who was considered the most significant illustrator at that time. These pictures aimed to draw attention to the real intentions and purposes of all parties.²

Kladderadatsch was established in the spring of 1848 in Berlin by David Kalisch, and not much later other editors such as Ernst Dohm, Rudolf Löwenstein and the caricaturist Wilhelm Scholz also joined it.

Thanks to them, the abovementioned paper played a very significant role at that time and served as an example for other satirical journals.³

¹ Kosáry D., Németh G. B., eds., *A magyar sajtó története 1-2/1-2/2*. <http://mek.oszk.hu/04700/04727/html/389.html> (2014-05-05)

² János Jankó worked for other satirical journals, for example *Bolond Miska*, *Borsszem Jankó...* etc., but he felt that he could best express himself in *Üstökös*.

³ http://www.ub.uni-heidelberg.de/helios/digi/kladderadatsch_info.html (2014-05-05)

It was considered the citadel of liberalism and nationalism. A great variety of columns and characters reacted to different events; for example, on the first page *Kladderadatsch's* poems set each week's main topic and tone as leading articles. From the conversations of Müller and Schulze – who appeared as average citizens – the reader could get to know other papers' opinions about the events. Of course, caricatures were very important, too.

Before writing about the events, a few words about their antecedents.

The Closing Act of the Congress of Vienna in 1815, which ended the Napoleonic Wars, set the new borders of Europe for a long time, and it did so with the Polish borders too: it left Poland divided, giving its largest part to Russia, while the Prussians and Austrians kept their former Polish territories.

Although due to international pressure the Russian political leadership gave a constitution to the Congress Poland, it treated Poland as a dynastical territory.⁴ This is what the Polish wanted to change during the waves of revolutions, but their every attempt failed.

For the Polish, the next favourable opportunity came with the Crimean War (1853–1856), but soon they had to realize that there was no hope for international support.

But the fact that Russia was defeated made her realize her own situation. Russia made several gestures towards Poland: they allowed the Poles to found an Agricultural Association, to open a Medical School in Warsaw, and the Polish peasants were not excluded from the 1861 serf reforms.⁵ However these concessions could not reduce tension; several actions hurt Polish feelings and breached their rights, for example the mandatory enlistments – under which Russian soldiers opened fire on groups of people. Finally, these actions resulted in huge disappointment and aggravation, which led to the Polish uprising on the 22nd of January 1863 – sooner than it was expected to happen.

In this study I will instantiate the Polish revolt from the aspect of

⁴ Diószegi I., *Nemzetközi kapcsolatok története 1789–1918* (Bp.: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1994), 61.

⁵ Font M., Krausz T., Niederhauser E., Szvák Gy., *Oroszország története* (Bp.: Pannonica Kiadó, 2001), 392–393.

satirical journals, emphasizing the crucial points and events they paid great attention to in their “reports”. These are the following: Poland as a victim of Russian politics, the Russian attitude, the judgment of the Great Powers, the Russian–Prussian friendship and the recognition of the Russian diplomatic success.

Poland as the victim of Russian politics

From the beginning, the sympathy and compassion for the Polish was obvious: the first reports of the revolt were about how the Polish people suffered and how cruel the Russians were – the reader could read mostly about the brutality and inhumanity of the Russian Governor General, Mikhail Muravyov-Vilensky. Üstökös interpreted this as the battle between good and evil, with many exaggerations. In these reports, Polish heroism was contrasted with Russian evilness; for instance, in the caricature below a Cossack horseman is drawn as a devil.

During the events, the paper saw Poland as the victim of Russian politics, writing about the sorrowful fate of the Polish in a heart-rending way. For example, they sometimes mentioned the death of the Polish nation: “*The poor Polish are being supported, who are hardly showing any sign of life*”⁶ – to sway public opinion and through this Great Power politics in relation to the Polish Issue.

⁶ Ü 10. October 1863.

Kladderadatsch did not write about the suffering of the Polish people, moreover it started reporting about events later, because at that time it focused mainly on internal events and criticized the new political elite, namely the Bismarck Government.

The Russian behaviour

After the signing of the Alvensleben Convention and especially from the beginning of March, the Polish revolt became the main topic in both papers. This time the judgment of Great Powers was at the centre. As for the Russian actions, they highlighted their aggression and violence, making fun of their attempt to handle the Polish situation as an internal issue – which, according to them and Great Power diplomacy, became a European issue due to the Alvensleben Convention,⁷ which was signed by Russia and Prussia in February.

They employed distortion and mockery in order to show this and to prove their opinion. I will illustrate this with two examples. According to Üstökös, the Russian attitude is two-faced, because their action was explained as if it would be helpful for the Polish: “*What a lie that the Polish are cold! We have been heating them for ten weeks so that we are getting tired of it.*”⁸ The second example is a specific entry in *Kladderadatsch* which portrays Russia’s goals rather ironically: as a “*humanitarian motivation*” and a “*battle against the Polish action-party’s terrorism*” ... etc.⁹ In some sense, it refers to the conservative bond in Russian-Prussian relations. These words were cited from *Kreuzzeitung*.¹⁰

The most important weapon of Russian diplomacy was the playing for time; because of this, Gorchakov endeavoured by his answers in memorandum or in other diplomatic sources to keep up the dialogue

⁷ According to this treaty, Prussia allowed Russia to cross their borders so that Russian troops could attack the Poles.

⁸ In his article, the Polish Issue was allegorical, and the problem was that the Polish were cold. Of course, the great powers intended to help them, but only with nice words and not with acts. We can also learn from this entry that for the Russians, it was not so easy to defeat the Polish. Ü 11 April 1863.

⁹ *Kladderadatsch* (further *Klad*) 15 March 1863.

¹⁰ This paper was widely known as a conservative paper; in fact, it was Bismarck’s paper.

with Great Powers, writing: he is ready “на дружеский обмен мнениями относительно Польши”¹¹ – so he made it necessary for them to think over their strategies and claims.¹²

These motifs were present during the whole affair.

The judgment of the Great Powers

Not only was Russian politics viewed negatively, but the judgment of other Great Powers was also gloomy. First of all, they highlighted the attitude of England, France and Austria, whose actions were greatly influenced by the growing power of public opinion, because their first statements and parliamentary discussions were rather moderate, and treated the Polish Question as a Russian internal issue.

This kind of inactivity was often the easy target for ridicule in both papers. This motif could essentially be seen in the reports throughout the whole revolt, because after the issue appeared in front of the international diplomacy, no one showed enough vigour and determination towards Russia. Their demands were not backed by sincere intentions and everybody experienced this.

At one time, the Polish Issue in European politics was cleverly summarized by Üstökös in the following way: “*Why is the Polish Issue called a European Issue? Because the whole of Europe asks them what they want, but no one gives them anything.*”¹³

Kladderadatsch used a so-called fireman metaphor regarding this in their reports or caricatures. The fireman metaphor itself turned up on several occasions, and the people involved used the metaphor as well, for example Alexander Ivanovich Herzen¹⁴, who wrote the following at the beginning of February 1863 in his article which appeared in *Kolokol*:

¹¹ Cites Виноградов В. Н., Балканская эпопея князя А.М. Горчакова (Москва: Наука, 2005), 112.

¹² Zoltán, Tefner, *Az 1863-as lengyel felkelés és az európai politika* (Budapest: Lénia, 1996), 98.

¹³ Ü 21 March 1863.

¹⁴ For Herzen, it was important to deal with the Polish Issue; since 1861, he had written a lot of articles about it in both newspapers and his correspondence. See more <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/326/image/326-080.pdf> (2014-05-06)

*“Востание зажглось, горить и распространяется въ Польше. Что сделают петербургския пожарныя команды?”*¹⁵ The Berlin paper viewed the joint action similarly to founding a new fireman organization, but those entries showed that the Great Powers were determined only in words, doing nothing notable for the Polish Cause. However, they wanted to appear in front of the public: *“If a house is on fire... the next house should be allowed to burn so that the activity of the firemen’s team is represented in a greater light.”*¹⁶

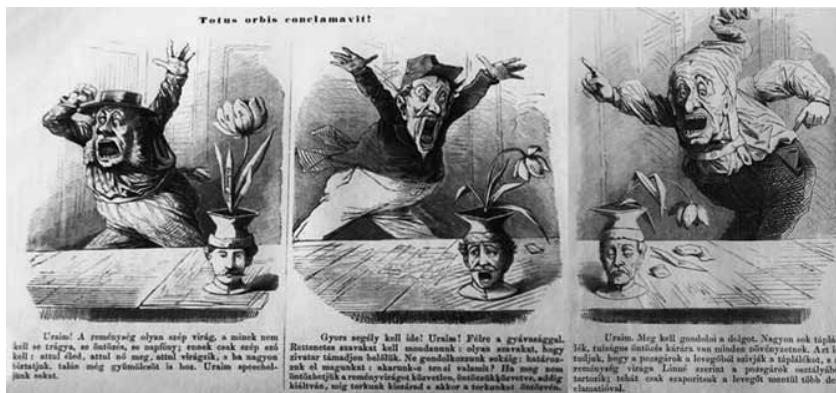
It should be noted that Great Power politics became a central theme mostly during the exchange of statements, pointing out the empty words and minor threats. Üstökös referred to the exchange of statements in a two-page-article and a caricature called *Totus orbit conclamavit* (*The whole world shouts as one*) on the account of a flower being watered – in which the flower symbolized Poland (namely Polish Issue) and the vase was drawn as a distinctive Polish square-shaped headgear. From this point, it could be clearly seen that no collective statement was made, every power using their own tone in the messages which they sent to the Russian court.

The English called upon the Russian court forcefully to fulfil their demands, but they were also ready to make a compromise: *“it needs only nice words... maybe it will be fruitful”*, while the French, who did not recognize the truth of the other party, firmly stood up against them: *“let us forget cowardice, we must say terrible words”*. Unlike them, the Austrian court wrote to the Russian ruler and its court in a moderate, restrained manner: *“The matter should be considered... with more declamations.”* The entries as well as the gesticulations in the caricatures provides the following pictures:

In this paragraph, I will take the opportunity to point out the reasons why the Great Powers did not take any action. Aside from traditional disagreements, each side’s ambitions made it hard to work together: England was focused on its colonial issues; becoming involved in a European war was not in its best interests, and they especially did not intend for the French to acquire new territories, for example, around the

¹⁵ Колокол, Выпуск шестой 1863, (Лондон, Москва: Издательство Академии Наук СССР), 1963, 1285.

¹⁶ *Klad* 8 March 1863.

Rhine.¹⁷ The fact that the French emperor was committed to the Polish Matter was not based on pure sympathy. He hoped that by solving this, he could further rearrange the European map – still at the time, Mexico kept the country's military forces busy. The situation of Austria was the most critical point here, because she was affected by the Polish Issue, while its internal problems and the German Issue also forced her to be very careful in this aspect.

The Prussian–Russian friendship

During the Polish revolt, in addition to the Great Powers mentioned above, Prussia was judged negatively as well. With the Alvensleben Convention, which was initiated by the Prussian diplomacy itself,¹⁸ the opinion about the new political leadership did not change. Bismarck was still considered as a conservative politician with inadequate politics.

During the Polish revolt, it was always drawing a comparison between Russian and Prussian politics. According to the journals, both states sought to uphold the status quo. The Prussians were often treated as a “silent partner”: “*How do they speak in Prussia?*” *The authority speaks Russian*¹⁹.

¹⁷ Виноградов В. Н., *Балканская эпопея князя А.М. Горчакова*, 109.

¹⁸ About the mission of Prussian General Gustav von Alvensleben, and its myth see more in Robert H. Lord's study. Robert H. Lord, “Bismarck and Russia in 1863”, in: *The American Historical Review*, Vol. 29, No. 1, (October 1923).

¹⁹ Ü 14 February 1863.

Kladderadatsch put much greater emphasis on the connections between the two sides, pointing out the Prussian–Russian ties during the whole case, often mocking Prussian politics for claiming Russian achievements as their own:

“Müller: The Berlin Cabinet is celebrating a great victory, because it became again the participant of diplomacy.

Schulze: Really? Why?

*Müller: Because of the Russian amnesty.”*²⁰

All the above reassured the readers that what Prussia was doing was wrong, and the Prussian-Russian friendship was condemned by Europe as well, which can be seen in the caricature below. Here, Bismarck is admonished by Madame Europe because of his incorrect homework, namely the Alvensleben Convention:

It should be remarked that Gorchakov enthused less over the Prussian advice – while publically saying to the Prussian statesman “наш друг Бисмарк” and then expressing his misgivings in relation to Prussian intentions.²¹

²⁰ *Klad* 19 April 1863.

²¹ See more *Виноградов* В. Н. (2005) 107., cf. Robert H. Lord (1923) 10.

The recognition of Russia's diplomatic success

During the rebellion, there was only one opportunity which seemed to be the only way to solve the situation: it seemed that the Austrian 6 points could bring the Great Powers together, as the 4 points of Vienna did during the Crimean War. These points included the rights and preferences that would have been given to the Polish, but in spite of being supported by every power, the Poles themselves did not find them adequate. It is true, however, that these points would have been only general settlements, treating only the symptoms and not solving the real problems. This is what Üstökös refers to by making fun of the 6 points allegorically: "*Second point: The top should be taken, and then the bottom could calm down by itself.*"²² This alludes to the Polish participation in the policy and legislation. However, it covered only the nobility and the exalted members of the church who could participate, but not the whole Polish nation.

On the other hand, this action could not have been successful, since up to that point, Russia had the situation under control and as for the Great Powers, the collaboration they formalised was just casual.

Russia realized this and thus they ignored every demand. *Kladdera-datsch* imagined how the conversation could have happened: "*because French loyalty and English friendship towards the Polish are a question mark, Austria's support is in apostrophe, and Prussia is my dash, I keep Poland in brackets.*"²³

With this, as far as the papers saw it, the Polish Issue was completely solved in favour of Russia. This fact was one of the reasons why the number of reports about the revolt decreased from the end of summer. If they wrote again about the Polish Issue, for some reason, it was considered as a Russian success, though expressed in terms disappointment and disillusion. The two satirical journals thought that the Great Powers were aware of this case, but they did not really try to stop the Russian intervention, or if they did so, it was in a much milder and conciliatory manner than before.

The best example of this is the speech given by Napoleon III in

²² Ü 25 July 1863.

²³ *Klad* 12 July 1863.

November 1863, in which he presented his plans for a conference, where all problematic issues would have been solved. But this idea was completely ignored; every power worried about their own sphere of interest.²⁴

The Poles were also disappointed, because it was obvious that even for Napoleon III the Polish revolt became an unimportant question.²⁵ The two papers essentially placed the same words into the French ruler's mouth, as he asked Russia to attend the conference, indicating that he had an intention of restoring Russian–French relations to their state before the Polish revolt or even stimulate them: *“Don't be afraid, all dangers shall be avoided”*²⁶ and *“all, what fell out and divided us in life, we should forget and forgive”*.²⁷

I think that the above clearly shows how Russia emerged as a winner from the diplomatic power struggle in connection with the Polish revolt, and after this, the other Great Powers could do nothing but give Russian politics freedom to act, as the following caricature depicts:

²⁴ These reasons were wisely summarized by an article in *Üstökös* (issue on 5 December 1863), in which the Great Powers were invited to gamble, but because of the conditions of the expectant players the game did not materialize.

²⁵ Zoltán Tefner (1996), 152–153.

²⁶ Ü 7 November 1863.

²⁷ *Klad* 15 November 1863.

Summary

To summarize, it can be stated that Üstökös and *Kladderadatsch* followed consistently the treatment of the Polish Crisis, putting much greater emphasis on showing its determining points. From their writings, it can be seen that European politics at that time were ruled by the so-called pentarchy: Great Britain, France, Russia, Austria and Prussia. Since both papers strengthened the liberal side, the negative judgment of Russian politics could be easily observed, as they tried to let their readers know as well through different methods. At the same time, they were cautious not to distort reality through the tools of irony and mockery, only magnifying the mistakes that they found worthy to show the public.

Their sympathy towards the Poles was obvious from the beginning and the Great Powers also showed solidarity towards Poland, but soon the papers had to realize that no real support could be expected from Great Britain, France or even Austria. From the beginning, they pointed out that diplomatic demands had no real force behind them, there being no collaboration, and every power pursued their own priorities and interests. But they had to admit that this diplomatic clash was won by Russia; as Üstökös said, in this question weapons clashed with words: Russia won because of its forceful foreign politics, that is: "*The muszka*²⁸ wrote with blood, the others shot with ink."

The two papers display a difference with regards to one question: the judgment of Prussia. They agreed that the Prussian leadership still did not walk a path they found right by signing the Alvensleben Convention – but Üstökös, seeing Prussian diplomacy's passivity, seemed to have forgotten about Prussia, because they barely wrote anything about them since spring. This is in contrast to *Kladderadatsch*, which laid stress on the existence of the Prussian–Russian relations throughout the whole case, and linked the Russian success to Prussia.

We should not ignore the fact that aside from Russia, there was another country who came out as a winner from the Polish Issue: Bismarck and his country. It is not by chance that the Prussian politician dedicated a separate chapter in his book *Gedanken und Erinnerungen* (*Thoughts and Reminiscences*) to the Polish revolt, under the name *The Alvensleben*

²⁸ In Hungarian, *muszka* is a pejorative expression for the Russians.

Convention, because from the beginning he did not see it as a Russian internal matter, but kept Prussia's interest in mind, wanting her to be a strong and great country again amongst the European powers.

The question can be further examined by involving additional sources, and by showing how the Russian side saw and treated events, which hopefully will be illuminated by further research.

GERMAN AND RUSSIAN PHILOSOPHICAL NIHILISM'S COMMON POINTS AND DIFFERENCES

ZSÓFIA MÉSZÁROS

MA student

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

zsofi-m@hotmail.com

ABSTRACT: The article explores the roots of 19th century Russian philosophical nihilism and anti-nihilism in German nihilism. The main trends of Russian nihilism represented by Nikolay Chernyshevsky and Dmitry Pisarev are presented, as well as the criticism of nihilism of different political sides reflected by the literature of Ivan Turgenev and Fyodor Dostoyevsky. Finally, as the evolution of nihilism comes full circle, Russian nihilism and the nihilistic thought depicted by Dostoyevsky is compared to the nihilism described by Friedrich Nietzsche.

KEYWORDS: German nihilism, Russian nihilism, Max Stirner, Nikolay Chernyshevsky, Dmitry Pisarev, Fyodor Dostoyevsky, Friedrich Nietzsche

The concept of nihilism

The word 'nihilism' is derived from the Latin word 'nihil' meaning 'nothing.' In a philosophical sense, nihilism can be used to describe a state of mind, in which people find nothing meaningful. In this article, however, the more general concept of nihilism is used, which is based on general denial, whether it should be denial of morals, society, a political establishment or the meaning of existence in general.

Nihilism in its pure philosophical form (that would be extremely self-destructive in real life) means a denial of such a great extent, that 'nothing' is more preferred than anything existent. This should be differentiated from a more 'positive' type of denial that applies to past or present existing establishments or concepts. This nihilism and denial is based on the conviction that a different type of establishment or concept should be existent instead.

The roots of nihilism

The word ‘nihilism’ was already in use in the Middle Ages, when it referred to heretics.¹ During the French Revolution, nihilists were thought to be politically impartial, while some said they were ‘good for nothing.’ The term was used for young disillusioned intellectuals, whose views and behaviour were considered unworthy of attention.² According to Goudsblom’s theory, the cultural roots of nihilism can be found in this age: the age of rationalism and secularisation, which both questioned truths formerly considered to be unquestionable, and leaving a number of alternatives without a way of finding which one is the right one.³

The nihilistic idea became very popular in the first half of the 19th century, on German territory. It was associated with the lack of any belief, as well as with egoism. Jean Paul, a German romantic poet, said that those poets, who did not abide by the norms of poetry, were led by arbitrary ‘egoism,’ and he called them nihilists.⁴ This shows that the denial of rules and order in the eyes of critics meant that rules and order are replaced by arbitrariness.

Franz von Baader, German philosopher and theologian, described nihilism in 1825 as the ‘crisis of his age,’ in which the idea of rationalism drove the easily influenced youth into ‘destructive fury.’ He reckoned that as young people would not recognise any authority, denial and destruction would become their only way of self-expression, the meaning of their existence.⁵ His criticism was typical of the later Russian critics representing conservative and religious ideas.

Although the criticism of German nihilism can be found in a number of sources, German nihilists themselves are less traceable than Russian nihilists. German nihilism was not a movement, unlike its Russian counterpart. The reason for this might be that denial in itself, without a common aspiration, might be too weak a force in building a community.

¹ Gyürky Katalin, „Mindannyian nihilisták vagyunk.” Dosztojevszkij és az orosz nihilizmus’ (PhD diss., Debreceni Egyetem, 2007).

² Johan Goudsblom, *Nihilism and Culture* (Oxford: Blackwell, 1980), 3.

³ Goudsblom, *Nihilism and Culture*, 119–135.

⁴ Goudsblom, *Nihilism and Culture*, 3–4.

⁵ Goudsblom, *Nihilism and Culture*, 4–5.

Max Stirner's anarchistic nihilism

The only outstanding figure of this age's German nihilism was Max Stirner who had a great effect on German and Russian nihilists and anti-nihilists as well. Joseph von Radowitz, a Prussian statesman said that the motto of 'Nothing is true, everything is justified' was very popular among German students in 1848, which clearly indicates Stirner's influence on the young.⁶ His work, *The Ego and Its Own* was published in 1844,⁷ in which he definitively rejected the *raison d'être* of truth, science and belief with his famous saying: 'I have set my cause on Nothing.'⁸ His nihilism was based on political and moral grounds.

Stirner replaced the popular idea of liberty with egoism, for he thought that liberty meant being free of something, while egoism presupposed strength and power. He reckoned that in order to evolve, he needed to follow egoism and reject all authorities. He thought that ruling political ideologies, religion, morals and states repressed people, for they never respected their individuality. He brought up a man of faith as an example, who in his opinion would despise himself because of his 'ego' driven by his instincts. Therefore the egoist has to go rebel against the concepts of his age, and has to desecrate everything.⁹

Stirner considered the act of sinning a value that made humans individuals, and therefore if someone felt that his egoism dictated sinning and crime, than he had to do it. In his views, violence was superior to law. If someone let others suppress him, he deserved it; as much as the person who was able to grab onto power, which made him stand above law. His stance against all forms of authority implies that he was an anarchist as well, the driving power of his anarchism being egoism. He suggested the formation of associations instead of states, rebellion instead of revolution.¹⁰

⁶ Goudsblom, *Nihilism and Culture*, 135.

⁷ David Leopold, 'Stirner, Max,' in: Edward Craig ed., *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. Vol. 9, (London, Routledge, 1988), 140.

⁸ Goudsblom, *Nihilism and Culture*, 135.

⁹ Max Stirner, "Az egyetlen és a tulajdona," in: Bozóki András and Sükösd Miklós eds., *Az anarchizmus klasszikusai* (Budapest: Mundus Magyar Egyetemi Kiadó, 2009), 84–102.

¹⁰ Stirner, „Az egyetlen és a tulajdona,” 91–117.

Ludwig Feuerbach's latent nihilism

Ludwig Feuerbach influenced Chernyshevsky's and other Russian thinkers' ideas greatly. He, just like Stirner, propounded egoism as the key to social equality. He argued that a new age would come when the suppressed masses would assert their rightful (and not self-serving, like in Stirner's case) egoism, which in itself enables individuals to develop as individuals.¹¹

Feuerbach never specifically described himself as a nihilist, nor is most well-known for being one. His motto, however, shows something different: "No religion! is my religion; no philosophy! is my philosophy." He reckoned that there was an irreconcilable conflict between different philosophies, and the decision between them became arbitrary.¹² Therefore he defined himself on the grounds of denial.

Nikolay Chernyshevsky's denial of individuality

The Russian intelligentsia, including Chernyshevsky, and Dostoyevsky (who later did an about-turn) came to know the ideas of Stirner and Feuerbach in the progressive Petrashevsky Circle.¹³

Chernyshevsky developed the idea of 'rational egoism' that is similar to Stirner's egoism. He represented his thoughts in the novel *What Is To Be Done?*, in which the main characters always act in a way that they rationally think suits them best. Chernyshevsky argues that if society is harmonised with the interests of individuals, then people would become good, for they would not need to hurt social norms and others in order to achieve what is best for them. Feuerbach's ideas of the egoism of masses leading to improvement are echoed. The main difference between the Russian thinker's and Stirner's egoism was that while Stirner's egoism was true egoism, serving only itself and not caring about the chaos it

¹¹ Gyürky, „Mindannyian nihilisták vagyunk.”

¹² Goudsblom, *Nihilism and Culture*, 135.

¹³ Andrzej Walicki, *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism* (Oxford: Clarendon Press, 1980), 154 and Czeglédi András, „Incipit Niétzky. Szélgjegyzetek a kései Nietzsche nihilizmus- és esztétikumképehez” (PhD diss., Eötvös Loránd Tudományegyetem, 2008).

caused, Chernyshevsky's rational egoism leads to the recognition that the most important interest of individuals is to serve the greater good of the community.¹⁴ This distinction shows the difference between Chernyshevsky's and Stirner's denial of old values: the first is in order to create a community where everyone could be happy, the latter is to create an individual happiness that is extremely indifferent to the needs of others.

Chernyshevsky's most influential character in his novel was Rakhmetov, a nobleman, who threw away everything in order to serve the greater good. He submitted himself to the cause to the extent that he absolutely suppressed his personal life and even physical well-being. This way the individual became less important than the community, which led to the depreciation of individuality and all values not primarily needed for the well-being of the community,¹⁵ like art, which, according to Chernyshevsky, should serve the enlightenment of people.¹⁶ Therefore, with the depiction of the self-denying revolutionary, Chernyshevsky expressed a nihilism of personal values on social grounds.

The philosophical, political, social and ethical ideas of *What Is To Be Done?* were extremely popular in the coming decades among revolutionaries, and were echoed in the organisation of the Ishutin Circle,¹⁷ in the Chaykovsky Circle¹⁸ and even in Lenin's ideals.¹⁹

However popular were Chernyshevsky's ideas, he was not the only main thinker and publicist associated with nihilism. Nihilism was not a distinct and well-defined system of thinking in Russia. Besides Chernyshevsky and the circle around the journal *Contemporary*, another circle of publicists existed that was much more radical, and was usually in a fight of words with the *Contemporary*.²⁰ It was the circle around the journal *The Russian Word*, and its most popular contributor, Dmitry Pisarev.

¹⁴ Gyürky, „Mindannyian nihilisták vagyunk.”

¹⁵ Nikolay Berdyayev, *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* (Paris: YMCA-Press, 1971), 139.

¹⁶ Gyürky, „Mindannyian nihilisták vagyunk.”

¹⁷ Philip Pomper, *The Russian Revolutionary Intelligentsia* (Arlington Heights: Harlan Davidson Inc., 1993), 85.

¹⁸ Pjotr Alekszandrovics Kropotkin, *Egy forradalmár feljegyzései* <http://mek.oszk.hu/04200/04230/04230.pdf> 183.

¹⁹ Walicki, *A History of Russian Thought*, 190.

²⁰ Evgenii Lampert, *Sons Against Fathers. Studies in Russian Radicalism and Revolution* (Oxford: Clarendon Press, 1965), 281–284.

Dmitry Pisarev's destructive nihilism

Pisarev's nihilism was a result of a mental crisis at the age of 19. He suddenly realised that all judgements and concepts that had been the basis of his existence, suddenly became worthless. This, however, cleared the path to use his mind's 'infinite power.'²¹ He encouraged people to liberate themselves from the rule of prejudices and tradition.²² He even wrote: "What can be smashed must be smashed; whatever will stand the blow is sound, what flies into smithereens is rubbish; at any rate, strike out right and left, no harm will or can come of it."²³ He reckoned that destroying everything would lead to the recovery of humanity and real social relations.²⁴

Unlike Chernyshevsky, he was preoccupied with individualism. For instance, he liked the character of Rakhmetov and his passion about not making peace with his surroundings, but he criticised his puritanism and ascetic traits, the ones that suppress individuality.²⁵ He even said that he would not mind killing his own mother, if it served his own purpose, which is much like Stirner's egoistic, destructive nihilism. However, he also stated that people can be egoistic so long as their actions do not violate others' egoistic pursuits.²⁶

Pisarev's most nihilistic ideas were in the field of aesthetics: he judged art by its everyday value. He only accepted realist literature, and only for its role in enlightenment. In his opinion, if a poet did not write about an aspect of life that was important to show people, he might as well worked as a shoe-maker.²⁷ His view of art was utilitarian to the extent that in his eyes lost its individualistic and transcendental value altogether.

²¹ Lampert, *Sons Against Fathers*, 277.

²² W. J. Leatherbarrow and D. C. Offord, *A Documentary History of Russian Thought. From the Enlightenment to Marxism* (Ann Arbor: Ardis, 1987), 198.

²³ G. V. Krasnov and V. A. Viktorovich „Nigilist na rubezhe 60-kh godov kak sotsialny i literaturny tip.” in: M. V. Nechkina red., *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v seredine XIX veka: deyateli i istoriki* (Moskva: Nauka, 1986), 32.

²⁴ Lampert, *Sons Against Fathers*, 314.

²⁵ Lampert, *Sons Against Fathers*, 322–323.

²⁶ Lampert, *Sons Against Fathers*, 304.

²⁷ Dmitry Pisarev, *Realisty*, http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml.

His ideas were so radical that one cannot wonder why he was the one that accepted the term 'nihilism,' that was firstly used by critics for the movement of the young.²⁸

The criticism of Russian nihilism

The word 'nihilism' in Russia was first coined by Mikhail Katkov, the conservative publisher and editor, and it stigmatised the circles of Chernyshevsky and Pisarev.²⁹ He thought that they lacked all positive programmes, denying for the sake of denial.³⁰ The term, however, became extremely popular after its use in the novel of the liberal Ivan Turgenev published in 1862, *Fathers and Sons*. The book became the starting point of a discussion about nihilism in Russian journalism and literature that lasted for more than 20 years. The first version of the liberal writer's novel was more lenient to his nihilist hero, Bazarov, but as Katkov was the publisher, he insisted on the hero being preoccupied with destruction, and not having any plans for a brighter future.³¹ So in today's version of the novel Bazarov states that nihilism means he would not undertake anything seriously, and would only confine himself to abuse.³² This is unlike both circles of nihilists. He is a strong individual, a political and moral nihilist, as well as a tragic hero, who, by destroying everything, destroys himself, too.

Although Bazarov was considered a negative character by many, Fyodor Dostoyevsky initially sympathised with him. However, as the nihilistic idea became more and more popular, and thus more shallow and vulgar, Dostoyevsky's opinion changed for the worse.³³

In the *Notes from Underground* Dostoyevsky openly disputed the

²⁸ Dmitry Pisarev, *Bazarov*, http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0220.shtml.

²⁹ B. Kozmin, „Dva slova o slove 'nigilizm'” in: *Literatura i istoriya* (Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1982), 221.

³⁰ Gyürky, „Mindannyian nihilisták vagyunk.”

³¹ B. Kozmin, „Eshche o slove 'nigilizm'” in: *Literatura i istoriya* (Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1982), 231–232.

³² Ivan Szergejevics Turgenev, *Apák és fiúk* (Budapest: Magvető, 2004), 62–63.

³³ N. F. Budanova, „Dve kontseptsii nigilizma,” in *Dostoyevsky i Turgenev. Tvorchesky dialog* (Leningrad: Izdatelstvo Nauka, 1987), 43–45.

ideas of the radicals and ‘nihilists’ of his age, especially the ones in Chernyshevsky’s *What Is To Be Done?*, that had been published a year before. The writer criticised rational egoism and the denial of individualism with the words of its main character, who states that it is human nature to be unpredictable.³⁴ The main character embodies Stirner’s destructive egoism and moral nihilism, and by being very antipathetic, he discredits this other type of nihilism, too. He follows every notion of malice, thereby destructs all relations that would be able to save him from his miserable loneliness.³⁵ His mind is so overdeveloped that he can sense the meaninglessness of his existence, which results in his conscious idleness.

In Dostoyevsky’s next anti-nihilist novel, *Crime and Punishment*, the main character, Raskolnikov is far from being idle. He puts all his ideas into action. He also represents Stirner’s and Chernyshevsky’s thoughts mixed together. He considers himself superior to the masses, which means that he is not bound by any moral barriers. However, he tries to justify his crimes by saying that this would serve the development and well-being of mankind.³⁶ His personal tragedy is that his mind and his conscience cannot cope with the burden of murder, because, as is suggested by Dostoyevsky, moral norms are not set by people, but by God.

The Possessed, the third anti-nihilist novel of the author, paints the darkest picture of all. People are overwhelmed with the ‘right to be unrighteous,’ and a state of universal violence rules over everything.³⁷ The self-destructive power of nihilism is embodied in the characters of Stavrogin and Kirillov. Kirillov commits the ultimate act of asserting his individuality: he annihilates himself to prove that he is god, which is much like Stirner’s notion of killing god in order to become free.³⁸ Stavrogin is the quintessence of nihilism. He puts different ideals into other people’s heads, but he cannot believe in any of them, not even in unbelief. His loneliness and indifference cannot be disrupted by love or

³⁴ Fjodor Mihajlovics Dosztojevszkij, *Feljegyzések az egérlyukból*, <http://mek.oszk.hu/00300/00372/00372.pdf>, 12.

³⁵ Goudsblom, *Nihilism and Culture*, 39.

³⁶ Fjodor Mihajlovics Dosztojevszkij, *Bűn és bűnhődés*, <http://mek.oszk.hu/00300/00370/00370.pdf> 163-164.

³⁷ Gyürky, „Mindannyian nihilisták vagyunk.”

³⁸ Walicki, *A History of Russian Thought*, 315–316.

hate, pleasure or pain. He can sense a certain need for harmony, but he sees all the terrible things in the world, and knows that he cannot get back to the Golden Age that he longs for.

Nihilism for Dostoyevsky seemed to be the disease of the human soul, during which a person loses all of his moral absolutes, gets confused by untrue ideals and becomes distanced from real life. He reckoned that nihilism was also the disease of the Russian intelligentsia, which had its roots in Western-Europe, but could be traced back ultimately to the cultural rupture caused by the reforms of Peter the Great.³⁹

Friedrich Nietzsche's concepts of nihilism

In Friedrich Nietzsche's eyes nihilism was also the disease, the disease of Europe. This meant the collapse of traditional morals, the rejection of values and rationality.⁴⁰ As opposed to Stirner, Nietzsche did not think that values would altogether disappear, or everything would be permissible. He reckoned that as a consequence to the ascetic ideal in Christianity, people would not recognise any forms of transcendent reality or anything of a high value that transcended reality, like knowledge, truth, virtues, philosophy or art,⁴¹ which is much like Pisarev's nihilism, and partly like Chernyshevsky's.

The very first time he used the word 'nihilism,' he distanced himself from nihilism formulated in Saint-Petersburg, because he thought that in some way, Russian nihilists remained believers. He considered himself a passive nihilist, for whom everything was in vain, because every meaning that was attributed to existence was merely an interpretation, thereby inevitably false. Nevertheless, he believed that a certain type of active nihilism was also possible, which denied and destructed convictions and beliefs in order to create an opportunity for a new mode of existence.⁴² This concept suits the Russian nihilists more than the first one.

³⁹ Budanova, „Dve kontseptsii nihilizma,” 47.

⁴⁰ Maudemarie Clark, „Nietzsche, Friedrich,” in: *Routledge Encyclopedia of Philosophy. Vol. 6*, edited by Edward Craig (London, Routledge, 1998), 853.

⁴¹ Clark, „Nietzsche, Friedrich,” 853.

⁴² Goudsblom, *Nihilism and Culture*, 11–12.

Despite Nietzsche's distancing himself from Russian nihilists, it is clear that Dostoyevsky had a great effect on him. A 13 pages long part about *The Possessed* can be found among his notes. According to a Hungarian scholar, András Czeglédi, it could be said that in his later years Nietzsche tried to 'unlock' the concept of nihilism (which can be found in *The Will to Power*, compiled after his death)⁴³ with Dostoyevsky's help, by studying the personalities and ideas of two of his characters, Stavrogin and Kirillov.

Dostoyevsky gave an intellectual impulse to Nietzsche, but sometimes they formulated the same ideas absolutely independently of each other. Even though, as a result of censorship, Nietzsche could not have read the chapter containing Stavrogin's confession,⁴⁴ talking about how God was killed by a human, he formulated the same idea about people all being the murderers of God in *The Gay Science*. They perceived and described with the same images the tendencies of unbelief destructing transcendent ideas. On the West, this tendency was represented by rationalism and puritanity,⁴⁵ while in Russia it was embodied by those rebelling against order and religion.

There are many differences between Russian and German nihilism, for Russian nihilism was more involved in social and political problems than its German counterpart. The early German nihilists, however, had a direct effect on the ideals of leading Russian nihilists. Moreover, a common denominator can be found for them in modernisation, in which traditional values disappear before a new order could be asserted, leaving people questioning everything, and with the desire to destroy all that remain. This tendency so delicately captured by Dostoyevsky that was underlying both Russian and Western nihilism, proved to be so fascinating and relevant to Nietzsche that it helped to define nihilism as is most generally known even today in Western culture. Russian nihilism as a philosophical phenomenon thus forms an essential part of European culture and history of thought.

⁴³ Czeglédi András, „Incipit Niëtzky.”

⁴⁴ Czeglédi András, „Incipit Niëtzky.”

⁴⁵ Clark, „Nietzsche, Friedrich,” 852.

ПРОЦЕСС ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В СВЕТЕ ВОСПОМИНАНИЙ И СООБЩЕНИЙ ПРЕССЫ ТОГО ВРЕМЕНИ

СИЛЬВИЯ НАДЬ

докторантка

Будапештский университет им. Лорадна Этвеша,
докторская программа по исторической русистике, Венгрия
szlvnagy4@gmail.com

ABSTRACT: In 1878 Vera Zasulich walked into the office of the governor of St. Petersburg, pulled a revolver and shot General Fedor Trepov, saying only two words: “For Bogolyubov.” Her trial for the murder later became Russia’s trial of the century, followed by people across Europe.

In my paper, I consider the consequences of Zasulich’s trial in the light of the Russian press. The studied materials allow us to formulate a few questions that are important in terms of the history and development of Russian political terrorism, which, according to some researchers, initiated modern political terrorism. An analysis of statements on the trial published in the Russian press of the time makes it possible to reconstruct the overall picture of the strengthening opposition atmosphere in Russian society at the turn of the 1880s and 1890s.

KEYWORDS: выстрел и процесс Веры Засулич, А.Ф. Кони, П.А. Александров, накануне политического терроризма

В своем сообщении я буду говорить о некоторых обстоятельствах и последствиях суда над Засулич и ее оправдания, важных с точки зрения возникновения политического терроризма в России. Я использовала мемуарные материалы и посвященные делу Засулич статьи печатных изданий: «Недели», органа либерально-народнического направления, либерально-консервативного «Голоса», либерального Нового Времени», «Северного Вестника», а также консервативных «Московских ведомостей».

Вера Засулич, женщина, положившая начало российскому терроризму, двадцать четвертого января 1878 г. (по старому стилю) пришла на прием к петербургскому градоначальнику Трепову и тяжело ранила его двумя выстрелами из пистолета, сказав при этом лишь два слова: «За Боголюбова». Покушавшаяся была арестована

и предана суду. Председателем суда был А. Ф. Кони, обвинителем прокурор К. И. Кессель, защитником Веры Засулич выступал П. А. Александров. Позже суд над Верой Засулич, состоявшийся 31 марта 1878 года и вызвавший интерес как европейских, так и американских газет, был назван «процессом века».

25 января, на следующий день после покушения, уже появились первые сообщения о попытке убийства, хотя самой прессе было почти ничего не известно, например покушавшуюся сначала называли Елизаветой Козловой, поскольку это имя фигурировало на фальшивом документе, который должен был заверить Трепов.¹ В первую очередь поначалу печаталась информация о состоянии Трепова:

*«Генерал-адъютант Трепов ночь провел довольно спокойно, но спал мало. Лихорадочных явлений нет, состояние раны удовлетворительно».*²

Наибольшее внимание уделили этому делу консервативные газеты, которые были наполнены обязательными эмоциями: «Трагическое происшествие», писала «Петербургская газета», «вызвало в населении столицы полное негодование к преступнице».³ Однако Кони в своих воспоминаниях рисовал несколько иную картину, указывая на то, что жертва покушения не пользовался популярностью в обществе, более сложным было и отношение к покушавшейся. Он писал:

*Имя Трепова не вызвало в эти дни ничего, кроме жестокого безучастия и совершенно бессердечного любопытства». «Мнения, горячо дебатлируемые разделялись: одни рукоплескали, другие сочувствовали, третьи не одобряли но никто не видел в Засулич мерзавку и рассуждая разное о её преступлениях, никто однако, не швырял грязью в преступницу не обдавал её злобной пленой всевозможных измышлений об её отношениях к Боголюбову».*⁴

¹ Храпченков С. П., «Выстрел Веры Засулич и русское общество», *Сборник трудов СНО филологического факультета Русская филология V*, (Изд. Тартуского университета, Тарту, 1997): 151.

² *Голос*, по. 27 (1878).

³ Карпиленко Ю. С., *Дело Веры Засулич. Российское общество, самодержавие, и суд присяжных в 1878 году* (Брянск, Изд. Педагогического института, 1994), 20–21.

⁴ Кони А. Ф., *Воспоминания о деле Веры Засулич*. URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_0660.shtml

Градоначальника не любили даже в официальных кругах. Распространялись слухи, что он был незаконным сыном Вильгельма I. С неодобрением отзывались о его злоупотреблениях властью. Именно одно из таких злоупотреблений послужило поводом к покушению: 13 июля по приказу Трепова был высечен осужденный судом студент Боголюбов, не снявший в тюрьме шапку перед градоначальником. Это было нарушением закона об отмене телесных наказаний от 17 апреля 1863 года.⁵ Как справедливо заметил один из авторов газеты «Голос», «дело Веры Засулич началось в предварительной тюрьме, разыгралось 24-ого января в приемной петербургского градоначальника и по-видимому окончилось 31-ого марта, в зале окружного суда».⁶

Расследование дела было быстрым и закончилось к концу февраля 1878 года. По закону 1872 года дела политического характера должны были рассматриваться Особым присутствием Сената, однако власти решили не придавать делу Засулич политического значения и в обычном порядке вынести его на публичный суд присяжных. Это был необдуманный шаг, и 21 марта министр внутренних дел Тимашёв обратился с письмом к министру юстиции Палену с просьбой обеспечить, чтобы в прессе процесс Засулич освещался с ограничениями, как это было принято в случае политических дел. Однако Пален сослался на то, что правила освещения дела в печати определены законом, и он, Пален, не может нарушить закон. Кроме этого, Пален отметил, что незаконное ограничение прессы способствовало бы усилению оппозиционных настроений.⁷

Интерес общества к процессу был огромным. Кони вспоминал, что накануне суда он получал десятки писем с просьбами обеспечить места в зале суда. Зал был до отказа заполнен светскими дамами и представителями высшей бюрократии, в нем присутствовали, например, член Государственного совета Д. М. Сольский и другие. Пресса была представлена Достоевским, Градовским, Чичериным, несколькими иностранными журналистами.⁸

⁵ Негретов П. И., «Научные заметки к спорам вокруг процесса Веры Засулич», *Вопросы истории*, no. 12 (1971): 183–189.

⁶ *Голос*, no. 92 (1878).

⁷ Карпиленко, *Дело Веры Засулич*, 28.

⁸ Кони А. Ф., *Воспоминания о деле Веры Засулич*. URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_0660.shtml

Особый интерес представляет тактика защитника Засулич Александрова, которая послужила образцом для защиты в будущем многих других известных террористов и стала основой для создания «привлекательного для общества» образа террориста как «жертвы», доведенной до преступления самой «системой». Александров как бы «перевернул» ход процесса, поменяв местами покушавшуюся и жертву покушения.⁹

Как писал один из очевидцев, чем дальше разворачивалась судебная драма, тем больше исчезала личность обвиняемой, и казалось, что судят всех нас, все общество.

I am so morally destroyed, so oppressed by the rapid succession of strong emotions, which I had to experience in the course of a few hours of the trial, that I am not sure I have the strenght to accomplish my task. I need to bring society into that courtroom, I must force them to experience, to suffer all the things which we, the audience, endured in that court.¹⁰

Профессионально действуя на эмоции публики, Александров покорила публику, которая неоднократно прерывала его речь взрывами одобрения: «[...] Аплодисменты, громкие крики: браво! Председатель. Поведение публики должно выражаться в уважении к суду. Суд не театр, одобрение или неодобрение здесь воспрещается. Если это повторится вновь, я вынужден буду очистить залу [...]».¹¹

Защитник красочно описал юность обвиняемой, унижения и испытания, пережитые ей во время первого ареста и тюремного заключения и оставившие глубокий отпечаток в молодой девушке. Как бы в качестве иллюстрации к этому адвокат подробно остановился на незаконном приказе Трепова о наказании Боголюбова, отданном через 15 лет после запрещения телесных наказаний для политических заключенных. При этом Александров между делом осторожно релятивизировал само понятие политического преступления, ука-

⁹ Баранов А. С., «Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века», *Общественные науки и современность*, no. 2 (1998): 181–191.

¹⁰ Siljak A., *Angel of Vengeance*. (St. Martin's Griffin. New York, 2008), 222.

¹¹ Судебные речи на процессе по делу Веры Ивановны Засулич 31 марта 1878 г. Речь присяжного поверенного П. А. Александрова в защиту Засулич. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Zasulich.htm>

зав: «То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести».¹²

В итоге появилась возможность придать покушению моральное оправдание, больше того, представить Засулич благородной мстительницей, борцом за идею:

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, - женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею во имя того, кто был ей только братом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественной безопасности нужно призвать кару законную, тогда - да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь!»¹³

Как известно, присяжные после тридцатиминутного совещания оправдали Веру Засулич при бурном одобрении собравшихся в зале суда. 1-го апреля газеты еще как правило ограничивались простым описанием событий и публикацией начальной части протокола. Значительная часть статей, опубликованных 2-го и 3-го апреля, свидетельствовали о широком сочувствии Вере Засулич, о ее моральном оправдании и осуждении «треповской России».¹⁴

Кони справедливо писал: «Передовые статьи большей части газет рассматривали решение присяжных именно как протест общественной совести, которая была возмущена явным нарушением закона и грубым насилием и не нашла в себе слова осуждения для той, которая явилась выразительницей негодования, накопившегося в душе многих...».¹⁵ У самого Кони такой исход дела вызывал обоснованные опасения. На оптимистическое замечание одного из свидетелей оправдания: «Это самый счастливый день русского правосудия!» Кони ответил: «Вы ошибаетесь, это самый печальный день его».¹⁶

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Карпиленко, *Дело Веры Засулич*, 42.

¹⁵ Кони, *Воспоминания о деле Веры Засулич*.

¹⁶ Волгин И., *Последний год Достоевского* (М., Советский писатель, 1986), 38.

Плохие предчувствия были не только у него. Сотрудник «Северного вестника» попытался наперёд защитить институт суда присяжных: *«Нет сомнений, — писал он, — что найдутся люди, которые будут уверять, что благотворный закон, допускающий свободное участие общественной совести в деле суда, не должен действовать долее. Найдутся люди, которым неприятен в этот единственный клапан, через который общество может беспрепятственно соприкоснуться с общественной властью. Скажем прямо: такой вывод из вчерашнего процесса был бы в высшей степени прискорбной и трудно поправимой ошибкой. При нынешнем общественном настроении только умножение числа таких благоприятных клапанов, а не упразднение единственного существующего в настоящее время, может привести общество к нормальным условиям жизни»*.¹⁷

Одним из непосредственных следствий оправдания Веры Засулич было то, что подобные дела уже больше никогда не выносились на суд присяжных.

Часть газет воспринимали процесс Веры Засулич как свидетельство общего неблагополучия государственной системы. В «Северном вестнике» можно было прочесть: *«Всем и каждому не по себе, никто не чувствует себя обставленным нормально. ... Только открытое и честное преследование произвола и насилия во всех их проявлениях может удовлетворить и успокоить общество»*.¹⁸ Известный русский публицист Григорий Градовский писал: *«Хочется верить что дело Веры Засулич оставит след в нашей внутренней жизни, что это тот кризис, тот перелом, который так обычен в тяжких болезнях, эта та желанная, хотя и тяжёлая минута, с которой начинается выздоровление»*.¹⁹

Не удивительно, что подобные реакции вызвали «строгие» меры правительства. 6-го апреля редакции «Северного вестника» и «Русского обозрения» были закрыты, другие газеты получили предупреждения.²⁰

¹⁷ *Северный вестник*, по. 90 (1878).

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Голос*, по. 92 (1878).

²⁰ Карпиленко, *Дело Веры Засулич*, 43-44.

Российские консерваторы считали оправдание Веры Засулич началом всех дальнейших бед и признаком нездоровой реакции общества. «Здорово ли общество, в котором возможны подобные явления?», – спрашивали «Московские ведомости». ²¹ Консервативный публицист князь Мещерский в своих воспоминаниях писал: «Торжественное оправдание Веры Засулич происходило как будто в каком-то кошмарическом сне... Никто не мог понять, как могло состояться в зале суда самодержавной империи такое страшное глумление над государевыми высшими слугами и столь наглое торжество крамолы; но в то же время в каком-то летаргическом оцепенении все молчали, и никто не смел громко протестовать...». «Во всяком случае, – добавляет Мещерский, – выстрел Засулич послужил началом для ряда политических преступлений, уже не прерывавшихся до самого 1881 г.». ²²

Известна попытка Достоевского примирить явную вину Засулич с не менее явными смягчающими обстоятельствами ее дела и найти решение, позволяющее освободить Засулич, но не снимавшее с нее тяжесть совершенного. По воспоминаниям Градовского, Достоевский рассуждал так: «Осудить нельзя, наказание неуместно, излишне; но как бы ей сказать: „Иди, но не поступай так в другой раз“ „Нет у нас, кажется, такой юридической формулы, – добавил Достоевский, – а чего доброго, ее теперь возведут в героини,»». ²³

Тревожные предчувствия были и у Л. Н. Толстого, который в одном из своих апрельских писем 1878 г. писал: «... для Засулич же Трепов и другие – злые животные, которых можно и должно убивать, как собак. И это уже не возмущение, а это борьба. Все те, которые оправдали убийцу и сочувствовали оправданию, очень хорошо знают, что для их собственной безопасности нельзя и не надо оправдывать убийство, но для них вопрос был не в том, кто прав, а кто победит. Все это, мне кажется, предвещает много несчастий и много греха». ²⁴

²¹ *Московские ведомости*, по. 89 (1878).

²² Мещерский В. П., *Мои воспоминания* (М., Захаров, 2003), 517..

²³ Вацуро В. Э., Гей Н. К., Елизаветина Г. Г., Макашин С. А., Николаев Д. П., Тюнькин К. И., eds., *Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников в двух томах. Том второй* (М., Художественная литература, 1990), 233.

²⁴ Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений. Том 62* (М., Государственное издательство художественной литературы, 1953), 409, 411.

Действительно, выстрел и оправдание Веры Засулич не только показали народникам «выход» из тупика хождения в народ, не только позволили им заметить явное сочувствие общества и аргументы, которыми пользовались их защитники и они сами на последующих судебных процессах. Аргументы, смягчавшие вину Веры Засулич, как бы отрывались от конкретных обстоятельств ее дела и превращались в универсальное оправдание любого террора.²⁵ Факт, что именно процесс Веры Засулич стимулировал первые идеологические и моральные обоснования террористической деятельности. В заключение приведу отрывок из написанной в марте 1879 года статьи Н. А. Морозова «Значение политических убийств»: *«Политическое убийство – это прежде всего акт мести. Только отомстив за погубленных товарищей, революционная организация может прямо взглянуть в глаза своим врагам; только тогда она поднимается на ту нравственную высоту, которая необходима деятелю свободы для того, чтобы увлечь за собой массы. Политическое убийство – это единственное средство самозащиты при настоящих условиях и один из лучших агитационных приемов»*.²⁶

²⁵ Баранов, «Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века», 181-191.

²⁶ Морозов Н. А., «Значение политических убийств», in *Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый* (М., Археографический центр, 1997), 413-414.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ (1866–1917)

Благодетелева Е. Д.

научный сотрудник

Лаборатория социально-исторических исследований

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

eblagodeteleva@hse.ru

ABSTRACT: The paper delivers a piece of research on Bar Associations in the Russian Empire between 1866 and 1917, laying particular stress on the usage of traditional social vocabulary such as “estate”, “dignity” or “morals” in order to establish professional identity among Russian lawyers.

KEYWORDS: Professions, identity, lawyers, estate, dignity, morals

Профессиональная идентичность в представленной работе определяется как самопонимание, выработанное индивидом в результате участия в определенных типах социальных практик, затрагивающих базовые аспекты повседневной жизни, связанные с трудовой деятельностью. Выбор в качестве объекта исследования профессиональной группы адвокатов обусловлен тем, что адвокатура была единственной в Российской империи профессией, удовлетворявшей основным критериям классической англо-американской модели профессионализма, что открывает широкие перспективы для последующего сравнительного анализа.

Вначале необходимо сказать несколько слов о текущей историографической ситуации, сложившейся вокруг изучения адвокатуры в Российской империи. Обращаясь к отечественной и зарубежной историографии, следует отметить, что изучение истории этой профессии берет свое начало в мемориальной традиции самой адвокатуры, представители которой в свое время создали впечатляющие и до настоящего времени непревзойденные описания собственной профессии. Сложность работы с данными описаниями заключается в том, что они существуют в «серой зоне» между историческим источником и историографическим нарративом, включая в себя как элементы научного анализа, так и явные черты политики памяти.

Советская академическая историография долгое время по понятным причинам институционального и идеологического характера оставалась безразличной к изучению адвокатуры как правового феномена, социального института и социальной группы. Время от времени адвокатская практика и личности выдающихся дореволюционных адвокатов представляли в качестве фонового сюжета в исследованиях революционного движения и революционной борьбы при последних трех императорах. В постсоветский период интерес к изучению дореволюционной адвокатуры несколько возрос, о чем свидетельствует появление специальных исследований, касающихся общественно-политической деятельности выдающихся представителей профессии, и ряд хорошо фундированных научных биографий.

Однако проблемы формирования и функционирования адвокатуры как профессиональной группы до настоящего момента не привлекают серьезного внимания со стороны отечественных исследователей, оставаясь «вотчинной» западных историков-русистов. В свою очередь для западной историографии, с одной стороны, вовлеченной в активные методологические дебаты вокруг социологии профессий, с другой – унаследовавшей многие предпосылки и интерпретации, характерные для российской эмигрантской мысли, проблема социальных и культурных оснований института адвокатуры является ключевой.

Особое место среди корпуса западной академической литературы занимает статья Дж. Бэрбанк, опубликованная в 1995 г.¹ Это исследование, посвященное анализу дисциплинарной практики Московского совета присяжных поверенных, делает особый акцент на изучении специфической конструкции властных отношений внутри и между отдельными частями адвокатской корпорации, а также на сопровождающем эту конструкцию особом социальном языке описания. В качестве основного исторического источника исследовательницей используются постановления Московского совета по дисциплинарным делам, возбужденным между 1904 и 1910 гг.

Разбирая этот внушительный массив дисциплинарных производств, Дж. Бэрбанк приходит к следующим выводам. Дисципли-

¹ Burbank Jane, "Discipline and Punish in the Moscow Bar Association," *Russian Review* 54, no. 1. (January 1995), 44–64.

нарная власть советов открывала для элиты адвокатуры широкие возможности управления поведением, внешним видом и, в конечном счете, идентичностью рядовых членов корпорации, то есть позволяла применять к индивидам те дисциплинарные практики, которые неоднократно описывались в работах М. Фуко и его последователей. Однако, стремясь к установлению современного режима дисциплины (*governmentality*), лидеры корпорации использовали для достижения своих целей отнюдь не современные методы. В ходе дисциплинарных разбирательств Московский совет открыто апеллировал к моральным принципам наравне с принципами правовыми и рассматривал поддержание и упрочение нравственного достоинства присяжной адвокатуры как основную задачу своей дисциплинарной практики². Причем «достоинство» рассматривалось членами совета исключительно в качестве коллективного феномена, что неоднократно подчеркивалось применением к профессиональной корпорации термина «сословие». Таким образом, за фасадом современных практик дисциплинирования лежала вполне традиционная модель морального коллективизма и «сословная парадигма» сознания (Г. Фриз)³.

Поскольку сделанные Дж. Бэрбанк наблюдения до сих пор не утратили своей актуальности, представленная работа ставит своей целью еще раз взглянуть на профессиональную культуру и профессиональную идентичность присяжной адвокатуры сквозь призму понятий «сословие», «достоинство» и «нравственность». В качестве источниковой базы в статье использованы материалы законодательства (2-е издание судебных уставов 1864 г.), публицистические труды лидеров присяжной адвокатуры, отчеты Московского совета, содержащие описания дисциплинарных производств, а также сборник докладов комиссии Московского совета по вопросу о совмещении занятия адвокатурой с другими видами деятельности.

Однако прежде чем приступить к обсуждению указанных тем, необходимо кратко охарактеризовать общую траекторию развития института адвокатуры. Следует начать с того, что в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. адвокатской практикой

² Burbank, "Discipline and Punish in the Moscow Bar Assotiation", 63.

³ Burbank, "Discipline and Punish in the Moscow Bar Assotiation", 52–53.

занималось несколько социальных групп, в той или иной степени близких к современному пониманию профессии. Наиболее профессионализированной частью данного социального контингента являлась присяжная адвокатура, за ней следовала полу-профессиональная частная адвокатура, замыкала список непризнанная адвокатура «из подполья».

Присяжная адвокатура была учреждена в ходе судебной реформы 1864 г. и представляла собой совокупность локальных корпораций, территориально совпадавших с вновь вводимыми судебными округами, но не подчинявшихся административному контролю министерства юстиции. Согласно основным положениям судебных уставов на присяжных поверенных возлагались функции судебной защиты и судебного представительства, причем, данные функции одновременно рассматривались и как право, и как обязанность присяжных адвокатов.

Поступление в присяжную адвокатуру было обставлено рядом условий: лица, стремившиеся к званию присяжного поверенного, должны были окончить курс юридических наук в высшем учебном заведении и в течение пяти лет состоять на службе по судебному ведомству или проходить стаж под руководством практикующего адвоката⁴. Соответствие указанным критериям подтверждало наличие у претендента достаточного объема теоретических и практических знаний, необходимых для отправления обязанностей присяжного поверенного.

Проживающие в одном судебном округе адвокаты образовывали локальную корпорацию, наделенную правами самоуправления, органами которого являлись общие собрания поверенных округа и избираемые этими собраниями постоянно действующие коллегиальные органы – советы. Последние были наделены по отношению к локальным корпорациям достаточно широкими административными и дисциплинарными полномочиями. В ведении советов находились прием в корпорацию, рассмотрение жалоб на действия присяжных поверенных и дисциплинарный надзор над ними⁵.

⁴ *Судебные Уставы 20 Ноября 1864 г., С Изложением Рассуждений На Коих Они Основаны: Официальное Издание Государственной Канцелярии*, ч. 3 (СПб., 1867), ст. 354.

⁵ *Судебные Уставы*, ст. 367.

Дисциплинарные разбирательства возбуждались на основании прошений клиентов, отношений судебных мест, заявлений присяжных поверенных о действиях своих коллег или о собственных действиях, или по почину советов. Решения, принимаемые по результатам дисциплинарных производств, имели различные последствия для «подсудимых»: от простого словесного внушения, сделанного «старшими товарищами» по профессии, до исключения из числа присяжных поверенных с последующим пожизненным запретом на адвокатскую практику⁶.

При этом административная и дисциплинарная власть советов не являлась абсолютной. Решения относительно несоответствия кандидата формальным критериям приема и дисциплинарные постановления советов могли быть опротестованы в апелляционном порядке в судебной палате как высшей инстанции судебного округа⁷. Постановления палат, в свою очередь, не подлежали дальнейшей апелляции, однако, в законодательстве была предусмотрена возможность подачи кассационной жалобы на принятое решение в Правительствующий Сенат⁸.

Первые профессиональные корпорации присяжной адвокатуры были образованы в 1866 г. в Санкт-Петербурге и Москве. Через восемь лет корпоративная организация заработала в округе Харьковской судебной палаты. Однако после открытия в 1874 г. Харьковского совета образование новых органов самоуправления было приостановлено вплоть до конца 1904 г., когда присяжным поверенным Новочеркасского, Казанского, Одесского, Саратовского, Иркутского и Омского судебных округов было разрешено собраться для избрания собственных советов⁹.

В 1874 г. наряду с присяжной адвокатурой в Российской империи была введена другая институциональная форма адвокатской практики, так называемая частная адвокатура. Обнародованный 25 мая

⁶ Судебные Уставы, ст. 368.

⁷ Судебные Уставы, ст. 376.

⁸ *Высшие и Центральные Государственные Учреждения России. 1801-1917 гг.*, ч. 1 (СПб.: Наука, 1998), 119.

⁹ Гессен Иосиф, *История русской адвокатуры, 1864-1914: Адвокатура, общество и государство* (М., 1914), 442.

1874 г. закон о частных поверенных предоставлял право хождения по делам третьих лиц в общих и мировых судебных установлениях не только присяжным поверенным или родственникам тяжущихся¹⁰, но любому правоспособному лицу, получившему специальное свидетельство от той судебной инстанции, где рассматривается дело¹¹.

В отличие от присяжного адвоката частным поверенным мог стать человек, не получивший высшего юридического образования, однако, прошедший специальное испытание в том судебном месте, от которого за определенную плату получал свидетельство на право хождения по делам. Частные поверенные не обладали правом корпоративного самоуправления и были напрямую подчинены судебным установлениям в административных и дисциплинарных вопросах. Подобная ситуация до некоторой степени сближала положение частной и присяжной адвокатуры в тех областях империи, где не были введены новые судебные установления или была заблокирована организация органов корпоративного самоуправления присяжных поверенных.

Далее основное внимание будет уделено динамике профессиональной культуры и профессиональной идентичности присяжных поверенных, однако, следует иметь в виду, что для рассматриваемого процесса существование частной адвокатуры представляло собой критически важный и оказывающий постоянное влияние контекст.

По-видимому, одним из первых случаев официального употребления термина «сословие» применительно к присяжной адвокатуре являлись подготовительные материалы Государственного совета, опубликованные в качестве разъяснений к положениям судебных уставов. Согласно этим разъяснениям, новое «сословие», опираясь на право отбора кандидатов и право надзора над действующими присяжными поверенными, должно было представлять собой «верное ручательство нравственности, знания и честности». Поскольку адвокатура как неотъемлемый элемент новой системы правосудия, несла на себе частичную ответственность за ее функционирование, учреждаемый надзор не мог сводиться исключительно к защите

¹⁰ Судебные Уставы, ст. 389.

¹¹ Полное Собрание Законов Российской Империи, XLIX, 1874, № 53573.

доверителей от произвола присяжных адвокатов, но должен был способствовать «водворению и поддержанию между поверенными чувства нравственной ответственности перед правительством и обществом»¹².

Таким образом, тесная связь между представлением об общественной функции адвокатуры, идей коллективной моральной ответственности и корпоративным/сословным статусом была непосредственным порождением эпохи подготовки судебной реформы. Впоследствии этот смысловой комплекс неоднократно использовался лидерами присяжных поверенных в качестве готового штампа не только для обоснования претензий на высокий социальный статус представляемой ими группы, но и для расширения границ внутрикорпоративного дисциплинарного контроля.

Одним из первых и наиболее влиятельных высказываний, задеиствовавших понятие «сословие» для обоснования социальной привилегированности присяжной адвокатуры, стала широко известная работа К.К. Арсеньева «Заметки о русской адвокатуре»¹³. Рассуждая о введении института частных поверенных, автор и многолетний председатель Санкт-петербургского совета проводил четкую демаркационную линию между «органическим целым» сословия присяжных поверенных и частными поверенными как механической совокупностью «отдельных частиц». Причем органичность, сословность и корпоративность выступали в его тексте взаимозаменяемыми понятиями, отсылающими к идее социальной общности, складывающейся на основании «обычаев и традиций, самоуправления и нравственной солидарности»¹⁴.

Следует отметить, что сформулированная Арсеньевым мысль примечательна не только попыткой инструментализации понятия «сословие», но и лежащей в основе всего рассуждения органической метафорой. Не менее ярким примером того же типа метафоризации являлась речь, произнесенная в честь К.К. Арсеньева, другим корифеем санкт-петербургской адвокатуры В.Д. Спасовичем: «По

¹² Судебные Уставы, ст. 354.

¹³ Арсеньев Константин, *Заметки о русской адвокатуре: обзор деятельности Санкт-Петербургского Совета присяжных поверенных за 1866-1874 г* (СПб., 1875).

¹⁴ Арсеньев, *Заметки о русской адвокатуре*, 11–12.

чувству самосохранения мы изобрели и возложили на себя вериги самой строгой, самой беспощадной дисциплины, вследствие которой мы не колеблясь жертвуем своим вкусом, своими мнениями, своею личной свободой тому, что изречет громада – великий человек. Это подчинение особого рода не физическому человеку, не людям, а началу, себя лично себе же самому с безличной громадской стороны рассматриваемому, есть такая великая и дивная сила, которая способна совершать чудеса и которую ощущаешь только тогда, когда она из нас исходит»¹⁵.

Метафора добровольного подчинения «самому себе», абсолютизированному в лице профессионального сообщества («громады»), позволяет понять то, как лидеры присяжной адвокатуры видели внутреннюю динамику профессиональной группы, а также ту роль, которую должны были играть в этой динамике дисциплинарные практики. В предложенной системе координат индивидуальное достоинство присяжного поверенного отчуждалось в пользу корпоративной квазиличности, следовательно, дисциплинарный надзор корпорации превращался в самоконтроль, а дисциплинарный суд товарищей в суд над самим собой. То есть озвученная Спасовичем логика функционирования и развития корпорации предполагала замещение практик внешнего дисциплинирования практиками самодисциплины или технологиями самости¹⁶.

О том, насколько хорошо данная логика усваивалась рядовыми членами корпорации, свидетельствуют дисциплинарные разбирательства по проступкам присяжных поверенных. С одной стороны, очевидно, имела место абсолютная невосприимчивость к транслируемым элитой корпорации ценностям и символам, что подтверждается не только периодическими прегрешениями присяжных поверенных против интересов своих клиентов, но и преступлениями против самой корпорации (наиболее вопиющий случай – кража корпоративной кассы одним из присяжных адвокатов¹⁷). С другой

¹⁵ Спасович Владимир, *Речи* (Лейпциг, 1903), 86.

¹⁶ Michel Foucault, *Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault* (Tavistock, 1988), 18.

¹⁷ *Отчет Совета Присяжных Поверенных Округа Московской Судебной Палаты*, вып. 39 (М., 1906).

стороны, нельзя отрицать наличие некоторых признаков того, что урок, пусть частично, но все-таки был усвоен. Свидетельством тому являются дисциплинарные дела, возбужденные по докладам присяжных поверенных о собственных действиях.

В дисциплинарных делах Московского совета подобных прецедентов немного, однако, регулярность их возникновения и однотипность содержания заставляет обратить особое внимание на этот вид дисциплинарных производств. Суть большинства докладов сводится к описанию ситуаций, когда личному достоинству адвоката был нанесен ущерб действиями третьих лиц, не связанных с корпорацией. В большинстве случаев речь шла о клеветнических отзывах в прессе, но иногда жалобы поступали на личные словесные оскорбления или оскорбления действием¹⁸. Подавляющее большинство таких дел заканчивалось резолюциями совета, подтверждавшими правильность поведения присяжных адвокатов с точки зрения норм корпоративной нравственности. Поскольку все постановления по дисциплинарным делам, хотя и без указания имен действующих лиц, публиковались в ежегодных отчетах советов, присяжные поверенные, искавшие защиты своей чести у корпоративного суда, получали публичное подтверждение своей моральной чистоплотности, помимо всего прочего свидетельствующее и о том, насколько эти поверенные преуспели в практике самодисциплины.

Важным аспектом внутрикорпоративных практик дисциплинирования являлось расширение сферы корпоративного дисциплинарного контроля на частную жизнь присяжных поверенных. И если вторжения в область владения и распоряжения имуществом или семейных отношений были единичны, то ограничения на побочные, приносящие доход, занятия являлись общим местом. Как правило, в качестве основного аргумента против совмещения адвокатуры с другими видами деятельности выдвигался тезис о том, что индивидуальное достоинство присяжного адвоката, уже не являвшееся полностью индивидуальным, могло в значительной мере пострадать от соприкосновения с иными оплачиваемыми

¹⁸ *Отчет Совета Присяжных Поверенных Округа Московской Судебной Палаты*, вып. 18 (М., 1884); *Отчет Совета Присяжных Поверенных Округа Московской Судебной Палаты*, вып. 49 (М., 1915).

обязанностями, выходящими за рамки дисциплинарной власти советов¹⁹.

Контраргумент, апеллировавший к невозможности всем присяжным поверенным обеспечить себе достойный заработок исключительно адвокатскими занятиями, вызывал со стороны «наиболее уважаемых членом сословия» резкую отповедь, суть которой сводилась к утверждению о том, что присяжная адвокатура ни в коей мере не является филантропическим учреждением. Напротив, ее задача как общественного института заключается в «выполнении известного назначения при отправлении правосудия», как профессиональной корпорации – в «самовоспитании и поднятии общего нравственного уровня»²⁰. Следует отметить, что такая демонстративная незаинтересованность в материальных аспектах профессиональной деятельности не была отличительной чертой российских адвокатов, их зарубежные коллеги в равной мере демонстрировали более пристальное внимание к вопросам социального статуса, чем материального вознаграждения²¹.

Подводя итог, следует отметить, что смысловой комплекс «сословие – нравственность – достоинство» был сформулирован деятелями судебной реформы и использовался лидерами присяжной адвокатуры для достижения двоякой цели. С одной стороны, он служил обоснованию привилегированного статуса профессиональной группы присяжных поверенных. С другой стороны, выступал в качестве дисциплинирующего механизма, призванного на основании секулярной диалектики личного и общественного сформировать у представителей адвокатуры специфические практики самодисциплины, укорененные в устойчивой самоидентификации с профессиональной группой.

¹⁹ Доклады По Вопросу О Совмещении Звания Присяжного Поверенного С Другими Должностями И Занятиями (М., 1888).

²⁰ Доклады По Вопросу О Совмещении Звания Присяжного Поверенного С Другими Должностями И Занятиями, 15–16, 28.

²¹ Burrage Michael, *Revolution and the Making of the Contemporary Legal Profession: England, France, and the United States* (Oxford: Oxford univ. press, 2006), 14–15.

IDEAS OF *PROGRESS* AT TURN OF THE CENTURY RUSSIA: S. N. BULGAKOV

ALEXANDRA MEDZIBRODSZKY

PhD student

Central European University, Budapest, Hungary

Medzibrodzsky_Alexandra @phd.ceu.edu

ABSTRACT: The article highlights the significance of the discussions in Russian intellectual history on the nature of *progress*. The importance of the issue of *progress* is due to its close interconnectedness to other concerns of the Russian intelligentsia about modernization, Russian national identity and the meaning of history. S.N. Bulgakov's ideas on *progress* present one puzzle of a – yet underresearched – larger picture of the ideas surrounding *progress* in a Russian context.

KEYWORDS: progress, S.N. Bulgakov, Marxism, idealism, positivism, intelligentsia, intellectual history

While there is still time, I hasten to protect myself, and so I renounce the higher harmony altogether. It's not worth the tears of that one tortured child who beat itself on the breast with its little fist and prayed in its stinking outhouse, with its unexpiated tears to 'dear, kind God'! It's not worth it, because those tears are unatoned for. They must be atoned for, or there can be no harmony. But how? How are you going to atone for them? Is it possible?

(Dostoevsky: *The Brothers Karamazov*)

The idea of *progress* in Russia

Progress is a foreign word in Russian that entered the language during the reign of Peter the Great. *Progress* is a peculiar word as it invokes overlapping semantic fields: civilization, modernization, history, backwardness etc. All of these concepts had and have a central role in Russian intellectual and political discourse throughout the centuries as part of a discussion about Russia's past, present and future. We tend

to think about *progress* as a profoundly Western European term, but its echo in other parts of the world, Russia included, might have been even more profound than in the West where it was born. As Andrzej Walicki phrased it, “[i]t is no exaggeration to say that in nineteenth-century Russian thought the idea of progress was even more central and pronounced than in West European or American thought of the Victorian Age.”¹

There are several, overlapping reasons for Russia’s obsession with the idea of *progress*, Walicki identifies three main issues: Russia’s backwardness and the “deeply felt need of modernization”; the close connection of progress and “the question of national identity”; the intelligentsia’s interest in the “search for the meaning of history”.² We can see that in all of these factors the “West” or “Europe” (as an entity in the imagination of Russians) served as a crucial *relation point* and, undoubtedly, these issues, to a certain extent, remained *relevant* until today. Behind these issues there is the looming shadow of the recurring question: where is Russia’s place? Europe or Asia? And what models of social and economic development should be followed?

The number of works specifically dealing with the history of *progress* in Russian context is relatively low. Western historiography produced such comprehensive works as *The Idea of Progress* by John B. Bury or the *History of the Idea of Progress* by Robert Nisbet which works attempted to look at the context and discourses this concept appeared in and the transitions it went through, but they focused on Western, mainly German, French and British intellectual history. There are two rare examples which explicitly deal with the idea of progress in Russian history, both of them were produced by German scholarship. The first one is an article published in the *Historische Zeitschrift* in 1996 by Christoph Schmidt with the title *Aufstieg und Fall der Fortschrittsidee in Russland* (*The Rise and Fall of the Idea of Progress in Russia*).³ Schmidt gives an interesting

¹ Walicki, Andrzej, “Russian Philosophers of the Silver Age as Critics of Marxism” In: *Russian Thought after Communism: The Recovery of a Philosophical Heritage*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1994. 81.

² *Ibid.*, 81-82.

³ Schmidt, Christoph, “Aufstieg und Fall der Fortschrittsidee in Russland.” *Historische Zeitschrift*, 1996, p. 1–30.

overview of the idea of *progress* from the appearance of the word until, roughly, to the birth of the Soviet Union. However, his discussion only scratches the surface⁴ and it does not emphasise the importance of this concept in Russian history; therefore, it can serve only as a solid starting point. Another researcher who devoted time to this topic is Reinhard Lauer, who as part of conference in 2001, *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit* (*Russian Conceptual History of the Modern Times*), dealt with the specific question of *progress* in Russian history. His article⁵ on the subject differentiates four phases of the idea of *progress* within the broader history of Russia: 1) Enlightenment period: from Peter the Great to Alexander I; 2) The “revolutionary democrats”: second half of the 19th century; 3) The Modern “progress” discourse: from 1890 – 1914; 4) The Soviet doctrine of “progress”. The categorization is not indisputable, but potentially, for the time being, applicable to my discussion as a framework. My research focus will be more or less the third period.

S. N Bulgakov and the idea of *progress*

By presenting S.N. Bulgakov’s ideas about progress, admittedly, I present only a very small part of the whole story. The space limits of this article does not allow me to make even a draft of the main ideas in Russia about *progress*, the precedents to Bulgakov, but I believe it is worth to present his ideas without the larger, chronological context and to contribute with one puzzle to the picture of *progress* throughout Russian history. Bulgakov is a fascinating figure, as his life, similarly to Russia, was characterized by radical *turning points*: “from Marxism to idealism, from idealism to religious philosophy, from religious philosophy to the church proper and then to theology.”⁶ This path of turning points is peculiar to Bulgakov, but there was a general tendency among Russian intellectuals

⁴ For instance, he completely ignores S.N. Bulgakov’s ideas about progress.

⁵ Lauer, Reinhard. “Progress” – der russische Fortschritt.” In: *Russische Begriffsgeschichte Der Neuzeit: Beiträge Zu Einem Forschungsdesiderat*. Bausteine Zur Slavischen Philologie Und Kulturgeschichte, n.F., Bd. 50. Köln: Böhlau, 2006. 269-280.

⁶ Evtuhov, Catherine. *The Cross and the Sickle: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 45.

in the beginning of the twentieth century to turn to idealism, for instance Nikolai Berdyaev is the most well-known such figure.

Bulgakov was born in a provincial priest family in 1870, in Livny (Orel province).⁷ After parish school, he entered the seminary in Orel and was supposed to continue with the family tradition and become a priest. However, as many of his contemporary seminarists, he lost his faith and quit the seminary. He finished his education in a secular gymnasium and in 1890 entered the Moscow University to study political economy and law. In the end of the century “Marxism became the dominant ideology of the Russian intelligentsia”⁸ and Bulgakov was also among its adherents. As a political economist, he wrote several works about Marxism, but for the purposes of our article it will be the *criticism* of Marxism in his works after the turn of the century that will be of greater relevance.

Bulgakov turned to idealism from Marxism in the beginning of the twentieth century. He, among other representatives of the Russian intelligentsia, felt that Marxism cannot give the answers to the “vexed questions” that were constantly hovering before the eyes of the Russian intelligentsia. These questions were deeply *ethical* and were aimed, for instance, at the meaning of human existence, the end’s of progress: “man asks and cannot not ask not only the *how* (*как*), but also the *what*, the *why* (*почему*) and the *what for* (*зачем*).”⁹ Obviously, this was also due to the *fin de siècle* atmosphere in other parts of Europe, in which nineteenth century’s heyday of positivism came to an end and intellectuals searched for ways to define the *new man* who emerged as a consequence of modernization. They felt the narrowness of the positivistic worldview as community was slowly transforming into society and new developments such as Einstein’s relativity theory or Freud’s ideas about the unconscious radically and irreversibly altered the world as they knew it. The individual and its place in society became a question of paramount importance. However, in the dominating Marxist framework, the individual was

⁷ See detailed biography in Evtuhov, *The Cross and the Sickle*. Also see autobiographical works by Bulgakov: *С. Н. Булгаков: pro et contra*. Том 1. Eds. by Игорь Евлампиев. Русский путь. Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2003. 63-158.

⁸ Walicki, *Critics of Marxism*, 83.

⁹ Булгаков, Сергей Николаевич. «Основные проблемы теории прогресса» In: *От марксизма к идеализму: сборник статей, 1896-1903*. Общественная польза, 1903. 115.

too insignificant, individuals were degraded to “mere algebraic signs or geometric figures”,¹⁰ for those who became interested in metaphysical questions – the Marxist framework had to be overcome.

Criticism of the theory of *progress*

Two works in particular show Bulgakov’s turn from Marxism to idealism at the turn of the century. One of them was originally a lecture delivered on 21 November 1901 at the university in Kiev under the title «Иван Карамазов, как философский тип» (Ivan Karamazov as a philosophical type) and which had an enormous success.¹¹ The other one was a lengthy, theoretical article, «Основны́е проблемы теории прогресса» (Fundamental Problems of the Theory of Progress), published in the collection of the so called “idealist credo” of that period: «Проблемы идеализма» (Problems of Idealism). Apart from Sergei Bulgakov, other prominent contributors to the collection were for instance Nikolai Berdyaev, Semen Frank, Petr Struve. Pavel Novgorodtsev summarized the motivation and the aim of the collection in the foreword:

The contemporary turn to philosophy is not the fruit of a single theoretical curiosity: not abstract interests of the mind, but primarily complicated questions about life and a deep need for moral consciousness move forward the problems of the due moral ideals. But, addressing that school which does not want to know anything else apart from experience [опытные начала], we are convinced that they are not able to solve this important and for us dear question. We are searching for absolute commandments and principles...¹²

By reading these works, it becomes evident that when Bulgakov criticised the theory of *progress* – his target of criticism was Marxism. He

¹⁰ Mendel, Arthur P. *Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal Marxism and Legal Populism*. Harvard University Press, 1961. 51.

¹¹ Evtuhov, *The Cross and the Sickle*, 49.

¹² *Манифесты русского идеализма: Проблемы идеализма, Вехи, Из глубины*. М.: Астрель, 2009. 20.

explicitly stated that though there might be other versions of the theory of *progress*, historically socialism “is the most important and, at least in our day, almost the only common theory of progress.”¹³ In fact, Bulgakov concluded at the end of his article in «Проблемы идеализма» that Marxism is the “most clear version of the theory or religion of progress”, though, he sees its strength not in its “scientific, but in its utopian elements, not in his science (*наука*) but in its faith (*вера*).”¹⁴ Bulgakov arrived at this conclusion after a thorough analysis of the theory of *progress*. Firstly, he looked at three commonly emphasised goals of the theory of *progress* (and pointed out their defects from his point of view): the growing happiness of humanity; the strive for perfection of humanity and the creation of conditions for the free development of the individual (*личность*).

Bulgakov identified as one of the possible goals of *progress* “the highest possible increase of happiness (*счастие*) among the highest possible number of people”. However, if we talk about the *growth* of happiness we have to be able to measure it somehow and this is exactly what is highly problematic: “it is not possible to find a unit to measure joy and sorrow”¹⁵, happiness is too individual for this statistic matters. Furthermore, the issue of happiness as a goal is connected to an even deeper and more comprehensive ethical problem: the *justification of suffering* in the present by constantly referring to the happiness of future generations:

The suffering of one generation is presented as a bridge to the happiness of others; one generation should suffer for some reason so that the other can be happy, they have to “manure the soil of the future harmony” by their sufferings, as Ivan Karamazov uttered it. But why does Ivan has to sacrifice himself for Peter’s future happiness and does not Ivan as a human individual, from that point of view, have also the right for happiness as future Peter?¹⁶

¹³ Булгаков, Сергей Николаевич. «Иван Карамазов, как философский тип» In: Булгаков, Сергей Николаевич. *От марксизма к идеализму: сборник статей, 1896-1903*. Общественная польза, 1904. 105.

¹⁴ Булгаков, Сергей Николаевич. «Основные проблемы теории прогресса» In: Булгаков, Сергей Николаевич. *От марксизма к идеализму: сборник статей, 1896-1903*. Общественная польза, 1904. 115.

¹⁵ *Ibid.*, 132-3.

¹⁶ *Ibid.*, 136.

To put it even more bluntly, Bulgakov adds that: "[o]ur descendants are vampires, drinking our own blood".

Bulgakov claims also that among the goals of *progress* in the positivist worldview we can find the constant and endless *strive for perfection* (*усовершенствование*) of humanity. Bulgakov explains that this goal of constant perfection presupposes "an ideal". The strive for perfection is *endless*, therefore, it cannot be achieved "inductively, by experience". In other words, claiming strive for perfection by humanity as one of the goals of *progress* steps out of the world of experience, of positivism, and enters the area of *metaphysics*.

The third commonly held goal of *progress* received similar criticism from Bulgakov. In his interpretation, the free development of the individual is equal to "Kant's ethic about the autonomy of moral life, about the self-legitimacy (*самозаконность*) of will in choosing between good and evil." He developed his argument by asking: "Is there some kind of a connection between causality (*причинность*) and necessity (*долженствование*) and between the corresponding principles of determinism (*необходимость*) and freedom (*свобода*) and which of them is the primary?"¹⁷ Bulgakov firmly believed that these questions will always be asked by humanity, it will be always the subject of its interest, these questions will not disappear and they can be addressed only by way of "metaphysical synthesis." All in all, Bulgakov argued that all of the so called goals of *progress* cannot be interpreted within the narrow positivist framework, all of them is "knocking on the door of metaphysics".¹⁸

Transforming the theory of progress – the metaphysics of history

Bulgakov continued his discussion with the issue of the *meaning of history* and *progress*. He claimed that the "first and foremost task" of the theory of *progress* is to show that "history has a sense" that it is "not only evolution, but it is also progress" and, thus, history becomes the "development of a higher reason which is transcendent and immanent

¹⁷ Ibid., 139-140.

¹⁸ Ibid., 139.

to history at the same time.”¹⁹ He believed that it is right to posit this task and it is unavoidable for the philosophising mind which does not want “to see history as only a dead causal relationship.”²⁰ However, the “philosophy of history” should be called the “metaphysics of history” as it can be tackled only within a *metaphysical framework*. Bulgakov wrote that the metaphysics of history expresses two problems: the problem of theodicy, i.e. “the possibility and the meaning of evil in history and in human life”; and the problem of the “basic substance of history, or of the task that is fulfilled by historical humanity.” History was in his interpretation the eternal fight of good and bad and the categorical imperative, the moral law within people impel us to always and everywhere want good, in other words this law orders us “to want *progress*.”²¹

He gives a concise summary of what the theory of *progress* means for him and it is worth quoting it in its entirety:

...the basic tenets of the theory of progress are the following: moral freedom of the human individual [*человеческая личность*] (freedom of will) as a condition for autonomous moral life; absolute value of the individual and ideal nature of the human soul capable of endless development and strive for perfection; absolute reason [*разум*], guiding the world and history; moral world order, or the realm of moral ends; good seen not only as a subjective idea, but also as an objective and powerful principle.²²

Bulgakov’s conclusion is that these tenets are also a constitutive part of *Christian* theism and “the teaching about progress is really a specifically Christian doctrine”. Thus, the theory of progress is *not discarded*, but *reinterpreted*: the goals of *progress* are in fact outside of its positivist sphere of competence and its source of strength is not its scientific methods, but actually nothing less than a “*religious faith*”, but a faith that is sneaking silently, clandestine.”²³ As Evlampiev highlighted,

¹⁹ Ibid., 141.

²⁰ Ibid., 142.

²¹ Ibid., 145-6.

²² Ibid., 147-8

²³ Ibid., 128.

Bulgakov's conclusion "does not "humiliate" the theory of *progress*, but, on the contrary, it allows it to become a truly important component of our life"²⁴ or as Valliere pointed out Bulgakov "rejected faith in progress only to embrace a progressive Christian faith."²⁵

Ivan Karamazov as a *Russian* philosophical type

Sergei Bulgakov's engagement with the idea of progress is also a good demonstration of the connection of the topic with the question of Russian national identity. In his lecture of Ivan Karamazov, he does not only interprets Ivan as a philosophical type, but as a *truly Russian* philosophical type and as a representative of the Russian intelligentsia: "Ivan is a Russian intelligent, from head to toe, his addiction with universal questions, his proclivity to protracted discussions, with [his] constant self-analysis, with his sore, tormented conscience."²⁶ Even more explicitly, in contrary to the German philosophical type, Faust, Ivan is "completely occupied but ethical problems" and indifferent "to other problems of philosophy, for instance, to the theory of knowledge."²⁷

Conclusions

S. N. Bulgakov's criticism and reinterpretation of the theory of *progress* though constitutes only a small part of the rich discussions on *progress* from the turn of the century, it is a highly *emblematic* one and we find similar transitions from Marxism to idealism accompanied by similar – though not identical – "criticisms of other representatives of the reli-

²⁴ Евлампиев, Игорь, «Религиозный идеализм С.Н. Булгакова: «за» и «против»
In: С. Н. Булгаков: *pro et contra*. Том 1. Edited by Игорь Евлампиев. Русский путь.
Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2003. 17.

²⁵ Valliere, Paul. *Modern Russian Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov: Orthodox Theology in a New Key*. Grand Rapids, Mich: Eerdmans, 2000. 237.

²⁶ Булгаков, *От марксизма к идеализму*, 109.

²⁷ Ibid., 110.

gious philosophy of that era (Berdyayev, Frank, Struve etc.)”²⁸ Bulgakov’s works which were discussed here also conspicuously demonstrate some of the factors that Walicki identified as crucial motives behind Russia’s engagement with the idea of *progress*: “the question of national identity” and “the search for the meaning of history”. It hints at the significant role the idea of *progress* played in general in Russian thought and serves as a motivation for further research on themes and debates, turns and twists surrounding this idea in Russian history.

²⁸ Евлампиев, Игорь. *История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта* (комплект из 2 книг). Алетея, 2000. 317.

Ученые и государственная власть в Российской империи в конце XIX – начале XX века на примере гуманитарных наук

Тихонов В. В.

кандидат исторических наук

Институт российской истории Российской академии наук,

Москва, Россия

tihonovvitaliy@list.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the problem of interaction between a community of scholars in the Humanities and the state authorities in the Russian Empire in end of XIX–the early years of the XX century. The article focuses on the question whether it is appropriate to compare Russian scientists with the German “mandarins”, described in the book by Fr. Ringer “The decline of the German mandarins”. The following aspects are analyzed: the mechanisms of influence of Imperial authority on scientific and pedagogical community, the common ground of their interests, political mood of scientists, their social practices etc.

KEYWORDS: «Немецкие мандарины», ученые, бюрократия, императорская власть, гуманитарные науки

Взаимоотношение власти и ученых в Российской империи начала XX в. – проблема, решение которой позволяет осмыслить особенности развития российской науки и механизмы ее функционирования. В современной историографии можно обнаружить две диаметрально противоположных концепции. Первую можно квалифицировать как конфронтационную. По ней основная масса ученых придерживалась ярко выраженных демократических воззрений и вместе со студенчеством являлась форпостом прогрессивной общественности в борьбе с царским режимом. Вторая, наоборот, делает акцент на тесном взаимодействии императорской власти и корпорации ученых, их своеобразном симбиозе. Последняя точка зрения приобретает все большее распространение именно в последнее время.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6)

Очевидно, что толчком к развитию «концепции симбиоза» стала популяризация в России классической книги историка Фр. Рингера «Закат немецких мандаринов» (опубликована в США в 1969 г., русское издание вышло в 2008 г.). В ней автор описывает феномен немецких мандаринов – ученую и преподавательскую элиту Германской империи первой трети XX в., являвшуюся, по сути, образованными чиновниками на службе государству.

По Рингеру, мандарины – это особый социокультурный феномен, возникающий в определенных условиях места и времени при переходе от аграрного общества к индустриальному. Его характерными чертами являлись: 1) высокий социальный статус образованного слоя, его фактическая замкнутость; 2) тесная связь науки и действующей власти, выражавшаяся в подготовке в университетах квалифицированных чиновников и идеологической поддержке профессурой действующей власти, что не отменяет сохранение ряда противоречий между ними; 3) самым распространенным политическим мировоззрением среди ученых является либерал-национализм, сочетающий идею «правового государства» идеологическое обоснование имперских амбиций власти; 4) защита идеи чистой науки, что не противоречило идеям особой культурной миссии науки в обществе; 5) национал-либерализм и культ чистой науки в свою очередь порождали антиутилитаризм, социальный снобизм, антидемократизм и антисемитизм. Необходимо подчеркнуть, что симбиоз между немецкой профессурой и императорской властью стал возможен в результате социального контракта, гарантировавшего германским университетам автономию. Немаловажно и то, что немецкие профессора стали «идеологическим фундаментом» Второго Рейха, сыграв решающую роль в «мобилизации интеллекта» в годы Первой мировой войны.

Возникает закономерный вопрос: насколько описанный Фр. Рингером социально-исторический типаж является универсальным. Сразу же после выхода книги многие историки науки отметили, что проанализированный в ней феномен – отнюдь не является уникальным немецким явлением¹. Многие черты, свойственные немецким

¹ Александров Д.А., «Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории», в Фр. Рингер, *Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933* (Москва: Издательство Новое литературное обозрение, 2008), 601-602.

мандаринам, обнаруживались в других западноевропейских странах и даже в США. Но вправе ли мы говорить о феномене мандаринов применительно к России? Попробуем в этом разобраться.

Сравнение немецких мандаринов и российской интеллектуальной элиты будет проведено на примере представителей гуманитарных наук. Это тем более правомерно, что Фр. Рингер основывал свои исследования на анализе именно ученых-гуманитариев. Сразу необходимо оговориться, что связь власти и гуманитариев проявляется заметно ярче, чем в случае с представителями естественнонаучных дисциплин.

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи проходил переход от аграрного общества к индустриальному, произошедший несколькими десятилетиями ранее в Германии, хотя в России этот процесс и был значительно менее динамичен. По наблюдениям Фр. Рингера, в случае медленной индустриализации, проходящей под контролем государства, интеллектуалы могут сосредоточить внимание на правах образованного класса. Нечто подобное и наблюдалось в России.

К концу XIX – началу XX в. российская университетская система структурно очень напоминала германскую. Это неудивительно, поскольку немецкие университеты являлись образцами для остальной Европы. Именно в Германию устремлялось большинство российских гуманитариев на стажировку. Правительство считало, что германские университеты не заражены революционным духом, поэтому русские стажеры не окажутся подвергнуты разлагающему влиянию.

В гуманитарных науках (истории, филологии, юриспруденции и т.д.) государственная власть видела источник воспитания патриотизма, политической лояльности и канализации революционных настроений. В то время как естественные дисциплины считались источником инакомыслия. Целые направления гуманитарных наук (антиковедение, славяноведение, история права, византиноведение и т.д.) развивались при активной финансовой и административной поддержке власти, считавшей их формой легитимации внутренней и внешней политики. Тесная связь наблюдалась между властью и таким активно развивавшимся научным направлением, как востоковедение. Именно востоковеды научно обосновывали особую миссию

Российской империи в Азии, вольно или невольно подталкивая ее имперские амбиции².

Считая университеты потенциальными рассадниками оппозиционного духа, правительство стремилось сформировать лояльную профессорско-преподавательскую среду. Для этого использовались различные инструменты: как поощрения, так и наказания. С юридической точки зрения профессура являлась частью привилегированного чиновничества³. При вступлении в должность профессура приносила присягу Императору⁴. Ее представители работали в рамках действовавшего Университетского устава.

Конечно же, необходимо подчеркнуть, что многие профессора придерживались более или менее либеральных воззрений и поддерживали идею реформирования государства. Но их радикализм не стоит преувеличивать: абсолютное большинство из них были в целом лояльны власти и предпочитали действовать в рамках закона⁵. Для других наука была гораздо важнее, чем общественно активная позиция. Недаром филолог-классик И.И. Толстой (младший) вынужден был записать: «Представители официальной науки у нас, в массе, либеральные и просвещенные чиновники, не больше...»⁶.

Созданию лояльной среды всячески способствовала и политика Министерства. Университетский устав 1884 г. подводил юридический фундамент под такую политику. На кафедры и деканские должности назначались лояльные, преимущественно консервативные ученые. Устройство университетской науки содержало множество фильтров для неблагонадежных. Одним из важнейших являлись уче-

² Тольц Вера, «Собственный Восток России»: *Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и ранесоветский период* (Москва: Новое литературное обозрение, 2013), 52.

³ Иванов А.Е. и Кулакова И.П., «Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв.», в *Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов*, под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013), 116.

⁴ Смирнов А.С., *Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX–начала XX века)* (Москва: Институт археологии РАН, 2012), 127.

⁵ Формозов А.А., «Заметки о русской интеллигенции 1940–2000 годов», в *А.А. Формозов Статьи разных лет* (Курск: Курский медицинский университет, 2008), 8.

⁶ Смирнов, *Власть и организация археологической науки в Российской империи*, 126.

ные степени. Без наличия таковой практически невозможно было найти работу в университете.

Большая часть претендентов отсекалась еще на стадии «оставления к подготовке к профессорскому званию». Согласно циркуляру от 10 ноября 1883 г. бывшие участники студенческих беспорядков и лица политически неблагонадежные не допускались к «профессорскому стипендиатству»⁷. Впрочем, к началу XX в. эта норма часто не действовала, и находились многочисленные способы ее обойти.

Защита диссертации не всегда являлась пропуском в университетскую корпорацию. Здесь приоритет чаще отдавался политически благонадежным магистрам и докторам. Об этом свидетельствует Н. И. Кареев, защитивший в Московском университете в 1884 г. докторскую диссертацию, но так и не получивший места в родном для него учебном заведении. «...Моя надежда получить с докторской степенью вакантную ординатуру разлетелась, когда, по воле начальства, я, доктор своей науки, был два раза обойден в пользу других, бывших только магистратами, но зато пользовавшихся репутацией благонамеренности»⁸, - вспоминал историк.

Но, несмотря на указанное стремление сформировать лояльную среду, отношения власти и университетского сообщества не были безоблачны. Главным камнем преткновения являлся вопрос университетской автономии. Модель университета, перенесенная из Европы на русскую почву, предполагала его заметную внутреннюю независимость от власти. В свою очередь правительственная бюрократия стремилась поставить под контроль университетскую жизнь, считая университеты рассадниками вредных для существующего строя идей. Здесь даже самые проправительственные ученые зачастую открыто выражали свое неприятие действиям властей. Например, историк В.И. Герье, в начале XX в. примкнувший к октябристам, активно выступал против попыток власти ущемить университетские свободы⁹.

⁷ Иванов А.Е., *Ученые степени в Российской империи XVIII-1917 г.* (Москва: Институт российской истории РАН, 1994), 85.

⁸ Кареев Н.И., *Прожитое и пережитое* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990), 165.

⁹ Цыганков Д.А., *Профессор В. И. Герье и его ученики* (Москва: РОССПЭН, 2010), 49-52.

Самой громкой историей начала XX в., связанной с вмешательством правительства в университетские дела, стали события 1911 г. Тогда в знак протеста против действий министра просвещения Л.А. Кассо в отставку подали 131 сотрудников Московского университета, примерно треть его профессорско-преподавательского состава. Ситуация раскола мир ученых на две части. Одни оказались среди уволившихся или открыто сочувствующим им, другие осудили или не одобрили этот шаг.

Л.А. Кассо нарушил своими действиями, посягнув на автономию университета, негласное (а после 1905 г. и вполне юридически оформленное) соглашение между властью и научно-преподавательским корпусом. Поэтому эта фигура особой популярностью не пользовалась даже в среде консервативных ученых. Например, историк С.Ф. Платонов, настроенный монархически, бурно радовался слухам об отставке министра¹⁰.

Но события 1911 г. продемонстрировали и еще одну черту менталитета научно-педагогического корпуса. Его представители считали, что политические страсти не должны мешать нормальному ходу преподавательской и научной работы. Многие сотрудники смотрели на преподавание как на государственное или общественное служение. А для многих эти понятия были тождественны¹¹. Очевидно, что такая система взглядов снижала радикализм и социальную активность большей части и предопределяла их конечный компромисс с властью.

Важным центром научно-исторических исследований являлась Императорская Академия наук, расположенная в Санкт-Петербурге. Контроль власти за академией был еще большим, чем за университетами. Ее работа осуществлялась на основе устава 1836 г., в котором указывалось, что члены Академии находятся под «особым высочайшим покровительством». Выбранные в члены академии

¹⁰ Ростовцев Е.А., «Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века», Родина. 2010. *Спецвыпуск: Образование в России: вчера, сегодня, завтра*: 51.

¹¹ Ермолаев Ю.Н., «Ректор Московского университета М.К. Любавский», в *Академик М.К. Любавский и Московский университет* (Москва: Издательство Московского университета, 2005), 145.

ученые утверждались императором, который одновременно являлся почетным академиком. Академию долгое время (с 1889 по 1915 гг.) возглавлял великий князь Константин Константинович. Государство финансировало Академию, создало систему научных премий, привлекало ее сотрудников к решению вопросов государственного управления¹².

Историки-члены Академии специализировались на исследовании древности и археографической деятельности. Уже сама постановка исследовательской проблематики, отдаленной от современности и поэтому считающейся политически безвредной, делала академическую жизнь аполитичной (во всяком случае, внешне).

Большую роль в научной и просветительской жизни страны играли многочисленные общества, преимущественно гуманитарной направленности. Современные исследования наглядно показывают, что между научными обществами и государственной властью существовала устойчивая связь. Общества стремились заручиться моральной и финансовой поддержкой властных структур, а власть видела в них полезный социальный институт, возможность направить политическую активность в умеренное русло культурной работы. Но связь эта была противоречивой, а взаимоотношения не всегда безоблачными. Научные и просветительские общества постепенно приобретали квазиполитические функции, заполняя вакуум в реальной политике¹³.

В исторических обществах власть видела особенно эффективных проводников патриотического знания, инструмент народного самопознания. Но, как и в других случаях, влияние обществ было неоднозначным с точки зрения правительства. В особенности это касалось исторических обществ, возникших на национальных окраинах. Так, украинские общества рассматривались как рассадник украинофильства и потенциальный источник местного национализма.

¹² Берлявский А.Г., «Высшее образование и наука в России (1890-1900 годы): традиционные «места знания»,» в *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х-1930-е годы)* (Москва: Новое литературное обозрение, 2012), 14.

¹³ Бредли Дж., *Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество* (Москва: Новый хронограф, 2012), 84.

Особенностью работы обществ являлось то, что они часто становились объектом покровительства со стороны высокопоставленных чиновников. Нередко их почетными членами являлись представители императорской фамилии. Это давало серьезный административный ресурс, позволяло добиваться получения субсидий. Так, великий князь Константин Константинович покровительствовал Московского археологического общества. Граф Д.А. Толстой, занимавший посты министра просвещения (1866-1882 гг.) и министра внутренних дел (1882-1889 гг.), был почетным членом Петербургского археологического института, президентом Императорской Академии наук. Член Государственного совета А.А. Половцев более десяти лет работал секретарем Русского исторического общества, настоящим лидером которого стал великий князь Николай Михайлович. Интересовался историей и Николай II¹⁴. Феномен патроната распространялся не только на общества, но личности ученых¹⁵.

Тем не менее, нередко возникали конфликты даже со старейшими и консервативными объединениями. Например, в середине XIX в. возник скандал с публикацией, предпринятой Обществом истории и древностей Российских, сочинений англичанина Дж. Флетчера, оставившего критические заметки о России времен Ивана Грозного. Власти трижды запрещали их издание под предлогом того, что они порочат прошлое страны и православной церкви¹⁶.

Несмотря на этот инцидент, Общество демонстрировало повышенную лояльность по отношению к власти, рассчитывая на субсидии и покровительство. Иногда это приводило к громким скандалам, когда отдельные его члены считали, что действия Общества нарушают этические нормы, сложившиеся в научном сообществе. Так, в 1905 г. его председателем был выбран министр просвеще-

¹⁴ Куликов С.В., «Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений», в *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е-начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003), 60-63.

¹⁵ Kaplan Vera, «Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival», *Revolutionary Russia*, Vol. 26, No. 2, 2013: 97-127.

¹⁶ Чесноков В.И., *Правительственная политика и историческая наука России 60-70 годов XIX века: исследовательские очерки* (Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989), 43-55.

ния В.Н. Глазов, пообещавший увеличить Обществу правительственную субсидию вдвое. Почетный председатель Общества В.О. Ключевский в знак протеста подал в отставку. А после того, как в 1912 г. почетным членом избрали другого министра просвещения, прославившегося своим «разгромом» Московского университета, Л.А. Кассо, член общества А.А. Кизеветтер покинул его ряды¹⁷. В то же время описанные инциденты наглядно показывают устойчивую практику Общества привлекать в свои ряды высокопоставленных чиновников для извлечения из этого материальной и административной выгоды.

Несмотря на вышесказанное, научные общества становились элементом процесса становления гражданского общества. В то же время, по замечанию историка Дж. Бредли, «гражданское общество развивалось успешнее всего именно тогда, когда избегало вмешательства в политическую деятельность, которая напрямую угрожала верховной власти»¹⁸. Любопытно отметить, что научные общества, пережившие в последней четверти XIX в. бурный рост, пользовались покровительством императора Александра III, который видел в этом реализацию идеи «народного самодержавия»¹⁹.

Власть использовала различные рычаги влияния на деятельность научно-просветительских обществ. Спектр был достаточно широк: от репрессивных до поощрительных. Сюда входило и административное вмешательство, и цензура, и денежные дотации, и даже морально-политическая поддержка, выражавшаяся, например, в присвоении обществу статуса Императорского²⁰. По верному наблюдению А.С. Смирнова, императорская власть не стремилась мелко контролировать содержание научной деятельности обществ, довольствуясь лояльностью организаций к правящему режиму²¹.

Итак, тесная связь между российскими учеными и властью вполне очевидна. Но с немецкими мандаринами их сближали и менталь-

¹⁷ Туманова А.С., *Общественные организации и русская публика в начале XX века* (Москва: Новый хронограф, 2008), 124.

¹⁸ Туманова, *Общественные организации и русская публика*, 89.

¹⁹ Смирнов, *Власть и организация археологической науки*, 71.

²⁰ Смирнов, *Власть и организация археологической науки*, 77.

²¹ Смирнов, *Власть и организация археологической науки*, 80.

ные черты. Так, немецкие мандарины с пренебрежением смотрели на предпринимательские профессии. Сходные взгляды можно обнаружить и в среде русских ученых. Правда, нужно учитывать, что такое отношение скорее характерно для выходцев из духовного сословия, которых было немало, особенно среди историков (В.О. Ключевский, М.К. Любавский, М.М. Богословский), где с детства воспитывалось отрицательное отношение к «стяжательству». Однако в начале XX в. в среду историков-профессионалов пришли новые «хозяева жизни»: «окультуренные» поколения выходцев из купеческих фамилий и предпринимательских кругов. К ним можно, например, отнести С.В. Бахрушина, Ю.В. Готье.

Еще одной отличительной чертой немецкого «мандарина» является его приверженность «чистому знанию» и фундаментальному университетскому образованию. В этом аспекте влияние немецкой школы особенно сильно сказалось на русских ученых. С одной стороны именно гуманитарии оказались в авангарде массовизации образования в России. Достаточно вспомнить деятельность В.И. Герье и К.Н. Бестужева-Рюмина по организации высших женских курсов. С другой стороны, можно найти свидетельства того, что модель элитарного университета казалась многим предпочтительнее. Ведь она более соответствовала их представлению о том, что высшее учебное учреждение должно воспитывать фундаментально образованных, высококультурных членов общества (по факту – элиты), а не давать образование для утилитарных целей.

Еще одним пунктом, совпадающим у российских ученых и их немецких коллег, являлся широко распространенный антисемитизм. Все превратности национального происхождения испытал на себе известный античник С.Я. Лурье. Он даже написал горько-ироничное стихотворение: «...Но зачем вам быть евреем? / Быть евреем – и публично / Это очень неприлично...»²². Тем не менее, нельзя говорить о полной закрытости для евреев университетских кафедр – для достаточно было сменить вероисповедание.

На основании всего вышеописанного может сложиться мнение о тождестве между немецкими «мандаринами» и их российскими

²² Лурье Я.С., *История одной жизни* (Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004), 55.

коллегами. В отечественной историографической традиции этому выводу мешает устоявшееся представление о либеральном мировоззрении русской профессуры. Однако многочисленные примеры показывают, что либерализм, во-первых, не был повсеместно распространенным политическим мировоззрением, а во-вторых, отнюдь не мешал сотрудничеству с властью. Главное не в этом. В Германии симбиоз власти и науки базировался на социальном контракте, по которому государство являлось гарантом университетских свобод. Именно этого «контракта» не существовало в России. Именно за него боролось абсолютное большинство профессорско-преподавательского корпуса, именно в этом источник их оппозиционности. В остальном же научно-педагогическая среда была вполне лояльна. Думается, что в дальнейшем такой контракт был бы заключен – может быть даже на более либеральных условиях, чем это было в Германии, так что можно было бы смелее рассуждать о феномене «российских мандаринов». Но этому помешала революция.

Итак, говорить о феномене «российских мандаринов», несмотря на совпадение многих черт, не приходится. В то же время и конфронтационная модель объяснения явно неправомерна. Представляется, что метафора Дж. Брэдли «нестабильное партнерство»²³, примененное им по отношению к взаимодействию власти и научных обществ, здесь уместнее всего.

²³ Брэдли, *Общественные организации в царской России*, 425.

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И КОЛЛЕКТИВИСТСКИЕ УСТАНОВКИ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РАННИЕ 1910 ГГ.

Гельвих А.В.

магистрант

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

sashahellwig@gmail.com

ABSTRACT: The article discusses the relationship between individualistic and collectivist values in the Russian socialist ideology in the last years of the “long 19th century”, that is, the beginning of 1910. The author attempts to identify the values which underlie the ideological constructions of both parts of the socialist movement - the populist one (narodnitchestvo) and the social-democratic one. An overview is given of the differences between them, concerning the issue of individualistic and collectivistic, and their nature is analyzed.

KEYWORDS: Индивидуализм, коллективизм, идеология, этика, народники, социал-демократы, публицистика

Изучение полемики вокруг категорий личности и коллектива в среде российской революционной левой начала 20 века представляется нам крайне важным для понимания как идейной эволюции, так и политической практики социалистических партий. Актуальность изучения их идейного развития связана не только с необходимостью критического переосмысления устоявшихся интерпретаций, характерных для историографических традиций прошлого века, но и с потребностью в исследовании тех аспектов этого развития, которые традиционно оказывались вне фокуса внимания историков. Среди них – ценностные установки, лежащие в основании идеологических построений российских социалистов.

Установка на монизм, характерная для интеллектуальной культуры России рассматриваемого периода, выражалась в стремлении к конструированию мировоззренческих систем, в которых, по сло-

вам В. М. Чернова, «вся совокупность человеческих норм – как теоретических, так и практических, как логических так и этических – должна быть охвачена в едином синтезе»¹. В таких синтетических теоретических конструкциях, соединяющих актуальные политико-идеологические позиции с привлекаемыми для их обоснования научными и философскими аргументами, вопрос о личности и общественности поднимался на разных уровнях аргументации: философском (онтология, гносеология), этическом, научном (экономика, социология), наконец, собственно политико-идеологическом. Проблематика персональности, таким образом, распадалась на ряд вопросов, взаимосвязь между которыми не всегда осознавалась (а в ряде случаев и прямо отрицалась) социалистическими авторами. Поэтому постановка вопроса, предполагающая концептуальное объединение разных теоретических уровней в рамках общей проблемы неизбежно несет на себе отпечаток презентистского подхода.

В данной работе нас интересует прежде всего *ценностно-этический* аспект проблемы личности и коллектива постольку, поскольку аксиологические установки понимаются как оказывающие влияние на политическую практику.

Первая половина 1910-х – последние годы «долгого 19 века» – особый период в интеллектуальной истории России. Это последние годы «мирного» развития общественного движения: Первая мировая война, а затем и события 1917 года надолго исключили многие общетеоретические вопросы из числа актуальных и активно обсуждаемых.

Важнейшим событием общественной жизни Российской империи рубежа 1900–1910 гг. стал выход в марте 1909 года сборника «Вехи», инициировавшего беспрецедентную по своему масштабу полемику в центре которой оказались особенности этоса российской радикальной интеллигенции. Именно в полемике с «Веховской» критикой, социалистическими теоретиками были предприняты важнейшие попытки разрешения проблемы личности и коллектива.

Появление «Вех» стало кульминацией тех кризисных для радикальной интеллигентской традиции явлений, которыми отмечены годы после поражения революции 1905-1907 гг.. «Пока еще в пу-

¹ Чернов В. М., «Этика сентиментальная и этика научная», «Заветы» (май 1913): 120.

блицистике еще шли споры о том, кто виноват» – писал М. Гершензон, - «и партии с пеной у рта уличали друг друга в ошибках, за их спиной произошло нечто неожиданное: слушатели понемногу разбрелись, оставляя спорщиков одних»².

Наиболее остро последствия кризиса ощущались в партии социалистов-революционеров, где общие тенденции к снижению политической активности вошли в резонанс с кризисными явлениями внутри самого движения. Разоблачение в 1908 году провокаторской деятельности Е. Азефа и публикация в 1909 г. романа В. Ропшина (Б. Савинкова) «Конь бледный» нанесли серьезный ущерб расхожим представлениям о моральном облике революционеров-подпольщиков как нравственно совершенных борцов за народное дело. Опасное распространение стало, с подачи оппонентов из марксистского лагеря, получать представление о теоретической ветхости, неактуальности основ народнического мировоззрения. «Ни одного из базисов социально-экономического мировоззрения, которое называлось народничеством, больше не существует...» - писал марксистский публицист Н. Суханов, - «а «народничество» существует, ведет активную борьбу и требует для себя самостоятельного места на «жизненном пиру»»³. В этих условиях перед эсеровскими идеологами встала острая необходимость ревизии и актуализации партийной идеологии.

Задачи модернизация мировоззрения, основы которого были заложены идеологами народничества в конце 19 в., делали необходимым постоянное обращение к их наследию. Наследие русской субъективной, или, как ее еще называли, этико-социологической школы П. А. Лаврова и Н. К. Михайловского, определяло общие определяло в общих чертах понимание проблемы личности и коллектива в неонародническом лагере.

«Субъективная школа» провозглашала отказ от аксиологической нейтральности общественных наук, а устанавливала свой идеал ученого - не отстраненного наблюдателя, а нравственной,

² Бердяев Н., Булгаков С., Гершензон М. и др., *Вехи: Сб. ст. о рус. интеллигенции*, (М. Новости, 1990., Репринтное издание 1909 г.), 94.

³ Цит. по Чернов В. М., «Дела и дни. Упразднение народничества», «Заветы», (май 1914): 88.

вовлеченной в политическое противостояние личности. Необходимость преодоления ценностной «стерильности» позитивизма была основанием для методологического субъективизма Лаврова и Михайловского, сопряженного с характерным для них пониманием личности как абсолютной, самодовлеющей ценности, которая, по словам близкого к эсерам публициста И. К. Брусиловского «никогда не должна быть принесена в жертву; она свята и неприкосновенна»⁴.

Сформулированный Н. К. Михайловским «субъективный метод» заключался в утверждении принципиальной недостижимости объективности в общественных науках, из чего выводилось требование экспликации ценностных установок исследователя. Другой характерной особенностью субъективного метода была установка на сопереживание, эмпатию, что роднило его с «понимающей социологией» М. Вебера: «при объяснении действий людей мы должны представлять их мысли и чувства в виде собственных мыслей и чувств»⁵.

Приоритет интересов личности над интересами коллектива там, где они вступают в противоречие, Н. К. Михайловский обосновал в рамках своей теории «борьбы за индивидуальность», сформулированной в одноименной работе 1875 года⁶. Рост разделения труда понимался им как обязательный атрибут прогресса (для обоснования чего привлекалась прежде всего аргументация из сферы эволюционной биологии). Михайловский утверждает, что в человеческом обществе прогресс может идти двумя путями – через развитие целого (и специализацию между отдельными социальными группами, что приводит к социальному неравенству) с одной стороны, или через развитие каждой отдельной личности – с другой. Интересы общества и личности неизбежно вступают в противоречие друг с другом: общество стремится к объективации личности, старается

⁴ Гарденин Ю., Юрьев Б., Авксентьев Н. и др., «Вехи» как знамение времени (М., 1910), 165.

⁵ Михайловский Н. К., «Об истине, совершенстве, и прочих скучных вещах», в *Сочинения Н. К. Михайловского* (СПб, 1881), Т. 3, 976, С. 152–153.

⁶ Михайловский Н. К., «Борьба за индивидуальность», в *Сочинения Н. К. Михайловского*, Т. 1 (СПб.: 1896), 422–594.

превратить ее в социальную функцию; личность же, в противостоянии этому давлению, развивается и обретает субъектность.

Важнейшим фронтом идеологической «реконкисты», попытку которой предприняли эсеровские публицисты, стала борьба против «веховства». Одна из статей полемика сборника «Вехи как знамение времени» (1910) – «К вопросу о личности и общественности» И. К. Брусиловского⁷, была специально посвящена поиску теоретического разрешения вопроса о личности и коллективе.

В качестве отправной точки для своей критики, Брусиловский выбирает положение, сформулированное в предисловии к «Вехам» М. Гершензоном в качестве общей платформы участников сборника. Гершензон постулирует «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общесития, в том смысле что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия, и что она, а не самодовлеющие начала общественного строительства является единственным прочным базисом для всякого общественного строительства»⁸. Идеология интеллигенции же, напротив, «всецело покоящаяся на противоположном принципе - на признании безусловного примата общественных форм, представляется участникам книги внутренне ошибочной... и неспособной привести к той цели, которую ставила себе сама интеллигенция, - к освобождению народа»⁹.

Обвиняя Гершензона в невнимательном отношении к истории критикуемой им традиции, постулировавшей методологический и ценностный индивидуализм еще в конце 70-первой половине 80-х годов 19 века, Брусиловский утверждает, что в вопросе о личности платформа «Вех» «не только терминами, но и отчасти конструкцией своей удивительно напоминает другую платформу, которая привлечена в качестве обвиняемой»¹⁰.

Переходя от критики «Вех» к формулированию собственных теоретических позиций, Брусиловский полагает как «факт, непосред-

⁷ Брусиловский И. «К вопросу о личности и общественности», в Гарденин Ю., Юрьев Б., Авксентьев Н. и др. «Вехи» как знамение времени (М., 1910), 145–174.

⁸ Вехи: Сб. ст. о рус. интеллигенции, 4.

⁹ Вехи: Сб. ст. о рус. интеллигенции, 4.

¹⁰ «Вехи» как знамение времени, 140.

ственно данный и в опыте, и в сознании», что «физической точкой скрещения «бестелесных» общественных нитей... является живая, конкретная личность»¹¹, утверждая, тем самым, эту «волевою инициативную единицу», в качестве отправной точки любых теоретических построений. Брусиловский выступает против рассмотрения личности в оптике характерного для марксистов социального детерменизма как *quantite negligible*, как простого эпифеномена социальных практик, так как «ни государством, ни классом, ни какой-бы то ни было иной социальной схемой не будет она прикрыта без остатка»¹².

Разделяя установку основоположников субъективной школы на ценностный примат индивидуального перед коллективным, Брусиловский дополняет эту максиму указанием на то, что «формы общежития как таковые не могут считаться внешними уже по одному тому, что в них есть содержание, которое личность всасывает с момента своего появления на свет Божий»¹³. Таким образом, противопоставление «личности» и «общественности», субъективного и объективного Брусиловский видит теоретически и практически бесплодным. Радикальная интеллигенция «практически осуществляла слияние этих двух начал, грудью пробивая дорогу «освобождению народа»... «Теоретически» - она превозмогла противоречие тех же начал там, где это превозмогание наиболее ценно – в глубинах познающего и в то же время активного духа»¹⁴.

Таким образом, позитивная часть аргументации Брусиловского сводится к трем основным положениям: во-первых к *утверждению (в традициях школы субъективной социологии) ценностного приоритета личности над общественностью*; во-вторых – к указанию на *некорректность теоретической изоляции и противопоставления индивидуального и коллективного начал*; и в третьих – на апологию радикальной интеллигентской традиции политической борьбы, как *средства достижения высшего самоутверждения личности через деятельное изменение общественных порядков*.

¹¹ «Вехи» как знамение времени, 160.

¹² «Вехи» как знамение времени, 160.

¹³ «Вехи» как знамение времени, С. 170.

¹⁴ «Вехи» как знамение времени, 171.

В рамках модернизации народнической идеологии к наследию русской субъективной школы на протяжении первой половины 1910-х гг. неоднократно обращался В. М. Чернов, один из лидеров и виднейший идеолог партии социалистов-революционеров. В статье, опубликованной во втором номере нового эсеровского направленного журнала - «Заветов», важнейшей задачей текущего момента он провозглашал своего рода идэйную «инвентаризацию»: «если мы хотим для себя извлечь все возможные выгоды даже из периодов торжества самой мрачной реакции, то мы должны в такие периоды производить пересмотр всех наших взглядов, переоценку всех ценностей»¹⁵.

Цикл программных статей Чернова в первых номерах «Заветов» был посвящен реабилитации этической аргументации в политической полемике. Выступая как против этического индифферентизма «вульгаризаторов, сводящих социализм исключительно к материальной проблеме, суживающих его всесторонне эмансипационное значение для всей жизни духа, для гармонического развития всех человеческих потенций»¹⁶, так и против морального атомизма моралиста Толстого, находившего «разрешение нравственной проблемы – в простом, естественном, органическом суммировании индивидуальных подъемов на нравственную высоту»¹⁷, Чернов развивает характерное для субъективной школы представление о моральной личности, для которой «понятие о личном совершенствовании определяется общественным идеалом»¹⁸.

Финальную статью цикла «Этика и политика» В. М. Чернов завершает своеобразным манифестом об отношениях между партийным целым и составляющими его частями: «Целое должно, конечно, считаться с разнообразием единичных мнений, с различием склонностей, способностей, темпераментов отдельных членов... И каждый отдельный человек, и весь коллектив должны помнить, что формальная логика, так важная в области теории, в практической деятельности, быть может, менее важна, чем полнота и ненаруши-

¹⁵ Чернов В. М., «Этика и Политика», «Заветы», (февраль 1912): 59.

¹⁶ Чернов В. М., «Этика и Политика», «Заветы», (март 1912): 104.

¹⁷ Чернов В. М., «Этика и Политика», «Заветы», (март 1912): 93.

¹⁸ Чернов В. М., «Этика и Политика», «Заветы», (февраль 1912): 84.

мость психологической связи между членами коллектива... *Партия, которая рассчитывает в будущем, путем устранения классового господства и самих классов, свести к минимуму элемент принудительности в обществе, должна начать с самой себя и сводить по возможности к минимуму тот элемент нравственного принуждения, к которым неразлучно майоризирование меньшинства большинством.* И обратно, меньшинство и отдельная личность должны не менее ценить как формальное, так и внутреннее, моральное единство движения в целом»¹⁹.

Если, для «этического социализма» субъективной школы и ее последователей на протяжении начала 20 в. проблематика, связанная с категорией личности была в числе важнейших теоретических тем, то в *социал-демократической публицистике ранних 1910-х годов мы практически не встретим непосредственного к ней обращения.* На протяжении первой половины 1910-х гг. мы не найдем у марксистских авторов ни одной попытки комплексного разрешения данной проблемы, подобных работам И. К. Брусиловского и В. М. Чернова.

Теоретические установки, сформулированные лидерами марксистской публицистики сформулированные лидерами марксистской публицистики во второй половине 1890-х гг. в ходе полемики с народниками, оставались актуальными и в начале 20 века. Среди них особое место занимали установки, заданные Г. В. Плехановым в работе «О роли личности в истории» (1898). Проблематика персональности вытесняется из числа актуальных теоретических вопросов социал-демократии, и затрагивается исключительно в рамках полемики с представителями других идеологических направлений: народничества и либерализма.

Традиционным для социал-демократического дискурса являлось обвинение народников в смешении двух несовместимых видов аргументации – описательного и нормативного, общественнонаучного и деонтологического. Противопоставляя в своей статье «Кризис в народничестве» теоретический эклектизм последователей Михайловского, стоящих «не на почве материалистического понима-

¹⁹ «Чернов В. М., «Этика и Политика», «Заветы», (июль 1912): 95.

ния исторических процессов, а на почве субъективных методов»²⁰ позитивистскому и научному мировоззрению самих марксистов, «основывающих свои надежды не на весьма шатких субъективных пожеланиях, а на совершенно определенных и непреложных законах исторического развития»²¹, меньшевистский публицист Е. Гутковский лишь повторяет другими словами диагноз Г. В. Плеханова: «субъективисты завязли в болоте дуализма»²². Сама само использование этических категорий воспринималась лагере социал-демократии как попытка перевести дискуссию из плоскости актуальной, предельно конкретной политической полемики в сферу туманной метафизики. «Вопрос затемняют те, кто соглашается ставить его а-la «Вехи» в терминах противоположения «индивидуализма» «альтруизму» и т. п. Политический смысл этих фраз яснее ясного: это - поворот против демократии, это - поворот к контрреволюционному либерализму»²³ – пишет В. И. Ленин в 1912 г.

Внимание к «личности» и связанным категориям становится для социал-демократов своего рода маркером чуждого мировоззрения, понимается как принадлежность эклектичного, принципиально непроященного, метафизического категориального аппарата их оппонентов.

Отсутствие теоретического интереса к этической постановке проблемы личности и коллектива, однако, не означало исключения самих терминов, связанных с категориями индивидуализма и коллективизма из категориального аппарата социал-демократии. Марксистская философия истории, идея классовой борьбы как двигателя социального прогресса обуславливали однозначное именно коллективистского ориентира (в общественнонаучном, а не в ценностном смысле) в социал-демократической картине мира. Промышленный пролетариат понимался как стихийный носитель коллективистской психологии.

²⁰ Маевский Е., «Кризис в народничестве», «Современный мир», (сентябрь 1912): 21; Плеханов Г. В., «О роли личности в истории», в *Избранные философские произведения в 5 тт.*, Т. 2., (М.: Соцэкгиз, 1956), 321.

²¹ Маевский, «Кризис в народничестве», 217.

²² Плеханов, «О роли личности в истории», 308.

²³ Ленин В. [И. В.], «Еще один поход на демократию», «Правда», (№ 109), (5 сентября 1912).

Представлению о коллективизме пролетариата противопоставлялось не менее устойчивое представление об интеллигенции, как носительнице индивидуализма. «Интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, именно индивидуализмом и неспособностью к дисциплине и организации... в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату...»²⁴. А. Богданов выводил эту особенность интеллигенции из особенностей производства нематериальных благ, ибо деятельность его, как и у ремесленника, «протекает в индивидуалистической форме»²⁵.

За этим противопоставлением скрывалась коллизия классового состава самой социал-демократической партии²⁶.

Таким образом, различия во взглядах на проблему личности – коллектива в российской социалистической идеологии в начале 1910-х гг. не носили характера различного теоретического решения одинаково понимаемой проблемы. Схема, предполагающая убывание индивидуалистических (и, соответственно, рост коллективистских) установок при движении «справа-налево» левого сегмента политического спектра (либеральные народники – эсеры – меньшевики – большевики), не может быть признана удовлетворительной, так как она не объясняет принципиального различия между системами аргументации, лежащими в основе мировоззрений народнического и марксистского лагерей. Различие это, в своей первооснове, не носило характер чисто теоретического противоречия, или несовпадения декларируемых ценностных систем. Это было различие между полярными представлениями о допустимости этической аргументации в политическом дискурсе.

Н. А. Бердяев с своей «веховской» статье «Философская истина

²⁴ Ленин В. И., «Шаг вперед, два шага назад», в *Полн. собр. соч.*, (М.: Политиздат, 1967), Т. 8., 254.

²⁵ *Как рождалась партия большевиков. Литературная полемика 1903—1904 годов* (Л.: Прибой, 1925), 162–163.

²⁶ Подробнее см. Думный В., *Люди будущего или люди без будущего: российская социал-демократическая интеллигенция на рубеже XIX–XX вв.* (М.: МГУП, 2003).

и интеллигентская правда», характеризуя этос радикальной народнической интеллигенции 19 века, отмечал первичность представлений о справедливости, как системообразующей основы народнического мировоззрения. Именно по отношению к этому этическому ядру мировоззрения определялась «пригодность» философских и общественнонаучных концепций. Отношение к философской и научной истине носило, таким образом, утилитарный характер: «властителями дум становились лишь те, которые из общей теории выводили санкцию ее (радикальной интеллигенции) освободительных общественных стремлений,.. ее требований справедливости во что бы то ни стало»²⁷.

Несмотря на то, что с ростом популярности на российской почве импортированного из-за границы марксизма, «исключительно эмоциональный народнический тип стал изменяться под влиянием интеллектуалистической струи»²⁸, неонародничество начала 1910-х гг. сохраняло приверженность к этической в основе своей аргументации. Публикация в первых номерах «Заветов» цикла программных статей В. М. Чернова об этике имело целью апологию морального аргумента как основы мировоззрения. Провозглашая «рационалистический метод, берущий исходным пунктом не сверхчеловеческий божественный закон, а собственную *человеческую совесть* как одну из граней социальной природы индивидуума»²⁹, не уставая декларировать «научный, антитеологический характер»³⁰ своего мировоззрения, Чернов лишь на новый манер переформулировал старую народническую схему: переход от априорных этических установок к философским и научным аргументам, привлекаемым для их обоснования.

Для марксистской же идеологии характерна первичность научной (экономической и социологической) аргументации, которая совершенно выводит за скобки любую этическую постановку вопроса. «Социализм, достигший зрелости, порывает с «утопией» и ста-

²⁷ Бердяев Н. А., «Философская истина и интеллигентская правда», в *Вехи. Из глубины* (М., Правда, 1991), 15.

²⁸ *Вехи: Сб. ст. о рус. интеллигенции*, 9.

²⁹ Чернов В. М. «Этика и Политика», (февраль 1912): 61

³⁰ Чернов В. М. «Этика и Политика», (февраль 1912): 61

новится на «научную» почву. От противопоставления мира сущего миру должного, он обратился к исключительному сознанию мира сущего... Безусловная естественная необходимость была провозглашена единственной категорией научного познания, единственным основанием социалистического мировоззрения. Рационалистический дуализм этического социализма сменился натуралистическим монизмом научного социализма»³¹ - характеризует марксистское мировоззрение В. М. Вишняк в статье «В защиту доктрины». Однако здесь же он, резюмируя, указывает на психологически обусловленный характер этих различий, чем еще раз подчеркивает невозможность продуктивной дискуссии между лагерями «еще не раз скрестят оружие народники с марксистами, ибо принадлежность к различным психологическим типам обусловит выбор разных «философий» с защиту разных доктрин»³².

³¹ Вишняк М. [Марков Вен.], «Политика и общественность. В защиту доктрины», «Современник», (декабрь 1913): 79

³² Вишняк М. «Политика и общественность», С 84

PREPARING THE GREAT WAR THE RUSSIAN DIPLOMATIC SHIFT AFTER THE BALKAN WARS

COSMIN IONIȚĂ

PhD student

University of Bucharest, Romania

cosmin.ionitza@yahoo.com

ABSTRACT: The policy of the Russian Empire between 1913 and 1914 has been largely isolated in terms of research, mainly due to its relative calmness and the closeness to the extensively studied First World War. This study aims to depict the major factors that influenced the policy of the Russian decision-making unit during this period and shows the constraints that lead to the stance took in July 1914.

KEYWORDS: Sazonov, diplomacy, Balkans, decision-making, war

When the meeting in Bucharest to seal the Treaty of Peace was over, it became obvious that the struggle in the area was not over, nor the interests of the Great Powers for this area. From the Danube to the Aegean Sea and from the Adriatic to the Black Sea, the life changed dramatically.¹ The wars in the Balkans devastated the Peninsula² and strongly influenced the European affairs for the less than a year period before the First World War. With a high bid in the struggle, Russia faced a new turning point, as she had to reassess her policy options.

The policy of the Russian Empire between 1913 and 1914 has been largely isolated in terms of research, mainly due to its relative calmness and the closeness to the extensively studied First World War. This study aims to depict the major factors that influenced the policy of the Russian decision-making unit during this period and shows the constraints that lead to the stance took in July 1914.

¹ Gheorghe Nicolae Căzan and Șerban Rădulescu-Zoner, *România și Tripla Alianță: 1878–1914* (București: Ed. Științifică și Enciclopedică, 1979), 355.

² Jean-Jacques Becker, “La guerre dans le Balkans (1912–1919)” in: *Matériaux pour l’histoire de notre temps* No. 71 (July–September 2003): 8.

By 1913, the decision making unit in St. Petersburg already largely depended on Sergey Sazonov, the imperial foreign affairs minister. Sazonov strived to maintain a relatively safe role of observation in the Empire's structure, trying to keep the menace of the bellicose leaders under control, who, by the autumn of 1913, formed a "war party" around the war minister, Vladimir Sukhomlinov. Against the "war party", Sazonov had almost constantly been supported by the council president Vladimir Kokovtsov. Being aware on domestic issues, the foreign affairs minister tried to avoid a general war. In other words, the foreign affairs minister happened to be a useful tool to hold the Empire together on the threshold of the storm.³

Sazonov's "Balkan first" policy⁴ had a major impact on Europe. But he was still haunted by the hard decisions taken during the Balkan wars to accept a naval demonstration against Montenegro or restrain Serbia from an Albanian adventure. He tried to convince France and Britain to take action against St. Petersburg's Slav brothers in the Balkans, so that Russia's reputation could be damaged as little as possible.⁵ But when the vital interests of the Empire were posed under threat, Sazonov had little consideration for Slavdom. The ghost of a foreign army in Constantinople had a major impact on Sazonov, a city which he considered to be a Russian "desideratum".⁶

When the fighting came to an end, "Balkan first" showed its futility. When it was created, initially Sazonov managed to impose his views to most of the Russian representatives abroad. Anatolii Nekliudov, Russian minister in Sofia, displayed the new arrangement: "we liked to think that this new Balkan league would mainly serve as a curb to Austria's designs for expansion, and would henceforth obey our wise guiding hand".⁷ The foreign affairs minister tried to embody nationalist ideas

³ Christopher Clark, *The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914* (London: Penguin Books, 2013), 225.

⁴ Cosmin Ioniță, "Russia's brinkmanship in the Balkan Wars" in Matei Gheboianu and Cosmin Ioniță eds., *Balkan entanglements. Peace of Bucharest* (București: Ed. Universității din București, 2014), in print.

⁵ S. Sazonov, *Les années fatales* (Paris: Payot, 1927), 96.

⁶ Richard C. Hall, *The Balkan Wars 1912–1913, Prelude to the First World War* (London: Routledge, 2000), 32.

⁷ A. Nekliudoff, *Diplomatic Reminiscences before and during the World War, 1911–1917* (New York: E.P. Dutton and Company, 1920), 214.

into his foreign policy.⁸ But the allies had large opportunities to argue for creating the so much desired stance against Vienna's "Drang nach Osten". Bulgaria was the biggest loss for Sazonov and became the main victim of his wrath. The lack of obedience shown in Sofia represented a shock for St. Petersburg. The diplomatic corps were disgusted to see how a country that had been liberated by Russia disregarded her "parental" advices, as Sazonov communicated it to Nekliudov: "The behavior of the Bulgarians amazes us."⁹ On the other side, Serbia drew closer to Russia. It was due to Nikolai Hartwig, the Russian ambassador to Belgrade. His role in shaping the policy in Belgrade was widely known.¹⁰ The immense print of Hartwig on Belgrade and the Slavophile circles in St. Petersburg tightened the options for Sazonov, Serbia became the main vector for the Russian policy in the Balkans.¹¹ This relative gain was connected to the apparent immobility of Austria-Hungary, as it became noticeable that Vienna did not have the vigour anymore, nor a diplomat who could have run an efficient action similar to the one in 1908.¹² It was Romania that represented the highest win for Sazonov in 1913. Manifesting a high interest for Bucharest, unlike his predecessors, Sazonov sought to make Romania and the Triple Alliance drift apart. He did this despite the Slavophile press which was constantly attacking him. The support of Kokovtsov provided him legitimacy in this endeavor.¹³

The first tension that arose in Europe after the Balkan wars brought panic in St. Petersburg. Liman von Sanders was sent by Kaiser Wilhelm II to help reorganize the crushed Ottoman army. The mission was backed by 54 German officers, who almost duplicated the domestic war ministry

⁸ Geoffrey Hosking, *Rusia popor și imperiu 1552–1917* (București: Polirom, 2001), 263.

⁹ *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov, kasaiushisbsia sobytii na Balkanskom Poluostrov: Avgust 1912g. – Iiul' 1913g.* (S. Petersburg: Voennaia Tipografiia Imperatritsy Ekateriny Velikoi, 1914), 54.

¹⁰ D. C. B. Lieven, *Russia and the Origins of the First World War* (London and Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1983), 41.

¹¹ Cosmin Ioniță, "Iulie 1914. Chestiunea responsabilității în istoriografie" in: *Studii și articole de istorie* No. LXXXI (2014), 123.

¹² A. J. P. Taylor, *Monarhia Habsburgică, 1809–1918: O istorie a Imperiului austriac și a Austro-Ungariei* (București: Allfa, 2000), 188.

¹³ N. Schebeko, *Souvenirs essai historique sur les origines de la guerre de 1914* (Paris: Bibliothèque Diplomatique, 1936), 161.

in Constantinople.¹⁴ Sazonov strongly opposed the mission and evaluated it only in the frame of the European alliances. A firm stance became necessary to show France and Britain that Russia was a trustful ally.¹⁵ For his sincere intentions, Sazonov pretended action from London and Paris. Obtaining support was not an easy task as both Paris and London had major interests in Constantinople. The French were deeply involved in the financial survival of the Ottoman state and the British were reorganizing the Ottoman naval capabilities under the admiral Arthur Limpus.¹⁶

France showed more interest to develop the alliance with Russia than Great Britain. Along with this strong approach by the French, the need to ensure Russia of Britain's honesty became desirable in London. It was believed that Russia would succeed, on her constant struggle, to reduce the gap with the other Powers, a position where she could conduct an independent, uncontrollable policy.¹⁷ Paris started to raise the sympathy for Russia in London against Germany.¹⁸

This moment of pressure became relevant from another point of view. Decision making process in St. Petersburg started to become more dysfunctional, communication between the members of the decision unit reaching a minimum low. While Nicholas II verbally approved the new German mission in Constantinople, when Sazonov passed through Berlin, he knew nothing of his sovereign's steps. As a result, he accused Bethmann Hollweg, the German chancellor, of "trying to go behind his back".¹⁹

But the most important aspect of the tension in St. Petersburg is its role in speeding the display of the Russian intentions. The new policy

¹⁴ Alexandru Marghiloman, *Note politice: 1897–1924* (București: Institutul de arte grafice „Eminescu” S.A, 1927), 1: 219.

¹⁵ David McDonald, "A lever without a fulcrum: domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914" in: *Hugh Ragsdale ed., Imperial Russian Foreign Policy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993), 304.

¹⁶ Clark, *The Sleepwalkers*, 342–3.

¹⁷ R. J. Sontag, "British Policy in 1913–14", *The Journal of Modern History* No. 4 (December 1938): 544.

¹⁸ *Documents diplomatiques français 1871–1914* (hereafter *DDF*) III series, 11 vols. (Paris: Imprimerie Nationale, 1929–1936), 8: 685–6.

¹⁹ Theobald von Bethmann-Hollweg, *Reflections on the world war*, (London: Thornton Butterworth, LTD., 1920), 81.

of the Empire was still spinning around the Balkans but showed major changes. A conference took place at the end of November 1913 and Sazonov drafted the report for Nicolas II. The “Balkan first” became “Serbia and maybe Romania.” The loss of Bulgaria from his initial system was deliberately admitted by Sazonov. Secondly, he pointed out the poor condition of the Russian influence in the Ottoman Empire and the necessity to build a fleet that could achieve the goals around the Straits. Belgrade became the gravitational point of interest in the area and the only safe ground. Regarding Romania, the hope became a real aim, but Sazonov explained that the new relations between the two neighbors should follow its brilliant course and not simply lead to a “blind love”.²⁰

The new policy was clearly expressed abroad. Even though some leaders in Bulgaria, like the foreign affairs minister Nikola Genadiev, still dreamed of Macedonia through a close relation with Russia²¹, Sazonov had little trust in the messages of the new leaders in Sofia. He even accused them for conducting “a systematic campaign of calumnies”.²² In order to learn her lesson, Sazonov considered that Bulgaria should be punished, until she became again ready “to turn with her soul to St. Petersburg”.²³ The new Russian minister in Bulgaria, Aleksandr Savinskii, even arrived in Sofia on 27 January 1914 with no written instructions.²⁴ Sazonov knew how desperately Bulgaria needed money, so he tried to cut off her access to the French market resources. The whole burden was attributed to „the orientation of the present policy of Bulgaria”.²⁵ Even the French minister in Sofia admitted that Paris was not considering a loan “due to different economic and political reasons”.²⁶ Sazonov was delighted when he received the confirmation that Paris will not make any move without St. Petersburg’s consent.²⁷

²⁰ *Un livre noir: diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes: novembre 1910–juillet 1914*, 2 vols., (Paris: Librairie du Travail), 2: 371.

²¹ *Un livre noir*, 2: 170.

²² *Un livre noir*, 2: 179.

²³ Clark, *The Sleepwalkers*, 277.

²⁴ Alexander Savinskii, *Recollections of a Russian diplomat* (London: Hutchinson & CO. Ltd., 1927), 200.

²⁵ Archives of the Ministry of the Foreign Affairs (AMAE), *fond 71, opis' 21*, number 113, folios 202–3.

²⁶ DDE, 9: 139.

²⁷ *Un livre noir*, 2: 185.

According to Savinskii, Germany was waiting in the shadow, ready to benefit of this situation.²⁸ But St. Petersburg did not have ears for these warnings. In May, the Russian minister pointed out that Disconto-Gesellschaft arrived to Sofia and this was a clear sign “of the speed that the Germans were ready to act with”.²⁹ Only after the middle of June 1914, few days before the crime in Sarajevo, St. Petersburg allowed a structured and consistent offer to be made in Sofia. It was too late. Germany had already secured the Bulgarian market.³⁰

The Ottoman Empire and Constantinople returned on the Russian agenda. There were numerous European plans to save the dying Empire and Sazonov realized that Russia was the least represented among the Powers. Only in the Armenian issue, St. Petersburg was active. Pallavicini, the Austro-Hungarian ambassador at Constantinople, noticed that the Armenian minority played a good opportunity for Russia to undermine the Ottomans.³¹ Under these circumstances, Sazonov called for a new conference in St. Petersburg on 21 February 1914 with military advisers as well as the ambassador at Constantinople, Mikhail Giers. A plan to seize the Straits was clearly designed in order to forbid any other Power to land in Constantinople. The formation of a Russian expeditionary corps of 30-50 thousand soldiers would have ensured the succes, ready to be deployed with the help of the improved Black Sea fleet.³²

Foreign affairs minister's only regret was the weak military condition of the Empire: “our lack of military preparation caused me a ridiculous impression that it is still alive”.³³ His diplomatic plans were undermined by the unpreparedness of the Empire to fight. The lowest amount of self-esteem in the military strength of Russia was most visible at home,

²⁸ Savinskii, *Recollections*, 217.

²⁹ *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma* (hereafter *MOEI*), III series, 10 vols. (Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe Sotsial'no-Ekonomicheskoe Izdatel'stvo, 1931-1938), 3: 80.

³⁰ Savinskii, *Recollections*, 219.

³¹ Marian Kent ed., *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire* (Taylor & Francis e-Library, 2005), 42.

³² Emile Laloy, *Les documents secrets des archives du Ministère des Affaires Etrangères de Russie* (Paris: Bossard, 1919), 80-3.

³³ Sazonov, *Les années fatales*, 135.

in St. Petersburg.³⁴ In the official meetings though, the military leaders, especially Sukhomlinov, displayed a vigorous trust in the capabilities of the Russian army against Austria-Hungary and even Germany.³⁵ The Straits were an objective worth fighting for. But to obtain them, Sazonov showed no intention to start a war.³⁶

Under the new role, of Russian outpost in the Balkans, Serbia was becoming louder in the European affairs. Nikola Pašić, Serbian president of the council of ministers, found himself in an assumed difficulty in 1914. His close relation with Hartwig made the identification of the Serbian course of action hard to digest for most of European leaders. No one separated the policy of Belgrade and Hartwig anymore, Serbia becoming “the only state in the Balkans submitted exclusively to the political influence of Russia.”³⁷ Sazonov was overwhelmed by the Serbian issue. Even though he supported the link with Belgrade, Sazonov displayed concern for the violence of the sympathies of the Russian people and Government for Serbia. As he sought not to be amazed again by the Balkan affairs, he strived “to keep under control the direction of the events”.³⁸ In Belgrade, Vasilii Strandman, member of the Russian mission in the Serbian capital, went further, considering that “the policy of Hartwig was extremely harmful to the interests of Russia.”³⁹ Indeed, Hartwig was attaching a personal note to the policy formulated in St. Petersburg. Sazonov became aware, noting that it was “a thing that complicated my task and ended by provoking in the whole Europe a tension out of which we could have waited different complications, at a moment or another”.⁴⁰ But it was little that Sazonov could do. Hartwig became too strong to be relocated. Furthermore, the animosity between the two did not vanish with time. Hartwig gained immense powers to influence policy in Belgrade and abroad.

³⁴ William C. Wohlforth, “The Perception of Power: Russia in the Pre-1914 Balance” in: *World Politics* No.3 (April 1987): 365.

³⁵ Ioniță, „Iulie 1914”, 118.

³⁶ Barbara Jelavich, *St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974* (Bloomington – London: Indiana University Press, 1974), 272.

³⁷ *DDF*, 10: 126.

³⁸ Sazonov, *Les années fatales*, 84.

³⁹ Vasilii N. Strandman, *Balkanske uspomene*, (Belgrade: Zhagor, 2009), 208.

⁴⁰ Sazonov, *Les années fatales*, 87.

After Sazonov's new aims of policy were launched in November 1913, the relations with Romania continued to improve at a steady pace. From "the steady serenity"⁴¹ before 1912, that characterized the communication between Bucharest and St. Petersburg, Sazonov achieved more than the persons around him expected. When Bucharest showed the first signs of openness, Sazonov continued to add to the bid. In May 1913, when the sensitive Romanian-Bulgarian dispute was settled in St. Petersburg by the Conference of Great Powers' ambassadors under the leadership of Sazonov, it became obvious that "Romania was wooed intensively by Russia"⁴²

In January 1914, in Bucharest, the new Cabinet was formed by the Liberal Party, which favored a close relation with Paris and St. Petersburg. Furthermore, I. C. Brătianu, the new Prime minister in Bucharest, has supported decision to change the minister in St. Petersburg, Constantin Diamandy had been selected for the mission. The diplomat benefited of a great credit in the Russian capital as well of an unbeatable trust from Brătianu.⁴³ As Sazonov considered his personal task to construct a strong connection with Diamandy, they planned together decisive steps. The Imperial visit in Constanța in June 1914 decisively helped at "clearing the atmosphere".⁴⁴

There was one more aspect about the international system that represented a key point in Sazonov's aims but was not included explicitly in the new policy. He constantly pointed out the necessity of transforming the series of understandings between Russia, France and Great Britain into a fully working alliance. In February 1914, the foreign affairs minister again formulated a clear demand. Both France and Great Britain considered the step not necessary.⁴⁵

Unremitting in his work, Sazonov made it clear in the correspondence with Aleksandr Izvolskii, the Russian ambassador in Paris, that the

⁴¹ Schebeko, *Souvenirs*, 131.

⁴² *1918 la Români: Desăvârșirea unității național-statale a poporului român*, 10 vols. (București: Ed. Științifică și enciclopedică, 1983–1989), 1:337.

⁴³ Sazonov, *Les années fatales*, 114.

⁴⁴ C. J. Diamandy, "L'entrevue de Constantza" in: *Revue des deux mondes* (January 1928), 132.

⁴⁵ *Očerki Istorii Ministerstva Inostrannyh Del Rossii*, 3 vols., (Moskva: Olma-Press, 2002) 3: 253.

transformation had become “essential”.⁴⁶ His pressure did not transform the understandings before the crime in Sarajevo, but successfully determined the foreign affairs secretary, Sir Edward Grey, to accept that Russia became a part of the Anglo-French joint policy. Even though Grey had to point out the attacks that he had to face because of the Russian policy, Sir Nicholson, his depute, was continuously backing the Russian line in London, maintaining a good feeling about Russo-British dialogue.⁴⁷

In St. Petersburg, the constraints on the foreign policy became too powerful at the beginning of 1914 due to the demise of Kokovtov and his replacement with Ivan Goremykin. The disappearance of Kokovtsov from the decision making unit made it very difficult for Sazonov to confront the military leaders all by himself. The chief of Cabinet resigned due to internal matters but aspects of foreign policy were highlighted by his adversaries.⁴⁸ When the military advisers presented some secret plans of the Germans, who showed their interest in controlling the Straits, even with the high cost of a European war, the “war party” balanced even heavier.⁴⁹

The impression on Sazonov was strong, as he generally had stand against any bellicose decision with the help of Kokovtsov. Goremykin was regarded by the foreign affairs minister as mean to bring failure closer: “old and decayed, who only dreamed at his tranquility and a well-being; he was indeed incapable to become aware on the realities of the Empire”.⁵⁰

The menace of the revolution haunted again the Empire in spring. Creating reforms became a very hard task.⁵¹ The debates over the new budget at the beginning of May determined the evacuation of Social-democrats from the Plenary.⁵² The consistency of foreign policy became

⁴⁶ *Un livre noir*, 2: 255–60.

⁴⁷ *MOEI*, 3: 44–8.

⁴⁸ I. V. Bestuzhev, “Russian Foreign Policy February–June 1914” in: *Journal of Contemporary History* No.3 (July 1966): 105.

⁴⁹ Lieven, *Russia and the Origins*, 49.

⁵⁰ Sazonov, *Les années fatales*, 86.

⁵¹ Bestuzhev, “Russian Foreign Policy”, 99.

⁵² AMAE, *fond* Petrograd, No.3, folio not numbered.

weaker. In comparison with Kokovtsov, Goremykin “had already detached himself of the problems of this world”.⁵³

Analyzing the Russian policy in this time frame represents a difficult task, due to the many factors acting upon it. This may determine scholars to reassess its importance, as the decisions that Russia assumed in July and August 1914 were the clearest expression of her lessons from the Balkan wars. The transformation of the Russian policy was deep and had a major impact on the European affairs. The way Sazonov envisaged the Balkan stance, vital against the Austro–Hungarian intrusion, looked different in late 1913 from the initial plan. Serbia stood as the main anchor in the Balkans and Romania seemed to become the second outpost.

In St. Petersburg and elsewhere in the Empire, the winter 1913–1914 was one of the most spectacular ones in the history. The Empire was back to Europe, with a strong voice among the Powers. The internal affairs were complicated by the uncertainty of the new Cabinet and the pressure exerted by the radicals. But the society was detached, having little interest in these matters and “was gaily dancing on an unsuspected volcano, quite unconscious of the approaching catastrophe”.⁵⁴

Sazonov remained in the center of the decision-making process in the Russian Empire at the beginning of 1914. But the process to shift the power towards the “war party” got started. It was the July crisis that showed how isolated Sazonov became.

⁵³ Baron Rosen, *Forty years of diplomacy*, 2 vols., (London: George Allen & Unwin LTD., 1922), 2:151.

⁵⁴ Rosen, *Forty years of diplomacy*, 2:153.

THE IMPERIAL GENDARMERIE
IN THE HOME FRONT:
THE EASTERN SIBERIA EXPERIENCE
(1914–1917)

DMITRII BAKSHT

teaching assistant

Astafiev State Pedagogical University in Krasnoïarsk, Russia
baksht@mail.ru

ABSTRACT: The article examines administrative changes in the gendarme divisions of Eastern Siberia, occurred in 1914–17. The problem of staffing and operations is addressed. Different stages of investigative procedures by the gendarmierie are also thoroughly studied. It is concluded that, despite the impact of the First World War, police repression in Siberia was not carried out on a large scale.

KEYWORDS: Gendarmierie, Late Russian Empire, Eastern Siberia, WWI, repression, nationalism

As we reconsider the facts concerning the First World War,¹ we inevitably add new details to and change the basic narrative in Russian historiography. This considerably complicates our understanding of the event and obligates us to consider it from new theoretical perspectives. Russia before the Revolution of 1917 is seen as a complex society and state, comprised of a multi-layered structure with different hierarchies. The war's exigencies mobilized not only the empire's military resources, but also its emergency response capabilities. There is no doubt that the Great War, which was hitherto understudied in Russia, constitutes one of the 20th century's pivotal events and had a major impact on the development of authoritarian regimes in subsequent decades.

Study of the First World War not only concerns combat on the battlefield, but the home front as well. The notion of "repression" in war implies a range of actions that are difficult to reconstruct, since they differ so much from peacetime. This is particularly true in the case of the

¹ I'm very grateful to the *Deutsches Historisches Institut* in Moskau to support my research that resulted in this article.

Imperial gendarmerie dealing with Eastern Siberia's civilian population during the first three years of the war.

M. Mann has argued that the empire, as a “pluralistic social network”, tried to avoid unnecessary bloodshed.² The First World War altered not only its rhetoric but it also shifted the focus of attention: religious and ethnic origins replaced faith as the criterion for political loyalty. In this respect, Eastern Siberia provides an interesting case study.

The gendarmerie constituted the only centralized police force in the Russian empire. When established under Emperor Nicholas I, the Independent Corps of Gendarmes (1826–1917) was originally beyond the scope of the regional government. Further, a joint administration by the Ministry of Internal Affairs (the MVD) and the War Ministry was meant to diminish the influence of both departments.

Over time, regions were incorporated into its operation through various infrastructural networks, such as railways and the telegraph. Gendarmerie precinct stations generally coincided with territorial and infrastructural divisions, such as political centers, railway stations and transport junctures.

Function and location affected the ways gendarmerie stations functioned. District Departments for the Defense of Security Bureau (*Okhranka*) and Investigation Departments performed “political crime detection.” At the same time, the Regional Gendarmerie Administration (*Gubernskoe zhandarmskoe upravlenie*, RGA) also had the right to perform “political” law enforcement investigation and interrogation. Unlike the *Okhranka*, RGA was established not by departmental regulations but by the law, beginning from 1867). The Railway Gendarmerie Police Administration (RGPA) operated as the transport police, and carried out the same functions as other gendarmerie subdivisions from 1906.

As a result, the Irkutsk Security Bureau was merged with the Irkutsk RGA in East Siberia, to which Irkutsk Province's territorial subdivisions, the Yakutsk and Zabaikalsk Regions, were subordinated. The Yenisei RGA followed the same pattern. In addition to their own departments they were in charge of the Investigation Departments of Krasnoyarsk and Yeniseisk. Meanwhile, the Zabaikalsk and a part of the Tomsk RGPA

² Эткинд А.М., *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России* (Москва: Новое литературное обозрение, 2013), 42.

were organized on the Governor-General's territory. The gendarmerie detachments in East Siberia were not well staffed, as this table of July 1915 shows.

TABLE 1

divisions	officers	non-commissioned officers	non-combatant (nestroevic) ranks
Irkutsk Security Bureau	16 (14)*	46	2
Yenisei RGA	4 (3)*	32	2
Zabaikalsk RGPA	11 (11)*	169	–
Tomsk RGPA (eastern stations)	6 (5)*	149	–

Note: * Real quantity is given in brackets.

Source: The list of ranks of the Separate Corps of Gendarmes (ed. up to 15 July 1915). Petrograd, 1915. 40–1, 99–100, 165–6.

In relation to the manpower of the Corps of Gendarmes (14305) about 3,2 % of the total number of people were deployed in East Siberia. The total number does not include “freelance personnel” or civilian employees nor those engaged in surveillance or office work. Since such individuals were not engaged in active military service, their number declined considerably with the imposition of the draft in wartime. Thus, by 1915 the Irkutsk RGA had sent 19 men to the front, leaving staff at half strength.³ These shortages were typical throughout the region from the beginning of the war until the Revolution, as the table based on data of November 1916 shows:

TABLE 2

divisions	surveillance (fil'or)	clerk (pis'movoditel')	scribe (pisar')	guard	vacancies
Yenisei RGA	9 (6)*	–	1 (1)*	2 (2)*	3
Irkutsk RGA (in Zabaikalsk Oblasts)	5 (4)*	1 (1)*	1 (1)*	–	3
Irkutsk Security Bureau	11 (2)*	1 (0)*	1 (1)*	2 (0)*	3
TOTAL	25 (12)*	2 (1)*	3 (3)*	4 (2)*	9

Note: * in the brackets the staff employed before the War is given

Source: GARF, *fond* 102, op. 316, no. 50, part 25, fol. 2–2v; no. 50, part 26, fol. 2–2v; no. 50, part 27, 1–2

³ State Archive of Russian Federation (further GARF), the Police Department, *fond* 102, op. 316, no. 50, part 27, fol. 5.

The draft led to significant losses in field surveillance personnel; experienced employees were sent into active service, while women and young people replaced them at home. Secret agents were also among those drafted for the War. The MVD could not exempt undercover agents from military service, since that might have disclosed their identity. The following table lists gendarme staff recruited in Siberia during World War I.

TABLE 3

divisions	number of employees
Irkutsk Security Bureau	26 (13)*
Chita Investigation Department (<i>rozisknoi punkt</i>)	11 (3)*
Yenisei RGA	22 (7)*
Krasnoyarsk department of Tomsk RGPA	5 (0)*
TOTAL	64 (23)*

Note: * The number of surveillance personnel employed before the War is given in brackets. Source: GARF, *fond* 102, op. 316, no. 1, part 26, fol. 21; no. 1, part 27–E, fol. 64; GAKK, *fond* 827, op. 3, no. 70, fol. 2

The total number of secret agents does not appear to have been very high. According to Z.I. Peregudova during the period of October 1916 – February 1917 there were 1,579 agents throughout the Russian Empire.⁴ The proportion of Eastern-Siberian informants was not more than 4%. Staff reductions could not but affect the work of the Gendarmerie adversely. As we shall see it below, the most important cases were supervised by the MVD's Police Department, which took advantage of the investigation processes.

In its final years the empire was governed by two sets of laws – common and emergency laws. The latter's primary function was to protect the autocracy and suppress crimes against both the dynasty and the state. Russian Criminal Law covered “political crimes” in several articles. In the early 20th century, the nature of the punishment was regulated by the “Criminal code” (1903).

The first “common” (or “formal”) version was tied to the 1864 “Rules

⁴ Перегудова З.И., *Политический сыск России, 1880–1917* (Москва: РОССПЭН, 2013), 251.

of criminal legal procedure.” Article 1035 of the “Rules” referred to Articles 1030 and 1031, listing types of crimes (42) from the “Criminal Code.” These governed the gendarmerie’s responsibilities, actions and limited them to interrogation. Political crimes included offenses against the dynasty, treason (and espionage), attempted or planned overthrow of the state etc. Senior officials did not consider this state of affairs to be effective since legislative procedures were very slow and cumbersome, and they could not effectively control decision-making.

The second version comprised extraordinary legislation. This defined not only the institutions and procedures for investigation and interrogation, but also the forms of punishment. It was spelled out in three documents: “Regulations on protecting state order and public peace measures” (1881), “Rules for military emergency areas” (1892), “Rules of railway protection emergency measures” (1905).

A significant feature of these documents was that they changed the legal status of all the regions by withdrawing them from under the general administration. They established a new system of power relations with the help of local subordinate acts to strengthen the authority of the police and the military. In Eastern Siberia, Irkutsk’s Governor General was considered to be the chief. The role of the gendarmerie became noticeably stronger: the director of the Police Department could issue warrants for search or arrest without the court’s sanction. The inquiry and the investigation phases were combined (*administrativnaia perepiska*), institutions of justice were excluded from investigation. Upon the inquiry’s conclusion, the police rendered its decision, and the matter would be referred either to the provincial civilian or military court.

The Manifesto of 17 October 1905 did nothing to reduce the extensive use of extraordinary legislation. In 1912, 2,3 million subjects were placed under conditions of “wartime posture” while 63,3 millions lived under “protection.”⁵ The Council of Ministers published the “Regulations” for the Empire’s home front in 1914.⁶

Nevertheless, there are no reasons to speak about any “colonial backlash”, because the gendarmerie’s repressive practices originated not

⁵ Peter Waldron, “States of emergency: Autocracy and extraordinary legislation, 1881–1917”, in: *Revolutionary Russia* 8, №1 (June 1995): 4.

⁶ *Особые журналы Совета министров, 1914 год* (Москва: РОССПЭН, 2006), 222.

from the provinces to the center. In Siberia, they began to be more widely implemented during the Revolution of 1905 and the Russian-Japanese war. Even the process of rendering and the form of regional (emergency) subordinate acts were governed by the MVD.

Leonid Kniazev, Irkutsk's Governor-General, issued an administrative circular in January 1914, stating that the complaints of exiles "justified quite frequent violations of the law and other numerous circular notes."⁷ Gendarmes did not cooperate enthusiastically with the governor-general. The Head of the Yenisei RGA, Colonel Mikhail Baikov, wrote to the MVD in February 1915: "the typical feature of work with experienced and punished revolutionaries in Siberia is that there is no possibility of bringing them to the official inquiry," while agent information was not the ground for the exile⁸. Kniazev did manage to inspect the gendarmerie of Eastern Siberia in spring 1915.⁹ Only the advocacy by subordinates of Vladimir Dzhunkovskii, who commanded the Corps of Gendarmes in 1912–15, partly stopped the conflict.

Dzhunkovskii was well-known for his liberal reforms of the gendarmerie. Apart from eliminating the network of agents in the military and educational institutions, he reduced the term of investigating "emergency" cases from three months to one (except for the Siberian divisions), and governed the procedure of expulsion. The data of January 1916 suggests that the number of inquiries was not large:

TABLE 4

	Irkutsk Security Bureau	Yenisei RGA	Zabaikalsk RGPA	Tomsk RGPA
actions in "common" version	14	12	3	–
actions in emergency law	20	37	6	–
requirements of other authorities	28	14	–	–

Source: GARF, *fond* 102, op. 212, no. 3, part 17, fol. 1–219.

⁷ State Archive of Krasnoyarskii krai (further GAKK), *fond* 595, the Yenisei Regional Administration, opis' 63, number 7204, folios 1–5v.

⁸ GAKK, *fond* 827, the Yenisei RGA, op. 2, no. 97, fol. 190–190v.

⁹ GARF, *fond* 102, op. 212, no. 3, part 17, fol. 41–7.

Data on changes over time only exist for the gendarmerie of Yenisei Province:

TABLE 5

Source: GAKK, *fond* 827, op. 1, no. 1431, fol. 60–103

The dramatic growth of the emergency mechanisms in gendarmerie investigations can partly be explained by the simplified procedures. The rise suggests not only the intensification of the opposition but also a more active policing. However, the death penalty, which was the strongest punishment for such cases *de-jure*, did not prove to be the final decision in gendarmerie investigations *de-facto*. When passing verdicts of the regional military courts (1914–15), the governor general signed the decision condemning 22 criminal defendants to death and another 5 to a penal colony. Moreover, exile to a penal colony superseded the death penalty. It is important that the death penalty was applied to representatives of different ethnic groups, including Chinese, but only for major crimes, such as murder or banditry.¹⁰

As a result, the Siberian gendarmerie could impose exiles and court hearings on most cases. With regard to civil courts, the data of the Irkutsk Circuit Court of Appeals (1914–17) also show poor efficiency of police investigations. Only 13 out of 53 defendants were under gendarmerie

¹⁰ GARF, *fond* 102, op. 212, no. 3, part 17, fol. 41–7.

investigation.¹¹ Consequently, there was no return to the more repressive practices during the Revolution of 1905 in Eastern Siberia.

The other important aspect of the investigation determines the importance of agents' networks. While analyzing the work of the Yenisei gendarmerie department, we compared inquiry registers and the lists of people who were under officers' supervision. In supervising emergency proceedings their role was important because they referred cases for further investigation (table 6):

TABLE 6

	cases, total	cases with the agent's information	accused	accused under the agents' supervision
1913	35	7	57	10
1914	36	6	47	16
1915	49	12	97	17
1916	64	7	125	15

Source: GAKK, *fond* 827, op. 1, no. 1431, fol. 60–103; no. 1942, fol. 1–29.

An analysis of the details demonstrates that information provided by agents was used more frequently in cases investigated by administrative actions (table 7):

TABLE 7

	cases in "common" version	with agent's information	cases in extra-ordinary legislation	with the agent's information
1913	6	1	29	6
1914	10	0	26	6
1915	12	2	37	10
1916	23	0	41	7

Source: see table 6

The MVD vigorously carried out repressions during the war. Siberia was no exception. The Gendarmerie was involved in cases ordered from the center. The case of "The Siberian Trade Bank" (Krasnoyarsk) was

¹¹ GARE, *fond* 102, op. 212, no. 5, part 17, fol. 1v–79v.

initiated by statements of notable people in Krasnoyarsk after the press published the Duma deputy Khvostov's speech of September 1915.¹²

The case of the Singer Company in Siberia was part of a large-scale operation provoked by military circles in the capital in 1914.¹³ In Yenisei Province it was officially started with a denunciation in June 1915. In Western Siberia, the prosecutor of the court of appeals did carry the matter out.¹⁴ Arrests in Tomsk Province ordered by the military commander started only on 2 August 1915. As a result, no proofs of espionage were found, and the work of the company was restored, albeit under state supervision.¹⁵ It is difficult to determine whether the investigations were motivated by economics, politics, or the military.

Attacks on freedom of religion were stepped up. Gendarmerie corps' headquarters ordered surveillance of Protestant pastors in October 1914.¹⁶ The military closed 4 Baptist churches, as well as Evangelical and Adventist Churches, on suspicion of disloyalty in Odessa in December 1914.¹⁷ Meanwhile, in May 1915, the MVD ordered railway gendarmes to register workers of Baptist and Adventist faith.¹⁸

A provocative article in the progressive newspaper *Utro Rossii* on 2 September 1915 was the reason for establishing surveillance under the governor-general. It featured the letter of response to the head of MVD, who had initiated the discussion about Protestants' loyalty. The desire for immediate victory of Germany was published on the behalf of the Transbaikal Baptists. The correspondence was commenced the day before the publication was issued. Five workers of the Transbaikal railway station Sludianka were charged in this "very important case," and subjected to "home education."¹⁹

¹² ГАКК, фонд 827, оп. 1, no. 1399, fol. 13–70.

¹³ Лор Э., *Русский национализм и Российская империя* (Москва: Новое литературное обозрение, 2012), 96.

¹⁴ ГАКК, фонд 827, оп. 1, no. 250, fol. 26–7.; Греков Н.В., *Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: типология и реальные проблемы* (Москва: Московский общественный научный фонд, 2000), 151.

¹⁵ Лор, *Русский национализм*, 98.; ГАКК, фонд 827, оп. 1, no. 69а, fol. 122–3.

¹⁶ ГАКК, фонд 827, оп. 1, no. 25, fol. 16v.

¹⁷ Жаров С.Н., *Последняя попытка реформы политического розыска в Российской империи* (Челябинск, Южно-Уральский университет, 2007), 21.

¹⁸ ГАКК, фонд 827, оп. 1, no. 21, fol. 72.

¹⁹ GARF, фонд 102, оп. 212, no. 3383, fol. 7–15v.

An anonymous complaint in Krasnoyarsk had motivated the case, and the correspondence was initiated on 1 September 1915. The head of the regional gendarmerie transferred the charge of blasphemy to the prosecutor in October 1915, who ordered arrest for a six-month term.²⁰ The governor-general suspended the Trans-Baikal case.

The struggle with Pan-Islamism was episodic. In 1916, 17 people (12 of whom were Tatar) were arrested, mainly petty traders.²¹ This “liquidation” was the only case against Muslim organizations in Eastern Siberia. The Chinese were also suspected of sympathy to Germany. The MVD ordered a watch on this category in July 1914, but there was an attempt to identify groups loyal to Russia among them.²² This case led to Chinese being conscripted for labor at defense plants.

The Eastern Siberian gendarmerie was the centralized authority for State security. However, the war depleted the personnel in all categories. Vacancies were chronically open, while average age and length of service fell. The figures show that provincial subdivisions did not do better than the central government.

Despite the crisis in State security, the types of administrative control as well as practices of large-scale repression are noticeable. As a result, these tendencies did not develop comprehensively under the old regime. However, the overthrow of monarchy and its institutions and laws did not eliminate the given potential, but even freed it.

²⁰ GARE, *fond* 102, op. 212, no. 2964, fol. 70v–71.

²¹ Бобкова Г.И., *Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX–начало XX века)* (Иркутск: Иркутский университет, 2009), 168.

²² Дацышен В.Г. *Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации* (Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008), 129.

ИСТОРИЯ СССР

THE HISTORY
OF THE SOVIET UNION

ПАРТИЙНОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ И ПОЛЕ НАУКИ: ОПЫТ ЖУРНАЛА «КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ» В 1922–23 ГОДАХ

Гильминтинов Р.Р.

магистрант

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия
rgilmintinov@eu.spb.ru

ABSTRACT: This article explores processes of Bolsheviks' history writing at the beginning of the 1920s, as reflected in the journal *Krasnaya letopis'* – an organ of the Petrograd bureau of Istpart (Commission on the History of the October Revolution and the RCP [Bolshevik party]). The article focuses on Bolsheviks' attempts to write history in a “scholarly” way and highlights the plurality of history writing methods among historians of the party.

KEYWORDS: Истпарт, партийное историописание, «Красная летопись», В. И. Невский

Переиздавая в 1931 году словарь деятелей революционного движения, профессиональный революционер, большевик и историк В. И. Невский во введении писал: «Источниками для словаря служат материалы самого разнообразного содержания, - архивные документы, исследования, мемуары, автобиографии, сообщения живых участников движения, коммунистов и некоммунистов, при чем, как это ясно само собой, последние сведения, обычно очень ценные с фактической стороны, проверялись с идеологической точки зрения особенно тщательно»¹. Эта «тщательность», с которой идеология вплеталась в процесс партийного историописания в 1920-30 годы, определила ракурс последующих историков: они, как правило, рассматривают его через призму легитимации новой власти: деятельность партии трактуется как часть борьбы с идеологическими

¹ *Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 5: Социал-демократы. 1880-1904. Вып. 1: А-Б.* (М: Издательство общества полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1931), XI.

противниками. Причем, это характерно не только для зарубежной и отечественной постсоветской историографии, но и для советских исследователей 1960–80х годов².

Одним из центров партийного историописания была Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (сокращенно – Истпарт). Эта организация занималась сбором, хранением, обработкой и публикацией источников по истории революции и партии, имела местные бюро в крупнейших городах РСФСР и союзных республик, издавала несколько журналов. При чтении материалов Истпарта обращает на себя внимание постоянная апелляция к научным задачам, стоящим перед этой организацией. Мои предшественники справедливо замечали, что «научные» утверждения вызывали больше доверия и имели большую ценность как средства пропаганды, но в данном кратком очерке я попытаюсь показать, что научность была не только прикрытием мифотворчества партии, но и одной из определяющих установок партийных историков.

Говоря о науке, я понимаю ее не как способ достижения вневременной истины, а как исторически обусловленный процесс производства знания. Наука является одним из способов, с помощью которого та или иная группа конструирует свою социальную реальность. Пьер Бурдьё, описывая поле научного производства, писал о том, что научная истина «заключена в особом роде социальных условий производства, а точнее, в определенном состоянии структуры и функционировании научного поля» и «только ученые, вовлеченные в одну и ту же игру, обладают средствами, позволяющими символически овладеть научным производением и оценить

² Здесь я отмечу лишь ту работу, которая во многом определила проблематику моего исследования. Это книга Фредерика Корни «Рассказывая Октябрь: Память и создание большевистской революции» (Corney F. C., *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. (London: Cornell University Press, 2004), 436). Корни рассматривает советское историописание 1917–1927 гг. как целенаправленную деятельность по созданию «базовых историй» (foundation tales), оправдывающих революцию и власть большевиков. Несомненным вкладом Корни в наше понимание истории Советской России стало то, что он показал двусторонний процесс создания революционного нарратива: он не просто «навязывался сверху», но наполнялся и подкреплялся массовым проговариванием и прописыванием личного опыта в заданных категориях.

его достоинства»³. Это означает, что влиять на научное поле может только ученый, поскольку только его высказывание обладает научным капиталом, признанным в данном научном поле.

Эта модель мне представляется инструментальной для анализа одного из сюжетов партийного историописания – истории журнала Петроградского Истпарта «Красная летопись» в 1922–23 годах. Журнал в этот период представлял собой проект В. И. Невского, который ставил перед «Красной летописью», прежде всего, исследовательские задачи. Невский и его соратники пытались совмещать задачи легитимации власти большевиков со стремлением делать свой журнал «по-научному», они стремились войти в поле науки своего времени. Однако вхождение в него осложнялось тем, что революция нарушила стабильность этого поля, исчезли однозначные для всех ученых критерии научности. С одной стороны, сохранялось влияние традиционной академии, с другой – формировались подходы марксистских ортодоксов. Александр Дмитриев выделяет еще одно поле, занимающее промежуточное положение – академический марксизм, в основе которого лежал марксизм как особый метод познания (отличный от марксизма-идеологии)⁴. Сложность научного поля в сочетании с прямыми репрессиями, которым уже в начале 1920х годов подвергались интеллектуалы (например, знаменитый «философский пароход» и ссылка Н. А. Рожкова) создавала чрезвычайно интересную ситуацию, в которой возможны были разные стратегии достижения «научности».

В данной работе я предпринимаю попытку проанализировать то, как соотносились задачи легитимации власти и научные задачи в той истории, которая производилась на страницах «Красной летописи». Прежде всего я покажу разрыв между установками Центрального Истпарта и их осуществлением в журнале «Красная летопись» издания Петроградского бюро, а также особенности ор-

³ Бурдые П., «Поле науки», в *Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук.* (СПб: Алетея, 2002). URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2598>
Дата обращения: 8.05.2014.

⁴ Дмитриев А., ««Академический марксизм» 1920-1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства», *Новое литературное обозрение*, №.88 (2007). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2.html> Дата обращения: 8.05.2014.

ганизации Истпарта в начале 1920х годов, которые позволяли В. И. Невскому довольно независимо осуществлять свой проект. Далее в статье будет сделан акцент на способах реализации научности и ее границах в журнале «Красная летопись».

Глава Истпарта М. С. Ольминский, предлагая свой план работы комиссии в 1920 году, писал, что «невозможно углубляться только в академическое изучение вопроса, когда лекторы почти не имеют источников для подготовки к лекциям, а на запрос слушателей – что читать, вынуждены отвечать почти одним лишь молчанием»⁵. Первейшей задачей он считал составление курса по истории партии, который позволил бы готовить молодых партийцев и кандидатов в члены партии. Однако для курса необходимы были источники, которые можно было положить в основу изложения революционной истории. Для такого курса, писал Ольминский есть, только три источника: 1) литература партии, 2) постановления и протоколы съездов и конференций и 3) документы департамента полиции, хранившиеся в большинстве своем в Историко-революционном архиве в Петрограде. Эти документы представляли собой материалы слежки жандармов за революционерами, докладные записки и отчеты провокаторов. «Последний источник – в высшей степени мутный, недостоверный и может дать лишь отражение истории партии через кривое зеркало. Литература партии, при условии ее подпольного существования, слишком слабо отражала жизнь партии. То же, что о литературе, приходится сказать о протоколах и резолюциях... Поэтому одной из неотложных задач является создание источников – создание мемуарной литературы и литературы смешанного мемуарно-монографического характера»⁶. В «Бюллетене Истпарта» был предложен «конспект-минимум для воспоминаний» из четырнадцати пунктов в помощь тем, кого Истпарт привлекал в качестве «живого источника»⁷.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) Ф. 70 (Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков) (Истпарт), 1920–1928). Оп. 1. Д. 45. Л. 73.

⁶ РГАСПИ, Л. 73–74.

⁷ Батурин Н., «Конспект-минимум для воспоминаний», *Бюллетень Истпарта*, №1 (1921): 11–12.

Содержание журнала «Пролетарская революция» издания Центрального Истпарта, было во многом определено именно пониманием М. С. Ольминского задач комиссии. Прежде всего, в журнале отдельное место уделялось материалам для учебных программ по истории партии⁸, а кроме этого, в большом количестве публиковались воспоминания, «дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятными или понятыми неправильно»⁹. Воспоминания рассматривались не только как источник, но как «ключ» для понимания и интерпретации документальных материалов. Право на интерпретацию концентрировалось в руках корпорации «старых большевиков»: в 1922 году при Истпарте было создано Всесоюзное общество старых большевиков, основным требованием к вступлению в которое было наличие непрерывного партийного стажа в течение 18 лет (первоначально в него смогли войти всего 64 человека). Общество занималось, в числе прочего, сбором историко-революционных материалов, его члены активно писали воспоминания и публиковали их в истпартовских изданиях (до 1930 года у общества не было своего печатного органа).

Если мы обратимся к журналу Петроградского бюро Истпарта «Красная летопись», мы увидим, что его содержание во многом противоречило установкам Центрального Истпарта, что прежде всего касалось вопроса об источниках для революционной и партийной истории. Несмотря на то, что формально «Красная летопись» была органом подчиненного Москве Петроградского бюро, у Центристпарта практически не было способов напрямую влиять на содержание этого журнала. Изначально деньги на места отпускались по указанию Центрального бюро через структуру Госиздата, но в конце 1921 года серией постановлений ЦК и его Оргбюро Истпарт был включен в состав ЦК в качестве отдела, а местные бюро стали отделами губкомов и обкомов партии. Те же комитеты РКП(б) утверждали состав (с уведомлением Центристпарта) и за-

⁸ См. напр.: Лепешинский П. Н., «Объяснительная записка к 10 отделу программы губсовпартшколы», *Пролетарская революция*, №2 (1921): 47–93.

⁹ «От Истпарта», *Пролетарская революция*, №1 (1921): 8.

нимались финансированием коллегий¹⁰. В постановлениях подчеркивалось, что местные Истпарты работают под руководством и в непосредственном контакте с Центральным бюро, но очевидно, что теперь они в большей степени зависели от обкомов и губкомов. Особенностью «Красной летописи» помимо этого было еще то, что ее ответственный редактор – В. И. Невский – был представителем Центрального бюро в Петрограде и был одним из главных людей в Истпарте. Его роль резко возросла во время продолжительной болезни Ольминского, который с марта 1922 до августа 1923 года «лишился способности говорить и отчасти думать» и был отправлен на лечение в Германию¹¹. По большому счету, Невский мог действовать практически в полной независимости от Москвы.

Риторика по вопросу материалов для истории партии и революции в «Красной летописи» принципиально не отличалась от той, которую воспроизводили московские руководители Истпарта. Например, во вводной статье к первому номеру «Красной летописи» мы читаем: «С воспоминаниями необходимо спешить, ибо беспощадная смерть неумолимо “жизни жатву косит”... и нужно, чтобы сами товарищи извлекали из богатых сокровищ своей памяти драгоценные алмазы своих революционных переживаний»¹². Поэтому журнал не состоял исключительно из архивных документов. Например, №7 (1922) был более чем наполовину заполнен короткими мемуарными статьями, посвященными октябрьским событиям 1917 года. Сам Невский, хотя и не написал развернутой автобиографии, выступал в роли мемуариста в статье «Две встречи», посвященной его общению с Зиновьевым и Лениным в октябре 1917 года¹³.

Несмотря на это, Невский видел задачу своего журнала в другом. Уже после своего ухода из Петроградского Истпарта в 1924 году во введении к «Историко-революционному сборнику» под его редакцией он писал так: «Изучение истории революционного движения вообще и рабочего движения в частности, без сомнения, двинется особенно успешно вперед, как скоро двинется вперед разработка

¹⁰ Комаров Н. С., «Создание и деятельность Истпарта ЦК. 1920–1928 гг.», *Вопросы истории КПСС*, №5 (1958): 157-158.

¹¹ РГАСПИ Ф. 70. Оп. 4. Д. 310. Л. 25.

¹² «От Петроградского бюро Истпарта», *Красная летопись*, №1 (1922): 8.

¹³ Невский В. И., «Две встречи», *Красная летопись*, №4 (1922): 142–146.

наших архивных богатств, заключающих в себе огромнейшие собрания всякого рода материалов»¹⁴. Именно в этом заключались, по мнению Невского, задачи чисто исследовательского характера. Журнал же «Пролетарская революция» обслуживает пролетарские массы, поэтому не может уделять этим задачам достаточно много места, а «попытка создать такой (исследовательского характера – Р. Г.) журнал в лице «Красной летописи» также встретила вполне понятные затруднения: и Петроградское бюро Истпарта имеет дело с пролетарскими массами, а не только с узким исследовательским кругом»¹⁵. В его интерпретации акцент на воспоминаниях, который делает «Пролетарская революция» не связан с задачами исторической науки, а является уступкой «массе». Невский не видел себя в качестве просветителя рабочих и молодежи, популяризатора или пропагандиста, он стремился к научной разработке истории революции.

Если Ольминский, следуя «принципу партийности», стремился монополизировать право на интерпретацию революционного прошлого в руках корпорации старых большевиков, то Невский противопоставлял ему «объективность» разных точек зрения¹⁶, существовавших в «Красной летописи», что особенно ярко проявлялось в изображении «больших событий» революционной истории: 1905 и 1917 годов.

Сравнивая событийность 1905 и 1917 года в «Красной летописи», можно обратить внимание на то, что и в том, и в другом случае редакция стремится показать события с разных точек зрения, но реализуется этот принцип по-разному. В обоих случаях составители журнала работают с временным и пространственным планами и

¹⁴ *Историко-революционный сборник*. Т. 1. (М-Пг: Гоиздат, 1924), 5.

¹⁵ *Историко-революционный сборник*. 5.

¹⁶ Для анализа точек зрения, использующихся для изображения революционной истории в «Красной летописи», я буду использовать подход Бориса Успенского, описанный в книге «Поэтика композиции» (Успенский Б. А., *Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы* (М: Искусство, 1995), 225). Успенский предлагает выделять 4 плана проявления точки зрения в тексте: план оценки (или идеологический план), план фразеологии, план пространственно-временной характеристики и план психологии. Помимо этого, Успенский пишет еще об одном способе противопоставления точек зрения, являющимся сквозным для всех четырех планов – это разделение на внутреннюю и внешнюю точки зрения.

демонстрируют нам события из «сейчас» – 1922–1923 годов – через воспоминания и из «тогда», привлекая архивные материалы и современную событиям печать. События конструируются не в точке, а в пространственной протяженности, демонстрируя местную специфику. Но если обратить внимание на то, как разворачивается идеологический план, мы увидим большую разницу. В номере, посвященном 9 января 1905 года мы читаем рассказ А. Е. Карелина – одного из ближайших сподвижников Гапона в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих», перепечатку из вышедших за границей мемуаров С. Ю. Витте, «Доклад присяжных поверенных о событиях в Петербурге 9 января 1905 года» – документ, во многом определивший позицию либералов в разрастающейся революции. Еще одним документом, опубликованным в «Красной летописи» был доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел. Лопухин писал о «Собрании русских фабрично-заводских рабочих» как о хорошем начинании, которое было погублено «под влиянием подпольных политических агитаторов»¹⁷, привнесших чуждые рабочим политические требования и подтолкнувших их к выступлению.

Чтобы показать, как реагировали социал-демократы на произошедшие 9 января в Петербурге события, Невский публикует в первом номере «Красной летописи» прокламации и листки Петербургского комитета и петербургской организации РСДРП, где соседствуют издания и меньшевиков, и большевиков. Однако, несмотря на то, что эти документы воспроизводят точку зрения партии на события, они не становятся «ключом» для правильного чтения других материалов, но так же, как и все остальное, требуют критики. В комментарии редакторы писали: «Картина движения, рисуемая этими листками, в общем, конечно, верна, но некоторые детали абсолютно не заслуживают доверия и относят к области тех слухов, о которых мы говорили»¹⁸. При этом, редакция «Красной летописи» очевидно стремится предупредить обвинения в предвзя-

¹⁷ «Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9го января», *Красная летопись*, №1 (1922): 336.

¹⁸ «Прокламации Петербургского комитета и петербургской группы РСДРП январских дней 1905 года», *Красная летопись*, №1 (1922): 162.

тости. Это выразилось в том, что Невский в статье «Январские дни в Петербурге в 1905 г.» подчеркивал неудачи РСДРП в 1905 году, говоря о том, что социал-демократы просто «проглядели рост рабочего движения»¹⁹, тогда как в том же номере Н. А. Бухбиндер писал, что «в районе Бунда, в отличие от других местностей, происходило не стихийное выступление масс, а старательно подготовленное и организованное». Причем русские рабочие в этих же местностях часто становились штрейкбрехерами, «так как в частности группы РСДРП вели слабую работу среди русского населения и пользовались небольшим влиянием»²⁰.

Главное событие революционной истории – октябрьская революция – тоже конструируется из разных точек зрения. Анализируя событие октябрьской революции, можно выделить «военный» и «гражданский» опыт революции. Сказались связи Невского, сохранившиеся со времен его работы в Военно-Революционном комитете и Военной организации Петроградского комитета большевиков, журнал заполнен рассказами солдат, матросов и красногвардейцев, группирующихся вокруг статьи Подвойского «Военная организация РСДРП (б)». Подвойский рассказывает историю о том, что революция – это результат победы Военной организации большевиков в борьбе за «овладение этой серой крестьянской массой – армией»²¹, которую нужно то «революционизировать», то сдерживать ее стихийные выступления.

Октябрь изображается не только как дело солдат и красноармейцев, но и тех, кто непосредственно не держал винтовку в руках. В текстах военных видно стремление показать, что «настоящий» октябрь пережили именно они, остальные же были только наблюдателями этого действия²². Поэтому «гражданским» важно было расс-

¹⁹ Невский В. И., «Январские дни в Петербурге в 1905 г (По неизданным архивным материалам)», *Красная летопись*, №1 (1922): 25.

²⁰ Бухбиндер Н. А., «Еврейское рабочее движение и 9-е января (По неизданным архивным материалам)», *Красная летопись*, №1 (1922): 83.

²¹ Подвойский Н., «Военная организация РСДРП (б)», *Красная летопись*, №6 (1923): 65.

²² Например, солдат Л. Игнатъев, который участвовал в захвате Николаевского вокзала, писал: «Обыватель, заснувший при временном правительстве и проснувшийся при советской власти, недоумевал...» (Игнатъев Л., «В ночь на 25е октября», *Красная летопись*, №6 (1923): 314).

казать об октябре изнутри, чтобы не превратиться из революционеров в обывателей: А. Ю. Иткин рассказывает, как воевали с меньшевиками в союзе торгово-промышленных служащих (председатель собрания даже сломал колокольчик, усмиряя меньшевика)²³, М. К. Лемке, заведующий экспедицией заготовления государственных бумаг, соблюдает по-настоящему воинскую дисциплину и борется с саботажем чиновников финансового ведомства²⁴, Г. Шидловский в управлении шоссейных дорог разбирается с бумагами до поздней ночи, сваливается спать тут же с револьвером под подушкой²⁵.

Сравнивая событийность 1905 и 1917 года в «Красной летописи», можно обратить внимание на то, что и в том, и в другом случае редакция стремится показать события с разных точек зрения, но реализуется этот принцип по-разному. О «кровавом воскресенье» нам рассказывают царский сановник Витте и либеральные присяжные поверенные, гапоновец Карелин и большевистские прокламации – здесь представлены противоположные идеологически точки зрения на событие. Октябрьская революция сделана в журнале по-другому. Про нее тоже рассказывают из разных точек, используется разный опыт революции, но все эти точки – это в той или иной мере «наши». Это большевики или сочувствующие беспартийные, это рабочие или интеллигенты, поддерживающие новую власть, это партийные документы.

Причина этой разницы вскрывается в словах Невского о номере, посвященном октябрьской революции: он пишет, что редакция сознательно воздержалась от комментариев к публикуемым материалам и воспоминаниям, потому что «время для таких комментариев еще не наступило»²⁶. Несмотря на то, что истпартовцы не принимали существовавшего в дореволюционной академии представления о том, что беспристрастно можно писать историю хотя бы вековой давности, само представление о необходимости дистанции,

²³ Иткин А. Ю., «В Управлении делами Совнаркома в октябре 1917 г.», *Красная летопись*, №6 (1923): 162–164.

²⁴ Лемке М. К., «Они продержатся не больше 5-7 дней» (по дневнику), *Красная летопись*, №6 (1923): 170–175.

²⁵ Шидловский Г., «Упшос» в октябре 1917 г., *Красная летопись*, №6 (1923): 178–181.

²⁶ «От редакций», *Красная летопись*, №6 (1923): 9.

разделяющей исследователя и исследуемое, сохранялось. Поэтому истории о 1917 годе в «Красной летописи» - это еще не совсем история, тогда как в случае 1905 года, редакция явно следит за тем, чтобы предупредить обвинения в необъективности и фальсификации истории, поэтому нарочито много привлекается оценок политических противников большевиков, поэтому акцентируется внимание на успехах Бунда на фоне неудач РСДРП.

Анализ содержания журнала показывает, что для В. И. Невского была чрезвычайно важна научная составляющая его проекта – журнала «Красная летопись». Однако Невский и его коллеги реализовали «научность» специфическим образом, не воспроизводя только установки Центрального Истпарта. Прежде всего, она предполагала необходимость «накопления» материала – систематизации, комментирования и публикации документов, которые показывали бы революционные события с разных точек зрения: причем важны были не только партийные документы, но и голоса политических противников. Разные точки зрения должны были создать «объективную» картину. Кроме того, для написания настоящей истории сопоставления точек зрения было недостаточно, необходим был еще определенный период, отделяющий исследователя от исследуемого события.

История журнала «Красная летопись» показывает, что методы взаимодействия большевиков с интеллектуалами нельзя рассматривать только в категориях насилия и репрессий. Проект большевика В. И. Невского представлял собой попытку говорить с учеными на их языке и отражал стремление «играть по их правилам».

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОСНОВНЫХ МОМЕНТАХ ИСТОРИИ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ПЫЛЬЦЫН Ю. С.

магистрант

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
imperets.92.9292@mail.ru

ABSTRACT: Present article overviews modern historiography on the most important events in the history of the Terek Cossacks during the period of 1917–1920. We can conclude that modern historiography has moved to new positions in the study of the Civil War in the Caucasus. However, many important moments are still not studied enough, that is, the issue has not yet been exhausted.

KEYWORDS: Гражданская война в России, Кавказ, Терское казачество, историография

Терское казачье войско ведёт свой отсчёт с 1577 года. Казаки издавна жили на кавказском фронтире Российской империи и, так или иначе, взаимодействовали с соседями - «инородцами». В моменты исторических переломов обнажались все проблемы одновременно, образуя сложный клубок противоречий. Так было и в Гражданскую войну. Войско оказалось втянуто в противоборство с иногородними и с пролетариатом, с иноэтническими и иноконфессиональными группами; в таком объёме во время Гражданской войны с вышеуказанными группами не контактировало ни одно войско. Именно это причудливое переплетение в истории терцев делает актуальным исследование данной проблемы сегодня, особенно тогда, когда обстановка на северном Кавказе остаётся напряжённой.

Говорить, что Гражданская война на Северном Кавказе обойдена вниманием историков, не совсем корректно. Скорее, наоборот, на протяжении всего советского периода множество авторов (в том числе из разных национальных республик) пытались подробно осветить все перипетии событий 1917–1920 гг. на Тереке. Советская историография рассматривала Гражданскую войну в Терской области исключительно как конфликт «эксплуатируемых» и «эксплу-

ататоров». Однако подобный подход сводил всё к упрощению и часто не отражал всей сложности ситуации. Работы, где затрагивается данная проблема делятся на два типа: по истории кавказского региона и общие работы по истории гражданской войны. Исследований по истории Терского казачества в Гражданской войне, как таковых, не было.

Начиная с 1990-х гг. изучение Гражданской войны характеризуется введением в научный оборот новых источников. Чеченская война подогрела интерес к истории Терского казачества. Как раз в Новейшее время парадигма исследования меняется. Гражданскую войну на Тереке стали рассматривать через призму межнациональных отношений.

В различных работах есть некоторые «узловые» темы, которые, так или иначе, затрагивали большинство исследователей, занимающихся данной темой. Эти сюжеты и будут рассмотрены в данной статье.

Прежде всего акцент делается на взаимоотношении казаков и горцев на этническом факторе.

Уже в работе 1997 года справедливо указывается на недостаточную изученность при советской власти соотношения «революционно-демократических» и «буржуазно-националистических» потоков в национальном движении и процесса разрешения советской властью национального вопроса в условиях Северного Кавказа¹.

В дальнейшем практически все работы в качестве основной особенности противостояния в Терской области называли именно этнические конфликты в регионе.

Некоторые авторы, как В. Лобанов, углубляются даже до событий кавказской войны XIX в., которая оставила неизгладимый след в жизни как горцев, так и казаков, наложив глубокий отпечаток на их быт и мировоззрение. А так же многонациональный состав населения, переплетение различных укладов жизни и остро стоявший земельный вопрос².

¹ Магомедов М. А., «О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе», *Отечественная история*, 1997, no. 6: 81.

² Лобанов В. Б., «К истории Гражданской войны на Северном Кавказе: Терское восстание 1918 г.», *Новейшая история России*, 2013, no. 1: 57.

Однако о взаимодействии казаков и горцев авторы писали по-разному. Так, в работе историка О. Гончаренко чеченцы (иных горцев автор даже не упоминает) предстают лишь как грабители, сводившие счёты с терскими казаками, у которых не было даже более-менее организованных политических институтов в период Гражданской войны³. Такое внимание к чеченцам можно объяснить влиянием чеченских кампаний конца XX века. В результате чеченцы превратились в главного антагониста русского населения на Кавказе.

В других работах такой жёсткой оппозиции «казаки-горцы» нет. «Непростые взаимоотношения существовали и между некоторыми горскими народами»⁴, включая разницу в отношении к казакам, от полного неприятия последних (ингуши, чеченцы) до совместной борьбы (осетины и кабардинцы⁵, которые были настроены вполне мирно, и из них даже пытались формировать офицерские отряды)⁶. По мнению А. Ю. Безугольного, основные факторы, определившие, в конечном счете, окончательный выбор осетин были: конфессиональная общность, застарелые поземельные споры с ингушами, давняя традиция осетин служить в казачьих войсках⁷.

Так же А. Безугольный, вслед за большевиком С. Кавтарадзе, отмечает, что национальная борьба в Терской области совпадает с классово⁸. Безугольный склонен рассматривать казаков как единый, условно говоря, «богатый класс», а горцев, условно говоря, как «класс бедный». Автор так же особо выделяет чеченцев и ингушей, как народностей, у которых с казаками был «глубокий антагонизм».

Пожалуй, единственной работой, где чувствуется старый, советский взгляд на Гражданскую войну на Тереке является учебное пособие «История Северной Осетии: XX век». Но даже с акцен-

³ Гончаренко О. Г., *Белое движение. Поход от Тихого Дона до Тихого океана* (М.: Вече, 2007), С. 164.

⁴ Трут В. П., *Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций* (М.: Яуза, Эксмо, 2000), С. 368.

⁵ Бурда Э., *Терское казачество в период революций и гражданской войны*, URL: http://www.cossack.su/article/read/terskoe_kazachestvo_1917_1921.html

⁶ Трут, *Дорогой славы и утрат*, 332.

⁷ Безугольный А. Ю., *Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919*. (М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011), 169.

⁸ Безугольный, *Генерал Бичерахов и его Кавказская армия*, 152.

том на классовом характере (выделение среди казаков, осетин и др. «контрреволюционной верхушки» и «революционных масс») оговаривается, что «на Тереке не столько классовое, сколько межнациональное противостояние определяло характер и особенности Гражданской войны»⁹.

Выселение четырёх казачьих станиц и заселение на эти места ингушей советской историографией рассматривались как совершенно законная и справедливая мера. В современной историографии оценки разнятся.

В альманахе «Белая гвардия», посвящённом участию казачества в Белом движении была опубликована статья Е. Жупиковой по этому вопросу. *Данная статья интересна, прежде всего, тем, что выселение станиц сунженской линии в 1918 г. не трактуется как депортация.* «Это была попытка Советской власти провести «черный передел» в Терской области, решить, как она предполагала, земельный вопрос «по справедливости»» - говорит автор¹⁰. В статье наличествует весьма умеренный взгляд на проблему. Этот акт не был вызван какой-либо иррациональной антипатией советской власти к казакам, а просто стремлением вознаградить лояльных ингушей при этом попытаться свести к минимуму негативные последствия данной меры в казачьей среде.

Похожую точку зрения занимают А. Даудов, Х. Месхидзе, в работе которых выселение четырёх казачьих станиц трактуется как «возвращение» земли ингушам¹¹.

Однако большинство авторов рассматривают данную меру как непродуманную, как «сигнал» к восстанию Терского казачества¹².

⁹ Дзасохов А. С., Джикаев Ш. Ф. и Курсаев А. Г. др., *История Северной Осетии: XX век* (М.: Наука, 2003), 166.

¹⁰ Жупикова Е. Ф., «К вопросу о депортации терского казачества в 1918–1920 гг.» в *Альманах «Белая гвардия»*, по. 8 (М., «Посев»), 130–53.

¹¹ Даудов А. Х., Месхидзе Д. И., *Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924)* (СПб.: Издательство Санкт-петербургского университета, 2009), 54.

¹² Цветков В. Ж., *Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России)* (М.: Посев, 2009), 174. Булдаков В. П., *Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарии, анализ* (М.: Новый хронограф, 2010), 751. Барадым В. П., *Жизнь генерала Шкуро* (Краснодар: Советская Кубань. 1998), 43.

Тем более, что само выселение обернулось самосудами и террором: «казаки вырезались семьями, оставшиеся в живых выбрасывались из домов. Уничтожались православные храмы и кладбища»¹³.

Пожалуй, самое изученное событие в истории Гражданской войны на Кавказе – это антисоветское восстание под руководством Георгия Бичерахова. Редкая работа обходит этот сюжет.

Есть работы, где восстание упоминается как бы вскользь: говорится о восстании терских казаков, а фамилия Бичерахова даже не упоминается¹⁴.

На сегодняшней день главной причиной восстания называется политика советского руководства: «Казачье восстание на Тереке во многом было подготовлено самой Советской властью»¹⁵. В. Лобанов прямо называет новую власть антиказачьей¹⁶. Казаки не могли защищать свои привилегии и особый статус¹⁷. В начале восстания казачество было единой, монолитной силой, вызванной ожесточением «против притеснений большевистской власти и горских разбоев»¹⁸.

Другой причиной восстания Георгия Бичерахова называется конфликт из-за земли между казаками и горцами, и сам характер борьбы носил межнациональный характер¹⁹. Однако, В. Буддаков сообщает противоположную информацию, что восставшие сотрудничали с Горским правительством²⁰.

Бичерахова поддерживали многие влиятельные в казачье-осетинских кругах боевые офицеры и генералы, а так же «служилое казачество»²¹. Противостояли Бичерахову казаки-фронтовики (осо-

¹³ Бурда, *Терское казачество в период революций и гражданской войны*.

¹⁴ Гончаренко, *Белое движение*, 85.

¹⁵ Киреев Ф. К., «Владикавказское восстание» в Альманах «Белая гвардия», no. 8. *Казачество России в Белом движении*, URL: <http://a-pesni.org/grvojna/bel/a-vladikav.php>

¹⁶ Лобанов, *К истории Гражданской войны на Северном Кавказе*, 58.

¹⁷ Бурда Э., *Бичераховское восстание. К 94-й годовщине кровавых событий в Терской области*. URL: <http://www.apn.ru/publications/article26791.htm>

¹⁸ Безугольный, *Генерал Бичерахов и его Кавказская армия*, 166.

¹⁹ Безугольный, *Генерал Бичерахов и его Кавказская армия*, 162–65, 169.

²⁰ Буддаков, *Хаос и этнос*, 882.

²¹ Дзасохов, *Джикаев и Курсаев др., История Северной Осетии: XX век*, 154

бенно, казаки сунженских станиц²² «которых в своей среде считали отщепенцами, предателями казачьих интересов»²³). Признётся, что «в белое движение были втянуты трудовые массы»²⁴.

Авторами, детально исследовавшими восстание отмечается наличие двух центров власти, образовавшимися в результате восстания Бичерахова: первый в станице Прохладной, во главе с командующим войсками полковником Н. К. Федюшкиным, второй – в Моздоке, во главе с Г. Ф. Бичераховым и эсеровским комитетом²⁵.

Итогом противостояния двух центров стала организационная незавершенность структуры Терской армии²⁶. По мнению В. Лобанова эта двойственность и явилось главной причиной поражения восстания.

В большинстве работ отношение Терского войска к Добровольческой армии характеризуется, как положительное. Тем более, что поддержка большевиков ко времени вступления Добровольческой армии была на нуле. Наблюдались случаи перехода целых батальонов и полков на сторону добровольцев. Дисциплина поддерживалась террором. Некоторые казаки записывались добровольцами в Красную армию, только чтобы пограбить соседей²⁷.

На теме участия терских казаков в рядах ВСЮР после занятия белыми Терской области более подробно, чем в более ранних работах, останавливается Р. Гагкуев. Он говорит, что терские воинские части беспрекословно исполняли боевые задачи, а все политические недоразумения решались компромиссом²⁸. В статье, опубликованной в 2008 году, автор кратко рассказывает о терских войсковых подразделениях, об их командирах, времени их формирования

²² Дзасохов, Джикаев и Курсаев др., *История Северной Осетии: XX век*, 163–4.

²³ Лобанов, *К истории Гражданской войны на Северном Кавказе*, 59–60.

²⁴ Дзасохов, Джикаев и Курсаев др., *История Северной Осетии: XX век*, 155.

²⁵ Гагкуев Р. Г., *Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг.* (М.: Посев, 2012), 247. Джамбулатов Р. Т., «Гражданская война в Терской области», *Вопросы истории*, 2008, по. 12, 81. Лобанов, *К истории Гражданской войны на Северном Кавказе*, 61.

²⁶ Гагкуев, *Белое движение на Юге России*, 247. Бурда, *Терское казачество в период революций и гражданской войны*.

²⁷ Джамбулатов, «Гражданская война в Терской области», 84–85.

²⁸ Гагкуев, *Белое движение на Юге России*, 294

и переподчинения²⁹. Похожая информация содержится и в работе С. Волкова³⁰.

Показателен факт: к концу 1917 года из 32 терских офицеров, командовавших полками, остались в живых 29. Из них 27 ушли в Белое движение³¹.

В книге-биографии В. Барадыма достаточно высоко оценивается участие терских частей в составе ВСЮР³².

В некоторых работах даётся информация о фронте в Дагестане против имама Узун-Хаджи, основную тяжесть которого несли на себе терцы³³. Более подробно о борьбе с горскими повстанцами в 1918–1919 гг. было написано в работе С. Балмасова. Действия генерала Д. Драценко оцениваются позитивно, их эффективность оценивается очень высоко³⁴.

Что касается участия казачества в сепаратистских поползновениях казаков, то все авторы приходят к консенсусу: терцы были верными сторонниками лозунга о «Единой-Неделимой» России: «несмотря на свойственное казачеству ... стремление к автономии», поддерживали Добровольческую армию до конца³⁵.

В конце 2012 года, вышло исследование, которое серьёзно изменило историографическую ситуацию в изучаемой проблеме. Речь идёт о монографии В. Б. Лобанова *«История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 (на материалах Терека и Дагестана)»*. Эта фундаментальная работа представляет собой исследование положения Терской области накануне

²⁹ Гагкуев Р. Г. «Антибольшевистское движение в Терском казачьем войске. Краткий исторический очерк» в Альманах «Белая гвардия», по. 8. *Казачество России в Белом движении*, URL:<http://a-pesni.org/grvojna/bel/a-antiterrek.php>

³⁰ Волков С. В., *Трагедия русского офицерства* (М.: Центрполиграф, 2002), 137.

³¹ Попов А., «Родом с буйного Терека» в *Российское казачество*. по. 2 (февраль. 2011), 8.

³² Барадым, *Жизнь генерала Шкуро*, 44, 56.

³³ Шамбаров В. Е. *Белогвардейщина* (М., Алгоритм, Эксмо, 2004), 319-320. Гончаренко, *Белое движение*, 211-212. Морозова О. М., «Николай Фёдорович Гикало», *Вопросы истории*, 2011. по. 9: 37-57.

³⁴ Балмасов С. С., «Покорение Чечни Вооруженными Силами Юга России в марте – апреле 1919 г.» в *Посев*, по. 3, 2003, 32-35.

³⁵ Гагкуев, *Белое движение на Юге России*, 143, Бурда, *Терское казачество в период революций и гражданской войны*, Цветков В. Ж., «Верховный круг Дона Кубани и Терека» в Альманах Мемориала «Донские казаки в борьбе с большевиками». по. 2, 105.

февральского переворота 1917 года и после него, зарождение и развитие антибольшевистских сил, включая не только восстание Бичерахова, но и борьбу казаков против горско-большевистских отрядов при правлении генерала Деникина в кон. 1918–1919 гг. Основную часть предваряет подробный историографический и источниковедческий обзор. Выводы автор делает следующие: «Силы, игравшие и играющие роль формирующих факторов в северокавказском регионе, остались те же: российское государство, плюс казачество в начале XX в., вообще русский фактор на Кавказе в целом. Вторая сила – местная либерально-демократическая, светская элита <...>. И третья сила, очень могущественная тогда и особенно набравшая обороты в последние десятилетия – ислам. Как тогда, так и теперь, с ослаблением влияния государства как такового и вообще светского фактора, постепенно на первый план выходит религиозный фактор. В глазах местных жителей ослабление власти центра, светской составляющей, воспринимается как падение авторитета России и русских как этнополитической силы»³⁶.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Во-первых, исследования проводятся под принципиально иным углом: от классового подхода внимание переместилось к межэтническим противоречиям.

Что касается степени исследованности проблемы, то серьёзные научные монографии и статьи начали появляться примерно с 2005 г. На сегодняшний день крупнейшей работой является работа В. Лобанова, но, к сожалению, её ограниченный тираж (50 экземпляров) не позволяет широкому кругу исследователей ознакомиться с этим трудом. К малоизученным эпизодам темы относится участие терцев в Белой армии и в РККА в 1919–1920-х гг. Это открывает дальнейшие перспективы для изучения этой проблемы.

³⁶ Лобанов В.Б., *История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 гг.: на материалах Терек и Дагестана* (СПб.: Полторацк, 2013), 3.

SOCIALIST CULTURE: CONTINUITY OR DISCONTINUITY

VLADISLAVA GAIDUK

PhD student

National Research University, Higher School of Economics, Moscow, Russia
vgaiduk@hse.ru

ABSTRACT: New socialist culture is regarded as an experiment for the intellectual elite but not for the proletariat. The author analyzes Narkompros' and Proletcult's theater policy to prove the statement that the socialist culture was not a governmental project. Moreover, the author shows how the government was struggling with the proletcultist trends.

KEYWORDS: Narkompros, proletcult, socialist culture, cultural heritage, Soviet theatre

Numerous attempts have been made to explain the processes happening in the sphere of culture in the 1920s and 1930s. Two main points of view can be designated regarding that time. The first one is presented by V. Paperny in the book *Culture two*. He distinguishes two different kinds of culture: "culture one" which is related to the period from 1917 till the end of the 1920s and "culture two" which is associated with Stalinist culture of the 1930s and 1940s¹. V. Paperny emphasizes that these two cultural models are completely different. He distinguishes 13 pairs of the opposite signs which characterize each kind of culture.

Hans Gunter suggests another model of the early Soviet culture. This model is based on Lotman's conception of two different types of culture.² The first type of culture is oriented to the expression while the second faces the content. This conception resembles V. Paperny's views, but it is based on the idea of developing one cultural type which will not be presented as an opposition to the others. H. Gunter introduces the concept of socialist realist canon. The first phase of it, which is called

¹ Paperny, Vladimir, *Kultura dva* (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011), 18–19.

² Lotman, Yurij, "O semioticheskom mehanizme kul'tury" in *Izbrannue stat'i*. T. 3. (Tallinn: Alexandra, 1993), 332–333.

protocanon, refers to the period from the end of 1910 till the beginning of the 1930s, and the canonical stage itself corresponds to the beginning of the 1930s and lasts till the end of the 1940s.³

In terms of the above mentioned studies the investigators do not pay much attention to the concept of socialist and proletarian culture, which was offered by A. Bogdanov even before The October Revolution. The October Revolution happened not only in the sphere of politics but in the sphere of culture as well. Vsevolod Meyerhold called theater personalities to make a revolution in the theatre. Proletcultists called for burning masterpieces of the past culture. Two main approaches regarding culture development existed at that time: continuation of the classical tradition and creation of a new culture which would be socialist.

Development of a new cultural type required a solution to the problem of the cultural tradition. In the early 1920s a question of cultural heritage was very acute and caused a large number of discussions. On the one hand, the socialist culture had positioned itself as a successor of the best cultural traditions from the past. This was Lunacharsky's point of view. The influence of his vision on the new culture can be traced from the policy pursued by the People's Commissariat of Enlightenment under his leadership.

A break with the cultural tradition was supported by Proletcult representatives. Proletcultists believed that socialist culture could be created only by proletarians and there was no need in the continuity of the cultural tradition. They considered the socialist culture to be a radically new type of culture, that is why it could only be created on the ruins of the old bourgeois culture.

In the introduction to *Power and Soviet culture* collection of documents, C. Clark and E. Dobrenko indicate that the sphere of culture and ideology has always been the sphere of legitimization of the governmental system.⁴ Therefore, the political component can be found in all cultural discussions at that time. The subjects of theatrical discussions in 1918–1920 can also be revealing towards the attitude to the cultural tradition.

³ Gunter, Hans, "Zhiznennye fazy socrealisticheskogo kanona" in *Socrealisticheskij kanon* (Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2000), 281–288.

⁴ Clark, Katerina, Dobrenko, Evgeny, "Introduction" to *Soviet culture and power. A history in Documents, 1917–1953*. (New Haven and London : Yale University press, 2007), xii.

The role of managing the theatrical sphere was transferred to the People's Commissariat of Enlightenment, created in November, 1917. Initially there was no separate theatrical sector in the structure of Nar-kompros, the theatre department appeared only in September, 1918. This department had several goals described as the following: "a general guide for the national theatrical business: creation of a new theatre in connection with the restructuring of the government and society on the basis of socialism; management of artistic and professional life in the theatre".⁵

It should be noted that the term "new theatre" used in the quotation above, was not clearly defined. A. Lunacharsky associated this term with modernity and renovation. He suggested to make theatres more available and to expel "hostile or waste elements" from the theatre area. However, A. Lunacharsky insisted on keeping the old theatres: "The proletariat cannot pass by all those cultural treasures, which had been left by the past".⁶

The journal *Bulletin of the theatre* (Bulleten Teatra) became the main platform for theatrical debates. Two major points can be distinguished in those debates: 1) theatrical tradition and 2) repertoire of contemporary theatres. These issues directly affected the correlation problem between the old and the new not only in the theatre, but in every other cultural aspect. In particular, it was essential to decide what the new theatre would represent and what place the pre-revolutionary theatres would take in the new system.

Representatives of the Proletarian art supported nihilistic points of view. It should be admitted that the first conference of Proletcult, which laid the foundation for Russian National Proletarian Organizations, was convened in September 1917 on Lunacharsky's initiative. Thereafter the radical theatre policy proposed by Proletcult, was criticized by the People's Commissar of Enlightenment. After the October revolution, Proletcult became an independent organization, L. Mally emphasized that Proletcult representatives considered their organization to be

⁵ *Sobranie Uzakonenij RSFSR (hereafter SU RSFSR), №. 68 (1918). Art. 740.*

⁶ Lunacharsky, Alexandre, *Idealism I materialism. Kultura burzhuazhaya I proletarskaya* (Petrograd: Put' k znaniu, 1923), 105.

the only one which could promote proletarian interests.⁷ They opposed their conception of the cultural development to the governmental one.

In Soviet historiography Bogdanov's conception of culture was considered to be the basis of the Proletcult ideology.⁸ In Bogdanov's studies the proletarian culture was defined as "collective art which would bring people up in the spirit of deep solidarity, comradesly cooperation, and close brotherhood, connected by the common ideal".⁹ Reconsideration of the cultural heritage should become an integral part of the proletarian culture. The proletariat should be critical about past cultures, analyze and interpret them in the political way.

A. Bogdanov did not deny the value of the previous culture. In his study he stated that acquisition of the cultural heritage was one of the main goals of the proletariat in the cultural sphere.¹⁰ He did not insist on destroying the cultural heritage, as many Proletcultists did. He stressed the possibility of the continuation of the previous cultural tradition.

Proletcult's radical attitude towards pre-revolutionary theatres forced A. Lunacharsky to conduct so-called conservative policy in the theatrical sphere. The main point of this policy was to create a Division of State Theatres in the Theatrical Department of the Narkompros (TEO NKP), which would be directly subordinated to the People's Commissar of Enlightenment. Famous theatres like Bolshoy Theatre, Maly Theatre, Mariinsky Theatre, Children's Theatre, The Moscow Art Theatre with all their studios were listed as State theatres.

Another radical proposal suggested by Proletcult was the policy of theatrical nationalization. O. Kameneva, the head of the TEO NKP, just as A. Lunacharsky, was against such dramatic changes. In her report on this problem O. Kameneva emphasized that nationalization could

⁷ Mally, Lean, *Culture of the future. The proletariat movement in Revolutionary Russia* (Berkeley, Los Angeles: University of the California Press, 1990), 20.

⁸ Gobunov, Vladimir, "Kritika V. Leninyim teorij Proletculta ob otnoshenii k kulturnomy naslediu" in *Voprosy istorii KPSS*. №. 5 (1968), 85.; Ermakov, Vladimir, "Idejnaja bor'ba na kulturnom fronte v pervye gody sovetsoj vlasti" in: *Voprosy istorii* № 11. (1971), 24.

⁹ Bogdanov, Alexandr, "Proletariat i kultura" in: *Voprosy socializma* (Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1990), 422.

¹⁰ Bogdanov, Alexandr, "O Khydozhestvennom nasledstve" in *Voprosy socialism* (Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1990), 426.

only destroy theatres.¹¹ A. Lunacharsky published his project on nationalization of the theatre business in *Izvestia*. The key aspect of this project was to divide all theaters into autonomous ones and non-autonomous ones. The group of autonomous theaters would include theaters whose cultural value was recognized as indisputable. All other theaters should be considered non-autonomous. Non-autonomous theaters must comply with all the instructions provided by Tsentrteatr, which was specially created for this purpose, while autonomous theaters were directly subordinated to the People's Commissar of Enlightenment.¹²

The final version of the ordinance enacted on the 26 August, 1919 was based on Lunacharsky's draft. The ordinance declared the country-wide nationalization of theatrical property, but it also separated State theaters from all the others. Therefore, it was one of the first Proletcult's defeats on the political front.

Another important problem was the problem of repertoire. There were no new plays produced, and theater directors had to put the pre-revolutionary plays on the stage. A. Lunacharsky created a special repertoire division in the TEO NKP. This division had to help theaters with the choice of the right plays from the pre-revolutionary repertoire of Russia, from the repertoire of other countries and from the emerging Soviet repertoire. The division not only approved or disapproved plays, proposed by the theaters, but also formed a list of the recommended plays for different types of theaters.¹³

It should be mentioned that the functions implemented by the Repertoire Division were later assigned to Glavrepertkom, established in 1923. Consequently, the beginning of theatrical censorship should be attributed to 1918, not to 1923, as it is considered in historiography.¹⁴

The repertoire problem was also associated with the perception of contemporary plays by the worker-peasant audience. In his article *In the*

¹¹ Russian State Archive (hereafter GARF). Commissariat of Enlightenment. Fond 2306. Opis' 24. Number 13. Folio. 3.

¹² Lunacharsky, Alexandr, "Teatr i iskusstvo" in *Izvestia* №. 174. (August 1919), 4.

¹³ GARF. F. 2306. Op. 24. №. 6. F. 1.

¹⁴ Blum, Arlen, *Za kulisami ministerstva pravdy: Tainaja istorija sovetskoj cenzury v SSSR 1917–1929* (Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1994); Gorjaeva, Tatjana, *Politicheskaja cenzura v SSSR, 1917–1991* (Moskva: POSSPEN, 2009); Leach, Robert, *Revolutionary Theatre* (London, New York, Routledge, 1994).

Name of the Proletariat, A. Lunacharsky stated that workers and peasants did not understand modern pieces and asked the authorities to replace them by Gogol and Ostrovsky's plays.¹⁵ In the middle of the 1920s special commissions began to appear, among them the Commission for Audience Study at the State Academy of Arts. The main purpose of these commissions was to investigate the perception of various performances by the new audience.

Proletcultist theatrical performances resembled Futurist and Dadaist theater experiments. In this aspect, the theater proposed by Proletcultists correlates more with the European tradition. The Repertoire Division was intended to protect state theaters from Proletcult's tendencies regarding the repertoire.

P. Kerzhentsev, the main Proletcult's ideologist in the theater sphere, and A. Lunacharsky built two different schemes how to develop theatrical art. A. Lunacharsky emphasized the need to eradicate illiteracy among the proletariat through its acquaintance with the old theatre achievements. The Old theatre had to lay a solid foundation on which the new socialist theater would be built, and only in this case the new art would be appreciated by a wide audience of workers and peasants.

P. Kerzhentsev analyzed the situation in a reverse order: the proletariat must initially build its own new socialist theater and only after "the period of peaceful socialist construction" workers and peasants will be able to evaluate the achievements of the old theater.

At the conference on artistic life, which was held in Moscow in 1919, neither Lunacharsky's, nor Kerzhentsev's concept received unanimous support. The conference outcome was a combination of the two points of view: "The proletariat creates its art not only through the critical study of classic models of the past, but also by the revolutionary ideological break with the spirit of bourgeois culture".¹⁶

Proletcultist activity was criticized by the Party leadership in December, 1920 after the publication of the letter "On Proletcults" in *Pravda*.¹⁷ The overall characteristic of Proletcultist perspective is contained in Prosvetov's report "The Problem of Institutional Theatre": "Prolet-

¹⁵ Lunacharsky, Alexandr, "Imenem Proletariata" in: *Vestnik teatra* №. 50 (1919), 4.

¹⁶ *Konferencia po voprosam hudozhestvennoj zhizni Moskvy*, 1919. №.58., 4.

¹⁷ "O proletcultah" in: *Pravda* №.278. (December 1920), 1.

cult waived a formal framework for different theatrical trends and thus, declared its loyalty to all theatrical areas".¹⁸

Hence, the intervention of the Central Committee of the Communist Party put an end to the confrontation between Narkompros and Proletcult not only in the theatrical sphere, but in every other cultural aspect. Proletcult became one of the departments at Narkompros and TEO NKP which was subordinated to Glavpolitprosvet, headed by N. Krupskaya.

The continuity of cultural tradition of the past was the only possible way to develop new Soviet culture. The eliminating of Proletcult from the political arena at the beginning of 1920s only proves this fact. New socialist culture was an utopian experiment for the intellectual elite but not for proletarians or peasants. As it was precisely specified in one of the articles, the Civil War had brought the acute political and economical problems at the forefront, while cultural problems stayed in the background.¹⁹ Therefore, this situation contributed to the implementation of different cultural experiments, socialist culture in particular, but in the middle of 1920s political and economical situation had stabilized and the government shifted its attention to the cultural sphere.

¹⁸ Russian State Archive of Art and Literature. Proletcult. Fond. 1230. Opis' 1. Number 371. Folio. 1.

¹⁹ Ermakov, Vladimir, "Idejnaja bor'ba na kultur'nom fronte v pervye gody sovetskoj vlasti" in: *Voprosy istorii* №11. (1971), 21.

THE BOLSHEVIK ALTERNATIVE TO STALINISM

GIOVANNI CADIOLI

PhD student

Faculty of History and St Antony's College, University of Oxford, England
giovanni.cadioli@giucad.com

ABSTRACT: The present paper focuses on the thought of Nikolai Ivanovich Bukharin. It provides a survey of the political and economic components of such thought during three distinct periods - the early 1920s, the late 1920s and the early 1930s - as well as an appraisal of its significance in relation to one of the most crucial turning points of Soviet history - Stalin's "revolution from above" - and to subsequent historical phases.

KEYWORDS: Bukharin, Bolshevism, Stalin, Stalinism, alternative, reform, 1920s debate

Introduction

What the author identifies as the "Bolshevik alternative to Stalinism", is the thought of Nikolai Ivanovich Bukharin, leading Bolshevik economist and theoretician, in the 1921–1936 period.

The practical viability of alternatives to Stalinism, the 1920s debate, the Right Opposition, Bukharin himself as a political figure and Bukharinism as a tendency of Bolshevism and Marxism have been already extensively discussed in several leading scholars' renown publications and in digests of Marxist literature.¹ Goal of the present paper is to provide an appraisal of Bukharin's political and economic thought as well as to discuss its historical significance, specifically in relation to one of the most crucial turning points in Soviet history, Stalin's "revolution from above".

A note of chronological and conceptual clarification is now in order. Indeed, speaking of an "alternative to Stalinism" could misleadingly lead

¹ Nove *Was Stalin really necessary?*; Erlich, *The 1920s Industrialization Debate*; Daniels, *The Conscience of the Revolution*; Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*; Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates*; Predrag Vranicki, *Storia del Marxismo*; Aldo Zanardo, *Storia del Marxismo Contemporaneo*.

into the belief that in the USSR of the 1920s there happened some sort of vote or debate between two opposite “grand plans”, a Stalinist and a non-Stalinist one, which were internally coherent, all-encompassing and represented two clear and defined alternatives. This was not the case.

Stalin’s economic and political strategy was not a pre-conceptualized coherent plan, that the future dictator had in mind since a specific date, but one that matured over the course of the late 1920s and 1930s. Similarly, it is not possible to identify one single structured and homogeneous opposition group that faced Stalin throughout the 1920s. Indeed, Bukharin and Stalin remained officially allied until 1927–1928 and defeated together the Trotsky’s Left Opposition, the New Opposition, formed by their former allies Zinoviev and Kamenev, and the union between these two forces.

Also to be clarified is the type of alternative we are discussing: as Stephen Cohen wrote, Bukharin’s alternative was „not a democratic alternative [but] one to the atrocities of Stalinism”.²

The New Economic Policy of 1921

NEP was announced in 1921 by Lenin out of desperation and of justified fear that not White reactionaries, but angered workers, peasants and soldiers could have toppled the Bolsheviks. This „strategical retreat”,³ that followed several other offensives and retreats, was just another sign that, as Robert Service wrote, the Bolsheviks were consistently „fumbling and improvising”.⁴

As of 1921, the economy laid in ruins. Compared to 1913, the 1921 gross output of all industries fell of more than two thirds, with large scale industry in particular being reduced at one fifth of its previous size. Exports were 1.3% of what they had been in 1913, while agricultural production decreased “only” of 40%.⁵

Under NEP the “commanding heights”, „banking, large scale industry,

² Cohen, *Bucharin e il bucharinismo*, 20.

³ Lenin, *Selected Works*, Vol. 33, 63.

⁴ Service, *The Penguin History of Modern Russia*, 99.

⁵ Nove, *An Economic History of the USSR*, 68.

wholesale trade and foreign trade”, were maintained under State control and large-scale industry was reorganized and its firms were divided between central and local-controlled ones. Medium size industries were leased and small scale ones privatized.⁶

Foodstuff requisitions were substituted by a low tax in kind, which left the peasants with consistent marketable surplus. Market exchange, the use of currency, private propriety, labour hiring and land leasing were officially reintroduced and peasants were allowed to „sell their products freely, locally or nationally, to private traders, direct to other individuals, or to state agencies”.⁷

That is why Christopher Davis defined NEP as a „hybrid of command and market socialism”⁸ and Alec Nove wrote that during NEP „there was no fully worked-out production and allocation programme, no ‘command economy’”.⁹

By 1926, Soviet sown area, harvest and livestock equalled 1913 levels, while overall industrial production overtook them.¹⁰

This was however not easily achieved as throughout its existence NEP was hit by three crises, the “scissors crisis” in 1923, the “goods famine” in 1925 and the “grain crisis” in 1928. The great question moreover was whether, after having facilitated economic restoration, NEP could serve well as a strategy for the reconstruction period and specifically for industrialization.

Bukharin and the 1920s debate

As Cohen wrote, Bukharin, after repudiating his Left communist past, became the champion of that Bolshevik „cautious and moderate [tradition] only faintly articulated before 1921”, endorsing what Cohen as well as Robert Daniels and Moshe Lewin defined a reformist and gradualist approach to the political and economic affairs of the USSR.¹¹

⁶ Davis, *Russia: A Comparative Economic Systems Interpretation*, 332–334.

⁷ Davies, *Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev*, 24.

⁸ Davis, *Russia: A Comparative Economic Systems Interpretation*, 323.

⁹ Nove, *An Economic History of the USSR*, 101.

¹⁰ *Ibid.*, 94.

¹¹ Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, 129; Daniels, *The Conscience of the Revolution*; Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates*.

The author agrees with Cohen and Francesco Benvenuti's idea that Bukharin's thinking had „mainly a moral and political basis”.¹² Indeed, as John Salter wrote, Bukharin's „theory of economic equilibrium [...] complemented the social equilibrium of the alliance between the workers and peasants”.¹³

Precisely the „worker-peasant alliance” was the main ingredient of Bukharin's idea of social equilibrium. This concept was borrowed from Lenin and official Bolshevik policy, but it was Bukharin who would have politically invested the most on such idea.¹⁴ As Bukharin reiterated in 1927, this alliance was the reason „why we [...] won”. After the „death hour of the state of the capital and of the state of the landowners”, it was of course the working class that freed itself first from the domain of the bourgeoisie and „snatched wide strata of the peasantry” from such domain, but still it was the „union” between the two that made „victory possible”.¹⁵

Closely linked to the “alliance” was the concept of „growing into socialism”, a pure expression of gradualism. Bukharin, speaking at the 2nd Comintern Congress in 1922, defined this “growing” as „long process of development, where the socialist relations of production and of distribution win more and more ground, and thus slowly all the remains of the capitalist economy are being swept away, until the complete transformation of the capitalist society into a socialist one takes place”.¹⁶

In 1924 Bukharin launched one of his most far-reaching proposals, that however he „never really developed [...] fully”.¹⁷ Bukharin was convinced that, as a result of Civil War policies, there existed a „vacuum” between the Bolshevik authorities and the Soviet people. He therefore suggested

¹² Cohen, *Bukharin e bucharinismo*, 26; Benvenuti, *Bukharin nella storia sovietica degli anni '20*, 30.

¹³ Salter, *On the Interpretation of Bukharin's Economic Ideas*, 570.

¹⁴ Lenin was writing of such an alliance during the Civil War, however specifically referring to poor peasants and “middle” ones - Lenin, *Collected Works*, Vol. 28, 59-185. The Bolsheviks also included mention of this alliance in their report to the 3rd Comintern Congress in 1921 - Lenin, *Selected Works*, Vol. 2, 732. Bukharin however was mostly inspired by one of Lenin's last writings, the enigmatic *On Cooperation* - Lenin *Collected Works*, Vol. 33, 467.

¹⁵ Nikolai Bukharin, *Put' k sotsializmu i raboche-krestianskii soyuz*, 249-250.

¹⁶ *Protokoll des Vierten Kongresses*, 415-416.

¹⁷ Hosking, *The First Socialist Society*, 139.

to fill such „vacuum” with „hundreds and thousands of small and large rapidly expanding voluntary societies, circles, and associations”. In such a way a mechanism of „decentralized initiative” would emerge; as a result, Party and masses would have been linked by a relationship of mutual influence.¹⁸ This was part of Bukharin’s idea that modernization was to be also a cultural and educational process, echoing not only the last Lenin but also Rosa Luxemburg’s wise remarks to the Bolsheviks in 1918.¹⁹

In late 1923 Party debate intensified. The “scissors crisis” was resolved in a favorable way for the peasants, displeasing the Left, which openly attacked Party bureaucratization through the Declaration of the Forty-Six and Trotsky’s New Course.²⁰ At the 13th Party Congress in 1924 the Left was defeated and yet on that same year its leading economist, Yevgeni Alekseyevich Preobrazhensky, launched his famous theory of „primitive socialist accumulation”.²¹

Bukharin therefore reacted against what he dubbed “super-industrialist” proposals and suggested his own strategy for industrialization based on „an intensification of commodity exchange between state industry and peasant agriculture”²² and on maintaining „certain definite proportions between the different sectors of the economy”.²³

Daniels summarizes Bukharin’s strategy as follows:

„[industry] would have to develop in response to the monetary demand for its product; consumer-goods industry would respond in the first instance to the needs of a prosperous peasantry, while heavy industry would develop in answer to the need for expanding the facilities for the production of consumer goods”.²⁴

¹⁸ Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, 145.

¹⁹ Daniels, *A Documentary History of Communism*, 161.

²⁰ *Ibid.*, 239-246.

²¹ The theory of “primitive socialist accumulation” argued for the accumulation of resources to be gathered outside the State socialist economic complex i.e. from agriculture. Through a combination of foreign trade monopoly and pricing policy, resources were to be extracted from the peasants and were to be directed towards industrialization - Vranicky, *Storia del Marxismo*, Vol. 3, 185 and Erlich, *The 1920s Industrialization Debate*, Chap. 2.

²² Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, 209.

²³ Salter, *On the Interpretation of Bukharin’s Economic Ideas*, 566.

²⁴ Daniels, *The Conscience of the Revolution*, 357.

This is why in 1925 Bukharin wrote on Bolshevik that he encouraged the peasants to “enrich themselves”, a statement that made several Party members rise an eyebrow and that the cautious Stalin publicly disagreed with. That same year, at the 14th Party Congress, Bukharin stated that the country should have industrialized at „a snail’s pace”.²⁵

Therefore, Bukharin refused what he saw as the unrealistic tempos for capital investment suggested by the Left and to „reach socialism by no other ways than through market relations”, as he wrote in his famous 1925 pamphlet *The road to socialism and the worker-peasant alliance*.²⁶ The market exchange he sponsored was of course one where prices favorable to agriculture were imposed by the State.

Precisely Bukharin’s *The road to socialism* shows the complementarity of his political and economic thought in his planned „course of the development of socialism through co-operation”. He thought, as Lenin did in his *On Cooperation*, that „the growth of co-operatives means, in essence, the growth of socialism” and that „we must confront village traders’ [private] shops not with organs of direct compulsion and violence but with good co-operative shops”. Echoing his previous considerations about “voluntary societies”, Bukharin stressed the „total voluntariness and on internal democracy inside the co-operatives” and the necessity to „free the co-operatives from unnecessary obligations which fall within the competence of the state organs”.²⁷

The years 1925–1926 marked a crucial turning point for both the USSR and Bukharin.²⁸ As Davis wrote, „by the second half of the 1920s, planning of industry became increasingly directive in nature and administrative control over the whole economy intensified”.²⁹

This period also marked Bukharin’s transition from the idea of

²⁵ Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, 424.

²⁶ *Extracts from Nikolai Bukharin: The Road to Socialism*, 34.

²⁷ *Extracts from Nikolai Bukharin: The Road to Socialism*, 31–33.

²⁸ The degree of consistency of Bukharin’s thought before and after 1925–1926 has been widely debated. See Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, Chap. 8 and Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates*, Chap. 3 for positions in favor of fundamental continuity between the two periods, Erlich, *The 1920s Industrialization Debate*, Chap. 4 and Salter, *On the Interpretation of Bukharin’s Economic Ideas* for two different takes on discontinuity.

²⁹ Davis, *Russia: A Comparative Economic Systems Interpretation*, 335.

“accumulation through (market) circulation” to the endorsement of moderate “pumping over” of resources from the peasantry, so to more consistently finance industrialization - still at the tempos previously stated and within the corollary of the worker-peasant alliance.

Cohen summarized the second phase of Bukharin’s thought as follows:

[a] shift away from full reliance on the automatic functioning of the market toward greater state intervention in the economy in the form of planned investment, increased regulation of private capital, and the restructuring of the productive foundations of agriculture.³⁰

These years were marked by increasing difficulties for Bukharin and his alliance with Stalin became uneasy right after the two jointly defeated the United Opposition. Only then, when it was too late, Bukharin recognized the threat posed by Stalin.

The “grain crisis” of 1928 gave Stalin the chance to put in practice a unofficial but profound departure from NEP: a procurement campaign in the Urals and Siberia that was nothing less than a return to the violent and forcible requisitioning policy of War Communism.³¹

Now, Bukharin clearly perceived Stalin as the representative of a new „Trotskyist danger”.³²

In a speech at the Party’s Central Committee in July 1928, Bukharin warned that „maximum accumulation in socialist industry, the maximum increase in agriculture, the maximum consumption [...] cannot be solved at once”. Interrupted and mocked by Voroshilov and Stalin, Bukharin warned against endangering the workers-peasants alliance and against „allowing the expanded reproduction of extraordinary measures”.³³

The day after Bukharin met Kamenev, in an attempt to form a united opposition front. „The disagreements between us and Stalin are many times more serious than the disagreements which we used to have with you”, stated Bukharin, who also defined Stalin as a man who „changes his theory according to whom he needs to get rid of”. The Rightist leader also

³⁰ Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, 244.

³¹ See Hughes, *Siberia and the Crisis of the New Economic Policy*, 2003.

³² Daniels, *The Conscience of the Revolution*, 328.

³³ Daniels, *A Documentary History of Communism*, 306–307.

commented with horror Stalin's plans to treat the peasantry as colonies and his belief that, since the advancement of socialism would have stiffened resistance, resoluteness and not „self-criticism” was in order.³⁴

The Rightists' stand against Stalin came right after their crucial contribution to the ultimate development of the political machine that crushed them in the summer of 1928.

Bukharin after Stalin's victory

Barely a month and a half before being expelled from the Party's Politburo and after having already lost the editorship of *Pravda*, Bukharin released his famous Notes of an Economist, a sort of “last plea for moderation”.

He stressed the necessity „to achieve a coordination of the basic elements of the national economy [...] and actively influence the course of economic life and the class struggle so as to attain the best possible balance or equilibrium”.³⁵

His statement that the „plan of national economy” was to be „at the same time a prognosis and a directive” was in direct polemics with „those who believe that the growth of the planned economy brings with it the possibility [...] of doing whatever one pleases [and] simply do not understand the ABC of economics”.³⁶

He also reiterated his support for moderately „pumping over” resources from agriculture to industry”, reminding however that socialist industrialization was to be a process of „transformation and upswing”, not one of „debasement of agriculture”.³⁷

Bukharin also tried to link his ideas with the last writings of Lenin, with his Lenin's Political Testament, a sort of politically more cautious version of his 1925 article.

However, these words were falling on deaf ears, as Stalin's forcible collectivization and industrialization at a high tempo were already in full swing. “There is no fortress the Bolsheviks cannot storm”, a famous

³⁴ Ibid., 308.

³⁵ Wolfe, *Khrushchev and Stalin's Ghost*, 301.

³⁶ Ibid., 305.

³⁷ Ibid., 305, 309–310.

Stalinist slogan, was exactly what Bukharin defined as „doing whatever one pleases [without understanding] the ABC of economics”.³⁸

In 1933, unheard and powerless, Bukharin officially retracted all his previous views and praised Stalin’s achievements. He was therefore partially rehabilitated the year after and given the editorship of *Izvestia*, which he conserved until his arrest and ultimate fall into disgrace in 1936.

On the eve of his arrest, Bukharin was sent to western Europe as part of a Soviet delegation entrusted with securing and bringing back to the USSR Marx’s original writings. To do this Bukharin met with Boris Nicolaevsky, leading Menshevik emigre. The two however hardly talked only business.³⁹ Indeed, this is how Bukharin started one of his conversations with Nicolaevsky: „back there [in the USSR] we have forgotten how to be frank; only when one goes abroad and speaks with someone like you, about whom one knows everything from our secret archives and upon whom one can also rely, then one can speak frankly”.⁴⁰

Bukharin said that in his last private talks with Lenin, the Soviet leader described his plan to write a comprehensive set of policy recommendations for the Party, whose „main point [...] was that it is possible to arrive at Socialism without applying more force against the peasantry”.⁴¹ These conversations inspired Bukharin’s 1925 and 1929 articles, which could however rely on no solid written proof, since Lenin passed away before he could realize his plan.

One of the core elements of the conversation between Nicolaevsky and Bukharin was this latter one’s utopian ideas concerning the introduction of the 1936 Constitution, he himself largely wrote, and „Gorky’s plan to unite the intelligentsia into a separate party to take part in elections”.⁴²

Bukharin thought that the introduction of the Constitution would have been the right time to deploy his „proletarian humanism”. This should have served as an “anti-fascist ideology” to face Nazi Germany’s „idea of violence, of coercion as a permanent method [of] the suppression

³⁸ Ibid.

³⁹ On the historical reliability of Nicolaevsky’s conversations with Bukharin’s, see Larina 1994, Liebich 1992 and Tucker 1992.

⁴⁰ Nicolaevsky, *Power and the Soviet Elite*, 7.

⁴¹ Ibid. 13.

⁴² Ibid. 15.

of other nations and peoples” and as a platform „against an internal enemy, against attempts within the Bolshevik Party to revise Communist theory, to dehumanize it”.⁴³

Political pluralism was therefore to be crucial part of this new “humanism”, as Bukharin thought that „some second party is necessary [since] if there is only one election slate and there is no contest, it is the same as Nazism”.⁴⁴

Shortly after, in February 1937, Bukharin was arrested; he was sentenced in March 1938 and immediately executed.

Bukharin: significance and influences

As Bukharin predicted, Nazi Germany did act in accordance with an idea of violence, terror and prevarication. What he surely did not expect was the extent to which his USSR would have acted according to very similar lines.

Paradoxically, Bukharin was the Bolshevik leader who battled the most for policies directly opposed to the ones Stalin would adopt in 1928, but he was also the man who crucially helped Stalin to reach the position of prominence from which he could launch his offensive. This was the tragedy of Bukharin, a brilliant theoretician and fine economist, but also a naive man who was no match for Stalin’s organizational and administrative skills.

Was Bukharin alternative to Stalin? As this paper proved, he certainly was. Was Bukharin’s alternative to Stalin credible in 1928? Not entirely at best. Leaving aside the political machine built by Stalin, Bukharin’s theories were indeed suffering of inconsistency, while his prudent and gradualist inclination paled in front of Stalin’s plans, which resonated much more with several characters of original Bolshevism as well as with perceived impelling necessities of the moment and were distinctly much more attractive to both communist leaders and rank-and-file members.⁴⁵ Was Bukharin’s alternative viable? A more general answer is provided by

⁴³ Ibid. 16–17.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Nove, *Was Stalin really necessary?*, 22–23.

Nove's reasonings on whether Stalin was "really necessary": „the wholehog Stalin [...] was not 'necessary', but the possibility of a Stalin was a necessary consequence" of the October Revolution and of Bolshevik power. It therefore follows that „some elements of Stalinism were, in those circumstances, scarcely avoidable".⁴⁶

Moreover, even if this partially contradicts this paper's title, it is the case to inquire whether in 1936 Bukharin was the „last Bolshevik", as Cohen wrote, or the „first repentant Bolshevik", as Strada suggested. Bukharin's plans were surely meant to be not an alternative to Bolshevism, but an alternative for Bolshevism. However, if Bukharin's thought was in line with the last, contradictory and "unfinished" Lenin it also was quite at odds with many features of original Bolshevism - features Bukharin himself enthusiastically promoted during War Communism. NEP was in itself a policy largely alien to original Leninist Bolshevism; its further strengthening and expansion, combined with larger democratic participation of the peasantry and with a possible second political party, would have just been something much closer to a Menshevik perspective than to a Bolshevik one - as the Mensheviks themselves noted. I think there exists the question of whether Lenin himself was becoming a „repentant Bolshevik"; as for Bukharin, it is my opinion that the development of his ideas might have brought him farther away from Bolshevism than he could admit to himself.⁴⁷

Bolshevik or not, Bukharin's death in 1938 did not sign at all his confinement to history. On the contrary, specifically his ideas would have become the very starting point of an intra-generational process of reformist thinking and re-thinking that connected different generations of reformers - Sergei Kirov, Nikolai Voznesensky, the "optimal planners" - and crucially contributed to the development of their thought and reform proposals.

*All translations from Italian, Russian and German are by the author.
Grateful acknowledgment to Roxana Richters for her supervision of German to
English translations.*

⁴⁶ Nove, *Was Stalin really necessary?*, 32.

⁴⁷ Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: a Political Biography*, 337; Strada, *Considerazioni provocatorie su Bucharin*, 129.

Bibliography

- Aldo Zanardo eds., *Storia del Marxismo Contemporaneo* (Milano: Feltrinelli Editore, 1975).
- Alec Nove, *Was Stalin really necessary?* (London: George Allen & Unwin Ltd, 1964).
- Alec Nove, *An Economic History of the USSR* (Harmondsworth, UK; New York, NY: Penguin Books, 1982).
- Alec Nove, *Stalinism and After. The Road to Gorbachev* (Winchester, MA; London, UK; Unwin Hyman, 1989).
- Alexander Erlich, *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960).
- Anna M. Larina, *This I cannot forget: the memoirs of Anna Larina, Nikolai Bukharin's wife* (London: Pandora, 1994).
- André Liebich, review of, "I Am the Last—Memories of Bukharin in Paris Nezabyvamo. by Anna Larina Bukharina." *Slavic Review* 51, no. 4 (1992): 767–781.
- Bertram D. Wolfe, *Khrushchev and Stalin's Ghost* (London: Atlantic Press, 1957).
- Boris Nicolaevsky, *Power and the Soviet Elite* (London: Pall Mall Press, 1966).
- Christopher M. Davis, "Russia: A Comparative Economic Systems Interpretation," in *European Industrial Policy: The Twentieth Century Experience*, edited by James Foreman-Peck, and Giovanni Federico (Oxford University Press, 1999), 319–397.
- "Extracts from Nikolai Bukharin: The Road to Socialism and The Worker-Peasant Alliance (1925)." *Journal of Area Studies* 1, no. 2, (1980): 31–34.
- Francesco Benvenuti, "Bucharin nella storia sovietica degli anni '20" in *Bucharin tra rivoluzione e riforme*, edited by Sergio Bertolissi (Roma: Editori Riuniti - Istituto Gramsci, 1982).
- Geoffrey Hosking, *The First Socialist Society: a History of the Soviet Union from Within* (Cambridge, MA, USA: Harvard University Press, 1994).
- James Hughes, *Siberia and the Crisis of the New Economic Policy* (Cambridge University Press: Cambridge, 2003).
- John Salter, "On the Interpretation of Bukharin's Economic Ideas." *Soviet Studies* 44, no. 4 (1992): 563–578.
- Moshe Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers* (London, UK: Pluto Press, 1975).
- Nikolai Bukharin, *Put' k sotsializmu i raboche-krestianskii soyuz in Put' k sotsializmu v Rossii: izbrannnye proizvedeniia N. I. Bukharina*, edited by Sidney Heitman (New York: Omikron Books, 1967).
- Paul R. Gregory, *The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives* (Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2004).

- Predrag Vranicki, *Storia del Marxismo. Vol. 3 Lenin e la II Internazionale* (Roma: Editori Riuniti, 1979).
- Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale* (Hamburg: Verlag der Kommunistischen Internationale, auslieferungsst.: Verlag Carl Hoym 1923).
- Robert V. Daniels eds., *A Documentary History of Communism* (New York: Vintage Books, 1960).
- Robert V. Daniels, *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia* (Westview Encore ed. Boulder: Westview Press, 1988).
- Robert Davies, *Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev* (Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press, 1998).
- Robert Service, *The Penguin History of Modern Russia: from Tsarism to the Twenty-first Century* (London: Penguin, 2009).
- Robert C. Tucker, "On the 'Letter of an Old Bolshevik' as an Historical Document." *Slavic Review* 51, no. 4 (1992): 782–785.
- Stephen F. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: a Political Biography, 1888–1938* (London: Wildwood House, 1973).
- Stephen F. Cohen, "Bucharin e bucharinismo" in *Bucharin tra rivoluzione e riforme*, edited by Sergio Bertolissi (Roma: Editori Riuniti - Istituto Gramsci, 1982).
- Vittorio Strada, "Considerazioni provocatorie su Bucharin" in *Bucharin tra rivoluzione e riforme*, edited by Sergio Bertolissi (Roma: Editori Riuniti - Istituto Gramsci, 1982).
- Vladimir Il'ich Lenin, *Selected Works* (London: M. Lawrence Ltd., 1936–39).
- Vladimir Il'ich Lenin, *Collected Works* (Moscow; London: Foreign Languages Pub. House: Lawrence & Wishart, 1960–1970).

СЁСТРЫ ЧУГУННЫХ БОГОВ: ЖЕНЩИНА И ЖЕНСКИЙ МИР УРАЛА В ПЕРИОД ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

КОЧНЕВА А. В.

магистрант

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
devildoll-13@yandex.ru

РАБИНОВИЧ Е. И.

кандидат культурологии

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
svet-evg@mail.ru

ABSTRACT: Gender studies of the Soviet period, especially of the first two decades after the Russian revolution in 1917, attracts a great interest among researchers today. This interest is natural, as the current gender situation in Russia is largely determined by the social transformations of that period. Housewives were the majority of the city's population till the end of first five-year plan. In the beginning of the 1930-s the mobilization of women's labor force occurred in order to meet industrial needs. That was an enforced situation for millions of women, was caused by the inflation, real wages falling and inability of men to support their family. Women's mass involvement in civil engineering and work at the factories forced the Soviet government to pay attention to building nursery schools for little children, mechanized canteens and maternity hospitals. All this changed seriously female space of the cities. Our report considers drastic changes in women's world: work, way of life, family, cultural space.

Our research is based on the materials relating to the Ural region, especially to Sverdlovsk. Being one of the main centers of the Soviet industrialization, the Urals deserve a special interest in studying the issues of such a kind. We compare regional specificities of the Urals as a "basic edge of power" in Russia to the general processes of the whole country. Our research is based on statistics taken from regional media and newspaper editorials of 1920–30s.

KEYWORDS: Ural, Soviet culture, 1920–1930's, Soviet modernization, gender relations in the USSR, first Five-Year Plan, industrialization

По данным на 1924 год в Свердловске (столице огромной Уральской области) количество грамотных женщин в возрасте от 20 до 29

лет составляет вполне приличную по тем временам цифру в 77%, но среди женщин в возрасте от 30 до 59 грамотных только 53% (у мужчин 91% и 79% соответственно). При этом работающие свердловчанки составляли только 15,1% от населения. Среди работающих женщин 30,32% составляли служащие, 19,21% - прислуга, и только 17,4% - рабочие¹. Такая картина типична для всей страны. На Урале, как в старом промышленном регионе, доля вовлеченности женщин в производственные и общественные отношения даже выше, чем в остальной части страны. Женщины в индустриальных городах преимущественно находятся на иждивении у мужчин, что вполне естественно приводит к умалению их роли в жизни. Для общества, на шкале ценностей которого (в согласии с марксистской политэкономией) доминируют вопросы производства и экономических отношений, степень вклада в промышленное производство всё больше становится мерилom социальной ценности.

Даже в начале первой пятилетки женщина всё ещё не воспринимается как серьёзный фактор индустриализации. В свердловской прессе 1928 г. популярны темы быта «замужней комсомолки» и женских семейных проблем. Главная статусная характеристика женщины ещё очевидно зависит от её мужчины (или его отсутствия): замужняя/незамужняя. Главными социальными активностями женщин негласно объявляется участие в общественной жизни, семейный быт, воспитание детей. По статистике, в 1929 г., две трети жительниц Свердловска относятся к категории домохозяек (22.224 – работающих, 46.533 – неработающие), а «количество самостоятельных мужчин равно количеству несамостоятельных женщин»². Домохозяйки пока мало интересуют власть, проявляющую интерес пока преимущественно к девушкам, которых через включение в деятельность комсомольских организаций вовлекают в активную общественную работу.

Но даже с девушками готовыми к активной общественной деятельности, было не вполне понятно, что делать: «нужно бороться за

¹ *Свердловск – столица Урала. Справочник – путеводитель на 1925 год* (Екатеринбург: Уралкнига, 1924), 19, 21.

² *Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929-1930 год* (Свердловск: Издание Свердловского Горсовета, 1929), 34-35.

то, чтобы процент девушек в ... фабзавуче, профтехкурсах, бригадах, курсах подготовки в рабфаки... не снижался, а увеличивался. Развёртыванием кружков кройки и шитья, рукоделия, домоводства... – большим вовлечением в различные кружки при клубах... мы будем способствовать удовлетворению запросов девушки»³. Логика здесь проста – выполнять требования равноправия полов и привлечения женщин на производство нужно, но поскольку реальной потребности у промышленных предприятий нет, то пока можно отправить активных барышень учиться или заниматься культурной работой в клубах. Таким образом, активность проявляемая уральским руководством в отношении слабого пола направлена скорее на выполнение директив из центра, создание информационных поводов для пропагандистских газетных передовиц и необходимостью конструировать пространство для сублимации бьющей через край буйной энергии молодых комсомолок.

Сообщения свердловской прессы о карьерном росте трудящихся–женщин носят откровенно пропагандистский характер. Так газета «На смену!» рассказывает о том, как девушка, преодолев все трудности, из рассыльных стала ученицей лаборанта. В интервью газете лаборантка проговаривается о том, что стало для неё главным в новом назначении: «теперь я зарабатываю 30 рублей в месяц, а когда была рассыльной, то получала 17 рублей». Спohватившись, девушка добавляет: «занимаюсь также комсомольской работой в заводской ячейке»⁴. Другой пример: мойщица грязной посуды с окладом в 28 рублей в связи с праздником 8 марта (!) была переведена на работу фасовщицей (заработная плата – 50 рублей в месяц)⁵. Характерно, что карьерный рост здесь обусловлен не реальной необходимостью, но потребностью отчитаться «к 8 марта», а оплата труда работницы крайне низка, в сравнении с мужчинами. Заработная плата по Свердловску за 1927–1928 гг. составляла в среднем за месяц у рабочих – 56 р. 72 к., а у служащих – 84 р. 92 к. Прожиточный минимум на лето 1928 г. – 20 р. 20 к., а летом 1929 г. – уже 26 р. 63 к.⁶ Понятна

³ К. Устинов, «Готовьтесь к 8 марта», *На смену!* (15. 02. 1928), 7.

⁴ «Из рассыльных – в лаборантки», *На смену!* (04. 03.1928), 4.

⁵ «Не отстаём от старых рабочих», *На смену!* (04. 03. 1928), 4.

⁶ *Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929-1930 год*, 49, 55.

радость работниц, «к женскому празднику» получивших в качестве подарка заработную плату, позволяющую вырваться из нищенского существования. Абсурдность таких назначений понятна и авторам газетных статей, сообщающих, к примеру, как 8 марта на общем собрании работницу перевели в токарный цех, но станка для неё не нашлось, и она его ждала год – до следующего «женского дня».

Мы видим, что на начальном этапе первой пятилетки уральские женщины не нужны промышленности, что вполне объяснимо как минимум отсутствием у них необходимой квалификации. Их терпят на низкооплачиваемой работе, на которую не пойдёт мужчина; они нужны для создания массовки на собраниях, но отношение к женщине как к значимой трудовой и идеологической единице носит явно декларативный характер. Авторы статей в защиту женщин искренне пытаются доказать, что женщина не хуже мужчины может работать на заводе и фабрике, но могут привести только один достаточно «сильный» аргумент: «девушки не пьют, следовательно, не делают прогулов»⁷.

В конце 1920-х годов в советском обществе происходят существенные изменения. Принцип «свободной любви» и «раскрепощения женщины», вызывавшие бурные дискуссии в начале десятилетия, теряет свою актуальность. Ещё несколько лет назад супруга наркома просвещения А. В. Луначарского, фрондируя, во всеуслышание заявить: «я вообще аморальна. Если бы мой брат захотел со мной жить, пожалуйста! Если это доставляет ему или мне удовольствие»⁸. С началом первой пятилетки подобные высказывания жён первых лиц государства становятся совершенно невыносимыми. Новая политика государства направлена на создание семьи как важного общественного звена скрепляющего государство и экономику страны. Государству нужна дополнительная рабочая сила и у него есть только один резерв – миллионы советских женщин.

Процесс вовлечения женщины в строительство социализма рассматривается как эмансипация женщины, однако к началу 1930-х годов были закрыты женотделы и женсоветы. Государству больше не

⁷ «Неверно насчёт аборт», *На смену!* (04. 03. 1928), 5.

⁸ Чуковский К. И., *Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921* (М.: Агентство ФТМ, 2013), 227.

нужны организации, нацеленные на решение исключительно женских проблем. Вместо них появляется «Агитмасс», занимавшийся пропагандой, культурно–просветительской работой и внедрением на местах сформированного «сверху» движения за овладение женщинами мужскими профессиями (трактористки, водители общественного транспорта).

Картина жизни уральских женщин – работниц складывается достаточно грустная. Неинтересная, низкооплачиваемая работа, поздравления и обещание скорейшего улучшения жизни к 8 марта и оскорбления со стороны коллег сильного пола. Пропагандистские газетные лозунги едва ли могут изменить ситуацию: «Отношение к девушке у нас нередко ... самое отвратительное, какое только можно представить. Многие комсомольцы до сих пор смотрят на девушку как на самку»⁹. Актуальность такого рода критики нравов подтверждает огромное количество изнасилований, совершавшихся в Свердловске в конце 1920-х. Поражает их количество даже в официальных газетных сводках. А сколько таких случаев не попало на страницы газет, учитывая, что большинство подвергшихся насилию женщин едва ли подавали заявления в милицию.

«На Сталинском заводе участились случаи безобразного отношения к работницам. Так, в электрическом цехе, монтер пытался изнасиловать работницу. В доменном цехе рабочий ударил работницу ведром по голове за то, что она отказалась дать ему материал. В цехе рельсоскреплений повторилась попытка изнасиловать работницу. На руднике «Ветка» преподаватель горпромуха во время занятия заявил слушательницам: «девушкам не надо учиться в мастерских, они должны обучаться вязанию чулок и кружев»¹⁰. Подобные статьи хорошо иллюстрируют настоящее положение женщины на рабочем месте. Женщины не воспринимаются как хорошие специалисты, как равные мужчине. Учитывая, что приведена информация, опубликованная во всесоюзной газете, можно предположить, что реальное положение женщин на производстве, в особенности в провинции, было значительно хуже.

В 1928 году в стране разразился продовольственный кризис, со-

⁹ «Заедает обстановка?», *На смену!* (09. 03.1928), 4.

¹⁰ «Безобразное отношение к работнице», *Труд* (14. 04.1928 г.), 3.

провождавшийся падением покупательской способности населения. Цены росли, заработная плата падала. Зарплаты одного мужчины перестало хватать на основные нужды семьи, теперь требуется два или даже три источника дохода. Вчерашним домохозяйкам приходится искать работу, чтобы хоть как-то прокормить семью, поэтому они вынуждены соглашаться на тяжелые условия труда и унижительное отношение к себе. «Работницы-кухарки артельных казарм... являются не только работницам, но я объектом половых издевательств зачастую всего состава казарменных рабочих. В большинстве случаев все издеательства над работницами вызваны стремлением вытеснить их с производства»¹¹.

Мы видим, что в конце 1920-х годов, женщин не хотят брать на работу или же ущемляют их права. Это вполне объяснимо, во-первых, потому что у них, как правило, нет соответствующей квалификации или образования; во-вторых, в этот период ещё не развёрнута в полной мере государственная пропагандистская работа с мужчинами, нацеленная на утверждение женского равноправия; в-третьих, отсутствует женская организация, которая бы отстаивала права женщин на равную оплату, декретный отпуск, пособие по материнству, обеспечение детей работниц детскими дошкольными и школьными учреждениями.

Интересен отчёт областного исполнительного комитета о проведении мероприятий 8 марта 1928 года. «По свердловскому округу, в день 8-го марта была проведена нижеследующая работа: 1. проведено 15 женских и делегатских собраний, первая районная конференция, 3 вечера вопросов и ответов, 1 лекция и 1 киносеанс по вопросам охраны труда женщин и социального страхования. 2. По Свердловским коллективам безработных: а) продвинуто на более квалифицированную работу 16 женщин; б) произведена замена мужского труда женским в 136 случаях; в) увеличено количество женщин в трудколлективах на 51 человека; г) послано на работу в марте месяце 816 женщин, что на 110 человек больше чем в феврале. 3. Женщины к 1 марта, были удовлетворены всеми видами пособий по социальному страхованию за февраль месяц»¹².

¹¹ «Как выживают женщин», Труд (29. 04.1928 г.), 3.

¹² Государственный архив Свердловской области (далее, ГАСО), фонд 88, опись 1, дело 1496, лист 47.

К началу 1930-х годов ситуация меняется. «Агитмасс» настраивал женщин на строительство социализма, женщины строили, но иногда сопротивлялись этому, что нашло отражение в ряде программных статей в прессе, к примеру, под таким говорящим названием: «Администрация думает больше о себе чем, о детях». Государство вынужденно решать возникшую проблему и в 1930 г. вводится всеобщее обязательное образование для детей. «Все граждане города, имеющие детей, которым к 1 марта исполнится 8 лет, принимают во внимание постановление Горсовета о введении в Свердловске всеобщего обязательного обучения, должны до 15 марта определить детей в указанные выше школы. Те, кто не определит детей в школы, будут привлечены к ответственности»¹³.

Государство начинает осознавать, что чем больше у женщины будет свободного времени от ухода за детьми, стирки и приготовления пищи, тем больше сил сможет она вложить в индустриализацию. Вероятно, именно такими прагматическими соображениями вызвана массированная пропагандистская компания начала 1930-х годов. К 8 марта вся титульная страница газеты «Уральский рабочий» посвящена женщинам. Заголовки газетных статей говорят сами за себя: «Самодеятельные столовые освободят тысячи женщин для заводов истроек», «Полмиллиона женщин Урала встают к станкам».

Женщина начинает понемногу занимать свою нишу в общественной жизни и выводится вперед как равная мужчине, способная работать не хуже, а иногда и лучше. В архивных документах мы находим «Предложение по улучшению быта и положения работниц», где говорится о том, что необходимо: «1. предварительно намечать подлежащих выдвижению и вести подготовительную работу; 2. усилить борьбу с косностью среди рабочих и работниц во взглядах на выдвижение; 3. расширить круг должностей, на которые выдвигать женщин; 4. не допускать имеющую место в отдельных случаях более низкую зарплату для работниц, выполняющих одинаковую с мужчинами работу; 5. принять меры к организациям, не отпускающим в декретный отпуск; 6. обратить внимание на улучшение бытовых и квартирных условия для одиноких работниц имеющих детей и для девушек, отводить специальные общежития...; 7. профсоюзам

¹³ «Обязательное образование для детей», *Уральский рабочий* (09. 03. 1930), 2.

обратить внимание на развитие детских комнат при клубах, кружков...»¹⁴. Мы видим, что работа по привлечению женщин и улучшению условий для них происходит в быстром темпе при очевидной поддержке региональных властей.

Празднование дня 8-го марта, еще не вошло в традицию, но широко использовалось для просветительской работы среди женщин и вовлечения их в строительство социализма. В прессе публикуются материалы, в которых международный женский день, преподносится как переломный по отношению к женщине: «День 8 марта – день перестройки». Прямо говорится о вовлечении уральских женщины в строительство и предоставлении для этого матерям мест в детских дошкольных учреждениях. «На февральском совещании потребкооперации решено в период весенней сельскохозяйственной кампании, для наиболее полного использования женского труда, развернуть широкую сеть детских учреждений – яслей, детплощадок, деткомнат, детстоловых, и т. д. При участии потребкооперации намечено охватить в 1930 году 190 тысяч детей охватить дошкольными учреждениями постоянного и временного типа и около 100 тысяч детей яслями»¹⁵.

Учитывая новый социальный статус женщины, теоретики архитектуры советского авангарда стремились освободить её от тяжелого домашнего труда и обеспечить условия для всеобщей коллективизации быта. Разрабатывается идея дома-коммуны. Для организации бытового обслуживания в комплексе зданий предусматривались банно-прачечные корпуса, столовые, библиотеки, поликлиники, детские сады, ясли. Строятся и фабрики кухни, призванные в одной из своих функций, освободить женщин от «кухонного рабства».

Как отмечает В. Голдман, «в 1930 г. наркомату труда было поручено начать кампанию по привлечению 1. 600 000 женщин. К этому времени трансформация рядов рабочего класса (численность, квалификация, возрастной и гендерный состав) уже шла полным ходом»¹⁶. На Урале масштабное втягивание женщин в строительство социализ-

¹⁴ ГАСО, фонд 88, оп. 1, д. 834, л. 17.

¹⁵ «День 8 марта – день перестройки», *Уральский рабочий* (06. 03. 1930), 4.

¹⁶ Голдман Венди, *Женщины у проходной. Гендерные отношения советской индустрии (1917–1937 гг.)* (М.: РОССПЭН, 2010), 112.

ма происходит не такими быстрыми темпами, и идет с отставанием примерно в год. Главная региональная газета «Уральский рабочий» только в 1931 году, публикует статью с громким названием «Полмиллиона женщин Урала встают к станкам»: «речь о цифрах фотографирующий небывалый сдвиг в истории человечества. <...> К 1 октября 1925 г. у нас на Урале было 34 т. безработных, из них 43% женщин, в 28 г. – 41 т. безработных, из них 41% женщины. В 1931 г. первые две графы зачеркиваются совершенно за ненадобностью. Вместо них вводится новая графа, которая говорит: в 1931 г. нужно вовлечь дополнительно на производство 230. 000 женщин. Этот цифровой монтаж как нельзя более наглядно отражает огромный социально-бытовой сдвиг, <...> который означает, ... что женщина становится активным строителем социалистического общества <...>. Что острейшая проблема... подготовки новых квалифицированных рабочих для социалистических гигантов... разрешает другую колоссальную социальную проблему – раскрепощения женщины. <...> В 1930 г. на всех уральских предприятиях работало 232 тыс. женщин – 25% к общему числу рабочих. В 1931 г. будет работать 462 тыс. женщин – 36%. Сотни тысяч женщин будут у станков, на стройке, сотни тысяч женщин будут управлять машинами, десятки тысяч женщин будут руководить отдельными отраслями нашего хозяйства»¹⁷.

Чем быстрее и масштабнее разворачивалась индустриализация, тем сильнее менялась судьба советской женщины. В конце 1920-х годов женщина на рабочем месте считается «третьим» сортом, общество, в котором слышен только мужской голос, считает, что её место только у плиты и колыбели. Но уже в начале 1930-е годов положение женщины кардинально изменилось. Она во многом стала равной мужчине. Изменилось женское самосознание, в новых центрах индустриализации силами архитекторов создаётся целый «женский мир». Но за этой гендерной революцией, за пропагандистским триумфом, стояло фактическое принуждение женщин к труду, вызванное невозможностью мужа прокормить семью и трагическое втягивание миллионов советских женщин в сферу неженского каторжного труда на заводах, фабриках и стройках первой

¹⁷ «Полмиллиона женщин Урала встают к станкам», *Уральский рабочий* (24. 02. 1931), 6.

пятилетки. И новые советские женщины пели песни, написанные для них мужчинами:

«И долг мой позаботиться.
Чтоб сгинул гнили пир.
Я – женщина-работница.
Я – строю новый мир»¹⁸.

¹⁸ «На стройке», Работница Урала (1930, № 52), 15.

THE SOVIET INVASION OF POLAND, BASED ON MATERIALS OF THE SOVIET PRESS

ANTON RESHETOV

PhD student

Saint Petersburg State University, Russia

reszetow@gmail.com

ABSTRACT: In September 1939, the Soviet newspapers published dozens of articles focusing on the weaknesses of the Polish armed forces, state institutions, and sorry condition of the Ukrainians and Belorussians in the then Poland. The Soviet press did not conceal that the Red Army units had been involved in hostilities against the Polish Armed Forces. Each day the newspapers informed the readers about the Red Army's successful advance westward; about the weakness of the Polish forces and the welcome accorded by the local populace to the Red Army soldiers. In September 1939, the Soviet press sought to create a very negative image of Poland and the Poles in the eyes of the Soviet people.

KEYWORDS: Soviet invasion of Poland, Red Army's Polish march, propaganda in the Soviet Union

The 1st September 1939 witnessed the beginning of World War II, indisputably, one of the bloodiest events in the history of mankind. On this day Nazi Germany invaded Poland. As it happened, the Soviet Union was to play its role in those developments. The Soviet press gave but little coverage of the hostilities, but the sympathy of Germany's actions was, nonetheless, well pronounced. The first large article on the subject appeared in the *Pravda* as late as 14 September. On this day it featured the article "On the internal causes of Poland's defeat" on its first page.¹ So, what did the *Pravda*, the leading Soviet newspaper, point out as the causes of so fast a defeat suffered by Poland? The *Pravda* indicated that in the Commonwealth of Poland only 60% of the population were Poles, whereas others were Ukrainians, Belorussians, Jews and other ethnic groups. There were in the country over 8 million Ukrainians, and over 3 million Belorussians.

¹ *Pravda* 14.09.1939. №255, 1.

“The position of the Ukrainians and Belorussians is characterized by national oppression and lawlessness with reference to them. The ruling classes of Poland did everything to turn the Western Ukraine and Western Belorussia into a colony without any rights, a colony given over to the Polish bosses for plundering.” Further on, the same document reads: “The Polish ruling classes maintain their supremacy over the national minorities by punitive expeditions, court-martial, the White Guards’ terror, and unleashing of national discord. In this aspect, Poland’s policy is not different from the political oppression of czarism...” It was this article that began to prepare the public opinion in the USSR for events that occurred on 17 September. Thus Moscow decided to stake on the need to free the Ukrainians and Belorussians.

On 18 September the predominant subject of Soviet newspapers was the beginning of “The Red Army’s Polish march.” The first pages featured the note of the USSR government submitted to the Polish ambassador in Moscow on the morning of October 17. This note deserves a special consideration since Schulenburg made his amendments to this document. The initial version, which Stalin had read to the ambassador on the night of 16–17 September, contained 3 items defined by Schulenburg as “unacceptable to us.” In reply to the ambassador’s objections, Stalin, as subsequently wrote Schulenburg, “changed the text very readily so that now the note fully suited us.” So, the version sent to the Polish ambassador and officials of other states and published in the *Pravda*, was not only coordinated with Nazi Germany, but also contained amendments proposed by the third Reich’s ambassador who was directly involved in its preparation.

The self-same issue of the *Pravda* published a speech by Molotov made on 17.09.1939. Here is a quotation from it. “A situation emerged in Poland which drives the Soviet government to special measures pertaining to the safety of our state. The Soviet government believes it is its sacred duty to offer a helping hand to its brothers, the Ukrainians and Belorussians living in Poland.” The same issue of the newspaper contained a number of articles dealing with the rallies all over the USSR, at which the peasants and workers voiced their joy over the “the liberation of fraternal peoples from the yoke of the Polish bosses.”²

² *Pravda* 18.09.1939., №259., 1.

On the following day, a joint German–Soviet communiqué was published, on which the Germans insisted from the start. This read: “In order to avoid any unsubstantiated rumors concerning the tasks of the German and Soviet troops operating in Poland, the Soviet and German governments declare that the actions of their troops are not aimed at achieving any goals that run counter to the interests of Germany or the Soviet Union and contradict the letter and intent of the non-aggression pact concluded between Germany and the USSR. On the contrary, the task of those troops is to restore calm and order in Poland disturbed by the collapse of the Polish state and thus to help the Polish population in restructuring the environment in which their state exists and functions.”³

The *Krasnaya Zvezda* (Red Star) newspaper, the central organ of the USSR Commissariat of Defence, regularly published bulletins from the Polish-Soviet front. So, on 18 September 1939, it publicized an operational report of the Red Army General Headquarters, which read: “In the morning of 17 September, the troops of the Workers’ and Peasants’ Red Army crossed the border over the entire length of the western bank of the Western Dvina river (our border with Latvia) up to the Dniester river (our border with Romania). Our aviation shot down 7 Polish fighter planes and forced to land 3 heavy bombers whose crews were detained. The population welcomes the Red Army units with jubilation.”⁴

Thus, the Soviet press did not conceal that the Red Army units had been involved in hostilities against the Polish Armed Forces. Each day the newspapers informed the readers about the Red Army’s successful advance westward; about the weakness of the Polish forces and the welcome accorded by the local populace to the Red Army soldiers.

The Ukrainian publications also covered in detail the actions of the Red Army. Since 18 September, the *Soviet Ukraine* newspaper published not only the materials concerning the motives of the Soviet government’s decision, and information about mass rallies and the operational situation, but also data on history, for instance similar to what is given below. “Over the centuries the Polish landlords sucked the blood of the Ukrainian and Belorussian peoples, oppressed and exploited them. Obtaining, after World War I, from Britain and France, the right to exist

³ *Izvestia* 19.09.1939., №257., 2.

⁴ *Red Star* 18.09.1939., № 214., 2.

as a state with the functions of the Triple Entente's watchdog, the Polish landlords avidly rushed at the Ukrainian and Belorussian lands. They stabbed the bayonet into the flesh of the Ukrainian and Belorussian peoples and brought back, on the lands they seized, the bloodiest pages of history when their forefathers subjected Ukraine and Belorussia to fire and sword. The Western Ukraine and Western Belorussia were the grimmest of dungeons of the pan-Polish prison of the peoples, and the sinks of squalor and monstrous national and social oppression."⁵

Curiously, efforts were made to point out the principal difference from the insertion of the Russian Empire's troops into Western Ukraine in 1914. According to the publications, back then the troops performed as occupants, whereas now the Red Army acted as a liberator.⁶

The *Soviet Ukraine* paid more attention to military actions than the central Soviet press. Whereas the *Pravda*, *Izvestiaya* (News), and *Red Star* published formal summaries, the newspaper of Kiev supplied more abundant and more emotional information about the combat operations. What image of the Polish armed forces' soldiers and officers did the Soviet newspapers try to create? According to them, the ordinary soldiers deserted en masse, not wishing to fight for "the Poland of landlords". The lower ranks of the Polish armed forces are very vividly described by the following lines from the Polish soldiers' letter published on the pages of the Ukrainian front's newspaper. "We, the forcibly mobilized workers and peasants, the former soldiers of the Polish army, send fraternal greetings to the Workers' and Peasants' Red Army, which is bringing liberty to the working masses, Ukrainians, Belorussians, Jews, Poles, and other nationals living in Western Belorussia and the Ukraine. All the working population of our territory enthusiastically hails the Red Army which provides friendly help to the working people in their struggle for liberation from the Polish landlords."⁷

The Polish officers were presented as "a professionally inefficient crowd of cowards" "capable of nothing except attacking the wagon trains and defenseless villages."

The Soviet newspapers quite openly described the hostilities, and

⁵ *The Soviet Ukraine* 18.09.1939., №215., 3.

⁶ *The Soviet Ukraine* 24.09.1939., №220., 1.

⁷ *Red Star* 22.09.1939., №6., 1.

reported the number of personnel killed, wounded and taken captive and the quantity of downed aircraft. However, we came across only one mention in the periodic press of establishing a POW camp for Polish soldiers and officers. The article published in the Ukrainian front's newspaper contained the author's interview with captive soldiers who took a keen interest in the Red Army's combat achievements and in life in the Soviet Union. The author expressly emphasized that the officers were averse to communicating with soldiers and kept apart from them.

In order to describe, as full as possible, the general tenor of the Soviet newspapers we refer to one of the most odious Soviet publications of the pre-war era, the newspaper *The Atheist*.

The organ of the central council of the Soviet Union's rampant non-believers, *The Atheist* acrimoniously criticized the Polish government for the persecution of the Russian Orthodox Christians and members of the Uniate Church.⁸ According to its publications, the Polish government regularly violated the item of the Riga Peace Treaty of 1921 on the rights of the Russians, Ukrainians and Belorussians to freely perform their religious rites. Quote "The Polish landlords enforced Catholicism on the Ukrainians and Belorussians. The landlords thus tried to enslave the working population still more." According to the publications, on the Kresy territory the Russian Orthodox and Uniate temples were converted, en masse, into the Polish Roman-Catholic churches whereas the non-Catholic population was systematically oppressed and victimized."

Further on, *The Atheist* criticized representatives of other religions. According to it, many rabbis collaborated with secret police despite the fact that "the Polish landlords orchestrated still more violent pogroms than those in the czarist Russia."⁹ Many rabbis informed on the Jews to police and openly supported the Polish government and meanly licked the Polish landlords' boots."

In addition to the Orthodox Christians and Uniate believers, the Poles also oppressed, according to the publications, the Muslims who lived in the districts of Vilno and Nowogródek. It was accentuated that the oppression and forcible conversion to the Roman Catholic faith and Polish way of life applied exclusively to the peasants, workers and

⁸ *The Atheist* 21.09.1939., №27., 2.

⁹ *The Atheist* 01.10.1939., № 28., 2.

craftsmen whereas the Polish government preferred to maintain friendly relations and build far-reaching plans with the ruling clique of exploiters and Moslem priests. Quote “The Polish landlords cherished dreams of acquiring colonies in the East. To this end, they courted the Islamic priests, paid them, and built mosques”

Criticizing the Catholic Church, *The Atheist* was also preoccupied with collaboration between the Polish government and the Orthodox and Uniate churches. According to the publications, the Uniate church had been created for the soonest possible conversion to Catholicism (it is worth noting that this term was widely used by the Soviet journalists in 1939) of population of the Western Belorussia and Western Ukraine. The Orthodox church, despite the oppression exercised by the Poles “humbly declared to the government its readiness to help the Anti-Soviet Poles in their struggle against the Soviet Russia.¹⁰ The publications stressed that “the priests, Petliura’s sidekicks and other churchmen” were the chief reserve of the Polish intelligence service.

A somewhat unusual summary of the events of September–October 1939 was presented by Molotov on 31 October 1939 at the session of the USSR Supreme Council. Quote “The ruling circles of Poland arrogantly boasted “the strength” of their state and “the might” of their armed forces. However, just a brief blow against Poland dealt first by the German and the Red armies was enough to leave nothing of that hapless creation of the Versailles treaty which existed by exploiting un-Polish nationals.”

“The traditional policy” of unprincipled flirtation with Germany and the USSR proved inefficient and ended in bankruptcy.”¹¹ Further on in the same source “It goes without saying that at the moment of the complete collapse of the Polish state our government had to hold out a helping hand to the Ukrainian and Belorussian brothers living on the territory of the Western Ukraine and Western Belorussia. And it did precisely so. As the Red Army made a combat advance across those territories, it occasionally had quite serious skirmishes with the Polish troops, resulting in losses. The total loss sustained by the Red Army in Western Belorussia and Western Ukraine amounts to 737 dead, and 1862 wounded, all in all 2,599 men... The newly obtained territory

¹⁰ *The Atheist* 11.10.1939., №29., 3.

¹¹ *Pravda* 01.11.1939., №303., 2.

of the Western Ukraine and Belorussia measures 196 thousand square kilometers with a population of around 13 million people, of which more than 7 million are Ukrainians, over 3 million Belorussians, over 1 million Poles, and over 1 million Jews.”

Very telling are the Soviet caricatures of 1939. They vividly show what image of Poland and the Poles the Soviet leaders tried to create for the population. Besides, pay attention to the editorials of the Soviet newspapers in the Polish language, which began to be published in *Kresy*. All this enables us to visualize the informational environment of the local populace following the joining to the USSR.

In September, the Soviet newspapers published dozens of articles focusing on the weaknesses of the Polish armed forces, state institutions, and sorry condition of the Ukrainians and Belorussians in the then Poland. In September 1939, the Soviet press sought to create a very negative image of Poland and the Poles in the eyes of the Soviet people. The caricatures of that period convincingly testify to this. Probably, it is this image, created by the Soviet propaganda in the early World War II, that partially accounts for a certain strain in the relations between our countries to this day.

THE HOLOCAUST AND THE HUNGARIAN OCCUPATION FORCES IN THE WEST-UKRAINIAN TERRITORIES

ÁKOS FÓRIS

MA student

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

forako1989@gmail.com

ABSTRACT: The Hungarian Royal Army occupied more than half million square kilometres in the Soviet Union between 1941 and 1944. During the occupancy the soldiers of the Hungarian Occupation Forces were instrumental in the destruction of Ukrainian Jews. It has two reasons: the Hungarian units collaborated with Germans and the Hungarian Army was anti-semitic in partisan war. In my writing I demonstrate through examples of two Hungarian units the ambivalent Jewish Policy of the Hungarian Army in the occupied Soviet territories. The members of the 49/II and 50/I battalions were involved in the liquidation of ghettos in Gaysin and its countryside in 1941–1942.

KEYWORDS: World War II, Eastern front, Holocaust, Ukraine, Hungarian Royal Army, occupation

The Hungarian Royal Army occupied more than half million square kilometres in the Soviet Union between 1941 and 1944. During the occupation the soldiers of the Hungarian Occupation Forces were instrumental in the destruction of Ukrainian Jews.

In my study I demonstrate the ambivalent Jewish Policy of the Hungarian Army in the occupied Soviet territories through the examples of two Hungarian units. The Hungarian and the Soviet Courts¹ called the members of the 49/II and 50/I battalions to account in the second half of the 40s and at the beginning of the 50s, because these units were

¹ *Historical Archives of the Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára/Hungarian State Security* (hereafter, ÁBTL) *fond*3.1.9 V-38933. 66–70. (Béla Csúpy's interrogation protocol. Budapest, 30nd September 1965.); *Magyar Nemzeti Levéltár Csongrád Megyei Levéltár/The National Archives of Hungary Archive of Csongrád County* (hereafter MNL CSML) XXV. *fond*8. Nb. 138/1948. Béla Csúpy's investigation file.

involved in the liquidation of ghettos in Gaysin and in its countryside in 1941-1942.²

Like other Central European countries Hungary also attacked the Soviet Union on 27th June 1941. The offensive Hungarian Army – the so-called Carpathian Group – had occupation function³ after the Soviet units had been destroyed in the pocket battles in summer 1941.⁴ In autumn 1941 the Hungarian and German high commands agreed that Hungary had to send 4 brigades with occupation functions.⁵ After the first Hungarian occupation forces had been sent to the Soviet territories in October 1941,⁶ the Hungarian Occupation Group was set up in Vinnytsia by the command of Hungarian occupation forces.⁷

After the territories of Hungarian Occupation Group had been expanded in winter of 1941–1942, it was decoupled in February 1942.⁸ The Eastern Hungarian Occupation Group took up position east from the Dniester and the Western Hungarian Occupation Group took up position west from the Dniester. The 121st and the 124th Light Divisions were stationed at the area of the Western Hungarian Occupation Group. These units had weak fighting morale, because they were understrength and their equipment was defective.⁹

² Trials:

Lajos Mészáros and others: MNL CSML XXV. *fond*8. Nb. 138/1948.

Nándor Pápa and others: *Budapest Főváros Levéltára/Budapest City Archives* (hereafter BFL) VII. *fond*5. e. 7555/1950.

Csaba László: *Hadtörténelmi Levéltár/The Archives of War History* (hereafter HL.) XI. *fond*1. 212/1953.; XI. *fond*22. 146/1953.

Pápay Alajos, Tarnay Béla: HL. XI. *fond*1. 212/1952, XI. *fond* 22. 2241/1951.

³ HL Carpathian Group/Kárpát csoport II. *fond*1456. 2. box IV/1. *A Kárpát Csoport megszálló szolgálatban/Carpathian Group in occupation service.* (10. VII. – 30. X.) 1941.

⁴ A. A. Grecsko, D. F. Usztyinov D. F. eds., *A második világháború története 1939–1945.* Vol.4. (Budapest: Zrínyi, 1977), 116–118.; V. A. Andreev, O. N. Pospelev eds., *A Nagy Honvéde Hőbőré története, 1941–1945.* Vol.2. (Budapest: Zrínyi, 1964), 87–89.

⁵ Szabó Péter, Számvéber Norbert, *A keleti hadszíntér és Magyarország 1941–1943* (Budapest: Püedlo, 2002), 23.

⁶ Csima János, *Adalékok a Horthy-hadsereg szervezetének és háborús tevékenységének tanulmányozásához: 1938–1945* (Budapest: HM Közp. Irattár, 1961), 107.

⁷ HL. II. *fond*1456. 2. box IV/1. 23-24.

⁸ Csima, *Adalékok a Horthy-hadsereg,* 113.; HL *Mikrofilmtár/Microfilm Archives B/243 – 277/2339/1988.* Daily situation report. 7th January 1942., 157.

⁹ HL. II. *fond* 458. 2. box, Order of Battle of 121th Light Division.

The two above-mentioned battalions were detached units of 121st Brigade then Light Division.

The Germans and their allies killed 2,7 million Jews in the area of the Soviet Union.¹⁰ 850–900 thousand of these victims died in Ukraine. The examined battalions were stationed in Vinnytsia oblast. 142 thousand Jews lived in Vinnytsia oblast before the war.¹¹ By the year 1943, only 3500 Jews remained.¹² These people were executed in three sections. Firstly the Einsatzgruppe D with the units of Ordnungspolizei killed thousands of Jews in Vinnytsia and Uman in September 1941.¹³

Secondly the invaders eliminated the population of ghettos in April–May 1942. Finally, the remains of local Jews, who the Germans usually kept alive due to their specialized knowledge (for example tailor, shoemaker) and workforce, were killed in winter of 1942–43.¹⁴

The Hungarian units participated in the second section of the destruction of the local Jews.

The Hungarian Royal Army had ambivalent Jewish Policy in the occupied territories. The 2nd order of Hungarian Occupation Group, which was passed out in October 1941, prohibited the participation of the Hungarian soldiers in the struggle against the so called “counter-empire elements”, because only the SD had this task according to the order.¹⁵ But this order also meant that Hungarian units could not save the Jews. In summer 1941 the Einsatzgruppen complained about Hungarian units,

¹⁰ Krausz Tamás, *Antiszemitizmus – holokauszt – államszocializmus*, (Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2004), 57.

¹¹ Sz. Bíró Zoltán, „Akik meggyőződésből kollaboráltak” in: Gémesi Ferenc ed., *A magyar megszállás – vajúdo nemzeti önismeret. Válasz a kritikákra* (Budapest: Russica Pannonica, 2013), 76.

¹² В. Ю. Васильев ed., *Жизнь в оккупации : Винницкая область, 1941–1944 гг* (Москва, 2010), 9–14.

¹³ Richard Rhodes, *A halál mesterei. Az SS-Einsatzgruppék és a holokauszt feltalálása* (Budapest: Gold Book, 2006), 154–164.

¹⁴ Alexander Kruglov, „Jewish Losses in Ukraine, 1941-1944” in: Ray Brandon, Wendy Lower eds., *The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization* (Bloomington: Indiana University Press, 2008).

¹⁵ „The only task of the tracing and combating of anti-empire efforts and elements (communists, Jews, and the like) (...) was the Security Police [SIPo – Á. F.] and the SD (clean-up squads).” In: HL. M. kir. Megszálló Erők Parancsnoksága/Command of Hungarian Royal Occupation Forces II. *fond*1458. 1. box, The 2nd order of Hungarian Occupation Group, 13th October 1941.

because they embarrassed their work.¹⁶ For example Ferenc Szombathelyi, the leader of Carpathian Group saved 200 Jews in Kolomea.¹⁷ The Hungarian military leadership also forbade the participation in pogroms.¹⁸

Despite the Hungarian units were instrumental in holocaust. It has two reasons: the Hungarian soldiers collaborated with Germans and the Hungarian Army was anti-semitic in anti-partisan operations.

The Hungarian units collaborated with German administration and controlled the functions of the Ukrainian paramilitary forces and policies.¹⁹ The Hungarian Occupation Group was subordinated to the Wehrmachtbefehlshaber von Ukraine.²⁰ The commander of the Hungarian units always had to consult with the local leader of Oberkommandatur.²¹ The Germans²² withdrew some Hungarian units from Hungarian command.²³ The German superiors of the Hungarian units regulated almost all activities of the Hungarians.²⁴

The German orders were proclaimed to the Hungarian units. Of course the ideology and the mentality of these were usually Nazi and anti-semitic.²⁵ The Hungarians took part in the enforcement of Nazi law in Ukraine. For instance, the Hungarian military police also check if Jews wear yellow stars or not.²⁶ In February 1942, the following German order was

¹⁶ Raul Hilberg, „*The destruction of the european Jews*” Revised and definitive edition. (New York-London: Holmes & Maier, 1985), vol. I., 304.; Ungváry Krisztián ed. *A második világháború* (Budapest: Osiris, 2005), 183–184.

¹⁷ Dombbrády Lóránd, *Szombathelyi Ferenc vezérezredes* (Budapest: HM. Hadtörténeti Intézet és Múzeum, 2012), 29.

¹⁸ HL. II. *fond*1458. 1. box, The 2nd order of Hungarian Occupation Group, 13th October 1941.

¹⁹ E. g. HL. II. *fond*1456. 2. box, IV/1. 6–7.

²⁰ Csima, *Adalékok a Horthy-hadsereg*, 107.

²¹ E. g. HL. 36. gyalogezred/36th regiment. II. *fond*1519. 21. box. 40th order of the day, 3th May 1942.

²² 579. OK (Rowno), Command of Sicherungs Gebiet (Rowno), Wehrmacht Befehlshaber von Ukraine (Poltawa).

²³ HL Tanulmánygyűjtemény/Study collection VII. *fond*233. 3409. (Géza Bozók) 42.

²⁴ „*The German military authorities regulate: a./ The guard and patrol service b./ Traffic Policing c./ Reverting to reserve and attaches (for emergency) d./ Allocation of accommodations e./ Takeover and guard of P.O.W.f./ Using of military institutions*” In: HL II. *fond*1519. 21. box. Document about cooperation with German military authorities, on 27th November 1941.

²⁵ E. g. *A második világháború*, 186–189.

²⁶ Toldi Árpád, „Csendőrok a szovjet elleni háborúban” in: *Csendőrségi Lapok* 21, №18 (15th September 1941): 602.

published by the command of 105th Brigade: “*the Jews as the worst enemies of public safety should be arrest everywhere and given to the next Dulag.*”²⁷

The Hungarian Royal Army was anti-semitic in 1941. The Jews or Jewish descent people were prohibited from serving in the regular armed forces by passage of the Hungarian anti-Jewish laws.²⁸

The image of Jews of Hungarian Army appeared in a book that contained instructions about the fight against partisans. This book was published by the Chiefs of Staff of the Supreme Command (Vezérkari Főnökség) in April 1942.²⁹ According to this document local Jews are important elements of partisan fight, because “*all Jews – regardless of gender and age - accompany with partisans!*” According to this document Jews tortured and butchered the Hungarian soldier, who fell into the captivity of partisans. Finally, this sentence is the conclusion of the document: “*Therefore the Hungarian soldier can’t be compassionate with Jews.*”³⁰

Another time the Hungarian Army refers to Jews as partisans. For example the commander of Munkács kept a training of partisan hunting in the Jewish district of Munkács in August 1942.³¹ One of the Hungarian soldier Géza Bozóky wrote in his reminiscence that the first question was the following when they took prison a partisan: “*Were Jews among partisans?*”³² The image of Soviet-Jewish partisan was the subject of many Hungarian propaganda posters.³³ For example the original title

²⁷ HL. II. *fond*1458. 2. box, 105th rifle brigade – 15th classified order of brigade headquarters 4th February 1942.

²⁸ Karsai Elek ed., „*Fegyvertelen álltak az aknamezőkön...*”: dokumentumok a munkaszolgálat történetéhez Magyarországon (Budapest: Magyar Izraeliták Országos Képviselése, 1962); Randolph L. Braham, *The Hungarian Labor Service System: 1939–1945* (Boulder: East European Quarterly, 1977).

²⁹ *A folyó háború tapasztalatainak ismertetése: partizánharcok. M. Kir. Honvéd Vezérkar Főnöke 4. Osztály – 10. sz.* (Budapest: Attila Nyomda, 1942). This writing was published first in Magyar Katonai Szemle, what was the official periodical of the Hungarian Royal Army. In: Schell Zoltán, “*Megszálló csapataink Ukrajnában*” in: *Magyar Katonai Szemle* 12, №5 (1942): 225–258.

³⁰ *A folyó háború*, 11–12.

³¹ Saly Dezső, *Szigorúan bizalmas! Fekete könyv: 1939–1944* (Budapest: Anonymus, 1945), 535.; Gosztonyi Péter ed., *Szombathelyi Ferenc visszaemlékezése 1945* (Budapest: Zrínyi, 1990), 40.

³² HL VI. *fond*233. 3409. 120.

³³ E. g. „*Our goal that we liberate you from the Jewish regime*” (Poster from Voronezh, summer 1942) In: Krausz Tamás, Varga Éva Mária eds., *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok (1941–1947)* (Budapest, L’Harmattan: 2013), 478–480.

of a picture, which was published in the magazine of the Hungarian Royal Gendarmerie is “Soviet-Jewish Free Corps”.³⁴

On several occasions, Hungarian soldiers reported to their superiors the killing of Jews as partisan hunting. For example the Buky action of 50/1 battalion was published as anti-partisan operation to the order of the Hungarian Occupation Group.³⁵ Pál Hadvary, who was the staff captain of the 105th Light Division in the area of East Occupation Group, wrote a report about the destruction of 90 members a “Jewish gang”, which supported the partisans according to the report. These people were the entire Jewish population of a village, included elderly people, women and children.³⁶

During my research I collected and found information about 10 mass murders around Gajsin, where Hungarian troops were stationed. The 50/1 battalions took share in 3 murders in autumn and winter 1941. Lieutenant Imre Szabo’s company participated in the killing more than 100 Jews in Buky. Laszlo Csaba’s unit controlled the execution of 400 Jews on 19th November 1941. In 1948 the Soviet Court convicted Bela Csupity of the liquidation of a ghetto in December 1941 or in January 1942.

The 49/2 battalion took part in the liquidation of 6 ghettos in April and May 1942. Lieutenant colonel Nandor Papa’s unit was instrumental in the killing more than 3000 people. The greatest liquidation of ghetto was in Monastyrysche on 29th May 1942, where 5500 people were executed.

In addition the combat engineer unit of 121st Light Division covered the pit, where the German firing squad shot the population of Illintsi ghetto.

The Hungarian units, which were subordinated to the Germans, as the parts of their division of labour, (that) featured the Holocaust in the Soviet Union. Like the Wehrmacht’s units, the Hungarian troops escorted the population of the ghetto from the ghetto to the place of execution many times. The Hungarians often checked the ghetto. The elimination of a ghetto usually required 40-80 Hungarian soldiers. In these cases

³⁴ Toldi, *Csendorok*, 599.

³⁵ HL. II. *fond*1458. 1. box. The 10th order of Hungarian Occupation Group. 17th November 1941. november 17.

³⁶ Ungvary Krisztian, *A magyar honvedeseg masodik vilaghaboruban* (Budapest: Osiris, 2005), 115.

Hungarians and Ukrainians received orders from Germans. The firing squad conspired 4–6 SS soldiers who used pistols, rifles or submachine guns during the executions.

The Hungarian soldiers were not responsible for the execution directly, but that does not mean that they never had to use their weapons. The Hungarian soldiers had to prevent the escape of prisoners therefore they escorted the Jews with fixed bayonets. If Hungarians were involved in covering the pit, they usually shot dead the ones who hadn't died immediately.

The Hungarian superiors of these units were aware of the real activity of their units. The Germans indicated to the Hungarian commanders that they wanted to use them for "police force task".³⁷ For instance telephone connection was built between the Hungarian headquarters and the location of the ghetto.³⁸

The Hungarian soldiers saw the executions in different ways. Sensitive soldiers became ill from executions, Istvan Kormos got a nervous breakdown. Other soldiers enjoyed and approved the murder of the Jews. Second-lieutenant István Luczi, one of the soldiers of the battalion 49/II took pictures of the executions.³⁹ The Hungarian military leadership had to give orders to stop taking photo of the executions.⁴⁰ The most soldiers just felt sorry for the victims, but they were indifferent to the task.

The occupying activity of the Hungarian Royal Army became the part of the so-called Vernichtungskrieg,⁴¹ which characterized the eastern front in the Second World War. The scope of action of the Hungarian Occupation Forces was reduced by the close German subordination during the war. In addition, the Hungarian Army adopted to the German model in the identification of local Jews and partisans.

³⁷ See Alajos Pápay's and Béla Tarnay's trial.

³⁸ ÁBTL *fond*3.1.9. V-56103. 42. (Pápa Nándor's interrogation protocol. Budapest, 2nd January 1950.)

³⁹ ÁBTL *fond*3.1.9. V-56103. 27-28. (Ervin Lugosi's interrogation protocol. Budapest, 10th April 1951.); BFL VII. *fond*5. e. 7555/1950. 115. (András Magi's interrogation protocol. Budapest, 11th July 1946.), 222. (István Luczi's interrogation protocol. Budapest, 23th July 1948.)

⁴⁰ Stemlerné Balogh Ilona, *Történelem és fotográfia*, (Budapest: Osiris, 2009), 181.; *A másodikk világháború*, 190.; HL. II. *fond*1458. 1. box The 2nd order of Hungarian Occupation Group, 13th October 1941.

⁴¹ Hannes Heer, Klaus Naumann eds., *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944* (Hamburg, 1995).

Appendix • Mass murders near Gaysin⁴²

Unit	Date	Location	Number of victims	Activity of Hungarians
50/I. bn. 3th company	4th or 5th November 1941.	Buky ¹ and its countryside	100/137 ²	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto • Guarding goods of ghetto
50/I. bn. László Csaba's platoon	19 th November 1941.	Gaysin ³ or its countryside	400	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto • Caring of covering the mass grave
50/I. bn. 2nd company III. platoon	December 1941. or January 1942.	? (by Gaysin)	100-150	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto
49/II. bn. 4th company	The start of May 1942.	? (by Gaysin)	100/500	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto
49/II. bn. 4th company	April 1942.	? (by Gaysin)	100	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto
49/II. bn. András Magi's platoon	The end of April or start of May 1942.	? (by Gaysin)	300	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto
49/II. bn. About 100 soldiers out of more company	27 th May 1942	Teplyk ⁴	769	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto
49/II. bn. Team of 60 members	27 th May 1942.	Sobolivka ⁵	382	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto
49/II. bn.	29 th May 1942.	Monastyrysche ⁶	1000-1500/ 5500	<ul style="list-style-type: none"> • Escorting the population of the ghetto
41. inf. rgt. The combat engineer unit	1942. ? (24th April/ 27-28 May) ⁷	Illintsi ⁸	?(1000/700)	<ul style="list-style-type: none"> • Covering the mass grave

1 Буки. The ghetto was established on 5th September 1941. The complete ghetto was liquidated on 31st December 1941.

2 HL. II. *ford*1458. 1. box, The 10th order of Hungarian Occupation Group, 17th November 1941.

3 Лайсин. The ghetto was established on 5th September 1941. The complete ghetto was liquidated on 1st November 1942.

4 Теплик. The ghetto was established on 26th July 1941.

5 Соболевка. The ghetto was established on 5th September 1941.

6 Монаятыриска. The ghetto was established on 5th September 1941.

7 It has not been established which mass murders took part the Hungarian unit. Two mass murders were in Illintsi in spring 1942.

8 Ильинцы. The ghetto was established on 1st August 1941. The complete ghetto was liquidated on 31st October 1943.

⁴² In addition to archival sources, I used this literature: Guy Miron ed., *The Yad Vashem encyclopedia of the ghettos during the Holocaust* (Jerusalem: Yad Vashem, 2009); *Ghettoliste. ZRBG Lenkungsgruppe* [URL: <http://www.yavishoa.co.il/pdf/ghettoliste-28-01-2011.pdf>]; Yad Vashem's databases [URL: http://www.yadvashem.org/yv/en/about/institute/killing_sites_catalog_details_full.asp?region=Vinnitsa; http://www.yadvashem.org/yv/en/about/institute/killing_sites_catalog_details_full.asp?region=Zhitomir]

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ В 1943–1945 гг.

МАРТЫНЕНКО В. Л.

кандидат исторических наук

Киевский национальный торгово-экономический университет,

Харьков, Украина

traum1983@gmail.com

ABSTRACT: The article covers repressive actions of Soviet security agencies towards German population on the territory of liberated Ukrainian regions during the World War II. Special attention is paid to organizational and investigative measures, guilt definition criteria and penalties for former 'volksdeutsche'.

KEYWORDS: Ehe Germans, Volksdeutsche, NKVD, repressions, screening

Период Второй мировой войны на протяжении многих десятилетий является одним из приоритетных направлений в отечественной историографии. Тем не менее, существует еще довольно широкий спектр тематических ниш, которые нуждаются в исследовании. Например, к их числу относятся этнодемографические трансформации в структуре населения Украины в ходе войны и те факторы, которыми они были обусловлены. Одним из малоисследованных сегментов в этом контексте является репрессивная политика советского режима в отношении представителей немецкого населения Украины. Этот процесс можно условно разделить на два этапа. На первом этапе (1941-1942) репрессии были направлены на устранение потенциальной угрозы, которую, по мнению властей, могли представлять этнические немцы. Второй этап (1943-1945) отличался прежде всего тем, что действия советского режима против представителей немецкого населения осуществлялись на освобожденных украинских территориях и уже имели характер возмездия за сотрудничество с оккупационными властями. Последний аспект не получил подробного освещения в отечественной историографии. Поэтому в рамках этой публикации решено акцентировать внимание именно на нем.

Нападение Германии и ее союзников 22 июня 1941 г. на СССР

спровоцировало новую волну германофобии в национальной политике сталинского режима, жертвами которой стали сотни тысяч советских немцев. Принадлежность последних к титульной нации главного государства-противника была своеобразным индикатором для определения их политической лояльности в глазах советского руководства. На территории УССР уже летом 1941 г. начались первые принудительные переселения многих представителей немецкого населения. В общей сложности на протяжении 1941–1942 гг. более ста тысяч этнических немцев, главным образом с левобережья Днепра, было поэтапно депортировано в восточные регионы СССР¹.

Уже в первые месяцы войны между Германией и СССР на оккупированных советских территориях некоторые немецкие военно-политические организации осуществляли выявление представителей немецкой национальности, которые смогли избежать депортации, и старались их взять под защиту. Особую активность в этом направлении проявляли СС. Поэтому Г. Гиммлер поручил обергруппенфюреру В. Лоренцу, который возглавлял Главное управление по делам этнических немцев (*Volksdeutsche Mittelstelle* – VoMi, далее – ФоМи), организовать опеку немецкого населения на захваченных советских территориях. С этой целью 11 июля 1941 г. руководством ФоМи была создана специальная команда «Россия» (*Sonderkommando «Russland»* – SkR)². В зоне ее ответственности проживало наибольшее количество этнических немцев. Зондеркоманду «Р» возглавил штандартенфюрер Х. Хоффмейер. Очевидно, что назначение последнего на эту должность в значительной степени было связано с его предыдущим опытом в организации переселений этнических немцев из западноукраинских областей на территорию Рейха в рамках советско-германского договора от 28 августа 1939 г.

Оккупационные власти рассматривали этнических немцев, как важный элемент своей социальной опоры на захваченных территориях, и поэтому старались укрепить их положение путем предоставления особого статуса фольксдойче, получить который можно было,

¹ State Archive of the Russian Federation (далее, GARF), *fond* P-9479, *opis* 1, number 86 (IV), folios 221; GARF, no. 102, fol. 32.

² Fleischhauer I., *Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion* (Stuttgart: Deutsche Verlags – Anstalt, 1983), 118.

пройдя процедуру регистрации. При этом необходимо отметить, что в глазах руководства СС местное немецкое население не являлось однородной общностью. И в связи с этим оно условно было разделено на несколько категорий. Принадлежность к каждой из них определялась уровнем национально-культурного самосознания. В конце 1942 г. была утверждена единая процедура регистрации этнических немцев на оккупированной территории Украины («*Deutsche Volkliste Ukraine*»), которая предусматривала четыре категории фольксдойче. В первую группу могли входить представители немецкой национальности, родившиеся в моноэтнических семьях и сохранившие немецкий язык и национальный уклад. Во вторую категорию, как правило, включались чистокровные немцы, которые состояли в браке с представителем иной национальности. При этом члены семей не немецкого происхождения также могли быть отнесены к этой группе, но лишь в том случае, если придерживались немецкого образа жизни. К третьей категории причислялись те фольксдойче, которые ассимилировались среди местного населения и практически утратили ключевые черты своей национальной идентичности. Для четвертой группы представителей немецкой национальности уже не оставалось. Предположительно эти лица подлежали выселению³. Подавляющее большинство этнических немцев оккупированных областей Украины оказались зачислены в третью категорию. Подобная ситуация была обусловлена прежде всего дискриминационной политикой советской власти в довоенный период, которая нанесла достаточно сильный ущерб национально-культурной самобытности немецкого населения СССР.

Статус фольксдойче гарантировал получение от оккупационных властей некоторых привилегий. Прежде всего, это было право на продуктовый паек и посещение специальных магазинов для немцев. Поэтому для многих представителей немецкого населения и членов их семей статус фольксдойче означал надежду на выживание в сложных условиях военного времени. Именно это зачастую являлось ключевым стимулом при прохождении процедуры регистрации. О доминировании мотива выживания у этнических немцев нередко упоминается в различных документах оккупационных властей. Пы-

³ Fleischhauer, *Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*, 186–187.

таясь исправить сложившуюся ситуацию, руководство Рейха предпринимало меры, направленные на повышение уровня национального и политического сознания среди фольксдойче на территории Украины. Однако эти планы так и не были полностью реализованы. В связи с поражениями вермахта в 1943–1944 гг. власти Рейха были вынуждены осуществить массовую эвакуацию фольксдойче из СССР на территории Генерал-губернаторства и Имперского края Вартегау⁴. Общая численность данного контингента составила около 300 000 человек⁵. Из них подавляющее большинство составляли немцы из Украины.

Осенью 1943 г. советская власть активно приступила к восстановлению прежнего политико-идеологического контроля на территории освобожденных от немецких войск областей Украины. Одним из главных инструментов при этом являлись репрессии в отношении лиц, которые ранее сотрудничали с оккупационными властями. Советский режим мстил, сурово наказывая многих коллаборационистов и пособников. На начальном этапе трибуналы войск НКВД и военно-полевые суды армий часто приговаривали осужденных к длительным срокам заключения от 20 до 25 лет каторжных работ или высшей мере наказания⁶.

Осуществляя проверку населения осенью 1943 г., органы безопасности вскоре обратили внимание на представителей немецкой национальности, которые в силу различных обстоятельств не смогли эвакуироваться на Запад. Так, например, в одной из докладных записок от 13 октября 1943 г. на имя заместителя наркома внутренних дел С.Н. Круглова сообщалось о выявлении в Селидовском районе Сталинской области нескольких семей этнических немцев в количестве 15 человек. В конце текста содержится запрос об их выселении⁷. Осенью 1943 г. выявление и учет этнических немцев на территории освобожденных областей Украины осуществлялись не-

⁴ Fleischhauer, *Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*, 208.

⁵ Lumans V., *Himmler's Auxiliaries: The Volksdeutsche Mittelstelle and the German National Minorities of Europe, 1933–1945* (Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1993), 248.

⁶ Лисенко О. Є. і Вронська Т. В., “Терор проти власного народу” у *Політичний терор і тероризм в Україні ХІХ–ХХ ст.* (Київ: Наукова думка, 2002), 687–688.

⁷ Sectoral State Archive of Security Service of Ukraine (далее, GDA SBU), *fond 16, opis 36, number 1, folios 98.*

официально. Каких-либо четких директив от центрального аппарата НКВД не поступало. Поэтому и системных карательных действий со стороны советских органов безопасности еще не наблюдалось. Однако, уже в середине декабря 1943 г. из республиканского аппарата НКВД УССР последовал запрос руководству НКВД СССР с просьбой дать конкретные указания о том, какие меры следует предпринимать в отношении бывших фольксдойче и членов их семей⁸. Вскоре нарком внутренних дел Л. Берия в докладной записке на имя И. Сталина предложил всех выявленных на территории республики этнических немцев арестовать и выслать вместе с семьями в Алтайский край. И. Сталин ответил резолюцией следующего содержания: «Всех арестовать, содержать в спецконцлагере под особым надзором и использовать для работ»⁹. 7 января 1944 г. нарком НКВД подписал приказ № 0013 о создании на базе Черногорской колонии НКВД в Красноярском крае специального лагеря для бывших фольксдойче. В соответствии с документом, представителей этой категории предписывалось судить Особым совещанием НКВД СССР¹⁰.

Получив необходимые указания из Москвы, нарком НКВД УССР В. Рясной в одной из ориентировок от 20 января 1944 г. назвал всех этнических немцев, живших на оккупированных территориях, предателями и пособниками. В частности, он отметил следующее: «Всякий, добившийся признания «Фольксдойчем», пользовался особой привилегией, особыми правами перед основным населением Украины – украинцев, русских, и тем самым связывал себя с оккупантами и их преступными действиями». Далее он также сообщил: «Нередко «Фольксдойчами» оформлялись лица за особые заслуги перед оккупантами, не имеющие никакого отношения к немецкой крови, – это предатели, изменники Родины, сообщники немцев. «Фольксдойчи», являлись надежными пособниками гитлеровцев,

⁸ Бугай М. Ф., «Депортації населення з України (30-50-ті роки)», *Український історичний журнал*, № 11 (1990): 20.

⁹ *Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 - март 1946: [архив Сталина, документи вищих органів партійної і державної влади]*. (Москва: Материк, 2006), 405.

¹⁰ *Сталинские депортации. 1928–1953*. (Москва: Международный Фонд «Демократия»; Материк, 2005), 609–610.

широко использовались в работе немецких карательных органов»¹¹. Подобная характеристика категории фольксдойче являлась лишь формальным обоснованием необходимости осуществления репрессий в отношении этнических немцев и не соответствовала реальной действительности.

На освобожденных территориях областей Украины органы НКВД использовали разнообразные методы по выявлению представителей немецкой национальности. Например, сотрудники советских спецслужб собирали и внимательно изучали трофейные документы, которые могли содержать информацию о лицах, сотрудничавших с оккупационным режимом. Важную роль в этом процессе играли и сведения, полученные в ходе допросов от лиц, работавших в магазинах, где представители немецкой национальности получали продуктовые пайки. Кроме этого, арестованные немцы также могли в ходе следствия сообщить имена фольксдойче, которые после этого объявлялись во всесоюзный розыск¹². Не менее эффективными инструментами в механизме фильтрации населения на освобожденных территориях являлись перепаспортизация и перепрописка.

Как уже было отмечено выше, советская Фемида в первый период войны занимала довольно жесткую позицию в отношении бывших коллаборационистов и пособников. Но в конце 1943 г. появился ряд важных нормативных документов, которые вносили определенные коррективы относительно определения вины указанных лиц. Здесь, в частности, следует упомянуть постановление Пленума Верховного суда СССР № 22/М/16/У/сс от 25 ноября 1943 г., в соответствии с которым при вынесении приговора могли быть приняты во внимание смягчающие обстоятельства. Некоторые лица имели возможность вообще избежать уголовной ответственности. Однако в отношении бывших фольксдойче применялись другие более жесткие критерии. В период оккупации известно немало случаев, когда этнические немцы сотрудничали с советским движением сопротивления или, используя свое положение, оказывали какую-ли-

¹¹ GDA SBU, *fond 16, op. 37*, no. 1, fol. 3–4.

¹² Айсфельд А., Мартыненко В., «Фильтрация и оперативный учет этнических немцев Украины органами НКВД-НКГБ-МВД-КГБ во время Второй мировой войны и в послевоенные годы» у *3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ*, № 2 (35) (2010): 141–142.

бо помощь местному украинскому населению. Тем не менее, в глазах советской Фемиды эти факты не могли стать «иммунитетом» от уголовного преследования или же основанием для смягчения наказания. Определяющее значение имели национальная принадлежность и особый социально-правовой статус немцев в системе оккупационного режима. Необходимо также учитывать и тот факт, что в конце весны 1943 г. в соответствии с распоряжением министра внутренних дел и министра восточных оккупированных территорий немало фольксдойче на территории Украины смогли получить гражданство Рейха. Советское правосудие квалифицировало это обстоятельство как измену родине.

Как правило, основной мерой наказания для осужденных фольксдойче был срок от 5 до 10 лет в исправительно-трудовом лагере (далее – ИТЛ). Те этнические немцы, которые активно сотрудничали с оккупационными властями, могли получить и высшую меру наказания. Обвинения практически во всех случаях имели стандартные формулировки: «измена родине» или «регистрация как «фольксдойче»»¹³.

За принятие германского гражданства многие бывшие фольксдойче по решению особого совещания отправлялись в Черногорский ИТЛ Красноярского края, а позднее и в Сузунский ИТЛ Новосибирской области. На основе анализа архивно-криминальных дел можно предположить, что в первый спецлагерь часто старались отправлять трудоспособных немцев, а во второй преимущественно пожилых и имеющих проблемы со здоровьем людей¹⁴. Членов семей фольксдойче отправляли на спецпоселение без определения срока.

В редких случаях члены семей фольксдойче имели шанс избежать наказания, если им удавалось опровергнуть принадлежность к этой категории во время оккупации. Однако это было не так легко хотя бы потому, что сотрудники НКВД часто могли фальсифицировать доказательства вины арестованных.

¹³ Айсфельд и Мартыненко, «Фильтрация и оперативный учет этнических немцев Украины органами НКВД-НКГБ-МВД-КГБ во время Второй мировой войны и в послевоенные годы», 140.

¹⁴ State Archives of Sumy Oblast (далее, DASO), *fond* 7641, *opis* 5, number 843, folios 37; DASO, *fond* 7641, *op.* 5, no. 839, fol. 38, 40; DASO, *fond* 7641, *op.* 5 no. 742, fol. 44, 52-53.

Те этнические немцы, которые не получили во время оккупации германское гражданство, но имели специальное удостоверение о своей национальной принадлежности (*Volkstumausweis*), не отправлялись в Черногорский или Сузунский лагеря. Так, 28 декабря 1944 г. из НКВД УССР сообщили Л. Берии об обнаружении в с. Осиково Бышевского района Киевской области 18 немецких семей в количестве 61 человека. Вскоре они были отправлены в Коми АССР для трудоустройства в лесной промышленности¹⁵.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий по выявлению бывших «*фольксдойче*» отдельное внимание сотрудники НКВД уделяли также и представителям немецкой молодежи, которые во время оккупации могли являться членами организации «Немецкая молодежь Украины» (*Deutsche Jugend Ukraine*)¹⁶. Так, заместитель наркома НКВД УССР П. Дроздецкий в конце октября 1944 г. приказал своим подчиненным приложить усилия, направленные на разоблачение вражеской агентуры среди этой категории лиц¹⁷. Какое именно количество представителей немецкой молодежи смогли найти и арестовать органы безопасности, пока установить не удалось.

Сведения о количестве фольксдойче, выявленных органами безопасности на территории УССР, нуждаются в уточнении. Например, украинская исследовательница Н. Платонова пишет, что на протяжении 1944–1947 гг. из Украины было выселено 3631 члена семей фольксдойче¹⁸. Согласно другим документам, в 1944 г. «переселению» подверглось 5914 человек, а на 1 октября 1948 г. численность бывших фольксдойче составляла уже 5936 человек¹⁹.

Стоит также упомянуть и о судьбе репатриированных немцев,

¹⁵ GARF, *fond* 9479, *op.* 1, no. 154, fol. 70, 72.

¹⁶ Немецкая молодежь Украины (*Deutsche Jugend Ukraine*) – молодежная организация, созданная в 1942 г. в результате сотрудничества Имперского руководства по делам молодежи и Имперского министерства оккупированных восточных территорий для воспитания молодых фольксдойче на территории рейхскомиссариата Украина в духе идеалов национал-социализма.

¹⁷ GDA SBU, *fond* 13, *no.* 485, fol. 370.

¹⁸ Платонова Н., «Законодавчі та відомчі акти щодо спецпоселенців з України, 20-ті – 60-ті роки ХХ ст.» у *З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ*, № 1 (2003): 97.

¹⁹ Айсфельд и Мартыненко, «Фильтрация и оперативный учет этнических немцев Украины органами НКВД-НКГБ-МВД-КГБ во время Второй мировой войны и в послевоенные годы», 139.

часть из которых смогла ненадолго возвратиться на территорию Украины после окончания военных действий в Европе весной 1945 г. Как известно, еще в середине 1944 г. советское руководство начало предпринимать меры правового и организационного характера с целью возвращения нескольких миллионов граждан СССР, оказавшихся в силу разных причин за пределами своей страны. Все они были обязаны пройти проверку в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) и пунктах (ПФП). В первых нормативных документах, которые регулировали порядок приема и транспортировки репатриантов, этнические немцы еще не составляли отдельной категории. Однако, уже весной 1945 г. репатриационные оперативные группы обратили особое внимание и на советских граждан немецкой национальности, большая часть которых была сосредоточена в Вартегау. Так, 24 марта 1945 г. вышел циркуляр отдела ПФЛ НКВД СССР, который определял порядок приема бывших фольксдойче на приграничных ПФЛ. Согласно документу, лица немецкой национальности, которые приняли подданство Рейха, подлежали аресту или же дополнительной проверке в ПФЛ. Немцы, не успевшие пройти натурализацию, делились на две подкатегории. Мужчин следовало отправить в ПФЛ, а женщин в Карагандинскую область Казахской ССР²⁰. 22 мая 1945 г. Государственный комитет обороны своим постановлением внес некоторые изменения в порядок прохождения проверки репатриантами. Гражданские лица получили право, минуя ПФЛ, возвращаться на места довоенного проживания. Вследствие этого в области УССР начали возвращаться и небольшие группы этнических немцев. Один такой случай был зафиксирован в июле 1945 г. на территории Черниговской области. Эта группа немцев в количестве 24 человек вскоре была отправлена на спецпоселение в Новосибирскую область²¹. Выявление немцев-репатриантов с помощью проверочно-фильтрационных комиссий происходило и в других регионах УССР. Вопрос о количестве этнических немцев, которым удалось возвратиться в места довоенного проживания, пока остается открытым. Из доку-

²⁰ Айсфельд А., Мартиненко В., «Етнічні німці України під час Другої світової війни і в повоєнні роки» у *Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття. Історичні нариси*, (Київ: Наукова думка, НАН України, Кн. 1, 2010), 625–626.

²¹ GARF, *fond* 9479, *op.* 1, no. 154, fol. 251–252.

ментов НКВД известно лишь, что на 20 сентября 1945 г. в Украине находилось 2214 репатриантов немецкой национальности. Всех их надлежало переселить в Коми АССР и Молотовскую область²². Находясь на спецпоселении, многие немцы-репатрианты подвергались оперативным учетам и повторным фильтрациям. Органы безопасности рассматривали их как особо опасную категорию среди массы других спецпоселенцев. Данное обстоятельство повлияло на их дальнейшее положение в системе спецпоселения ГУЛАГа. Как известно, в 1955-1956 гг. большинство спецпоселенцев были сняты с учета, но немцам-репатриантам в этом было отказано²³.

Таким образом, подводя итоги, следует констатировать, что все этнические немцы на освобожденных территориях Украины подверглись коллективному обвинению в предательстве со стороны советской Фемиды. Ключевыми критериями являлись их национальность и особый статус во время оккупации, который, как уже было сказано, для многих представителей немецкого населения был путем к выживанию. Поэтому и отношение властей к осужденным немцам порой было жестче, чем к другим категориям коллаборационистов и пособников. В этом смысле они оказались почти в том же положении, как и другие «наказанные народы» в СССР: крымские татары, греки, армяне и др. Тем не менее, ситуация с немецким населением имела особый характер. Потому что этнические немцы были обвинены в нелояльности заочно, то есть еще в самом начале войны между Германией и СССР.

В статье освещены репрессивные действия советских органов безопасности в отношении представителей немецкого населения на территории освобожденных областей Украины в годы Второй мировой войны. Особое внимание уделено организационно-розыскным мероприятиям, критериям определения вины и мерам наказания бывших фольксдойче.

Ключевые слова: немцы, фольксдойче, НКВД, репрессии, фильтрация.

²² Бугай Н.Ф., *Иосиф Сталин – Лаврентий Берия: «Их надо депортировать...»* (М., 1992), 76.

²³ Айсфельд А., «Репатриация на чужбину... (репатриация советских немцев 1946-1947 гг.)» у *З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ*, № 2 (29) (2007): 119.

FAMILY LAW OF 1944 AND THE CONDITION OF WOMEN DURING WORLD WAR II

ESZTER JÓNI

PhD student

University of ELTE, Doctoral School of History,
Russian Studies Doctoral Program, Budapest, Hungary
jonicszter84@gmail.com

ABSTRACT: Present essay is about the very strict and conservative family law which was adopted in 1944 and which also became a model for other countries. Presented are the different ideas about relationships during the 1920's and 1930's and about the contradictions in women's situation during World War II.

World War II brought a turning point in the lives of Soviet women. The difference in the types of work performed by the two sexes became formality. Women had to perform the jobs of men in industry and agriculture, too. Moreover, there were also women who became soldiers and partisans, as well as agents and mediators between civilians and partisans. Despite these facts the media emphasized their traditional roles. Soviet women were presented as a symbol of the Motherland, and also as mothers and loved ones for whom soldiers had to fight. The new family law concentrated on the defense of motherhood and the institution of the family. Single people, unmarried couples, and people with less than three children had to pay a tax.

This law was liberalized only after Stalin's death, and it illustrates the difficult situation that was a reality for Soviet women for decades.

KEYWORDS: Soviet women, World War II, family law, motherhood, child care

On 22 June 1941, Nazi Germany attacked the Soviet Union. Thus started the Great Patriotic War, which became a turning point in the life of the whole nation, so of course in the life of Soviet women, as well. The eventual victory over Germany was a result of great efforts by millions. In order to understand and as an illustration to the difficult situation of Soviet women, I am going to mention some laws which were made during this very special period.

Official propaganda usually emphasized traditional roles of women. The symbol of the motherland was an elderly woman, for example, but

in reality women had no other choice than to do the same work as men. Their task was to feed the whole country and perform the jobs of men in industry and agriculture, too. By the end of World War II, 56% of those working in industry were female, and in agriculture it was 60%, which remained unchanged until 1950.¹

On 26 December 1941, the Soviet leadership decreed a new law which punished anyone (men as well as women) missing without leave from work in defense-related industries with sentences of five to eight years in prison.²

While elderly women, expectant mothers or women with small children stayed at home, teenagers and young women usually went to the front. From 1942 it was possible for women to officially become soldiers, and their numbers peaked at the end of 1943, with more than 800,000 female soldiers in the Red Army and partisan groups, fighting both in the air and on the ground.³ Given the brutality of German troops, it is no wonder that so many Soviet men and women joined local partisan groups and military forces to defend their territories. It was also a brave young woman, Zoya Kosmodemyanskaya, who became the symbol of the partisan fighters in Russia.⁴

About 200,000 women worked for the Soviet air force, in which there were three all-female regiments. This was the idea of Marina Raskova, one of the most famous pilots at that time. This meant that only women served in all jobs from pilots to mechanics. The most famous of these regiments was the Night Witches, as Germans called the 46th Regiment, which carried out dangerous night bombing raids. Other women fought against Germans as snipers, tank drivers, radio and telephone operators, or as telegraphers.⁵ They became pilots and officers, and sometimes led units of men in combat.

But when the course of the war improved for the Soviet Union,

¹ Márta Font, Tamás Krausz, Emil Niederhauser, Gyula Szvák, *Oroszország története* (Budapest: Pannonica Kiadó, 2001), 545.

² Barbara Alpern Engel, *Women in Russia. 1700–2000* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), 211.

³ Engel, *Women in Russia*, 215.

⁴ This 18 years old woman was hung publicly by the Germans in the village of Petrisceve (a few kilometres from Moscow) in November 1941.

⁵ Engel, *Women in Russia*, 216.

the leadership started to emphasize difference between sexes, and first eliminated coeducation in secondary schools in the cities in 1943, than adopted a very conservative family law in 1944.⁶

In the beginning of this law it was claimed that strengthening of the family was always a task of the Soviet government. But in fact that was not even close to the truth. Of course, Soviet society was a patriarchal one, but especially in 1920 there was a tendency to question the role of families.

In this area the most important writer was Engels, who wrote in his work, *The Origin of the Family, Private Property and the State*, that men in the monogamous family exploited women the same way as the bourgeoisie exploited the proletariat.⁷ He also predicted that the old model of the family would disappear and women could also take part in social life while housework and the teaching of children would be a common task of the whole society. So there were communists in the 1920's who demonstrated free love and created communes, which they considered an ideal form of cohabitation, instead of the traditional family. (This was the opinion of Leon Trotsky, too.) The process of divorce was very easy and the new law made no distinction between children who were born inside or outside marriage.

But by the end of the decade the voices of those who wanted to reinforce the family became stronger and stronger. During the NEP period (1921-1928) a lot of women found themselves in a very bad situation, since the government focused exclusively on the innovation of heavy industry, and provided less funding for such institutions as common kitchens or kindergartens. (These institutions were workplaces for women and at the same time helped other women to concentrate on their work of cooking and taking care of children). Unemployment was very high, and there were usually women who lost their jobs, as they were not as qualified as men were, and if they had children, they could not balance between work and family. Moreover, many men, even within the Party, thought that there would not be so many children on the streets if women were not employed in such high numbers.⁸ So the role

⁶ Engel, *Women in Russia*, 222-223.

⁷ Marx, Engels, Lenin, *A nőkérdésről és a családról* (Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1974), 157.

⁸ Martin Roberts, *Európa története 1900-1973. Az új barbárság kora?* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992), 261-262.

of mothers was again emphasized, and the private sphere of life became more available to women than the social sphere.

And there were other problems in connection with „free love,” namely that many men often abused this freedom, and in the 1930's there were scandals that appeared in the press when it turned out men were deceiving their female partners.⁹ There were polygamists and men who abandoned their wives and did not pay any money to support their children. As a result there were many women who asked the authorities for support and to punish their irresponsible and dishonest male partners.

Conservative patriarchal attitudes again began to strengthen. In 1936 the possibility of legal abortion was also banned. The scarcity of living accommodations was so common in the 1930's that a lot of women living in cities opposed this law, but could not do anything about it.

Divorce again became difficult to obtain, and official propaganda – foremost in the newspaper *Pravda* – emphasized the duties of parents, and encouraged young people to establish a family.¹⁰

The government needed more people to protect the country. During World War II it was even more important than before. Women had a key role in the population growth of the nation. So the new family law concentrated on the defense of motherhood, childhood and the institution of the family, and did not support any other forms of individual status.

The government as specified by a decree which came into effect on 8 July 1944. The concepts of Heroine Mother and Medal of Maternity, as well as medals for motherhood, appeared at the same time.¹¹

These titles were determined by the number of children a woman had: the „*Medal of Maternity*” for mothers of five or six children, the „*Glory of Mothers*” for those with from seven to nine children, and „*Heroine Mother*” for those with ten or more children. This award became valid

⁹ Sheila Fitzpatrick „A sztálinizmus: hatalom, család, közvélemény” in: Krausz Tamás ed., *A sztálinizmus hétköznapjai. Tanulmányok és dokumentumok a Sztálin-korszak történetéből* (Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2003), 160.

¹⁰ Roberts, *Európa története*, 261–263.

¹¹ In Hungary, for example, there was also a saying, in 1950's, that to give birth to a child for a wife is a duty, for a girl is a glory.

when the youngest child reached one year of age, and lasted as long as they all remained alive.

The monthly subsidy to women who were married or widowed was awarded from their third child's second year to that same child's fifth year. (Previously it was available from the birth of the seventh child.)¹² Mothers who had already had seven or more children belonged to another category. They could receive support under a decree of 1936.¹³ In determining the number of children, those who had already died at the front or went missing in action were also counted.

Single women who became mothers after this law was modified were able to receive the subsidy from birth until the child reached the age of twelve. There was no minimum, so she could receive payment even if she had only one child, but the more children she had, the more money she received. If she had three or more children, she could get the same subsidy as a married mother. When a single mother got married, she maintained her right to the subsidy. That is how the government wanted to support the institution of marriage in her case.

But if the child had been born before this law took effect, and if the mother was receiving financial support from the father of the child, then she could not receive government support. But the mother's right to establish paternity and demand financial support from the father was lost.

Men were not required to take responsibility for fathering a child out of wedlock, and at the same time the woman had no choice than to give birth to the baby. Abortion was still banned, even if the woman had been raped.

If a single mother needed to leave her child in a children's home, then the institution was required to accept and care for the child at government expense. But in this case the mother lost the right to the subsidy. On the other hand, she always had the right to take back her own child.

¹² *Sbornik zakonov SSSR 1938–1967* (Moskva: Izdatel'stvo Izvestija Sovetov Deputatov Trudjashchih SSSR, 1968), vol. II., 410–416.

¹³ Mothers for the birth of their seventh, eighth, ninth or tenth child could get 2000 rubles per year for 5 years. After the eleventh and every next child they could get 5000 rubles once, then 3000 rubles per year for four years from the second year of the child. In: *Sbornik zakonov SSSR 1938–1967*, vol. II., 410.

The government also decided to build new facilities to house children and their mothers, and hostels for single expectant mothers and breast-feeding mothers who were in poor health.

Moreover, the law attempted to improve the lives of children territories recaptured from the German enemy by creating more nurseries and milk stations, organizing night groups for children who attended nurseries and pre-school, as well as family aid centers. (Parents who had a minimum of three children could get a reduced rate in cases where fees were required for child care.)

From the fourth month of pregnancy¹⁴ women were banned from working overtime at their jobs, just as breast-feeding mothers were forbidden to work at night. They should also be provided with food.¹⁵

In workplaces the law prescribed medical rooms, rooms for nursing women, and nursery care rooms. An increase in the production of goods for children (clothes, shoes, and other items) was also decreed.

Unmarried individuals or couples who were not officially married with less than three children had to pay a tax. This affected men from 20 to 50 years of age, and women from 20 to 45 years. The amount of the tax depended on profession and income. Those exempted from this tax were: soldiers in combat and their wives, those women who were receiving a pension or subsidy from the government to care for their children, invalids, students under 25 years, and citizens whose children died in the war or who went missing in action.

From 8 July 1944 to 1 January 1947, 7.3 billion rubles were paid out to support Soviet mothers.¹⁶

But female soldiers or those who fought for their country in other ways (for example, as partisans) could not be exempted at all. So, continuing a military career or building a civilian career were not considered as important for a woman as becoming the mother of at least three children, which was considered the ideal.

¹⁴ Previously in military pregnant women could not retire until the seventh month of pregnancy. In: Engel, *Women in Russia*, 217.

¹⁵ In 1941 a ration for expectant mothers and children was 300 to 400 grams of bread for a day. Engel, *Women in Russia*, 212.

¹⁶ Nina Popova, *Women in the land of socialism* (Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1949), 96.

Only official, registered marriage was accepted. The first name, patronymic, family name, the year of birth of both spouses, and the date and place of marriage were written into the identity documents of the couples. If the woman was not married, then her child took her family name and whatever patronymic she provided.

If a couple lived together but was unable to complete their registration, or if one of them died on the front or went missing in action, the woman had the right to ask the court to adopt her partner as her husband. (From 1945 it was also added that children whose parents had not been registered and whose father died on the front had the same rights as children, starting with registered couples, so they could inherit from the father.)¹⁷

Divorce played out publicly in court but, if the couple requested, in special cases it could take place behind closed doors. The administrative fee was 100 rubles.¹⁸ The couple had to provide papers to the local court, and had to justify their desire to obtain a divorce. Next, the other spouse was informed that the process was in motion, and witnesses were called. The next step was the setting of a deadline for the couple to consider the possibility for reconciliation. If they could not come to an agreement, then the court usually approved the divorce. Next, custody of the children was decided (i.e., who would remain with which parent), as was the amount of child support and/or alimony, as well as division of assets.

After the disunion, women could take back their maiden names. The separation was registered in their identity documents. Finally, one or both spouses had to pay between 500 and 2000 rubles in administrative fees, which was very high at that time.

So the procedure of divorce was expensive, took a long time, and moreover it could be psychologically difficult for everyone, especially if there were children. This sad episode of their family life could be played out publicly, watched by anyone. There was no respect for private life. This law was liberalized only after Stalin's death, and it illustrates the difficult situation that was a reality to Soviet women for decades.

¹⁷ *Sbornik zakonov SSSR 1938–1967*, vol.II., 418.

¹⁸ To understand how much this cost was we should mention that a single woman got 100 rubles per child per month. See *Sbornik zakonov SSSR, 1938–1967*, vol.II., 411.

Conclusion

World War II brought enormous changes and suffering into every Soviet woman's life, and women accepted their roles heroically. They replaced men in agriculture and industry, and they took part in combats and partisan movements. Despite this, by the end of the war co-education was banned in urban schools, and individuals who did not have at least three children had to pay a punitive tax. Again, traditional family roles strengthened, and the government took great measures to save the institution of the family, motherhood and childhood, as well.

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ: УРАЛ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПОЗДНЕСТАЛИНСКОГО СССР

МИХЕЕВ М. В.

аспирант

Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
mikheev666@yandex.ru

ABSTRACT: The article is about the Ural region's role during the late Stalinist period (1945–1953). The essay describes the Soviet government's attempt to transform the Urals into an 'industrial springboard' for natural resources in Siberia, Central Asia and the Far East, to help further economic development. The article points out the reasons which led to the failure of this policy after World War II. The author attempts to analyze the issue from different points of view: geo-policy, foreign policy and economy.

KEYWORDS: Ural-Kuznetsk Basin, Baikal Energy Power, atomic drafts, geo-politics, industrialization, five-year plan, the Eastern regions of the USSR

Уральский регион всегда занимал особое место в системе советского экономического планирования. В отличие от других промышленных районов, Уралу ещё программами первых пятилетних планов отводилась исключительная роль «индустриального плацдарма» для экономического освоения Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока.

Ещё в 1929 г. один из ведущих деятелей Госплана СССР Н. Н. Колосовский так определил значение Урала: «Урал есть преддверие к огромным просторам Советской Азии с ещё совершенно нетронутыми природными богатствами. Советская Азия, то есть Сибирь и Дальний Восток несравненно обильнее чем европейские районы Союза, но для того чтобы использовать эти богатства нужны железные дороги, нужны машины и орудия как для промышленности, так и для сельского хозяйства. Для постройки железных дорог и изготовления машин прежде всего нужно дешевое железо. Если мы станем изготавливать железо для этих районов на Украине и потом доставлять его или в виде рельсов или в виде готовых машин в Сибирь

и на Урал, то придется оплачивать провоз на далекое расстояние. Это сильно удорожит и постройку железных дорог и сооружение заводов и потребует излишнего расходования накладных средств. Совсем другое положение будет, если мы создадим собственную железодельную промышленность на Урале и в Сибири, изготовляющую на месте железо, рельсы, и построим здесь заводы для изготовления необходимых машин и орудий».¹

Идея такого своеобразного «сдвига» производительных сил страны на восток не была новой. В том или ином виде подобные предложения выдвигались еще до революции. Их можно обнаружить в трудах Д.И. Менделеева, А.Г. Щербатова, П.Б. Струве и В.П. Семёнова-Тян-Шанского.² В этом же духе планировал свою «Восточную программу» С.Ю. Витте. С целью переориентации магистрального направления экономической экспансии России с запада на восток был построен Транссиб, организовывалось аграрное заселение Южной Сибири и Дальнего Востока. В годы Первой мировой войны, вследствие прекращения импорта, химическая и металлообрабатывающая промышленность были вынуждены искать сырье на востоке страны.

Однако, столь масштабные структурные преобразования в экономике, требовавшие всеобъемлющего вмешательства государства ценой уничтожения частной инициативы, стали возможны только в СССР. Советская власть, находившаяся в условиях «осажденной крепости», была вынуждена ориентировать свою внутриэкономическую политику на превращение СССР в полностью независимый от внешнего влияния, абсолютно самодостаточный субъект мировой экономики. Ведь только это могло гарантировать реализацию знаменитого сталинского тезиса 1925 г. о построении «социализма в отдельно взятой стране».

Более того, к такому повороту в организации процессов экономического районирования СССР подталкивали и внешнеполитические обстоятельства. Постоянная угроза войны вынуждала

¹ Колосовский Н.Н., *Уральская область и Башкирская АССР* (М.: Государственное изд-во, 1929), 27.

² См.: Зубков К.И., «Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта», *Уральский исторический вестник*, no. 1 (2011): 22–23.

советское руководство строить экономический организм страны в виде серии эшелонированных с запада на восток самодовлеющих «промышленных комбинатов», основанных на сочетании взаимосвязанных производств полного промышленного цикла. Развитие таких экономических районов осуществлялось не только по взаимодополняющему, но и по взаимозаменяющему принципу. Это означало, что если во время войны тот или иной промышленный район будет разрушен или оккупирован, его функции могут быть переложены на какой-либо тыловой регион со сходной структурой экономики. Об этом большевиков впервые заставили задуматься уроки Гражданской войны и интервенции, в ходе которых для советской власти на долгое время оказались потеряны промышленно-сырьевые районы Донецкого бассейна, Прибалтики и Кавказа.

Разумеется, первоочередным регионом такого типа должен был стать Урал. Вышесказанное получило свое отражение в знаменитом «Генеральном плане развития хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.». Изначально разрабатывавшийся в русле конкретизации общесоюзного плана ГОЭЛРО,³ Генеральный план превратился в программный документ, необходимость выполнения которого диктовалось «не только естественными сырьевыми богатствами, но и особо выгодным географическим положением Урала, как срединной индустриальной и стратегической базы Союза (курсив мой – М.М.)».⁴

Осуществление этой программы проводилось по трем направлениям:

Во-первых, соединением уральской руды с кузнецким углем (Западная Сибирь), что было выполнено в процессе создания второй (после Донбасса) угольно-металлургической базы страны – Урало-Кузнецкого комбината – и обеспечило долгожданный технологический переход уральской металлургии с древесного угля на каменный.

³ Митин М.Г., «К истории разработки генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», в *Вопросы истории Урала*, вып. 6. (Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1965), 96.

⁴ *Генеральный план хозяйства Урала на период 1927 – 1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)* (Свердловск: Уралплан, 1927), 8.

Во-вторых, химизацией индустриального производства на Урале. «Расширение производства соды, хромовых солей и суперфосфата, постройка мощного сернокислотного завода, работающего на отходящих газах медеплавильных печей, развитие калийного производства [строительство Березняковского и Соликамского калийных комбинатов] и лесохимической промышленности – всё это должно завершиться постройкой крупного полихимического завода в районе Усолье – Кизел».⁵ Особое внимание уделялось также углехимии.

В-третьих, путем развития уральского машиностроения, посредством строительства Завода тяжелого машиностроения в Свердловске и Вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле. Последний предназначался для оснащения железных дорог Урала, Сибири, Приуралья, Средней Азии. Ново-Кушвинский, Ново-Тагильский, Нижне-Салдинский металлургические заводы должны были снабжать новое производство металлом; снабжение лесоматериалами осуществлялось из Кушвинского района.⁶

Таким образом, уральская индустрия строилась на принципах автономного функционирования и с ориентацией на создание в регионе базы дальнейшего освоения восточных регионов.

Автономному функционированию уральского промышленного комплекса также должно было способствовать развитие открытого здесь в конце 1930-х гг. так называемого «второго Баку» – новых нефтяных районов, расположенных между Уралом и Волгой. Постановление СНК СССР от 16 марта 1938 г. предписывало довести здесь нефтедобычу к 1942 г. до 10 млн. т. в год.⁷ Примечательно, что общий объем добытой здесь нефти по плану на 1938 г. предусматривал добычу 1,72 млн. т, в то время как на Кавказе планировалось добыть 33,5 млн. т. легкой нефти, значительно превосходящей по

⁵ См.: Митин, «К истории разработки генерального плана», 108.

⁶ Саматов В.А., *Борьба партийных организаций Урала за дальнейший технический прогресс в промышленности в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.)* (Автореф. дисс. к.и.н. Свердловск: УрГУ, 1958), 4.

⁷ «Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), 16 марта 1938 г. О развитии новых нефтяных районов», в *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* в 5 тт. – Т. 2. (М.: Изд-во политической литературы, 1967), 645.

качеству нефти восточных регионов.⁸ Это явно экономически затратное начинание было предпринято с целью дальнейшей «автоматизации» хозяйства Урала, возможности его функционирования даже в условиях утраты страной контроля над Бакинскими и Северо-Кавказскими нефтяными промыслами.

В целом к началу Великой Отечественной войны на Урале была создана мощная индустрия, занимавшая в стране первое место по выплавке меди, никеля, алюминия, магния, второе место по выплавке чугуна, стали, добыче железной руды. Урал стал районом с наиболее высоким удельным весом тяжелой индустрии в общей промышленной продукции. Производство тяжелой индустрии составило здесь в 1937 г. 74,2%, при общесоюзном показателе в 57,8%.⁹

Доля всех восточных регионов в промышленном производстве СССР, по разным оценкам, составила от 14,8 до 16% в сравнении с изначальными 6–7%.¹⁰ Накануне войны, согласно готовившемуся в это время правительством амбициозному «Генеральному хозяйственному плану СССР на 1943–1957 гг.», предусматривалось довести к 1957 г. долю восточных регионов в общесоюзном промышленном производстве до 29–30%.¹¹

Начавшаяся война, несомненно, способствовала росту промышленного производства на Урале. После немецкой оккупации Украины Урал стал главным поставщиком металлургической продукции в СССР. Как писала «Правда», «Урал принял на свои могучие плечи главную тяжесть снабжения вооруженных сил нашей страны». ¹² 40% всех эвакуированных на восток в июле – ноябре 1941 года предприятий было отправлено на Урал. В 1940–1945 гг. производительность труда здесь выросла на 111% при общесоюзном показателе 14%.

⁸ Государственный план развития народного хозяйства Союза ССР в 1938 г. (М.: Изд-во Госплана СССР, 1938), 29.

⁹ Саматов, *Борьба партийных организаций Урала*, 4.

¹⁰ Артёмов Е.Т., «Восточное направление в российской экономической политике XX в.: преемственность приоритетов», в *Урало-Кузбасс: от замысла к реализации* (Екатеринбург: ИИА УрО РАН, Изд-во АМБ, 2010), 25.

¹¹ Артёмов, «Восточное направление в российской экономической политике XX в.», 25.

¹² Цит по: Запарий В.В., «Металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», в *Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв.* (Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2006), 161.

Экономика региона перестраивалась на нужды фронта. 40% военной продукции и 60% черных металлов в годы Великой Отечественной войны производилось на Урале. Урал стал главным сырьевым центром черной металлургии. В 1942–1944 гг. на его долю приходилось от 83 до 93% всей добываемой в стране руды. Уральская черная металлургия за годы войны увеличила выпуск чугуна на 58%, стали – на 56%, проката – на 57%, стальных труб – на 430%. Доля названных видов продукции в общесоюзном производстве к 1945 г. составила 58,1%, 53%, 51,6%, 65,1%, соответственно. На Урале располагались от 85 до 100% всех металлургических агрегатов, введенных в строй за время войны на востоке СССР.¹³ Урал был монополистом в производстве алюминия, никеля, кобальта, поставлял значительную долю электролитического цинка, кадмия, марганца и хрома. Война доказала оправданность и разумность идеи «взаимозаменяемости» оборонно-промышленных комплексов и в целом, и на уровне отдельных предприятий. Ярким примером этому служит выход из строя осенью 1941 г. цилиндров ковочного пресса Уралмашзавода усилием 10 тыс. т., на котором штамповались пропеллеры для самолетов, танковая и корабельная броня. Выйти из положения удалось, заменив поврежденные цилиндры деталями аналогичного пресса с Краматорского завода, эвакуированного на Урал.¹⁴

Вместе с тем, война остановила сложившуюся к 1940 г. тенденцию «сдвига» производительных сил страны на восток. Весь отмеченный выше масштабный рост индустриального производства Урала осуществлялся исключительно в нуждах фронта, военной экономики. Став, по словам Н.А. Вознесенского, местом, где разместилась «мощная производственная основа Великой Отечественной войны»,¹⁵ Урал переставал быть тем плацдармом для освоения районов Советской Азии, о котором писал Н.Н. Колосовский, и приобретал всё больше черт «тылового укрепрайона». Война заставила

¹³ См.: Запарий, «Металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», 160–195.

¹⁴ См.: Агеев С.С., «Металлургическое производство на УЗТМ в 1930-е и в период Великой Отечественной войны (1931-1945)», в *Модернизационные процессы в металлургии Урала*, 144–146.

¹⁵ Вознесенский Н.А., *Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны* (М.: ОГИЗ, 1948), 10.

правительство использовать производительные мощности Урала для удовлетворения текущих потребностей военной экономики, не давая сил, средств и времени для работы на долгосрочную перспективу освоения советского Зауралья.

После войны советским правительством предпринимались попытки делать шаги в сторону экономического развития восточных областей. Это нашло своё отражение в тексте «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», где только количество упоминаний Урала и Сибири насчитывается 42 раза. Документ предполагал «продолжить всемерное развитие металлургической базы СССР на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке», «завершить в основном строительство Нижне-Тагильского и Челябинского металлургических заводов». Планировалось строительство завода электротехнических сталей и возведение новых металлургических заводов в Казахской ССР. Снова писали об автономности востока, подчёркивалась необходимость «создать собственную железнорудную базу на Дальнем Востоке и в Сибири», «расширить геологоразведочные работы в восточных районах СССР», подготовить промышленные запасы для строительства новых металлургических заводов на Северном Урале, в Сибири, в Казахской ССР».

Без внимания не остались и вопросы транспорта. В годы войны сообщение с Уралом и Сибирью, а также Урала и Сибири, оказалось затруднено из-за загруженности речных и железнодорожных путей. Власть приказывала «Обеспечить полное бесперебойное удовлетворение потребностей в перевозках промышленности Урала и Сибири, ... реконструкцию существующих и строительство новых подъездных путей, ... на предприятиях Урала и Сибири, и улучшение работы транспортных цехов промышленных предприятий».

Нехватка электроэнергии потребовала «Форсировать строительство гидроэлектростанций на Урале, особенно малых и средних, обеспечив ввод в действие за пятилетие 345 тыс. киловатт. Построить и ввести в действие первую очередь крупной гидроэлектростанции на реке Каме и восемь средних гидроэлектростанций на других реках. Приступить к строительству гидроэлектростанции на реке Уфе, а также организовать строительство небольших гидроэлектростанций на малых реках Урала». А также «в целях сокращения завоза энергетического топлива на

Урал» увеличить добычу углей. Предусматривал план и «освоение новых нефтяных площадей».¹⁶

Правительством было заявлено о продолжении индустриализации Востока. Впоследствии эти тезисы были конкретизированы. В августе 1947 г., выступая на конференции по изучению производительных сил Иркутской области, Н.Н. Колосовский отметил в своём докладе, что «Сдвиг индустрии на Восток» подразумевает не только развитие тяжёлой индустрии Урала и районов Кузнецкого бассейна, но и Восточной Сибири.¹⁷ Индустриализацию Восточной Сибири планировалось осуществить путём строительства Прибайкальского энергопромышленного комплекса, который, вслед за Уралом-Кузбассом, должен был стать второй базой для промышленного развития Советской Азии. Проект предполагал использование энергоресурсов Ангары в масштабах равных ресурсам Урало-Кузбасса при минимум в два раза более высокой эффективности труда с резервом для дальнейшего развития двукратно превосходящими энергетическую мощность Урало-Кузбасского комбината. Предполагалось что «новый Восточно-Сибирский комбинат включив в себя ангаро-енисейские установки, может быть тесно связан с Кузнецким районом по линии энергетики и рудообеспечения кузнецких заводов ... Позволит вовлечь в эксплуатацию громадные резервы лесов, рудного, топливного, минерально-химического сырья Восточно-Сибирской платформы Восточного Саяна, Бурятии, Восточного Забайкалья и Тувы. Приблизить центры индустрии к Дальнему Востоку, Якутии, Енисейскому Северу, тем самым ускорив разработку богатств этих территорий. Тем самым, коренным образом решить задачи экономического развития Востока, закрепив и расширив достижения Урало-Кузнецкого комбината».¹⁸ Пятый пятилетний план также декларировал «улучшение географического размещения строительства промышленных предприятий ... имея

¹⁶ «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 г. Принят Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г.», в *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*, Т. 3., 246–320.

¹⁷ Колосовский Н.Н., *Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири* (Новосибирск: Изд-во Наука, 1971), 21.

¹⁸ Колосовский, *Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири* 21–22.

виду дальнейшее приближение промышленности к источникам сырья и топлива».¹⁹

Реализация заявленной программы оказалась затруднительной. После войны Советский Союз был вынужден в первую очередь заниматься восстановлением народного хозяйства в западных районах – сильно пострадавших, а то и полностью разрушенных в ходе боевых действий. Изыскивать в таких условиях средства на освоение восточных районов представлялось сложным. Вместе с тем, расширение сфер советского влияния после Второй мировой войны на западе – в Восточной Европе – и на востоке, после победы коммунистов в Китае в 1949 г., создало своеобразные буферные «пояса безопасности» возле советских границ и тем самым, в некоторой степени, снимало остроту проблемы создания оборонительных индустриальных баз вблизи советских границ.

Исключением являлась атомная промышленность. Делу способствовало не только наличие в регионе крупных электроэнергетических мощностей и запасов воды, технологически необходимых для изготовления ядерных зарядов, но и местоположение региона в глубине континента – на максимальном удалении от границ и вне радиуса действия стратегической авиации потенциального противника. В 1948 г. начал работу радиохимический завод в закрытом городе Челябинск-40, давший оружейный плутоний для первых советских ядерных бомб. Два электрохимических завода были открыты в Свердловске-44 и Свердловске-45. В 1952 г. в Златоусте-36 было начато строительство атомного центра. Во многом именно в связи с атомным проектом продолжалось и дальнейшее индустриальное освоение восточных регионов СССР. Комбинаты по производству делящихся материалов будут строиться в Западной и Восточной Сибири; предприятия по добыче и переработке урановых руд возникнут в Средней Азии. Проектируются мощные электростанции с целью выработки электроэнергии для ядерной промышленности, в том числе за счет освоения гидроресурсов Ангары.²⁰ Любопытно,

¹⁹ «Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. Приняты XIX съездом КПСС 10 октября 1952 г.», в *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*, Т. 3, 717.

²⁰ См.: Артёмов Е.Т., Бедель А.Э., *Укрощение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината* (Екатеринбург: СВ-96, 1999).

что агенты ЦРУ установили факт наличия атомных производств в Урале именно благодаря росту здесь энергопроизводства. Ядерная промышленность требует огромного количества электроэнергии. Обнаружив значительную разницу между производимой и потребляемой местной индустрией энергии, американские специалисты без труда поняли, что «лишняя» энергия питает Атомный проект.²¹

Итак, четвёртый и пятый пятилетние планы отмечали важность продвижения на восток «большой индустрии». Однако, конверсия и восстановление хозяйства на западных территориях привели к падению в послевоенном десятилетии совокупной доли индустриального Урала в производстве СССР. По Союзу вся промышленная продукция в 1955 г. выросла по сравнению с 1945 г. в 3,5 раза, а на Урале – только в 1,7 раза,²² хотя мощности черной металлургии возросли и за две послевоенные пятилетки выплавка чугуна увеличилась в 2 раза, стали – в 2,5 раза. Развивались отрасли основной химии, производство кокса, добыча железной руды, угля, нефти. Но при этом обрабатывающая отрасль показывала значительно меньшие темпы прироста. Несмотря на укрепление транспортно-производственной инфраструктуры и, прежде всего, усиление железнодорожных связей Урала путем строительства Южносибирской магистрали, модернизации железной дороги Челябинск – Уфа и северных веток Сибирской магистрали, реконструкции Волжско-Камского водного пути, Урал в послевоенные годы становился не столько форпостом освоения Сибири, сколько промышленным придатком центральных районов. Так, в 1959 г. 65% машин и металлоизделий, произведенных на Урале, направлялось в западные районы.²³ В 1965 г. доля всех восточных регионов в промышленном производстве составила 16,5% против запланированных на 1957 г. Генеральным хозяйственным планом СССР 29–30%.²⁴

Исследователи объясняют это разными причинами. Говорится, в

²¹ См.: Lowenhaupt Henry S., *Puzzling out the power supply to Urals atom plants.* – URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol11no3/html/v11i3a03p_0001.htm (дата обращения: 13.05.2014)

²² Комар И.В., *Урал. Экономико-географическая характеристика* (М.: Изд-во АН СССР, 1959), 197.

²³ Комар, *Урал. Экономико-географическая характеристика*, 232.

²⁴ Аргёмов, «Восточное направление», 25.

частности, об инертности московского руководства, не желавшего детально планировать процессы и прорабатывать механизмы переноса индустриальных сил на восток и ограничивавшегося лишь формальными резолюциями и распоряжениями на этот счёт.²⁵ Высказывается мысль о том, что руководство наркоматов (министерств), заинтересованное лишь в выполнении текущих производственных планов и в так называемой «краткосрочной максимизации» затрат, не находило нужным работать на долгосрочную перспективу, связанную со смещением производительных мощностей на Восток.²⁶

Так или иначе, можно констатировать, что советская попытка использовать Урал как индустриальный плацдарм для освоения восточных территорий застопорилась в ходе войны и, за некоторыми исключениями, не смогла набрать нужный темп в послевоенное время.

²⁵ См.: Артёмов Е. Т. «Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана», ЭКО, no. 1 (2013): 164–165.

²⁶ См.: Dunmore Timothy, *The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53* (N.Y.: Macmillan Press, 1980).

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
УСТРОЙСТВО РСФСР и РФ:
ПОДХОДЫ, ДЕЙСТВИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ
(1917 г. – НАЧАЛО XXI в.)

Круглов В. Н.

кандидат исторических наук

Институт российской истории Российской академии наук,

Москва, Россия

vladimirkruglov2007@yandex.ru

АБСТРАКТ: This article deals with the reforms and the development of the territorial structure of the Soviet and modern Russia in the late 1910s–early 2000s. There were several “waves” of the state’s interest to this sphere, which resulted in major discussions and campaigns during the reviewed period (1920–1930s, 1990–2000s). Similar approaches, problems and results to many actions of the Soviet and Russian powers in the regional area are noted.

KEYWORDS: Region, territorial structure, reform, enlargement

Поиск оптимальной формы организации и управления пространством – одна из тех тем новейшей истории России, которые сохраняют свою актуальность уже без малого столетие. Масштабность территории всегда была причиной многочисленных сложностей в управлении страной. Едва ли не каждый правитель и уж точно каждый политический режим должны были формулировать свое видение решения данной проблемы. Ведь посредством административно-территориального деления (АТД) фактически и осуществляется управление территориями – причем от степени его совершенства напрямую зависит эффективность действий центральной и местных властей, успешность претворения в жизнь поставленных перед ними задач. Для советского периода, одной из характеристик которого является плановая система управления, решение проблемы территориальной организации имело особое, по сути – определяющее значение.

Большевики понимали это. Необходимость коренного изменения политической карты страны была заявлена ими буквально сразу по приходе к власти. Опиралась она на работы ведущих теоретиков

коммунистической партии – прежде всего, конечно, В.И. Ленина,¹ – а также на ее программные документы. И первые действия в этом направлении начались уже в 1918 г., на территории, находившейся под контролем большевиков: создавались т.н. «красные губернии» (Иваново-Вознесенская, Череповецкая и др.), центры которых должны были стать своего рода форпостами расширения зоны их контроля. Спустя несколько лет большевики распространили свою власть на большую часть территории бывшей Российской империи. Вопрос организации нового ее деления был признан одним из наиболее важных для СССР как государства нового типа.

На протяжении 1920–1950-х гг. шел активный поиск модели устройства страны. Оформились два основополагающих подхода: административно-политический и экономический. Первый предполагал образование административно-территориальных единиц (АТЕ) исходя из потребностей управления обширной территорией страны, а также политических задач. Второй заключался в создании АТЕ, выполняющих как административные, так и хозяйственные функции, для достижения целей экономической политики.

В первые годы советской власти руководство страны следовало административному подходу к решению вопросов регионального устройства. Это представляется естественным, ибо тот этап во многом носил характер подготовительного: своеобразного «сбирания земель» в преддверие их организации на новых началах.

Данный процесс составляет содержание второго этапа форматирования территории страны. Он охватывает 1923–1929 гг., его можно назвать этапом укрупнения. Возникла необходимость создания нового административно-хозяйственного деления. Причем будущее устройство страны должно было быть подчинено, прежде всего, задаче восстановления народного хозяйства и развития производительных сил. Лениным специально формулировалось требование «учета хозяйственных условий, климатических, бытовых, условий получения топлива, местной промышленности и т.д.»²

¹ Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* Т. 24. (М.: Издательство политической литературы, 1973), 147.

² Лужин А., «О совершенствовании административно-территориального устройства Советского государства», *Советское государство и право*, по. 9 (1962): 48–49.

Как следствие, административные единицы одновременно являлись и экономическими районами – предполагалось, что это отвечает научным основаниям территориального управления нового типа. Районирование охватило всю территорию СССР, в его ходе, в частности, было впервые проведено национально-территориальное размежевание выделенной из состава России Средней Азии. На территории РСФСР количество АТЕ к 1929 г. сократилось с 82-х до 23-х (области, края, автономии).³

Это была первая попытка организации территории страны на строго научной основе. Однако вскоре выяснилось, что получившееся в результате устройство не отвечает задачам политического управления: новые области и края получились очень крупными, что в условиях плохого состояния инфраструктуры и проблем с комплектованием управленческого аппарата затрудняло повседневное ведение дел на местах. Далее, организованные на основе экономических расчетов, обладавшие ресурсной базой и промышленным потенциалом АТЕ стимулировали политическую амбициозность их руководителей, что, по мнению высшего руководства добавить запятую создавало потенциальную угрозу территориальной целостности страны. Наконец, устройство на основе экономических районов вступило в противоречие с отраслевым принципом управления народным хозяйством (через систему союзных наркоматов и главков), который считался наиболее соответствующим потребностям оперативного и эффективного проведения индустриализации.

Все это предопределило достаточно резкую смену вектора административно-территориальных преобразований. Новый этап охватил фактически четверть века: с 1930 по середину 1950-х гг. Его можно назвать этапом разукрупнения, поскольку территориальные единицы начали подвергаться систематическому размельчению. Задачей провозглашалось «максимально обеспечить оперативность и конкретность в административно-хозяйственном управлении».⁴

³ Тархов Сергей, «Изменение административно-территориального деления России в 18–20 веках», *Логос*, № 1 (2005): 78–80.

⁴ *Административно-территориальное деление Союза ССР. Краткий справочник на 1 сентября 1935 г.* (М.: Власть Советов, 1935), IV.

В рамках этого обширного этапа можно выделить несколько подэтапов. Первый продлился до конца 1930-х гг. Для РСФСР его смысл заключался в дроблении только что оформленных краев и областей. Особняком в рамках этого подэтапа стоял процесс создания новых союзных республик в рамках СССР – причем создавались они преимущественно за счет территорий Российской Федерации (Казахская ССР в 1936 г., Карело-Финская ССР в 1940 г.).

Второй подэтап приходится на годы Великой Отечественной войны. С одной стороны, продолжался процесс дробления существующих областей (это объяснялось трудностями в управлении их обширными территориями), а также необходимостью хозяйственного восстановления после боевых действий; с другой стороны, вносились коррективы в национальное устройство – упразднялись автономии т.н. «репрессированных народов», на месте которых образовывались регулярные АТЕ (области); с третьей, по итогам войны происходило административно-территориальное определение территорий, отошедших к СССР (создание в составе РСФСР Сахалинской и Калининградской областей, Тувинской автономии).

Наконец, третий подэтап охватывает период с конца 1940-х до середины 1950-х гг. Дошел до своего логического завершения процесс дробления областей, когда на окраинных территориях уже существующих областей были образованы новые АТЕ (Арзамасская, Балашовская, Липецкая и др. области). Был предпринят эксперимент по созданию областей в составе автономных республик РСФСР (Татарская АССР). Наконец, предпринимались шаги по трансферу территориальных единиц из состава одной союзной республики в состав другой (присоединение Крыма к Украине в 1954 г.).

Итогом третьего этапа административно-территориальных преобразований оказалось максимальное усложнение административной карты РСФСР, что создавало естественные трудности в управлении: прежде всего, для мероприятий по развитию территорий.

Четвертый этап можно отнести ко второй половине 1950-х – началу 1960-х гг. и обозначить как этап рационализации. Прежде всего, было фактически прекращено создание новых АТЕ: по крайней мере, на территории РСФСР их число стабилизировалось. На местах время от времени выдвигались предложения об объединении уже существующих единиц или образовании новых. Обосновывались

они соображениями экономического характера или необходимостью стимулировать развитие экономики и культуры малых народностей. Однако эти проекты раз за разом отвергались руководством страны. Далее, упразднялись многие из образованных в начале 1950-х гг. областей – они оказались экономически слабыми и не оправдывали своего существования. Наконец, в этой сфере принимались решения политического характера. Так, в 1957 г., в условиях улучшения советско-финских отношений, упразднению подверглась Карело-Финская ССР, ставшая Карельской автономией в составе РСФСР. В то же время, в составе России были восстановлены отдельные автономии «репрессированных народов» (на Северном Кавказе).

Действия и декларации в сфере АТД в тот период являлись комбинацией двух обозначенных выше подходов: административно-политического и экономического. Масштабного переформатирования сложившегося деления страны не предполагалось, однако отмечалось, что «система не является неизменной», поскольку «далеко не везде полно соответствует задачам, стоящим перед Советским государством в период развернутого строительства коммунизма».⁵ Таким образом, власть сохраняла за собой свободу действий на всех уровнях регионального управления.

1960—1980-е гг. для административно-территориального деления РСФСР стали периодом затишья. Можно предположить, что вопрос пространственного структурирования территории страны для Центра представлялся решенным. В любом случае, «застой» в этой сфере напрямую следовал из общего политического курса на поддержание стабильности во внутренней политике. Преобразования носили частный характер – это были мероприятия по корректровке границ АТЕ.

Произошло частичное возрождение идеи экономического районирования. В начале 1960-х гг., на волне «совнархозовской» реформы 1957 г., были оформлены т.н. экономические районы, призванные стать основой для программ комплексного развития территорий. Это был очередной рецепт интенсификации развития «народного хозяйства». Однако новое руководство страны в 1965 г. восстано-

⁵ Лужин, «О совершенствовании административно-территориального устройства Советского государства», 50.

ло ведомственную структуру управления, в которой экономическим районам как реально действующим звеньям места не было. Фактически произошел откат к сталинской модели взаимодействия Центра и регионов – торгу ведомств и местных структур за размещение производств, приоритеты в снабжении, привлечение рабочей силы. В научной среде шла теоретическая разработка проблем экономического районирования, однако выдвигавшиеся учеными предложения изменить АТД страны, приблизив его к сетке экономических районов, практического воплощения она не получили. Правда, в период правления Ю.В. Андропова на высшем уровне разрабатывался проект организации на территории СССР штатов на основе «производственной целесообразности» (судя по всему, предполагалось возвращение к опыту 1920-х гг.), но он не получил воплощения вследствие скорой смерти его инициатора.⁶

В конце 1980-х гг. в условиях нарастания межнациональных противоречий и политической борьбы идея реформирования институтов федеративного устройства СССР приобрела особое звучание. Начавшись с обсуждения вопроса о расширении прав союзных республик и автономий, дискуссия способствовала активизации территориальных споров. Серьезные последствия имело принятие закона «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации».⁷ Согласно этому акту, национальные автономии уравнивались в правах с союзными республиками. Начавшийся вслед за этим «парад суверенитетов» стал прологом к распаду государства в декабре 1991 г.

Интерес в этой связи представляет то, что сетка АТД России в целом осталась неизменной – не произошло ни увеличения, ни уменьшения числа территориальных единиц. Составные части Федерации (края, области, автономии) стремились либо повысить свой правовой статус, либо выйти из состава РФ в уже существующих границах. В 1990–1993 гг. имели место попытки провозглашения новых республик (как с этнонациональной окраской, так и без нее).

⁶ “Четыре генсека. Аркадий Вольский о Брежнев, Андропове, Черненко и Горбачеве”, *Коммерсантъ*, № 169 (12 сент. 2006).

⁷ *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР*, № 19 (9 мая 1990).

Эти проекты предполагали объединение двух или нескольких АТЕ (Уральская, Сибирская, Восточно-Сибирская и др. республики). Стоял в повестке дня и вопрос о размежевании этносов (в основном на Северном Кавказе) – хотя единственным опытом такого рода стал распад Чечено-ингушской АССР.

Многочисленные проекты создания республик не получили воплощения по разным причинам: отсутствие поддержки региональных элит и/или населения, отсутствие правовых оснований или ресурсов для функционирования в качестве республики, решительные действия федерального центра по пресечению «расползания» территории страны. Показательно, что провозглашавшие создание новых «республик» общественные организации или структуры власти неизменно апеллировали к Москве, стремясь заручиться ее поддержкой.

Как бы то ни было, масштабной перекройки административной карты страны не произошло. Конституция РФ 1993 г. закрепила сложившийся на тот момент *status quo*. Федерация состояла из 89 составных частей – субъектов (края, области, национальные республики, области и округа, города федерального значения). Такая большая их численность, излишняя по меркам управления, очень быстро породила многочисленные предложения о сокращении субъектного состава РФ путем укрупнения. Особо сильное звучание они приобрели после кризиса 1998 г.: в сокращении численности субъектов Федерации, создании более крупных, ресурсно-обеспеченных территориальных единиц виделся один из путей выхода из сложившейся крайне тяжелой социально-экономической и общественно-политической обстановки.

Большая часть подобного рода предложений исходила от представителей региональных властей, политических партий и экспертного сообщества. В качестве реакции на эти предложения Центр в 2000 г. принял решение сформировать сеть федеральных округов с целью «повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования и контроля за исполнением их решений».⁸ В этом виделась реакция на усилив-

⁸ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе: [указ Президента РФ №849 от 13 мая 2000 г.]», *Российская газета* (13 мая 2000).

шуюся активность местных структур и групп, на тот момент еще неподконтрольных центральной власти, попытка перехватить инициативу и направить ситуацию в выгодное русло.

Создание округов привело к многочисленным спекуляциям о том, что Центр готовит почву для масштабного сокращения численности субъектов Федерации. На это, казалось бы, указывало и принятие Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (2001 г.). Однако в конечном итоге процесс укрупнения не принял широких масштабов: прошло пять референдумов об объединении территориальных единиц, в результате которых численность субъектов РФ сократилась с 89 до 83. С точки зрения управления эта серия укрупнений явно преследовала цель воссоздания ранее (в советский период) единых административно-территориальных единиц с целью оптимизации и унификации управленческого процесса. Еще одной целью процесса было упразднение экономически слабых, дотационных субъектов Федерации, присоединение их к более сильным соседям в видах снижения нагрузки на бюджет страны и стимулирования развития территорий. Однако исчерпание возможностей для безболезненного сокращения численности субъектов, понимание, что дальнейшее развитие процесса укрупнения может негативно сказаться на проводимой Центром политике стабильности, обусловили негласное прекращение этого процесса в 2007 г. С тех пор федеральный центр не предпринимал действий в рассматриваемой сфере, более того, в значительной мере сошли на «нет» и высказывания государственных деятелей по данной проблематике.

Подводя итог, нужно отметить, что большевики пришли к власти, не имея позитивного плана преобразования административно-территориального устройства страны. Поэтому первое время их политика носила характер ситуативной, будучи направлена, прежде всего, на упрочение своего положения, установление контроля над обширной территорией с не всегда лояльным населением. Однако, несмотря на выработку амбициозной программы районирования, ситуативность как основа действий советского руководства в сфере АТД сохранилась. Подходы к организации территории страны изменялись со сменой направления политического и экономического

развития страны, причем, как правило, достаточно радикально, с серьезными последствиями для структур управления (как в центре, так и на местах). В этом смысле преобразования АТД явились частью общего процесса перманентных структурных перетрясок, сопровождавших период господства коммунистической партии и советской системы. Более того, создается впечатление, что руководство страны в региональном управлении отдавало явное предпочтение тактическим оперативным задачам перед стратегическими.

Советский период – время в значительной степени интуитивных поисков оптимальной структуры АТД. Однако результаты этих поисков неожиданны: по мнению специалистов, большинство единиц высшего звена России фактически сохранились со времен Российской империи, либо возродились в близком к историческому виде, с прежними центрами.⁹ Далекое не все из созданных в советский период новых административно-территориальных единиц смогли доказать свою жизнеспособность. И главной новацией следует признать не их, а многочисленные национально-территориальные образования (автономные республики, области, округа) и вообще сам принцип национального представительства в системе АТД.

К середине 1960-х гг. в РСФСР сложилась дробная, неоднородная и весьма громоздкая структура административно-территориального деления, с количеством единиц, значительно превышавшим возможности центральных управленческих структур. Это привело к постепенной, но неуклонной поляризации АТЕ, формированию центров притяжения и депрессивных территорий, что сказалось при начале экономических реформ и весьма осложнило их проведение. Правомерно констатировать, что власть не сумела привести территорию страны в оптимальную форму и постепенно попросту отказавшись от дальнейших действий в этом направлении. Как результат, проблема АТД вновь актуализировалась в конце 1980-х гг., став одним из катализаторов территориальной дезинтеграции советского государства.

Россия унаследовала усложненную административно-территориальную структуру. Более того, последняя оказалась закреплена

⁹ Тархов Сергей, “Изменение административно-территориального деления России в 18–20 веках”, *Логос*, № 1 (2005): 98.

в действующей Конституции страны, причем все АТЕ получили одинаковый правовой статус. Возможно, что руководство страны, отвлеченное политическими потрясениями и экономическими катаклизмами 1990-х гг., не имело возможности уделить проблеме АД должного внимания. Однако и впоследствии, в 2000-е гг., так и не появилось концепции территориальной организации страны. Причем нет указаний на то, что власть в принципе заинтересована в ней.

За небольшими исключениями устройство современной России остается советским. Именно территориальные проблемы оказались в числе главных причин распада СССР. В этой связи отсутствие заинтересованности руководства страны в развитии ее административно-территориального устройства потенциально может иметь весьма негативные последствия.

ПОСТСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД

POST-SOVIET PERIOD

A STALLED TRANSITION: PARTIAL REFORM EQUILIBRIUM AND REGIME CHANGE IN POST-SOVIET RUSSIA

RABEKAH N. EVERETT

PhD Student

University of Kent, Great Britain

rabekah.everett@gmail.com

ABSTRACT: This paper examines late Soviet and early Post-Soviet history through the lenses of partial reform equilibrium. It traces the beginnings of partial reform from M. Gorbachev's introduction of perestroika through the financial crisis of B. Yeltsin's presidency in 1998. In doing so, the paper sets up the argument that Russia's transition is stalled in partial reform equilibrium.

KEYWORDS: Partial reform equilibrium, Gorbachev, Yeltsin, perestroika, liberalisation, privatisation, *nomenklatura*, oligarchs

When any state, post-communist or otherwise, enters a phase of economic transition, the immediate result will be a reduction in living standards for the majority of the population (the so-called 'losers'). This period, as termed by János Kornai, is a 'transformational recession.'¹ Some characteristics of a transformational recession are that unemployment and prices will rise, benefits may be cut, and previous economic loopholes will be closed. The long-term goal is that the same changes created by a transformational recession will eventually lead to a market economy with more potential, including: job creation, increased wealth, and a standard of living that surpasses that which was standard before. However, the transformational recession also creates a select group of individuals that Joel Hellman terms 'winners.' They are aptly named because they benefit economically from the transition by exploiting economic loopholes, for example, by earning increased profits on goods and resources that maintain production subsidies and can be sold at the market prices. As transition proceeds and reforms are implemented, these loopholes

¹ János Kornai, „Transformational Recession: The Main Causes” in: *Journal of Comparative Economics* 19 (1994), 39–63.

should close, and the standard of living *should* increase. The problem is that the ‘winners’ use their political and economic influence to halt reforms, thus trapping the economy in a halfway state between command and market. Hellman defines this occurrence as partial reform: ‘the selected introduction of market mechanisms into an economy in which substantial spheres of economic activity still operate according to alternative mechanisms of coordination.’² Thus, the loopholes created by transition reforms remain, thereby allowing the ‘winners’ continue to profit at the expense of everyone else. Some countries were able to close these loopholes and prevent the ‘winners’ from having too much influence, notably Poland, Czech Republic, and Hungary. However, other countries, such as Russia, were not able to do this. I, like Hellman, argue that Russia’s stalled transition is mainly caused by partial reform equilibrium.

There is statistical data to support Russia’s being stuck in partial reform equilibrium. Between 1991 and 2012, Russia has seen average GDP growth of 0.95%.³ This may not seem like much, but between the economic stagnation that accompanied the collapse of the Soviet Union, the busts of the 1998 and 2008 economic crises, and the booms of high gas and oil prices, Russia has still managed to average positive growth rate over 21 years (albeit with a large standard deviation). GDP per capita has averaged 1.11% growth over the same period of time, signifying that individuals have benefitted from the economic growth.⁴ However, the average gini index score for the period of 1991 – 2012 is .41.⁵ This illustrates that while individuals have benefitted from the transition to a market economy, this success is undermined by massive income inequality: the increase in GDP is not trickling down to those outside elite circles. This is further illustrated when looking at the raw numbers: a 1.11% average increase in GDP per capita for the period of 1991 –

² Joel S. Hellman, „Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions” in: *World Politics* 50, No.2 (1998), 203–34, 218–219.

³ Averaged from: The World Bank, „Percent change in Russian Federation GDP per year 1991–2012” (2012).

⁴ The World Bank, „Percent change in Russian Federation GDP per year 1991–2012” (2012).

⁵ Averaged from: The World Bank, „Gini index for Russian Federation 1991–2012” (2012). Changed from original World Bank format of 40.62.

2012, is equal to an actual average GDP per capita of \$5,294.61.⁶ Thus, despite the increase in Russia's GDP, those benefitting from the growth are a small group of 'winners,' as evidenced by the gini average. However, these numbers do not have as much explanatory power as one would like. Thus, I use process tracing to analyse the development of partial reform through late Soviet and early Post-Soviet Russian history.

Gorbachev and the command economy

Partial reform equilibrium began in Gorbachev era when he attempted to introduce the laws of supply and demand into the command economy while simultaneously preserving the command economy. As such, these reforms were instrumental in creating the incentives that would motivate the Russian Federation after the collapse of the USSR as the Soviet command economy continued to function alongside the nascent Russian market economy. Understanding the difference between hard and soft budget constraints necessary in grasping how the failure to free these constraints hampered perestroika reforms, and continues to undermine attempts to reform the Russian market economy. In the interest of space, and because the Putin presidency ventures into more contemporary issues, this paper addresses the first two periods of partial reform, Gorbachev and Yeltsin.

Soft budget constraints

Soft budget constraints (SBCs) are what allowed the Soviet command economy to function on a day-to-day basis by ignoring the forces of supply and demand that order market economies. Soft budget constraints allow businesses that are indebted or not profitable to stay afloat, whereas hard budget constraints would force said businesses to close. The four main SBCs that characterised the Soviet economy and remained present through the 1990s are soft subsidy, soft credit, soft administrative pricing, and soft taxation.

⁶ The World Bank, „Russian GDP per capita 1991–2012” (2012).

Political economist János Kornai defines soft subsidies as funds granted by the state, the amount and temporal application of which are negotiable and not repayable, and are used to cover production costs and reduce the public selling price of the finished product.⁷ Soft credit is the state lending money to an enterprise with the explicit condition that the loan be repaid without actually enforcing repayment.⁸ Soft administrative pricing refers to a practice in which prices for raw materials are determined by a ministry instead of by the laws of supply and demand.⁹ This created two problems: it promoted waste at all stages of the production process, and completely obscured the pricing mechanism, making it difficult to determine the actual value of a good.¹⁰ Finally, soft taxation refers to the paying of taxes in kind by individuals and enterprises, or receiving a tax-exempt status.¹¹ Soft budget constraints were a way to ensure that firms could stay in business even if they were not profitable.

Perestroika

When Mikhail Gorbachev became the General Secretary of the CPSU, the Soviet economy was on the brink of crisis. It is estimated that the Soviet growth rate had declined from around 5% in the 1950s and 1960s, to between 1% and 3% in the 1980s.¹² Thus, Gorbachev devised perestroika – a series of reforms that would restructure the Soviet economy. Soft budget constraints reduced firms' efficiency and the incentive to improve technological innovation, and the goal of perestroika was to reverse this process through the introduction of market economy principles into the command economy. Many of the *nomenklatura*, the initial partial reform 'winners', opposed or undermined Gorbachev's reforms wherever possible, requiring him to make concessions that weakened the reforms. The result was that enterprises had no cues from which to work. Under the command economy, they would work to fulfil the party's plan. In a

⁷ János Kornai, „The Soft Budget Constraint „ in: *Kyklos* 39, No.1 (1986). 3–30.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Alec Nove, *Socialism, economics and development* (Allen & Unwin: London, 1986), 186–181.

¹¹ Kornai, „The Soft Budget Constraint“, cit. 6.

¹² Archie Brown, *The Gorbachev Factor* (Oxford: Oxford University Press, 1996), 134.

market economy they would work to meet public demand. Yet, there were no more party plans, but they were insulated from demand. As the command economy was being dismantled, but market mechanisms were not yet in place, efficiency fell even lower than it was before.

The 1987 *Law on State Enterprise* removed many of the central committee's departments that oversaw economic planning. It allowed factory and mine managers to set their own wholesale prices, and to produce what they like once state targets had been met.¹³ It also allowed for the creation of a private sector for services and small-scale industry.¹⁴ This law is most often as the critical juncture that created economic incentives for the *nomenklatura* to interfere in further reform. By removing the 'checks and balances' that the central committee departments provided, it devolved power to the firm managers, many of whom were *nomenklatura*. With no one to oversee their work and without the fear of folding under market pressures, managers charged high prices for products that were produced no more efficiently and of no better quality.¹⁵ Furthermore, thanks to the maintenance of soft budget constraints, these firms did not pay for primary materials and avoided taxation, and were thus able to pocket the difference. The *Law on State Enterprises* illustrates how partial reform began. It was an attempt to reorient production incentives without actually freeing the soft budget constraints that allowed firms to function outside the laws of supply and demand. This allowed managers to increase their personal profits at the expense of the state and provided them with the incentive to maintain this status quo. The law disrupted both command and market mechanisms of economic coordination, ensuring that the reforms progressed no further. Thus, partial reform emerges.

The Yeltsin years: attempts at change

The collapse of the Soviet Union and the implosion of the Soviet economy should have resembled Schumpeter's "creative destruction" – tear down the Soviet command economy and build a market economy in its

¹³ Robert Service, *History of Modern Russia: from tsarism to the twenty-first century*, 3.ed. (London: The Penguin Group 2009), 452.

¹⁴ Ibid. 452.

¹⁵ Archie Brown, *The Rise and Fall of Communism* (London: Vintage, 2009), 495–496.

place.¹⁶ However, rather than starting over from scratch, the new Russian government decided to continue reforming pre-existing institutions. This meant they also inherited what remained of the partially reformed the Soviet economy, which was neither command nor market, or even anything in between. The early reformers in Russia were then tasked with reigning in this anarchical system and trying to make it something that resembles capitalism.

Liberalisation 1992

After the collapse of the Soviet Union in December 1991, the Russian government needed to decide on a price liberalisation programme. As the economy was neither command nor market, then Prime Minister Yegor Gaidar felt that Russia had no other choice but to enact shock therapy.¹⁷ Several other countries, such as Poland, had experimented with shock therapy and been successful, so it was considered a viable means of reorienting Russia's economy in a timely and efficient manner. In theory, Gaidar envisioned a plan that would take place over three years and would focus on monetary policy, price liberalisation, and privatisation.¹⁸ The first major focus was the end to administrative pricing and subsidies on 02 January 1992. However, this caused concern among many firms as it would require them to pay for raw materials and inputs without any guarantee of profit making. To ensure that subsidies were maintained in the face of price liberalisation, those factory managers that were also members of the *nomenklatura* in the Supreme Soviet forced Gaidar to negotiate exemptions and exceptions before they would approve the programme. Most notably, these exemptions included: energy prices, fuel, transport, and communications.¹⁹ The justification was that in the confusion created by sudden price increases, it was necessary to ensure that certain companies and industries would not flounder under hard budget constraints and that consumers could still afford basic necessities.

¹⁶ Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (London: Routledge, 1947).

¹⁷ Richard Sakwa, *Russian Politics and Society*, 4.ed. (New York: Routledge, 2008), 292.

¹⁸ The three-fold liberalisation plan as set out in Sakwa, *Russian Politics and Society* (2008).

¹⁹ Chrystia Freeland, *Sale of the Century: The Inside Story of the Second Russian Revolution* (London: Little, Brown Book Group, 2000), 34.

Shock therapy is drastic and difficult. The economic effects on people would be harsh, but measurable improvement would come more quickly than a gradualist approach. In essence, the Russian programme was neither shock therapy, nor gradualism. Prices were raised or otherwise changed, but not actually liberalised.²⁰ Shock therapy would have seen all prices liberalised and most subsidies ended simultaneously, whereas gradualism probably would have liberalised prices and discontinued subsidies incrementally over time. However, by labelling it as 'shock therapy' and thereby insinuating that the task has been more or less completed, it reduced the urgency to go back and correct for those exemptions that continued to undermine attempts to fix the system. This was detrimental to the formation of the market economy because hard budget constraints were not enacted. Thus enterprises were not forced into more efficient means of production and remained insulated from the market forces of supply and demand, therefore perpetuating partial reform equilibrium.

Privatisation 1992–1994

In 1992, as Gaidar was battling with the Supreme Soviet over price liberalisation, Anatoly Chubais was charged with designing Russia's privatisation programme. He, like Gaidar, had to make so many concessions to the Supreme Soviet in order to have his programme approved and implemented, that the end result was incredibly skewed. In theory, the privatisation plan would create a new incentive for enterprises owners to increase efficiency and productivity in order to increase profits – competition. By allowing new entrepreneurs to reorient the goals of old enterprises, it would encourage others to do the same or perish. Instead of profit maximising firms, privatisation created businesses that had no idea how to function in a market economy, while those that did were constrained by the informal practices necessary for transactions with other businesses. It also increased the ability and ease with which bosses could asset-strip their firms because instead of rooting out Soviet practices or managers, it legitimised them. It created what Chrystia Freeland calls 'the loophole economy'.²¹

²⁰ Sakwa, *Russian Politics and Society*, 292.

²¹ Freeland, *Sale of the Century: The Inside Story of the Second Russian Revolution*.

Large enterprises were to become corporations by one of three options: 1) employees and managers would receive 25% of non-voting shares for free and could purchase up to an additional 10% of voting shares at a reduced rate; 2) companies could purchase 51% of voting shares in closed auction; 3) a managing group could privatise a medium sized company by purchasing 30% of the company's voting shares and selling 20% to existing managers and employees at a discount.²² The majority of large firms that became corporations chose the second option as it gave them more direct control over firm management and assets. Furthermore, many of the enterprises that were corporatized in this manner were managed or run by former Soviet *nomenklatura* who had connections to, or were members of, the then Supreme Soviet. It is these managers with whom Chubais had to negotiate, and they used their positions to ensure that the privatisation reforms would be favourable to them. For instance, the second option originally allowed companies to purchase 40% of voting shares, but Chubais agreed to increase the figure to 51% in order to have the reforms approved.²³ This compromise ensured that those members of the Supreme Soviet, or members of their personal network, could purchase the enterprises they managed in a closed, rigged auction for a very low price.

The consequence of this negotiation was that medium and large enterprises were not taken over by market-oriented, profit maximising managers and CEOs. Instead, managers that favoured inefficient Soviet practices and rent-seeking remained in charge. Enterprises that were privatised often became market enterprises only in name. In practice, these enterprises remained inefficient and unproductive. They maintained command economy practices of soft-administrative pricing by doing business directly with each other through non-cash transactions. This constrained the actions of those enterprises that were privatised by market-oriented managers, forcing them to also use informal means of payments and doing business. Thus, privatisation reform can be seen as a stepping-stone not to a market economy and democracy, but as a further reinforcement of partial reform equilibrium.

²² Sakwa, *Russian Politics and Society*, 296.

²³ Freeland, *Sale of the Century: The Inside Story of the Second Russian Revolution*, 55.

'Loans for shares'

The 'loans for shares' scheme was devised as a way for the government to get funds it badly needed in absence of tax revenues, but ended as a programme that allowed a select group of people to become incredibly wealthy. In the 'loans for shares' scheme, the government auctioned trust shares in the largest and most lucrative state natural resource enterprises. The shares were entrusted instead of sold because the Duma had banned the privatisation of natural resource enterprises.²⁴ As such, the scheme was a way for the government to continue profiting from privatisation without actually privatising. Those participating in the auction would pay the government a lump sum for the shares, which they would then control until government repaid the loan. Once the loan was repaid, the government would regain its shares. If the government failed to repay on time, whoever held the shares would keep them. Because the time horizon for repayment was so short, and because the government was so horribly organised, the lenders were certain they would become owners of these companies by default and indeed this was the case. This also gave rise to a new type of 'winner' in Russia's partial reform equilibrium: the oligarchs.

Not only did 'loans for shares' increase the influence oligarchs had within the government, it also perpetuated partial reform equilibrium by undermining the process of the auction. This further blocked the attempt to create a true market economy by intervening where market mechanisms should be allowed to function unfettered. By not allowing the auctions to be fair, the government cheated themselves out of additional funds and again skewed modernisation in favour of a certain group of individuals. To be fair, many of the loans for shares 'winners', after a while, did make the companies they bought more viable and competitive. However, they also used their influence within the government to ensure that policies and laws were written and enforced in ways that benefited them.

²⁴ Daniel Treisman, „Loans for Shares' Revisited" in: *Post-Soviet Affairs* 26, No.3 (2010). 207–27.

The financial crisis of 1998

The largest contributing factor to the 1998 financial crisis was Russia's inability to adopt hard budget constraints. As a result, many firms continued operating at a loss at the expense of the government and the firms' creditors as they continued to avoid taxation and debt repayment. In 1997, 49% of companies in Russia were operating at a loss, but neither the state nor creditors took steps to liquidate them.²⁵ These firms did not pay taxes and consistently had their outstanding tax arrears forgiven. Consequently, enterprises that actually were making a profit to also claimed to be operating at a loss in order to avoid paying taxes or wages and pocket the difference. These enterprises had 4.2 billion roubles in wage arrears in 1998²⁶ and 1,126 billion roubles, or 40% of GDP, of overdue payments.²⁷ Additionally, one third of the 129 billion rouble tax deficit belonged to only 250 companies.²⁸ It is highly likely that these companies were actually among the most profitable, but continued to function in non-payments and keep falsified accounts in order to pocket their actual profits. The government was no better than the enterprises – it could neither rein in its spending nor implement effective tax collection mechanisms. There are various estimates of how much debt the Russian government was in at the time of the crisis, but as of January 1997, just over a year and a half before the crisis, the government had payment arrears of 67 billion roubles, or 3% of GDP.²⁹ It was \$242 billion in debt by the time of the crisis in 1998, with \$16 billion being accrued between June and August of that year alone.³⁰ It should be noted, that this estimate includes both foreign and domestic debt. With little to no

²⁵ Economic Bank for Reconstruction and The European Bank for Reconstruction and Development, „Transition Report 1998: The Financial Sector in Transition” (The Economic Bank for European Reconstruction and Development, 1999), 16.

²⁶ *Ibid.* 15.

²⁷ *Ibid.* 16.

²⁸ *Ibid.* 16.

²⁹ The European Bank for Reconstruction and Development, „Transition Report 1998: Financial Sector in Transition” (The European Bank for Reconstruction and Development, 1998), 14.

³⁰ Brian Ulatov, Sergei Pinto, *Russia 1998 Revisited: Lessons for Financial Globalization*, (The World bank, 2010), 2.

taxes being paid at the time, tax arrears to the federal government stood at 129 billion roubles.³¹

After years of failing to implement hard budget constraints and failing to ameliorate tax collection, the government was struggling to control its fiscal spending. To cover these costs, the government resorted to printing money, which resulted in inflationary pressure. At the same time, the Central Bank of Russia had pegged the exchange rate so that it would favour the rouble and they refused to let it budge, thus hiding inflation. Additionally, the Russian government entered the global financial market by allowing the Central Bank to issue treasury bonds. Yet, as the state's fiscal and monetary policies and financial institutions were unsound, the global financial market only amplified these weaknesses and vulnerabilities.³² In seeking to improve its economic outlook by attracting foreign investors instead of addressing the serious structural problems the economy was facing, the government created a massive and fragile financial bubble. Thus, although it appeared that the Central Bank had achieved single digit inflation, it was actually masking the true interest rate, which had appreciated by at least 55% by July 1997, and only continued to increase over the course of the year.³³ In the months leading up to the crash, the government needed to attract buyers for \$1 billion worth of treasury bonds if it wanted to keep using them to finance its debt. By 17 August 1998, this was no longer possible. Russia had to float the rouble and default on its domestic debt, sparking a run on the banks. However, the crisis finally forced the government to cut spending, attempt to improve tax collection practices, and liquidate some non-performing firms – hard budget constraints seemed to finally be implemented.

Conclusion

Partial reform equilibrium has resisted both changes in the political and economic leadership. From Gorbachev to Yeltsin, the *nomenklatura* to the oligarchs, this status quo has not been shaken. While this could be

³¹ EBRD Annex 1.1 p. 16

³² Pinto, *Russia 1998 Revisited: Lessons for Financial Globalization*.

³³ Ibid.

contributed to the individual agents that wish to maintain partial reform, it simply does not hold up under scrutiny. Partial reform is not an actor or agent centric phenomenon – it is the nature of economic institutions that exist in limbo between a command and market economy and the inability to coordinate the laws of supply and demand with those of an economy characterised by soft budget constraints. Partial reform equilibrium is the inability, thus far, to change these institutions and the incentives they provide. To be fair, partial reform could not have taken place without agents initiating, and then preventing reform. However, as time moves forward and the Russian Republic becomes the Russian Federation, partial reform equilibrium has not been broken because the institutions remain fundamentally stuck, despite both endogenous and exogenous attempts to correct them. Instead Putin and the new ‘winners’, the *siloviki*, would be tasked with creating and maintaining the illusion that the system they created was different than its predecessor.

ПОСТИМПЕРСКАЯ АДАПТАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Шишков В. В.

кандидат политических наук

Институт государственной службы и управления персоналом
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
fh55@mail.ru

ABSTRACT: The report investigates the problems of post-imperial adaptation of modern Russia. The analyses focuses on the policy of Russia's highest power in relation to society, the political elites and regions. Conclusion is drawn about the dominant role of the center in these relationships. The concentration of resources of the inherent political power of the imperial system indicates an incomplete process of post-imperial adaptation of modern Russia.

KEYWORDS: Russia, empire, post-imperial adaptation, federalism, center-periphery relationships

После распада Советского Союза Россия, в силу правил континуитета (непрерывности), стала продолжательницей СССР. В отношении российской государственности, реализован принцип непрерывности, согласно которому Российская империя, Российская республика, РСФСР, СССР и Российская Федерация – один и тот же субъект международного права, не прекращавший своего существования. При этом, можно сказать, что в постсоветский период, власть центра сохранилась только над ближней периферией, но уже на новых конституционных основаниях.

В современной политической науке проблемы постимперской адаптации и транзита приобретают все большую актуальность, связанную с необходимостью выявления тех особенностей политического развития, которые отмечаются у государств, ранее входивших в имперское пространство. Под постимперским транзитом можно понимать процесс национального и государственного строительства, связанный не только с экономическими преобразованиями, но и с установлением современных институтов правового государст-

ва, формированием политической нации, демократизацией и, что особенно важно применительно к современной России, переформатирование политико-территориального устройства, выстраивание новой системы отношений между центром и регионами.

При этом, под империей понимается специфическое государство, обеспечивающее автократического господства центра по отношению к перифериям, основанного на концентрации политической власти, ее ресурсов и их монопольном использовании. В политико-правовом отношении империя-государство, в целом, является автократией подчиняющей периферии, при допустимости различных форм ограниченной автономности.

Россия никогда не обладала опытом нацистроительства, она знала себя только в качестве империи, несущей свою миссию на пространства Евразии. Для России рассмотрение вопросов постимперской адаптации связано с определением оптимальных путей преодоления конфликтности, разобщенности и стабилизации политической системы в условиях демократического транзита. Тем не менее, смена политического режима в конце XX века не привела к окончательному отказу от имперской политики и управления. Традиции имперской власти, выражающиеся в моноцентричности политического режима и формате отношений центр-периферия, продолжают сказываться на современном политическом развитии России.

Для России рассмотрение вопросов постимперской адаптации связано с определением оптимальных путей преодоления конфликтности, разобщенности и стабилизации политической системы в условиях демократического транзита. В таком свете поиск «национальной идеи», предпринимаемый с 1990 г., можно трактовать как попытку обретения идеологической замены, утраченной имперской универсальности. При этом, относительно официального политического дискурса отмечается, что власти удалось минимизировать плюрализм мнений и маргинализировать оппозиционный дискурс. В этом выражается стремление элиты к однородности политического дискурса и попытка монополизировать его, наполняя ультраконсервативным содержанием¹. Нетрудно заметить, что великодер-

¹ Негров Е. О., «Трансформация современного политического дискурса в России», в *Политические процессы в России и в мире: Взгляд молодых политологов*, Редкол.: К.П. Кокарев (отв. ред.) М.В. Старчак и др. (М.: РАНП; РОССПЭН, 2009), 60.

жавная и имперская тематика вновь востребована в современном российском политическом дискурсе. И как отмечает Д. Тренин: «Элементы империи все еще видны невооруженным глазом и во внутренней, и во внешней политике»². После распада СССР возврат России на общемировую, или столбовую дорогу демократии был и остается непростым. Россия, ее политическая элита и общество не смогли определиться с альтернативой постимперской политической проектности.

Перед Россией стоит объективная проблема определения собственной политической идентичности в постсоветском глобализирующемся мире.

Степень сложности проблемы определяется тем, что формирование национального государства осложняется наличием в современной российской идентичности этнического и наднационального начал. Противоречия между ними и неустойчивость традиции гражданственности делают перспективы развития молодой российской гражданской нации неопределенными. Ведь в границах современной Российской Федерации общероссийская нация молода, нестабильна и слаба. Неустойчивость демократических институтов и множество неразрешенных социальных вопросов, возникающих в этнотерриториальных субъектах и их взаимоотношениях с центром, пока ставят серьезные преграды на этом пути³.

Степень сложности проблемы определяется тем, что формирование национального государства осложняется наличием в современной российской идентичности этнического и наднационального начал. Противоречия между ними и неустойчивость традиции гражданственности делают перспективы развития молодой российской гражданской нации неопределенными.

В 2000-х гг. начался поиск государственной идеологии, выразившийся в противоречивой концепции «суверенной демократии»⁴. И хотя дискуссия вокруг этой концепции сейчас практически стихла, тем не менее, как представляется, в ней нашла свое отражение

² Тренин Д. В., *Post-imperium: евразийская история* (М.: РОССПЭН, 2012), 39.

³ Зевелев И. А., «Будущее России: нация или цивилизация?», *Россия в глобальной политике*, по. 5 (2009): 98.

⁴ Пляйс Я. А., ««Суверенная демократия» - новый концепт «партии власти»», в *Демократия в современном мире: сб. статей* (М.: РОССПЭН, 2009), 121.

противоречивая политика постсоветской России, в которой «возник конфликт с западной моделью развития» и нет согласия об общественном идеале⁵. Главное противоречие состоит в выборе между ценностями прошлого, представленного имперским опытом и будущего, связанного с модернизацией и демократизацией.

В современной России, с начала 2000-х гг. наблюдаются эти процессы воспроизводства власти, восходящие к архетипу имперскости, в том числе, видны устойчивые тенденции централизации политического управления и повышения роли административного компонента в политическом процессе, в экономическом развитии⁶. При этом, принципами политического процесса выступают «стабильность» и «единство», означающие стабильность организации высшей политической власти и единство государственной территории.

Верховная власть в России ведет себя как наследник-продолжатель своих предшественниц и – как их отрицание. В современных условиях недостаток кратократической (власти от власти) легитимации восполняется демократической, а не наоборот. При этом, модели властного воспроизводства «создаются из уже опробованных, элементов складывающихся в новую мозаику». Но неизменным остается актуализация сакрального начала, которой сопутствует культ «корней», связывающий власть с «почвой»⁷. Важнейший из элементов имперского наследия – персоналистский режим, сохранность которого позволяет определить современную Россию как осколок империи либо как «империю в себе». Вместе с тем сама устойчивость персоналистского режима в России объясняется его включенностью в целостный имперский синдром, который позволяет регенерировать, реконструировать всю имперскую систему при сохранении хотя бы некоторых ее частей⁸. Персоналистский режим власти, связанный

⁵ Завьялов В. Т., «Неоинституциональный подход к исследованию проблемы «партократия и бюрократия в России»,» в *Демократия в современном мире: сб. статей* (М.: РОССПЭН, 2009), 191.

⁶ Сморгунув Л. В., «Способности государства и соотношение административных и демократических режимов правления», в *Демократия в современном мире: сб. статей* (М.: РОССПЭН, 2009), 68–69.

⁷ Глебова И. И., *Как Россия справилась с демократией: Заметки о русской политической культуре, власти, обществе* (М.: РОССПЭН, 2006), 99, 110–111.

⁸ Паин Э. А., «Россия между империей и нацией», *Pro et Contra*, no. 3. (2007): 47, 50–51.

с институтом президентства, в России, в условиях постсоветского транзита все больше становится стержнем формирования государственности.

Исключительный статус Президента еще более подчеркнули изменения 2008 в Конституции, продлившие срок его полномочий до 6 лет и то обстоятельство, что они применяются со времени нового избрания В.В. Путина в 2012 г. Таким образом, российская политическая система становится все более моноцентричной, сконцентрированной вокруг института Президента.

Если говорить о политической элите России, то в ее организации и деятельности современные элитологи усматривают проявление тенденций, свойственных для государств Центральной и Восточной Европы (переживающих период посткоммунистического развития) таких как ослабление вертикальной интеграции (связи с обществом) и усиление горизонтальной интеграции (сотрудничество между элитами). При этом, в российском случае, отмечаемое нарастание авторитарных проявлений приводит к консолидации элит за счет демократий⁹. Нельзя не согласится Я. А. Пляйсом, указывающим, что современная элита – «это элита традиционного для России моноцентрического государства. В этом смысле она монолитна и консолидирована на одного лидера – президента, который выражает интересы политического класса», и думается неслучайно, что при этом «нынешняя элита чуть-чуть советская, но без ортодоксии»¹⁰. Таким образом, при изучении российских элит подчеркивается моноцентричность политической системы современной России.

Политический центр монополизирует политическую власть в персоналистском институте президентства, легитимируя ее посредством формальных демократических процедур. Элиты, высшая бюрократия и политический класс в целом сосредотачиваются вокруг института президентства, от которого зависит распределение политических ресурсов и влияния. Моноцентрический характер

⁹ Эдинггер Михаэль, «Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с ней вызовы», в *Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия*, сб. ст. под ред. Я.А. Пляйса. (М.: РОССПЭН, 2010), 21, 23, 25.

¹⁰ Пляйс Я. А., «Новый проект реконструкции властной элиты в России: содержание перспективы реализации», в *Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия*, сб. ст. под ред. Я.А. Пляйса (М.: РОССПЭН, 2010), 95.

политической власти, традиционный для России, показывает, что имперство оказывается востребованным политической практикой центра. Имперский характер политической власти центра закономерно проявляется и по отношению к регионам.

Российская Федерация унаследовала большую часть территории СССР вместе с ее проблемами и необходимость политического переустройства отношений бывшего имперского центра и сохранившихся под его властью периферий, приобретших статус субъектов федерации.

Современный российский федерализм характеризуется высоким дисбалансом экономического развития регионов. Из 83 субъектов (после присоединения Крыма и Севастополя в составе России 85 субъектов) не более 20 являются экономически самостоятельными. Для многих «проблемных» регионов страны именно федеральные деньги позволяют органам власти выполнять базовые государственные функции.

Необходимо указать на то, что специфика российского федерализма определяется также социокультурными особенностями страны, историческим опытом взаимоотношений центра и регионов. Для российского федерализма характерно соединение национально-государственного и административно-территориального принципов построения системы правления.

Развитие федеративных отношений в России в первые годы после краха Советского Союза, связано с преодолением центробежного тренда, вызванного распадом «Советской империи». Преодоление политико-правовой анархии, угроз и опасностей сепаратизма стало основным содержанием политики центра. На решение этих проблем были направлены реформы, занявшие первое десятилетие XXI в.

В 2000 г. на уровне субъектов, в сфере управленческой деятельности «большая часть разрешительных функций постепенно отходят к федеральным структурам. Этот процесс протекал тем проще, чем существеннее было превышение размера федерального трансферта над местной составляющей бюджета региона»¹¹. Это

¹¹ Бляхер А. Е., «Расцвет и закат «региональных баронов» (в поисках оснований федеративного государства)», в *К новой модели российского федерализма: взгляд их регионов* (М.: Горбачев-Фонд, 2012), 52.

же определило слабую реакцию населения на отмену выборов глав субъектов – «региональных баронов» – по выражению. Л. Бляхера. Вообще, региональные элиты к этому времени вероятно, стали «тяготится демократическими методами разрешения политических противоречий»¹² и, не имея ресурсов поддержки, скорее позитивно восприняли происходящую рецентрализацию.

Г.И. Грибанова указывает на противоречивость федеративных реформ, на то, что «в условиях демократического транзита политические элиты оказываются вынужденными для сохранения территориальной целостности страны нередко обращаться не только к демократическим, но и авторитарным инструментам воздействия, усиливая уровень централизации государственного управления»¹³. Комплекс мер по централизации политического пространства России привел не столько к балансу отношений между федерацией и ее субъектами и выравниванию статусов субъектов, сколько к новому оформлению отношений центра – периферии.

Отношения между центром и регионами теряют свою остроту, превращаясь в отношения иерархического соподчинения. Политическая реорганизация привела к преобладанию централизма в отношении субъектов федерации.

Во многом формальный федерализм, пока не ставший политической реальностью в России, вероятно связан с тем, что в полиэтничном государстве введение федеративных институтов в условиях политической нестабильности постсоветского времени становится большим риском, связанным с институционализацией национализма и сепаратизма.

Необходимо отметить, что проявление авторитарных тенденций на уровне субъектов Российской Федерации затрагивает по преимуществу «национальные» субъекты, которые наделены особым конституционным статусом, что заложило в отечественную модель федерализма существенную проблему фактической и юридической асимметрии.

¹² Ковалев В. А., «Федерализм и российская политика в рамках «управляемой демократии»», в *Демократия и федерализм в России* (М.: РАПН, РОССПЭН, 2007), 239.

¹³ Грибанова Г. И., Федерализм и демократия в современной России в *Демократия и федерализм в России* (М.: РАПН, 2007), 197.

Ассиметричность, то есть фактическое неравенство между субъектами Федерации, организованной по национально-территориальному принципу, в последние годы усилилась настолько, что М.Х. Фарукшин считает необходимым признать и узаконить ассиметричный статус субъектов¹⁴. Несомненно, что наряду с усилением моноцентризма, ассиметричность (в настоящее время – de-facto) статуса субъектов демонстрирует тенденцию к унитарности государственного устройства, и допущений автономии некоторых (главным образом «национальных») субъектов.

Российская практика федерализма устанавливает вертикальные властные отношения между центром и регионами при формальном сохранении конституционных основ федерализма, что позволяет рассматривать современную Россию как постимперию, с сохранением разнообразия статусов включаемых территорий. Ведь в отличие от федерации, в империи не возможен диалог по политическим вопросам между центром и перифериями.

Представляется, что в условиях российского федерализма, одна из основных специфических черт которого состоит в заниженном реальном политическом статусе субъектов Федерации, их зависимости, в том числе финансовой¹⁵ от центра, политика последнего направлена на подмену политического самоопределения «гармонизацией межэтнических отношений и этнокультурным развитием». Политика центра, адресованная главным образом «национальным субъектам» состоит в предложении широкой автономии, которая, вероятно, видится центру основным путем снижения рисков проявления радикального национализма и этносепаратизма.

Имперское наследие для современной России пока не осталось в историческом прошлом, рассмотрение режима осуществления высшей политической власти и федеративных отношений убеждают в этом. Моноцентризм, означающий сосредоточие политической власти и дарование прерогатив от одного институционального

¹⁴ Фарукшин М. Х., «Институциональные пробелы в российском федерализме», в *Демократия и федерализм в России* (М.: РОССПЭН, 2007), 189–190.

¹⁵ *Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика*. Электронный ресурс [URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/litog.pdf>], (Время доступа 21.02.2014), 776.

лица, пронизывает вертикаль власти. В восприятии политическим классом федерального и регионального уровней персоналистский режим воплощает почти самодержавную власть и зависимость политического развития от воли одного лица. Политические элиты в целом встроены во властную иерархию и, скорее ориентированы на конкуренцию за влияние на круг лиц принимающих политические решения, а не за общественную поддержку.

Постимперский характер российского федерализма проявляется в следующих чертах: исключительная роль центра в отношениях с субъектами федерации, низводящая их до положения периферий при «спящих» институтах согласования общегосударственной политики (Совет Федерации) или отсутствия властных полномочий (Государственный Совет); конституционная и фактическая асимметричность статусов субъектов федерации, подчеркивающая разнородность политико-территориального комплекса России, дифференциацию взаимодействия между центром и регионами и политического управления в регионах, также препятствующая развитию российской гражданской нации; модель взаимоотношений между элитой центра и регионов, не предполагающая компромиссного взаимодействия, а направленная главным образом на обеспечение лояльности и контроля над элитами регионов со стороны элиты центра. Вновь все большее проявление находят черты унитарности государственного устройства, обремененного этнокультурными автономиями.

В современной России политический центр занимает господствующее положение по отношению к регионам, которые в условиях утраты политической самостоятельности, выступают в роли периферий, зависимость которых от центральной власти, если не полностью соответствует имперской модели, то близка к ней. Рассмотренные характерные черты процесса постимперской адаптации России не позволяют исключить перспективы более полного воспроизведения практик политического управления, *de facto* соответствующих имперской парадигме.

СМИ МЕЖДУ ПРАВОМ И ПОЛИТИКОЙ: НЕФОРМАЛЬНАЯ ЦЕНзуРА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

БОНДАРИК Е. В.

магистрант

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
bondarik_ev@mail.ru

ABSTRACT: The article deals with mass media in the post-Soviet period in Russia. First of all, it is analyzed how the process of restructuring Russia in 1985–1991 has influenced the mass media, their position and their political and legal status. Conclusions are drawn upon the process of restructuring Russia, democratization and publicity (*glasnost*) and how it was reflected in laws. One of the major achievements was the abolition of censorship at the legislative level. But now again, in the post-Soviet Russia, in spite of the legal prohibition of censorship, an informal or soft censorship is getting formed. Therefore researching the informal censorship in modern Russia has become particularly relevant today. This question is related to the concept of informal practices which are one of the main sources of constitutional dysfunctions in the country.

In the paper attention is drawn to the difference between the concepts «informal practices' impact on the media» and «informal (or soft) censorship». **KEYWORDS:** Mass media, the post-Soviet transformation, perestroika, restructuring Russia in 1985–1991, political communication, Russia, censorship, informal censorship, soft censorship, Media Law

Конец 80-х – начало 90-х гг. ознаменовались бурным развитием политического процесса на всем постсоветском пространстве союзного государства. Под воздействием масштабных преобразований, вызванных перестройкой и распадом СССР, в России были созданы экономические и политические предпосылки для трансформации политической системы. Изменения затронули все ее основные компоненты, в том числе и сферу политической коммуникации. Важной составляющей преобразований стало изменение форм и способов коммуникации между государством, как основным политическим институтом российского общества, и различными общественными

и политическими структурами (партиями, организациями) и населением. Значительную роль в условиях отмены цензуры и зародившейся свободы слова в процессе системных преобразований играли средства массовой информации.

Итак, объявленная в 1985 г. М.С. Горбачевым политика «перестройки» стала отправным пунктом в изменении политической системы России. Началом же активной посткоммунистической трансформации стал 1987 г., ознаменовавшийся провозглашением политики гласности и ориентацией на демократизацию социализма. Необходимо отметить, что в ряду реформ, составляющих перестройку, прежде всего и самым радикальным образом изменилась политика в области средств массовой информации. Как отмечает Э. Мицкевич, фактически с самого прихода М. Горбачева к власти стало понятно, что в особенностях использования СМИ лежал ключ к пониманию перемен. По мнению Э. Мицкевича, горбачевская администрация отводила СМИ роль ускорителя институциональных изменений в советской политической системе¹. Однако хотя и была провозглашена политика гласности, одной из главных задач СМИ, как и раньше, провозглашалась мобилизация трудящихся на выполнение, прежде всего, решений коммунистической партии «Публикуйте все. Должен быть плюрализм мнений. Но с такой направленностью, чтобы линию перестройки, дело социализма защищать и укреплять», – отмечал лидер перестройки М. Горбачев².

Вместе с тем процессы перестройки в России сопровождались появлением в публичной сфере новых элементов гражданского общества, а также наличием различных социальных групп с ярко выраженными интересами, что оказывало влияние на сферу политической коммуникации³. Все эти субъекты нуждались в собственных каналах политической коммуникации, и, поэтому, активно издава-

¹ Среди идущих в авангарде перестройки – газеты «Известия», «Комсомольская правда», журнал «Огонёк», журналы «Новый мир», «Знамя» и др.

² Мицкевич Элен, «Средства Массовой Информации в Период Перестройки», Социологические Исследования, по. 11 (1990): 140–146.

³ Сунгуров А. Ю. *Гражданское общество и его развитие в России* (Ютас, СПб, 2008), 30–38.

ли собственные СМИ⁴, стараясь оказать влияние на производство публичной сферы. В то же время, в условиях политики гласности и демократизации, сами СМИ, представляя интересы той или иной группы, старались оказать влияние на политический процесс в стране и одновременно стремились к тому, чтобы сохранить свою независимость и стать самостоятельным институтом. И хотя новые тенденции в организации издательского дела и переход к рыночным отношениям изменили положение СМИ, в результате чего в особенно тяжелых условиях оказалась демократическая печать России, а в наиболее выгодных – издания партийных комитетов КПСС, в руках которых были сосредоточены все материально-технические средства – финансы, бумага, полиграфическая база – конкуренция всё-таки вызвала к жизни качественно новые издания⁵, получивших название независимых, альтернативных. Процессы перестройки, демократизации и гласности нашли своё отражение в законодательных изменениях. Сначала в марте 1990 г. была изменена ст. 6 Конституции СССР, устанавливавшая монополию КПСС на руководство советским обществом, в результате чего ликвидировалось монопольное право КПСС на издание периодической печати, а затем был принят Закон «О печати и других средствах массовой информации» (1990 г.), который на законодательном уровне отменял цензуру и монопартийную систему информации на всей территории СССР. Таким образом, средства массовой информации получили легальное право включения в публичную сферу как самостоятельные и независимые.

Итак, важнейшим достижением Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» стала отмена цензуры в СМИ. Норма, установившая запрет цензуры в отношении СМИ нашла своё отражение во всех национальных законах о СМИ бывших советских республик. С отменой цензуры в СССР было ликвидировано Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. После распада Советского Союза поло-

⁴ Расторгуев Андрей, *Власть и средства массовой информации в Свердловской области в период 1985–1991 гг.* (проблемы взаимоотношений), (дисс. к-та ист. н., ГОУ ВПУ «Уральский государственный университет им. Горького», 2010).

⁵ «Независимая газета», «Куранты», «Коммерсантъ» (с воскресным приложением), «Совершенно секретно» (ежемесячник) и др. Появились издания Верховных Советов республик: «Россия», «Вестник Грузии», «Голос Армении» и др.

жение о запрете цензуры нашло своё отражение и в новом Законе «О средствах массовой информации» Российской Федерации 1991 года, а позже и в Конституции Российской Федерации 1993 года. Необходимо отметить, что правовое обеспечение (регулирование) деятельности СМИ призвано, прежде всего, упорядочить движение информационных потоков, создать условия для развития гражданского общества, журналистов и перевести социальные конфликты в плоскость конструктивных дискуссий цивилизованного диалога власти, общества, граждан, обеспечить нормальные условия деятельности. В России на современном этапе, не смотря на наличие ряда демократических норм, закрепленных в российском законодательстве, среди ученых и экспертов, а также обычных граждан существует позиция, что de-facto в стране в сфере свободы массовой информации и свободы СМИ существуют определенные формы контроля и давления в отношении средств массовой информации со стороны государства. В итоге политический статус деятельности СМИ (а значит и журналистов) не соответствует их правовому статусу. Иными словами, не смотря на законодательный, в частности конституционный запрет цензуры в отношении свободы СМИ в России на данный момент существует так называемая неформальная цензура⁶. В связи с этим, в современной России особую актуальность приобретает вопрос, связанный с исследованием неформальной цензуры, которая непосредственно связана с понятием неформальных практик (в частности, неформальных политических практик, если речь идет о воздействии на СМИ стороны государства), которые являются одним из основных источников конституционных дисфункций в стране. В России неформальные политические практики представляют постоянно воспроизводимые стереотипные правила взаимодействия субъектов политики, установленные и поддержи-

⁶ Необходимо отметить, что среди ученых, экспертов сегодня наиболее употребим термин «мягкая цензура». Однако при законодательном, то есть формальном, легальном запрете цензуры предпочтительнее говорить именно о наличии «неформальной цензуры» (как противопоставление понятию «формальный») в рамках понятия неформальных практик. Кроме того, в зарубежной литературе встречается как понятие «мягкой цензуры» («soft censorship»), так и понятие неформальной цензуры («informal censorship»). В связи с этим, данной работе понятие «мягкой цензуры» и «неформальной цензуры» будут использоваться как синонимы.

ваемые посредством социокультурных регуляторов: ценностей, политических ориентаций, установок деятельности, а не формально-правовых норм. Цели неформальных политических практик – получение публичной власти и (или) увеличение ресурсов власти субъекта политики⁷. Если говорить о медиа пространстве России, то неформальные политические практики воздействия на СМИ в основном, как уже отмечалось выше, осуществляются в виде неформальной или мягкой цензуры.

Например, такой исследователь как А.Г. Рихтер выделяет следующие формы мягкой цензуры на постсоветском пространстве: неформально распространение рекомендаций редакциям СМИ государственными органами, отказ государственных или контролируемых государством организаций инфраструктуры СМИ в предоставлении услуг независимым или оппозиционным редакциям, ограничение предоставления информации и рекламы неудобным СМИ, злоупотребление государственными субсидиями и монопольными услугами, злоупотребление регулируемыми и контрольными функциями, злоупотребление законами о диффамации, «внутренняя цензура», «внеправовое давление»⁸.

Другой известный российский исследователь в области медиа Дзялошинский И.М. среди неправовых (иными словами неформальных) наиболее распространенных способов регулирования государством деятельности СМИ прямое или косвенное финансирование. Вместе с тем, автор отмечает, что самым понятным и естественным механизмом управления СМИ является принятие нормативных актов различного типа и уровня⁹.

Таким образом, можно говорить о формальных практиках воздействия на СМИ (когда они подкрепляются какой-либо легальной, то есть правовой базой и формально не содержат в себе контроля со сто-

⁷ Подхомутникова Марина, *Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации*, (дисс. к-та полит. н., ГОУ ВГУ «Кубанский государственный университет», 2010).

⁸ Рихтер Андрей, “Запрет цензуры и защита принципа свободы массовой информации на постсоветском пространстве”, Вестник ВГУ: Серия: Филология. Журналистика, № 1 (2007): 206–217.

⁹ Дзялошинский Иосиф, *Медиапространство России: пробуждение Соляриса* (АП-КиППРО, Москва), 228–9, 233.

роны власти за содержание и распространением информации СМИ) и неформальном (то есть неофициальном и теневом) воздействии на СМИ, в частности неформальной цензуре, которая проявляется в неофициальном предварительном утверждении материалов СМИ или попытке неофициального предварительного утверждения. Вместе с тем, рассматривая вопросы формальных и неформальных практик воздействия на СМИ необходимо отметить следующее.

Формальные практики на СМИ, как уже отмечалось ранее, представляют собой такое оказание влияние на деятельности СМИ, редакторов, журналистов и распространения информации, которое подкрепляется вполне легальным, законным обоснование и формально не содержит в себе признаков цензуры. Важно понимать, что в юридическом смысле цензура может быть только предварительной. В правовом, а не в обыденном понимании она может быть только государственной. В то же время нормы о свободе массовой информации (а значит и свободе СМИ) и о запрете цензуры не должны восприниматься как невозможность любого ограничения этой свободы со стороны государства. С точки зрения социологии под цензурой понимается более широкое явление, а именно вся система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. По формам контроля она может быть предварительной и карательной, общей и ведомственной. Цензурой часто называют требования со стороны редактора или частного владельца, и т.д. в отношении журналистов «собственных» СМИ, однако с точки зрения права она таковой не является, а значит не противозаконна¹⁰. И здесь, изучая вопросы неформального воздействия на СМИ необходимо провести границу между неформальными практиками воздействия на СМИ и неформальной или мягкой цензурой. Понятие «неформальные практики воздействия на СМИ» шире понятия «неформальная цензура» или «мягкая цензура». Если исходить из статьи 3 Закона «О средствах массовой информации», то под неформальной цензурой мы можем понимать неофициальное, не подкрепленное какими-либо легальными основаниями требование от редакции средства массовой информации со стороны

¹⁰ Алексеева Марина, Варганова Елена, Болотова Людмила, Засурский Ясен, др., *Средства массовой информации России* (Москва, АСПЕКТ ПРЕСС, 2011), 56–7.

должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений предварительно согласовывать сообщения и материалы, а также наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей. Также под неформальной цензурой мы можем понимать самоцензуру со стороны самих же редакций СМИ, журналистов. Под неформальными практиками воздействия на СМИ мы можем понимать не только неформальную цензуру, но и различные силовые формы и методы оказания влияния на деятельность СМИ (угрозы, убийство журналистов и пр.)¹¹.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что исходя только из анализа правового регулирования (и соответственно правового статуса) средств массовой информации мы не можем понять их реального положения в современной России, так как есть неформальные практики, влияющие на их реальный статус, что обуславливает особенности деятельности журналистов и их политико-правовое положение. Наиболее распространенной формой неформальных практик воздействия на СМИ является неформальная цензура. В современных условиях в России неформальная цензура возникает на стыке правового (легального), финансового регулирования и неформальных норм поведения. Вместе с тем, необходимо отметить, что Россия (как в других странах бывшего Советского Союза) – это страна с этатистскими традициями, которые обуславливают взаимоотношение государства и общества, а значит и способы политической коммуникации. Однако эти традиции сформировались под влиянием жёстких социально-экономических, политических, исторических условий, чем в странах Запада. Вместе с тем предполагается, что в России с появлением и развитием активного гражданского общества, использованием новых информационно-коммуникационных технологий и появлением новых форматов социально-политических коммуникаций благодаря сети Интернет, СМИ получают новые возможности для включения в публичную сферу страны, что в свою очередь позволит средствам массовой информации более эффективно реализовать на практике принцип свободы слова и плюрализма.

¹¹ Данные выводы получены не только на основании вторичных данных, но и в результате проведения в апреле 2014 года экспертных интервью среди экспертов в области российских медиа (Июсиф Дзялошинский, Василий Гатов).

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В РОССИЙСКИХ МЕДИА 2000-Х ГОДОВ

Мороз О.В.

кандидат культурологии

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия

oxanamol@gmail.com

ABSTRACT: This article analyzes the specifics of Russian media in the 2000s. As the author demonstrates, changes in this area are closely associated with changes in the Russian social and cultural politics. Analyzing the turn of power establishment to conservative and authoritarian control method, O. Moroz finds that nowadays Russian media are nearly programmed for production of hate speech. It is essential to society, which needs the consolidation and, therefore, the development of stigmatized communities. As a way to solve this impasse author refers to concept of critical judgment, proposed by Hannah Arendt. Such a turn to an individual radical critical and reflexive eye, according to the author, will help the audiences to change the ideology of media and, ultimately, the vector of government regulation in Russia.

KEYWORDS: Российские медиа, власть, суждение, коллективная ответственность, конфликт

Проблема, которую мы хотели бы обсудить, есть вопрос о формировании в отечественном медийном пространстве особого, довольно агрессивного способа коммуникации и требует подробного рассмотрения.

Что такое язык вражды в современных медиа? Как его функционал связан с политической необходимостью ведения информационных войн в любом пространстве, где вращается, наращивается и транслируется экономической, культурный, символический капитал? Почему в российских медиа – как старых, так и новых – за по-

* Статья подготовлена в рамках программы «Карамзинские стипендии-2014» при поддержке Фонда Михаила Прохорова и Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (г. Москва).

следние 15 лет произошел качественный и количественный скачок в артикуляции провокативных высказываний, а сами медиа превратились в агрегаторов социальных конфликтов? Наконец, какие новые стратегии репрезентации социального недовольства стали доступны российским медиа в ситуации глобальной гегемонии технологии web 2.0 и, шире, цифровой культуры? Может быть, за прошедшие годы стали актуальны новые форматы или жанры, новые методы структурирования повестки дня, или спикеры отработали практики новостного менеджмента, отличные от прежних? Или, может, актуализировали стратегии, успешно работавшие и раньше?

Очевидно, что ответы на подобные вопросы крайне важны для понимания специфики социокультурного строительства в России, находящейся в состоянии затяжного мировоззренческого, идентификационного кризиса. Столь же очевидно, что для артикуляции хотя бы рабочих версий происходящего необходим обстоятельный анализ. На страницах этой статьи мы не претендуем на освещение всей намеченной проблематики, но предлагаем практически тезисно, пошагово рассмотреть взаимосвязь изменений в репрезентационных стратегиях и, если угодно, «идеологии» российских медиа и трансформаций, переживаемых российской культурной политикой в период ужесточения всей микрофизики власти в стране.

В первую очередь стоит отметить, что историки и теоретики СМИ давно зафиксировали: инструментально медиа настроены как пространство придания смысла, и именно посредством этой процедуры они продуцируют реальность. Как писал Никлас Луман, событие становится таковым только тогда, когда оказывается включено в актуальную повестку дня, обрастает некоторым количеством интерпретаций. Успех масс-медиа в рамках социума основывается на достижении ими общественного, позитивного либо негативного, признания тематики.¹ Это означает, что производители контента должны ориентироваться в специфике спроса на информацию, осознавать, какими именно должны быть сведения, с удовольствием или наслаждением потребляемые целевой аудиторией.²

¹ Луман Н., *Реальность массмедиа* (Москва: Практис, 2005), 25–26.

² См. подробнее: Барт Р., *Избранные работы: Семиотика. Поэтика* (Москва: Прогресс, 1994), 462–518.

Ситуация выглядит прозрачной, если бы не вопрос о том, что мы (или медийные продюсеры) как носители русской культуры или акторы, в ситуации нарастания авторитарных способов управления неизбежно разделяющие векторы реализации политической воли российской власти, считаем обществом или политической общностью? Наиболее простым ответом будет описание социума как «бытия-вместе», т.е. совокупности людей и комьюнити, которые руководствуются близкими, если не идентичными представлениями о реальности, нормах ее существования и соответствующих девиациях и делинквенциях, это существование нарушающих. Такое прочтение, хотя и выглядит теоретически примитивной конструкцией, является официальной позицией властного истеблишмента, которая венчает на данный момент краткую историю развития норм социальной и культурной политики России начала XXI века. Так, в официальном документе «Материалы и предложения к проекту основ государственной культурной политики», опубликованном в апреле 2014 г., прямо говорится: «Воспроизводство социальной системы невозможно без передачи от поколения к поколению наиболее общих представлений о мироустройстве, о должном и недопустимом – то есть без закрепления системы ценностей, характерных для данного общества. Отсутствие такой системы ценностей ведёт к образованию мировоззренческого вакуума, заполняемого случайным образом, к расколу общества, к принятию различными социальными группами и отдельными личностями систем ценностей, характерных для иных культур, в том числе несовместимых с существованием данного общества».³

Фактически, такая позиция представителей власти, указывающая на переход к консервативной, патерналистской и авторитарной модели управления потоками смыслообразования, несколько противоречит взгляду профессиональных политических философов, которые, имея возможности проведения строгого теоретического анализа истории, свидетельствуют о более сложном устройстве общественного бытия. Например, Жак Рансьер, довольно часто

³ «Минкультуры изложило «Основы государственной культурной политики»», *Известия* (10 апреля 2014 г.) <<http://izvestia.ru/news/569016>> (дата обращения 15 июня 2014).

сосредотачивавший свое внимание на проблемах политического несогласия и неизбежности социальных конфликтов, полагал, что для достижения спокойствия в сообществах необходимо понимать: политическое бытие-вместе есть бытие-между, т.е. между идентичностями, между мирами.⁴ Иными словами, существование «народа» в качестве культурной, социальной, политической единицы может быть реализовано только в том случае, если все действующие акторы и игроки в пространстве общественного, наднационального регулирования осознают себя не как части общей сущности или сущности общего, но как конгломерат носителей «прерываний», «словов», т.е. существенных, качественных различий, которые, впрочем, не мешают общаться друг с другой в ситуации добровольного дискурсивного диалога.

Однако, как видно из процитированного документа, такая позиция выглядит слишком замысловатой для реализации управленческих функций государства. Вместо нее представители власти руководствуются более односложными принципами обращения с культурной продукцией. Согласно им «при проведении ответственной государственной культурной политики следует поощрять и развивать только те культурные направления и «локальные культурные среды», которые соответствуют принятой в данном государстве системе ценностей».⁵ На практике такой подход оборачивается требованием лояльности, которое обращено ко всем группам, ответственным за дискурсивное производство.

В продолжение нашего разговора о медиа напомним, что внимание к идеологической составляющей информатизации культуры, обострившееся в последние годы, оказалось отражено в изменениях в Законе о СМИ. В 2011 году данный Закон был приведен в соответствие Указу Президента РФ №715 от 2009 году путем добавления статьи 32.1. В ней откровенно проводилась следующая мысль: «перечень общероссийских обязательных общедоступных телеканалов, радиоканалов, распространяемых для неопределенного круга лиц без взимания платы с потребителей (телезрителей, радиослушате-

⁴ Рансьер Ж., «Политика в ее нигилистическую эпоху», в *Несогласие* (Санкт-Петербург: Machina, 2013), 188.

⁵ «Минкультуры изложило «Основы государственной культурной политики»».

лей) за право просмотра, прослушивания» утвержден исключительно «в целях сохранения и обеспечения единого информационного пространства Российской Федерации и обеспечения населения социально значимой информацией».⁶

Конечно, необходимо помнить, что, например, телевидение – ангажированный медиатор. Так или иначе, ТВ-контент всегда существует как пространство нормализации, дисциплинирования зрителя. Так, российский телевизионный репертуар, от новостных блоков до рекламных роликов, предоставляет значительные по количеству образцы приемлемого поведения, прозрачно формируя разные картины стилей жизни. И если новости демонстрируют не слишком богатый диапазон допустимых идеологических позиций, усиливая давление на зрителя в период политических катаклизмов, то ток-шоу («Пусть говорят», «Право голоса», «Говорим и показываем», «Народ хочет знать» и т.д.), передачи про моду («Модный приговор», «Королевы бала», «Богиня шопинга», «Новая Я», «Гламурная лихорадка», «Депеш Мод») и «обычные» человеческие взаимоотношения (реалити-шоу «Дом-2», «Каникулы в Мексике», документальные передачи «Звездные истории», «Жена. История любви», программы-реконструкции «Друзья по кухне», «Не врив мне» и т.д.) постоянно атакуют зрителя примерами из «реальной» жизни разных нишевых групп. И тем не менее, даже если конструирование телереальности должно «по законам жанра» выглядеть как создание знакомой и близкой большинству реципиентов повседневности и идеологии, это не означает, что телекартинка и телетекст неизбежно обязаны ориентироваться на «одномерного человека».

Впрочем, если посмотреть на методы подачи новостной или развлекательной информации, которыми пользуются российские СМИ в последние годы, становится ясно: гораздо чаще мы все-таки имеем дело не со сложным серфингом в пространстве разных экспертных мнений, объясняющих то или иное явление, но с «вакцинацией» аудиторий четкой властной позицией.⁷ Новостные выпуски, которые готовит команда Д. Киселева, фильмы А. Мамонтова, патриоти-

⁶ Рансьер Ж., «Политика в ее нигилистическую эпоху», в Несогласие (Санкт-Петербург: Machina, 2013), 188.

⁷ «Минкультуры изложило «Основы государственной культурной политики»».

ческие заметки колумнистов «Комсомольской Правды» и даже на первый взгляд оппозиционные высказывания радиостанции «Эхо Москвы» и представителей quality press ИД «Коммерсантъ» работают на явную мифологизацию (или демонизацию, что в данном контексте одно и то же) властного дискурса, а никак не на предоставление площадки для свободных дискуссий носителей разных точек зрения. Голос власти же, в свою очередь, нацелен на артикуляцию новых основ российской общности, выдаваемых за традиционные ориентиры социокультурного строительства.

А поскольку мифическая действительность, как писал А.Ф. Лосев, для ее носителей представляется подлинной реальной действительностью, которую нужно понимать совершенно наивно и буквально,⁸ то становится понятным, почему большинство воспринимающих медиа субъектов нерелексивно относятся к предлагаемой им информации. Будучи загипнотизированными почти магическими заклинаниями, которые ежедневно произносят государственные СМИ (а не-государственных СМИ практически не осталось, через сложную систему бенефициарного владения государство владеет почти всеми медиумами), аудитории неизбежно воспроизводят медийные языки, образы и смыслы.

Кроме того, необходимо помнить предостережения, оставленные Ханной Арендт. Анализируя катастрофические и ужасающие примеры следования общества насквозь мифологизированной и при этом тоталитарной, деструктивной идеологии, она почти алармистски замечала: гораздо легче заставить людей коллективно поступать самым невероятным и вопиющим образом, нежели предложить им выносить самостоятельные, основанные на их собственном опыте и видении, решения.⁹ Можно не соглашаться с категоричностью оценок Арендт, но ее наблюдения точно описывают происходящее в современном российском обществе. К сожалению, события последних лет, методы игры российских политиков на международной гео-

⁸ «Закон РФ «О средствах массовой информации» (о СМИ) от 27.12.1991 N 2124-1», в *КонсультантПлюс*. <http://www.consultant.ru/popular/smi/42_1.html> дата обращения 15 июня 2014).

⁹ Арендт Х., «Личная ответственность при диктатуре», в *Ответственность и суждение* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2013), 69-70.

политической арене, а также грамотные пиар-кампании, строящиеся на артикуляции реваншистских настроений привели к принятию обществом в целом авторитарных моделей управления, располагающих к себе способностью безбоязненно производить враждебность к другим и охранительное отношение к «своим». Подтверждением этого тезиса, крайне неприятного для либерального российского меньшинства, является следующий факт – по данным «Левада-Центра» на июнь 2014 г. 86 % респондентов, представляющих срез российского общества, одобряют деятельность лично Президента РФ В. Путина, а еще 62% опрошенных полагают, что «дела идут в правильном направлении».¹⁰ Эти результаты фундируют самые пессимистичные предсказания: российское общество за т.н. «нулевые» привыкло к наличию спускаемых сверху правил, кодексов, наиболее простым способом соотнесения себя с которыми оказывается одобрение. И даже локальный протест, возможность которого была продемонстрирована частью московской публики в 2011-2012 гг., выглядит в этом контексте как реакция отторжения одного мифологического дискурса при не критичном следовании другому, в данном случае демократическому и либеральному. Это означает, что критическое мышление, адекватное текущим событиям, оказывается не востребовано российским социумом, для которого «мышление, искание смысла – а не жажда знания ради знания, которую испытывает ученый – может восприниматься как нечто «неестественное»... мышление как таковое, каждая рефлексия, которая не служит познанию и не подчинена практическим задачам...“ выпадает из всякого ряда”».¹¹

Конечно, можно повторить трюизм, согласно которому человек, даже как политическое существо, остается коллективным актором, который не может совершить ни одно действие без оглядки на группу, без помощи других. Однако в ситуации гегемонии деструктивных мифологем умение судить, выносить собственные суждения, которые лишь частично соотносились бы с коллективными норма-

¹⁰ «Июньские рейтинги одобрения и доверия», в *Левада-Центр*. <<http://www.levada.ru/26-06-2014/iyunskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya>> (дата обращения 15 июня 2014).

¹¹ Арендт Х., «Мышление и соображения морали» в *Ответственность и суждение* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2013), 228.

ми мыслительной и практической деятельности, было бы крайне полезным.

В противном случае сторонний наблюдатель оказывается свидетелем следующей картины. В российском медиапространстве функционирует атмосфера подчинения одобряемым схемам репрезентации, в соответствии с которыми конструируется культурная/социальная идентичность. Этот набор формул, мнимостей, призванный не только отобразить, но и сконструировать культурную/социальную идентичность, пространство «своих» и «других» аудиторий, серьезнейшим образом привязан к приписываемым обществу представлениям о нормальном и девиантном/делинквентном. Поскольку медиа имеют статус транслятора государственной идеологии, они неизбежно, путем фиксирования властного картографирования «своих» и «чужих» оказываются пространством эскалации социального конфликта и полем, в котором закрепляется стигматизация определенных социальных комьюнити.

Казалось бы, институционализация конфликта посредством медиа, стремление дискурсивно определить и обсудить болевые точки общества, при необходимости организовать мягкие люстрационные меры характерны для развитого демократического общества, стремящегося к разрешению различных социальных, политических противостояний. Однако в российском медиапространстве мы не наблюдаем главного условия разрешения социального недовольства, а именно обоюдной заинтересованности сторон в его прекращении.

Любое решение власти и связанная с ним общественная реакция практически не подлежат свободному обсуждению ни на телевидении, ни в других медиумах, СМИ. Темы, избираемые ньюсмейкерами, за последние 15 лет все больше оказываются связаны с вызывающими наибольший отклик элементами повестки дня, которые буквально провоцируют активацию практик гражданской ответственности и требуют сиюминутной, быстрой и аффективной реакции. Заметное ухудшение «экологичности» журналистики, нарастание агрессивных технологий языка вражды выражается и в методах подачи этой новостной «junk food». Замалчивание, намеренная подтасовка фактов, тяготение к черно-белой оптике в «нулевые» возвращает к жизни прежних героев СМИ – медиа-киллеров, *специализирующиеся на «скандалах, интригах, расследованиях»* и циничных рассуждениях о,

скажем, любых недостаточно догматичных высказываниях относительно «суверенной демократии».

Так, этот обновленный способ киллерства можно встретить на российском телевидении в виде фильмов «Анатомия протеста-1,2», фильма-расследования «Провокаторы» А. Мамонтова и т.д. Более того, агрессивные технологии ведения дискурсивных войн нередко покидают интерактивное медийное пространство и превращаются из официального или полуофициального троллинга, который принципиально легитимен для сетевых стратегий коммуникации, в настоящую травлю. Именно это произошло с создателями фильма «Дети 404», которым в апреле 2014 года активисты движения «Божья воля» пытались сорвать публичный показ картины.

Такой функционал медиа разворачивается при молчаливом согласии аудиторий. Те из реципиентов, что благосклонно принимают ужесточение внешних притязаний государства и нарастание авторитарных методов управления, действуют в строгом соответствии с древним принципом *divide et impera*. Не слишком активное на общем фоне проявление рефлексии по поводу конкретных действий и даже не всегда эксплицированное деятельное одобрение проявленной политической воли не мешает им оставаться этатистами и, кроме прочего, имплицитно руководствоваться идеей наличия врага. Враг необходим не столько для определения собственной идентичности, сколько для испытания принятой системы координат, ценностей.¹² Удостоверившись в том, что «наш» кодекс работает, его надо демонстрировать окружающим. Демонстрация же, как известно, удастся с наибольшим успехом, если она оказывается на дискурсивном уровне артикуляцией *hate speech* или системного насилия.¹³

Те же, кто позиционирует себя как «несогласный», как протестующий оппозиционер лишь на первый взгляд выглядит более ответственным представителем общества. Во-первых, протестные настроения, высказываемые публично медийными персонами (например, К. Собчак, Д. Быковым, Л. Парфеновым и др.), лишь провоцируют новый виток конфликтов мифологического пространства.

¹² Эко У., «Сотвори себе врага», в *Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю* (Москва: АСТ: CORPUS, 2014), 13.

¹³ См. подробнее: Жижек С., *О насилии* (Москва: Европа, 2010).

Вера в ценность авторитарного управления в этих мировоззренческих «битвах» сталкивается с зачастую некритичным убеждением в повсеместной необходимости «молекулярной революции», успех которой, впрочем, основан на наличии «гражданского общества», которое в России остается до сих пор красивой метафорой, но не речевым оборотом, фиксирующим политическую реальность. Во вторых, видящие себя в качестве оппонентов официальной власти акторы забывают о понятии коллективной ответственности, представление о которой как раз могло бы снизить накал общественных дискуссий. Коллективная ответственность – это такая моральная и политическая ноша, которую человек вынужден нести по праву принадлежности к определенной группе, и это членство в коллективе субъект не может быстро прекратить добровольным актом отказа.¹⁴ Иными словами, не только дальнейшее разворачивание конфликта, но и провокационная демонстрация своей инаковости не снимают с этих «других» российской политики и медиа ответственности за происходящее, хотя и не делают их виновными в чем-либо. Кстати, попытки отказа от сообществ как способ снятия с себя морального, социального и политического груза тоже бесплодны – как мы замечали выше, человек коллективен, и смена «сюзерена» не может привести к отмене этой характерологической особенности человеческой природы.

Итак, столь специфичное развитие российских медиа в XXI в. неизбежно связано с деструктивной властной позицией и невнятной явленностью ответственного, самостоятельного взгляда воспринимających аудиторий. Во многом по этой причине агрессивные образы, которые, как известно, есть способ общения «множеств»,¹⁵ оказываются успешны в реализации принципа консолидации «наших» и стигматизации «других» и, соответственно, в выполнении провластных стратегий коммуникации.

Возникает вопрос: существует ли рецепт, позволяющей изменить катастрофический модус этой ситуации? Возможно, ответом будет

¹⁴ Арендт Х., «Коллективная ответственность», в *Ответственность и суждение* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2013), 207.

¹⁵ Петровская Е., «Образ: аполитичное в политике», в *Безымянные сообщества* (Москва: ООО «Фаланстер», 2012), 61.

индивидуальное решение о выборе радикальной критической позиции по отношению к происходящему. Конечно, отказ от игр в существующей системе координат на коллективном уровне, в частности бойкотирование принятых принципов медийной коммуникации, приведет к разрушению социальных институтов. Однако, в конце концов, «если мы признаем, что нет никакого будущего (в рамках системы), наш мир раскроется для грядущего».¹⁶

¹⁶ Жижек С., *Год невозможного. Искусство мечтать опасно* (Москва: Европа, 2012), 206.

CHANGES IN RUSSIAN REGIONS' ELECTORAL SYSTEMS, 2003–2013

MIKHAIL TURCHENKO

MA student

European University at Saint Petersburg, Russia
mturchenko@eu.spb.ru

ABSTRACT: All Russian regions after the 2002 electoral reform have been obliged to elect no less than a half of the members of their assemblies by proportional representation (PR) electoral system. This electoral system was absolutely new to the vast majority of them. As a result most regions adopted the mixed electoral system but at the same time established different thresholds, different share of PR deputies and changed the size of their assemblies. The present essay analyses the causes of this cross-regional variations over the period from 2003 to 2013. It is shown that one of the main causes of these variations was the actions of the Federal Center. These actions had a great influence on the changes of the regional electoral systems for the sake of control of the regional politics. This conclusion is an additional factor allowing us to claim that today's Russia is rather a unitary than a federative state.

KEYWORDS: Russia, Russian politics, Russian regions, regional elections, electoral systems

Introduction

In 2002 the law “On the basic guarantees of citizens’ electoral rights and the right to vote in referenda” was adopted. Under this law all Russian regions since July 2003 have been obliged to elect no less than a half of the members of their assemblies by PR, i.e. proportional representation electoral system. Hence, entities of the Russian Federation had to simultaneously adopt the “rules of the game” which were completely new to the bulk of them. Only nine of eighty-nine entities used the proportional component in different periods of time and with different degrees of continuity at the elections to regional legislative bodies.¹ As a

¹ A. Glubotskii and A. Kynev, “Opyt smeshannyh vyborov v rossijskih regionah” in: *Politicheskie issledovanija* No.2 (2003): 124–5.

result most regions adopted the mixed electoral system but at the same time established different thresholds, different share of PR deputies and changed the size of their assemblies. How one could explain this and why the electoral systems of Russian regions have been constantly being changed up to 2013?

The object of this essay is the electoral systems of Russian regions. The subject is the dependence of such dimensions of the electoral systems as, first, thresholds, second, the share of PR deputies and, third, the assembly size on both social and economic characteristics of the regions and the influence of the Federal Center over the period from 2003 to 2013.

The purpose of research which constituted the ground for this essay is to find and estimate endogenous and exogenous factors with respect to the Russian regions affected the design of their electoral systems, namely such characteristics as thresholds, the percentage share of deputies elected by PR and the size of assemblies.

According to Lijphart² these dimensions are the most important ones for the analysis of electoral systems. It is necessary to mention that Lijphart stressed the importance of such dimension of the electoral systems as electoral formula, i.e. the method of counting votes and translating them into seats. However this feature is not examined here because purely majoritarian systems were prohibited on the regional level while the difference between mixed (the most common) and purely proportional (very few) systems is displayed by the district magnitude.

The lower chronological border of the research was December 2003. Since then all of Russian entities have experienced no less than two elections campaigns under the “new rules”. The time gap since December 2003 to October 2008 is designated as the first cycle of regional elections. The first region's legislation bodies by “new rules” were elected during this period. The time gap since October 2006 to September 2013 is accordingly the second cycle. By now, sixteen regions were held the third elections by the “new rules” (in Sverdlovsk *Oblast'* for instance five elections took place). However these elections are not in the line of the conducted research because their number is insufficient for the statistical analysis to be implemented.

² Arend Lijphart, *Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990* (Oxford: Oxford University Press, 1994): 10–12.

The undertaken research relies on the variables. For empirical data analysis the quantitative (statistic) method was chosen. The relationships between the dependent and the explanatory variables are studied using ordinary least squares (OLS) and logistic regression models. Rational choice neoinstitutionalism gives the research the theoretical ground.

The present essay unfolds the following items. First, it gives a theoretical framework of the research, namely it describes such theoretical approaches as rational choice neoinstitutionalism and principal-agency theory. Second, it formulates the dependent variables and displays the cases to examination. Third, it develops the main findings of research. Finally, the essay is closed with the conclusion.

The Theoretical Framework

Among the factors influencing the choice of certain dimensions of the regional electoral systems it should be taken into account not only the constellation of main political actors on the regional level (governors, political parties, separate deputies or business) with their purposes and incentives but also the aims of the Federal Center which is an external actor in reference to regional political regimes. It is believed that the most suitable model for the explanation of their motives to the dimensions of the regional electoral systems is theory which claims that in the ground of behavior of politicians or political structures i.e. parties lies the intention to gain seats for themselves or to maximize the share of deputy seats for their allies (office-seeking model).

I suppose that the interaction between actors on the regional level may be explained through the use of a rational choice neoinstitutionalism. The essence of this approach is that interacting subjects (individual or collective) seek to maximize their goals but they are restricted by the formal and informal rules (institutions) i.e. by the structures which are external to their incentives.³ This approach is most common in political science and is presented in the bulk of literature studying the electoral

³ Douglass Cecil North, *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie ekonomiki* (Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi Nachala, 1997): 97.

systems.⁴ This framework was successfully used for the study of the political processes in Russian regions as well.⁵

However it should be taken into account that since the mid of 2000s the process of the regional electoral systems formation has been influenced by the Federal Center that often had other purposes than regional actors. Regional actors appeared in subordinate position. It allows me to describe the interaction between the Center and the regional actors in the framework of a principal-agent theory.⁶

According to this theory an agent has the informational advantages over the principal but the latter holds the power. The principal can manipulate the agent's incentives using for example the threat of negative sanctions. Thus the principal obtains the reduction of agency costs. At the same time the agent seeks to minimize his costs doing accordingly the principal's expectations as long as may be possible (risk-averse strategy).⁷

The main subjects of the regional electoral systems changes are expected to be the governor, the regional legislature inside which one can pick out such actor as a party "United Russia", the business, and the Federal Center. The relation between the first three actors is described by the rational choice neoinstitutionalism. Whenever there is the Federal Center the relationships are described by the principal-agency theory.

The Dependent Variables and Data

The research was aimed at variables and relies on the statistical testing of hypotheses that deal with the connection between dependent variables and independent ones. The dependent variables being common for the

⁴ Barbara Geddes, *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics* (Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003), 201–202.

⁵ P. Panov, "Izmenenie elektoral'nyh institutov v Rossii (krossregional'nyj sravnitel'nyj analiz)" in: *Politicheskie issledovanija* No.6 (2004): 16; E. A. Al'tova, "Politicheskie faktory formirovanija smeshannyh izbiratel'nyh sistem v regionah Rossii" in: *POLITEKS* 3, No.2 (2007): 188.

⁶ Grigorii V. Golosov, "Proportional Representation and Authoritarianism: Evidence from Russia's Regional Election Law Reform" in: *Representation* 49, No.1 (2013): 85.

⁷ Gary J. Miller, "The Political Evolution of Principal-Agent Models" in: *Annual Review of Political Science* 8 (2005): 205.

first and the second cycles of the regional legislation elections by “new rules” are as follows: thresholds and the percentage share of PR deputies. Both of them have different values for each cycle. The ratio between the assembly size at the time of the first election by new “rules of games” and one before the reform is the dependent variable for the first cycle. The ratio between the assembly size at the time of the second election and one at the time of the first election is the dependent variable for the second cycle.

The elections to the only or lower chamber of the regional assemblies within the first cycle were held from December 2003 to October 2008 and took place in 87 regions. Komi-Permiak and Evenk Autonomous *Okruga* could not hold elections by the “new rules” because they ceased to exist being incorporated into the new established Perm *Krai* and Krasnoyarsk *Krai* respectively. The elections during the second cycle were held in 83 regions from October 2006 to September 2013. Due to the processes of the unification within this period Ust'-Ordynskii Buriat, Aginskii-Buriat, Koriak and Taimyr Autonomous *Okruga* also ceased to exist.

The Findings

For the purposes of the statistical analysis several hypotheses were put forward relative to the causes of cross-regional variations of each of the observing parameters of the regional electoral systems. Each of the hypotheses had got a quantitative indicator that was necessary for their statistical testing. Here I am not going to describe the formulated hypotheses and the ways by which they were operationalised and instead I will directly focus on the obtained results.

I identified three kinds of factors which affected the values of thresholds that were approved on the level of the Russian regions in the first cycle of regional elections by the “new rules”. Firstly, there were structural characteristics of the regional political and social systems, namely ethnic heterogeneity and district magnitude, i.e., the number of representatives elected in a district (constituency) by PR.⁸ The higher ethnic heterogeneity and the lower district magnitude were, the higher thresholds were. Secondly, threshold values were influenced by the Federal Center which

⁸ Lijphart, *Electoral Systems and Party Systems*, 10.

eventually turned to higher thresholds in order to facilitate the electoral performance of the party “United Russia” in all of the Russian regions. Thirdly, a political regime of the regions also played a significant role. The closer a political regime was to the authoritarian pole, the higher were the thresholds in a particular region. The two latter factors were proved to be significant in the second cycle of the regional elections as well.

On the ground of the statistical analysis concerning the issue of the greater number of PR deputies in parliaments of particular regions in proportion to SMD ones, one can draw the following conclusions. It was found that the relation between electoral significance of the regions measured by the registered voting population, and share of PR deputies in the regional assemblies, was positive. This observation is bound up with the influence of the Federal Center. However, this influence took place only in relation to the federal legislative elections which were held on the December 2, 2007 when the Federal Center tried to put the regional politics under control in the context of the prospective presidential power change which was to occur in the spring of 2008.

Two other conclusions which might be drawn from the statistical analysis deal with the factors that restrained the use of pure proportional electoral systems on the regional level. Firstly, it was established that the greater the number of SMD deputies in previous legislature was, the more likely preservation of considerable majoritarian component in the new legislature was. The reason was the desire of the deputies to preserve former base of electoral support. Secondly, the use of pure proportional electoral systems on the regional level prevented “United Russia” in those cases (which were quite numerous) when it got additional seats under majoritarian rule. This factor was identified for the regional elections which took place in the second cycle.

Finally, the last conclusion dealing with PR deputies is that entering proportional electoral systems in the Russian regions was facilitated by their ethnic heterogeneity. It was proved that the ethnically heterogeneous regions were more likely to adopt the electoral systems with large PR component. At least this explanation may be applied to some republics, namely Dagestan.

With regard to the changes in the size of assemblies one can say that in the first cycle of the regional elections their changes depended on two factors, endogenous to the Russian regions. The first factor was the

assembly size at the time before the 2002 electoral reform. The smaller regional assemblies were, the more likely they become larger. The second factor was the presence of bicameralism. The reform was a trend towards the elimination of bicameralism on the regional level. Thus, the regions which had bicameral parliaments before the reform solved the problem of preservation of seats for the former members of the upper chambers, significantly increasing the number of seats in lower chambers.

In the second cycle, however, it was only under the pressure of the Federal Center that the regions changed size of their assemblies in comparison to the first cycle. The main cause of changes was the approval of the State *Duma* amendments to the legislation which obliged the regions to conform sizes of their assemblies to the registered voting population.

Conclusion

This essay described factors which affected the changes of the main dimensions of the regional electoral systems after the electoral reform of 2002. The research underlying this essay is the first large-scale approach to the understanding of the causes of variations in regional electoral systems over the period from 2003 to 2013. It was proved that the main actor of these changes was the federal authority. Its influence became apparent not only in a direct way, when it was approved certain federal laws, but also indirectly. Lijphart⁹ found that the principal dimension of the electoral systems that held responsibility for the degree of their proportionality was the electoral thresholds. The higher they are, the lower the degree of proportionality is. In relation to the Russian regions, the actions of the Federal Center to the thresholds were obvious – it constantly tried to make them higher. Trying to crash the proportionality of the regional electoral systems the federal authority aimed to reinforce “United Russia” on the regional level.

Finally, it is important to mention that the obtained results show that in spite of the federal nature of Russia, the regions of the country are not completely free in setting of the “rules of the game” relating to their elections. This conclusion is the additional argument to the statement that today’s Russia is rather a unitary than a federative state.

⁹ Ibid. 139.

УЧАСТИЕ РОССИИ В ТАМОЖЕННОМ СОЮЗЕ И ЕДИНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ЭФФЕКТОВ (2010–2013)

ГАФАРОВСКИ Д. О.

аспирант

Ягеллонский Университет, Краков, Польша

dymitr.gafarowski@interia.pl

ABSTRACT: The article provides a concise overview of Russia's membership efficiency in the process of economic integration within the Customs Union (CU) and Single Economic Space (SES) during the period of 2010–2013. The main aim is to analyze the major quantitative and qualitative trade effects of Russia based on the macroeconomic trade indexes, particularly, its foreign and reciprocal turnover.

KEYWORDS: Russia, trade effects, Customs Union, Single Economic Space, economic integration

Введение

Прекращение существования Советского Союза и появление новых независимых государств (НИГ) существенно изменило экономическую и военно-политическую конфигурацию в регионе. Для России, однако, постсоветское пространство продолжало оставаться сферой жизненно важных интересов, преимущественно военно-политических. Поэтому, уже начиная с начала 90-х гг. XX в., Россией было предпринято множество попыток удержания НИГ в своей орбите. Особенно отчетливо интеграционные стремления проявлялись между Россией, Беларусью и Казахстаном, однако большая часть совместных интеграционных проектов потерпела неудачу, так как, несмотря на официально декларируемый экономический характер, данные проекты имели существенную политическую составляющую. Кроме того, принятие странами-партнерами различных моделей государственного развития значительно усложняло экономическое взаимодействие. Все это привело к тому, что заключенные

интеграционные договоры долгое время не реализовывались должным образом и поэтому оставались малоэффективны.

Ситуация изменилась в 2010 г. вместе с фактическим образованием Таможенного союза (ТС) России, Беларуси и Казахстана¹, который по существу может стать мощным фундаментом для дальнейшего развития постсоветской региональной интеграции. Серьезные интеграционные намерения стран-участников в экономической сфере подтверждаются их переходом на более высокий уровень взаимодействия с 1 января 2012 г., когда образовано было Единое экономическое пространство (ЕЭП)². Необходимо отметить, что с начала функционирования организации, ее членам удалось достичь значительных успехов в области институционального сотрудничества, механизмов принятия решений и унификации национальных таможенных тарифов³. В частности был принят и вступил в силу Единый таможенный тариф, упразднено было таможенное регулирование на внутренних границах, а также созданы наднациональные органы управления (Комиссия ТС и с 2012 г. – Евразийская экономическая комиссия). Достижения в области институционального сотрудничества являются очень важной составляющей успешной реализации интеграционных процессов, однако ключевым фактором оценки их экономической эффективности являются торговые эффекты. В связи с этим главная цель настоящей статьи сводится

¹ Начало процессу формирования ТС было положено принятием Решения Межгосударственного совета ЕврАзЭС на уровне глав государств №346 от 6 октября 2007 г. «О формировании правовой базы таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества», а также других ключевых документов, определяющих институциональную структуру ТС и механизм вхождения в него новых государств, и утверждающих План действий по формированию ТС на период 2008–2010 гг. (перечень нормативно-правовой базы ТС см.: http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/Perechen_MDTS.aspx). Фактическое образование ТС связано с вступлением в действие Единого таможенного тарифа и Таможенного кодекса ТС.

² ЕЭП вступило в действие на основе подписанного в конце 2010 г. государствами-членами ТС пакета, состоящего из 17 базовых соглашений (перечень нормативно-правовой базы ТС см.: <http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/Pages/default.aspx>).

³ Dragneva Rilka, Wolczuk Katarina, "Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry?," *Chatham House Briefing Paper, Russia and Eurasia Programme* REP BP 2012/01 (August 2012): 6-7, [интернет ресурс]: www.chatham-house.org, доступ: 22.01.2014.

к проведению анализа основных внешнеторговых эффектов, полученных Россией от интеграционного процесса в рамках ТС/ЕЭП в период с 2010 по 2013 годы. Анализ будет произведен на основе макроэкономических показателей, как количественных, так и качественных, а в частности объема и структуры внешнего и взаимного товарооборота России со странами-партнерами по ТС/ЕЭП. Данный анализ позволит выявить определенные тенденции, существующие в рамках экономического взаимодействия членов ТС и ЕЭП, а также поможет определить, какое значение имеет для России экономическая составляющая интеграционных процессов.

Внешнеторговые эффекты участия России в ТС/ЕЭП: количественный анализ

На момент создания интеграционной группировки партнеры России занимали очень низкую долю в ее общих показателях внешнеэкономического сотрудничества. Если в 1998 г. удельный вес Беларуси и Казахстана в суммарном внешнем товарообороте России составлял около 11%, то по итогам за 2009 г. он снизился до 7,7%⁴. Отмеченное падение было обусловлено, прежде всего, двумя следующими факторами. Во-первых, благоприятная конъюнктура энергоресурсов на мировом рынке способствовала резкому увеличению их экспорта из стран ТС в третьи страны⁵. Во-вторых, возросший в условиях переориентации внутренних рынков стран ТС спрос на высокотехнологическую продукцию, способствовал увеличению ее импорта из третьих стран, так как местная продукция, в большинстве случаев, не соответствовала требованиям по качеству и ассортименту⁶.

В первый период функционирования организации (2010-2011 гг.) российский экспорт в страны ТС продемонстрировал устой-

⁴ Расчеты на основе данных Российского Центра внешней торговли, [интернет ресурс]: <http://www.rusimpex.ru>, доступ: 15.04.2014.

⁵ Лихачев Алексей Евгеньевич, "Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития," *Российский внешнеэкономический вестник* № 6 (Июнь 2010): 11.

⁶ Пылин Артём Геннадьевич, "Внешнеторговые связи России со странами «поояса соседства»,» *Россия и новые государства Евразии* № 1 (2012): 7.

чивую динамику роста. В 2010 г. его объем увеличился на 18,8%, причем рост российского экспорта в Беларусь составил 9,2%, а в Казахстан – 36,3% (таб. 1). В 2011 г. рост экспорта России в страны ТС достиг 32,9%, что превысило, хоть и незначительно, аналогичный показатель для третьих стран (таб. 2). Необходимо отметить, что рост экспорта в Казахстан составил всего 8,1%, в то время как в Беларусь – 39,6% (таб. 1). Отмеченный рост был связан, главным образом, с отменой пошлин на нефть и нефтепродукты в обороте между Россией и Беларусью, что впоследствии привело к резкому увеличению российских поставок минерального сырья в Беларусь⁷. В последующий период (2012–2013 гг.) положительная динамика экспорта России в страны ТС/ЕЭП сменилась отрицательной. В 2012 г. темп его роста сократился в 3 раза, а по итогам за 2013 г. и вовсе приобрел отрицательное значение (таб. 1).

Таб. 1: Экспорт из России в страны ТС/ЕЭП, 2010-2013 гг.

Год	Всего		Беларусь		Казахстан	
	стоимость [млн. долл. США]	годовое изменение [%]	стоимость [млн. долл. США]	годовое изменение [%]	стоимость [млн. долл. США]	годовое изменение [%]
2010	30 717,00	118,8	18 254,07	109,2	12 465,07	136,3
2011	40 814,72	132,9	25 482,68	139,6	15 332,04	108,1
2012	44 511,41	109,1	27 551,73	108,1	16 959,68	110,6
2013	40 574,43	91,2	22 888,84	83,1	17 685,59	104,3

Источник: статистические данные Евразийской экономической комиссии. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

⁷ Ушкалова Дарья Игоревна, *Формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана: проблемы и предварительные итоги* (Москва: Институт Экономики РАН, 2012), 23.

Таб. 2: Темпы роста основных показателей внешней и взаимной (со странами ТС/ЕЭП) торговли России, 2010–2013 гг.

Направление торговли	Экспорт			Импорт		
	год	стоимость [млн. долл. США]	год. изм. [%]	год	стоимость [млн. долл. США]	год. изм. [%]
страны ТС/ ЕЭП	2010	30 717,00	118,8	2010	15 676,02	150,7
	2011	40 814,72	132,9	2011	21 507,50	137,2
	2012	44 511,41	109,1	2012	22 446,34	104,4
	2013	40 574,43	91,2	2013	22 636,34	100,9
третьи страны	2010	367 920,49	133,5	2010	214 712,87	136,7
	2011	477 928,72	129,9	2011	284 709,26	132,6
	2012	484 497,42	101,4	2012	293 489,75	103,1
	2013	489 245,90	101,0	2013	295 032,90	100,5

Источник: статистические данные Евразийской экономической комиссии. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

Россия, на которую приходится около 90% суммарного ВВП стран ТС, имеет наиболее емкий из них внутренний рынок⁸. Поэтому с теоретической точки зрения важным внешнеторговым эффектом создания ТС должно было стать наращивание импортных поставок в Россию из стран-партнеров. В 2010-2011 гг. действительно отмечался существенный прирост импорта в Россию из стран ТС/ЕЭП (таб. 3), а также наблюдалось превышение темпов роста импорта из стран ТС/ЕЭП по сравнению с аналогичным показателем импорта из третьих стран (таб. 2). Однако в 2012-2013 гг. темп роста существенно замедлился и объем российского импорта из стран ТС/ЕЭП практически остался на уровне 2011 г. (таб. 3).

⁸ *Валовой внутренний продукт государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства: статистический сборник* (Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2013), 18.

Таб. 3: Импорт в Россию из стран ТС/ЕЭП, 2010–2013 гг.

Год	Всего		Беларусь		Казахстан	
	стоимость [млн. долл. США]	годовое изменение [%]	стоимость [млн. долл. США]	годовое изменение [%]	стоимость [млн. долл. США]	годовое изменение [%]
2010	15 676,02	150,7	9 951,26	148,2	5 722,46	155,3
2011	21 507,50	137,2	14 508,93	145,8	6 998,57	122,3
2012	22 446,34	104,4	16 309,40	112,4	6 136,94	87,7
2013	22 636,34	100,8	16 829,84	103,2	5 806,51	94,6

Источник: статистические данные Евразийской экономической комиссии. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

Кроме того, значимость внутрирегионального импорта для России, несмотря на ее устойчивый рост в анализируемом периоде, остается на крайне низком уровне – менее 8% (таб. 4). Более того, показатель удельного веса России во взаимном импорте находится ниже, чем аналогичный показатель для Беларуси и не превышает 36% (таб. 5). Все это свидетельствует о том, что Россия пока очень слабо выполняет свою интегрирующую функцию.

Таб. 4: Импорт в Россию из стран ТС/ЕЭП и третьих стран, 2009–2013 гг.

Год	импорт из стран ТС/ЕЭП		импорт из третьих стран		суммарный импорт
	стоимость [млн. долл. США]	уд. вес [%]	стоимость [млн. долл. США]	уд. вес [%]	стоимость [млн. долл. США]
2009	10 402,14	6,2	157 068,67	93,8	167 470,81
2010	15 676,02	6,8	214 712,87	93,2	230 388,89
2011	21 507,50	7,0	284 709,26	93,0	306 216,76
2012	22 446,34	7,1	293 489,75	92,9	315 936,09
2013	22 636,34	7,1	295 032,90	92,9	317 669,24

Источник: статистические данные Евразийской экономической комиссии. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

Таб. 5: Итоги взаимной торговли (импорта) государств-членов ТС/ЕЭП, 2010–2013 гг.

Год	Россия		Беларусь		Казахстан		Всего
	стоимость [млн. долл. США]	уд. вес [%]	стоимость [млн. долл. США]	уд. вес [%]	стоимость [млн. долл. США]	уд. вес [%]	
2010	15 676,02	33,2	18 656,70	39,5	12 895,39	27,3	47 228,11
2011	21 507,50	34,1	25 615,65	40,6	15 925,80	25,3	63 048,95
2012	22 446,34	33,1	27 670,76	40,8	17 659,61	26,1	67 776,71
2013	22 636,34	35,4	22 971,18	35,9	18 367,32	28,7	63 974,84

Источник: статистические данные Евразийской экономической комиссии. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

Внешнеторговые эффекты участия России в ТС/ЕЭП: качественный анализ

При проведении анализа эффективности торгово-экономического сотрудничества необходимо учитывать не только количественные, но также качественные показатели. Приведенные в таблице № 6 данные демонстрируют объем экспорта из России в страны ТС/ЕЭП по укрупненным товарным группам в период с 2010 по 2013 гг. Основную долю российского экспорта составляют минеральные продукты, металлы и изделия из них, а также продукция, входящая в товарную группу «машины, оборудование и транспортные средства» (см. таб. 6 и таб. 7). Расчеты показывают, что в 2011 г. динамика всех товарных структур экспорта России в страны ТС была положительная (таб. 8). Наибольший рост был отмечен в следующих товарных группах: минеральные продукты – 45,9% и машины, оборудование и транспортные средства – 41,5% (таб. 8). Однако в последующий период наблюдается некоторое снижение темпов роста, а в отдельных товарных группах снижение объема экспорта, в частности в группе минеральных продуктов (таб. 8). Необходимо отметить, что в целом товарная структура экспорта России, за исключением минеральных продуктов, не претерпела существенных изменений.

Также необходимо отметить, что доля продукции первичного сектора (минеральные продукты, сельскохозяйственное сырье и

продовольственные товары) и металлов в экспорте России в страны ТС/ЕЭП оставалась на достаточно высоком уровне и составляла в рассматриваемый период свыше 60% (таб. 7). Низкий показатель удельного веса продукции обрабатывающей промышленности в структуре экспорта свидетельствует о малой интенсивности внутриотраслевой торговли России со странами ТС/ЕЭП (включаящей кооперационные поставки), что не создает достаточных материальных стимулов для дальнейшей интеграции⁹.

Таб. 6: Объем экспорта из России в страны ТС/ЕЭП по укрупненным товарным группам в млн. долл. США, 2010–2013 гг.

Наименование группы	2010	2011	2012	2013
Всего	30 717,00	40 814,72	44 511,41	40 574,43
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	2 048,12	2 281,30	2 672,51	2 885,41
Минеральные продукты	14 635,99	21 358,10	22 240,02	17 594,52
Продукция химической промышленности, каучук	3 051,30	3 644,70	3 849,49	4 023,64
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	50,64	68,50	117,66	116,08
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	937,58	1 049,10	1 019,07	979,45
Текстиль, текстильные изделия и обувь	488,39	604,00	726,30	809,19
Металлы и изделия из них	4 291,26	4 667,90	5 235,28	5 524,45
Машины, оборудование и транспортные средства	4 106,65	5 811,50	7 032,87	6 952,43

Источник: статистические данные Евразийской экономической комиссии. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

⁹ Лихачев, “Таможенный союз России,” 12.

Таб. 7: Структура экспорта из России в страны ТС/ЕЭП по укрупненным товарным группам (в % к итогу), 2010–2013 гг.

Наименование группы	2010	2011	2012	2013
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	6,7	5,6	6,0	7,1
Минеральные продукты	47,6	52,3	50,0	43,4
Продукция химической промышленности, каучук	9,9	8,9	8,6	9,9
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,2	0,2	0,3	0,3
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,1	2,6	2,3	2,4
Текстиль, текстильные изделия и обувь	1,6	1,5	1,6	2,0
Металлы и изделия из них	14,0	11,4	11,8	13,6
Машины, оборудование и транспортные средства	13,4	14,2	15,8	17,1
Другие товары	3,6	3,3	3,6	4,2

Источник: статистические данные Евразийской экономической комиссии. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

Таб. 8: Динамика экспорта из России в страны ТС/ЕЭП по укрупненным товарным группам (в % к предыдущему году), 2010–2013 гг.

Наименование группы	2011	2012	2013
Всего	132,9	109,1	91,2
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	111,4	117,2	108,0
Минеральные продукты	145,9	104,1	79,1
Продукция химической промышленности, каучук	119,4	105,6	104,5
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	135,3	171,8	98,7
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	111,9	97,1	96,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	123,7	120,2	111,4
Металлы и изделия из них	108,8	112,2	105,5
Машины, оборудование и транспортные средства	141,5	121,0	98,9

Источник: статистические данные Евразийской экономической комиссии. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

Заключение

Опираясь на проведенный в данной статье анализ, можно сделать следующий вывод: в целом создание Таможенного союза и Единого экономического пространства не оказало существенного влияния на внешнюю торговлю России в рассматриваемый период. Помимо некоторого оживления экспорта в страны ТС в 2010 г. и резкого увеличения экспорта в Беларусь в 2011 г., вызванного наращиванием поставок минеральных продуктов, не было отмечено значительного роста взаимодействия со странами-партнерами. Товарная структура экспорта России показала относительную устойчивость, а произошедшие в ней изменения связаны были практически полностью с динамикой поставок минеральных продуктов. Создание ТС не имело также ощутимого положительного влияния на импорт России, который обладает огромным потенциалом для стран-партнеров. Темпы роста российского импорта из Беларуси стремительно снижались с момента создания ТС, а из Казахстана и вовсе приобрели отрицательное значение в 2012–2013 гг.

Таким образом, анализ торгово-экономического взаимодействия в рамках ТС/ЕЭП не позволяет подтвердить наличие ощутимого эффекта «создания торговли» для России.

КАЗУС «ОДИССЕЯ»: РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНЫХ ИДЕЙ И МЕТОДОЛОГИИ В АЛЬМАНАХЕ «ОДИССЕЙ» (1989–2002 гг.)

Лихацкий А. А.

магистрант

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

pav9533@ Rambler.ru

АБСТРАКТ: The main purpose of this article is research of the reception`s model in the almanac “Odysseus”, in the period from 1988 to 2002. The author allocates this reception model with the help of theories of cultural transfer and combined text-based analysis with co-reference analysis. The process of reception of western ideas in the almanac “Odysseus” can be divided into three parts. The first period lasted from 1989 until 1992. In the first period authors of the articles in the “Odysseus” provided original methods of scientific research. The second time interval can be characterized as transitive. He lasted from 1993 until 1997. The next period begun in 1998 and ended at 2002. The impact of western theories was local. The situation changed around the year 2002, when most of the scholars began to use specific western terms and theories in their work.

KEYWORDS: Reception, historical theory, cultural transfer, almanac “Odysseus”, translation of knowledge

Альманах «Одиссей» стал первым в СССР периодическим изданием, альтернативным «официальной» исторической периодике. Существовавшие до этого момента журналы выражали советскую парадигму развития исторической науки, которая представляла собой довольно архаичный сплав позитивизма и марксизма. После 1988 года, когда политика гласности дала первые результаты, стала меняться и эта устаревшая к тому моменту методология – одним из первых признаков процесса перемен стало появление этого издания.

Коллектив его авторов состоял в основном из участников двух семинаров: семинара по исторической психологии, основанного А. Я. Гуревичем в 1987 году, и группы по исторической демографии,

сформировавшейся вокруг Ю.А. Бессмертного при Институте всеобщей истории¹.

В мае 1987 года при научном Совете Президиума АН начинается своя работа межинститутский семинар по исторической психологии. С осени 1988 года он существует под совместной эгидой Научного Совета и Института всеобщей истории АН². В отчете о первом заседании сказано, что данное научное мероприятие следует считать продолжением аналогичного, существовавшего в конце 1960-х годов при секции истории общественной мысли ИВИ АН. Руководителем данного семинара был Б. Ф. Поршнев – таким образом, восстановление его, по словам самого Гуревича, следует считать продолжением незавершенных начинаний 1960-х годов³.

Работа мероприятия под эгидой Поршнева наиболее интенсивной была в конце 1960-х годов – начале 1970-х. Его деятельность оказалась прервана в результате разгрома и реорганизации секции общественной мысли. В конце 1980-х годов ситуация в ИВИ стала меняться, что позволило этой группе, занимавшей «диссидентскую» по отношению к господствующим в советской науке доктринам позицию, получить в академическом сообществе положение, которое более соответствовала их научным заслугам. Первым проявлением этого стало возрождение семинара по исторической психологии. От своего предшественника мероприятие унаследовало организационную форму. Новый семинар проводился так же раз в месяц, а его участники, как и в начале 1970-х годов были связаны между собой узами личных отношений.

Таким образом, изначально ядром редакции и первыми авторами альманаха стали люди, делавшие доклады на семинаре по исторической психологии. Всех ученых, входящих в состав постоянных авторов альманаха, можно разделить на четыре группы. Прежде всего, из этого коллектива следует выделить наиболее авторитетных исследователей: А. Я. Гуревича, главного редактора альманаха, Л. М. Батки-

¹ *История Центра и основные направления научной деятельности*, accessed 25 04 2014, http://www.igh.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=48.

² Михина Е. М., «Межинститутский семинар по исторической психологии», в *Одиссей. Человек в истории*. 1999 (М.: Наука, 1999), 183.

³ Михина, «Межинститутский семинар по исторической психологии», 183.

на и Ю. Л. Бессмертного. С ними сотрудничали их ученики – такие исследователи, как Д. Э. Харитонович – вторая группа исследователей. Следующую группу представляли собой историки, которые были крепко связаны с Ю. Л. Бессмертным и А. Я. Гуревичем, но сформировались как ученые без их посредства – С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова, С. И. Лучицкая и другие. Четвертая группа состоит из авторов – иностранцев, входивших в состав редколлегии и редсовета – прежде всего это Жак Ле Гофф и Войцех Вжозек, которые не только позволяли печатать свои статьи, но и помогали отбирать наиболее интересные работы для перевода и публикации.

Необходимо также признать наличие в авторском коллективе двух групп по возрастному критерию⁴. Это исследователи поколения основателей альманаха, во главе с А. Я. Гуревичем и Ю. Л. Бессмертным. Также это С. В. Оболенская, Г. С. Черткова, Л. М. Баткин и др. Эти люди сделали многое для того, чтобы альманах вообще появился на свет, и именно они стали либо авторами его статей в дебютном выпуске, либо его первыми редакторами. Младшее поколение авторов альманаха, привлекалось к его работе постепенно, начиная с выпуска 1993 года. Поначалу эта группа, которую формировали в основном ученики Бессмертного и Гуревича, имела второстепенное значение, но постепенно, по мере ухода исследователей из поколения основателей альманаха, она занимала все более важное положение в редакции.

Новое издание должно было стать форумом, где исследователи, не занимавшие в научной иерархии командные высоты, отрицавшие господствующий в советской исторической науке догматизированный марксизм, вырабатывали бы собственный метод. Одной из важнейших основ этой «альтернативной» советской историографии должна была стать иная модель взаимодействия с мировым научным сообществом, иная форма рецепции.

Периоды развития рецепции в журнале «Одиссей» я выделял, основываясь на анализе таких факторов, как:

- А) Динамика употребления и изменения терминологии.
- Б) Динамика выбора авторами статей альманаха тематики своих статей.
- В) Изменения в составе сети исследователей.

⁴ *Интервью с А. Ю. Арнаутовой 26. 03. 14, (личный архив А. Лихацкого).*

Рецепция западных идей в альманахе «Одиссей» в 1998–2002 году распадается на три примерно равных периода:

Первый из них охватывает временной промежуток 1989–1992 годов. Его можно условно назвать периодом «Проникновения» (*Permeabilität*)⁵. Второй по счету период развития данного альманаха – это 1993–1997 годы, или «Переходной этап», и последний из них 1997–2002 годы, или этап «Внедрения» (*Insertion*).

Для начального этапа существования альманаха характерно несколько черт:

- А) Большое количество переводных статей, что подчеркивает роль альманаха как средства трансляции идей.
- Б) На страницах издания в свет вышло множество работ – обзоров развития зарубежной историографии.
- В) Синкретичность: «Одиссей» совмещает черты присущие классической советской историографии, нетрадиционному советскому гуманитарному знанию (на страницах альманаха огромное внимание уделяют Лотману, Бахтину, Библеру), и идеи, почерпнутые из мировой науки.
- Г) Источник культурного трансфера был строго локализован. Теория исторического знания черпалась почти исключительно из Европы: прежде всего из Франции и ФРГ.
- Д) Трансфер моделировался с целью пополнения компендиума теоретического знания и разрушения некоторых догм, характерных для советской исторической науки (например, о примате экономики в развитии социума).

Таким образом, для первого этапа существования альманаха, который охватывает период с 1989 по 1992 годы, характерна строго локализованная рецепция. Исследователи пытались сохранить свою тематику и научную ориентацию, а с помощью заимствования и апробации новых идей старались лишь дополнить компендиум своего знания, не отбрасывая привычной им терминологии, способов построения нарратива и теоретических основ исследования.

⁵ В данном случае используется терминология и периодизация Германа Брандта: Brandt Hermann, *Die Heilige Barbara in Brasilien. Kulturtransfer und Synkretismus*, (Bd. 105, Erlangen, Erlangen Univ. Verlag, 2003), 127.

На втором этапе, который начинается с 1993 года, рецепция приобретает более цельный и активный характер, что выразилось в следующем:

- А) Авторы альманаха окончательно разрывают отношения с марксизмом, что выражалось как в исчезновении ссылок на труды классиков: К. Маркса и Ф. Энгельса, так и в радикальном постулировании разрыва с предыдущей традицией, который наиболее ярко был выражен в статье-манифесте Н. Е. Копосова о ментальности советского историка⁶, доклад которого в 1990 году на семинаре по исторической психологии вызвал жаркую дискуссию среди его коллег.⁷
- Б) Авторы альманаха начинают перенимать западную историографическую тематику и способы организации статейного пространства. Яркий пример данного явления – процесс восприятия проблематики «свой – чужой», которая с 1993 года все более интересует исследователей, печатавшихся в альманахе.
- В) Для второго этапа также характерно то, что строго локализованные рамки рецепции российского историка – автора альманаха стали расширяться. Теперь не только исследователи из ФРГ и Франции отныне широко представлены на страницах альманаха, интерес авторов статей начал распространяться на английскую и американскую историографию, о чем говорит постоянно возрастающее количество ссылок в статьях на данный тип литературы. Особенно внимание исследователей из России начала привлекать релятивистская американская историография, дискуссии о которой опубликованы в выпуске альманаха за 1996 год⁸.
- Е) Динамика употребления терминов говорит о том, что российский исследователь начал знакомится с большим количеством разнообразных понятий. В текстах статей начали появляться такие слова как «нарратив», «микроанализ», «репрезентация»,

⁶ Копосов Н. Е., «Советская историография, марксизм и тоталитаризм (к анализу ментальных основ историографии)», в *Одиссей. Человек в истории*. 1992 (М., Наука, 1994), 51–68.

⁷ Михина Е. М., «Размышляя о семинаре», в *Одиссей. Человек в истории*. 1993 (М., Наука, 1994), 317.

⁸ *Одиссей. Человек в истории*. 1996 (М.: Coda, 1996), 5–80.

которые постепенно стали теснить уже освоенные и привычные «ментальность» и «культуру». Объемные и целостные понятия, свойственные советской историографии, все больше заменялись терминами, напрямую заимствованными из мировой науки. В альманахе «Одиссей» новые понятия предсказуемо стали появляться на страницах переводных статей. В статье Ганса–Юбера Бахорски (ФРГ)⁹ появились такие термины как «дискурсивное поле»¹⁰, «семантическая оппозиция»¹¹, «double-bind ситуация»¹², термин П. Бурдые «хабитус»¹³, и многие другие. В другой статье, автором которой стал Пол Хайэмс¹⁴, впервые звучит термин «казусный подход». Постепенно данную терминологию подхватывали и российские исследователи.

Ж) Новые течения в историографии постоянно накладывались друг на друга и на уже сформированные советской историографией исследовательские идеалы и установки, поэтому, несмотря на активный процесс рецепции, российский историк все еще оставался постсоветским. В то же время младшее поколение исследователей становилось проводниками недавно возникших зарубежных теорий, постоянно применяя почерпнутые в результате рецепции методы и терминологию в своих собственных статьях. Так, М. А. Бойцов повествует о «изобретении» средневековой традиции коронавания¹⁵, о «кинематографичности»¹⁶ средневековой процессии, В. П. Визгин пишет о преимуществах концепта «эпистемологического разрыва»¹⁷, который он почерпнул из сочинений Башляра, и т. д.

⁹ Бахорский Г.–Ю., «Тема секса и пола в немецких шванках» в *Одиссей. Человек в истории*. 1993 (М.: Наука, 1994), 50–69.

¹⁰ Бахорский, «Тема секса и пола в немецких шванках», 51.

¹¹ Бахорский, «Тема секса и пола в немецких шванках», 51.

¹² Бахорский, «Тема секса и пола в немецких шванках», 56.

¹³ Бахорский, «Тема секса и пола в немецких шванках», 57.

¹⁴ Хайэмс П., «Старинный случай с Томасом из Эдесфилда», в *Одиссей. Человек в истории*. 1993 (М.: Наука, 1994), 161–174.

¹⁵ Бойцов М. А., «Ахенские коронационные съезды под разными углами зрения», в *Одиссей. Человек в истории*. 1997 (М.: Наука, 1997), 180.

¹⁶ Бойцов, «Ахенские коронационные съезды под разными углами зрения», 193.

¹⁷ Визгин В. П., «Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы», в *Одиссей. Человек в истории*. 1996 (М.: Coda, 1996), 39–58.

Год 1998 – примерное время начала третьего этапа рецепции западной методологии исторической науки в альманахе «Одиссей». Данный временной отрезок можно назвать, пользуясь терминологией Германа Брандта, этапом «Внедрения». Он характеризуется несколькими важными изменениями: В 1998 году за редкими исключениями (Л. М. Баткин, А. Я. Гуревич) происходит почти повсеместный отход от употребления терминологии, присущей первоначальному периоду существования альманаха. Авторы альманаха теперь говорят о «нарративах»¹⁸ и «метаисторической позиции историка»¹⁹, изучают взаимодействие «актеров»²⁰, функционирование «дискурса»²¹. Это говорит о том, что на протяжении периода 1993–1997 годов российскими историками, представленными в «Одиссее», была проделана большая работа по ознакомлению с важнейшими теоретическими новациями.

Теперь автор альманаха неплохо разбирается в теоретических «ответвлениях» мировой исторической науки, о чем свидетельствует постепенное отмирание постоянного для первых выпусков альманаха обзоров главных теоретических «новинок», возникавших в той или иной историографии. Вместо этого предпочтение отдается переводу статей, которые имея практический характер, применяли теоретические практики к конкретному историческому материалу.

Причин этому несколько:

- А) Автор в альманахе, в среднем, стал знать на один иностранный язык больше. Если в номерах за 1989–1992 годы историк ссылается на литературу, как правило, на 2–3 иностранных языках, то в 2002 году вполне обыденным явлением стала публикация статьи, в которой присутствуют ссылки на историографию на четырех языках.
- Б) Усилия по трансляции и ознакомлению с теоретическим разнообразием мировой исторической науки в период 90-х годов не

¹⁸ Визгин, «Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы», 162.

¹⁹ Визгин, «Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы», 174.

²⁰ Ткаченко Г. А., «Модель человека в культуре Китая (о традиционной китайской антропологии)», в *Одиссей. Человек в истории*. 1999 (М.: Наука, 1999), 144.

²¹ Ткаченко, «Модель человека в культуре Китая (о традиционной китайской антропологии)», 161.

прошли даром. Именно в этот период в России вышло большое количество переводов и критических обзоров статей, которые помогли постсоветскому историку сориентироваться в этом потоке новой информации.

В) Изменилась политика обращения к зарубежной историографии. В период 1989–1992 годов основная масса ссылок шла на работы, вышедшие в период 1960-х–1970-х годов, то есть на два, а то и три десятилетия ранее написания текста автором. В 1998–2002 году ситуация меняется – теперь основная масса ссылок в статьях идет на литературу второй половины 1980-х–1990-х годов.

Разногласия и расхождения во мнениях между «старшим»²² и «младшим» поколением в альманахе продолжали сохраняться, разные группировки внутри сообщества авторов издания зачастую занимали противоположные стороны в дискуссиях, материалы которых стали регулярно печататься на страницах альманаха. Например, в выпуске за 1999 год темой круглого стола была роль пиршества и питания в истории. Наиболее спорной оказалась статья Т. С. Кондратьевой «От царской подачи к кремлевскому распределителю»²³, где автор проводила довольно смелые обобщения, находя сходство между системой дарения в Московском царстве и закрытой системой распределения «спецпайков» в СССР. Против таких обобщений выступили Баткин²⁴, и Гуревич, в то время как П. Ю. Уваров наоборот, поддержал Кондратьеву, заметив, что обширные обобщения вполне допустимы в трудах по антропологии, где они не встречают особенных возражений, но в исторических трудах такие приемы почему-то всегда встречают отчаянное сопротивление²⁵. Старшее поколение продолжало отстаивать свои идеалы, как, к примеру, это делает Гуревич в своей статье «Подводя итоги...»²⁶, где он вновь выступает апологетом социальной истории в стиле Марка

²² Исследователями, вошедших в состав сетевого сообщества ученых, сформировавшегося вокруг альманаха в 1987–1989 гг.

²³ Кондратьева Т. С., «От царской подачи к кремлевскому распределителю», в *Одиссей, Человек в истории*. 1999 (М.: Наука, 1999), 21–29.

²⁴ «Дискуссия» в *Одиссей, Человек в истории*. 1999 (М.: Наука, 1999), 96.

²⁵ «Дискуссия», 93.

²⁶ Гуревич А. Я., «Подводя итоги», в *Одиссей, Человек в истории*. 2000 (М.: Наука, 2000), 125–138.

Блока и Фернана Броделя, говоря о своем неприятии нигилизма в отношении исторической науки, признания раздробленности ее на мелкие части.²⁷

В это время «новые», то есть люди, появившиеся в альманахе после 1993 года, продолжали активно воспринимать разнообразные западные теоретические новации, что сказывалось также и на тематике статей. Например, С. И. Лучицкая под влиянием идей западной историографии перешла от изучения образов «свой – чужой» к изучению визуальных источников – иллюстраций к средневековым хроникам. Визуальный поворот стал одним из важнейших трендов в развитии альманаха в 1998–2002 годах. Печатались в альманахе не только переводы статей, активно использовавшие изображения как источник²⁸, но и тексты российских авторов²⁹. Более того, визуальные источники становились темами статей и ученых-русистов³⁰. Другое модное направление в 1998–2002 – власть и ее репрезентация, символика властных отношений³¹.

Репрезентация исторического материала в изложении российских историков в «Одиссее» становилась все менее отличимой от той, которая предлагалась в работах зарубежных историков. Постепенно точки зрения постсоветских исследователей и их коллег из США и Европы сходились, что было обусловлено тем, что молодые историки уже имели совершенно иной теоретический багаж, в основном состоящий из почерпнутых на западе концептов и идей. Несмотря на остававшееся своеобразие толкования исторического материала³², авторы альманаха в целом усвоили полученные в ходе

²⁷ Гуревич А. Я., «Подводя итоги», в *Одиссей, Человек в истории*. 2000 (М.: Наука, 2000), 136.

²⁸ Шмидт Ж.-К., «Вопрос о изображениях в полемике между иудеями и христианами в XII веке», в *Одиссей. Человек в истории*. 2002 (М.: Наука, 2002), 30–43.

²⁹ Дмитриева О. В., «От сакральных образов к образу сакрального. Елизаветинская художественная пропаганда и ее восприятие в народной традиции», в *Одиссей. Человек в истории*. 2002 (М.: Наука, 2002), 44–52.

³⁰ Данилевский И. Н., «Символика миниатюр Радзивилловской летописи» в *Одиссей. Человек в истории*. 2002 (М.: Наука, 2002), 228–236.

³¹ Кулаева С. Б., «Символические жесты зависимости в оформлении средневекового оммажа», в *Одиссей. Человек в истории*. 2002 (М.: Наука, 2002), 151–168.

³² Стрелков В. И., «К антологии исторического текста: некоторые аспекты философии истории Ф. Р. Анкерсмита», в *Одиссей. Человек в истории*. 2000 (М.: 2001), 139–151.

рецепции методы и приемы исследования и начали успешно применять к разрабатываемым ими темам.

Таким образом, на завершающем этапе рассматриваемого периода, который охватывает 1998–2002 годы, рецепция западных идей приняла более полный характер. Воспринятые концепты фактически вытеснили изначально присущие сетевому сообществу, сформировавшемуся вокруг «Одиссея», теоретические установки. Фактически ближе к 2002 году заканчивается процесс полного обновления компендиума теоретического знания – то, что в 1989 году воспринималось как нечто естественное и не поддающееся сомнению, в 2002 году видится новому поколению исследователей устаревшим и неактуальным. Использование терминологии и тематика статей говорит о том, что авторы альманаха стали намного более осведомленными в зарубежной историографии. Характерные для 1990-х годов зачастую не совсем отражающие суть рассматриваемого концепта трактовки российских историков уходят в прошлое, теперь они предпочитают применять воспринятые идеи на практике. Авторы альманаха выпускают отныне статьи весьма сходные со статьями на аналогичную тематику, выходящие за рубежом.

Модель рецепции, что представил альманах «Одиссей», можно назвать замещающей. В начальный период развития издания авторы представили в своих работах оригинальную теоретическую рефлексию, достаточно часто использовали терминологию характерную для неофициальной советской гуманитаристики, и влияние на них западной теории и методологии исторической науки было лишь частичным. К началу 2000-х годов, вследствие перемен в составе авторского коллектива и ряда иных причин, эта оригинальная теория исторической науки постепенно замещалась заимствованными из-за рубежа концептами и идеями.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГРАЖДАН РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Смирнов Е. Н.

магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
evzen@live.ru

ABSTRACT: The article considers the question of historical memory in post-Soviet mentality: prospects of development and state control, the prospects for the development of historical science in modern Russia, as well as the formation of a new historical narrative of the “new Russia”. The article summarizes journal material on different ministries, federal offices and leaders of the country in connection with the subject. The author makes some reflections on returning to the historical narrative of the Soviet Union and the repetition of history. The author makes some remarks about the possible development of history for the next decade and as a conclusion on the formation of a new history textbook about the history of Russia.

KEYWORDS: Modern history of Russia, historical narrative, new history textbook of Russian history, the politics of history in contemporary Russia, the formation of historical narrative

Вопрос исторической памяти и идентичности является одним из ключевых в современной внутренней политике Российской Федерации. Политика памяти или, говоря точнее - историческая политика, занимает значительное место в публичном и политическом дискурсах, и отчасти научном. После распада СССР в российской истории наступила абсолютнейшая демократия, впервые российские историки могли писать то, что они думают, не оглядываясь на идеологию, которая была как в СССР, так и в Российской Империи, но это явление затронуло только научные круги и лишь прогрессивных историков. Ныне такая вольница на школьном уровне не нужна государству и поэтому в последние несколько лет определение исторических фактов, процессов и явлений, которые должны влиять на идентичность россиян стало одним из существенных направлений политики власти. Выбор исторических фактов, которые должны

определять национальное самосознание, становится в российских условиях довольно сложным, ввиду необходимости согласовать, с виду противоположные, исторические традиции – советского и до-революционного наследия.

На мой взгляд, одним из главных аспектов формирования исторической памяти народа являются не только определенные факты, которые занимают важное место в общей памяти, а также имеет огромное влияние способ их интерпретации - историческая нарративная политика. На ее формирование влияет в частности образовательная политика. В данной работе я хотел бы сосредоточиться на изменениях, которые проходят в этой области в наши дни.

Исследование образовательной политики государства с научной точки зрения является особенно важным ввиду того, что благодаря данному анализу можно прогнозировать, отношение россиян к историческому наследию в будущем, так как дети и молодежь воспитанные в определенном подходе к прошлому будут со временем сами авторами исторической политики. Школьное образование является одним из основных методов формирования исторического, а также политического сознания молодых людей. Более того, доминирование федеральных образовательных стандартов на всей территории Российской Федерации и запрет их изменений на региональном уровне является ярким признаком влияния власти на этот процесс.

Как свидетельствуют исследования Татьяны Володиной, проведенные в начале двухтысячных годов, история кажется российским студентам более интересной, чем для их ровесников из Западной Европы и США, что может быть результатом других культурных условий.¹ Такая тенденция в некоей степени помогает понять, почему историческая политика так сильно волнует представителей российской власти, но на мой взгляд дело в идеологии. В современной России есть только одна абстрактная идеология, закреплённая в Конституции, либерализм, но народу нужно более сильная, мощная, народ жаждет знать, к чему он стремится, кто его враг и кто друг, а самое главное, зачем мы живем на этой земле. Наш современник историк и философ Сергей Перевезенцев в своей книге «Россия.

¹ Volodina T., “Teaching History in Russia after the Collapse of the USSR, Founding of the Romanov Dynasty”, *Warsaw University Press*, Vol. 38, No. 2 (Feb., 2005): 179–180.

Великая судьба» пишет: «Любой народ, так или иначе заявившей о себе в истории, в какой-то момент начинает размышлять о том, откуда и как он появился? А вслед за этим приходит и необходимость поиска ответа на другие, но ещё более значимые вопросы – зачем этот народ существует в мире. И оттого, какие будут найдены ответы на эти вопросы, зависит сама история, культура и сама жизнь народа».²

Так как народом все руководит власть, которую избирает этот народ всласть и предлагает определенной модели, которые и закрепляются в виде закона, так 1 сентября 2013 года вступил в силу абсолютно новый федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»³. Общие принципы политики Российской Федерации в области науки, сформулированные в этом документе, предполагают типичные для демократического правового государства требования, касающиеся образования. Особенно важной для понимания политики памяти является ст. 11, которая предусматривает необходимость создания образовательных стандартов, унифицированных для всей территории государства.⁴ Создание общих требований такого типа с одной стороны позволяет унифицировать образования во всей стране, но с другой стороны дает возможность упростить отбор предполагаемого содержания учебников и его регулирование согласно целям и желаниям власти.

Уточнением целей выраженных в тексте закона являются *стандарты*. По мнению авторов, концепция стандарта необходима для «формирования гражданской идентичности подрастающего поколения, обеспечения консолидации и единства российского народа».⁵ Для побуждения формирования исторической памяти российской молодёжи, самый важный, так называемый историко-культурный стандарт в нем придается большое значение форми-

² Переверзенцев С.В., *Россия. Великая судьба*. (Издательство Альфа, Санкт-Петербург, 2003), 113.

³ «Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»», *Российская газета*, № 5976 от 31 декабря 2012 г., 23–33.

⁴ «Федеральный закон от 29 декабря 2012 г.» Статья 11. Федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования. Образовательные стандарты, 25.

⁵ «Министр образования пообещал показать единый учебник по истории через год». polit.ru

ванию у учеников патриотических и гражданских позиций, а также гордость русской историей.⁶ Примерная программа для начальной школы предусматривает возбуждение гражданских, патриотических позиций и создание веры в Россию и ее силу.⁷

В заявлении Комитета гражданских инициатив мы можем прочитать, что невозможно изучать историю без представления ее разных оценок. Другой подход находится уже в сфере идеологии, не науки. В документе читаем: «Пора перестать смотреть на школьный курс истории как на инструмент “военно-патриотического воспитания” и поставить перед таким курсом новые задачи: ознакомление школьников с методами исторических исследований и формирование навыков критики источников; выработка у школьников нравственных ориентиров и приоритетов в оценке ключевых событий и фигур отечественной истории; воспитание у детей способности не только гордиться победами, но сопереживать трагедиям и поражениям своего народа, без чего невозможно становление гражданина».⁸ Как историк от себя добавлю, что действительно история как наука должна содержать в себе работу с текстом, источниками и научными монографиями историков, а в современной России история превратилась в пародию сказок о прошлом, это сборник нелепых рассказов и повестей, которые с историей не имеют ничего общего. Поэтому создание единого учебника истории и написание «чистой», «рафинированной» истории в виде создания патриотических чувств, народного единства и т. п. может позволить государственной власти (которая отвечает за методы и результаты школы), выбирать изучаемую фактографию тенденциозно, подчиняя ее исторической политике государства. Выбор фактов, формулирование их названий и их толкование позволяет создать историческую память и национальное самосознание молодого поколения в идеологическом русле.

⁶ Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 N 373 (ред. от 18.12.2012) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2009 N 15785), 4–6. www.consultant.ru

⁷ «Примерная основная образовательная программа начального образования», 11. standart.edu.ru

⁸ Заявление КГИ «Об общенациональном учебнике истории». komitetgi.ru

Из этого можно прийти к выводу, что российская власть пытается самостоятельно и произвольно выбирать факты, которые должны стать основой исторической идентичности народа.

Ввиду вышеизложенного, предпринимаются меры, которые должны привести к созданию единого государственного учебника по истории России. Предварительный этап – это создание упомянутого Историко-культурного стандарта⁹. Его проект подготовили члены рабочей группы по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, и теперь он обсуждается экспертами и обществом.¹⁰

Для Владимира Путина единый учебник истории является важным вопросом, так в феврале 2013 года президент заявил, что надо написать такой учебник для средней школы. По его мнению хороший учебник должен быть приспособлен к возрасту ученика, но кроме того учебники должны быть написаны согласно одной концепции и логики непрерывной русской истории, так, чтобы показать судьбу России как соединение разных народов, их историй и культур. Одна версия истории позволяет соединять многонациональную страну с огромным пространством. Одновременно, это не значит, что учебники не должны быть ознакомлены с разными точками зрения.¹¹

Г-н Путин говорит о том, что необходимо проявлять уважение ко всем страницам нашего прошлого. Что это означает? Можно ли сказать, что немецкий народ должен с уважением относиться к нацистскому периоду своего прошлого? Мне кажется, что нет. Гадких периодов полно было и в русской истории. Как, например, можно с уважением относиться к крепостному праву? По-моему, это позорная страница истории. Так же как выбор народа в пользу большевиков во время Гражданской войны, как участие миллионов наших граждан всех национальностей в терроре – в красном терроре 1918–1921 годов и в большом терроре 1937–1938-го, и в голодоморе, и в коллективизации. Сочувствие к жертвам – да, конечно. Уважение к героям и борцам против зла – да. Но уважение ко всем без разбора

⁹ *Проект Историко-культурного стандарта*. минобрнауки.рф

¹⁰ *Началось общественное обсуждение проекта Историко-культурного стандарта*. минобрнауки.рф

¹¹ Карпюк И., “Одна на всех”. polit.ru

страницам прошлого, особенно к некоторым элементам государственной политики – никогда.

Лозунг: судьба России созидалась единением разных народов, традиций и культур. Когда так, а когда и совсем иначе, если помнить завоевание, скажем, Северного Кавказа и выселение 200 тыс. коренных жителей в Турцию. И при завоевании Сибири были отнюдь не только хлеб-соль и взаимные объятия. Было очень много крови, жестокости, обмана – надо сказать, с двух сторон, но все-таки сильный всегда больше виноват, чем слабый.

Нация велика не тем, что скрывает плохое, а тем, что находит в себе силы указать на плохое в своем прошлом и изменить умы к лучшему. Только честное и критическое отношение к прошлому может создать человеческое будущее в нашей стране – в том числе и в межнациональных отношениях.

Концепция единого учебника по истории вызывает многие разногласия, и поэтому ведутся исследования и дискуссии, так например власть отдала рассмотрения этого вопроса недавно воссозданному Российскому историческому обществу, который выступает как эксперт в создании нового учебника истории. Эксперты Минобрнауки однозначно положительно высказываются о запланированных реформах, подчеркивая их значение для создания исторической идентичности россиян.¹²

Что касается населения России, как свидетельствует опрос ВЦИОМ, респонденты ответившие на данный опрос, по вопросу единого учебника, в большинстве своём высказались в поддержку такой идеи, аргументируя, прежде всего необходимостью выработать единообразный взгляд на отечественную историю.¹³ Стоит подчеркнуть, что идея единого учебника по истории возникла уже в девяностых годах прошлого столетия, однако тогда не получилось ее провести в жизнь.¹⁴

Здесь хотел бы с вами поделиться некоторыми моими суждениями относительно нового учебника и поставить несколько вопросов:

¹² “Интервью статс-секретаря - заместителя Министра Натальи Третьяк изданию РИА «Новости» по вопросам экспертизы школьных учебников”. минобрнауки.рф

¹³ “ВЦИОМ, Единый учебник истории: за и против”. wciom.ru

¹⁴ Nowak A., *Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni* (Universitas Jagellonica Cracoviensis, Kraków, 2007) 325–326.

1. идеология - это цивилизационный конфликт. Россия по этой концепции находится в непрерывном цивилизационном конфликте. В первую очередь, с западом. И этот конфликт экзистенциальный, антологический, он был всегда, он будет продолжаться вечно, он носит вообще мистический характер.
2. евразийская программа. Евразия, как наш общий дом и как наша общая родина. И Россия (Путин) будет строить евразийское единство. Евразийского Союза никакого не будет, но то, что мы будем заложниками бессмысленных политических усилий, которые приведут снова к осложнениям с Украиной с Центральной Азией, с Евросоюзом, в этом теперь сомневаться не приходится. Соответственно, для этого и учебник истории.
3. Евразия не может быть нашей общей родиной, а может быть нашей общей родиной **народ** Евразии. И будет там конструироваться народ Евразии, но, конечно, это не просто буквально те этносы, которые имеются, а народ это всегда некоторая лояльность, конструируемая в данный момент. Поэтому евразийским народом будут признаны те, кто подписывается на эту новую путинскую лояльность.

Кажется, что идея историко-культурного стандарта и единого учебника является признаком отречения от такой тенденции и одновременно её подтверждением. Некоторые считают, что единый учебник – это шаг назад. Они обращают внимание, что его обобщенная концепция не лишена ошибок (например относительно истории СССР), а кроме того многие понятия почерпнуты из советской историографии. Более того, в результате проведения контроля предложенного текста при помощи системы Антиплагиат, оказалось, что в нём нашлись ссылки на другие учебники и даже на популярные среди учеников сайты, на которых помещены готовые сочинения и шпаргалки.¹⁵

В 90-х каждый гражданин России мог написать собственный учебник истории и предложить его на утверждение Министерству образования, конечно, не все они получали утверждение Минобрнауки, но все равно и во многих допущенных министерством учебниках на-

¹⁵ “Концепцию учебника истории «списали» с сайтов с готовыми рефератами”. izvestia.ru

ходились националистические и ксенофобские утверждения или не отредактированные абзацы со времен Советского Союза с идеологическими утверждениями. Опубликованные в наше время государственные учебники с одной стороны подчеркивали ценности русского культурного наследия, а с другой - показывали достижения экономического развития и демократического управления государством на Западе¹⁶. Обсуждаемое решение создать единые государственные исторические стандарты является крайней противоположностью ситуации с девяностых и проводит в жизнь контроль государства над историческим знанием и сознанием граждан.

По мнению авторов историко-культурного стандарта новый учебник отечественной истории должен отвечать на вызовы новых коммуникационных средств, в том числе Интернета. Поэтому задача такого учебника это не только давать определенное знание и его предполагаемые интерпретации, но также побуждать учеников самостоятельно искать и анализировать информацию. Непосредственно перед новым учебником поставлена задача формировать систему ценностей учеников, способствовать созданию гражданского общества, а также воспитать их в патриотических чувствах.¹⁷

Видно, что новый учебник может стать орудием формирования исторических взглядов и самосознания общества, поэтому новый учебник вызывает яркие дискуссии. Самые спорные вопросы это содержание глав касающихся истории Советского Союза, а также периоду после 2000 года, кстати, говоря, о разногласиях, стоит добавить, что с новым учебником связано также введение линейного обучения истории. До сих пор курс истории подвергался обобщению и углублению знания на очередных этапах обучения. Новые установки предусматривают непрерывность содержаний на всех образовательных ступенях.¹⁸ В таком случае, те, кто заканчивает учебу на обязательном уровне (9-й класс) и не продолжает обучение в старшей школе не смогут получить полного исторического знания.

Как подчеркивает министр образования и науки, Дмитрий Лива-

¹⁶ Volodina, "Teaching History", 183.

¹⁷ *Проект Историко-культурного стандарта, 2–3*

¹⁸ "Сергей Нарышкин предложил начать разработку нового школьного курса «Народы и культуры России». school.historians.ru

нов, не нужно на рынке так много учебников как сейчас, но учителя должны иметь выбор. Министр думает, что единый учебник должен исполнять три функции: давать достоверное знание, побуждать мышление, а также создать один общий исторический, культурный и моральный фон для обучения и воспитания. Андрей Фурсенко, помощник президента, сказал, что, по его мнению, одного учебника не надо, чтобы понимать точно как одну книгу, но как общую фактографическую базу.¹⁹

Глава рабочей группы, занимающейся разработкой Историко-культурного стандарта и проекта нового учебника Александр Чубарян сказал в одном из интервью, что нельзя отождествлять формирование патриотизма определенным стандартом с описанием в учебнике только побед и положительных явлений в русской истории. Ученый подчеркивает, что также и указание ошибок может быть полезным для создания у молодых людей чувства патриотизма.²⁰

Существует и такой взгляд, что приготовление единого учебника – это в настоящее время архаизм. Во-первых, сегодня нужен другой тип создания единства, чем в XIX веке – нужно единство «гражданское», а не национальное, поэтому не нужна одна версия истории. Во-вторых, в России очень сложно найти такое явление, которое смогло бы соединить весь народ. На самом деле, позволяет это только Великая Отечественная война, так как все считают ее своей трагедией и своей победой, но и в том случае можно найти разногласия, например касающиеся вопроса коллаборационистов.²¹

Сергей Шахрай считает, что большинство используемых в настоящее время учебников это компиляции советских учебников, которые только лишились идеологической составляющей. Он указывает, что многие из них не используют вообще историографии написанной в России и зарубежом в течение последних двадцати лет. По его мнению, самым лучшим решением былобы создание учебника, который использовалбы новые технологии и напоминал в своей форме проект Википедия – во-первых, его разработку должны вести специалисты, а потом она должна проходить в системе открытого доступа. Такой

¹⁹ Карпюк, «Одна на всех».

²⁰ «История убивает Ивана Грозного». www.rg.ru

²¹ Курилла И., «Дорога в никуда?», trv-science.ru

подход, по мнению Шахрая, позволил бы соединить труды многих ученых.²² Эта идея кажется спорной. Прежде всего, можно сомневаться насчет объективизма и прочности созданного таким образом учебника.

Громкие споры вызывает история XX и XXI века. Предусматривается представление истории с разных перспектив, но противники концепции замечают, что все равно в тексте останутся оценивающие выражения, например Октябрьскую революцию в образовательных стандартах дальше называют „великой революцией XX века”.²³

Кажется, что самым сложным с точки зрения формирования отношений граждан к отечественной истории вопросом является подход к историческому и культурному наследству Советского Союза. С начала Борис Ельцин пытался отойти от памяти советских времен и создать собственную политическую действительность, но это оказалось невозможным. Нынешняя власть решила не отказываться от политики советского прошлого, а реанимировать её в новом виде, потому что советское наследие ещё долго останется в памяти россиян. По мнению Владимира Марциняка выбор исторической традиции не был очевидным в 1991 году, однако связь с наследством СССР являлась прагматическим выбором.²⁴ Эксперты спорят, какие факты из истории советских времен стоит помещать в образовательных стандартах и учебнике и каким образом их толковать.

Много сомнений вызывает также вопрос, надо ли писать в новом учебнике о временах президентства Путина. Кажется, что президент лично не вмешивается в эти споры. Пока решено, что учебник должен заканчиваться на 2012 году, но не достигнуто соглашения относительно формы обсуждения двухтысячных годов. Большинство экспертов склоняется описать их как сухие факты, лишённые интерпретации, которые могли бы даже быть помещены в приложении к учебнику, актуализируемые каждые 2-3 года.²⁵

²² “Напишем историю вместе. Сергей Шахрай о том, что школе нужен wiki-учебник по истории”. www.gazeta.ru

²³ “История станет политкорректной”. school.historians.ru

²⁴ Marciniak W., *Konstruowanie wielkiego mocarstwa* (Wydawnictwo Sokół, Warszawa, 2013), 16–17.

²⁵ “В новом учебнике истории опишут период правления Путина”. izvestia.ru

Подводя итог, повторюсь ещё раз, что современная российская власть серьезно взялась за историю с целью формирования исторической памяти граждан Российской Федерации. Выбор фактов и их интерпретаций, о которых узнают из ученика молодые люди, обусловит их уровень знаний и, посредственно, исторического самосознания. Это откат назад в прошлое, где история была идеологическим инструментом власти с одной стороны и единый учебник истории, как постепенное решение двух современных российских проблем: 1. поиск государственно идеологии, например российского консерватизма и 2. национальной напряженности. Так, единый учебник может показать молодым людям, что татары, чеченцы, таджики и узбеки всегда жили рядом с нами и были частью нашей культуры, поэтому они часть Великой России. Как я уже излагал выше три пункта: Цивилизационный конфликт, Евразия и новое понятие народа.

Так же на итог, хочу отметить, что учебник затевается в стране, в которой главное средство массового поражения сознания – центральное телевидение – беззастенчиво лжет и манипулирует информацией, а государство работает как гигантский морозильник мозгов. Почему основной с идеологической и политической точки зрения учебник вдруг пойдет против официоза и начнет воспитывать уважение к ценностям свободы и достоинства, а не послушание и сервиллизм? Зачем вообще этой власти школа, в которой оценки ставят не за готовность «знать», а за умение думать?

Вариантов два. Либо напишут хорошую книжку, из которой ребенку будет ясно, что страну в который раз поворачивают вспять, в авторитарное и полутоталитарное прошлое. Либо учебник будет отменно реакционный... чем подтвердит то же самое.

Хотя, скорее всего, о результате никто не думает, а более озабочены созданием видимости, что все настолько в порядке, что самое время еще и так оформить апофеоз коммунального счастья. Поскандалив, но заодно переформатировав-таки список «лучших ученых».

Завершая, два печальных замечания. В советское время и преподавателям истории, и ученым, писавшим книги, надо было держать нос по ветру. Тем, кто не делал этого или в силу свободолюбия, или по оплошности, получали по голове очень сильно, часто это был запрет на профессию и невозможность преподавать. И я очень боюсь,

что если опять будет введен единый учебник, то это будет учебник для идеологической оценки деятельности педагогов.

Если же говорить о коллегах-историках, то выводы, конечно, делать рано, но, поучаствовав в нескольких дебатах, я увидел, что многие приняли свершившееся как данность. Дело сделано, никуда не денешься, будет один учебник, президент сказал – вперед. Теперь надо бороться за то, кто будет писать этот учебник, потому что это и деньги, и влияние на общество. О том, что сама идея единого учебника в нашей стране – это тлетворный запах «Краткого курса истории ВКП(б)», мало говорят. Люди не готовы бороться с глупостями власти, они готовы прислуживать. И это хуже всего.

Этот феномен интересный не только с точки зрения внутренней политики РФ, но и ее международных отношений (особенно с соседями, с которыми не все исторические вопросы согласены).

Я подчеркну лишь один момент: пока никто не знает, каким будет этот учебник. Каким он должен, быть, может, быть, уже сказано, но как это все будет развиваться, в какую сторону эволюционировать, пока не ясно.

**«ИМПЕРИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ РАЗРУШЕНА»:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
КОНСТРУИРОВАНИЯ «БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОГО»
НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО НА ПРИМЕРЕ
РУССКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.**

ЛАЗАРЕВ Я. А.

кандидат исторических наук

Уральский федеральный университет, Уральская государственная
архитектурно-художественная академия, Екатеринбург, Россия

9Lazarev@gmail.com

АБСТРАКТ: На данный момент, нам трудно сказать на сколько сознательно или подсознательно конструировались и воспроизводились отмеченные историографические механизмы, которые привели к некоторой мифологизации исторического прошлого. Однако, очевидно, что при отсутствии специальных, источниковедчески фундированных исследований в российской историографии процессу мифологизации способствовала и российская историческая наука, вынося свой важный исторический вердикт.

KEYWORDS: Переломных моменты, исторические альтернативы, историография, мифологизация, научный скепсис

В российской истории «уместилось» немалое число переломных моментов, которые потенциально могли привести к иным историческим альтернативам в развитии общества и государственности. В немалой степени это касается истории национальных окраин, существовавших в пределах Российского государства/империи. Что в их отношении представляло Российское государство/империя?

* Работа подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.) Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Если обратиться к историографическому опыту национальных историографий дореволюционного/советского/пост-советского времени, то работы учебного и специального плана рисуют нам вполне однозначную итоговую картину¹. Она заключалась в том, что административные и полицейские пути Российского государства/империи сдерживали творческий потенциал национальных культурных элит, а также мешали развитию национальной государственности. В этой связи логичным итогом своеобразного «противостояния» должно было стать разрушение/уничтожение Империи, на обломках которой вырастали национальные государства. Однако, насколько «безальтернативна» могла быть подобная развязка, учитывая тот факт, что исторический путь к такому итогу мог включать в себя периоды вполне плодотворного сотрудничества национальных и имперских элит, политического затишья и компромиссов?² Насколько переломные моменты в истории национальной государственности являлись «переломными»?

Возникающий научный скепсис заставляет произвести своеобразную пересборку ключевых событий национальных историй, т.е. проанализировать как происходило их конструирование в исторических работах, чтобы понять как творилась «предопределенность» исторических судеб и может ли она таковой считаться. В качестве наглядного примера мы обратимся к историографии истории Гетманской Украины в годы реформ Петра I.

Историографически на этот период приходится одно из «переломных» событий в российско-украинских отношений – измена/переход на сторону шведского короля гетмана И.С. Мазепы, что стало своеобразной исторической развилкой. Данная развилка как бы предопределила следующий вектор исторического развития – резкое сокращение привилегий одной из важных национальных окраин со стороны российского правительства и последующее выз-

¹ См., например: Аймермахер Карл, Бордюгов Г. ред., *Национальные истории в советском и постсоветских государствах* (М.: АЙРО, 2003); Бордюгов Г.А., *«Войны памяти» на постсоветском пространстве* (М.: АЙРО, 2011); Бордюгов Г., В Бухарев., *Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь* (М.: АЙРО, 2011).

² См., например: Миллер А., Ремнев А., Рибер А. ред., *Западные окраины Российской империи* (М.: НЛО, 2006).

ревание национального государственного проекта. Принято считать, что отмеченная развилка стала результатом действия петровских реформ. В их число историки разных поколений (российские и украинские) включают 1 губернскую реформу, реформ гетманского войска (создание «Украинской дивизии»). После измены Мазепы якобы в целях дальнейшего ограничения украинской автономии были введены институт резидентов при гетмане и Малороссийская коллегия. Казалось бы реальные исторические факты, сыгравшие роковую роль в исторических судьбах России и Украины. Однако, так ли была измена/переход гетмана И.С. Мазепой исторической развилкой? Была ли она предопределена теми реформами, что проводил Петр I?

В этой связи, будет уместно обратиться к анализу тех историографических сюжетов, что ставятся в «вину» Российской империи. Конечно, в рамках предлагаемого доклада не получится детально осветить интересующие нас сюжеты. Однако, мы попытаемся выделить те историографические механизмы, которые продолжают влиять на негативное восприятие российско-украинских отношений первой четверти XVIII в.

Первым по важности (но не хронологии) принято считать появление института киевских губернаторов и создание Киевской губернии в ходе проведения 1-й губернской реформы (1710–1710). Данные администраторы, согласно историографической традиции, ограничивали прерогативы гетманской власти в военной и гражданской сфере³. Практически все исследователи, затрагивавшие исто-

³ См., например: Щербина В.И., «Киевские воеводы, губернаторы и генерал-губернаторы от 1654 по 1775 г.», *Чтения в историческом обществе Нестора-летописца*. 1892, кн. VI, отд. II: 124–132; Борисенко В. И., «Административное устройство Левобережной Украины, Слобожанщины и Запорожья», в *История Украинской ССР*: в 10 т., т. 3 (Киев: Наукова думка, 1983), 267; Ткач А. П., Кульчицкий В. С., «Общественно-политический строй и право на Украине в период усиления феодально-крепостнического гнета (вторая половина XVII–XVIII в.)», в *История государства и права Украинской ССР*: в 3 т. / ред. кол.: Б. М. Бабий, т. 1. (Киев: Наукова думка, 1987), С. 157; Горобець В., *Пример Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I* (Київ: Б\и, 1998), 58; Горобець В., «Волимо царя східного...»: *Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава* (Київ: Критика, 2007), 276–277; Чухліб Т. В., *Секрети українського полівасалітету: Хмельницький – Дорошенко – Мазепа* (Київ: Видавничий дім «Киево-Могилянська Академія», 2011), 211–212.

рию создания Киевской губернии, отмечали, что вся или большая часть Гетманской Украины была включена в состав данной административно-территориальной единицы в ходе губернских реформ Петра I. Следовательно, вторжение в полномочия гетмана и кооптация территории Гетманской Украины в единую административно-территориальную структуру Российского государства просто не могло вызвать ответную реакцию со стороны гетмана И.С. Мазепы. Акция последнего, не возымев никакого политического эффекта, привела к череде репрессий при «пророссийском» гетмане И.С. Скоропадском.

Далее в число «переломных» событий следуют включить создание т.н. «Украинской дивизии»⁴. Согласно историографической традиции в 1706 г. на территории Гетманской Украины колоссальное военное формирование, которое включало подразделения Гетманской и Слободской Украин. Управление «Украинской дивизией» передавалось в руки российского генералитета. Во главе данного формирования в 1708 г. был поставлен гвардейский майор В. Долгорукий. Такой политический шаг российского правительства серьезно отразился на полномочиях гетмана в военной сфере и внес свою лепту в принятие того решения, что принял И.С. Мазепа в конце осени 1708 г.

Измена/переход И.С. Мазепы раскрутило маховик репрессий на Гетманской Украине. Следствием этого стало введение института резидентов при гетмане в историографии также рассматривается как важный этап на пути ликвидации «украинской» автономии. При этом данный институт не становился объектом специальных исследований. В историографии институт резидентов наделялся серьезными контролирующими функциями в отношении гетмана, который без санкции резидента не имел возможности принимать самостоятельные решения⁵.

⁴ См.: Апанович О.М., *Збройні сили України першої половини XVIII ст.* (Київ: Наукова думка, 1969); Сокирко О.Г., *Лицарі другого сорту: наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр.* (Київ: Темпора, 2006); Чухліб, *Секрети українського полівасалітету.*

⁵ См.: Бантыш-Каменский Д. Н., *История Малой России*, ч. 3. (М.: Тип. Семена Селиванского, 1842), 122; Грушевский М. С., *Иллюстрированная история Украины* (М.:

Кроме того, в конце правления Петра I была создана Малороссийская коллегия (1722 г.). В историографии отмеченное событие трактовалось как продолжение того же «ограничительного» курса, который Петр I наметил еще до измены И. С. Мазепы. Данный институт наделялся полномочиями, которые охватывали все сферы жизни Гетманской Украины (прежде всего, политическую и финансовую). Однако деятельность Малороссийской коллегии детально разбиралась лишь в специальных работах современного украинского историка В. Н. Горобца⁶.

Таким образом, работы, созданные профессиональными историками, демонстрируют перед читателями картину ужасающего имперского бытия, в которое попал украинский народ. Отмеченные интерпретации нашли свое отражение не только в национальной украинской историографии, но и в российской (особенно в работах Т.Г. Таировой-Яковлевой). Однако, обращение к источниковедческому анализу отмеченных интерпретаций показывает реальные исторические события несколько в ином свете.

Преобразования Петра I, пришедшиеся на 1707–1710 гг. (создание объединенного Белгородского разряда и Киевской губернии), изначально не предусматривали каких-либо посягательств на территорию Гетманской Украины. Под начало главы объединенного Белгородского разряда, а затем и Киевской губернии были переданы исключительно крепости шести «малороссийских» городов (Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль, Полтава, Пере-

«Сварог и К», 2001), 388; I Джиджора., *Україна в першій половині XVIII віку* (Київ: Б\и, 1930), 124; Дядиченко В. А., *Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII ст. – початку XVIII ст.* (Київ: Вид. Акад. наук Укр. РСР, 1959), 193–194; Слищан Б. Г., «Реформы местного управления», в *Очерки истории СССР. Период феодализма (Россия в первой четверти XVIII века: преобразования Петра I)*, ред. Б. Б. Кафенгауз, Н. И. Павленко, (М.: Изд. Академии Наук СССР, 1954), 338; Subtelny Orest, «Russia and the Ukraine: The Difference That Peter I Made», *Russian review* 39. no 1. (1980): 11–12; Горобець, *Присмерк Гетьманщини*, 64; Горобець, «*Волимо царя східного...*», 282–283; Гуржій О., *Гетьман Іван Скоропадський* (Київ: Б\и, 1998), 61, 63; Смолюк В. А. ред., *Нариси з історії дипломатії України* (Київ: Видавничий дім «Альтернативи», 2001), 199

⁶ Горобець В.М., *Малоросійська коллегія та реформа державного устрою України: 1722–1727 рр.* : дис... канд. іст. Наук (Київ: Б\и, 1993); Горобець, «*Волимо царя східного...*».

волочна). Что же касается создания «Украинской дивизии», то на поверку данное формирование оказывается и вовсе историографическим фантомом, существующим в историографии более 200 лет. С работы Е.Н. Апанович (1969) этот фантом, не подвергаясь историко-ведческой критике, начинает оказывать серьезное «влияние» на реконструкцию российско-украинских отношений первой трети XVIII в.⁷

Конечно, измена И. С. Мазепы породила определенный «кризис доверия» к элите Гетманской Украины со стороны Петра I. Следствием «кризиса доверия» стало создание института резидентов при гетмане, внедрение практики прямого назначения на полковничьи должности неподданных «гетманского регимента», появление «великороссийского» землевладения и сильных персон в лице военачальников крупных воинских соединений, а также создания Малороссийской коллегии. Вместе с тем эти новые явления не означали коренной ломки автономии Гетманской Украины и существенного падения влияния ее элиты. Более того, российское правительство официально закрепило за гетманами и институтами Войска Запорожского главенствующее положение в «Малой России». Кроме того, казацкая элита без каких-либо проблем стала налаживать устойчивые неформальные связи с российской правящей верхушкой, лоббируя личные интересы⁸.

Измена И. С. Мазепы также не сказалась на границах Киевской губернии и практиках ее управления. Киевский губернатор не обладал полномочиями в отношении Гетманской Украины, за исключением «государевых опасных малороссийских раскольничьих слобод», включавшихся в налоговую систему Киевской губернии.

⁷ Подробный разбор данного фантома см.: Киселев М. А., Лазарев Я. А., «Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о реалиях российско-украинских отношений накануне измены гетмана И.С. Мазепы (1706–1708)», *Славяноведение*, no. 2 (2013): 41–50.

⁸ См., например: Лазарев Я. А., «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в., в *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*, отв. ред. серии А. В. Доронин; сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен (М.: РОССПЭН, 2013), 425–432.

Такой порядок закреплялся в том числе документами, регламентирующими полномочия данных чиновников⁹.

Что же касается резидентов при гетманском дворе, то в действительности представитель царя при гетмане не имел тех полномочий, которые ему приписывала историографическая традиция. По своим обязанностям резиденты при гетманском дворе были скорее советниками и информаторами, не обладая прерогативами исполнительной власти. К тому же российское правительство направляло к гетману, прежде всего, профессиональных дипломатов, а не администраторов или военных. Статус и возможности, которыми обладал резидент, не позволяли ему каким-либо образом ограничивать полномочия гетмана. Скорее, наоборот, резидент мог зависеть от гетмана и должен был учитывать политические конъюнктуры. По этой причине в деятельности резидентов заметную роль играла не слежка за деятельностью гетмана и казацкой элиты, а выстраивание неформальных отношений с ними, в том числе доведение их личных интересов до высших кругов Российского государства. Также резидент являлся посредником в лоббировании интересов сильных «великороссийских» персон. Написанные резидентами аналитические обзоры особенностей местной политики не воплощались в какие-либо серьезные политические решения.¹⁰ При этом, работы, затрагивавшие его деятельность, опирались на узкую документальную базу, составленную, прежде всего, из опубликованных источников. При этом исследователи игнорировали значительный комплекс «черновых» писем резидентов, отложившийся в отечественных архивах.

Создание Малороссийской коллегии было продиктовано стремлением упорядочить функционирование высших органов власти Гетманской Украины и направить в царскую казну тех финансовых

⁹ См. подробнее: Лазарев Я. А., «Киевская губерния и Гетманская Украина в период первой и второй губернских реформ Петра I», *Известия Уральского федерального университета. Серия 2 (Гуманитарные науки)*, no. 2 (2012): 133–145; Лазарев Я. А., «Великороссийская» администрация в Гетманской Украине в 1708–1728 гг.: эволюция институтов и их статуса: дис... канд. ист. наук (Екатеринбург: Б\и, 2012), 60–207.

¹⁰ См. подробнее: Лазарев Я. А., «Глаза и руки ли государевы?»: роль резидентов при гетманском дворе в контексте российско-украинских отношений в 10-е гг. XVIII в., *Исторический вестник*, no. 6 (2013): 82–111.

потоков, которые должны были поступать в нее по соглашениям 1654 г. Петр I использовал «статьи» Б. Хмельницкого и решения по ним только для обоснования налоговых нововведений. При этом российское правительство практически не затронуло внутреннее самоуправление Гетманской Украины. Компетенция Малороссийской коллегии, с одной стороны, подразумевала лишение казацкой элиты серьезных доходов, с другой – регламентацию делопроизводства высших органов власти Гетманской Украины, не ставя под сомнение их «легитимность» для населения «Малой России». Несмотря на это в специальных и, по-своему уникальных, работах украинского историка В.Н. Горобца опускается анализ существенных фрагментов в документах, регламентирующих деятельность Малороссийской коллегии, спорно трактуется характер взаимоотношений чиновников Малороссийской коллегии с местной элитой, довольно поверхностно анализирует итоги функционирования Малороссийской коллегии и криминальной деятельности ее членов.

Сделанный нами краткий источниковедческий анализ «переломных» моментов в украинской национальной истории показывает спорность выстраивания единой концепции национального государственного строительства, которое якобы было уничтожено Петром I, что предопределило стремление к уничтожению «имперского господства» в последующее время. При изложении отмеченных сюжетов игнорировался значительный комплекс источников (опубликованных и неопубликованных), предвзято трактовались имевшиеся документальные свидетельства. Выделяемые в украинской национальной историографии «травматические места» скорее свидетельствовали о более сложных и неконфликтных отношениях, в которых сохранялась значительное место для социальной и политической самобытности на окраинах, нежели они становились жертвами некой имперской унификации.

В одном из своих выступлений французский социолог П. Бурдьё (1984) отмечал по поводу функционирования научного (университетского) сообщества, что всегда необходимо «объективировать объективирующего субъекта», т.е. позицию и построения исследователя. Последнее является существенным условием формирования объективного знания, ведь научное сообщество (в рамках Университета-Института-Академии) наделено правом выносить одни «из

самых могущественных социальных вердиктов» - определять, что есть Истина в социальном и физическом мире, диктовать, что важно для исторической памяти и т.д.

На данный момент, нам трудно сказать на сколько сознательно или подсознательно конструировались и воспроизводились отмеченные историографические механизмы, которые привели к некоторой мифологизации исторического прошлого. Однако, очевидно, что при отсутствии специальных, источниковедчески фундированных исследований в российской историографии процессу мифологизации способствовала и российская историческая наука, вынося свой важный исторический вердикт.

ОБРАЗ РОМАНОВЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

РОЛАНД ГАШПАР

магистрант

Будапештский университет им. Лоранда Этвеша,

Венгрия

gasparroland@vipmail.hu

ABSTRACT: Russian people go through a crisis of self-identity nowadays. We talk about the biggest country in the world, where different religions and cultures are mixed up. This crisis was caused by the dissolution of the Soviet Union. There were a lot of attempts to treat this ideological crises in the last twenty-five years. Why could not the Romanov-dynasty be the symbol of reincarnation of the nation? It is interesting to understand what today's government and people think about this question.

KEYWORDS: Династия, Романовы, образ, Россия, самоидентичность, символы, власть

*«Во как, люди разные, а страна одна»
(мультфильм «Мульти Россия»)*

Эпиграфом моей статьи я выбрал финальное высказывание из серии мультфильмов под названием «Мульти Россия»¹. Эта серия была создана для самого молодого поколения. Главный её посыл, мораль, которую в конце каждой серии изрекает пластилиновый медведь, следующая: *«Во как, люди разные, а страна одна»*.

В наше время Россия переживает кризис национальной идентич-

¹ <http://www.multirussia.ru/index.php?id=10> Серию анимационных фильмов сделали по заказу „Первого канала“. В рамках проекта, который начался в 2006 году, было запланировано 100 короткометражных (одноминутных) эпизодов. Создатели серии поставили своей целью показать регионы, города Российской Федерации и важные страницы ее истории. Проект не был закончен, в итоге только 44 эпизода увидели свет.

ности. Речь идет о самой большой по территории стране в мире, в которой сожительствоуют люди разных национальностей и религий. Корни этого кризиса уходят во времена распада СССР и последующего идеологического вакуума. В последние 25 лет различными способами пытались заполнить этот вакуум, но пока безуспешно.

Заново рождённая Российская Федерация стремилась сохранить свой великодержавный статус и изо всех сил старалась порвать с советским прошлым, подчеркнуть свои отличия от былого СССР. В то же время было очевидным стремление позиционировать себя как открытого партнёра для Запада. Для этого необходимо было изменить не только национальную идеологию, но и национальную символику. Какая же роль была уготована в этой новой идеологии наследию династии Романовых?

Возникшая неразбериха с национальными символами хорошо демонстрирует, каким тяжёлым был для России поиск нового пути. Он продолжается и сейчас. В конце 80-х годов встал вопрос о замене старых национальных символов новыми. Этот вопрос обсуждался 5-го ноября 1990-го года на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР². На повестке дня было несколько вариантов новой символики, но ни один из них не нашел полного одобрения у членов президиума. Выбирали между тремя вариантами: оставить советскую символику, придумать совершенно новую или вернуть в употребление исторические – в частности царские – символы. В итоге был реализован четвертый вариант: объединить традиционную имперскую и советскую символику.

Посмотрим, как воплотился этот симбиоз в российском флаге, гербе и гимне. 21 августа 1991 года на чрезвычайном заседании Президиума Верховного Совета РСФСР триколор был признан национальным флагом. Таким образом, официально стали использовать сочетание белого, синего и красного цветов, истоки которого относятся к концу 17-го века. То есть и триколор можно считать наследием семьи Романовых, – если мы примем точку зрения герольдмейстера Вилинбахова, который говорит о том, что царь Алексей

² <http://www.istrodina.com/gerb11.php3>

Михайлович Романов уже в 1667-м году использовал это сочетание цветов.³

Гербовый флаг (черно-желто-белый)⁴, который, по правилам геральдики, содержит главные цвета герба и когда-то был символом семьи Романовых, не стал официальным символом новой России.⁵

Что касается герба, то решение о нём было принято в 1993-м году. После продолжительных споров геральдический совет отверг идею сохранения романовского герба (черный двуглавый орел на золотом фоне)⁶. Вместо него утвердили изображение золотого двуглавого орла на красном фоне, который существует и по сей день.⁷ Но орел остался, хотя это не совсем наследие семьи Романовых.⁸ Изображение двуглавого орла начали использовать ещё раньше.⁹ Тем не менее, как утверждает историк Вильям Похлёбкин, *«орел никогда не имел никакого национального символического значения. Он употреблялся в двуглавом изображении как эмблема царизма в течение почти 450 лет»*¹⁰. Поэтому этот символ и по сей день неотделим от династии Романовых.

Также в гербе новой России остались и три исторических короны Петра Первого. Правда, их настоящее происхождение не совсем ясно.

³ Это сочетание цветов впервые появилось на первом российском военном корабле. Еще царь Алексей Михайлович заказал его строительство. В строительстве принимали участие голландские мастера. Капитан построенного фрегата «Орёл» был также голландцем по имени Батлер. По некоторым версиям, именно поэтому цвета голландского флага попали на российский корабль.

⁴ <http://www.istrodina.com/gerb2.php3>

⁵ Сегодня он считается флагом русских националистов, его можно всегда увидеть на «Русском марше» и других мероприятиях праворадикалов.

⁶ <http://www.istrodina.com/gerb6.php3>

⁷ Создатель нового герба художник Евгений Ильич Ухналёв (род. 1931). В 1998 году он стал ведущим художником Государственного Эрмитажа. Художник является автором многочисленных государственных наград и медалей.

⁸ Символом династии было изображение птицы грифона.

⁹ <http://www.istrodina.com/gerb3.php3>

¹⁰ Похлёбкин В.В., *Словарь международной символики и эмблематики*. (Международные отношения, Москва, 2001), 295.

Утверждение же нового российского гимна по-настоящему затянулось. С 1993-го года – правда, не совсем официально – по инициативе Бориса Ельцина, использовали «Патриотическую песню»¹¹ Глинки¹². Она недолго могла выполнять роль гимна, так как исполнялась без слов, и люди не могли полностью прочувствовать ее смысл. Поэтому вопрос гимна снова встал в 2000-м году. Тогда, несмотря на общественный протест, была возвращена мелодия советского гимна. В сегодняшней версии он существует с 25 декабря 2000 года¹³, и в этом смысле наследие Романовых было забыто.

Интересно все же, что Борис Ельцин хотел утвердить «Патриотическую песню» Михаила Глинки в качестве национального гимна. Я считаю, что намерение Ельцина было попыткой – правда, неудачной – оживить наследие Романовых. Известно, что другое произведение Глинки, опера «Жизнь за царя»¹⁴, было долгое время символом русского патриотизма. Сразу после написания композитором оно обозначало преданность царю и царской власти.

История создания российского гимна относится к началу 19 века. В 1833 году Николай Первый издал указ о создании национального гимна. Алексей Львов¹⁵ написал музыку, а Василий Жуковский¹⁶ сочинил к ней текст. Так был создан гимн под названием «Боже, Царя храни!», который был в обиходе с 1833 по 1917 годы. После

¹¹ Глинка написал эту песню в 1834-м году, в его рукописи она значится под французским именем «Motif de chant national», что означает «национальный песенный мотив»!

¹² Михаил Иванович Глинка (1804–1857) – основоположник русской классической оперы. Родился в благородной помещицкой семье.

¹³ http://www.constitution.ru/symbols/anthem_fcz.htm

http://www.constitution.ru/symbols/gerb_fcz.htm

http://www.constitution.ru/symbols/flag_fcz.htm

¹⁴ Премьера оперы „Жизнь за царя“, которая состоялась в 1836 году, имела большой успех. История Ивана Сусанина стала нарицательной. История простого крестьянина, который отдает свою жизнь за царя и отечество, была актуальной. Из оперы сделали орудие пропаганды, чтобы восстановить веру народа в царя и царскую власть. В этом была особенная потребность после Отечественной войны 1812 года, унесшей жизни огромного числа русских.

¹⁵ Алексей Федорович Львов (1798–1870) – известный русский скрипач, дирижер и музыкальный критик.

¹⁶ Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) – русский поэт, переводчик и литературный критик.

1917 же года много мелодий и текстов сменили друг друга в статусе российского гимна.¹⁷

Если мы говорим о самоопределении нации, то кроме национальных символов, важно, кого эта нация возводит в ранг великих деятелей, народных героев. В этом смысле интересным примером служит телевизионное шоу «Имя Россия»¹⁸ (2008 г.), в финале которого были выбраны 12 главных героев российской истории. Правда, это было сделано при весьма сомнительных обстоятельствах.¹⁹

В итоге программы выиграл Александр Невский, за ним – с отрывом всего в несколько тысяч голосов – последовал Столыпин. Сталин получил «бронзовую медаль», оказавшись на третьем месте. Но где же Романовы? На пятом месте находим Петра Первого, а на 11-м и 12-м, последних местах разместились Екатерина Вторая и Александр Второй соответственно. Так проголосовала общественность.

Отдельного внимания заслуживает рейтинг так называемых при-связных, каждый из которых защищал одного из 12 исторических

¹⁷ Музыку советского гимна написал Александр Васильевич Александров (1883–1946). Он выиграл конкурс еще в 1943 году своим «Гимном партии большевиков», написанным ранее. Известен еще тем, что возглавлял Ансамбль красноармейской песни, созданный в 1928 году. Сейчас ансамбль носит имя бывшего руководителя: «Академический ансамбль песни и пляски Российской Армии имени А. В. Александрова». Слова гимна написал Сергей Владимирович Михалков (1913–2009). Известный советский писатель родился в Москве в дворянской семье. В 1930-х годах стал известен прежде всего своими произведениями для детей. В 1943 году именно его текст гимна был признан советским руководством лучшим из всех, представленных на конкурс. Немногие знают, что не он один написал текст гимна. Габриэль Эль-Регистан (1899–1945) был соавтором. После смерти Сталина, по указанию Хрущева, текст из советского гимна убрали, потому что он содержал восхваляющие Сталина строки. В 1977 году, по указу Брежнева, Михалков переписал текст гимна, который использовался вплоть до 1991 года. Однако и слова нынешнего гимна были написаны тоже Михалковым.

¹⁸ <http://www.nameofrussia.ru/> Полное имя: Имя Россия Исторический выбор 2008. В первом раунде телевизионного шоу список из 500 персон, выбранных Институтом российской истории РАН, сократили до 50. После этого, по результатам голосования 45 миллионов людей, список уменьшился до 12 персон. Последних распределили по местам рейтинга на основании смс-голосования.

¹⁹ В самом начале голосования пальму первенства удерживали Ленин и Сталин. Но позже из-за некой „хакерской атаки“, как ее охарактеризовали организаторы, которая помогла вывести Сталина в лидеры, несколько миллионов голосов оставили неучтенными и запустили повторное голосование.

персонажей. Присяжными в этом проекте были известные личности, большинство из них – близкие к власти. Упомяну лишь некоторых: Никита Михалков, Илья Глазунов, митрополит Кирилл, Сергей Миронов, Дмитрий Рогозин. Интересным образом рейтинг присяжных сильно отличался от результатов народного голосования. И здесь выиграл Александр Невский, встав на одной ступени с Пушкиным. Но вот цари, а также Ленин и Сталин оказались на других позициях. На пятом месте Александр Второй, на седьмом Петр Первый, а на восьмом Екатерина Вторая. Сталин же, который, по результатам общественного голосования, попал на третье место, у жюри оказался лишь на предпоследнем. Последнее место члены жюри присудили Ленину.

Думаю, без преувеличения можно сказать, что это шоу западного типа было самым большим экспериментом в России постсоветского периода, который имел своей целью заменить старую национальную идентичность на новую. По выражению профессора Дюлы Свака, «в России, пережившей смену общественного строя, шоу *«Имя Россия»* стало крупнейшей попыткой повлиять в желаемом направлении на исторические взгляды масс с целью заменить новой идентичностью старую, утерянную вместе с социализмом».²⁰

Анализируя результаты шоу «Имя России», можно сказать, что точка зрения на эту проблему общественности в значительной степени отличается от той, что имеет российская власть. Однозначно, что нимб Петра Первого, который в 90-е годы был настоящей «звездой», постепенно исчезает. Наверное, это неслучайно, потому как Петр Первый был одним из тех немногих царей, которых «терпело» советское руководство. Сталин даже поражался его личности. Не говоря уже о том, что именно Петр Первый хотел во что бы то ни стало приблизить Россию к Европе. Ведь именно он «прорубил окно в Европу». А вот в современной России это не считается заслугой. Ведь политическая риторика современной России такова: Россия не Европа, у России свой путь.

В этом контексте, наверное, не будет преувеличением утверждать, что российская власть хочет снять корону с головы Ленина и Ста-

²⁰ Свак Дюла ред., *Двенадцать имен России*. (Книги по русистике XXXV. Будапешт, 2012), 8.

лина.²¹ Ну или хотя бы отделить образ Сталина от победы в Великой Отечественной Войне. Пока ещё эти стремления не могут выражаться явно: живо ещё то поколение, для которых Сталин не просто историческая фигура²². И все же, если эти фигуры удастся лишить звания святых, кого поставят на их место? Возможно, Романовых?

Именно поэтому важно понять, способна ли династия Романовых стать объединяющим символом новой сильной России. Интересно, как власть относится к царской семье, насколько использует ее историческое наследие для легитимации своей риторики. Тема Романовых в сегодняшней России пока неочевидна. Но почему нет? И как в наши дни формируется образ династии Романовых? Какой «имидж» возникает в народном сознании? И чем он подпитывается?

Как это ни покажется странным, Романовы сегодня уже не часть исторической памяти. Как цитирует газета «Коммерсант» члена правления общества «Мемориал» Яна Рачинского, у людей наблюдается *«отсутствие исторических знаний и исторической рефлексии – люди говорят о мифах, а не о реальных фигурах»*.²³

Эти мифы расцветают и сегодня. Мифы, которые зародили в советское время. Тогда, после уничтожения династии Романовых, целью советской власти было дискредитировать царскую семью. Для этого использовали настоящий «черный пиар».²⁴ Особенно он касался Николая Второго и его семьи, но распространился и на всю династию.

²¹ Вспомним, например, споры по поводу появления портрета Сталина на параде победы 9-го мая, а также по поводу перезахоронения Ленина.

²² В наши дни в России память о Второй Мировой Войне – самая значительная формирующая общественное мнение сила, которую и власть с удовольствием использует в своей риторике. Конечно, это понятно и неудивительно. Однако в истории Советского Союза есть не только достопамятные, великие моменты, а личность Сталина и сегодня вызывает много вопросов. И все же кроме памяти о Великой Победе, - возможно, еще спорт обладает подобной силой – пожалуй, сегодня нет такой исторической «опоры», наследия, которое смогло бы несмотря ни на что связать воедино российский народ.

²³ <http://www.kommersant.ru/doc/2194078>

²⁴ Есть лишь немного исключений из этого правила. Лишь несколько царей выбрали из «общей массы», чтобы использовать их в советской идеологии. Как я отмечал ранее, среди таких царей был и Петр Первый.

Известный пример тому – поддельный дневник Анны Вырубовой²⁵, фрейлины великой императрицы. В 1927 году в петербургском издании «Минувшие дни» начали печатать дневники придворной дамы.²⁶ После публикации многие стали утверждать, что дневники поддельные. Редакторы петербургского журнала не смогли подтвердить подлинность документов, которые послужили основой публикации, к тому же сама Анна Вырубва, находившаяся на тот момент в эмиграции, назвала поддельные публикации ее дневника плодом «*большевистской пропаганды для сенсации среди легковых людей*»²⁷.

Умалчиванием и «черным пиаром» в советское время историю династии Романовых просто прервали, «вынули» из народной памяти. А уже после смены режима в первую очередь рынок и бизнес взял императорскую семью в оборот.

Имя Романовых сегодня означает категорию люкс. Использование этого имени – отличный маркетинговый ход. Во всем мире с его помощью успешно рекламируют самую разную продукцию: будь то часы, водка, сигареты, матрас, коньяк, икра или любой другой продукт, который нужно позиционировать в категории люкс.

Поэтому неудивительно, что как в России, так и за рубежом, можно найти массу товаров²⁸ и услуг под брендом Романов (Romanoff²⁹), или тому подобных. Огромное количество водочных и других алкогольных брендов выпускают с портретами или именами царей.³⁰

²⁵ Анна Александровна Вырубова (1884–1964) фрейлина и ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны.

²⁶ <http://annales.info/rus/books/vyrubova.htm>

²⁷ <http://www.lib.ru/POLITOLOG/KOZLOW/klio.txt>

²⁸ Например, популярные российские сигареты марки «Петр Первый», которые выпускаются с 1996 года.

²⁹ Так же, как и в имени «Romanoff», отличительной чертой российских эмигрантов, которые уехали из России после революции 1917 года, стала двойная буква «ф» в конце фамилий. Большинство предпочитало так использовать свои имена. Позже даже возникла мода на двойное «ф» вместо «в» в конце фамилий, что помогло «раскрутить» не один товарный бренд. Это имя подчеркивало уходящие в глубь веков традиции товарного знака (даже если это было лишь легендой).

³⁰ Я насчитал более 20-ти различных алкогольных напитков с «царским» брендом. Для венгров это странно, поскольку в Венгрии очень редки случаи, когда та или иная историческая фигура дает название бренду.

В России даже в телевизионной рекламе можно встретить представителей царской династии. Достаточно привести в пример только два рекламных ролика - рекламу презервативов³¹ и рекламу сухариков³² - чтобы понять, что это жестокий рекламный ход, который не с должным уважением рисует портрет Романовых.

В СМИ регулярно появляются материалы, которые проводят параллель между актуальной российской политикой и царским режимом. В последнее время, например, можно было заметить, как Владимира Путина различные журналисты сравнивают с Александром Третьим. Политолог Караганов, к примеру, в интервью «Ежедневному журналу» выразил свое мнение о том, что нынешнее состояние российской политики напоминает то, которое было при Александре Третьем: «*На мой взгляд, период больше всего похож на правление Александра III. Он «подморозил» страну.*»³³

На эту же тему рассуждают Александр Ахиезер, Игорь Клямкин и Игорь Яковенко. В 2013 году вышла их книга под названием «История России: конец или новое начало?», в которой авторы отдельную статью посвятили сравнению Путина с Александром Александровичем Романовым.³⁴

В политике также время от времени появляется тем царизма, что по большей части критикуется в средствах массовой информации. Вспомнить хотя бы спор по поводу замены красной звезды на башнях Кремля двуглавым орлом.³⁵ Подобные попытки всегда вызывают неоднозначные чувства у общественности. Можно видеть, как возникает некий анти-культ. Журналисты и СМИ копируют друг

³¹ <http://www.videosostav.ru/video/90e8df36c95f1e92ca5451de2429a8b3>

³² <http://www.videosostav.ru/video/c7ef2e6ddedcd194b9b10462d77b3645/>

³³ <http://globalaffairs.ru/pubcol/Itogi-goda-Pomoch-sebe-i-strane-16302>

³⁴ Ахиезер Александр, Клямкин Игорь, Яковенко Игорь, *История России: конец или новое начало?* (Фонд «Либеральная Миссия», Москва 2003), 447–451.

³⁵ Российский философ и социолог Александр Ципко в 2010 году настаивал на том, чтобы со Спасской башни Московского кремля убрали красную звезду, а вместо нее возвратили двуглавого орла, который венчал башни Кремля до 1935 года. Дискуссию об этом показали в одном телевизионном шоу-поединке. Во время шоу телезрители проголосовали резко против инициативы Ципко. http://www.people.su/youtube_video-poedinok-3-aleksandr-cipko-vs-mikhail-veller-1

друга, возникают пародии, и этот процесс не остановить. Это легко можно заметить на примере Путина и Медведева.³⁶

То, что в наши дни утеряно наследие самой значительной династии в российской истории, нельзя объяснять попросту тем, что это далекая история и с тех пор прошло много времени. Советский режим запретил этой семье жить в народной памяти и сердцах людей. У Романовых, особенно это касается Николая Второго и его семьи, не было возможности остаться в народном сознании. Пока историческая наука не получит возможность свободно, вне всяких идеологий исследовать историю семьи Романовых; пока политики не сделают решительных шагов во имя сохранения наследия Романовых, - нам останутся только сигареты, водка и сухарики с презервативами. А это неверный путь сохранения памяти великой династии.³⁷

³⁶ http://yandex.ru/images/search?p=1&text=%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BD%20%D0%BF%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B6%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0%20%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B9&img_url=http%3A%2F%2Fwww.pervouralska.net%2Fforum%2Fkartinki%2F002rg8k5.jpeg&pos=33&uinfo=sw-1366-sh-768-ww-1349-wh-624-pd-1-wp-16x9_1366x768&rpt=simage&_=1404144745030&pin=1

³⁷ Я хочу выразить благодарность Агнеш Немет за любезно предоставленную мне библиографию.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

CULTURAL HISTORY

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ «ЧУДО» И «ЧУДЕСНОЕ» В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ 1920-х–1930-х ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

Буткова О. В.

кандидат культурологии

Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

olga-maly@mail.ru

АБСТРАКТ: В Советской России после 1917 года не только кинематограф, анимация, театр, литература, но и пластические искусства не могли существовать вне официального одобрения, а стало быть, и идеологии. Уже в 1920-е годы начала активно действовать идеологическая цензура. Одна из главных ее целей – внушить массам, в особенности же подрастающему поколению, материалистическое мировоззрение, в соответствии с марксистской доктриной. Соответственно, все «чудесное» и даже иррациональное рассматривалось как пережиток «буржуазной» идеологии.

KEYWORDS: 1920-е годы, сказки, новая идеология, утилитарность, отсутствие мистики, чудо

В Советской России после 1917 года не только кинематограф, анимация, театр, литература, но и пластические искусства не могли существовать вне официального одобрения, а стало быть, и идеологии. Уже в 1920-е годы начала активно действовать идеологическая цензура. Одна из главных ее целей – внушить массам, в особенности же подрастающему поколению, материалистическое мировоззрение, в соответствии с марксистской доктриной. Соответственно, все «чудесное» и даже иррациональное рассматривалось как пережиток «буржуазной» идеологии.

В 1920-е годы из российских библиотек безжалостно изымались сказки – под запрет попадают Андерсен, Ершов, Мамин-Сибиряк. Молодая советская педология – наука о развитии ребенка – была решительно настроена против сказки как таковой. Всерьез велась дискуссия о том, не наносит ли вред ребенку «Курочка Ряба».¹ Была

¹ См. Блюм А.В., За кулисами «Министерства правды» (СПб., 2004).

развернута целая кампания против «чуковщины»² под предводительством Н.К.Крупской; травля, в конце концов, вынудила поэта к публичному покаянию в «Литературной газете». Запрет на сказку не был тотальным, – так, в 1924 году вышел фильм Ю. Желябужского «Морозко». Но, как бы то ни было, волшебная сказка в 20-е годы все чаще заменяется сатирической или дидактической, в особенности политизированной.

Возникали и такие сказки, которые новой идеологии соответствовали. Чудесное в них выглядит как условность, допущение или же вовсе исключается. Место чуда занимают новейшие достижения техники. Над такими детскими книгами – в которых изображение играет не меньшую роль, чем текст – работает много замечательных художников – Эль Лисицкий, К. Петров-Водкин, М. Цехановский, В. Лебедев и многие другие. В их творениях мы видим не только разрушение старого мира, но и бурное становление нового прекрасного мира машин и совершенных людей.

Представители авангарда приветствуют революционные изменения, стремясь к построению новой культуры с нуля. Отношение к фольклору вообще и, в частности, к народной сказке, в культуре авангарда остается двойственным. С одной стороны, традиционная культура подвергается отрицанию и осмеянию. К «новому» искусству предъявляются требования утилитарности и отсутствия мистики. С другой стороны, авангардные произведения обнаруживают черты глубинного сходства с явлениями ярмарочной и карнавальной культуры (разного рода цирковыми и балаганскими представлениями), то есть, огромным пластом фольклора. Одно из объяснений заключается в том, что ярмарочным жанрам чужда идея непрерывности и преемственности: напротив, они наполнены символикой перехода, катастрофического обновления, смены, смерти-воскресения. Излюбленным жанром «левых» художников становится масовое празднество, в котором заметно присутствие карнавального, балаганного начала. В кинематографе и анимации также происходит слияние сказки с балаганом. Однако в 20-е годы с их культом машины балаган этот скорее механистичен, чем волшебен. Особенно

² См. Блум, За кулисами «Министерства правды»; Петровский М., Книги нашего детства. (СПб., 2008).

очевидно это в мультфильмах Михаила Цехановского: трюк занимает место чуда.

Фильм Юрия Желябужского «Морозко» 1924 года был попыткой создания внеидеологической сказки. Вернее, в картине присутствовала актуальная идея технического прогресса – но не в сюжете, а в самом замысле фильма, стремлении создать техническими средствами наиболее убедительную иллюзию. Режиссер вспоминал: «Новая осветительная техника позволила, например, дать в фильме эффект настоящего солнечного света при съемке декораций и ряд световых ракурсов. Старыми, давно известными приемами, но удачно была решена задача такого показа Мороза, чтобы юные зрители поверили, что это не ряженный дед, а действительно фантастическое существо — сказочный Дед Мороз. (...) Но вот он отряхнулся, тяжело ступая, сделал несколько шагов и вдруг, перевернувшись в воздухе, птицей взлетел на высокую ветку сосны (обратная съемка). После этого никто из юных зрителей не сомневался, что это самый всамделишный Мороз».³ Основной задачей при создании фильма-сказки становится изобретение и убедительное преподнесение визуальных эффектов. С атмосферы волшебства акцент переносится на технику иллюзии.

Фантастика допускалась авангардистами как средство для преобразования самой действительности. Так, Гройс приводит слова Бориса Арватова, одного из ведущих теоретиков продукционистского ЛЕФа: «Изобразительное искусство как искусство фантазии можно считать тогда оправданным, когда оно играет для его создателей, равно как и для всего общества, роль предварительной подготовки к переделке всего общества».⁴

Ярким примером ранней советской фантастики можно назвать фильм «Аэлита» Якова Протазанова по одноименному роману А.Н.Толстого. В воспроизводится традиционное сказочное путешествие в волшебный «Иной мир», на неизведанную планету, где живет красавица-принцесса Аэлита (несомненно, напоминающая

³ Желябужский Ю., *Мастерство советских операторов. Краткий очерк развития.* [Электрон.дан.] – Электронный ресурс. – Код доступа: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/95/>

⁴ См.: Гройс Б., *Утопия и обмен.* (М., 1993), 31.

сказочную героиню – вернее, ее «губительную» ипостась). Однако в финале инопланетный мир оказывается только грезой ученого-романтика, и выясняется, сто мир реальный не скучен, а полон чудес, и в нем скоро станут реальностью межпланетные полеты.

Протазанов, прошедший школу немецкого экспрессионизма, создавая «Аэлиту», сотрудничает с немецкими профессионалами. Тем не менее, в «Аэлите» есть очень важное отличие от фильмов Вине и Мурнау, где основное внимание было сосредоточено на губительных иррациональных силах. У Протазанова торжествует трезвая реальность, Аэлита – лишь продукт воображения, а будущее на самом деле прекрасно. «Преобразование действительности» наглядно явлено в фильме – вначале бесконечные потоки беженцев, в финале налаженный быт. Техника – средство для преображения реальности, и космический корабль нужен не для бегства на иную планету, но для обустройства собственной. Все «сказочное», что связано не с техникой, но с фантазией, беспощадно отбрасывается.

«Новая» сказка пришла в культуру одновременно с новыми визуальными стратегиями. С точки зрения «левых», волшебная сказка – часть наследия, с которым необходимо расстаться во имя построения нового мира. Таково было мнение не только отечественных художников-авангардистов; художественные течения, провозглашавшие отказ от традиции, решительно и громко порывавшие с прошлым, с образом устоявшегося мира, существовали в разных странах Европы; однако лишь в России сложилась уникальная ситуация попытки воплощения авангардной утопии на практике. Авангардная утопия своим техницизмом была противоположна утопии сказочной. В «лишенной волшебства» сказке 20-х годов мы видим развитие нескольких тенденций: сказка политизируется (сказка-митинг, сказка-плакат), разрушаются привычные формы, сюжеты, логические связи (абсурдная сказка-игра), сказочные чудеса объясняются естественными причинами, законами науки (научная фантастика).

В 1930-е годы намечаются иные тенденции. Официальная советская идеология, начиная с середины 1930-х годов, проявляет все более заинтересованное отношение к народной традиции и, соответственно, порождает новый подход к фольклору, который, как констатируют историки, «рекомендуется как образец для профес-

сионального искусства».⁵ Возврат к архаике, мифу, ритуалу принимает совершенно иные формы, нежели в эпоху господства авангарда. Классика и фольклор используются для утверждения легитимности советской власти, ее способности наследовать все лучшее, что было накоплено традиционной культурой. Индикатором происходящих в культуре изменений становится отношение официальной идеологии к волшебной сказке. В середине 1930-х годов идеологический вектор меняется. Официальная идеология поворачивается лицом к «народности» и «классике», начинает активно использовать образы мифа и фольклора, которые вскоре проникают во все сферы художественной культуры. Сказка, как один из наиболее популярных фольклорных жанров, начинает отвоевывать свои позиции в культуре. Другое дело, что она возвращается в упрощенном, выхолощенном и удобном для властей виде.

Одним из заключительных этапов официального возвращения апологии «чудесного» в советскую культуру и жизнь становится письмо видного партийного деятеля П.П. Постышева в газете «Правда» от 28 декабря 1935 года о том, что необходимо вернуть детям елку (запрещенную в 1920-х годах). Эта публикация была воспринята исполнителями на самых различных уровнях как руководство к немедленному действию. Разумеется, письмо не могло быть личной инициативой Постышева, но частью глубоко продуманной кампании руководства партии. Возвращение елки также знаменовало собой возвращение к традициям – а главное, к реабилитации чудесного, которое представлялось допустимым, по крайней мере, в новогоднюю ночь. Хотя елка не принадлежит к числу древних народных традиций, она становится паллиативом религиозной обрядности, подменяет собой религиозный праздник рождества. Повествование о рождении Христа заменялось новогодней сказкой, что, в свою очередь, отчасти соответствовало древней традиции: рассказывание сказок, особенно в период Рождества и Святков, было частью традиционного быта.

Авангардная «сказка без сказки», сказка, лишенная чуда, отныне несовместима с официальной идеологией. В той же газете «Прав-

⁵ Clark K., *The Soviet Novel: History as Ritual*. (Chicago and London, 1981), 128.

да» от 1 марта 1936 года была опубликована статья «О художниках-пачкунах», разгромная по отношению к художникам детской книги, прежде всего, иллюстраторам сказок, чьи устремления были в той или иной степени связаны с авангардом: Владимиру Конашевичу, Владимиру Лебедеву, Татьяне Мавриной, Юрию Васнецову. Эта публикация опять-таки была частью организованной кампании: почти одновременно в «Комсомольской правде» появилась статья «Мазня вместо рисунков. Формалистическим выкрутасам не место в детской книге», были и другие в том же духе.

В 1930-е годы киноиндустрия активно включается в процесс создания новых сказок на основе фольклорных. Двумя наиболее заметными режиссерами-сказочниками 30-х – 50-х годов становятся Александр Роу и Александр Птушко. Наибольшую верность духу и букве фольклорных сюжетов демонстрирует творчество А. Роу. В 1930-х – 40-х годах он создал несколько знаменитых фильмов – «По щучьему велению», «Василиса Прекрасная», «Кошечей Бессмертный». Они стали своего рода каноном, образцами, по которым работали многие кинематографисты до 70-х годов включительно.

Интересна трактовка «чудесного»: так, волшебство могло быть заменено в сказке 1930-х годов... трудовым подвигом. Если в народной сказке Василиса творит чудеса с помощью волшебства, то в фильме Роу «Василиса Прекрасная» героиня выполняет непомерно трудное задание, усердно трудясь в поле.

Особого внимания заслуживает изображение в советской сказке отрицательных персонажей, придерживаясь проповедской терминологии, «вредителей». В. Паперный в книге «Культура 2» убедительно демонстрирует, как образ социально чуждого врага в сталинской культуре последовательно сменялся образом врага внешнего.⁶ Тот же процесс можно проследить и на примере киносказки. Место классового врага постепенно занимает враг inferнальный, из иного мира. Так происходит демонизация зла – оно имеет в фильмах 1930-х годов необъяснимые, иррациональные причины. Если в фильме «По щучьему велению», созданном в 1938 году, большое внимание уделялось сатирическому образу царя Гороха (представителю чуждого класса), то в картинах 40-х годов главными отрицательными

⁶ Паперный В., *Культура Два*. (М., 1996), 96.

героями уже становятся демонические персонажи, пришельцы из иного мира, недвусмысленно воплощающие собой внешнюю угрозу.

Характеры хтонических персонажей, обитающие на границе с «иным» миром, в фольклорной сказке (в отличие от советской) отличаются известной амбивалентностью. Они могут быть и опасны, и справедливы. Наиболее распространенный пример – Баба-Яга, в народной сказке испытывающая главных героев и зачастую одаривающая их. В «Василисе Прекрасной» Александра Роу Баба-Яга – безусловно, отрицательный персонаж. Она относится к героине с ничем не мотивированной ненавистью. Иррациональное зло – одна из мифологем сталинской эпохи. Зло – чудо со знаком «минус» – привлекает к себе все больше внимания.

Некоторые «враги» вызывают смех, другие пугают. В первой сказке Александра Роу «По щучьему велению» враги только смешны и бессильны. В «Василисе Прекрасной» тоже появляются представители классово чуждых слоев – дворянская и купеческая дочери. Они хоть и совершают вред, но, в общем, большой опасности не представляют. Однако в этом же фильме другие враги становятся по-настоящему страшными. Георгию Милляру удается создать яркий и очень близкий к фольклорному образ Яги. Интересно, что он подчеркивает в своей героине именно те черты, которые выдают ее принадлежность к подземному царству мертвых. Она горбата, носата, клыкаста – исключительное уродство говорит об «исключенности» из обычного мира. То же самое означают лохмотья – рванье воспринимается как «анти-одежда». Именно так одевались ряженные во время святочных обрядов, которые символизировали процессии гостей из иного мира. Сходными чертами наделяется Баба-Яга и в мультфильмах «Ивашко и Баба-Яга» сестер Брумберг, «Гуси-лебеди» А. Снежко-Блоцкой. В «Кощее Бессмертном» злу уделяется столько внимания, что оно даже выносится в заглавие. Фильм вышел в 1943 году, так что здесь, без сомнения, Кощей, нападающий на русскую землю, жгущий города и деревни, ассоциируется с гитлеровской Германией. Это абсолютное, беспримесное зло, которому не может быть ни объяснения, ни прощения.

«Художник в эпоху соцреализма не должен воспроизводить эмпирическую действительность» – убедительно доказывает Гройс, и популярность сказки в сталинское время – явное тому подтвер-

ждение. По его определению, соцреализм есть «реализм мечты»,⁷ тем более, что мечта, как уже выяснилось, должна совпадать с действительностью. «Типическое социалистического реализма есть ставший наглядным мир сталинской мечты», – емко формулирует исследователь.⁸ Н.Хренов отмечает угасание «документального принципа» в культуре 30-х годов. Он указывает на настойчивые аналогии между жизнью и сказкой, появляющиеся в речах писателей и режиссеров.⁹ Интересен еще один аспект: в советской культуре сталинского времени утопию перестают относить к неопределенному будущему, она воспринимается как свершившийся факт, сбывшаяся мечта. Убедительный пример: в фильме А.Птушко «Золотой ключик» папа Карло поет песню о волшебной стране.

Далеко-далеко, за морем,
Стоит золотая стена.
В стене той заветная дверца,
За дверцей большая страна.
(...)
В стране той - пойдешь ли на север,
На запад, восток или юг -
Везде человек человеку
Надежный товарищ и друг.

Разумеется, это песня о современной авторам стране Советов, где, по мысли авторов, мечты исполнились, история завершилась, и все могут жить долго и счастливо. Неважно, что настоящая страна Советов имеет мало общего с этим песенным образом – «реализм мечты» не претендовал на правдивость и узнаваемость изображения. Напротив, жизнь должна была попевать за мечтой и сказкой.

Стирание граней между сказкой и былью, мечтой и реальностью – таков лейтмотив различных произведений сталинской эпохи. При этом особенно важным становится умение создать иллюзию «материальности» чуда. В фильмах Птушко, как отмечает Прохоров,

⁷ Гройс, *Утопия и обмен*, 52.

⁸ Гройс, *Утопия и обмен*, 52.

⁹ Хренов Н., *Воля к сакральному* (СПб., 2006), 474.

сказка стремится приблизиться к реальности: «Птушко, благодаря мастерскому иллюзионизму сконструированных им комбинированных кадров, создал классическую советскую киносказку, в которой через профанное настоящее проступают черты «дивного нового мира» грядущей утопии. В фильмах Птушко спецэффекты не усиливают фантастическое начало, но натурализуют фантастическое и чудесное как часть реального мира киноповествования. ... В отличие от мира монтажного кино, в котором монтаж как главный киноприем, обнажен, в сказке Птушко трюк, созданный монтажом, предельно натурализован».¹⁰ Смысл состоит в размывании и полном исчезновении линии, отделяющей сказку от сегодняшнего дня: «Повседневная реальность мутировала в чудесную высшую реальность прямо на глазах у зрителей».¹¹

Декларативное отрицание религиозности и мистики в Советском Союзе находилось в удивительном противоречии с сакрализацией не только искусства, но и многих сфер жизни, происходившей в сталинскую эпоху. О сакральном как основе тоталитарной культуры убедительно пишет К.Кларк в своем исследовании «История как ритуал».¹² Тему сакрализации пространства исследует М.Рыклин в книге «Пространства ликования. Тоталитаризм и различие», архетипическую реальность, пронизывавшую мир советского человека, рассматривает Х.Гюнтер в своих многочисленных работах, среди которых «Архетипы советской культуры», «Поющая родина (к архетипу матери в советской песне)». Кстати говоря, Гюнтер сравнивает мифологизированных персонажей советской культуры не только с юнговскими архетипами, но и со сказочными персонажами, распределенными В.Я.Проппом по группам – герой, вредитель, даритель, помощник, невеста и т.д. Сказочные сюжеты оказываются вписанными в утопическое сакрализованное пространство тоталитарной культуры.

Разумеется, даже в условиях тоталитарного государства культура не могла являться чем-то однородным. И в описываемую эпоху воз-

¹⁰ Прохоров А., «Три Буратино: эволюция советского киногероя», в *Веселые человечки. Культурные герои советского детства*. (М., 2008), 156.

¹¹ Прохоров, «Три Буратино: эволюция советского киногероя», 157.

¹² Clark, *The Soviet Novel*.

никали явления, никоим образом не вписывавшиеся в концепцию тоталитарной народности. Наиболее яркий пример – замечательные сказочные пьесы Шварца, с их игровым, ироничным, свободолюбивым духом. Появлялись они вопреки официальной идеологии, нередко подвергались запрету, и все же в некоторых случаях были донесены до аудитории.

ТЕМА МУЗЫКИ В ПОВЕСТИ ЛЬВА ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

МАТЕ УР

магистрант

Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

urmateur@gmail.com

ABSTRACT: The Kreutzer Sonata is a novella by Tolstoy and it is also a sonata for violin and piano by Beethoven. While it is difficult to compare a narrative form with a musical composition, the article aims to find analogical points in the two compositions. The author of the paper focuses on the psychological effect of music and how it affects people's mood. The author also analysed Tolstoy's views on the so called absolute music and the result brought us to the conclusion that the writer criticised not only the society but the tendencies of art in the early 20th century.

KEYWORDS: Leo Tolstoy, Kreutzer Sonata, identity, Beethoven, music, sexuality, Platon, War and Peace

Введение

В своей повести Крейцера соната Лев Толстой уделяет немало внимания влиянию музыки на человека. В повести рассказывает о скрипичной сонате Бетховена соч. 47 No. 9 A-dur ("Kreutzer"). Кроме музыкальной темы, Толстой развивает тему любви главного героя к женщине, а также интимную связь между ними. Как считает автор, от чьего лица ведется повествование, музыка и женщина словно отбирают его способности к разумному мышлению и действию. Целью моей работы является объяснение роли музыки Бетховена в повести Толстого и выяснение того, почему роль музыки является такой, какова она есть.

Анализируя контекст повести, в первую очередь я обратил внимание на присутствие искусства в произведении. Первые опыты на эту тему писатель сделал уже в молодые годы в статье «Три отрывка о музыке», где он уже создал свою эстетическую систему с точки зрения музыки. В своем трактате «Что такое искусство?», Толстой

подтверждает свои взгляды на творческую целостность художественного произведения и определяет задачу искусства в обществе. Музыка являлась для писателя важным фактором в его жизни, и он часто включал музыкальные произведения в свои тексты. Поэтому, целью данной работы является рассмотреть повесть Толстого не только с литературоведческой точки зрения, но и с музыковедческой, так как в данном произведении значение музыки является не просто важным, но и создает атмосферу для всего текста.

Сопоставляя два разных вида искусства – повесть Толстого и сонату Бетховена – я старался найти в них аналогичные моменты. Но при попытке соединить несоединимое возникают противоречия, когда, литература читается по принципам музыки. Таким образом, я хочу добавить, что речь в данной работе идет о взаимности между этими дискурсами, и я не пытаюсь соединить музыку и литературу искусственным образом.

Толстой и музыка

Прежде всего свои эстетические взгляды Толстой получил от французского философа Жана Жака Руссо и немецкого философа Артура Шопенгауера. В эстетике Толстого искусство связано с чувствами человека, и задача искусства – вызывать эмоции. В своей молодости Толстой познакомился с текстом Руссо, «*Dictionnaire de musique*», в котором автор подчеркивает влияние музыки на человека: на его эмоции, страсти и мораль.¹ Толстой представил свои взгляды о сущности искусства в книге «Что такое искусство?» Критерием настоящего искусства по писателю должна быть доступность всем.² У Толстого красота связана с удовольствием, получаемым от произведения. В настоящем искусстве речь идет не об удовольствии, а о коммуникации между людьми. Цель искусства – передать друг другу

¹ Rischin R., “Allegro tumultuosissimamente - Beethoven in Tolstoy’s fiction”, in *In the shade of the giant Essays on Tolstoy*, ed.: H. McLean (University of California, LA. 1992), 16.

² Толстой Л. Н., “Что такое искусство”, в *Собрание сочинений в 22 т.* (М., Художественная литература, 1978—1985.), URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_15/01text/0327.htm

гуманные чувства.³ От искусства писатель требует аутентичности, ясности и искренности. В теоретической статье «Три отрывка о музыке» писатель пытался определить, что такое музыка. Принципы Толстого уже в этой книге основаны на том, что искусство – это средство возбуждать в человеке известные чувства.⁴ Читая произведения Толстого, можно заметить, что он предпочитал вокальную музыку инструментальной. Например, человеческий голос со своей чистотой вызывает у слушателя эмоции, как это происходит в Войне и мире (пение Наташи Ростовой). Наташа Ростова, слышавшая в первый раз в оперном спектакле септаккорда, раздражается,⁵ и Позднышев волнуется из-за буйной ритмичности и фактуры бетховенской сонаты.

В своей книге «Что такое искусство?» Толстой нападает на бетховенскую музыку, прежде всего на сочинения композитора позднего периода. Писатель считал, что формы и музыкальный язык поздних сонат и симфоний Бетховена слишком сложны. По мнению Толстого, Бетховен компенсировал недостаток мелодического вдохновения густыми гармоническими фактурами, и тот факт, что композитор оглох,⁶ Толстой считал главной причиной: «...он становится глух, не может слышать и начинает писать уже совсем выдуманные, недоделанные и потому часто бессмысленные, непонятные в музыкальном смысле произведения». Более того, по Толстому более аутентичным искусством является пение старых русских баб, чем смутные модуляции Девятой симфонии Бетховена.⁷

Однако в руках Бетховена классическая сонатная форма достигла своей вершины, и таким образом венско-классическая школа получила продолжение в лице Бетховена. От своих современников Бетховен отличался своим уникальным отношением к риторике,

³ Там же.

⁴ Толстой Л. Н., «Три отрывка о музыке», в *Полное собрание сочинений в 90 т.* (М., Художественная литература, 1928–58), 241., URL.: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/T/TOLSTOY_Lev_Nikolaevich/_Tolstoy_L.N._PSS90_.html#001

⁵ Толстой Л. Н., «Война и мир», в *Собрание сочинений в 8 т.* Т. 3,4 (М., Лексика, 1996), URL.: <http://www.ilibrary.ru/text/11/index.html>

⁶ Rischin, «Allegro tumultuosissimamente - Beethoven in Tolstoy's fiction», 50.

⁷ Толстой, «Что такое искусство».

благодаря чему он смог сформулировать сочинения, которые подняли классическую форму в совершенно новые сферы.⁸

Работая над докладом, я нашел немало случаев, где прозаический текст и музыкальное произведение соединены. Можно заметить, что структура бетховенской сонаты может быть найдена в повести. В главах 21-23, где музыка является важным мотивом, можно обнаружить элементы сонатной формы.⁹ Есть несколько ключевых моментов, которые присутствуют в обоих произведениях и во многом определяют их характер: лейтмотив, манифест, контраст, ритмика и поток. В первой части сонаты используется движение музыкального интервала малой секунды. Также монолог Позднышева основывается на одной идее – идее отрицания сексуальности. Вторая идея, манифест, начинается с первых звуков: у скрипки звучит торжественная фанфарообразная тема. Стиль монолога Позднышева нельзя называть ничем другим, кроме как манифестом нравоучения. Третья идея – это появление неожиданных и резких контрастов в произведении. Одним из самых важных элементов в сонате является ее ритмичность. Ритм – важная часть не только музыки, а всего нашего физического мира. Ритм является наиболее глубоким и примитивным инстинктом человека. Первая тема Крейцеровой сонаты Бетховена отличается своим бурным стремлением вперед, и не удивительно, что Позднышев так сильно реагировал на эту музыку. Близко к ритму находится понятие потока. Поток сонаты останавливается только после последнего аккорда. Также поток монолога Позднышева в повести является интенсивным, и этот поток речи приостанавливается только тогда, когда Позднышев выходит из вагона на станции, или кондуктор заходит в купе. Из структуры произведения видно как близко находятся друг к другу музыка и язык. Музыка – это язык, с помощью которого субъект приобретает самовыражение, поэтому она может играть важную роль в развитии идентичности человека. Музыка вызывает у главного героя очень сильные чувства, которые ему трудно определить. Далее рассмотрим связь между музыкой и языком.

⁸ Ratner G. L., *Classic Music – Expression, Form and Style*, (Schirmer Books, 1980), 422.

⁹ Rischin, “Allegro tumultuosissimamente - Beethoven in Tolstoy’s fiction”, 76.

Музыка и язык

Позднышев находится в зависимом положении от того, как слушатели интерпретируют его текст. Его фанатизм вызывает растерянность у читателя: идеи Позднышева не убеждают нас. Возбуждение и волнение проявляется во многих восклицаниях, вопросах, и повторениях. Восклицания являются интенсивными по интонации, и таким образом, они нарушают монолог Позднышева. Он использует в своем монологе немало сильных выражений. Многие из этих слов связаны с животными. В следующем отрывке видно несколько повторений, которые усиливают эмоциональное содержание данных слов: *«Да, он делает снисхождение ей, что берет ее своей любовницей, - говорил я себе. – Притом она безопасна. – Нет, это невозможно! Что я думаю! – ужасаясь, говорил я себе. – Ничего, ничего подобного нет. И нет даже никаких оснований что-нибудь предполагать подобное. Разве она не говорила мне, что ей унижительно даже мысль о том, что я могу ревновать к нему? Да, но она лжет, все лжет!»*¹⁰ Повторяемые слова свидетельствует о том, что герой включает свои амбивалентные чувства, вызываемые женщиной, в язык. Толстой многократно раскрывает тему музыки, но отношение к ней является всегда негативным или противоречивым. Появление мотива музыки в 21-ой главе, где музыкант появляется в доме, на самом деле не является неожиданностью. Толстой как будто постепенно подготавливает его окончательное раскрытие в мыслях Позднышева. Там, где слово музыка впервые упоминается в повести (в 6, 7 и 8 главах), говорится как будто о видах искусства. Позже музыка соединяется с аморальными явлениями. Позднышев видит между своей женой и Трухачевским связь музыки, «самой утонченной похоти чувств». Эти ситуации возникают, когда люди танцуют или общаются на балах, когда доктор осматривает свою пациентку, когда люди занимаются искусством, прежде всего – музыкой.

Музыка раздражает Позднышева, он понимает музыку как псевдоним эротического дискурса и, таким образом, соединяет музыкальную культуру с эротикой. И когда в 23-ей главе музыка, наконец-то,

¹⁰ Толстой Л. Н., «Крейцерова соната», в *Собрание сочинений в 8 т.* Т. 7. (М., Лексика, 1996), 25., URL.: <http://ilibrary.ru/text/1009/p.1/index.html>

играет главную роль, то читатель соединяет ее, благодаря мыслям главного героя, с интимными отношениями мужчины и женщины. Толстой прямо не говорит, что музыка испортила мораль главных героев повести, но музыка является катализатором последующих событий. Эмоциональные импульсы, вызываемые бетховенской музыкой, приводят на неправильную дорогу. Первый толчок к отправной точке в повести – это возвращение жены к своему увлечению, музыке. «С этого все и началось», – говорит Позднышев.¹¹ И действительно, с того момента, как жена Позднышева стала заниматься музыкой, поучение Позднышева приобретает все более динамичные черты. Позднышев думает, что тембр скрипки имеет сильное воздействие на его жену. Поэтому Трухаческий со своей музыкой был победителем. Следующий раз, когда они играют вместе, Позднышев слышит через дверь арпеджио на фортепиано, и сразу думает: «Очевидно, звуки на фортепиано нарочно для того, чтобы заглушить их слова, поцелуи, может быть».¹² Музыка является ненарративным видом искусства, и из-за бессловесности музыки, вызвавшей эти чувства, Позднышеву было трудно выразить их словами. Почему Позднышев соединяет музыку с эротическим дискурсом? Рассмотрим вопрос, меняет ли музыка человека, или только создает иллюзию в разуме.

Музыка и сексуальность

Понятно, что когда мы изучаем повесть Крейцера соната, все описания чувств являются субъективными, так как главный герой служит нарратором. Нелегко указать, является ли влияние музыки на человека в повести чисто негативным или позитивным. Великую, изменяющую силу музыки прежде всего видно в отношении самого героя повести. Позднышев в ужасе от сильного воздействия музыки на него. Вот его реакция на первую часть сонаты: «Они играли Крейцерову сонату Бетховена. Знаете ли вы первое престо? Знаете?! – вскрикнул он. – У!... Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю.

¹¹ Толстой, «Крейцера соната», 19.

¹² Толстой, «Крейцера соната», 21.

*Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает?»*¹³ Позднышеву кажется, что музыка переносит его в какое-то другое, но не в свое положение. Под влиянием музыки ему казалось, что ему как будто открылись совсем новые чувства, о которых он не знал до сих пор. Определить причину своего состояния Позднышев не способен. Мнение самого Толстого в произведении «Что такое искусство?» аналогично: музыка переносит Позднышева в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку: *«Она, музыка, сразу непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душой, и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, не знаю.»*¹⁴

Позднышев говорит о власти музыки над человеческой волей и требует превращения музыки в нечто казенное: *«В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними что хочет.»*¹⁵ Здесь Толстой ссылается на Платона, по которому в совершенном государстве поэзия – запрещена. Музыка вызывает у Позднышева отвращение: он чувствует, что границы его собственной души ломаются, идентичность теряется. Музыка, со своей стороны, – искусство звука. Звук является невидимым, поэтому трудно определить с помощью логики его влияние на человека и даже трудно контролировать его.

Повесть Толстого полна амбивалентных дуализмов и конфликтов, таких как мужественность – женственность, контроль – потеря контроля, польза – наслаждение, воля – желание, человек – животное, жизнь – смерть. Для Позднышева границы этих расхождений – абсолютные. Однако на границе этих дуализмов можно поставить музыку, которая может размещаться в обеих областях, но может также действовать нарушителем этих границ. Музыка со своей эротической энергией способна вызывать у Позднышева явление отвращения, потери собственных границ. Когда женщина лежит безжизненной, некрасивой, Позднышев может дышать свободнее

¹³ Толстой, «Крейцера соната», 23.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

– у жены отобрали всю чувствительность, и также музыка больше не звучит. Таким образом, убийство для героя можно понимать как исправление ошибки. Позднышев должен усмирить зверя собственной сексуальности, и этот зверь проецируется на образы женщины и музыки. Таким образом, у Позднышева есть две угрозы, которые он хочет либо разрушать, либо которые он хочет полностью контролировать. Это является частично результатом безусловных отношений главного персонажа к дуализмам в его жизни. Позднышев пытается спастись от отвращения с помощью крайнего насилия.

Заключение

В своей работе я попытался сравнить два разных вида искусства – литературу и музыку, а если быть более конкретным, то повесть Толстого и сонату Бетховена.

Моей задачей в этой работе являлось обозначение роли музыки в повести Толстого. Вначале я рассматривал эстетический контекст повести и взгляды Толстого на искусство. Прежде всего я анализировал теоретический трактат писателя «Что такое искусство?» с точки зрения источников его идей и отношения Толстого к музыке Бетховена. Мною была предпринята попытка проанализировать в тексте те места, в которых появляется музыка. Оказалось, что музыкальная ткань в произведении сопоставляется с дискурсом сексуальности и развратной жизни. Также она оказывается для главного героя аналогом легкомысленных вещей. После изучения работы «Что такое искусство?» я отметил, что большая часть взглядов Позднышева на искусство совпадает со взглядами самого автора. Толстой видит искусство как великую силу в жизни. Искусство должно вызвать у человека правильные эмоции, а также иметь прагматическую функцию в обществе.

С точки зрения музыкального анализа, я заметил, что в обоих произведениях можно увидеть идеи об одном повторяющемся мотиве, манифесте как стиле, контрасте, ритмике и потоке. Повесть полна амбивалентных противоречий. Однако, на границе этих явлений можно поставить музыку, которая может действовать нарушителем этих границ.

В своих поздних произведениях Толстой всегда возвращался к мыслям о свободной воле. Он часто рассуждает в своих работах о том, насколько окружающая среда влияет на человека, и насколько человек способен освободиться от этих конвенций. Позднышев хочет остаться во власти своих желаний, но, с другой стороны, он боится своей сексуальности. Можно констатировать, что Толстой хотел критиковать за неправильное понимание значения брака и семьи не только общество, но и современное искусство. Анализируя сексуальность, можно увидеть конфликт между текстом и музыкой как символ искусственного кризиса современности, в котором чистая инструментальная музыка стала иметь более важную роль, чем музыка с текстом.

СЛОВО ПОЭТА В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ

ОХОТНИКОВ Д. И.

старший преподаватель

Российский Экономический университет им. Г. В. Плеханова,

Москва, Россия

danoxot@gmail.com

ABSTRACT: The great Russian poet Alexander Blok was a witness and participant of fatal and fateful events in the history of Russia. He appeared both as a witness of the epoch and as a poet, who describes it. It is symptomatic that the prophetic words of the poet about the relationship of politics and art, intellectuals and authorities do not lose their relevance today. Moreover, considering that the poet wrote a century ago, we marvel at modernity and timeliness of these ideas and problems that still remain unsolved. This article analyzes the creative and the political views of Alexander Blok in the revolutionary era. Particular attention is paid to the sound symbol images that are of great importance in the poet's work in this period.

KEYWORDS: Alexandr Blok, Russian symbolism, revolution, sound image, poetry, Russian intelligentsia

Александр Блок – одно из первых имен, приходящих на ум при разговоре на такую важную для русской культуры и истории тему, как роль интеллигенции в революционную эпоху. Действительно, трудно отыскать в пантеоне российской культуры человека, который бы с большим правом мог бы претендовать на роль символа всей русской интеллигенции и чьи бы мысли на эту извечную тему были напряженнее. Поэтому его слова, облеченные в прозу, либо стихи, далеко не всегда поддающиеся однозначной интерпретации, были и остаются объектом пристального внимания современников и потомков. В каком-то смысле, судьбу Александра Блока следует считать архетипом взаимного отражения неординарного: эпохи в человеке и человека – в эпохе.

Задумываясь над смыслом происходящих исторических перемен после молчания периода глухой реакции и «бестолковой» воинской службы, А. Блок записывал для себя 14 апреля 1917 года: «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен

свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей слабой силой) я художник, т. е. свидетель. Нужен ли художник демократии?» Раньше многих почувствовав масштаб разворачивающейся драмы, Блок предугадал, что в новых исторических условиях на первый план выйдет вопрос об отношениях художника с обществом. «Мне надо заниматься своим делом, - писал он, - надо быть внутренне свободным, иметь время и средства для того, чтобы быть художником...»¹ Формулируя свои представления о новом обществе, путь к которому наметила Февральская революция, он видит Россию «великой демократией»², возвращаясь тем самым к идее «новой Америки», изложенной в одноименном стихотворении 1913 г. из цикла «Родина», идее страны, которую поднимет индустриализация, страны во власти черного угля, которому суждено превратиться в алмаз. Чуть позже, в записи от 22 апреля мы читаем ставшее впоследствии хрестоматийным: «Все будет хорошо, Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожидаться»³.

Далее, проработав несколько месяцев редактором комиссии по расследованию злоупотреблений царских министров и чиновников, завершившейся созданием обвинительного документа эпохи – книги «Последние дни императорской власти», пережив октябрьский переворот 1917 года, Блок словно продолжает пребывать в эйфории от событий, чьим невольным свидетелем ему пришлось стать. Кульминацией данного периода можно полагать январь 1918 года, когда были написаны знаменитые «Двенадцать» и «Скифы» и окончена знаковая статья «Интеллигенция и революция». 14 января 1918 года на вопрос анкеты «Может ли интеллигенция работать с большевиками» Блок отвечает решительно: «Может и обязана», и затем признается: «Я политически безграмотен и не берусь судить о тактике соглашения между интеллигенцией и большевиками. Но по внутреннему побуждению это будет соглашением музыкальное»⁴.

¹ Блок Александр, *Записные книжки* (Москва: Издательство Художественная литература, 1965), 316.

² Фокин П., Поляков С., составители, *Блок без глянца* (Санкт-Петербург: Амфора, 2008), 331.

³ Блок, *Записные книжки*, 317.

⁴ Блок Александр, *Собрание сочинений* (Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962), том VI, 8.

Нельзя сказать при этом, что поэт однозначно симпатизировал большевикам: на выборах, предшествовавших перевороту, он проголосовал за эсеров-меньшевиков⁵, а позднее в письме матери 16 июля 1917 года прямо признавался, что «маятник», качающийся внутри него, «не добрасывается до стихии большевизма»⁶.

Слово стихия – одно из ключевых в поэтической философии Блока, и, несомненно, центральное – в период его поэтической зрелости. В неслучайном для поэта соотношении со стихом, оно мыслилась если не синонимом творчества, то, по крайней мере, непременным его условием. Поэт творит, лишь «отдаваясь» стихии, а может, и она сама творит его устами.

Многочисленные свидетельства убеждают в мысли, что Блок оказался в числе сотрудничающих с новой властью не потому, что искал от нее каких-либо выгод. Поэт поддержал идеи большевиков тогда, когда мало кто еще мог предположить, что из развернувшейся схватки они выйдут победителями. Несомненно однако, что Октябрьская революция послужила для Блока новым стимулом к творчеству. В начале ноября по инициативе ВЦИК в Смольном собирается совещание представителей литературно-художественной интеллигенции, на котором Блок наряду с другими участниками заявил о своей готовности сотрудничать с властью Советов. Позже поэт становится членом жюри конкурса на сооружение памятника жертвам революции. Таким образом на рубеже 1917 и 1918 годов Блок оказался в числе немногих, кто принял революцию, а 8 января 1918 года он приступает к поэме «Двенадцать».

Поэма закончена уже 28 января 1918 года, а 30 января датировано стихотворение «Скифы», посвященное исторической миссии России. В программной статье «Интеллигенция и Революция», родившейся в те же дни Блок писал: «Мы переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием - слушайте Революцию»⁷. «Двенадцать» своим появлением произвели эффект разорвавшейся бомбы, а образ Иисуса Христа во главе отряда двенадцати красноармейцев привел к негодованию

⁵ Фокин, Поляков, *Блок без глянца*, 344.

⁶ Фокин, Поляков, *Блок без глянца*, 353.

⁷ Блок Александр, *Собрание сочинений*, том VI, 20.

пишущую интеллигенцию того времени. Поэму крайне негативно оценили Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Г.И. Чулков, Ф.Сологуб, Вяч. Иванов. Блока упрекали в том, что он «продался большевикам», демонстративно не подавали руки. Мир «старинных» почитателей раскололся: одни (меньшинство) признавали, что поэту первым удалось расслышать время, вторые (большинство) видели в нем сбившегося с пути. Однако важно помнить, что, теряя дореволюционных поклонников, поэт взамен обрел новую аудиторию, ведь поэма расходилась по стране в списках и пересказах, в то время как типографии в силу объективных причин испытывали серьезные трудности.

Одновременно с этим заявленная самим Блоком позиция – выход из замкнутого круга «лирики» и устремленность к «жизни» – была прочитана современниками как «движение к реализму». Рассуждая о том, как эта поверхностно понятая идея перешла из критики 1910-х гг. (В. Брюсов, Иванов-Разумник, Д. Выготский и др.) в набор штампов советского литературоведения, Н.Ю. Грякалова, пишет: «Блоковские понятия “жизнь”, “трагедия”, “страшный мир”, сведенные к эмпирической действительности, ее психологическому переживанию и образному воплощению, утрачивали неистребимый для поэта метафизический и символический смысл. Результатом историко-методологической аберрации стало “выравнивание” творческой эволюции Блока и причисление его в ранге “классика XX века” к реализму, с которым поэт, даже отдавая дань “общественности”, свою литературную позицию никогда не отождествлял»⁸.

Настало время посмотреть, какое выражение эта эпоха получила в стихе, в том, что, по словам поэтов, невозможно контролировать, а часто и предугадать. Несмотря на распространившееся в начале 1910-х гг. и частично разделяемое тогда же самим Блоком мнение о кризисе русского символизма, в творчестве поэт остался ему верен до конца, и в 1921 г. отстаивая основные принципы этого направления в программе журнала «Алконост». Немало исследований посвящены ключевым для позднего Блока символам – музыке, стихии, мировому оркестру, человеку-артисту, пути. Нам же хотелось остановиться подробнее на звуковых образах-символах.

⁸ Грякалова Н.Ю., “Поэт и критики” в *Александр Блок: pro et contra*, под редакцией Н.Ю. Грякаловой (Санкт-Петербург: Издательство РГХИ, 2004), 17.

Уже в циклах второй половины второго тома блоковской трилогии становится очевидным процесс, определивший весь дальнейший путь поэта. Мы говорим о выходе на первый план категории «стихий». По словам Л.А. Колобаевой, «в основе мироздания лежит начало отнюдь не рациональное, а целостно-эмоционально-нравственное, и Блок останется верен ему до конца, хотя оно будет осознано в его поэзии в самых разных формах и выражениях (стихия чувственная, природная и социальная во второй период, затем – стихия народной души, России, наконец, “музыка” революции, гармония “мирового оркестра”)»⁹.

В жизни Блока уже был один момент, когда общественное заставило отвлекаться от личного. Речь идет о так называемой первой русской революции 1905–1907 гг. Мир звуков «Города» поражает резкостью, интенсивностью, хаотичностью: в этом цикле слышен скрип лат, гулкий зык колокола, рокот трубы, возрастающий крик, скрежет, визг, хохот, свистки, «нечистые речи» и т.п. Дисгармоничность звучания «Города» обусловлена как самим характером звуков (смех, скрежет, визг, крик, гул, ропот, вопли), так и их взаимодействием на одном пространстве в одно и то же время (см. «Поединок»¹⁰, «Гимн»¹¹, «Пожар»¹² и др.).

Однако звуковая картина исторически значительно более бурного периода двух революций 1917 года у Блока совсем иная. Заключительным аккордом третьего тома и вообще всего пройденного им пути Блок делает цикл «О чем поет ветер». Причем делает сознательно, ибо этот цикл, датированный 1913 г., должен был бы предшествовать хронологически более поздним «Кармен» и «Соловьиному саду». Однако помещенный в конец тома, он завершает очередной виток пути общим настроением печали, пустоты, холода, неуверенности в будущем, как было в «Распутьях» и «Страшном мире». «И ветер ломится в окно, / Взывая к совести и к жизни...»

⁹ Колобаева Л.А., *Русский символизм* (Москва: Издательство Московского университета, 2000), 159.

¹⁰ Александр Блок, *Полное собрание сочинений и писем* (Москва: Издательство Наука, 1997), том II, 144.

¹¹ Блок, *Полное собрание сочинений и писем*, том II, 151.

¹² Блок, *Полное собрание сочинений и писем*, том II, 201.

– скажет он в отдельно опубликованном в ноябре 1915 г. отрывке из неоконченной поэмы «Возмездие»¹³. Ветер буквально пронизывает поэму «Двенадцать».

Последнюю интерпретацию этого символа сам Блок дал в 19 году в статье «Катилина», в которой провел параллель между художником в самом высоком смысле слова и революционером, объяснив, что «у иных людей, наряду с материальными и корыстными целями, могут быть цели очень высокие – нелегко определяемые и осязаемые. <...> Поведение подобных людей выражается в поступках, которые диктуются темпераментом каждого: одни – таятся и не проявляют себя во внешнем действии, сосредоточивая все силы на действии внутреннем; таковы – писатели, художники; другим, напротив, необходимо бурное, физическое, внешнее проявление; таковы – активные революционеры. Те и другие одинаково наполнены бурей и одинаково «сеют ветер», как полупрезрительно привык о них выражаться «старый мир» не тот «языческий» старый мир, где действовал и жил Катилина, а этот, «христианский» старый мир, где живем и действуем мы.

Но напрасно думать, что «сеяние ветра» есть только человеческое занятие, внушаемое одной лишь человеческой волей. Ветер поднимается не по воле отдельных людей; отдельные люди чувят и как бы только собирают его: одни дышат этим ветром, живут и действуют, надышавшись им; другие бросаются в этот ветер, подхватываются им, живут и действуют, несомые ветром»¹⁴.

Таким образом, в меняющейся картине мира роль ветра, вихря (вспомним программное для Блока стихотворение «Художник»¹⁵) соотносится с идеей разлитой в мире энергии, которая питает человека творческого (поэта, художника) и в то же время движет историей, народами.

Мы вправе задать себе вопрос: насколько показателен случай Блока? С одной стороны, русская интеллигенция, творческая в том числе, десятилетиями воспитывалась «демократами»-общественниками в чувстве вины перед угнетенным народом, а Блок добавил

¹³ Блок, *Собрание сочинений*, том IV, 211.

¹⁴ Блок, *Собрание сочинений*, том VI, 70.

¹⁵ Блок, *Полное собрание сочинений и писем*, том III, 101.

к тому тему возмездия со стороны грядущего поколения. Декадентский период этого обостренного чувства вины перечеркнуть не смог. С другой стороны, позицию поэта скорее следует полагать в точке экстремума, ибо пусть мало художников могли позволить себе остаться в стороне от роковых событий, лишь единицы полностью отдавали себя их осмыслению, практически исключив традиционные лирические темы (а ведь речь идет о Блоке – одном из лиричнейших поэтов эпохи!). Сам Блок в дневниковой записи от 29 марта 1919 объяснял это следующим образом: «"Быть вне политики" (Левинсон)? С какой же это стати? Это значит – бояться политики, прятаться от нее, замыкаться в эстетизм и индивидуализм, предоставлять государству расправляться с людьми, как ему угодно, своими устаревшими средствами. Если мы будем вне политики, то значит – кто-то будет только «с политикой» и вне нашего кругозора, и будет поступать, как ему угодно, т.е. воевать, сколько ему заблагорассудится, заключать торговые сделки с угнетателями того класса, от которого мы ждем появления новых исторических сил, расстреливать людей зря, поливать дипломатическим маслом разбушевавшееся море европейской жизни. Мы не будем носить шоры и стараться не смотреть в эту сторону»¹⁶.

В каком-то смысле, поэт выступает с эпохой на равных – в бесконечном взаимовлиянии. Да, он – не политик, он мыслит символами и лирическими категориями, но он считает для себя невозможным стоять в стороне от движения масс, слыша за ним «музыку революции». И тем самым принимает участие в политическом и историческом процессе возможно более, чем сам того желает или осознает. Но роль по-настоящему великих поэтов в истории своей страны не исчерпывается эпохой, в которую им довелось жить. Слова, сказанные однажды, будучи продиктованы временем, могут оказаться пророческими, сказаны ли они были в узком кругу ближайших знакомых или растиражированы на всю огромную страну:

«Кроме того, я нисколько не удивляюсь, если (хотя и не очень скоро) народ, умный, спокойный и понимающий то, чего интеллигенции не понять <...> начнет так же спокойно вешать и грабить

¹⁶ Блок, *Собрание сочинений*, том VII, 358.

интеллигентов (для водворения порядка, для того, чтобы очистить от мусора мозг страны)»¹⁷.

«“Великая война”, “отечественная война”, “война за освобождение угнетенных народностей”, или как еще? Нет, под этим знаком - никого не освободишь. Вот, под игом грязи и мерзости запустения, под бременем сумасшедшей скуки и бессмысленного безделья, люди как-то рассеялись, замолчали и ушли в себя: точно сидели под колпаками, из которых постепенно выкачивался воздух. Вот когда действительно хамело человечество, и в частности - российские патриоты»¹⁸.

«Государство разбухало неудержимо. Чем дальше заходили его успехи, тем труднее становилось жить людям, тем ожесточеннее становилась борьба их за существование; и народ, который от природы был народом-практиком, устремил все силы и все способности на практическую жизнь. Оттого и воспитание и образование детей было устремлено на то же. Эта картина опять-таки очень нам знакома; так ведь воспитывается всякий средний человек в современной Европе: упражнять волю, не падать духом, сохранять всегда бодрость, готовиться стать хорошим пушечным мясом и гражданином»¹⁹.

Таким образом, творчество Александра Блока в сложный, противоречивый, кризисный для России период предстает нам своеобразной обратной перспективой: в переломный для страны момент поэт, с одной стороны, видит дальше и оказывается пророком, предчувствуя события, которые случатся много позже, и, что самое важное, находит слова для их описания. С другой стороны, в определенном смысле являясь заложником собственного поэтического мировидения, поэт может искажать реальность и в искажение это искренне верить. Тем звучнее и пронзительнее эта тема – тема противостояния творческого человека «немузыкальной» эпохе, неординарной личности эпохе глобализации и торжествующей одинаковости – представляется нам в начале века двадцать первого.

¹⁷ Фокин, Поляков, *Блок без глянца*, 348.

¹⁸ Блок, *Собрание сочинений*, том VI, 11.

¹⁹ Блок, *Собрание сочинений*, том VI, 66.

A QUESTION OF ORIENTATION: RUSSIA, GREECE AND ASIA IN FEDOR SOLOGUB'S OEUVRE

MARTINA MORABITO

MA Student

University of Genoa, Genoa, Italy

martina.morab@gmail.com

ABSTRACT: The debate over Russia's belonging to Europe has always played a key role in defining its cultural identity. In addition to the two traditional perspectives, namely that Russia has a fundamental affinity with Asia since Eastern Slavs first confronted the nomadic populations (Pechenegs, Polovtsy) of the neighbouring steppe, or that Russia is essentially European, due to Peter I's policy of cultural westernization, there is a third view that this opposition itself constitutes an artificial and erroneous dichotomy and that Russia's peculiarity seems to lie precisely in the ambiguity of its halfway position. As Čaadaev wrote in his *First philosophical letter* of 1836 "we are neither of the West nor of the East, and we have not the traditions of either." A sense of anguish relating to the peculiar historical destiny that results from Russia's position in the rift between East and West is also traceable in Fedor Sologub's novel *The Petty Demon* (1907). Our reading of the novel's plot as a transposition of the Greek myth of Dionysus in Russian context, reveals the degradation of a classical legend, which comes from Greece "in a fine dress and delicate sandals" to provincial Russia "where coarse peasant blouses and greased boots are worn." If in Ancient Greece Dionysian rites were a means of overcoming the human condition in favor of a divine ecstasy, in Russia at the turn of the century, they produce only violence and despair. Sologub's rewriting of the Dionysian myth thus truncates the cultural link between Russia and the West, but does so without embracing the East: elements attributable to the *Yellow Peril* ideology can also be traced in the novel, ultimately defining Russia's position as neither in Europe nor in Asia. **KEYWORDS:** Russia between East and West, Fedor Sologub, *The Petty Demon*, myth of Dionysus, Yellow peril ideology

Generally speaking, the idea of a Europe that represents freedom and culture, and that is opposed to a "tyrannical" Asia was born in the 5th century BC, when the Greeks fought against the Persians. Greece became the symbol of a democratically inclined Europe, and the Empire of Persia

– the icon of a “cruel” Asia. In the Middle Ages, the concept of Europe was further enriched by the admixture of Christianity, and Europe was identified as essentially Christian, while Asia became pagan. Nonetheless, when Greece was conquered by the Islamic Ottoman Empire at the end of the 15th century, it, too, was included by Europeans in pagan Asia, and thus banished from that very concept of Europe which it had created. Greece thus acquired a special and problematic status with respect to the drawing of Europe’s boundaries, which is very similar, at least ontologically, to the problem of Russia’s own status. Unlike Greece, of course, Russia was not the cradle of European civilization, yet at various points in history, Russians have asserted a profound and direct connection with Greek culture as if to argue that their own identity crisis – are we European or are we Asian? – could, in some way, be resolved with reference to classical antiquity.

The debate over whether or not Russia belongs to Europe has long played a key role in arguments regarding Russian cultural identity. During the 18th and the first half of the 19th centuries, the predominant view of this issue among the Russian elite was that Russia was essentially European – thanks both to Peter I’s policy of cultural westernization and to a direct link with antiquity through the Orthodox Christianity that Russia’s forebears had imported from the Byzantine Empire (or “Greece”). And Russia further consolidated its identity as a Western Christian nation by struggling for a very long time against the pagan nomadic populations of the Asian steppe. Consequently, the idea that Russia could have somehow been influenced by Asia would have been quite unusual.

In the mid 19th century, another perspective began to emerge, namely that Russia was a unique entity, distinct from Europe: this was the thinking of the Slavophiles, who tended to locate Russia’s essence in the traditional and patriarchal values of the Russian *narod*. For the Slavophiles as well, however, the concept of Asia remained in the shadows, and other contemporary intellectual movements also failed to include Asia in their considerations of Russian identity.

It was only in the last decades of the 19th century that attitudes towards the East started to change: as the Russian Empire’s borders expanded into Asia, Russians began to express interest in embracing Asian cultures and incorporating them into a new idea of Russia. One result of such interest was an explosion of scholarly research on the now supposedly

Asiatic origins of Russian popular culture. In 1921, the prince Nikolaj Trubeckoj even went so far as to assert that Russia was an Asiatic culture of the steppe, and that Byzantine and European influences had no importance for the cultural practices of the *narod*, which he took to be the repository of the “real” Russian culture.¹ In this way, a third view of Russia’s relationship with Asia came into being, namely that a fundamental link existed between the two. This was the view widely embraced by the Russian Symbolists and this article will focus on the particular way in which that general view was elaborated in the writings of the Symbolist poet and novelist Fedor Sologub.

If the Slavophiles had linked Russia’s uniqueness to the Russian *narod*, the Symbolists went one step further and linked the Russian *narod* to Asia. That said, there was no single unified position on the significance of Asia for Russia within the movement. The poet Andrej Belyj held the apocalyptic view that the East would one day rise up and triumph over Russia and the West, destroying both. As he wrote in the novel *Petersburg* (1913–1914):

Петербург же опустится.

Бросятся с мест своих [...] все народы земные; брань великая будет, -- брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов, тронувшись с насиженных мест, обагрят поля европейские океанами крови.

Belyj’s horrific vision of a violent Asian triumph over Western Civilization was not unusual among the Symbolists, who generally felt that Asia essentially represented a threat, even while simultaneously constituting an integral part of the Russian identity. While their thoughts on the matter were imbued with the fin-de-siècle sense of anguish and presentiment of imminent catastrophe that were characteristic of Symbolism, they were not alone: a negative attitude towards Asia was widespread in European public opinion at this time, this generally hostile view of the East known as ideology of the Yellow Peril. In the Russian case, hostility towards Asia reversed the earlier positive view and was especially encouraged by the Russo-Japanese War (1904–1905).

¹ Nikolaj S. Trubeckoj, “Verchi i nizy russkoj kul’tury” in: *Ishod k Vostoku* (Sofia, 1921), 86–103.

Nonetheless, the Symbolists continued to hold that the East was an internal part of Russia itself, and thus it could neither be ignored nor cast off; their ambivalent view of Asia has been described as an “antinomy of attraction and repulsion.”²

As noted, the Symbolists varied in their views of Asia's relevance for Russia. Some, such as the philosopher Vladimir Solov'ev, had a particularly strong sense of Russia's doom in an inevitable contest with Asia. In 1892 Solov'ev wrote an article declaring that the superior cultural and spiritual strength of Japan, the legacy of Buddhism,³ would lead it to conquer Russia and Europe. In 1894, Solov'ev wrote the poem *Panmongolism*, which was to influence an entire generation of Symbolists with its mixture of prophetic visions, apocalyptic scenarios, and Russia as “Third Rome”. The apocalyptic and distressing lines of Andrej Belyj quoted above obviously reflect the legacy of Solov'ev.⁴ Others, like Belyj's coeval Valerij Brjusov, had a more positive attitude toward Asia, seeing in its populations a source of vitalism, a possibility for a Nietzschean rebirth.⁵

Despite their differences, however, the Symbolists shared a common interest in Oriental themes that took different and often vague forms, and was usually mixed with mysticism and ambiguity. This ambivalent fascination for the Orient thoroughly permeated the artistic context in which Fedor Sologub wrote and is evident in a number of his works. In addition to being influenced by the more Nietzschean and decadent strains in Symbolism, and by Schopenhauer, Sologub was influenced by Buddhism, yet another connection to the East. Many of Sologub's contemporaries were also fascinated with Buddhism (including Lev Tolstoj, Semen Nadson, and Dmitrij Merezhkovskij), but it is in the poetic work of Sologub that we see an entire philosophical system so based on concepts linked to Buddhism's central ideas – like death as liberation, reality as illusion, reincarnation, and Nirvana – that Andrej Belyj defined him as a “Dalaj-lama iz Sapozhka”, a Dalai Lama from provincial Russia.⁶

² Aldo Ferrari, *La foresta e la steppa* (Milano: Libri Scheiwiller, 2003), 151.

³ Vladimir S. Solov'ev, “Vrag s Vostoka” in: *Severnyj vestnik* (July 1892).

⁴ After 1917, especially in the works of Aleksandr Blok, the Asiatic element will be combined with the concept of Revolution.

⁵ See Brjusov's poem *Skify*, written in 1900 (18 years before Blok's more well-know poem of the same title).

⁶ Andrej Belyj, “Dalaj-Lama iz Sapozhka” in: *Vesy* (1908) No.3, 63–76.

Critics and scholars have often considered Sologub a “static” writer, whose poetics underwent little or no development,⁷ at least until 1975, when Minc and Pustygina of the Semiotic School of Tartu published an attempt to the periodization of Sologub’s works that articulates his literary production into seven periods.⁸ The writing of the novel *Melkij Bes*, which although not published until 1907 was crafted over ten years from 1892 to 1902, coincided with the first two periods. Minc and Pustygina assert that during the first period (the 1890s), Sologub was both romantic and satirical, his work combining petty *poshlost*’ with the higher sentiment of love, while in the second period (1900–1906), he simultaneously embraced Utopian ideas and assumed a skeptical position towards them. To Symbolist ambiguity and antinomy, Sologub in this period added his own personal and philosophical concept of dualism: he created Utopias and then destroyed them in a never-ending circular path.

In *Melkij Bes* Sologub proposes a romantic, but ultimately unrealizable return to the site of Russia’s historical roots, the world of Ancient Greece, a mythological world saturated with vitalistic force, joy, life, love, and energy. The novel illustrates an attempt to transpose this ancient and Utopian Greek “way of life” to the Russian countryside with very negative results. As Minc and Pustygina point out, Sologub was skeptical of Utopias, and indeed in his novel, violence, despair, and anguish impermeate the petty and provincial Russia that serves as backdrop and destroys all the positive expressions or elements of ancient Greek culture that are often combined, and even confused, with those of the Asiatic world.

The plot of the novel is quite simple: in a small city of provincial Russia, a teacher named Peredonov who aspires to become a powerful school inspector creates an atmosphere of paranoia and violence, provoking events that culminate in the murder of his friend Volodin. Meanwhile, a love story arises between one of his students, the young Sasha Pylnikov, a newcomer in town who is particularly oppressed by Peredonov, and a more mature girl named L’udmila; in this relationship they act out a return to the paganism and vitalism of Ancient Greece. As I have argued

⁷ This reading was influenced by the assertion of Vladislav Chodasevich in his essay-memoir on Sologub (*Nekropol’*, 1939) that there had never been evolution in Sologub’s works.

⁸ Z. G. Minc and N. G. Pustygina, “Mif o put’i i evol’ucija pisatelej-simvolistov” in: *Blok i russkij simbolizm: Izbrannye trudy* (SPb: Iskusstvo, 2004), 140–44.

elsewhere, this plot can be read as a rewriting of Euripides's tragedy *The Bacchae*, translated into Russian by the poet Innokentij Annenskij in 1894: Sasha has much in common with the Greek god Dionysus, and Peredonov is similar to his rival Pentheus.⁹

For Károly Kerényi, founder of the modern study of Greek mythology, Dionysus is the god of arrival *par excellence*¹⁰. His appearance is literally an *epidemic*: the arrival “upon” (*epi*) the city (*demos*). As Kerényi notes, epidemic is linked not only with the concept of the plague, but also and more generally with a bursting forth of something new and uncontrollable. If Dionysus in *The Bacchae* has come to Greece from Asia and is considered a foreigner, so Sasha is not only both Greek and Asian in Sologub's novel, but also newly arrived and suspiciously regarded. Indeed, young, self-effacing, and effeminate, Sasha represents a more generalized principle of definitional ambiguity: both Greece and Asia, West and East, male and female.

L'udmila, Sasha's lover, embodies still more deeply a link with the classical Greek world, understood by Sologub to be less part of Europe, than of an Oriental Byzantium specifically linked to Russia. Her patronymic, Platonovna, for example, clearly refers to the Greek cultural legacy, and in her obsessive and erotic dreams, Sasha appears to her as a snake, the phallic and sacred symbol of Dionysus. Although L'udmila describes herself as a pagan, she also admits being attracted to Christianity, but only to the outer layer of Christian ritual, rejecting its spirituality in favor of the more physical, carnal, and corporeal features of pagan religion. She is a mix of Russian paganism and Grecian Olympus, a Rusalka and a Bacchante:

Люблю красоту. Язычица я, грешница. Мне бы в древних Афинах родиться. Люблю цветы, духи, яркие одежды, голое тело. Говорят, есть душа, не знаю, не видела. Да и на что она мне? Пусть умру совсем, как русалка, как тучка под солнцем растаю. Я тело люблю, сильное, ловкое, голое, которое может наслаждаться.

⁹ Martina Morabito, “*Il demone meschino* di Sologub e il mito di Dioniso”, Baccalaureate thesis, October 2012, Department of Modern Languages and Cultures, University of Genoa.

¹⁰ K. Kerényi, *Dionysus* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1976).

If we focus on the end of the novel, we see a ritual masquerade, in which Sasha is dressed in the costume of a Japanese geisha: a Russian in a kimono, a boy dressed like a girl, the border between Russia and East as evanescent as the boundary between the sexes. This masquerade is a crucial event. In *The Bacchae*, Dionysus makes the skeptical Pentheus, king of Thebes, understand his divine power by forcing Pentheus to dress like a woman so that he can blend in with the other women, the devotees of Dionysus, during a sacrificial rite. Nonetheless, Pentheus, during that rite, will be lynched by the crowd, thus undergoing *sparagmos*, the ritual act of tearing apart the sacrificial scapegoat. In *Melkij Bes*, the masquerade takes the form of a large ball in which many of the town's inhabitants participate, attracted by the spectacle of the competition for the best costume. When Sasha's geisha costume wins the contest, the defeated and enraged crowd attacks and tries to lynch "her", although they are unsuccessful.

Sologub writes in a world that is changing, and his Dionysus is not simply the bright example of vitalism described by Nietzsche, but also a figure that raises questions about both geographical and sexual identity, containing within himself both East and West, male and female. Central to Sologub's thinking is the coexistence or synthesis of contradictory elements: L'udmila is Greek and Russian at the same time, Sasha is simultaneously a Greek god and a Japanese geisha. Such a desire for synthesis is a constant in Sologub's thought, which is characterized by the urge to overcome the divide between opposing principles, or state of permanent ambivalence. As we have seen, however, a happy synthesis of Russia, Greece and Asia is not achieved in Sologub's novel: while Sasha is spared a carnal sacrificial death, he is also doomed to live in a Russia that the novel depicts as hopeless and desolate, inhabited by people that are not only petty and ignorant, but also violent and dangerous. Visions of Ancient Greece provide no salvation: Greek gods can only survive in this Russia if they forget about joy and love, rebirth, renewal, and conform to stultifying vulgarity and mediocrity.

As the years went by, Sologub in his examination of cultural contradictions and hopes for synthesis tended to put more and more weight on the Asian element, ultimately rejecting the European element altogether. The years of 1914–1917 that saw World War I and led up to the Revolution have been defined as the sixth period of Sologub's

work and are characterized by patriotic sentiments and the rejection of his earlier pessimistic philosophy. In 1914 he writes an article entitled *Vybor Orientacii* (*A Choice of Orientation*) that ponders over Russia's wartime relationship with Europe. He begins by underlining the close and even symbiotic relationship between Russia and Germany that has been painfully severed by the enmity of war:

С этою Германиею мы связаны многообразными узами, связями духовными и материальными, идеями, наукою, искусством, культурою, знакомствами, симпатиями, срослись с Германиею уж очень плотно, и для нас остриё меча режет по живому месту, и нам больно.

In Sologub's view, none of the great European powers can be a true friend of Russia, since all continue to see Russia as an underdeveloped and barbaric country: while Russians maintain their love for European civilization and culture, Europeans continue to believe that “*поскребите русского, найдёте татарина*”. In Sologub's view, the war, together with Germany's indubitable “Europeanness”, has placed the Russian people – and especially the intelligentsia – before an enormously difficult question:

сохранить ли нам нашу влюблённость в европейскую, в частности, в германскую, культуру, или это европейское, германское, разлюбить?

The dramatically binary choice of solutions reflects Sologub's own profound doubts about Russia's cultural identity: he asks himself continuously in this essay “Кто милее: Европа или Россия? Где наша истинная родина? В степях восточной Европы или в парках Версаля?”.¹¹ Again, as in the novel, he ultimately rejects the possibility of synthesis, although now between Russia and Europe rather than Russia and Asia. In looking for an answer, Sologub draws up a brief

¹¹ Fedor Sologub, “Vybor Orientacii” in: *Otechestvo* (December 1914) No.6. For the key role played by the “steppe” in defining the cultural identity of Russia, see A. Ferrari, *La foresta e la steppa*.

outline of Russian history, beginning with Peter the Great, before whose reign, he writes ironically, Russians “были дикими, вроде папуасов”. Of course, he agrees that Europe has positively influenced Russian progress, but nothing was given to Russia “for free”. His essay then elaborates a tendentious metaphor, in which two women depict Russia and Europe. The woman who represents Russia is named Maria and associated with concepts like “soul”, “home”, “prayer”, “Christ”, while her European sister Marfa is linked unflatteringly with notions of materiality, including the “body” and “things”. The article ends with a programmatic auspice, in which Sologub truncates any possible link between Russia and the West, outlining instead a special mission for the Russian people and a glorious future replete with freedom and truth. Making full use of the rhetorical elements found in Dostoevsky’s famous Pushkin speech (1880), Sologub asserts that Russia is a religious and mystic East, and that freedom, truth, and Christ are concepts that have belonged to Russia since primordial times. Salvation resides within Russia, and must be carried to Europe and to the world by Russia itself, which, prophetic and redeeming, will act as a new Christ and unify all religions. At the same time, Sologub does not forget about Greece or Asia, but links Russia to both of these in a peculiar synthesis of occidental Antiquity and Orient that altogether excludes Western Europe. Moreover, Sologub appropriates Christ for Russian culture, uniting him with Greece and Asia in a new Eurasian cultural synthesis. Russia will act as intermediary: transforming Christianity, guiding this synthesis and empowered by it, Russia will transform Christianity and thus be rendered capable of finally offering something “new”, of demonstrating – at last – its moral and even Messianic leadership in incontrovertible terms:

Мы – не Запад, и никогда Западом не будем. Мы – Восток религиозный и мистический, Восток Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций. Трагедию нашу мы должны разрешить в том, чтобы над крушением европейской ориентации вознести то новое слово, которое мы давно обещаем миру, но которое уже давно дано нам в мистическом миропостижении Востока. Довольно нам ориентироваться на Запад, пора нам найти в самих себе нашу правду и нашу свободу, опереться на исконное

своё, вспомнить древние наши были, оживить в душе торжественные звоны вечевых колоколов.¹²

There are definite constants in Sologub's thought. He consistently held that East and West were interrelated in terms of religion, mysticism and philosophy, and saw in Russia the manifestation of this synthesis. He took Plato to be a forerunner of the Russian *narod*. We can also see that his ideas on Asia evolved. In the 1914 essay, Sologub returns to the Greek element that was in his novel, but now, offers a vision of realized synthesis between East and West that had not been possible fifteen years earlier. In 1914, however, it is Russia, rather than Europe, which represents the legacy of classical Greece. In *Melkij Bes*, the Asiatic component had been relatively weak, overshadowed by the massive presence of a mythical Greek world, but in 1914 recourse to Asia allows Sologub to arrive at a new synthesis or possibility for spiritual rebirth. Russia is a part of Asia, but also the heir of Ancient Greece: by adding Christ to this mixture, Sologub depicts a Russia that is both powerful and redeeming, liberated from Europe.

Thus, in 1914, the pessimism and pettiness that constituted the heart of *Melkij Bes* vanish to make way for a holy and mystical Russia. Sologub here distances himself from the apocalyptic world of Symbolism, moving instead towards the Oriental orientation of the Avant-garde, on a path very closely linked to that described by the artist Natalija Goncharova in 1913:

Мною пройдено все, что мог дать Запад до настоящего времени, – а также все, что, идя от Запада, создала моя родина. Теперь я отряхаю прах от ног своих и удаляюсь от Запада, считая его нивелирующее значение весьма мелким и незначительным, мой путь к первоисточнику всех искусств – к Востоку.¹³

¹² Sologub, "Vybor orientacii".

¹³ Natalija Goncharova, *Vystavka kartin Natalii Goncharovoj, 1900–1913* (Moskva, 1913).

Альтернатива сентиментализма
в русской литературе XX века
Марина Цветаева: *Повесть о Сонечке*

НАТАЛИЯ ЦЕГЕЛЬНИК

магистрант

Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
n.cegelynik@gmail.com

ABSTRACT: The last and perhaps the most significant prosaic work of Marina Tsvetaeva was written in 1937 under the title of *The Tale of Sonechka* (*Povest' o Sonechke*). In my article I present a few approaches that can turn out to be useful when interpreting Tsvetaeva's work. By concentrating on the problem of the literary genre I would like to prove that this text should be read as a novel and not as an autobiography.

The second aspect to be taken into account is the intertextual references to poets and writers of the 18th and 19th centuries. There are special motifs and several intertextual allusions in the novel, which configure it as a continuation of the sentimental literary tradition. Regarding this matter, the article also aims to point out the novel's close relation to Fyodor Dostoevsky's early works and suggests reconsidering Dostoevsky's influence on Tsvetaeva's literary work.

KEYWORDS: Marina Tsvetaeva, *The Tale of Sonechka*, autobiography, sentimentalism, Fyodor Dostoevsky

Введение

Жизнь, личность и творчество Марины Цветаевой представляет богатый материал для исследований и анализа. Творческое наследие Цветаевой было объектом пристального внимания представителей разных научных сфер, но необходимо отметить тот факт, что основное внимание уделялось ее лирическим произведениям. Однако в моем докладе я попытаюсь показать, что стоит обратить внимание и на ее прозаические произведения.

Последнее и, наверное, самое значительное прозаическое произведение Цветаевой было написано в 1937 году и получило название *Повесть о Сонечке*. В Венгрии его первая часть была переведена в 1977 г. Жужой Раб, известной венгерской поэтессой, писательни-

цей и переводчицей, и опубликована в венгерском журнале *Szovjet Irodalom* (*Советская литература*). Вторая часть доступна только на русском языке. Биографическая мотивация данной повести известна: в марте 1937 г. писательница-поэтесса Марина Цветаева узнала о том, что актриса София Евгеньевна Голлидэй, с которой она познакомилась в 1919 году в кругу молодых актеров в театре Вахтангова, три года назад умерла. В тот момент, когда Цветаева узнала об этом, она решила написать свою историю о Сонечке.¹

Знание биографических данных, конечно, необходимо, однако нужно следить за тем, чтобы эта информация не влияла на критические суждения и на анализ произведений. Выбор метода чтения читателем в значительной степени зависит от поэтических и стилистических форм и особенностей текста. Поэтому мой анализ основывается строго на тексте повести. В моем докладе я собираюсь показать несколько из тех подходов, которые могут оказаться плодотворными при интерпретации этого произведения. Прежде всего я хочу остановиться на проблеме жанра и доказать, что эту повесть нужно читать как роман, а не как автобиографию.

Во-вторых, я намерена показать те особенности этого произведения, которые основываются на произведениях предшественников Цветаевой, поэтов и писателей XVIII и XIX веков, подчеркнув при этом роль Достоевского и его ранних произведений. В данной повести существуют такие особые мотивы и ряд таких интертекстуальных намеков, которые, на мой взгляд, делают эту повесть продолжением традиции сентиментальной литературы.

Проблема жанра

Название *Повесть о Сонечке*² предполагает иную жанровую классификацию, чем автобиографическая проза, но дает возможность чита-

¹ Szaakjanc Anna, „A költőnő prózai hagyatékából,” *Szovjet Irodalom* no. 7 (July 1977): 156.

² Слово повесть в Толковом словаре Ефремовой:

1) *Рассказ о последовательном ходе событий.*

2) *Литературное художественное повествовательное произведение, занимающее промежуточное место между рассказом и романом.* – Ефремова Т. Ф., *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* (Москва: Русский язык, 2000).

телю воспринимать данное произведение как автобиографию. Это кажущееся противоречие между заглавием и содержанием уже само по себе привлекает внимание к проблематичности жанра.

В ходе анализа я буду опираться на исследование Филиппа Лежена, статья которого была опубликована в 1975 г. В этой статье он ввел понятие «*автобиографического пакта*», и упомянул два критерия, которым должно соответствовать любое литературное произведение, чтобы читатель мог воспринимать его как автобиографию:

- 1) автор должен быть идентичен повествователю,
- 2) повествователь должен быть идентичен главному действующему лицу.³

Для того, чтобы соответствовать первому критерию, имя писателя/автора на обложке должно соответствовать имени повествователя, потому что любое высказывание от первого лица в человеческом восприятии идентифицируется каким-либо собственным именем, и это имя каким-то образом должно появиться в произведении: либо в названии, либо в введении, которое уточняет автобиографический характер, либо повествователь должен представить себя в тексте⁴.

Тот факт, что рассказчик вставляет в повесть стихи поэтессы Марины Цветаевой как собственные произведения, ссылаясь при этом на условия их написания и называя адресата, то, что в данной повести появляются такие лица, которых можно найти и в биографии поэтессы Марины Цветаевой (Сонечка, Вахтангов, Павел, Юрий, Володя, дочери Цветаевой, Аля и Ирина), а также то, что повесть включает в себя такие события, которые появляются и в биографии автора (эмиграция Цветаевой, смерть Сонечки), – все эти факты направляют читателя в сторону автобиографической интерпретации и подтверждают легитимность повествователя, представляя его как поэтессу Марину Цветаеву. Хотя следует отметить, что рассказчик ни разу не говорит, что он – Марина Цветаева, читатель узнает имя повествователя лишь из слов других действующих лиц, например, их диалогов.

Однако при чтении этой повести становится все труднее сказать, кто же *Марина* повести, автор или вымышленный повествователь, который иногда напоминает автора, но иногда отличается от него.

³ Lejeune Philippe, *Le pacte autobiographique* (Paris: Seuil, 1975), 26.

⁴ Lejeune, *Le pacte autobiographique*, 34.

В *Повести о Сонечке* появляются такие замечания, в которых повествователь постоянно задумывается, как написать данный текст, как его структурировать, о каких событиях писать и о каких не писать, то есть делает такие метанарративные замечания, которые могут являться знаком фикции/вымышленности и указывают на то, что данное произведение нельзя воспринимать как автобиографию:

*Моя точность скучна, знаю. Читателю безразличны даты, и я ими врежу' художественности вещи.*⁵

*Знаю, что опять ничего не даю (и много – беру), однажды даже вычеркнула это место из рукописи...*⁶

Это объяснительная система представляет повествователя достоверным, все знающим о событиях и о персонажах, но и одновременно вызывает сомнения у читателя. Для того, чтобы выяснить, является ли автор Марина Цветаева нарратором Мариной, необходимо рассмотреть, как происходит изображение *собственного я* в литературном тексте и каким образом это явление воспринимается читателем.

Изображение *собственного я* в литературном тексте и любое высказывание о себе может быть осуществлено только с помощью отдаления от самого себя. В этом процессе писатель меняет свою самоидентичность, воссоздавая свое прошлое «я», и в соотношении с ним формирует новую идентичность, непрерывно создающуюся в ходе воспоминаний.⁷ Так получается, что сам текст изначально, по своей природе не способен идентифицировать самого автора, и вместо автора создается новый субъект.

Читатель неизбежно – потому что так устроен человеческий мозг –, связывает с этим субъектом некий персонафицированный субъект, который скрывает весь процесс замещения. Таким образом, открываются два способа интерпретации: читатель либо опознает

⁵ Цветаева Марина, *Собрание сочинений в 7 томах*, IV (Москва: Эллис Лак, 1994), 297.

⁶ Цветаева Марина, *Собрание сочинений в 7 томах*, IV (Москва: Эллис Лак, 1994), 310.

⁷ Dobos István, „Bevezetés: Az önéletírás elméletei,” in *Az önéletírás elméletei, az én színrevitelének alakzatai* (Budapest: Balassi Kiadó, 2005), 12.

этого субъекта как легитимного автора, либо не опознает его как автора. В любом случае появляются трудности.

Если читатель опознает этот субъект как легитимного автора, то он не только должен игнорировать уже упомянутые знаки факции, но еще и закрывает для себя возможность ощутить во всей полноте литературное функционирование языка. Естественно, при таком выборе у непрофессионального читателя не появляется чувство недостатка, но, тем не менее, явные признаки факции, появляясь снова и снова, будут смущать его во время чтения.

Если читатель решит опознать этот субъект не как автора, то его будут смущать как раз те элементы, биографический характер которых можно доказать, даже несмотря на то, что эти элементы в процессе формирования литературного языка так изменились, смешались, что потеряли свои личные значения и стали уже неотъемлемой частью нового литературного произведения.

Второй критерий Лежена, в том, что повествователь должен быть идентичным главному действующему лицу. В *Повести о Сонечке* речь идет о Сонечке по крайней мере в такой же мере, как и о повествователе. Большинство слов и монологов произносит Сонечка как главный герой, но читатель узнает о всех событиях в перспективе рассказчика, который постоянно занимается саморефлексией.

В итоге получается, что *Повесть о Сонечке* не соответствует не одному критерию Лежена, то есть установление идентичности автора повествователю и главному герою в данном случае не может быть выполнено. Определение текста как автобиографического по существу языка невозможно, потому-что язык, и таким образом и текст по своей природе не способен обозначить автора, а только какого-либо другого субъекта, которого можно назвать и повествователем. Этот субъект рождается внутри текста и существует только во время чтения.

Как писал Поль де Ман, «когда мы говорим, что каждый текст автобиографический, по той же причине должны сказать, что не один текст не может быть автобиографическим.»⁸ Так работает язык и литературные произведения: они постоянно разрывают

⁸ de Man, Paul, „Autobiography as De-facement”, *Comparative Literature*, Vol. 94, No. 5. (December 1979): 922.

жанровые категории, не позволяя их ограничить и беспроblemно зачислить в одну жанровую категорию. Произведение Марины Цветаевой не позволяет считать его несомненно автобиографическим, однако позволяет читателю воспринимать его литературным, и эту особенность также обеспечивает характер языка. Как писал Вольфганг Исер, вымышленность это не тоже самое что литературное произведение, но безусловно то, что позволяет этим произведениям существовать.

По вышеупомянутым причинам целесообразно рассматривать данное произведение в качестве романа. Учитывая тот факт, что данный роман является последнем прозаическим произведением Цветаевой, его даже можно воспринимать как синтез ее творческого наследия.

Проблема интертекстуальности

После обсуждения жанровых проблем и определение данной повести как романа можно обратиться к проблеме интертекстуальности. Важно отметить, что понимание интертекстуальных отсылок во многом зависит от читателя, однако в таком романе как *Повесть о Сонечке*, где только в первой части повести можно обнаружить более ста отсылок, то есть в таком романе, который значительно перегружен такими отсылками, проблема интертекстуальности выступает центральной. Далее я продолжу свой анализ в этом направлении и постараюсь представить такую интерпретацию романа, которая подтверждает мою мнение, что это произведение является продолжением традиции сентиментальной литературы и ссылается на эту традицию посредством интертекстуальности.

С помощью интертекстуальных отсылок Цветаева включает в свой роман таких писателей и поэтов, как Пушкин, Аксаков, Огарёв, Герцен, Виктор Уго, Жорж Санд, Дикенс, Байрон, Тургенев и т. д. Даже из этого краткого перечисления видно, что все эти авторы жили приблизительно в одно время. Тем не менее, важнейшую роль безусловно получает Достоевский и его ранние произведения, и этот факт приводит читателя к самому плодотворному подходу при интерпретации этого произведения, при котором *Повесть*

о Сонечке видится как творческое переосмысление ранних текстов Достоевского.

Как известно из истории литературы, Достоевский не повлиял на Цветаеву, и чтобы доказать это, литературоведы обычно цитируют письмо Цветаевой, где она пишет следующее: «Достоевский мне в жизни как-то не понадобился, обошлась, но узнаю себя и в Белых ночах [...]»⁹

Как раз *Белые ночи* – именно то произведение, опираясь на которое Цветаева в своей последней повести доказывает влияние Достоевского на ее собственное творчество. В романе Сонечка в театре Вахтангова играет роль Настеньки из *Белых ночей*, но в личной жизни она не просто играет, а живет как Настенька, думает и все делает как Настенька, то есть не просто играет, а переживает роль Настеньки. Это указывает на то, что Сонечка воспринимает вымышленного литературного героя как реального, а себя воспринимает как литературного героя. Таким образом, фикция и действительность смешиваются не только на уровне языка, но также и на уровне сюжета. Не менее важно, что в результате Сонечка, переживая роль Настеньки в своей жизни, становится частью мифологического петербургского текста.

В повести появляются не только *Белые ночи*, Цветаева также ссылается и на *Неточку Незванову*, но, что является еще более важным, во второй части повести писательница с помощью писем Сонечки непосредственно ссылается на первый роман Достоевского *Бедные люди*. Когда Сонечка после отъезда пишет письмо Марине, она, несомненно, напоминает Девушкина, начиная письмо обращением «Бесценная моя Марина».

Это постоянное обращение Девушкина к Вареньке в первом романе Достоевского. Тон, повторение и постоянное возвращение к словам создает такую же сентиментальную атмосферу, которую можно почувствовать у раннего Достоевского. Если сравнить полное письмо Сонечки и письмо Девушкина, то выяснится, что Цветаева не только ссылается, но и имитирует литературный язык Девушкина:

⁹ Цветаева Марина, *Собрание сочинений в 7 томах*, VII (Москва: Эллис Лак, 1994), 387.

Все же не могла – и плакала, идя по такой светлой Поварской в сегодняшнее утро, – будет, будет, и увижу вас не раз и буду плакать не раз, – но так – никогда, никогда –¹⁰

Стало быть, вам не хочется ехать; стало быть, вас насильно увозят, стало быть, вам жаль меня, стало быть, вы меня любите! Да как же, с кем же вы теперь будете?¹¹

Но Цветаева не создает своего натурального языка, как это делает Достоевский посредством Девушкина в конце романа *Бедные люди*.¹² Важно заметить, что в данной повести язык Цветаевой – это в основном смесь языков других поэтов и писателей, из которых выделяется Достоевский, занимающий доминирующее место.

Если использовать результаты исследования Ирины Шевеленко¹³ и согласиться с тем, что Цветаева считала свои произведения ответами, то роман *Повесть о Сонечке* можно рассматривать как ответ на ранние произведения Достоевского. Таким образом, с помощью Достоевского Сонечка становится сентиментальной героиней и одновременно ответом Цветаевой на тексты Достоевского. Даже имя Сонечки – это уменьшительно-ласкательная форма имени София, которая не только напоминает героинь ранних произведений Достоевского, Настеньку, Вареньку и Неточку, но и направляет читателя к той интерпретации, где станет очевидным, что в этой повести Цветаева на самом деле воссоздает и переосмысливает традиционную сентиментальную героиню в совершенно новой среде XX века.

Этот персонаж, тип женщин известен всем, кто знаком с русской литературой, поэтому название повести не может быть случайным. Начиная с *Бедной Лизы* Николая Карамзина, этот чувствительный тип женщин можно обнаружить везде в русской литературе. Таким

¹⁰ Цветаева Марина, *Собрание сочинений в 7 томах*, VII (Москва: Эллис Лак, 1994), 386.

¹¹ Достоевский, Ф. М., *Собрание сочинений в 15 томах*, I. Повести и рассказы 1846–1847 (Ленинград: «НАУКА» Ленинградское отделение, 1988), 143.

¹² Kroó Katalin, „Dosztójevszkij és az irodalmi hagyomány. Puskin, Gogol, Nyekraszov és a „naturális” ábrázolás,” in *Bevezetés a XIX. századi orosz irodalom történetébe II*. edited by Katalin Kroó (Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006), 439.

¹³ Шевеленко Ирина, *Литературный путь Цветаевой* (Москва: Новое литературное обозрение, 2002), 47.

же персонажам является Дуня в *Станционном смотрителе* Пушкина, Лиза в романе Тургенева *Дворянское гнездо* или Наташа Ростова в романе Толстого *Война и мир*.

Примеры типа Сонечки можно найти и после Цветаевой, например, можно упомянуть произведение Людмилы Улицкой *Сонечка*, роман Фазиля Искандера *Собачка* или рассказ *Соня* Татьяны Толстой. Всех этих героинь соединяет сентиментализм, культ чувствительности, и в этот ряд Цветаева вводит свою Сонечку.

Следовательно, как раз последний роман Цветаевой полностью отрицает утверждение, что Достоевский не оказал никакого влияния на Цветаеву, и это тоже не может быть случайным совпадением. Поэтому, как уже было отмечено выше, нельзя допускать, чтобы биографические данные – в данном случае часто цитируемое знаменитое письмо Цветаевой – в слишком большой степени влияли на анализ какого-либо литературного произведения.

Заключение

В своем эссе *Поэт и проза* Иосиф Бродский, цитируя Марину Цветаеву, пишет, что «*чтение есть соучастие в творчестве*».¹⁴ В моем докладе я попыталась доказать, что это действительно так, без читателя не существует ни одно литературное произведение, и даже можно сказать, что все произведения создаются читателями во время чтения и интерпретации.

В этой работе я попыталась показать лишь несколько из тех подходов, которые могут оказаться плодотворными при интерпретации этого произведения и которые опираются строго на текст романа. В связи с этим я коснулась проблемы жанра, проанализировала те особенности, которые позволяют читать данный текст как автобиографию, однако заметила, что определение этого текста как автобиографического невозможно, потому что (литературный) язык, по своей природе не способен обозначить автора, а только какого-либо другого субъекта, который рождается внутри текста и существует

¹⁴ Бродский Иосиф, „Поэт и проза”, in *Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе*, (Москва: Ex libris, 1992), 59–71.

только во время чтения. Поэтому я рассматриваю данное произведение в качестве романа, и даже воспринимаю его как синтез творческого наследия Цветаевой.

Далее я попыталась доказать, что в этой повести Цветаева с помощью интертекстуальности и характера Сонечки на самом деле воссоздает и переосмысливает традиционную сентиментальную героиню в совершенно новой среде, и в этом аспекте особое значение получают ранние произведения Достоевского. Таким образом роман Марины Цветаевой, *Повесть о Сонечке* продолжает ту сентиментальную литературную традицию, которая началась в русской литературе с Карамзина и в своей форме, как альтернатива, существовала и в XX веке.

Стиль модерн в России
– ВЕСТНИК ЕВРОПЫ И СВИДЕТЕЛЬ
ГИБЕЛИ ИМПЕРИИ:
РЕЦЕПЦИЯ В НАСТОЯЩЕМ

Охотникова Е. В.

старший преподаватель

Московский педагогический государственный университет, Россия

eplico@mail.ru

ABSTRACT: The article describes the presence of modern style in Russian culture and art of the XIX–XX centuries and its reception in modern culture from the perspective of interdisciplinary cultural approach to national cultural strategy.

KEYWORDS: Art nouveau, cultural reception, Russian art, cultural identity, cultural memory

Эпоха рубежа XIX–XX веков во всем многообразии возникших тогда теорий и реалий предопределила путь развития России не только в XX веке, но и в веке XXI. Стиль модерн – массовое явление европейской культуры рубежа веков, проникнув в Россию, оказался больше чем просто художественным стилем, став визуальным разрешением модели России-Европа в их взаимодействии. В настоящей статье мы постараемся перебросить мост между двумя берегами Леты и двумя рубежными эпохами: России начала XXв. - еще имперской и выходящей на новый уровень отношений с Европой и России сегодняшнего дня - во всей широте ее амбиций.

Рождение и развитие модерна в России было сопряжено с целым рядом особенностей, отличающих и ее национально-художественную, и социокультурную ситуацию от стран Европы. Эту особенность русского модерна подчеркивают все авторы, пишущие о нем. Д. В. Сарабьянов указывает на противоречие в русском искусстве того времени, где «романтическая традиция была прервана критическим реализмом и практически предыстории модерна не существовало: новый стиль начинает развиваться в 80-е годы. Получилось так, что его предыстория как бы слилась с первым этапом

истории»¹. Но предыстория у модерна в России была, но «корни» этого явления уходили не в искусство как в область вещественного, а непосредственно в культуру как образ духовного. Модерн в России стал визуальным воплощением поиска «истинности», столь важного в русской культурной ментальности. Если в европейском контексте модерн, прежде всего, решает декоративные задачи, в России (так сложились сразу несколько векторов – истории, искусства, политики) модерну предстояло отвечать за воплощение в жизнь метафоры новой реальности.

М. Нащокина отмечает, что «несмотря на психологическую готовность к революционным переменам в искусстве, модерн в Россию пришел с заметным опозданием, его появление не сразу заметили, когда же это произошло, отнеслись к нему с полным недоверием и отчужденностью: «Неужели же эти вульгарные и мелочные формы и орнаменты – ожидаемый новый стиль?»². Получилась новая для культуры ситуация: стиль «предвкушали и предчувствовали» еще до его появления. Как на первенца нового мира, мира, наполненного прогрессом и стремительно летящего в XX век, на него возлагали всевозможные надежды. Модерн как предчувствие нового, космологически обобщающего весь опыт искусства предыдущих эпох стиля, витал в воздухе Европы уже несколько десятков лет и, естественно, его ожидание эхом доносилось и в Россию.

Стилевая универсалия нового вкуса, приводящего к общему знаменателю «новое» не только все художественные практики, но и все сферы жизни и быта, должна была быть воплощена и предложена как общеевропейская эстетическая медиана. Стоит ли говорить, что под новым стилем для нового общества и нового человека все понимали разное. В Европе ожидалось одно, в России – другое. И в любом случае рожденный «ребенок» разочаровал практически всех, кто ожидал от его воплощения всевропейской эстетической панацеи.

Особая роль, особое ожидание, возлагаемые на модерн русским контекстом, и определяют его отличие от европейских образцов. Модерн никогда не был в России только внешней художественной

¹ Сарабьянов Д. В., *Стиль модерн. Истоки, история, проблемы* (М.: Искусство, 1989. Изд. 2-е, 2001), 93.

² Нащокина М. В., *Наедине с музой архитектурной истории* (М.: Улей, 2008), 124.

практикой, русский модерн был лабораторией новой художественной выразительности и отражением нового быта и нового бытия. Особенностью русского модерна станет то, что его теория и его практика, его история и его создание – процессы, происходившие в единой временной плоскости.

Модерн как форма приходит с Запада, попадает в среду, анализируется и преобразуется русскими авторами, тут же подвергается критике и комментированию на страницах художественных журналов. Из комментариев рождаются теоретические постулаты нового стиля, и они возвращаются обратно в лоно самого искусства. При всей претензии модерна на большой стиль, полноценный, всепроникающий, программа стиля строится вместе с ним. Подобно дому, который только задуман – и вот его уже начинают строить, и в процессе строительства в проект добавляются детали, объясняются какие-то особые стороны и т.п. В этом случае вряд ли кто-то может «на уровне фундамента» сказать, каков будет конечный образ. Очевидно (и для всех наблюдателей, и для всех созидателей) только одно – рождается что-то поистине грандиозное.

Но если первые этапы строительства этого здания, его фундамент (то есть духовная, философская, поэтическая составляющие) полнокровны и полноценны, то второй ярус – художественный – уже тяготеет к некоторому освобождению от излишних смыслов и, наконец, на позднем этапе строительства, когда идеи, заложенные в фундаменте, либо потеряли свою актуальность, либо перестали отражать действительное положение вещей, остается только завершить это здание декоративными маскаронами, подведя под общий знаменатель орнамент и узнаваемые элементы декора, грандиозную первоначальную идею. «Те, кого в первую очередь волновали социальные проблемы культуры, настаивали на способности модерна преодолеть разрыв между художественным творчеством и массовым потреблением, путем изменения бытования искусства в культуре»³.

Ранний модерн отличается от зрелого и позднего модерна прежде всего, подходом к стилю как к приобретенному, еще чужому образу, в который вкладывается много больше смысла, нежели в простое

³ Федотов Г. П., *Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры*. В 2 т. (СПб.: София, 1991. Т. 1), 58.

декоративное подражание. Ранний модерн находится в определенном смысле в положении ученика по отношению к своим первоисточникам. В раннем модерне заметнее всего влияния иных архитектурных и художественных школ (бельгийской например, столь заметной в раннем московском модерне). «Ученичество» модерна проявляется в естественном подражании, и прежде всего это видно через обилие узнаваемых декоративных элементов (если говорить об архитектуре) и через трансляцию популярных образов и сюжетов (что более заметно в живописи).

Зрелый модерн 90-х определяется уже как оторвавшееся от своих учителей новое и иное восприятие. В нем много больше самостоятельности и, главное, внутри него уже отражен иной, истинно русский и национальный смысл. Зрелый модерн – московских особняков, петербургских доходных домов, живописи позднего Серова и Врубеля – это не «примерка на себя одежда европейского стиля», это самостоятельно осмысленное движение художественной мысли в русле европейского стиля. И чем самостоятельнее и причастнее самому себе этот зрелый модерн, тем меньше становится в нем поверхностной декоративности. Он кристаллизуется – и сюжетно, и образно, и даже на уровне формы и цвета. Это уже «свое», механизм понят, урок выучен и можно создавать новое, не реферируя европейские образцы.

Поздний модерн уже пропитан иным духом. Несмотря на тенденции (в архитектуре) к рационализаторству и снижению декоративизма, он постепенно перемещается в поле символа и застывает в некой своей форме. Своеобразные «качели» опять возвращаются в исходную точку стиля-образа, при этом поздний модерн характерен и интересен тем, что в нем постепенно разделяются и идут уже каждая своим путем две тенденции – одна, консервативная и даже консервирующая, как будто бы игнорирующая реальность, которая меняется каждый день. Вторая – новаторская – устремлена в сторону предчувствуемой уже архитектуры конструктивизма. Первая тенденция выражена не только в стремлении сохранить только модерн – это стремление к новой классике, развивающееся новое – должно быть отлито в форму.

«Модерн» постепенно становится «классическим стилем» для определенного рода явлений и архитектурных строений: это стиль

банков, купечества, доходных домов, рекламы, торговли, моды. С другой стороны, в позднем модерне есть возврат к классицизму, который на русской почве (впрочем, как и все в России) означает больше, чем просто архитектурный стиль, – это возврат к образу России-победительницы в европейской войне с Наполеоном, России стабильной и самодержавной, тенденция к равновесию и покою. Проиллюстрируем вышесказанное некоторыми примерами.

Историю русского модерна принято начинать с абрамцевского кружка и непосредственно с архитектурного прецедента – абрамцевской церкви, построенной в 1882 году В. Васнецовым и В. Polenovым.

Д. Сарабьянов прослеживает предчувствие модерна в интересе к народному творчеству и в том, как авторы церквушки интересуются более самой архитектурной формой, нежели декором, стараясь преодолеть псевдорусский стиль и обрести неорусский. По своему существу абрамцевская церковь вряд ли может претендовать на роль архитектурного эталона какого-либо стиля, зато именно в ней хорошо читается путь поиска новой выразительности. Поиск, еще незавершенный, становится в определенном смысле квинтэссенцией модерна как способа мыслить и творить, чего впрочем, вероятно, еще не осознают его русские творцы. При внимательном рассмотрении мы можем обнаружить в этом примере все отправные точки, характерные для стиля модерн. Первое – это обращение к национальному прошлому. Обращение к собственной истории свойственно всем «модернам». Обращение к собственному прошлому есть и признак романтизма, который является предтечей модерна в искусстве. Принципиальный момент в том, к какому историческому национальному прошлому идет обращение. Для России это домонгольский период, тот момент, где еще, по всей вероятности, можно попытаться кристаллизовать «русскость», очистив ее от всего наносного: сначала захватчиками и кочевниками, позже петровскими реформами и просветительскими идеями Европы.

Попытка разыскать «русскость», истинность, «первоматерию» национального образа приводит к результату в котором, вместо реальной истории, которая на поверку оказывается менее интересной и богатой на образы (а востребовано именно это), обращение слушается к выдуманной истории, к сказочности, легендарности. По-

добно тому, как английские прерафаэлиты, предвестники модерна, возрождают визуальные образы национальных легенд и пишут визуальную хронику того, чего не было, Абрамцевская церковь – пример того, как в поисках настоящего русского обретается новая форма вымышленного мифа о русском.

В Абрамцевской церкви используются архитектурные приемы «подразумеваемого» времени, соединенные с современными знаниями и т. п. Но ведь для того чтобы строить как в домонгольскую эпоху, нужно мыслить как тогда, а в XIX веке думается и дышится иначе, человеку нужно другое пространство, другие декорации для поисков себя и общения с Богом.

Абрамцевская церковь – сплав двух течений – созидательного и реставрирующего. Реставрирующего в плане исторической обращенности на сохранение исконности русского (которая, как мы уже оговорили, в определенном ракурсе более чем условна), созидательного, то есть попытки создать традицию. Абрамцевскую церковь можно определить как эскиз модерна – не только русского архитектурного модерна, но модерна как явления в истории русской культуры. Она обладает свойством, которое хорошо читается только в контексте, в котором она расположена. К счастью, даже сегодня у нас есть возможность наблюдать абрамцевский пейзаж, поэтому, оказавшись на месте действия, можно увидеть то, что характеризует эту церквушку, с одной стороны, как предтечу стиля, с другой, – как его полнокровного первенца, несущего в себе всю генетику идей модерна. Прихотливость, некоторая «округленность» линий этой церквушки суть отражение, продолжение и преобразование естественных линий окружающего пейзажа. Модерн не только учится у природы, копируя ее элементы, модерн ищет путь, на котором природа и сделанное руками человека, будут переплетены и преобразованы друг другом.

Абрамцевская церковь рождена окружающим пейзажем, террасы и уступы абрамцевского парка, отсутствие резких линий и переходов, легкая, естественная природная «размытость контура» обнаруживаются нами в яркости церкви, в ее многогранных уступах, выпуклостях, изгибах. Естественные цвета природы, окружающей ее, – прерафаэлитский зеленый, сочно-коричневый, охристый, синий, дымно-серый – все это отражено в цвете церковки, в изразцах,

росписях, оформлении. *Это квинтэссенция идеальной спирали модерна: взять в природе про-образ (цвет, форму, линию), пропустить его через призму искусства, через человеческие техники, материалы, умения и вернуть обратно в природу (то есть в окружающий контекст), таким образом, чтобы снова прийти к состоянию гармонии.* Центр этого действия - человек природный, настоящий, но преобразованный чем-то, что стоит сверх его природы, – то есть искусством.

Ранний М. Врубель это еще одна персонификация поиска в модерне. «Девочка на фоне персидского ковра» (1886 год) – расколотый на мириады цветочных кусочков образ, в котором героиня и окружающие ее предметы уравнены цветом, но не уравнены смыслом. Прорисованное в этой кристаллизации завершенное лицо на фоне бесконечного, практически микеланджеловского *non finito* декоративно-цветовой обстановки.. Знает ли сам Врубель, что он – модерн, творит ли он специально «в стиле»? Думается, что нет. Врубель – это модерн, идущий изнутри, модерн поиска и выражения. Он таков, потому что иначе не может. Это его образ мысли и действия.

Другую тенденцию – копирования и переосмысления европейских образцов можно наблюдать в творчестве М. Нестерова. В работах этого художника действует сила приобретенности: он «пробует» модерн как художественный образ, как путь, как выражение. Присматривается, применяет. Но не живет им. На примере Нестерова уже видна тенденция «сказочности» русского модерна, его стремления создать идеальный мир с остановленным временем и равномерным звучанием всех мировых сил и порядков. Модерн Нестерова – поиск покоя. Модерн Врубеля – невозможность покоя обрести.

Зрелый модерн, характеризует сложение самостоятельных «школ» модерна. Прежде всего, речь идет об архитектуре. Так, Нащокина отмечает, что период 90-х годов и начала XX века характеризуются прежде всего отношением к модерну как к способу преобразования мира и быта современного человека. Это одна из ключевых задач европейского модерна русской же общественностью, по мнению автора, как бы игнорировалась, а вот персонально художниками и архитекторами поддерживалась. И московский модерн решает проблему личных декораций нового быта по-особому – на уровне частных условий заказа. Существуют тенденции.

С одной стороны, «всеядность» и разрозненность, непохожесть произведений одного и того же автора друг на друга – к примеру, особняки Ф.Шехтеля. Архитектурное «чего изволите» можно было бы ложно принять за всеядность автора, который «по всякому» может. Но посмотрим с другой стороны. Если новая архитектура создает среду, комфортную для нового человека, а на рубеже веков острая индивидуальность становится столь же важной, сколь важна она и в наши дни, то тогда все видится вполне логичным: московский модерн создает индивидуализированное лично-комфортное пространство для разных людей. Возможность построить себе мир, в котором, с одной стороны, хорошо и уютно, мир, соразмерный тебе, с другой стороны, – репрезентировать то, что хочется показать публике (бесконечные парадные залы), с третьей, – рассказать о себе во всех своих проявлениях. Что это, как не создание лично-комфортного нового мира?

Из этого следует, что понимаемый так русский, московский модерн в принципе не может быть унифицирован и одинаков. Он, безусловно, узнаваем, но в этой узнаваемости он индивидуален и остро отличен.

Еще одна иллюстрация русского модерна в живописи, это «новый» В. Серов – ученик Репина, пройдя через мягкое влияние импрессионизма, преобразив и переработав его, Серов пробует образ новой художественной силы в «Похищении Европы» и в «Портрете Иды Рубинштейн». Остановимся на «Похищении Европы» как на выражении тенденции в чистом виде. Европа с ее условным лицом, уподобленным греческой коре или критской танцовщице, не может обладать сколь угодной реальностью или портретностью, которую можно было бы ожидать от Серова, как от блестящего портретиста. Этот образ Европы – многовековая маска, за которой скрываются время и кровь разных народов, беспристрастная условность. Ее ни о чем не сожалеющий взгляд покорности и безразличия, и мощная спина быка – бога, в котором вирильная сила и угроза, который сам в этом условном синем море похожем на горностаю, кажется целым континентом. Небольшое по объему, это полотно изображает начало мира одного и конец другого. Это рождение Новой Европы, это античность, унесенная в сторону будущего, которое совершенно неясно.

Наследие, взятое целиком в образ-Девы, впитавшей в себя семя античности и в будущем породившей иную цивилизацию. Может быть, это и есть понимание себя и своей роли в новом художественном мире. Оторваться от прошлого, взять лучшее и оставить за собой взгляд назад. При этом никогда не иметь возможности вернуться. Это условное горностаевое море, разрезаемое быком, как рубеж веков, прошедший за десять лет до создания полотна.

Зрелый модерн в архитектуре демонстрировал рационализаторские тенденции. Показательный пример – это здание типографии П. П. Рябушинского «Утро России», построенное Шехтелем на Страстном бульваре. По замечанию Сарабьянова, в здании становится ясно читаемым «каркас»⁴, и действительно, из архитектурного языка практически уходит декоративность, отпадают ставшие лишними декоративные нагромождения и чрезмерности. Пространство архитектуры как будто очищается от всего, без чего можно обойтись. И, казалось бы, очищенный от всего, должен проступить истинный модерн.

Но проступает иное – проступает предчувствие новой архитектурной эстетики конструктивизма, которая полтора десятилетия спустя будет основным аккордом новой Москвы. Модерн оказался не тем стилем, который можно вычищать до основания в поисках его сущности, его сущностью, собственно, и была многослойность образа и мира.

Говоря о культурно- и мировосприятии модерна в русской культуре, нельзя не выйти за хронологические границы времени и места действия. Симптоматично, что для молодой советской культуры модерн становится буквально классовым врагом. Связано это не только с его псевдоэлитарной принадлежностью (псевдоэлитарной, поскольку модерн в своем развитии по существу первый внесловный стиль, обслуживающий эстетический заказ и вкус самых разных слоев населения). Модерн, с заложенной в нем тенденцией на переустройство мира по законам красоты не мог существовать рядом с тем же призывом к переустройству мира, который появился в реальности юной советской России. Стиль – демиург будущего не

⁴ Сарабьянов, *Стиль модерн*, 181.

мог мириться с поверженным (как казалось) демиургом прошлого. Борьба советского с модерном (отрицание, высмеивание, игнорирование ценности, наконец) иллюстрирует нам естественный результат столкновения идеалов и идеологий. Но в культурной памяти модерн оказался неистребим. Он возвращается вновь в культуру России на рубеже XX- XXI веков. Возвращается в образе выставок, публикаций, кино-образов как попытка вновь найти отражения новейшей реальности и одновременно обрести в прошлом потерянный рай счастливого мира, навсегда ушедшей России. И чем более явной становится тенденция к имперскому созиданию (в политике и культуре) тем больше на авансцену выходит модерн. Сам того не ведая в годы своего рождения, модерн олицетворяет «идеальную Россию», имперскую, сильную, созидающую, какой она была в начале двадцатого века, европейскую и в тоже время остро-самобытную.

EXHIBITION
PARIS–MOSCOW, 1900–1930

MATHILDE POUPEE

MA Student

Université Paris-Est Créteil, Ecole Normale Supérieure de Paris, France
mathilde.poupee@ens.fr

ABSTRACT: In 1979, the National Museum of Modern Art, located in the Centre Pompidou in Paris, displayed one of the major exhibitions of its history: the exhibit Paris–Moscow, 1900–1930. Curated by Pontus Hulten, this exhibition aimed at highlighting the mutual influence of the French and Russian avant-garde during the rise of Modern Art. In 1981, the same exhibit was presented in Moscow while Russia was marked by a significant rise in censorship and political surveillance. The question naturally arises: how such a striking and innovative exhibit could get the permission to be on display at the time of intensified censorship?

The French curatorial team was eager to establish normal relationships with its Soviet colleagues, and to encourage exchanges between France and the USSR. The Soviet team, lead by Alexander Khaltourine, was willing to display avant-garde paintings and works of art being hidden in museums' cellars for fifty years. This exhibition aimed at showing how inseparably Russia and the USSR were a part of Western Europe and played a decisive role in the rise of Modern Art between 1900 and 1930. Therefore, it marked out a turning point in Soviet cultural diplomacy and in Soviet history at all.

Drawing upon the discovery of new materials in the archives at the Centre Pompidou Paris, Valéry Giscard d'Estaing's recently published "memoires" and interviews with French ambassadors and curators who were in charge of the exhibit in 1979, my essay highlights the issues at stake during the preparation and the display of the mutual exhibit between France and the USSR during the Cold War.

KEYWORDS: Soviet avant-garde, exhibition, Centre Pompidou

Introduction

One of the most interesting and challenging examples of cultural diplomacy during the Cold War was the organization and realization

of the exhibition *Paris–Moscow, 1900–1930*, displayed in 1979 at the National Museum of Modern Art in the Centre Pompidou in Paris. This exhibit aimed at highlighting the mutual influences of the French and Russian vanguards at the rise of Modern art. Exhibited were *The Black Square* of Kazimir Malevich, posters from Henry Moor, letters from Osip Mandelstam, porcelain plates designed by Mikhail Adamovich, chairs made by Alexandr Rodchenko, tables made by Le Corbusier, Vladimir Tatlin's Tower – rebuilt from scratch – movies from Dziga Vertov, and clothes created by Sonia Delaunay. Two thousand five hundred works of art and documents were displayed. Special attention was paid to the emergence of Russian symbolism, suprematism, futurism and constructivism. Through a series of crucial theoretical and aesthetic documents, in addition to the works of art on display, the exhibition demonstrated how the Soviet vanguards broke with the artistic languages of the past and, simultaneously, offered new concepts for organizing an uncertain and emerging way of life. Not only did the Parisian and Russian avant-gardes fundamentally change the vocabulary of expressive means, but they also transformed the very understanding of the material environment and its social potentialities. In 1981, the same exhibit was displayed in Moscow.

The French team requested paintings, books or documents that had long been banned and forbidden in the USSR. The French and the Soviet teams managed to produce a challenging exhibition that became one of the major exhibitions of the Centre Pompidou. This extraordinary exhibition raises some questions. How could such a striking and innovative project succeed and take place during the Cold War? Why was the Soviet Union ready to accommodate to a Western country?

I claim that this exhibition is a sign of a clear turning point in the Soviet regime. The Brezhnev era is often considered as dull, grey and conformist.¹ This exhibition, displaying works of Modern Art both in France and in Moscow, suggests the idea that the Brezhnev era should be reconsidered. “People in the West are mistaken in thinking that life in the Soviet Union was so suppressed during the two decades before Gorbachev that nobody with good brains, a strong spirit and a good

¹ Edwin Bacon and Mark Sandl, eds., *Brezhnev Reconsidered* (Palgrave MacMillan, 2002), 136.

conscience could exist. It's just not true."² The content of the exhibition shows that, in the realm of artistic and cultural projects, the Soviet regime evolved.

First we must consider the general setting of the exhibition. An exhibition between France and the USSR could only take place thanks to well-established political frames and diplomatic governmental structures. The Centre Pompidou and the French curatorial team also played important roles as triggering elements. Second, the innovative aspect of this cultural event is embodied in the content of the exhibition itself. It culminated in the bold claim that the relations between Russian, Soviet and French artists in the period of 1900–1930 were responsible for Modern Art itself. It was the very first time that Soviet curators took part in such a revolutionary Western cultural project.

In order to answer the above questions, the archives of the former French president Valéry Giscard d'Estaing, the archives of the Ministry of Foreign Affairs, and the archives of the Centre Pompidou have been consulted. Interviews with the French Ambassador to Moscow between 1979 and 1981, Sir Henri Froment-Meurice, and interviews with most of the members of the French curatorial team were also utilized. The absence of Russian and Soviet archives at the moment necessarily limits this study to the French point of view.

The general setting of the exhibition

The Cold War did not prevent France and the USSR from having rich and close cultural relations. In the '70s, a range of cultural events between France and the USSR were organized. In 1976 in Paris at the Grand Palais, an exhibition was displayed: *Russian Painting and Romanticism*; this was followed in 1978 by the exhibition *Realism and Poetry in Russian Paintings*. In 1979, French curators displayed exhibitions in Moscow about French Paintings between 1909 and 1930, and an exhibition about the Walter Guillaume Collection in 1981. Such cultural events were common, and organized around a clearly articulated set of rules during the seventies.

² Bacon and Sandle, 135.

From the 19th century forward, the French had been striving to maintain consistent diplomatic relations with Russia and, later, the USSR. There was a long history of lasting friendship between France and Russia, beginning with Peter the Great and Catherine II, and especially developing under the rule of Elisabeth. After the Second World War, general Charles de Gaulle played an important role in transforming this friendship between the Soviet Union and France into an actual political project. Treaties were signed between general de Gaulle and Stalin in 1944, and another one in June 1966, in which close cultural cooperation was officially stated. In between, cultural exchange programs were fixed in 1958.

After 1971, the French president Valéry Giscard D'Estaing maintained this privileged relationship with the Soviet Union, and created a diplomatic context that favored unique cultural exchanges with Eastern Europe. Contrary to general de Gaulle's approach, which built up exchanges with the USSR while thinking that Communism would pass and Russia would remain, Valéry Giscard d'Estaing's approach always recognized the Soviet Union as an ongoing political reality, and accepted it with its values and ideology. In November 1975, the French newspaper *Le Figaro* published an interview with the French President, in which he said that he did not intend to alter the Soviet system but was willing instead to have peaceful and normal relations with Eastern Europe.³ His concept of "détente idéologique" relies on accepting the other's system of values. This political stance, characterized by understanding and openness, was reinforced by official treaties and cultural cooperation. Artistic activities, ballets, fairs, circuses, theatrical plays, movie shows and exhibitions were organized between France and the USSR.

If the president Valéry Giscard d'Estaing was willing to build cultural bridges between his country and the Soviet Union, the Soviet leader Leonid Brezhnev was ready to do the same. Indeed, and especially after the Helsinki Conference in 1975, the '70s in the USSR were marked by an attempt to broaden its relations to the West. In the cultural field, the Ministry of Foreign Affairs in France declared that it was difficult to restrict the Soviets, many of whom were eager to display a great number

³ Thomas Schreiber, *Les actions de la France à l'Est ou l'absence de Marianne* (Paris: L'Harmattan, 2000), 149.

of exhibitions in France. It was even said that "if the Soviets were allowed to, they would schedule exhibitions in Paris until 1985 and they would program a wide variety of cultural events in provincial towns".⁴

Nevertheless, even if they played an important role in creating the necessary political and diplomatic frame, official governmental agents were not the only ones acting in favor of increasing cultural exchanges between Western and Eastern Europe. The Centre Pompidou played a major role in the setting up of international exhibitions. Created in 1975, the Centre Pompidou was characterized by its modernity and originality. This new cultural institution defied every other traditional form of cultural institutions in France at the time, in terms not only of architecture but also of internal organization. From the moment of its inception, the Centre Pompidou has been a unique, modern, innovative and independent institution. The Centre Pompidou and the National Museum of Modern Art did not belong to the French Reunion of National Museums (RMN, la Réunion des Musées Nationaux).⁵ Consequently, they were independent and did not fall under the direct authority of the Ministry of Culture. In this way, the National Museum of Modern Art effectively enjoyed total freedom in its choices of exhibitions and cultural partners.

Between 1977 and 1981, the National Museum of Modern Art clearly and freely defined its policy, which was marked by the pursuit of international partners and modern innovations. Four major exhibitions were displayed during those four years: *Paris–New York*, *Paris–Berlin*, *Paris–Moscow* and *Paris–Paris*. They were all decided by the director of the museum, Pontus Hulten, who was fascinated by cultural exchanges transgressing boundaries. Therefore, he was constantly looking for international partners to set up exhibitions.

On the Soviet side, the Soviet curatorial team strongly believed in the project. It shows that during the Brezhnev era there was a little room for

⁴ Archives du Centre Pompidou, Archives de l'exposition *Paris–Moscou, 1900–193*, CARTON 92022/116, Notes, PV, réunions, Note pour Jean Millier de Jean-François de Canchy, 26 mai 1978.

⁵ Archives Nationales, *Archives de la présidence de la République Valérie Giscard d'Estaing, 1974–1981*, fond 5 AG 3 2042-43 CD 3–4, Décret No.76–83 du 27 janvier 1976, Article 1.

manoeuvring. There are only a few studies about the intellectual life after Stalin. Mostly there are only two groups of people in the focus: either the dissidents or, on the opposite side of the spectrum, the obedient servants. This exhibition sheds light on people in between, the ones who created a form of opposition called the “within-system opposition”.⁶ The Brezhnev era is seen as a period characterized by stagnation and neo-stalinist reactions, but the exhibition *Paris–Moscow* points out a turning point in the Soviet regime’s policy which might be interpreted as the beginning of the Perestroika at the end of the seventies.⁷

The content of the exhibition:

A closer study of the content of the exhibition points out how the exhibition represents a turning point in the opening of the Soviet Ministry of Culture, the Soviet regime and the Soviet minds toward the West.

First of all, the animating idea of the exhibition was the assumption that the USSR played a crucial role in the development of Modern Art in Western Europe. It includes the USSR in a Western cultural and artistic process. Indeed, the French curator wanted to highlight that the relations between Paris and Moscow between 1900 and 1930 gave birth to Modern Art. It is within the frame of those artistic exchanges, creative dialogues and interactions that the history of art transformed. The French curator believed that those exchanges were the epitome of modernity:

“In 1900, the XXth century begins. (...) 1900, the generation of our first great artists, the pioneers of our century, is 20. Picasso is about to turn 20. Braque is 18, Dufy is 23, just as Vlaminck and Malevich is 22. Tatlin is 15 and Marcel Duchamp, the youngest, is 13. (...) In those first years of our century, Chagall paints in Vitebsk his first painting: three years later he is in Paris where Picasso finishes his *Les Demoiselles d'Avignon*. The year after, Archipenko, coming from Moscow, is moving

⁶ Bacon and Sandle, 150.

⁷ Bacon and Mark Sandle, 155.

to Paris and Marinetti writes the first futurist manifesto. (...) After the rush of the first years of our century, a few men are settled in France, in Russia, spread in Europe: the awareness of their work is pulling the century forwards. It is the sign of great beginnings.”⁸

The French and Soviet curators claimed that the first exchanges between French and Russian vanguards were mainly due to Russian art merchants and patrons. Sergei Diaghilev, creator of the Russian Ballets and famous Russian art critic, presented his ballets in Paris and presented the Parisian artistic life to some young Russian painters. Leon Bakst, Alexandr Benois, Nikolai Roehrich, Konstantin Korovin and Natalia Goncharova took part in this experiment. Going back to Russia, Diaghilev brought back samples of the French symbolist movement called “Art nouveau”.

Apart from Diaghilev, Russian art merchants played a crucial role in the exchanges between French and Russian artists, too. To name only the two most famous ones, Ivan Morozov and Sergei Shchukin had a tremendous collection of French paintings. This incredible passion for French artists led them to own more than three hundred and fifty French paintings, from Monet to Picasso. In 1911 Matisse made the paintings *La Danse* and *La Musique* especially for Shchukin’s house in Moscow. Russian artists became attracted by Paris. They immigrated to the French capital and created there an “École Russe”. Exhibits were frequently organized between the two capitals, and Matisse, Picasso, Gleizes, Léger, Le Fauconnier, Derain, Vlaminck and Gris met and bonded with Malevich, Kandinsky, Larionov, Popova, Lentulov, Mashkov, Kontchalovski and Falk.

At that time, papers were published that contributed to the expansion of cultural and artistic links between Paris and Moscow. Nikolai Riabushinsky, a famous Russian art merchant and collector, launched the newspaper *La Toison d’Or* (*The Golden Fleece*), published both in French and Russian. It had a striking influence on the French and Russian vanguards between 1906 and 1910. These artistic exchanges were not

⁸ Centre Pompidou ed., *Paris—Moscou, 1900–1930, arts plastiques, arts appliqués et objets utilitaires, architecture, urbanisme, agitprop, affiche, théâtre-ballet, littérature, musique, cinéma, photo créative* (Paris: Gallimard, 1991), 21.

always peaceful as quickly appearing new groups often opposed to each other. It was the time of manifestos. Groups such as *The Jack of Diamonds* and *Donkey's Tail* were the major examples of the creation of Russian vanguard movements.

By 1913, the Russian vanguard had assimilated and surpassed the French avant-garde. Artists such as M. Larionov, N. Goncharova, V. Tatlin and K. Malevich explored rayonism and suprematism. The exchanges increased between the “École Russe” in Paris and the Vasiliëff Academy, and A. Archipenko, M. Chagall, Ch. Soutine, L. Survage, M. Larionov, O. Zadkine and B. Livshitz met Parisian artists in Montmartre and La Ruche. The exchanges were interrupted in 1914 when World War One stopped all forms of artistic contact between the two capitals. The content of the exhibit proves that the USSR played a major role in the reinforcement of Modern Art in Europe at the beginning of the 20th century that was recognized by the Soviet Regime for the first time in 1979.

It is also important that the content of the exhibition and the works of art on display attributed an important role to revolutionary art. The exhibition was divided into two distinctive parts. The first part dealt with the period from 1900 to 1917 and the second part – from 1917 to 1930. The fracture was represented by the October Revolution. The central place between those two parts was a rotunda with Tatlin's Tower and agit-prop posters, plates, clothes and photographs. The works of art displayed in this section highlighted the cultural, social and political hopes of the first years of the Soviet regime. Those works of art were the symbol of the Communist utopia. The Soviet vanguards devoted all forms of art to the building of a new society. They decorated trains, buildings, bridges, monuments, boats and windows with revolutionary and propaganda art. They used windows of empty shops to display propaganda posters (the Rosta windows). Their works of art reflected the enthusiasm of the artists, not knowing yet the censorship and the political strictness of the 1930's. The exhibition tended to lower the importance of Lenin and Stalin and emphasize the role played by people. The Soviet and French curators insisted on the utopia diffused during the first years of the Soviet regime.

Conclusion

It should be kept in mind that, even if the exhibition *Paris-Moscow* represented a turning point in the cultural history of the Soviet regime, both curatorial teams had to face various issues of Soviet ideology. Indeed, during the one-and-half year preparation, the French team had to negotiate and “trade” over some of the major paintings of the exhibition. A written report of a meeting in November 1978 recounted that the list of works of art chosen by the Soviet team for the second part of the exhibition (1917–1930) was composed of 80% socialist realist paintings and less than 20% abstract paintings.⁹ Most of the avant-garde paintings had long been considered too “decadent” or “bourgeois”.

The problems, triggered by the omnipresence of Soviet ideology, also occurred when it came to the content of the texts to be printed in the catalogue or the texts on artists to be displayed. Some names could not be mentioned, even if they were highly important when describing Soviet History. A. Gide and L. Trotsky seemed to be the hottest ones: Trotsky – for well-known reasons, and André Gide – because he made a cutting criticism of the USSR in the thirties and forties.

Moreover, some aspects of Soviet history had to remain untold. For the individuals acquainted with the political, economic and social conditions in the USSR under Lenin and Stalin, the exhibit was full of omissions. Indeed, at the beginning of the 20th century, Russia experienced huge changes simultaneously marked by progress and creative and artistic novelties but also harsh events. The civil war in 1918, the famine in 1921, the economic crisis in 1922, the political strictness of Lenin, the rising of the Soviet dictatorship, the creation of the Gulag, and the arrival of Stalin darkened Russian history between 1900 and 1930. All this was neglected in the exhibit. The exile of Kandinsky, the suicide of Mayakovski caused by the Soviet regime, the imprisonment of Malevich and the names of many important artists were not mentioned. So were M. Bakhtin’s and A. Akhmatova’s imprisonments, V. Meyerhold’s murder by KGB affiliates, and B. Arvatov’s and P. Tretriakov’ ending up in the Gulag.

⁹ Archives du Centre Pompidou, Archives de l’exposition *Paris–Moscou, 1900–193*, CARTON 92022/116, Notes, PV, réunions, Compte-rendu de la réunion de travail du Mardi 21 novembre et mercredi 22, 1978 pour la section Arts plastiques.

But even though they had to face such a high number of issues, the correspondences found in the archives shed light on the compromises constantly made by the two teams. Those compromises stress the idea that the Soviet team ended up to accept the display of Malevitch, Kandinsky, Tatlin, Rodchenko, Maiakovsky, Picasso, Matisse and Chagall. When the exhibit was displayed in Moscow in 1981, the Soviet public could see these paintings for the first time since 1930, when they had been hidden in museum cellars. This is a clear sign that this exhibition was a turning point in the history of Soviet and European art.

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПРИРОДА КАРНАВАЛА

ОРШОЙА КИШ

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
kocsonya24@gmail.com

ABSTRACT: In my presentation I analyze the possible connections between Russian literary postmodernism and Mihail Bakhtin's Theory of Carnavalesque. I try to answer the question whether Bakhtin's carnival could be a premise of the postmodern Russian literature.

KEYWORDS: Contemporary literature, postmodernism, Mihail Bakhtin, carnivalesque, polyphony

В данной работе мы постараемся доказать, что «карнавализация», то есть средневековый западноевропейский карнавал, описанный Бахтиным, имеет постмодернистскую природу. Для этого сначала придется уточнить, что мы подразумеваем под термином «постмодернизм». Далее будут рассмотрены слагаемые карнавального действия и карнавального мироощущения, описанные и проанализированные Бахтиным, в которых мы постараемся обнаружить постмодерное начало.

Что такое постмодернизм? Современные исследователи трактуют постмодернизм как искусство, замешанное на эклектике и проникнутое духом философского скептицизма и релятивизма.

Действительно, термин «постмодернизм» возник несколько десятилетий назад в статьях Лесли Фидлера («Пересекайте границы, засыпайте рвы») ¹ и Чарльза Дженкса («Взлет архитектуры постмодернизма») ² прежде всего для акцентирования эклектики, свойственной новой культуре. У Фидлера речь шла о преодолении современной литературой (использовался материал произведений

¹ Фидлер Л., «Пересекайте границы, засыпайте рвы», в *Современная западная культурология: самоубийство дискурса*. (М., 1993).

² Jencks Ch., «The rise of Post-Modern architecture», *Architecture Association Quarterly* 7, 1975.

Джона Барта и Бориса Виана) характерного для высокого модернизма снобистского отношения к масскульту. Во многом аналогичным образом Дженкс, анализируя тенденции, присущие новейшей архитектуре, писал о принципе двойного кодирования – т.е. об апелляции автора текста одновременно и к искусственным ценителям, и к массовому человеку. Итак, в эстетическом плане постмодернизм являет собою прежде всего легитимацию эклектики, прежде считавшейся в искусстве изъядом, дурным тоном.

Разумеется, такие черты постмодернизма, как философский релятивизм и эклектика, являются взаимосвязанными. Постмодернизм начинается с разрушения так называемого иерархического миропонимания, основанного на системе бинарных оппозиций, в рамках которой добро противопоставляется злу, красота – безобразию, прогресс – регрессу, победа – поражению и т.д. В системе постмодернистских координат нет и не может быть никакой единой и абсолютной истины, поскольку существует великое множество равновеликих точек зрения.

Решая вопрос о культурно-исторических предпосылках и корнях постмодернизма, следует помнить, что во все времена, на всех этапах человеческой истории существовали индивиды с релятивистским и скептическим складом ума, склонные подвергать сомнению любые постулаты, верования и концепты. Эти люди, занимаясь художественным творчеством, создавали тексты, в которых мы сегодня без труда обнаруживаем постмодернистские черты и свойства. Особенность современной ситуации состоит в том, что релятивизм и эклектика, находившиеся прежде на периферии и являвшиеся достоянием сравнительно немногих личностей, сделались доминирующим фактором. Некоторые современные исследователи в своих работах³ пытаются, рассматривая различные произведения искусства XX века, проследить процесс формирования постмодернистской формообразующей идеологии. Такой подход представляется не слишком плодотворным. Постмодернизм существенно отличается от основных течений, направлений и школ в культуре XX века. Дело в том, что представители символизма или авангарда хорошо

³ Например, Шапир М., "Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм," *Philologica*, т. 2, no. 3/4 (1995): 136–143.

сознавали свою принадлежность к определенным эстетическим и философским парадигмам, суть которых раскрывалась ими в многочисленных манифестах. С постмодерном дело обстоит совершенно иначе. Трудно назвать хотя бы одного крупного писателя, который бы позиционировал себя в качестве постмодерниста.

Еще сравнительно недавно господствовала точка зрения, согласно которой между отечественной классикой и постмодерном нет и не может быть ничего общего. Сторонники этой версии исходили из того, что главным атрибутивным признаком русского реализма XIX века является морализаторский монологизм – пресловутый «указующий перст»⁴. Однако на сегодняшний день представляется более убедительной принципиально иная трактовка русской классической прозы, развернутая в работах таких исследователей, как В. Маркович, В. Шмид и др.⁵ Эти ученые в ходе анализа произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого обнаруживают отнюдь не проповедническую одноидейность, но полифонию и диалогизм. Особого внимания в этой связи заслуживает исследованный В. Шмидом на материале романа Достоевского «Братья Карамазовы» феномен осцилляции – так называются зафиксированные в художественном тексте невольные колебания автора между противоположными друг другу мировоззренческими полюсами. Как подчеркивает Шмид, вопреки сознательной целевой установке писателя-идеолога, вместо монологического развенчания социализма и атеизма, в романе Достоевского возникли «противоустановка» и «противосмысл».⁶ И подобные колебания, метания между pro и contra составляют основу смысловой структуры подавляющего большинства произведений русской литературы 19 века.⁷

В этом плане особый интерес представляет вопрос о постмодернистских чертах и свойствах, которые без труда обнаруживает такое оригинальное явление, как описанный в бахтинских трудах 1930 –

⁴ Беневоленская Н., *Русский литературный постмодернизм: психоидеологические основы, генезис, эстетика. Дис. на соиск. уч. степени доктора филол. наук.* (СПб., 2010), 8.

⁵ Например, Шмид В., *Проза как поэзия.* (СПб.: Инапресс, 1998).

⁶ Шмид, *Проза как поэзия*, 189.

⁷ Беневоленская, *Русский литературный постмодернизм*, 11.

1960-х гг. средневековый западноевропейский карнавал. В трактовке Бахтина карнавал предстает ритуалом, основанным на разрушении иерархического мировоззрения и отрицании всех возможных бинарных оппозиций. Так, в ходе карнавального действия происходит совмещение «священного с профанным, высокого с низким, великого с ничтожным, мудрого с глупым и т.п.»⁸. «Ведущим карнавальным действием является шутовское увенчание и последующее развенчание карнавального короля»⁹, причем «увенчание-развенчание – двуединый амбивалентный обряд»¹⁰: «Сквозь увенчание с самого начала просвечивает развенчание. И таковы все карнавальные символы: они всегда включают в себя перспективу отрицания (смерти) или наоборот. Рождение чревато смертью, смерть – новым рождением»¹¹. Бахтин особенно выделял ключевую роль, которую в карнавальном культуре играл образ беременной смерти. Нельзя не согласиться, что этот образ имеет всецело постмодерную природу.

Каким же образом в карнавальном действе возникли черты и свойства постмодернистской культуры, которая сформировалась не ранее середины XX века?

Здесь, очевидно, следует подчеркнуть, что перед нами не столько эмпирическая реальность средневекового карнавального обряда, сколько специфическая бахтинская ее рецепция. Бахтин трактует карнавальное мироощущение и карнавальное действие через призму собственного опыта и своей ментальности.

В специальной литературе о постмодернизме часто можно столкнуться с такими терминами Бахтина как диалогизм или полифония, но карнавализация упоминается редко. Исключение здесь является американский теоретик постмодернизма Ихаб Хассан, который в своей работе «Еще раз. Постмодерн»¹² перечислил черты, присущие постмодернистскому искусству, отметив, что все еще не берется дать точное определение этого феномена. Для характеристики по-

⁸ Бахтин М., *Проблемы поэтики Достоевского*. (М.: Художественная литература, 1972), 209.

⁹ Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, 210.

¹⁰ Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, 211.

¹¹ Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, 211.

¹² Hassan I. "Postmoderne heute", in: *Wege aus der Moderne. Schlüsseltexte der Postmoderne-Diskussion*, edited by W. Welsch. (Berlin, IN: Akademie Verlag, 1994), 47–56.

стмодерна он использует термин «карнавализация», имеет в виду «радостную релятивность» вещей и событий, «перспективизм», участие в «сумасшедшей чересполосице жизни», «имманентность смеха» и т.д. С этим тесно связана категория равного «участия в игре», «представлении» авторов и читателей, слушателей.¹³

Из русских исследователей этой темой занимается Н. Беневоленская, которая в своей книге «Русский литературный постмодернизм. Истоки и предпосылки»¹⁴ считает карнавал одной из предпосылок постмодернизма. Мы постараемся развить ее идеи и доказать, что карнавал имеет постмодернистскую природу. Таким образом, карнавал может служить связующим звеном между отечественным постмодернизмом и романом XIX века (к которым относятся романы Достоевского, которые являются основой теории карнавализации).

В бахтинских работах о карнавале важную роль играет мениппея - это жанр, который основан на карнавальном мироощущении. По нашему мнению, этот жанр имеет много общего с постмодернизмом. Для мениппеи характерно широкое использование разных жанров: новелл, писем, ораторских речей, симпозионов и др. Это близко к постмодернистскому понятию интертекстуальности, точнее к понятию транстекстуальности, описанного Ж. Женеттом.

По мнению Бахтина в мениппее впервые появляется и то, что можно назвать морально-психологическим экспериментированием. «Сновидения, мечты, безумие разрушают эпическую и трагическую целостность человека и его судьбы: в нем раскрываются возможности иного человека и иной жизни, он утрачивает свою завершенность и однозначность, он перестает совпадать с самим собой»¹⁵. Это очень похоже на психоаналитические рассуждения Зигмунда Фрейда, а его принято считать одним из предвестников постмодернизма. Фрейд превзошел модернизм, создав новое представление о человеке. В модернизме одним из самых важных принципов считается «*cogito, ergo sum*» (я мыслю, следовательно, я есть) Рене Де-

¹³ Дианова В., *Постмодернистская философия искусства: Истоки и современность*. (СПб.: Петрополис, 1999), 191–211.

¹⁴ Беневоленская, *Русский литературный постмодернизм*.

¹⁵ Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, 68.

карта, который он выдвинул как первичную достоверность, истину, в которой невозможно усомниться. А в концепции психоанализа Фрейд разрушил целостность образа человека – в представлении Фрейда, структура личности состоит из трех составляющих: Оно (бессознательное), Я (сознание), Сверх-Я (неосознаваемые моральные требования). Он считает, что не сознание, а бессознательное управляет поведением человека.¹⁶

Стоит отметить, что в эпиграфе к роману «Голубое сало» писатель Владимир Сорокин, являющийся, по общему мнению, одним из самых ярких представителей отечественного литературного постмодернизма использует цитаты из Франсуа Рабле и Фридриха Ницше: именно произведения Рабле являются основными в теории карнавализации Бахтина, а Ницше, как известно, сумел превзойти модернизм и, таким образом, явился предвестником постмодернизма. Артур Крокер охарактеризовал его как «одновременно предел и возможность постмодернистского состояния»¹⁷. Ницше являет собой неприятие любой метафизической концепции: «Сознание отсутствия всякой ценности было достигнуто, когда стало ясным, что ни понятием «цели», ни понятием «единства», ни понятием «истины» не может быть истолкован общий характер бытия»¹⁸. На этом основываются его концепты «переоценки всех ценностей», «смерти Бога», «вечного возвращения». «Вечное возвращение» особенно близко к «беременной смерти» Бахтина, то есть к вечному движению от смерти к рождению.

Также можно связать карнавал с понятиями Ганса-Георга Гадамера «игра» и «праздник». Игра у него обозначает совместное действие, в котором участвуют все. «Подобное определение игрового действия в то же время означает, что игра всегда требует участия в ней. Даже зритель, наблюдающий за ребенком, играющим в мяч, не может не участвовать в ней, а если он действительно «участвует», то это не что иное, как *participatio*, внутреннее участие в этом по-

¹⁶ Фрейд З., *Психоанализ и русская мысль*. (М.: Республика, 1994), <http://filosbank.narod.ru/Fails/Knigi/Htm/Freid.htm>

¹⁷ Цурина И., *Социально-политический контекст философии постмодернизма*. (М.: ИНИОН РАН, 1994), 8.

¹⁸ Ницше Ф., *Воля к власти*. (М.: REFL-book, 1994), 40.

вторящемся движении. В случае высших форм игры это часто проявляется весьма наглядно: стоит, например, внимательно понаблюдать за зрителями теннисного матча, передаваемого по телевидению. Это полная поглощенность. Никто не остается равнодушным».¹⁹ Помимо этого у Гадамера мы можем обнаружить в чем-то подобный термин «праздник». «Если и есть что-то, связанное со всей совокупностью ощущения праздника, так это то, что в празднике невозможно уединение. Праздник – это общность и репрезентация общности в ее законченной форме. Праздник – всегда для всех».²⁰

Это весьма похоже на определенные аспекты карнавала. Карнавал не делает разделения на исполнителей и зрителей. Во время карнавала ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальная. Карнавал не имеет пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по законам карнавальная свободы.²¹

В работе Жан-Франсуа Лиотара «Состояние постмодерна» постмодернизм характеризуется эрозией веры в «великие метаповествования».²² По мнению Лиотара конец «великих метанарративов» открывает возможность преодоления ситуации иерархичности, характерной для модерна. Он считает невозможным и бесполезным пытаться устанавливать какой-либо иерархический порядок, какие-либо системы приоритетов – в познании, культуре, жизни. Это можно приблизить к тому аспекту карнавала, что он отрицает все формы иерархий: «В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов».²³

Из всего этого следует, что в бахтинской трактовке карнавала совсем несложно обнаружить постмодерное начало. Карнавал оказывается тесно связан с некоторыми понятиями предвестников

¹⁹ Гадамер Г.-Г., *Актуальность прекрасного*. (М.: Искусство, 1991), 266–323.

²⁰ Гадамер, *Актуальность прекрасного*, 266–323.

²¹ Бахтин М. М., *Литературно-критические статьи* (М.: Художественная литература, 1986), 298.

²² Лиотар Ж.-Ф., *Состояние постмодерна* (СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998).

²³ Бахтин М., *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. (М.: Художественная литература, 1990), 10.

постмодернизма, такими как «вечное возвращение» у Ницше или психоанализ Фрейда. Ко всему прочему, в постмодернистском дискурсе существует много понятий, которые уже можно было обнаружить в описании карнавала у Бахтина (хоть и немного в ином изложении). Такими являются, например, «конец метарассказов» Лиотара, «игра» и «праздник» Гадамера или «транстекстуальность» Женетта. В итоге, можно сказать, что карнавал имеет очевидный постмодернистский характер.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ МОЛОДЫХ РОССИЯН

Ланских А. В.

кандидат филологических наук

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

anna_lanskih@mail.ru

ABSTRACT: The aim of the present research is to discover the reflection of moral postulates in a communicative behavior of young Russian people. As the material for the study, the author uses data acquired during the educational work and by decoding spontaneous speech of participants in reality shows.

KEYWORDS: Коммуникативное поведение, поведенческие стереотипы, ценности, молодые россияне

В последние десятилетия в России произошли кардинальные изменения в политической сфере, экономической и социальной структурах. Это повлекло за собой значительные трансформации идеологических и культурных ориентиров, а также перемены в языковой картине мира и коммуникативном поведении российских граждан.

Результаты данных процессов наиболее отчетливо прослеживаются на примере молодежи – юношей и девушек, рожденных и воспитанных в постперестроечный период; тех, чье сознание является зеркалом актуальной социокультурной действительности.

Мы ставим перед собой цель исследовать воплощение некоторых мировоззренческих и поведенческих стереотипных установок, традиционных для русской культуры, в коммуникативном поведении молодых россиян. Под национальными стереотипами (стереотипными установками) в рамках данной статьи мы понимаем «однотипные для людей одной и той же культуры реакции на ситуации в форме чувств и состояний», «поведенческие особенности, типичные и наиболее характерные для людей, принадлежащих

к данной культуре».¹ В речевом поведении через стереотипные реакции воплощаются «прескрипции», предписания по осуществлению коммуникативного процесса.² Наше внимание привлекают, во-первых, процессы трансформации прескрипций, во-вторых, факты конфликта прескрипций, принадлежащих различным ценностным системам, функционирующим в молодежной среде, – традиционной, имеющей корни в православии, и индивидуалистической, личностно-ориентированной, сформировавшейся в стране после падения железного занавеса. Под ценностями понимаются «социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением».³ Ценности «априори оцениваются этническим коллективом как нечто хорошее и правильное».⁴

В связи с регламентом мы ограничимся рассмотрением двух национальных стереотипных установок. Первая из них диктует особую подачу эго-темы в речи; вторая формирует определенное отношение к материальному в традиционной русской культуре.

Материалом исследования в рамках представленной статьи послужили данные, полученные автором в результате учебной работы с молодыми людьми (старшеклассниками и студентами), а также расшифровки видеозаписей российских реалити-шоу, участниками которых – представителями молодежи – проигрываются типовые коммуникативные ситуации.

Методология исследования базируется на коммуникативно-прагматическом и лингвокультурологическом подходах.

¹ Лебедева Н. В., “Русский национальный характер,” *Трибуна русской мысли* (№ 1 2002). Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.cisdf.org/TRM/TRM1/Lebedeva.html>).

² Стернин И. А., “О национальном коммуникативном сознании,” *Лингвистический вестник* (Выпуск 4). (Ижевск, 2002). Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02.htm>).

³ Стернин И. А., “Общение и культура,” в *Русская разговорная речь как явление городской культуры*. (Екатеринбург, 1996).

⁴ Прохоров Ю. Е., Стернин И.А. *Русские: коммуникативное поведение*. (М., 2006).

Индивидуальное vs. коллективное

Традиционно одобряемой основой речевого взаимодействия россиян является скромность говорящего. Для российской культуры нехарактерны активная или агрессивная самоподача личности в общении, поощряется элиминация «я-темы», что отражает типичную для русских склонность к коллективизму (в угоду индивидуализму), «соборности».

Однако новейшее время диктует противоположные правила поведения: в ряду ключевых ценностей для молодежи оказывается типичная для западной культуры категория успеха, для достижения которого нужно уметь быть «пробивным», раскрепощенным, с легкостью рассказывать окружающим о своих успехах. Именно такие умения, по задумке организаторов, должны демонстрировать в ходе трансляций участники реалити-шоу – жанра телевизионных программ, появившихся на российском телевидении в 2001 году. Тем не менее, в речевом поведении игроков мы неоднократно отмечаем факты сосуществования новой, основанной на категории успеха, аксиологической системы и традиционных ценностей. Показательным является материал реалити-шоу «Большой брат» (2005 г.).

Каждому участнику передачи необходимо было рассказать о себе, но при этом ему нужно было показать, почему он лучше других участников, почему именно он достоин главного приза. Самопрезентация участников осуществлялась в двух вариантах: а) подготовленный заранее и смонтированный видеоролик; б) выступление перед другими участниками. По нашим наблюдениям, жанр самопрезентации в различных ситуативных контекстах отчетливо модифицировался: рассказ о своих достоинствах в видеоролике сменялся рассказом о себе. Ср.:

Галина Иванова (видеоролик): Я обожаю командовать! Именно подчиняться – это не мое. Мне нравится победа, мне нужна игра. Чтобы человек менялся, менялся так, как мне надо. Ох, люблю я во всем издеваться! Каждая девушка должна быть по-своему стервой.

→ (Перед другими участниками): Зовут меня Галя, фамилия Иванова, легко выговариваемая. Живу я в городе-герое Волгограде,

учусь в Волгоградском социально-педагогическом колледже на учителя начальных классов. Все.

Мы наблюдаем, как раскованное любование своей «стервозностью» и «командирским нравом» подменяется примитивными речевыми шаблонами (Зовут меня Галя, фамилия Иванова; город-герой Волгоград), маркирующими нежелание выделяться, быть оригинальной. По сути, Галя ограничивается минимальными «паспортными» данными.

Одна и та же информация в разных контекстах приобретает различное смысловое наполнение. Например:

Дмитрий Задорожный (видеоролик): Жил-жил, не тужил, путешествовал по Великой матушке России, занимался коммерческой деятельностью, в общем, жил счастливо и получал удовольствие.

→ (Перед другими участниками): ...На данный момент – коммерческий директор организации, никому неизвестной, только мне и моему компаньону.

Имидж удачливого и уверенного в себе молодого человека размывает «снижающее» масштаб коммерческой деятельности пояснение.

Эффект оригинальности в ситуации, связанной с преподнесением себя перед другими участниками, оказывается невостребованным. Например:

Ванесса Ли (видеоролик): Я непостоянна, как стрелка спидометра.

→ (Перед другими участниками): Меня зовут Ванесса Ли. Я с города Хабаровска. Не работаю, отучилась уже.

Симптоматична лексическая единица «отучилась» вместо «окончила учебное заведение», а также предложно-падежная конструкция «Я с города Хабаровска». Складывается впечатление некоторой наигранности с целью продемонстрировать позицию «я простая, обычная девушка, ничем не примечательна, живу как все».

Обладающие большей коммуникативной компетентностью участники, например бывший сотрудник радиостанции Дмитрий Задорожный, компенсируют нежелательное в контексте русского этноса самовосхваление этикетными элементами: «Ну, в общем, жизнь полна всяческих неожиданностей и удовольствий, поэтому,

я думаю, мы все еще раз познакомимся, и будет интересно». Тактика «ближний круг» (мы все еще раз познакомимся) контрастирует с самоуверенными заявлениями, которыми участники заканчивали подготовленные заранее видеоролики, например: «Я выиграю в шоу, можете не сомневаться!».

Тактики игроков в ситуации непосредственного знакомства этикетны: самопредставление предполагает налаживание эмоционально положительного контакта с речевыми партнерами. Важным является создание доброжелательной атмосферы, построение кооперативного общения, основанного на мы-позиции. Именно поэтому эготема в высказываниях говорящих, несмотря на ее необходимость в тексте-самопредставлении, оказывается редуцированной, свернутой практически до минимума, в речевом поведении игроков разрабатывается образ обычного, ничем не выделяющегося, «простого человека». Внимание к аудитории, стремление наладить положительный эмоциональный контакт подтверждают тактики понижения собственного статуса – самоирония и шутивное замечание.

Подготовленные тексты-представления в видеороликах выглядят стилистически обработанными, включают в себя более пространное развитие эготемы, содержат этическую провокацию, поскольку оперируют неоднозначно или отрицательно оцениваемыми в русской коммуникативной культуре и этике амбивалентными качествами. Под давлением заимствованной индивидуалистической идеи шоу наблюдается деформация культурного сценария самопредставления в сторону саморекламы и эпатажа национально-культурной традиции, расцениваемого носителями русской культуры как иностранный поведенческий акцент и вызывающего у них интуитивный внутренний протест, осуждение, эмоциональное отторжение.

Аналогичные факты фиксируются нами в текстах-«визитках» студентов и школьников (возраст коммуникантов от 16 до 20 лет). Устная подготовленная самопрезентация – первое публичное выступление обучающихся по курсу «Практическая риторика» – оказывается для молодых людей весьма непростым заданием. Показательно, что многие говорящие открыто или имплицитно апеллируют к традиционным ценностям. Прочитируем отдельные тексты.

«Моя самопрезентация будет основана на том, почему я не хочу и считаю крайне бесполезным писать самопрезентации. Пару лет назад

я пришла к православию, которое проповедует борьбу со страстями. Самые страшные из них – это тщеславие и гордость. А такие вещи, как самопрезентации, безусловно, развивают эти страсти» (Полина Н., 17 лет).

«Самопрезентация. Для меня это слово сразу ассоциируется с саморекламой. Саморекламу я не люблю, я не умею выставлять себя напоказ и не хочу уметь» (Варвара А., 17 лет)

«Когда я услышала задание, я долго думала над ним, но так и не решила, что написать. Говорить о своих достижениях и о том, что ты любишь, чем увлекаешься? Каждый любит себя, но это совсем необязательно всем рассказывать» (Татьяна Ц., 17 лет)

В текстах-«визитках» студентов и школьников прослеживается стремление к редуцированию эго-темы. Одна из тактик – самоуменьшение, весьма типичная поведенческая реакция в контексте православия, традиционной религии россиян, например:

«Очень трудно рассказывать о себе, так как обо мне лучше расскажут мои родные люди. Но я все же постараюсь. Я схожу с ума от мысли, что мне скоро восемнадцать лет. Ведь по сути: что я успела за свои семнадцать с лишним? Люди уже горы сворачивают в этом возрасте: снимаются в фильмах, пишут стихи, делают успехи в спорте. А я – что же? У меня нет особых талантов: я не наделена прекрасным голосом, чтобы стать певицей, я не умею рисовать, танцевать и прочее... я обычный человек» (Елизавета М., 17 лет).

Распространенными тактиками в ситуации самопредставления оказываются самоирония, например:

«Алексей Викторович воспитывается в теплом семейном кругу. Об этом можно судить по фразам его родственников: так, например, бабушка называет его Лёничком, папа – тунейдцем, а мама – любимым сыном» (Алексей Н., 18 лет).

В последнем фрагменте показательным является отказ говорящего от изложения в первом лице, что косвенно свидетельствует о стремлении избежать коммуникативного дискомфорта.

Отметим различные варианты замены повествовательного фокуса, когда самопрезентация предстает как комментирование любимых цитат, описание своей комнаты, рассказ о семье или друзьях, например:

«Получив данное задание, я долго думала о том, как можно пред-

ставить саму себя и, в конце концов, решила, что лучше всего будет сделать это через описание моих отношений с семьей и друзьями» (Александра Д, 17 лет).

Итак, речевой материал демонстрирует продуктивность традиционных поведенческих сценариев самопредставления в коммуникативном поведении молодых россиян. Но насколько осознанными с позиции самих говорящих являются наблюдаемые процессы? Этот вопрос является открытым.

Духовное vs. материальное

«Человек не должен стремиться заработать много денег – об этом стыдно мечтать и тем более говорить. Нельзя декларировать стремление к прибыли» – так характеризуют национальный менталитет ученые.⁵ Очевидно, что сегодня эта презумпция подверглась трансформации в связи с тем, что в постперестроечное время массовое распространение получила идеология потребления; в последнее десятилетие она значительно укрепилась за счет доступности кредитов. Что касается молодежи, для большинства юношей и девушек деньги сегодня являются средством, чтобы чувствовать себя более уверенным и защищенным. Именно от денег, по мнению молодых людей, зависит успешное поступление в вуз, успешная карьера, возможность реализовать в жизни («Ценностные установки молодежи Красноярского края»).

В то же время нельзя однозначно говорить о приоритете материального над духовным в сознании молодых россиян. Свидетельством этому могут быть примеры из учебной работы со школьниками и студентами. Так, когда преподаватель предлагает написать эссе или выступить с речью на актуальную тему, обучающиеся нередко рассуждают о таких явлениях, как потребительская психология, брак по расчету, построение карьеры в угоду семье и подобным, при этом большинство (около 80% учащихся) оценивают явления, подобные перечисленным, отрицательно. Например, в тексте Дарьи Ч. (19 лет) читаем: «Зачем же тратить свое ценное время на погоню за день-

⁵ Прохоров, Стернин, *Русские: коммуникативное поведение*.

гами, когда вокруг столько прекрасных вещей? Не стоит деньгами заменять радость отношений, счастье от утра в лесу, от прогулки под звездами, от бега под дождем». Обратим внимание, что студентка строит текст на противопоставлении материальных и духовных ценностей, причем последние рисуются ею более объемными и позитивными.

Обратимся к речевому взаимодействию участников реалити-шоу. Показательным в свете анализируемой темы является полилог участников реалити-шоу «За стеклом» Макса, Марго, Дэна и Жанны.

Ситуативный контекст: участники проекта «За стеклом» (Макс, Марго, Дэн, Жанна) обсуждают голосование, которое произошло в субботу. Жанна выставила свой голос на интернет-аукционе, он был продан за 5 тыс. долларов. Остальные участники, предварительно договорившись, проголосовали против пятого игрока – Анатолия. Но на голосовании Дэн неожиданно стал выяснять, сколько может стоить его голос. Поэтому Макс и Марго считают, что таким образом Дэн проявил себя как предатель, нарушивший предварительную договоренность.

ДЭН: Жанна/ у тебя 5000 гринов!

МАРГО: Мы здесь на них не проживем точно/ потому что Жанна будет сама распоряжаться своими деньгами!

ЖАННА: Вы знаете/ я рада/ что продала свой голос/ я рада/ что я ни за кого против не проголосовала// у меня душа спокойна/ я спокойна// и при этом плюс/ я заработала деньги!!! Я теперь могу смотреть в лицо своей матери! Душой/ непродажной! (уходит, оборачивается) Просто вы сидите и говорите про деньги!

МАКС (кричит): А ты про что [че] сейчас [шас] говорила! Тоже/ про деньги! Что [че] ты сама себе противоречишь/ малыш! Ты рада / что ты заработала деньги/ все рады!

ПАУЗА.

МАКС (чеканя каждое слово): Знаешь? что я тебе скажу? по поводу твоих денег? Оставь их / пожалуйста/ при себе!!! Однозначно! (Нервно вертит в руках бутылку)

Обсуждение темы денег, табуированной в рамках традиционной культуры, становится источником конфликта в диалоге. Репликой,

явившейся стимулом к обсуждению данной темы, становится высказывание Дэна, характеризующееся тональностью радости, восторга; конфликтным потенциалом данная реплика не обладает: ее тактический смысл – выражение радости и предложение новой темы. Но реплика-реакция Марго характеризует ситуацию общения как предконфликтную. В первую очередь об этом говорит несогласованность интенций: Марго не только не поддерживает тональность восторженности, которая содержалась в реплике Дэна, но и пытается «осадить» Дэна, указывая на беспочвенность его радости. Стратегия Марго реализуется не только на уровне общего рационально-рассудочного смысла фразы, но и за счет контраста: в отличие от эмоционального возгласа Дэна, реплика Марго имеет форму сложноподчиненного предложения с придаточным причины, отличается подчеркнутой синтаксической правильностью, не вполне характерной для разговорного. Высказывание Марго, выражающее реакцию неприятия вводимой темы, становится коммуникативным маркером конфликтности ситуации.

Затем к диалогу подключается Жанна. Ее небольшой монолог отличается эгоцентрической модальностью, что проявляется в гипертрофировании «я»-темы. Так, местоимение я в рамках данного текстового фрагмента фиксируется 6 раз (+ используется форма у меня). При этом Жанной подчеркиваются свои морально-этические достоинства: «у меня непроданная душа». В данном высказывании и содержится заложенное национальной культурой предписание: «Нельзя ставить материальное выше духовного, деньги – это совсем не главное». Кроме того, анализируя этот фрагмент диалога, можно заметить следующую закономерность, характерную для конфликтного общения: «свое» говорящий считает правильным и достойным подражания (позитивная оценка) в отличие от «чужого» (негативная оценка); «чужое» порицается Жанной через осуждающую реплику Вы же думаете только о деньгах. Говорящий ставит себя в положение превосходства по отношению к остальным участникам коммуникации; предконфликтная ситуация на данном этапе диалога переходит в конфликтную, что подтверждается последующей предельно импульсивной репликой Макса.

Анализ дискурса участников реалити-шоу показал, что практически любой диалог, темой которого являлись деньги, личная при-

быль, неизменно становился конфликтным. На наш взгляд, этот факт, наряду с другими приведенными данными, свидетельствует о деструктивном столкновении в сознании современных молодых людей двух аксиологических систем – традиционной, обусловленной национальным менталитетом, и нехарактерной для русского этноса материально-центрической.

Вывод

Исследуемый речевой материал демонстрирует продуктивность некоторых традиционных поведенческих сценариев в коммуникативном поведении молодых россиян. Так, например, в ситуации самопрезентации молодые россияне стремятся к редуцированию эго-темы. В то же время такие ценности, как терпимость, взаимное уважение, бескорыстие часто оказываются деактуализированными. В молодежном дискурсе прослеживается столкновение традиционных этических предписаний и современных моделей поведения, основанных на конкуренции, погоне за материальными благами, эгоцентризме.

Авторы/AUTHORS

- **Бакшт, Дмитрий Алексеевич**
Ассистент
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Кафедра отечественной истории, Красноярск, Россия
- **Бессуднов, Даниил Александрович**
Студент V. курса
Липецкий государственный педагогический университет, Липецк, Россия
- **Благодетелева, Елизавета Дмитриевна**
Старший научный сотрудник
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Лаборатория социально-исторических исследований, Москва, Россия
- **Богданов, Андрей Альбертович**
Научный сотрудник
Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, Санкт-Петербург, Россия
- **Болдырев, Роман Владимирович**
Студент V. курса
Липецкий государственный педагогический университет, Кафедра всеобщей истории, Липецк, Россия
- **Бондарик, Есения Вадимовна**
Магистрант политических наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Кафедра теории и анализа политики, Москва, Россия
- **Бородина, Елена Васильевна**
Доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина Екатеринбург, Россия
- **Буткова, Ольга Владимировна**
Научный сотрудник
Государственный институт искусствознания, Отдел социологии искусства, Москва, Россия
- **Гайдук, Владислава Леонидовна**
Магистрант
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Кафедра социальной истории, Москва, Россия
- **Ермакова, Ольга Константиновна**
Научный сотрудник

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

• **Гельвих, Александр Викторович**

Магистрант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

• **Гильминтинов, Роман Радиевич**

Магистрант

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

• **Калашникова, Ангелина Анатольевна**

Аспирант

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Факультет истории, Санкт-Петербург, Россия

• **Киселев, Михаил Александрович**

Доцент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

• **Клейтман, Александр Леонидович**

Доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Волгоградский филиал, Кафедра истории и теории политики, Волгоград, Россия

• **Кончева, Анфиса Витальевна**

Магистрант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Кафедра культурологии и социально-культурной деятельности, Екатеринбург, Россия

• **Кончакова, Елизавета Михайловна**

Студент V курса

Липецкий государственный педагогический университет, Кафедра всеобщей истории, Липецк, Россия

• **Круглов, Владимир Николаевич**

Младший научный сотрудник

Институт российской истории Российской академии наук, Центр изучения новейшей истории России и политологии, Москва, Россия

• **Ланских, Анна Владимировна**

Доцент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Кафедра русского языка, Екатеринбург, Россия

• **Лазарев, Яков Анатольевич**

Старший преподаватель

Уральская государственная архитектурно-художественная академия, Кафедра социальных наук; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

• **Лихацкий, Андрей Андреевич**

Магистрант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет истории, Кафедра истории идей и методологии исторической науки, Москва, Россия

• **Мартыненко, Владимир Леонидович**

Преподаватель

Харьковский торгово-экономический колледж Киевского национального торгово-экономического университета, Харьков, Украина

• **Михеев, Михаил Викторович**

Аспирант

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

• **Мороз, Оксана Владимировна**

Старший преподаватель

Российский государственный гуманитарный университет, Кафедра истории и теории культуры; приглашенный исследователь Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте, Москва, Россия

• **Охотников, Даниил Игоревич**

Преподаватель

Российский экономический университет им. Плеханова, Кафедра иностранных языков; магистрант Российский государственный гуманитарный университет, Институт филологии и истории, Москва, Россия

• **Охотникова, Елена Васильевна**

Старший преподаватель

Московский педагогический государственный университет, Факультет славянских и западноевропейских языков и методики их преподавания; Аспирант – Российский государственный гуманитарный университет, Кафедра теории и истории культуры, Москва, Россия

• **Пыльцин, Юрий Сергеевич**

Магистрант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

• **Решетов, Антон Викторович**

Магистрант, аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Кафедра истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербург, Россия

- **Романюк, Татьяна Сергеевна**
Магистрант, лаборант-исследователь
Лаборатории эдичионной археографии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Кафедра истории России, Екатеринбург, Россия
- **Шишков, Василий Валерьевич**
Доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте, Кафедра государственной службы и кадровой политики, Москва, Россия
- **Шмелёва, Евгения Владимировна**
Аспирант
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
- **Смирнов, Евгений Николаевич**
Магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет, Кафедра истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербург, Россия
- **Смирнова, Мария Александровна**
Научный сотрудник
Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, Санкт-Петербург, Россия
- **Соколов, Сергей Васильевич**
Доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Кафедра истории России, Екатеринбург, Россия
- **Турченко, Михаил Сергеевич**
Студент
Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Факультет политических наук и социологии, Санкт-Петербург, Россия
- **Тихонов, Виталий Витальевич**
Старший научный сотрудник
Институт российской истории Российской академии наук, Центр «Историческая наука России», Москва, Россия

- **Szvák, Gyula**
Professor, Head of the Centre of Russian Studies
Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Budapest, Hungary

- **Cadioli, Giovanni**
PhD Student

St Antony's College, Faculty of History, University of Oxford, Oxford, United Kingdom

- **Cegelnyik, Natália**

MA Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Centre for Russian Studies, Budapest, Hungary

- **Everett, Rabekah**

PhD Student

University of Kent, Kent, United Kingdom

- **Fóris, Ákos**

MA Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, History of the 20th Century, Budapest, Hungary

- **Gaforowski, Dymitr**

PhD Student

Jagiellonian University, Faculty of International and Political Studies, Krakow, Poland

- **Gáspár, Roland**

MA Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Centre for Russian Studies, Budapest, Hungary

- **Ionita, Cosmin-Constantin**

PhD Student

University of Bucharest, Faculty of History, Bucharest, Romania

- **Jóni, Eszter**

PhD Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Doctoral School of History, Russian Studies Doctoral Program, Budapest, Hungary

- **Kis, Orsolya**

PhD Student

Saint Petersburg State University, Russian Literature Department, Saint Petersburg, Russia

- **Medzibrodzky Alexandra**

MA Student

Central European University, Budapest, Hungary

- **Mészáros, Zsófia**

MA Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Centre for Russian Studies, Budapest, Hungary

- **Morabito, Martina**

MA Student

University of Genoa, Department of English and Russian Languages and Literatures, Genoa, Italy

• **Nagy, Szilvia**

PhD Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Doctoral School of History, Russian Studies Doctoral Program, Budapest, Hungary

• **Péderi, Tamás**

MA Student

University of Pécs, Faculty of Humanities, Pécs, Hungary

• **Poupée, Mathilde**

MA Student

École Normale Supérieure de Paris, Master of Arts-History; Université Paris-Est Créteil, Master of Arts-History, Paris, France

• **Schrek, Katalin**

PhD Student

University of Debrecen, Faculty of Arts, Doctoral School of History and Ethnography, Debrecen, Hungary

• **Suhajda, Szabolcs**

PhD Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Doctoral School of History, Russian Studies Doctoral Program, Budapest, Hungary

• **Szaniszló, Orsolya**

PhD Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Doctoral School of History, Russian Studies Doctoral Program, Budapest, Hungary

• **Ur, Máté**

MA Student

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Centre for Russian Studies, Budapest, Hungary

• **Váradi, Katalin**

PhD Student

University of Debrecen, Faculty of Arts, Doctoral School of History and Ethnography, Debrecen, Hungary

RUSZISZTIKAI KÖNYVEK

- I. Zsidók Oroszországban 1900–1929
(*Szerk.: Krausz Tamás, Szilágyi Ákos, 1995*)
- II. Тамаш Краус: Советский термидор (1997)
- III. 1917 és ami utána következett. Előadások és tanulmányok az orosz forradalom történetéből (*Szerk.: Krausz Tamás, 1998*)
- IV. Русская литература между Востоком и Западом. Сборник статей (Ред.: Лена Силард, 1999)
- V. Место России и Европе / The Place of Russia in Europe (conference volume) (*Ed.: Gyula Szvák, 1999*)
- VI. Bebesi György: A Feketeszázak. Az orosz szélsőjobb kialakulása a századelőn (1999)
- VII. Andrej Szaharov: Az orosz történelem új terminológiája (2000)
- VIII. Szvák Gyula: IV. Iván és I. Péter utóélete (2001)
- IX. Место России в Евразии / The Place of Russia in Eurasia (conference volume) (*Ed.: Gyula Szvák, 2001*)
- X. Radnóti Klára: Európa Moszkóvia-képe a XV–XVI. században (2002)
- XI. Czéh Zoltán: A GULAG mint gazdasági jelenség (2003)
- XII. Peresztrojka és tulajdonáthelyezés.
Tanulmányok és dokumentumok a rendszerváltás történetéből a Szovjetunióban (1985–1991)
(*Szerk.: Krausz Tamás, Sz. Bíró Zoltán, 2003*)
- XIII. Московия: специфика развития / Muscovy: The Peculiarities of its Development (conference volume)
(*Ed.: Gyula Szvák, 2003*)
- XIV. Szili Sándor: Szibéria birtokbavételének koncepciói az orosz és a szovjet történetírásban (2005)
- XV. Halász Iván: A tábornokok diktatúrái – a diktatúrák tábornokai. Fehérgárdista rezsimek az oroszországi polgárháborúban 1917–1920 (2005)

- XVI. Новые направления и результаты в русистике /
New Directions and Results in Russistics (conference volume)
(Ed.: Gyula Szvák, 2005)
- XVII. Holokauszt: történelem és emlékezet /
Холокост: история и память (сборник конференции)
(Red.: Krausz Tamás, 2006)
- XVIII. Regionális iskolák orosz történelmi irodalomtudomány /
Regional Schools of Russian Historiography (conference
volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2007)
- XIX. С. Филиппов: Религиозная борьба и кризис
традиционализма в России XVII века (2007)
- XX. Varga Ilona: A központositástól az abszolutizmusig. Válogatott
tanulmányok az orosz állam fejlődéséről (2009)
- XXI. V. O. Kljucsevszkij: Az orosz történelem terminológiája (2009)
- XXII. Государство и нация в России и Центрально-восточной
Европе / State and Nation in Russia and Central-East-Europe
(conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2009)
- XXIII. Varga Éva Mária: Magyarok szovjet hadifogságban (1941–
1956) az oroszországi levéltári források tükrében (2009)
- XXIV. Gyimesi Zsuzsanna: Andrej Platonov prózája és Pavel Filonov
festészete (2010)
- XXV. Alekszandr Djukov: Holokauszt, kollaboráció, megtorlás
a Szovjetunió ukrán és balti területein (2011)
- XXVI. Gyóni Gábor: A történelmi Oroszország népei. Adattár (2011)
- XXVII. Роль государства в историческом развитии России /
The Role of the State in the Historical Development
of Russia (conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2011)
- XXVIII. Bótor Tímea: A tatár függéstől az önálló uralkodóig.
A Moszkvai Fejedelemség története a nagyfejedelmi
végrendeletek (1336–1462) tükrében (2011)
- XXIX. Forgács Iván: Filmtörténetek olvadása. Az 1950-es évek
második felének szovjet-orosz filmművészete (2011)
- XXX. Русистика Руслана Скрынникова
(Red.: Дюла Свак, Игорь Тюменцев, 2011)

- XXXI. Kriza Ágnes: A középkori orosz képvédő irodalom (2011)
- XXXII. Háború és nemzeti önismeret: 70 éve támadta meg a náci Németország a Szovjetuniót
(Szerk.: Bartha Eszter, Krausz Tamás, 2011)
- XXXIII. Krausz Tamás: Vitás kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében. Előadások, esszék és tanulmányok (2011)
- XXXIV. Bálint József: A Szovjetunió gazdasági kifosztása dokumentumokban elbeszélve (1941–1944) (2011)
- XXXV. Двенадцать имен России (Red.: Дюла Свак, 2012)
- XXXVI. Историк и мир – мир историка в России и Центрально-Восточной Европе / Historians and the World – the World of Historians in Russia and Central and Eastern Europe
(Ed.: Gyula Szvák, 2012)
- XXXVII. Szvák Gyula: Klió, a csalfa széptevő – Kvász Iván: Klió, a tanító (2012)
- XXXVIII. Дюла Свак: На службе у Клио и у власть предержащих (Этюды по россиеведению) (2014)
- XXXIX. Az antiszemitizmus történeti formái a cári birodalomban és a Szovjetunió területein
(Szerk.: Krausz Tamás, Barta Tamás, 2014)
- XL. A mi Ruszisztikánk. Tanulmányok a 20/25. évfordulóra
(Szerk.: Szvák Gyula, 2015)

Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда «Русский Мир», ректора Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт), декана Историко-филологического факультета Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт), и венгерского Фонда за русский язык и культуру в Венгрии.

This volume was partly sponsored by the “Russkiy Mir” Foundation, the Rector of the Eötvös Loránd University, the Dean of the Faculty of Humanities of the Eötvös Loránd University (Budapest), and the Hungarian Foundation for Russian Language and Culture in Hungary.

Тексты и примечания публикуются в авторской редакции. /

The submitting authors are responsible for their redacted texts and footnotes.

ISSN 1219-4905

ISBN 978-963-7730-98-6

Ответственный издатель • Published by:

Председатель Венгерского общества русистики (Будапешт) и руководитель Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша •

President of the Hungarian Association for Russian Studies and Head of the Centre for Russian Studies at the Eötvös Loránd University, Budapest

www.russtudies.hu

Ответственный редактор • Executive editor:

Zsuzsanna Gyimesi, Orsolya Szaniszló

Обложка и верстка • Cover and layout:

György Madarász

Отпечатано в • Printed by:

Komáromi Nyomda és Kiadó Kft., Komárom

Директор • Director:

János Ferenc Kovács